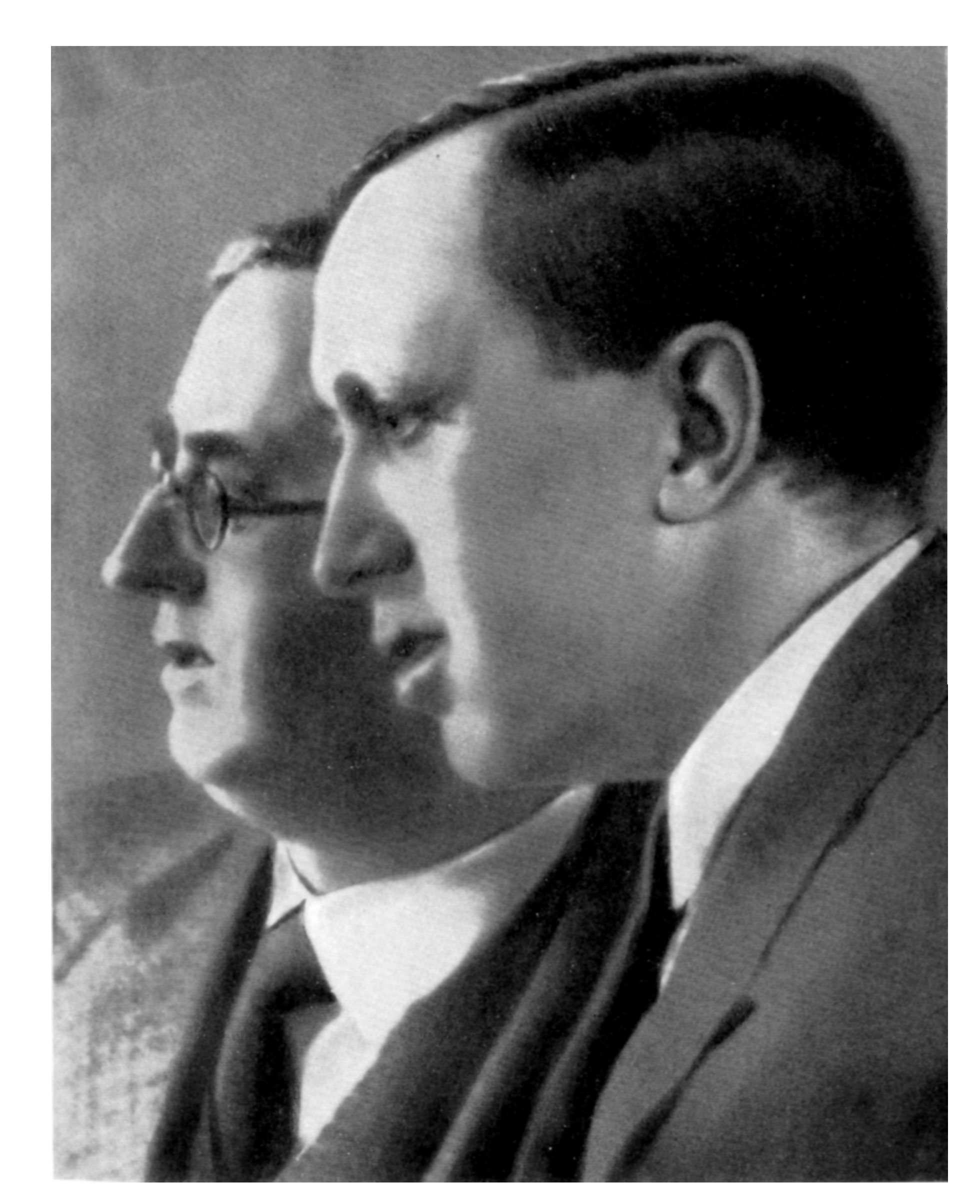
Карел Чапек



МОСКВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

Карел Чапек

Собрание сочинений
в семи томах

С иллюстрациями
Карела и Иозефа Чапеков

Москва «Художественная литература» 1976

Карел Чапек

Собрание сочинений

Том четвертый

Пьесы

Перевод с чешского

Москва «Художественная литература» 1976

И (Чехосл)
Ч 19

Комментарии
О. Малевича

Оформление художников
В. Шумилиной и Л. Рабичева

Чапек К.

Ч 19 Собрание сочинений. В 7-ми томах. С илл. Карела и Иозефа Чапеков. Т. 4. Пьесы. Пер. с чешск. Коммент. О. Малевича. М., «Худож. лит.», 1976.

608 с.

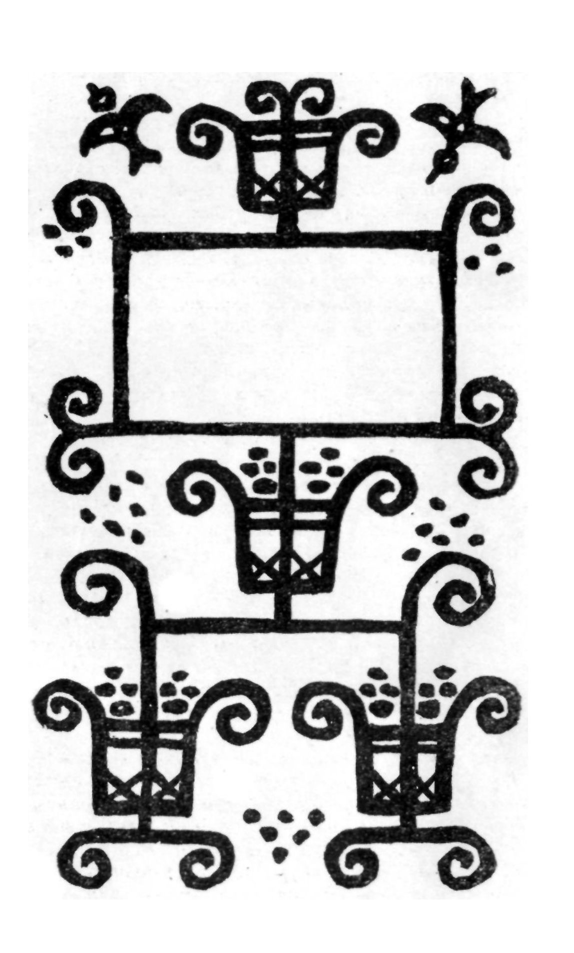
В четвертый том Собрания сочинений Карела Чапека вошли пьесы Карела Чапека, написанные только им и в соавторстве с братом Иозефом Чапеком. Большинство пьес неоднократно переводилось в Советском Союзе («RUB». «Белая болезнь»,«Мать» и др.); две пьесы («Любви игра роковая» и «Адам-творец») переводятся впервые.

Ч $\frac{70600\text{-}026}{028(01)\text{-}76}$ подписное **И (Чехосл)**

Ч $\frac{70304\text{-}026}{028(01)\text{-}76}$ подписное

Любви игра роковая

Перевод
Е. АНИКСТ



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пролог.
Жиль, или Пеппе Наппа.
Тривален.
Доктор Балоардо.
Скарамуш.
Бригелла, он же Фичетто.
Финочетто, или Дзанни.
Изабелла.
Зербина, ее тетя.

Время действия — наши дни. Место действия — сцена профессионального театра.

На сцене театральный пейзаж. На заднем плане, впрочем, пока затемненном, беседка для обеих женщин, сбоку — скамейка для актеров, не занятых в действии.

Соблаговолите представить себе костюмы отнюдь не исторические, их покрой современный, однако фасоны весьма необычны. Жиль носит широкий костюм из белого атласа с кружевами на груди и рукавах, лицо его густо напудрено, у него красивые нежные руки и короткие, курчавые, как у барашка, волосы, он декадент серафического толка, существо симпатичное, но не Пьерро. На Тривалене болеро из желтого атласа с широкими черными горизонтальными полосами, шелковый пояс, свободные белые штаны с черными генеральскими лампасами и черной каймой, американские ботинки и на груди пестрый пластрон, волосы жесткие, волнистые, как у быка между рогов, лицо кирпичного цвета, мощная атлетическая фигура; держится героем, весьма непринужденно. Костюм Бригеллы серый, а тонкую вертикальную полоску, длиннополый сюртук, черное пальтецо, лакированные туфли с узкими, как лисья морда, носами, по всему видно, что человек он двуличный; лицо желтое, лоб вытянутый и плоский, как у змеи, в целом он выглядит попроще остальных. Поскольку Бригелла придерживается сепаратистских взглядов, то предпочитает держаться в стороне, у стены просцениума. Что касается Пролога, то это обычный театральный директор, толстый, добродушный, одним словом, нечто среднее между обывателем и представителем богемы, что типично для провинциальных актеров. Доктор — весь в черном, как пастор, носит касторовую шляпу, воротник а-ля Палацкий и черную пелерину; он несколько комичен, как каждый моралист, не пользующийся авторитетом. Наконец Скарамуш, который в своем реформированном клоунском костюме в черную с белым клетку напоминает американского эксцентрика.

Что же касается дам, то платье Изабеллы с небольшим декольте, в меру короткое, украшено розовыми лентами и воланами (стиль танцкласса), в руке черная сумка, как у некоторых независимых девиц. У нее нежные, весьма невинные синие глаза и нежные, весьма греховные синие круги под ними. Играет она плохо, но хочет нравиться. Натура весьма примитивная.

Зербина выглядит как старая монахиня или сводница. Она состоит из воланов, рюшек, сборок и чепца с кружевами, почти совсем седая; костюм ее дополняют четки и ридикюль с *вязанием — начатый чулок.*

Пролог

Спешу представить публике почтенной
актеров и актрис, пока они
вам не представились игрой отменной.
Хоть я их представляю, но не смог
найти того, кто б вам меня представил.
Я, с разрешенья вашего, Пролог.
(Кланяется.)
А это, с позволения, актеры.
Я повторяю, что они актеры.
Помост у нас дощатый, посмотрите,
земли здесь настоящей нет, деревья
намалевали мы; красотка эта,
(похлопывает Изабеллу по щеке)
хоть и румяна, но лишь от румян,
а белизна от пудры. Повторяю,
мы без обмана, — это лишь актеры.
Мы вас не собираемся дурачить
и делать вид, как делают иные,
что мы не те, кто есть на самом деле.
Ни тот не скажет, что Антоний он,
ни этот: «Цезарь я», иль, может, Брут,
нет и Джульетты здесь, они не врут.
Не скажут, что тут дерево растет,
что дом не нарисован, а пейзаж
и вовсе настоящий.
Ах, господа, не стану я таить,
хотят актеры всем вам угодить.
Что пожелаете? Иль вам угодно
увидеть страсть на сцене, — это модно,
или измену, или преступленье,
что вызывает слезы и волненье?
Увидеть, как судьба людьми играет,
девичью честь, невинность искушает?
Иль показать смешные злоключенья
тех, чья беда не стоит огорченья?
Нам все равно. Но нынче мы сыграем
пред вами драму роковой любви.

Господ актеров попрошу поближе,
чтоб я вас мог представить. Перед вами
здесь Пеппе Наппа, по прозванью
Жиль.
Талант его лиризма преисполнен.
Он ночью родился под знаком Девы,
когда сошелся месяц серебристый
с мерцающей Венерой. Вот причина
того, что он застенчив, как девица.
Душою поэтичной он прекрасен,
любите же его.
Теперь, позвольте,
почтеннейшие господа, представить
вам Тривалена, это богатырь
эпический, страстей он бурных полон.
О дамы, вот мужчина настоящий,
взгляните на посадку головы.
Наш Тривален всегда готов на подвиг.
Классический герой!
Вот Скарамуш,
наш Скарамуш, талантливейший комик.
Скажу вам смело: это просто шут,
не маска, что порой скрывает грусть,
иль мудрость, иль тенденцию, иль святость.
Он не из тех, что за гроши играет.
Ведь настоящее искусство может
создать лишь настоящий мастер сцены.
Таков наш Скарамуш. Поверьте, стоит
он вашей благосклонности.
А это,
благожелательные зрители, смотрите,
вот Изабелла. Но не инженю,
не героиня и не интриганка,
а просто женщина, и только. В этом
вся роль ее. Вы можете спросить:
комична роль ее или трагична?
Не знаю, милые, ну, как когда,
зависит это все от сути пьесы,
однако прелести ее и чары
всегда любви достойны. Невозможно
ее не полюбить.
А вот Зербина,
она стара и тетка Изабеллы.

Давно уж вне игры.
Теперь представлю,
почтеннейшие, Доктора. Зовется
он Балоардо и весьма учен.
Диплом в руках, то есть ума палата.
Играл любовников сей муж когда-то,
потом шутов, но постарел, и ныне
он ходит в резонерах, изрекает
сентенции, морали, поучает.
В ансамбле он тенденции блюститель
и нравственности главный наш глашатай.

Знакомьтесь, вот Бригелла, иль
Фичетто,
иль Финочетто, а порою Дзанни.
Он интриган, но не судите строго,
на сцене зло подчас бывает нужно.
Сплетается с интригой страсть обычно,
как нити у искусного ткача,
что хитроумные плетет узоры,
которые судьбой мы называем.
Но Дзанни наш, поверьте мне, добряк.

Жиль *(возмущенно).* Он — добряк? Боже мой, не будь я так слаб, не будь я так застенчив, как утверждал здесь господии Пролог, я убил бы его!

Пролог. Но, добрый Жиль...

Жиль. Я не могу быть добрым. Прошу вас, дайте мне сказать хоть слово.

Пролог. Но, Жиль, вы же должны говорить стихами.

Жиль. Я не могу говорить стихами, и, пожалуйста, оставьте меня в покое.

Пролог. Ради бога, господин Жиль, перестаньте сводить личные счеты хотя бы перед публикой!

Жиль. Нет, именно пусть публика слышит, каков Бригелла, пусть составит свое мнение о Дзанни! Пусть знает о нем все, — и то, что Бригелла рисует и пишет порнографические вещи и продает их из-под полы, и то, что Фичетто чернит нас перед директором, и пусть узнает кое-что еще!

Пролог. Дорогой мой Жиль, ведь это же неправда. Перестаньте! Или хотя бы излейте свои жалобы в стихах, как вам и подобает.

Жиль. Не стану говорить стихами. Пусть публика знает, что Бригелла за вознаграждение водит к Зербине провинциалов, а Зербина знакомит их с Изабеллой!

Тривален *(с угрозой).* Это правда, Жиль?

Пролог. Неправда, господин Тривален. Как вы можете так дурно думать о Зербине?

Зербина *(ведет Изабеллу за руку).* Но, господа, ведь она еще дитя. Она так невинна, посмотрите, какая рослая девушка! Это я ее вырастила. Я, ее тетя.

Тривален. Вы ей не тетя, Зербина, и вообще вы лжете!

Зербина. Ради всего святого, господин Тривален, я правду говорю. Богом клянусь, Изабелла еще девица.

Бригелла. Да, да, девица! Кто не верит, пусть спросит у доктора.

Доктор *(растерянно).* Что вы говорите, Бригелла? Откуда мне знать?

Бригелла. Понятия не имею, доктор. Тогда пусть спросят у Скарамуша!

Скарамуш *(тоже растерянно).* Боже упаси, я ничего не знаю, спросите лучше у Бригеллы.

Бригелла. А я и знать ничего не хочу. Простите, что вмешался в ваши дела. Мне-то что до этого?

Пролог. Хватит, прекратите спор, лучше начинайте играть. Прошу!

Простите, господа, что спор пустейший
вас задержал, но мы сейчас начнем
как полагается. Мы вам покажем
волнующие сцены. В них столкнутся
противоречия: радости и горе,
добро и зло, реальность и мечта,
ворчанье доктора и смех шута. —
Все так, как в жизни. Будьте ж благосклонны«
И если что-то вас вздохнуть заставит,
исторгнет слезы или позабавит,
вот и награда лучшая для нас
за тот спектакль, что мы начнем сейчас.
(Кланяется и уходит.)

Все актеры, кроме Доктора и Скарамуша, отходят в глубь сцены,

Явление 1

На переднем плане Доктор и Скарамуш.

Доктор. Многоуважаемые зрители! Знатные дамы, именитые дворяне, достопочтенное духовенство и рачительные горожане! Как старейший актер труппы, приветствую вас здесь и разрешаю себе задать вам вопрос: зачем вы пришли сюда? Для развлечения? Боюсь, что вы не получите здесь такого удовольствия, как, скажем, у клетки с обезьянами. А может быть, вы пришли ради нашего искусства? Если наше исполнение будет совершенным, вы забудете, что мы актеры, и примете нас за реальных людей.

Итак, зачем же вы сюда пришли? Чего ради, собственно, мы перед вами играем? Да, для того, скажу я вам, чтобы вы получили здесь наставление, нравственно очистились, пережили катарсис, о котором, как вам, милостивые дамы, известно, говорил еще Аристотель. На ваших глазах развернется борьба возвышенного с низменным, добродетели с пороком, трагического с повседневным, вы будете сочувствовать добру, станете сострадать, а под конец обрадуетесь, видя торжество справедливости, чести и морали, как положено на сцене и в жизни. Еще раз — добро пожаловать к нам!

Скарамуш. Мы постараемся, чтобы время для вас пролетело незаметно, как положено на сцене и в жизни, дабы вам и в голову не пришло, что, пока вы тут сидите, ваши жены дома воспользуются случаем наставить вам рога, либо ваши мужья могут вас околпачить, или, скажем, служанки тем временем прочтут ваши письма, а в ваши квартиры вломятся воры. Может, сейчас убийцы лезут под ваши кровати. Вы хорошо все заперли? Вы твердо уверены, что ничего не оставили открытым? Лучше сходите домой и проверьте, а мы можем сыграть в следующий раз.

Доктор. Эй, Скарамуш!

Скарамуш. Сейчас, сейчас! *(Осматривается.)* Прекрасный театр! В таком нам играть еще не доводилось.

Доктор. Скарамуш!

Скарамуш. Сейчас. Избранная публика. Первоклассные зрители. Сколько их может быть?

Растерянный Доктор укоризненно смотрит на Скарамуша.

Красиво, очень красиво. У нас прекрасное место, доктор, отсюда так удобно смотреть на публику. Ах, если бы публика знала, как хорошо здесь, наверху...

Доктор. Эй, Скарамуш!

Скарамуш *(понимающе).* Здесь отлично, я доволен. Пойдем, что ли, доктор? Премного благодарен, весьма был рад познакомиться. *(Кланяется.)*

Доктор тоже, и оба отходят в глубь сцены. На передний план одновременно шеренгой выходят Жиль, Бригелла и Тривален.

Явление 2

Жиль, Тривален, Бригелла. На заднем плане Доктор и Скарамуш.

Бригелла. Дорогой Жиль...

Жиль. Я с вами не играю.

Бригелла. Тогда вы, дорогой Тривален...

Тривален. Оставьте меня, я с вами играть не стану.

Бригелла. Послушайте, господа, вы рассердились на меня за Изабеллу? Оба? За Изабеллу? Странно, что оба за Изабеллу.

Тривален. Бригелла, почему вы удивляетесь, что за Изабеллу?

Бригелла. Я удивляюсь, что вы оба, добрый Тривален.

Жиль. Почему вы удивляетесь, что оба, Бригелла?

Бригелла. Потому что за Изабеллу, дорогой мой. Но я хочу вам сообщить еще кое-что. Посмотрите, какие у Изабеллы роскошные ноги! Вам случалось видеть такие ноги, господа?

Скарамуш *(из глубины сцены).* С каких пор ноги Изабеллы стали новостью?

Бригелла. Но я пришел сюда совсем по другому поводу. Изабелла мне сказала, что отныне хотела бы, — как бы лучше выразиться, — хотела бы принадлежать только одному мужчине.

Тривален. Кому именно, Бригелла?

Бригелла. Не знаю, господа. Одному мужчине. Клянусь, не знаю кому, но хотел бы оказаться на его месте. Все же Изабелла исключительно красивая женщина.

Тривален. Почему же тогда Изабелла не принадлежит этому единственному мужчине?

Бригелла. Не знаю, господа. Очевидно, Зербина ей этого не позволяет, ибо хочет, чтобы каждый мужчина прежде всего тряхнул мошной. Зербина под проценты ссужает деньги, которые получает от господ за то, что водит их к Изабелле.

Жиль. Боже милостивый! Она сводница! *(Падает ниц.)*

Бригелла *(присаживается возле него на корточки).* Что с вами, Жиль? Может быть, доктору следует пустить вам кровь?

Тривален. Оставьте его, Бригелла, скорей всего у него приступ астмы. Так вы, Дзанни, говорите, что Изабелла хочет принадлежать одному-единственному мужчине?

Бригелла. Да, господин Тривален. Дорогой Жиль, что с вами? Кажется, вам плохо?

Жиль. Оставьте меня в покое! Ох, подлая баба!

Бригелла. Кто, Изабелла?

Жиль. Нет, Зербина. Изабелла ее жертва. Изабелла святая. Кто посмеет отрицать, что Изабелла святая?

Бригелла. Никто, господин Жиль. У Изабеллы прекрасный характер, все дело рук Зербины.

Жиль. Я не знал, откуда у нее деньги. Не знал, какою скорбью и позором они покрыты.

Бригелла. Поделом вам, не одалживайте деньги у женщин. Мне вас не жаль.

Тривален *(мрачно).* Значит, это все дело рук Зербины?

Жиль *(встает).* Прогоните Зербину из нашей труппы!

Бригелла. Сами мы не можем, дорогой Жиль. Лучше скажите ей, что директор выгонит ее. если она не перестанет нас срамить своим сводничеством. Директор мне так сказал.

Тривален. Скажите Зербине об этом, Жиль. Она наверняка струсит.

Бригелла. Идите, идите, милейший Жиль, не раздумывайте долго, идите сейчас же, не то Зербина тем временем поймает для Изабеллы какого-нибудь знатного господина из публики. Ступайте же!

Жиль покорно уходит.

Явление 3

Бригелла, Тривален.

Бригелла. А теперь, добрейший Тривален, я вам кое-что скажу: Изабелла хочет принадлежать де кому иному, как вам. Она сама открылась мне.

Тривален. Не ври, Дзанни, это неправда.

Бригелла. Честное слово, Тривален, она мне так сказала. Зачем мне врать? Мне от этого ни тепло, ни холодно.

Тривален. Передай Изабелле, мой добрый Дзанни, что я ее люблю.

Бригелла. Хорошо, обрадую ее. Она также просила вас расположить к себе старую Зербину.

Тривален. Но чем же я могу привлечь старую Зербину?

Бригелла. Не знаю. Может, следует сделать ей подарок. Зербина это любит.

Тривален. У меня нет денег, Бригелла.

Бригелла. Пустяки. Видите ли, я располагаю небольшой суммой, которую получил за свои литературные труды. Одолжить вам, а? Будем друзьями, Тривален. Я дам вам пятьсот из расчета тридцати процентов. Это не много, ведь Зербина берет больше. А вы только взгляните, как Изабелла улыбается!

Тривален. Мне кажется, вы слишком запрашиваете, Дзанни.

Бригелла. Что вы, Тривален, у вас же прекрасные перспективы. Героические характеры ныне у публики в чести. На следующий год вы наверняка получите ангажемент в постоянной труппе, не так ли?

Тривален. Вы правы, Бригелла.

Бригелла. Еще кое-что, Тривален. Жиль должен Зербине около четырех сотен. Ведь на шелковое белье и кружева никакого жалованья не хватит. А своими туалетами он хочет прельстить Изабеллу.

Тривален. А что Изабелла?

Бригелла. Ради бога, не будьте слепы. У кого есть глаза, тот видит многое, например, то, что Жиль сейчас ругается с Зербиной, что Зербина в ярости и требует у Жиля немедленно вернуть ей деньги, а он тут же обратится ко мне за помощью. Отказать ему не очень

удобно, разве только сослаться, что свои деньги я уже одолжил другому.

Тривален. Я все понял. Давайте деньги!

Бригелла. Пока только вексель, милый Тривален. Подпишите его, чтобы еще сегодня я мог показать его Жилю. А вот здесь доктор и Скарамуш поставят свои подписи в качестве поручителей. Если не ошибаюсь, у доктора водятся кое-какие деньжата, а у Скарамуша на родине есть домик. Ну, ступайте, деньги получите потом, а я тем временем разыграю с Жилем небольшую сценку. Идите, идите, да побыстрее, пока Жиль не вернулся!

Тривален уходит и уводит с собой Доктора и Скарамуша.

Явление 4

Бригелла один.

Бригелла *(записывает что-то в блокнот).* Как? Я должен играть один? Но мне нечего вам сказать. Если кто хочет со мной поговорить, пожалуйста, только с глазу на глаз. Не люблю болтать попусту.

Я здесь не для того, чтобы кого-то развлекать. Мне лично никто не нужен, я человек независимый. Извините, мне вам сказать нечего.

Входит Жиль, вид у него растерянный.

Явление 5

Бригелла, Жиль.

Жиль. Зербина сказала, что директор не может ее выгнать, потому что сам у нее в долгу. Боже мой! Где Тривален?

Бригелла. Пошел в нашу кассу. Что вам от него нужно?

Жиль. Ничего. Бригелла, между нами, одолжите мне пять сотен. Я должен некую сумму Зербине и теперь хочу швырнуть эти бесчестные деньги ей в лицо, дабы любовь моя к Изабелле не была осквернена позорными банкнотами.

Бригелла. Но у меня их нет, милый Жиль. Вы со своей деликатностью должны набраться терпенья.

Жиль. Бригелла, одолжите мне пять сотен! Зербина не дает отсрочки и требует вернуть долг до утра.

Бригелла. Да у меня за душой ни гроша, честное слово.

Жиль. Бригелла, я погиб. Где мне раздобыть деньги до утра?

Бригелла. Не знаю, мой дорогой. Подумайте.

Жиль. Дзанни, вы не понимаете, как я несчастен?

Бригелла. Понимаю. Но это пустяки. Милый Жиль, я знаю кое-что похуже. У Тривалена есть деньги, и он хочет жить с Изабеллой. Зербина, мол, ему это устроит.

Жиль *(испуганно).* Нет!

Бригелла. Вы же знаете, Зербина ради денег способна на все. Говорю вам, Тривален получит Изабеллу.

Жиль *(с отчаянием).* Нет!

Бригелла. Клянусь, дорогой Жиль, это правда. Уже сегодня вечером все решится.

Жиль *(с отчаянием).* Нет!

Бригелла. Тривален спешит из страха перед вами; ему кажется, что Изабелла больше расположена к вам, да оно так и есть.

Жиль. Бригелла, это верно?

Бригелла. Не знаю, дорогой Жиль, но неужели вы верите, что Изабелла может полюбить Тривалена? Эту скотину, эту грубую пошлую силу? Этого неотесанного и пошлого Тривалена?

Жиль. Ах!

Бригелла. Разве вы не знаете, Жиль, что женщину может пленить только душа? Женщина мечтает о поэте, Жиль. Она мечтает о лютне, о вдохновенном возлюбленном, о великой музыке чувств. Вы не знаете, что женщина любит поэта?

Жиль. Ах!

Бригелла. Разве вы не знаете, Жиль, что женщина хочет быть покоренной духом? Блесните мыслью, примите эффектные позы, ослепите поэтическим даром, Пеппе Наппа! Разве вы не знаете, что надо пленить женскую душу?

Жиль. Ах! Это правда?

Бригелла. Не знаю, мой милый, убедитесь в этом сами, ищите и обрящете и будьте счастливы. Изабелла, подойдите сюда, господин Жиль хочет поговорить с вами. *(К публике.)* Господин Жиль будет говорить с Изабеллой. *(Отступает в глубь сцены.)*

Изабелла подходит.

Явление 6

Изабелла, Жиль.

Изабелла

Ах, господии Жиль, я...

Жиль

Вы, вы тоже?
О, Изабелла, я как раз искал вас.
Я видел вещий сон, и вот он сбылся.
Прошу вас, посмотрите в ридикюль,
который на руке у вас, — не там ли
лежит мое измученное сердце?

Изабелла

Его там нет, прошу поверить, сударь.

Жиль

Не может быть, дитя мое. Прошу вас,
еще разок взгляните: там оно.

Изабелла

Да нет же, сударь, сами посмотрите.
Здесь только пудра и мои духи,
да носовой платок.

Жиль

О, ваш платочек!
Какая прелесть! Ах, прошу, позвольте
к лицу его прижать. А запах — чудо!
Что это?

Изабелла

Сударь, это мой платок.

Жиль

Нет, это не платок, а сад огромный.
Акация, цветы благоухают.
Луною все озарено. Дорожки
так дивно вьются. Все мечты рождает.
В саду чудес шагает Жиль с платком.
Он тоже освещен сияньем лунным.

Изабелла

Ах, что вы, сударь, что вы говорите!
Отдайте мой платок!

Жиль

Какой платок?
Красавицу я вижу у окна,
она вся в белом и во власти грезы,
мечтает о любви, о милом Жиле,
а Жиль на скрипке под окном играет.
Вот луч луны пал на платок, промокший
от слез любви...
Вчера мне сон приснился,
такой же сладкий, как дыханье девы.
И в этом сне я видел вас, о Белла!
Мне снилось, умирал я, но глубоко
ваш плач хрустальный в раны мне проник,
и вскрикнул я, раскрыв объятья: жив я,
не умер, коль меня ты любишь.
Нет,
я видел сон другой — и вновь о вас.
Мы в полночь ехали в карете старой.
Нас мчали рысаки лихие, Белла,
по древним городкам, по мостовой,
по улицам уснувших деревень,
сквозь длинные и тихие аллеи.
Луна светила, лаяли собаки,
а мы все мчались.
Нет, не так все было.
Мне снились только вы, лишь вас я видел...
А я поэтом стал известным, Белла.
Послушайте, я бесконечно счастлив!
Взгляните на меня и убедитесь:
я улыбаюсь вам.

Изабелла

О да.

Жиль

Я счастлив.

Бригелла

Пардон, я вынужден прервать вас,
но дело очень срочное, поверьте.
Не возражаете, надеюсь, Белла?
На пару слов, прошу вас, милый Жиль.

Изабелла, поклонившись публике, отступает в глубь сцены.

Явление 7

Жиль, Бригелла.

Бригелла. Извините, Жиль, но сейчас не до лирических изъяснений. Помните, дело идет о Изабелле.

Жиль

Ах, я ее люблю и так несчастен,
что слезы лью, и в то же время счастлив,
и радость светит из очей моих,
и вместе с тем готов заплакать с горя.

Бригелла. Бросьте, Жиль, я лирики не понимаю,

Жиль

Я говорю, что плачу от печали,
что счастлив вновь, что я ее люблю
и что несчастен я.

Бригелла. Хорошо, Жиль, об этом в другой раз. А сейчас последите, чтобы Тривален не получил, вернее, не купил вашу Изабеллу.

Жиль. Что мне делать, Бригелла?

Бригелла. Милый Пеппе, вы же не можете претендовать на Изабеллу. Не забывайте, что вы разорены и вообще не имеете средств к существованию.

Жиль. Но мои актерские перспективы...

Бригелла. Не обольщайтесь, милый Пеппе, они весьма убоги. Публике, говоря по правде, уже приелись лирические образы, и она хочет видеть на сцене пафос, активность, героизм и трагические характеры.

Жиль. А разве я не страдаю? Разве я недостаточно трагичен?

Бригелла. Но вы пассивны, дорогой Жиль; публика хочет видеть активных героев, динамические характеры. Подвиг, Жиль, на сцене требуется подвиг.

Жиль. Я хотел бы стать танцором.

Бригелла. Вы должны хотеть только Изабеллу, Жиль! Вы должны похитить ее во время этого представления.

Жиль. Похитить?

Бригелла. Будьте отважны, дорогой Жиль! Вы должны либо вернуть Зербине долг, либо похитить Изабеллу. Неужели вы собираетесь ждать до завтра?

Жиль. Похитить!

Бригелла. Жиль, из любви к Изабелле вы должны похитить ее. Во имя нравственности, Жиль! Освободите ее из-под власти сводницы. Увезите Изабеллу, Пеппе Наппа!

Жиль

(восторженно)

Поедем в полночь мы в карете старой.
Помчат нас рысаки лихие, Белла!

Бригелла. Конечно, так и будет. Похитьте Изабеллу, Жиль!

Жиль

По древним городкам, по мостовой,
по улицам уснувших деревень.
Луна там светит, и собаки лают.
И мы умчимся этой ночью лунной.
Мой дивный, сладкий сон, ты станешь явью.
Я счастлив вновь, Бригелла!

Бригелла. Отлично, Жиль, желаю удачи. Помните, ваша победа над Триваленом означает и торжество духа, лирики и пророческого вдохновенья над грубой силой.

Жиль. Бригелла, в душе я чувствую себя поэтом и знаю, что не умру бесследно.

Бригелла. И я так думаю, милый Пеппе! А кроме того, дорогой Жиль, похитив Изабеллу, вы обратите на себя внимание, станете героическим актером и сразу улучшите свое материальное положение.

Жиль. Я хотел бы стать героическим актером. Жалованье для меня не так уж важно.

Бригелла. Это тоже не пустяк. Итак, дерзайте, Жиль, дерзайте!

Жиль. Я посвящу во все Изабеллу.

Бригелла. Упаси бог; если хотите получать роли героев, вы должны ее похитить силой. А теперь ступайте и закажите старую карету и рысаков.

Жиль. О нет, так нельзя. Тривалену мой уход покажется подозрительным.

Бригелла. Значит, надо уйти незаметно, ну, скажем, под предлогом болезни. У вас ведь такая слабая конституция. Смотрите, Тривален уже возвращается!

Входят Тривален, Доктор и Скарамуш.

Явление 8

Жиль, Тривален, Бригелла, Доктор, Скарамуш, затем Зербина.

Тривален. Странный театр! Нигде невозможно найти ни пера, ни чернил.

Скарамуш. Хотел бы я знать, чем в таком случае директор делает купюры в пьесах?

Бригелла. Зубочисткой, Скарамуш. Боже мой, Жиль, что с вами? Вы побледнели.

Жиль

Спасите! Ужас! Боль меня схватила
и сердце сжала, не могу вздохнуть,
мне мало воздуха, я задыхаюсь,
прошу вас, помогите, ради бога!

Доктор
(приподнимая Жиля, показывает его публике)

Vitum cordis [1] недуг организма,
излишек страсти, танцев, онанизма.
Extracta recte rara [2] это лечит,
во всяком случае, не покалечит.

Доктор и Скарамуш уносят Жиля.

---

[1] Порок сердца (*лат.*).

[2] Экстракт чистой жидкости (*лат.*).

Явление 9

Тривален, Бригелла.

Тривален. Мне Жиль антипатичен, он такой хилый.

Бригелла *(берет из рук Тривалена вексель).* Он — хилый? Я вам кое-что скажу, Тривален: не позже, чем сегодня вечером, Жиль собирается... похитить Изабеллу.

Тривален. Что?

Бригелла. Я только говорю, что женщины непостоянны.

Тривален. Изабелла меня не любит?

Бригелла. Вздыхает по вас, мой дорогой. Пылает к вам жгучей страстью, обезумела от любви, жаждет вас. Но женщины не ведают, что творят, милейший мой, а Жиль может заворожить гладкой и льстивой речью. Разве он не покорял публику, которая освистывала вас за то, что вы выступали против него?

Тривален. А Изабелла?

Бригелла. Женщина непостоянна, мой дорогой. Но ее нельзя винить за это, ибо она нерешительна и слаба, заворожена от рождения.

Тривален. Изабелла любит Жиля?

Бригелла. Слабость, слабость! Я знаю только то, что Жиль любит Изабеллу.

Тривален. О, проклятье! А Изабелла любит его?

Бригелла. Наивный Тривален! Вы думаете, что Изабелла может всерьез увлечься Жилем, этим сахарным тростником, этим леденцом, сумасбродным красавчиком, накрашенным, как шлюха, и с абсолютно больным нутром?

Тривален. Нет!

Бригелла. Тоже мне артист! Этот эпилептик! Этот болтун, дурак, шут! Неужели вы думаете, что Изабелла может его полюбить?

Тривален. Изабелла? Нет!

Бригелла *(вкрадчиво).* Я не уверен в этом, милый Тривален. Я, например, не мог бы полюбить Жиля, но, скажем, вздумай он похитить Изабеллу, и она, несомненно, почувствует к нему какое-то уважение, а уважение — неплохой сват для любящего. Ведь похищение — это подвиг...

Тривален. Подвиг?

Бригелла. Да, мой дорогой. Женщина обожает такие вещи, как подвиг, отвага, насилие. Кроме того,

этим Жиль сразу превзойдет вас, а женщины любят победителей.

Тривален. Жиль превзойдет меня?

Бригелла. Женщина обожает это, Тривален. *(Рассуждает как бы про себя.)* Уж если женщина создана быть покоренной, то во всяком случае, она хочет быть покоренной сильной личностью. Милейший Тривален, таков закон природы: женщина любит героя, тут уж ничего не поделаешь.

Тривален. Ну, Жиль!

Бригелла. Вы что-то сказали?

Тривален. Жиль, горе тебе! Берегись!

Бригелла *(с воодушевлением).* Дорогой Тривален, как существо слабое, женщина преклоняется перед героизмом. Женщина, мой дорогой, обожает кровь на руках мужчины и, главное, хочет стать добычей. Добыча достанется победителю. А велика ли она? Я не говорю, что мала.

Тривален. Где Изабелла?

Бригелла. Кто? Добыча? Не знаю, кому она достанется. Скорей всего сладкоречивому красавчику, лирику, обольстителю, откуда мне знать. Мне-то все равно.

Тривален. Хватит, Бригелла! Где Изабелла?

Бригелла. Изабелла, барышня, подойдите сюда, господин Тривален хочет с вами поговорить!

Перед вами подлинный герой, о дамы,
наш Тривален всегда готов на подвиг.
(Отступает в глубь сцены.)

Явление 10

Изабелла, Тривален.

Изабелла

Ах, сударь, я...
(Раскланивается.)

Тривален
(кланяясь)

Поговорить нам надо.
Нет, нет, пожалуй, говорить не стану.
Ведь что такое речь? В устах лжеца
она лишь звук пустой. Без лишних слов
друг друга любящие понимают.

Нужны ль слова, что лишь во рту родятся?
Лукавая, пленительная ложь,
пустое красноречье. Берегитесь
соблазна скользких слов, они, как змеи,
опутают вас лестью. Пропадете,
как пташечка. Скажите, это честно?
Или достойно?

Изабелла

О, конечно, нет!

Тривален

Пусть лестью подслащает ложь другой,
прельщает напомаженною речью,
а я без хитрости скажу вам прямо:
я вас люблю, и я вас обожаю.

Изабелла

Я тоже, Тривален!

Тривален

Так, значит, любишь?
Меня?

Изабелла

О да!

Тривален

О, боже, я люблю
настолько, что... Ничтожны вы, слова!
Как слуги подлые, вы предаете.
Вы звук пустой и передать не в силах
все то, что рвется из души наружу.
Язык вас ищет, по зубам он шарит,
но вы так гладки, что поймать вас трудно,
не в силах я вас спутать языком,
чтоб все извергнуть. Слушай, Изабелла!
Я так тебя люблю, что сокрушу
все это здание, а крышу сброшу
на головы сидящих здесь господ.

Изабелла

О да!

Тривален
(целует ее)

Вся храбрость — дело ручек женских,
любовь нам придает большую силу,
и слабость женщины перерастает
в мужскую титаническую мощь.
О, дайте мне оружье! Я способен
разить и сокрушать, чтоб разрядить
энергию. О, дайте мне оружье!
Я жажду подвига. Одни вздыхают
в томлении любовном. Настоящий
мужчина действует. Оружье дайте!
Почтеннейшие зрители, любого,
кто пожелает, я зову сразиться
за эту женщину. Кому она
мила, кто ею обладать желает,
пускай выходит, место здесь готово;
кто силою помериться способен,
пускай выходит, я готов сразиться.

Бригелла

А Жиль?

Тривален

Ну, кто из публики желает
со мной сразиться ради Изабеллы?
Я вызываю третий раз!

Бригелла

А Жиль?

Тривален
(заключает Изабеллу в объятия)

Сегодня я силен, как никогда.
Мне силы придала твоя любовь.
(Целует Изабеллу.)

Бригелла

Наш Тривален, прошу заметить, дамы,
всегда способен на великий подвиг.

Тривален

Оружье дайте!

Бригелла

Вот кумир для женщин!
Да, именно таков наш Тривален!

Возвращаются Доктор и Скарамуш.

Явление 11

Тривален с Изабеллой, Доктор, Скарамуш.

Тривален
(как пьяный)

Ну, есть ли претендент на Изабеллу?
Пускай объявится.

Скарамуш

Я, Тривален.
Нет, нет, не я, а доктор Бурдалон,
вернее, Балоард, ученый пан,
и дипломирован сей шарлатан,
сей доктор Беролан, иль Бурдалон,
лечить умеет все, болезнь любую;
и деткам помогает Болерад,
точнее, Балоард. Он хочет Беллу —
нет, нет, не он, а я, он был бы рад
ее лечить. Однако мне сдается,
в его-то годы это аморально.

Доктор

Над старостью не смейся, — это грех.
Наказан будешь ты за этот смех.
Мальчишек злых, я в букваре читал,
за смех над стариком медведь сожрал.

Скарамуш

Наевшись до отвала, он признался:
обед отличный ныне мне достался,
мальчишками полакомился всласть,
а старца лысого не всунул в пасть, —
он несъедобен. В книге той мораль:
медведей истреблять совсем не жаль,
все старцы лысы, это так ужасно,
для маленьких детей сие опасно.

Тривален
(Изабелле)

Скажи мне: любишь?

Изабелла
(в его объятиях)

Да, люблю!

Целуются.

Доктор

Счастливцы!
На путь природа наставляет всех,
что от природы — это ведь не грех,
она дарит нам множество утех.

Скарамуш
(подходит к рампе)

О господа, прошу вас, не пугайтесь.
Без паники! Бывало хуже втрое:
погиб Содом, сгорела также Троя.
Но это в прошлом, а сейчас, увы,
пожар у нас в театре. Загорелась
над нами крыша, дым столбом, и пламя
уж лижет языком плафон над нами.
Прошу из зала выходить без спешки.
Пусть каждый даму на руки возьмет
и вынесет отсюда осторожно.
Таков ваш долг, и в нем для вас спасенье.
Надеюсь, вы учтете мое мненье!
(Кланяется и уходит, исполненный величия.)

Доктор

Куда ты, Скарамуш?

Скарамуш
(останавливается)

По маленьким делам!
На путь природа наставляет всех,
что от природы — это ведь не грех,
она дарит нам множество утех.

Доктор. Скарамуш! Есть вещи...

Скарамуш. Мне не нужно идти по-маленькому, доктор, я хочу лишь уйти в сторонку, чтобы оставить

этих двух наедине. Поэтому я и публику выставлял, однако у публики не хватает такта сходить по своим маленьким делишкам, хоть она и видит, что актеры на сцене любезничают. *(Уходит за кулисы и кричит оттуда.)* Публика ведет себя так, что ее нельзя пускать в театр. Я отказываюсь играть. *(Выходит из-за кулис, в левой руке у него большой чемодан, через плечо перекинут плед, под правой мышкой том «Отверженных» Гюго — его настольное чтение, в правой руке — кинжал.)*

Доктор. Куда ты, Скарамуш?

Скарамуш. Сами видите — в клозет. *(Возвращается.)* Забыл захватить с собой дневник. *(Быстро поворачивается на пятках и бежит к выходу, где сталкивается с Жилем.)* Жиль, быстро сыграй за меня! *(Убегает.)*

Жиль выходит вперед.

Явление 12

Жиль, Тривален, Бригелла, позади Доктор, позднее возвращается Скарамуш.

Жиль. Как, Тривален, это вы? Пустите девушку и немедленно скройтесь!

Тривален *(прижимает Изабеллу к себе).* Ого, Жиль, вы это серьезно?

Нет у меня причин бежать постыдно.
Сам я не вор, но воровством считаю,
когда коварно похищают деву,
на женской слабости играя; подло
обманом брать, а не бороться честно.
Как вам не стыдно, Жиль!

Бригелла

Скажи мне, Пеппе,
есть ли карета?

Жиль

Девушку пустите!
Иль вы ее купили? Как не стыдно!
Должны вы от позора покраснеть.

Любовь не покупают. Настоящий
мужчина борется. Торгаш ничтожный!
Вам быть не здесь, а лишь в партере можно.
Так будьте зрителем. А тут, на сцене,
лишь для актеров место. Здесь помост
для чувств и дел, трагедии достойных.
В открытую скажите, что за цену
вы предложили ей, каков аванс
и прочие условья?

Тривален отпускает Изабеллу и бросает к ногам Жиля кошелек. По звуку падения все понимают, что кошелек пуст,

Т р и в а л е н

Вот монеты!
Купи себе красивые чулочки,
тончайшие духи, а также пудру,
любые кремы, мыло, притиранья,
испанских мушек, все, чем проститутки
стараются привлечь к себе вниманье.
Ты им подобен. Ну, а Тривалену
прикрасы покупные не нужны.
Каков он есть, без платы завоюет
любовь. А ты презренный бабник!

Жиль

Бабник?

Т р и в а л е н

Да, да. Ступай в партер, поближе к дамам,
трись возле юбок шелковых, вертись,
заискивай, чаруй, болтай и шаркай.
Ступай же вниз и лебези пред ними.
Ты женщин обожаешь без разбора —
и тех, что здесь сидят, и первых встречных,
и даже тех, что ввек ты не увидишь,
ты любишь всех, и каждой покоришься —
и женщине, и девушке невинной,
перед которой взгляд мужской робеет
и опытность пасует. Всем ты рад.
Ступай! И ради глаз твоих прекрасных
они тебя готовы слушать. Ты же
им распиши, что Тривален по силе
подобен льву.

Жиль

Так в цирк ступай, силач.
Там место для тебя, и на арене
таскай любые штанги на себе,
но эту девушку не поднимай.

Тривален

По мне, пускай лежит. Лишь пустословы
способны женщин возносить и ставить
на пьедестал. Болтливые глупцы!
Из уст их ложь течет, она плодится,
подобно насекомым, и они
вам лезут в уши с приторным жужжаньем,
И девушки их слушают, как речи
не насекомых, а существ разумных.
Слова такие развращают души.
Удел иных боготворить и лгать,
стихи писать, вонять, бить в нос духами,
а я вот честен.

Бригелла

Дамы, Тривален
являет тип классического мужа.

Жиль

Боготворить и лгать, стихи писать,
да, что ты понимаешь в этом! Мозг твой,
как на оси скрипящей колесо,
вращается вокруг словца «иметь».
Иметь, владеть! Ни понимать не надо,
ни почитать, ни набожно стремиться
к чему-то высшему, — зачем все это?
Иметь и быть хозяином, руками
дотрагиваться до вещей и знать,
что «это все мое»! Не признавать
и беспощадно разрушать чужое!
Жена — такая ж собственность, как этот
осколок зеркала. Как все ужасно!

(Бросает зеркало на пол.)

Какая дичь владеть женой, как вещью,
и гордо говорить: «Мое все это!»
Произвести всем прелестям учет
и похваляться: «Все мое!» Глупец!

Что в ней твое? Да ровно ничего!
Ни отраженье в зеркале ее,
ни аромат волос, движений гибкость,
ни тайны женские, ни сновиденья —
ничто здесь не твое. Владеть женою!
Купи ее, но все ж она не станет
твоею никогда! Стократ купи,
и все ж она твоя ничуть не больше,
чем незнакомка, встреченная где-то
тобою в первый раз.
Эй, Тривален,
внизу твой мир, а здесь *(показывает ногой)* твои монеты.
Купи, что хочешь, но купи с умом!
Пластрон не носят нынче, он не в моде,
ты лучше галстучек себе купи.

Тривален. Ты змея!

Жиль. Ступай же покупать галстук!

Тривален. Жиль!

Жиль. Я что-то устал. Изабелла! Говорю, купи себе галстук! Изабелла!

Тривален. Ого!

Бросается на Жиля с кулаками, но Доктор и Скарамуш хватают его за руки и держат так всю последующую сцену.

Доктор

Благоразумны будьте, молодцы.
Послушайте, я вам гожусь в отцы, —
страстей не надо, страсти ослепляют,
так мудрый Цицерон нас наставляет.

Скарамуш. Жиль, подойди сюда и подержи-ка минутку Тривалена, пока я сыграю небольшую сценку.

Зербина. Они будут драться! Как вы думаете, будут они драться?

Явление 13

Жиль, Тривален, Бригелла, Изабелла. Бригелла выводит Изабеллу на первый план.

Тривален. Жиль!

Бригелла. Прекратите склоку, господа, она бесплодна. *(Приподымает юбку Изабеллы.)* Посмотрите-ка

лучше, господин Жиль, какие у Изабеллы роскошные ноги! Вы когда-нибудь видели такие туфельки?

Изабелла *(кланяется).* Ах, господин Жиль!

Жиль *(кланяется).* Ах, Изабелла!

Тривален *(кричит).* Уведите Изабеллу, Дзанни!

Бригелла *(поворачивает Изабеллу к Тривалену и еще выше поднимает ей юбку).* Посмотрите, дорогой Тривален, разве не прелесть? Какая грация!

Изабелла *(кланяется).* Ах, Тривален!

Тривален *(преклоняет колено).* Спасибо, Изабелла!

Жиль *(кричит).* Пустите ее, Бригелла!

Бригелла *(поворачивает Изабеллу к публике и задирает ей юбку еще выше).* Вам обоим хорошо видно, господа? Посмотрите, какая полнота, какая упругость, какая безупречная линия. *(Быстро опускает юбку.)* Дорогая Изабелла *(кланяется ей),* ваша роль на этом кончается.

Поклонившись публике, Изабелла уходит в глубь сцены.

Явление 14

Жиль, Тривален, Бригелла.

Тривален *(сдерживаясь).* Долго ты, Жиль, будешь пугать меня своей белой маской? Ступай с глаз моих, шут! Сердце мое подстрекает убить тебя!

Жиль. Ты убьешь меня из страха передо мной, ибо знаешь, что Изабеллу может покорить лишь дух. Ведь она мечтает о лютне, Тривален, о вдохновенном возлюбленном, о великой музыке чувств. Не ведомо тебе, что женщина грезит о поэте?

Тривален. Женщина непостоянна и прислушивается к краснобаям, но знай, Жиль, Изабелла любит героя. Изабелла любит подвиг, отвагу, насилье и кровь на руках мужчины. Помни, Жиль, женщина хочет быть добычей.

Жиль. Однако ты ее покупаешь! А что может быть позорнее? Фу, Тривален! *(Плюет под ноги Тривалену.)* Разве так поступает герой?

Т р и в а л е н *(плюет под ноги Жилю),* А разве лирики не бывают ворами? Есть ли бо́льшая подлость, чем обольстить женщину обманом, подобно вору? Ступай с глаз моих, трус! Ступай, уже ночь, твой месяц светит, иди красть цыплят, куница, тихоня! Ступай, да поживей! Разве я уже не Тривален?

Жиль. Ты не Тривален, ты слывешь Капитаном и Станторетто, ты именуешься Баскоглиезе или Джангурголо; всюду тебя называют по-своему и везде знают как пьяницу, шулера и хвастуна, который на всех углах кричит о своих подвигах, а на самом деле просто трусливый подлец, арестант и хам, которого вышвыривают из каждого трактира. Руки твои из жирной каши, сам ты опух от вина, внутренности твои раздулись, и ты совсем обессилел!

Т р и в а л е н. А ты, Марко Пеппе, шут, эпилептик, в голове у тебя хаос, ты крадешь стихи и цыплят и врешь на каждом слове, а стоит тебе смыть пудру с лица, и сразу станет видно, как ты поблек, шлюха! Зербина, где Изабелла? Ты совсем поблек, рыбьи твои глаза! Приведите Изабеллу, Зербина!

Жиль. Изабелла!

Т р и в а л е н. Изабелла будет моей!

Жиль. Тривален, клянусь своим талантом, своей лирой, своим сердцем *(кричит),* она будет моей!

Бригелла. Господа, разрешите дать совет. Ни один из вас, конечно, не уступит, в таком случае... *(вкрадчиво)* поделите Изабеллу между собой.

Т р и в а л е н. Мерзавец!

Бросает в Бригеллу перчаткой, Бригелла ловко уклоняется, и перчатка задевает Жиля.

Жиль *(мужественно).* Я принимаю вызов, Тривален!

Б р и г е л л а *(крадется в сторонку).* Что? Поединок?

Т р и в а л е н. Да, поединок! Оружие сюда, пистолеты, что угодно! *(Лицом к публике, торжественно.)* На ваших глазах нас с Жилем рассудит оружие.

Жиль. Сейчас вы увидите, как я буду драться с Триваленом.

Д о к т о р. Ради всего святого, Жиль, не делайте этого, ведь вы такой хилый; впрочем, как лирик, вы не связаны честью и можете отказаться от поединка.

Жиль *(уязвленно).* Почему все вы говорите, что я не способен к действию? Дайте мне оружие, и я одержу победу!

Доктор. Тривален, ради бога, тогда уступите вы; с Жилем здесь ничего не должно случиться. *(Отводит его в сторону.)* Ведь вам не к лицу драться с Жилем. Жиль никогда не был воякой.

Тривален *(поворачивается к нему спиной).* Изабелла будет моей!

Скарамуш. Жиль, откажись от дуэли, ведь ты не умеешь стрелять.

Жиль. Скарамуш, знай, Изабелла и любовь направят мою руку.

Доктор. Бросьте, Жиль, поединок совсем не в вашем духе, вы характер лирический, ваше дело писать стихи, грустить, страдать, но умирать здесь отнюдь не входит в вашу роль.

Жиль. Доктор, я хотел бы умереть за Изабеллу. Нет ничего прекраснее, чем умереть оплакиваемым возлюбленной. Ничего, доктор.

Доктор *(ломает руки).* Горе, горе, любовь — это рок!

Бригелла. ...и она сильна, как смерть!

Тривален *(поднимает руку).* Скарамуш, пистолеты.

Скарамуш нерешительно идет за пистолетами.

Явление 15

Жиль, Тривален, Бригелла, Доктор.

Доктор. Горе, горе! Уступите, Жиль, пока не поздно. Помиритесь с Триваленом!

Бригелла *(мрачно).* Так было суждено. Жиль, пора действовать.

Жиль *(окончательно решившись).* Буду драться. Может, мне больше не придется стоять здесь, но... *(опускает голову)* буду драться.

Да, господа, зовусь я Жиль, а также
как Грацио известен, сверх того
я Пеппо Наппа. Я родился ночью,

когда сошелся месяц серебристый
с мерцающей Венерою. Я лютня,
le pâle amant de la lune [1], стихи пою.
А лет мне двадцать шесть. Вы, господа,
моей игрой всегда довольны были.
Благодарю. Я вам давно известен,
и если мне придется умереть,
я больше не смогу играть и петь.
Не хочется, чтоб очень вы тужили,
но вспомните порой о бедном Жиле.

Тривален

Я Тривален, как вам известно, дамы.
Я днем родился, лет мне ровно тридцать;
прошел в спортивной школе тренировку,
там приобрел я силу и сноровку.
Играю я героев. Поглядите, —
хорош иль плох, вы сами рассудите,
но если смерть придет сюда за мной,
то Тривален погибнет, как герой.

Жиль
(вздыхает, ломает руки и тихо декламирует)

Да, господа, зовусь я Жиль, а также
как Грацио известен, сверх того
я Пеппе Наппа. Я родился ночью,
когда сошелся месяц серебристый
с мерцающей Венерою.
(Продолжает вполголоса декламировать.)

Бригелла

Напомню вам, зовут меня Бригелла.
Другие имена: Фичетто, Дзанни,
я по натуре интриган, увы,
без зла мы в пьесах обойтись не можем,
ну, а в реальной жизни и подавно!
Средь вас ведь тоже всякое бывает.
Друг друга мы поймем, скажу вам смело,
я интриган, зовут меня Бригелла.
(С поклоном отступает на задний план.)

---

[1] Бледный возлюбленный луны (*франц.*).

Явление 16

Те же и Скарамуш.

Скарамуш приносит пистолеты. Доктор осматривает их и заряжает. Скарамуш дважды отмеряет дистанцию в двенадцать шагов и отмечает ее мелом. В абсолютной тишине Доктор подает один пистолет Тривалену, другой — Жилю.

Скарамуш. Теперь каждый станьте на свое место спиной друг к другу, и как только я скомандую «три!», быстро поворачивайтесь и одновременно стреляйте. Оба одновременно, говорю.

Тривален. Хорошо, начнем!

Скарамуш *(с озабоченным видом).* Погоди, Жиль, гляди, как надо держать пистолет, а пальцы должны быть в таком положении, теперь нажми. Мужайся, Жиль, все будет хорошо!

Жиль. Я готов, Скарамуш!

Тривален. Начнем!

Жиль и Тривален становятся на указанные им места спиной друг к другу.

Скарамуш. Да храни тебя бог, Жиль! *(Дрожит.)* Раз!

Жиль. Погоди, Скарамуш! Где Изабелла?

Скарамуш. Стоит позади и глаз с тебя не сводит.

Жиль. Если я умру, дорогой Скарамуш, передай Изабелле, что я любил ее! Скажи, что нет большей любви, чем любовь того, кто погиб за нее.

Скарамуш *(растроганно).* Я передам ей, Жиль!

Жиль. Я еще не сказал ей про свою любовь. Передай Изабелле это лишь после моей смерти, Скарамуш, и скажи, что я умер за нее, что мои последние слова, моя последняя мысль была о ней, скажи, что я умер с ее именем на устах!

Скарамуш. Положись на меня, Жиль!

Тривален. Начнем!

Жиль

Вчера мне вещий сон приснился,
такой же сладкий, как дыханье девы.
И в этом сне я видел Изабеллу.
Я умер за нее, но так глубоко
плач нежный Беллы в раны мне проник,
что вскрикнул я, раскрыв объятья: «Жив я,
да, я не умер, коль меня ты любишь».

Скарамуш вздыхает.

Ты еще здесь, Скарамуш? Лучше скажи все это Изабелле сейчас. Передай, что я умираю за нее.

Скарамуш. Мне кажется, лучше сказать потом.

Жиль *(вздыхает).* Пусть потом. Доктор, если я погибну, откройте мою перламутровую шкатулку, которую я всегда вожу с собой, там лежат кое-какие рукописи. Издайте их в розовом атласном переплете, на гладкой веленевой бумаге и приложите мой портрет, гравюру Ватто. Не забудьте про гравюру!

Доктор *(растроган.).* Хорошо, дорогой Жиль, не беспокойтесь!

Тривален. Ну, может, хватит?

Жиль. Сейчас, сейчас. Доктор, обрез должен быть золотой. Помните про обрез!

Доктор. Хорошо, Жиль, я не забуду.

Жиль. Что я еще собирался сказать? Скарамуш, не хочешь ли носить мой костюм после меня? Мне кажется, он тебе пойдет.

Скарамуш. Спасибо тебе, добрый Жиль. Я буду его носить.

Жиль. На сцене?

Скарамуш. На сцене, Жиль.

Жиль *(поворачивается).* Мне хотелось бы в последний раз сыграть на скрипке.

Тривален. Не вертитесь!

Жиль *(послушно поворачивается).* Нельзя ли мне попрощаться с Изабеллой?

Доктор. Не надо, Жиль, пощадите ее чувства.

Жиль. Ах, да. Тогда хотя бы с Зербиной?

Тривален. Начнем!

Явление 17

Те же и Зербина, затем Бригелла.

Зербина *(выходит из-за кулис).* Послушайте, господа, не дело друг друга убивать. Господин Жиль должен мне кое-какие деньги; с кого же я их получу, если его убьют? Я не позволю убивать господина Жиля!

Жиль *(беспомощно).* Видите, я не могу драться.

Тривален *(кричит).* Убирайтесь отсюда, Зербина, иначе я буду стрелять в вас!

Зербина. Пресвятая богородица! Грабители, вы хотите обобрать бедную старуху!

Жиль. Зербина, я верну вам деньги в течение трех дней.

Зербина. Через три дня после смерти, да? Господин Тривален, я не позволю убивать господина Жиля! А может, вы оплатите его долг?

Бригелла *(стоя между кулис).* Зербина, ведь Жиль может передать вам право на издание своих рукописей и стихов.

Зербина *(с недоверием).* А вы считаете, что за них я что-нибудь выручу?

Бригелла. Издайте их мелким шрифтом на скверной бумаге, без переплета, как выпускают книжки для народа. Нынче прибыльны только такие издания. А кроме того, Жиль может завещать вам свое движимое имущество.

Зербина. Ну, его шелковое белье Изабелла могла бы перешить себе для приданого, а что делать с остальными вещами?

Бригелла. Продайте их! А что еще? Я сам купил бы кое-какие мелочи из его вещей, скажем, предметы старины и художественные безделушки; я хочу обставить квартиру. *(Уходит.)*

Зербина. Это все ерунда. Я хочу вернуть свои деньги и подам в суд на Жиля.

Жиль. Господи, что же мне делать?

Скарамуш *(самоотверженно).* Я человек не богатый, но все, что имею, принадлежит так же Жилю, как и мне. Я за него ручаюсь!

Доктор *(в благородном порыве, выпрямившись).* Нет Зербина, за него ручаюсь я!

Жиль. Ах! Я не могу этого принять.

Зербина. Но я принимаю, молодой человек, а ваше дело помалкивать! *(Отступает назад.)* Если пол будет в крови, поищите кого-нибудь мыть его, я для такой работы устарела. Кровь с полу трудно отмывается. Лучше всего посыпать пятна солью и смывать горячей водой. Раньше мне частенько приходилось этим заниматься, а сейчас я стара. *(Садится на скамью в глубине сцены.)* Ну, начнете вы наконец?

Бригелла *(из-за кулис).* Идите сюда, Зербина!

Явление 18

Те же без Зербины и Бригеллы.

Скарамуш. Жиль, можно уже считать?

Жиль. Погоди еще, Скарамуш. Я хочу пить. Дайте мне кто-нибудь воды с сахаром!

Тривален. Хватит! Скарамуш, считай!

Жиль. Сейчас, одну минутку! Что я еще хотел сказать, Скарамуш? Доктор, что я еще хотел сказать?

Скарамуш. Раз!

Жиль. Нет, погоди минутку! Могу я сказать несколько слов публике?

Скарамуш. Два!

Жиль. Нет, еще нет! Как жизнь прекрасна! Ах, Скарамуш...

Скарамуш. Три. *(Закрывает глаза.)*

Тривален быстро поворачивается и стреляет, Жиль, который забыл повернуться, ранен в спину и падает навзничь на руки Доктора.

Явление 19

Те же.

Доктор. Помогите, Жиль ранен! *(Медленно опускает Жиля на пол.)*

Скарамуш *(становится на колени и приподнимает Жиля)*. Доктор, что с ним? Спасите его, ради бога!

Доктор (*осматривает рану Жиля)*. Ах, боже мой! Милосердный боже! *(Слушает сердце Жиля.)*

Бригелла *(высовывает из-за кулис голову в дорожной кепке)*. Что-нибудь случилось?

Доктор *(стоя на коленях возле Жиля, слушает его сердце)*. Жиль умирает!

Бригелла скрывается.

Тривален
(стоя спиной к Жилю, закрывает лицо руками)

Как? Разве я не прав? Кто смеет
упрек мне бросить, обвинить меня?
Из-за одной какой-то жалкой жизни!
Он был настолько хил, что жить не мог!
Да разве не болел он непрестанно,
не мучился?

Жиль. Погасите свет, зачем вы направляете его на меня?

Доктор. Жиль, тебе чего-нибудь хочется?

Жиль. Мне хотелось бы лежать дома. А можно мне поклониться публике?

Доктор. Нет, дорогой Жиль, лучше не надо, лежите спокойно.

Жиль. Хорошо, я буду лежать очень тихо. Почему он стрелял мне в спину?

Скарамуш. Потому что ты не повернулся, Жиль.

Жиль. Ах, вот в чем дело. Скарамуш, на груди у меня платок Изабеллы. Дай его мне.

Скарамуш вынимает платок.

(Жиль беспокойно.) Почему он в крови? Ведь я ранен в спину, а не в грудь?

Доктор. Не говорите так много, Жиль, вы устанете.

Жиль

Нет, Изабелла, это не платок!
А сад огромный, расцвели в нем розы,
и белые и красные. Там Жиль
шагает по дорожке, он целует
платочек белый, нет, то не платок,
а дама в белом, ждет она любви...
А эти в белых платьях, кто такие?
Не женщины, а ангелы скорее.
Их много... триста... вот уж восемьсот,
и их все больше, больше...

Зербина *(стоит над ним).* Боже мой, какой красивый, бедный молодой человек! Любая девушка полюбила бы его. Почему он должен так рано умереть? Я могла бы ему сказать, какой девушке он нравится.

Тривален *(делает шаг вперед, к публике, сурово).* Пусть никто не вздумает сказать, что я убил его не по праву! Так было суждено. Почему он перебежал мне дорогу? Почему добивался Изабеллы? Изабелла предназначена мне.

Зербина *(подходит к нему).* Господин Тривален, Бригелла уступил мне вексель, который вы сегодня подписали с доктором и Скарамушем. Я его учла.

Тривален. Оставьте меня! Ведь Бригелла до сих пор не дал мне по нему и гроша ломаного.

Зербина. А это меня не касается, вы ничего доказать не сможете. Господин Бригелла взял с собой и ваш чемодан, и вашу одежду.

Тривален. Какой чемодан? Где Бригелла?

Доктор. Тише. Жиль умирает.

Жиль. О господа, я Жиль, и Грацио меня зовут и Пеппе Наппа тоже...

Как дальше?

Скарамуш
(тихо)

Ночью я родился,
когда сошелся месяц серебристый
с мерцающей Венерою. Я лютня,
le pâle amant de la lune, стихи пою.

Тривален. Так было суждено. Разве мог он владеть Изабеллой? Разве Изабелла не моя? Она предназначена мне волею судеб. *(Закладывает руки за спину и выпрямляется.)* Разве я убил его не по праву? Разве теперь Изабелла по праву не принадлежит мне? Ведь я победил. Где Изабелла?

Скарамуш. Жиль мертв!

Доктор *(встает и воздевает руки)*. Луна, твой возлюбленный умер!

Тривален *(вскидывает голову и с облегчением вздыхает)*. Где Изабелла? Приведите ко мне Изабеллу, Зербина!

Зербина *(с поклоном)*. Господин Тривален, карета ждала, господин Бригелла со мной простился... О, господин Бригелла — настоящий кавалер!

Тривален. Где Изабелла?

Зербина. Уехала. А я ей тетя, что ли, — сторожить ее? Уехала с господином Бригеллой!

Занавес

Разбойник

Комедия

Перевод
Д. ГОРБОВА

Предисловие к первому изданию

Замысел и первый вариант этой пьесы возникли в Париже в 1911 году. Порожденные тоскою по родине, трудностью приспособиться к парижской обстановке, мучительным сознанием необходимости жить на чужбине, они выросли как воспоминание о молодости и свободе, о родном крае и товарищах, — попросту о родине. Впрочем, были они не только воспоминанием, но и прощанием.

Товарищи юных лет, признайтесь автору: разве этот Разбойник не списан хоть отчасти с вас самих — с вас, танцевавших в «Затишье», тянувшихся к каждой девушке, срывавших каждую розу и в тоже время бунтовавших против господствующих вкусов в искусстве. Веселая непокорность и жажда жизни, сиявшие тогда в молодых глазах, не утратили своей силы и в воспоминании. Какая радость и какая гордость — чувствовать свою принадлежность к молодому поколению! Чувствовать себя новатором, завоевателем, разбойником, берущим жизнь с боя! Какая свежесть — в этой беззаконности, как героически носишь на плечах своих бремя безответственности!.. Но когда автор вернулся к вам с первым вариантом в кармане, он увидел, что вы уже простились с этой молодостью. «Разбойник» остался обрывком, не имеющим конца.

Дважды возвращался еще автор к Разбойнику: первый раз — чтобы сделать его американским завоевателем, заряженным действенной энергией, как лейденская банка; второй раз — чтобы превратить его в символическую фигуру — бога молодости со всеми чудесными атрибутами первобытного божества. К счастью, оба проекта рухнули... Во время войны автор думал было вернуться к мысли о прощанье; но тут помешала абсолютная неправдоподобность сюжета о Разбойнике в тот момент, когда этот рослый, сильный парень *должен был бы быть* на войне.

И только восемь лет спустя попытался автор восстановить первоначальный план, по возможности не нарушая заложенного в нем характерного ощущения молодости. Только сам Разбойник, который прежде был двадцатилетним, теперь достиг уже тридцатилетнего возраста.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Профессор — старик лет шестидесяти, невысокого роста, с седыми щетинистыми волосами и бородой, в золотых очках.

Профессорша — лет пятидесяти, лицо благородное, спокойное.

Мими — их дочь, двадцатилетняя девушка, с мягкими и нежными чертами лица.

Разбойник — молодой человек лет тридцати, высокий, бритый, довольно элегантный, в костюме слегка американизированного покроя; держится просто, непринужденно, без позы и претензии.

Фанка — служанка в семье Профессора, длинная, худая, как жердь, ходит босиком, немного похожа на мужчину.

Закутанная женщина — одета как нищая.

Цыганка — старая, толстая, в пестрых лохмотьях.

Лесничий — в зеленой форме, черноволосый, желчный молодой человек.

Шефль — маленький старичок, неряшливый на вид, неопределенных занятий.

Староста — высокий круглолицый крестьянин, в сапогах, говорит громко.

Сосед — бедняк, худой, в поддевке и широких штанах, босой.

Учитель — со светло-рыжей бородкой, в светло-сером костюме и пенсне.

Кузнец — шумный, черный, лохматый, грязный.

Шахтер — почернелый, печальный, с выгоревшими обвисшими усами, с рудничной лампой в руках.

Капрал — } молодые парни,
Франта — } солдаты.

Пролог — толстый зажиточный крестьянин.

Лесники, молодые и отставные солдаты, вооруженные штатские, мальчишки и т. д.

Место действия — северо-восточная Чехия.

Декорации на протяжении всего спектакля представляют лесную поляну. Налево — двухэтажный дом: простой белый охотничий дом с балконом и зарешеченными окнами, обнесенный, кроме того, высокой стеной с тяжелыми, обитыми железом воротами. Вокруг — лес, направо — грубо сколоченная скамейка. Направо — дорога в город, посредине — дорога в деревню.

Действие первое

Пролог *(выходит из леса, таща за локоть Разбойника).* Веду-таки этого разбойника. Дайте дух перевести. *(Вытирает пот со лба.)* Ну что вы на это скажете? Утром, вот только выхожу это я за ворота, вдруг вижу — кто-то мои черешни рвет. Сердцовки. Я — к нему, а он мне — не угодно ли? «Идите скорей, говорит, рвите: сладкие, как мед». Понимаете, господа, если бы он меня вежливо насчет этих черешен попросил, я бы ему попросту отказал. Но он еще мне же предлагает, мне, владельцу! Не нахальство это?

Разбойник. Я...

Пролог. Что — я, я? Молчи уж. Ну, я тогда с него шляпу снял. Так что бы вы думали? Он снимает с меня мою, преспокойно надевает себе на голову и уходит. Ладно! А через час, вижу, с моими работницами на траве валяется, развлекает их...

Разбойник. Я им помогал.

Пролог. Нечего сказать: помогал! Я прогнал его, иду себе в лес — и что же? Он там в молодняк забрался, из моего деревца себе палку режет. Я на него собаку натравил, три сотни мне стоила, а оп — что бы вы думали? «Пойди ко мне, Султан», — кричит, и пес, каналья, со всех ног к нему, лапу ему подает!

Разбойник. Я бы его себе взял: вы его колотите.

Пролог. Видали, каков разбойник? Нет, братец, больше ты уж ничего не возьмешь. К господам иди, а ко мне больше не суйся. У меня про тебя плеть и ружье найдутся. На, бери свою шляпу, ступай на все четыре стороны, кради и грабь в другом месте, у других черешни рви; все сразу же узнают, что ты за птица. Только говорю вам: следите за ним хорошенько. Это человек опасный: он на все способен. Загоняйте кур и уток домой, запирайте ворота. А то плохо будет! Глаз с него не спускайте. *(Уходит.)*

Разбойник садится на скамейку. Из ворот выходит Фанка.

М и м и *(сверху из окна).* Погодите минутку, Фани... *(Скрывается.)*

Разбойник. Вам придется подождать.

Ф а н к а. А вы кто такой?

Разбойник. Кто здесь живет?

Фанка. Наш хозяин. А чего вам надобно?

Р а з б о й н и к. Ничего. А где ваш хозяин?

Фанка. Зачем он вам?

Р а з б о й н и к. Да просто так. Он дома?

Фанка. Не все ли равно где? Что вам от него нужно?

Р а з б о й н и к. Ничего. А где хозяйка?

Фанка. С хозяином. Что вы тут ищете?

Р а з б о й н и к. Землянику.

Фанка. Да нешто она тут есть? За ней туда надо, далеко.

Р а з б о й н и к. Ага. Спасибо, Фани.

Фанка. Не за что.

Входит М и м и.

М и м и. Раз уж вы в город, Фани, так купите мне наперсток. И ниток. И почтовой бумаги.

Фанка. Запрись, Мими.

Мими. Не забудьте, пожалуйста: нитки и... шпильки.

Фанка. Ладно, ладно. Смотри, затворись хорошенько. Ходят тут всякие...

Мими. Я знаю. Так помни: иголки, марки и... наперсток.

Фанка. Наперсток у тебя ведь был.

Мими. Я, видно, потеряла. Вы не забудете?

Фанка *(уходя).* Нет, нет. Запрись только.

Мими *(кричит ей вслед).* Не забудьте!

Р а з б о й н и к *(встает).* Я не забуду!

Мими отворачивается.

На шее крестик, а за поясом — роза. Как же можно забыть?

Мими молчит.

Я пришел вон оттуда, из лесу, сударыня.

Мими молчит.

Мне тут нравится.

Мими пожимает плечами.

У вас комната не сдается?

Мими. Нет.

Разбойник. Ну так дайте мне розу, которая у вас за поясом.

Мими. Нет.

Разбойник. Тогда прощайте, Мими, и запритесь как следует. Ходят тут всякие...

Мими. Я не боюсь.

Разбойник. Я тоже нет. Вы только держитесь за дверную ручку, как за мамочкину.

Мими *(отпускает ручку).* Мне пора идти.

Разбойник. Вам незачем идти. Ведь вы одна дома.

Мими. Нет, не одна.

Разбойник. Давно здесь живете?

Мими. Каждое лето.

Разбойник. Можно присесть?

Мими. Почему же нет?

Разбойник. Когда я сюда пришел, то просто удивился: так тихо, будто кто спит; так тихо, будто идешь по лесу и вдруг увидел девушку: лежит на траве и спит себе. Тише, как бы не разбудить! Но если обернешься назад, окажется: она смотрит на тебя из-под ресниц и смеется.

Мими. Почему?

Разбойник. Не знаю. «Глупый, думает, ушел. Ну что ж. Он не достоин того, чтобы я на него смотрела».

Мими. Прощайте.

Разбойник. Прощайте, Мими. Если бы она посмотрела на меня, я превратился бы в камень.

Мими *(все время спиной к нему).* Что у вас сзади висит?

Разбойник. У меня? Где? А, на шляпе! Лента. Она все время висела?

Мими. Все время.

Разбойник. Что же вы мне сразу не сказали?

Мими. Зачем?

Разбойник. Чтобы я вам на глаза не показывался. Это он мне разорвал.

Мими. Кто?

Разбойник. Да какой-то сучок. Вы не пришьете?

Мими. Нет.

Разбойник. Вы правы. *(Срывает ленту и надевает шляпу на голову.)* Так ничего?

Мими *(наконец оборачивается).* Нет.

Разбойник. Вы правы. *(Кинув в сторону шляпу и ленту, идет к Мими.)* Так как же мы поживаем, Мими?

Мими. Дайте сюда.

Разбойник. Что?

Мими. Шляпу. Я вам починю.

Разбойник. Здесь?

Мими. Нет, дома.

Разбойник. Нет, нет. Ну ее шляпу!

Мими. Подождите. *(Скрывается в воротах.)*

Разбойник. Эй, Мими! Куда вы? *(Просовывает голову в ворота; оглянувшись назад, бежит за нею.)*

Первая птица *(в ветвях).* Черт-те что, черт-те что, чувик, чувик, чувик!

Вторая птица. Юрк, юрк, юрк, юркий какой!

Третья птица. Озорник, озорник, озорник!

Мими *(возвращается с иголкой и ниткой).* Покажите шляпу. Да где же вы? Уже и след простыл? Вот глупый: ушел. *(Поднимает шляпу и ленту; осматривает шляпу изнутри и снаружи, морщит нос и в конце концов надевает себе на голову.)*

Первая птица. Видишь, видишь, видишь? Фи, фу, фу. Что за нравы!

Вторая птица. Вздор! Шутка, шутка, шутка!

Голос Разбойника *(из дома).* Мими, где вы? Эй!

Мими *(поспешно снимает шляпу).* Выйдите оттуда!

Разбойник *(в окно второго этажа).* Я вас тут ищу...

Мими. Пожалуйста, выйдите оттуда! Вдруг кто-нибудь придет.

Разбойник. Это ваша комната? А чья это фотография?

Мими. Это Лола, сестра. Прошу вас...

Разбойник. Бегу, бегу. *(Скрывается.)*

Первая птица. Тэ-тэ-тэ, Мими. К тебе в дом забрел чужой, чужой!

Третья птица. Ку-ку! Ку-ку!

Мими. Что он там делает?

Вторая птица. Глядит, глядит, глядит!

Четвертая птица. Осма-а-тривает.

Мими. Ах, птички, что мне с ним делать?

Вторая птица. Пусть, пусть, пусть. Понравился, да?

Четвертая птица. Пара тебе.

Первая птица. С какой стати! Нет, нет, нет. Ни за что!

Мими *(подняв голову, свистит птицам).* Фью, фью, фью...

Первая птица. Спасибо, спасибо!

Четвертая птица. ...бррымутрром.

Мими. Ворона. Дурной знак! Что он предвещает?

Третья птица *(удаляясь)..* Муку, муку, муку... муку, муку, муку, муку...

Мими. Довольно.

Четвертая птица *(совсем рядом).* Ах, ты права!

Разбойник *(выходит из ворот).* Тут славно. Вы часто бываете одна?

Мими. Никогда. Сегодня в первый раз.

Разбойник. Жаль. Старики уехали?

Мими. Завтра вернутся.

Разбойник. Жаль. Мне тут нравится. Когда я вошел в ваш дом, он вздрогнул, как от испуга. Треск пошел; часы начали кашлять, задыхаться, стаканчики задребезжали звонко. И вдруг — пфф! Занавески поднялись, как крылья: хотели улететь!

Мими. Сквозняк!

Разбойник. Может, сквозняк, а может — крылья. А потом вдруг что-то ухнуло, как выстрел.

Мими. Знамение!

Разбойник. Ну, прямо выстрел. Бегу наверх, в вашу комнату: она — ничего, молчит, только вздохнула тихонько. Тут вы носом к окну прижимались, там написали на подоконнике: Губерт, Губерт, Губерт. Кто такой этот Губерт?

Мими. Никто. Это я... просто перо пробовала.

Разбойник. Понятно. И рядом нарисовали лесничего с усиками. А под подушкой у вас старый зачитанный календарь. Открыт на рассказе о верной любви. Мими, вам здесь скучно.

Мими. Нисколько.

Разбойник. Я теперь всех ваших родных знаю. Номер первый: отец семейства, старый, почтенный, далекий от жизни человек...

Мими. Так вы знакомы с папой?

Разбойник. Нет, не знаком. Сердце немного не в порядке, любит поучать и страшно хлопотлив; ничего не понимает и поэтому всюду суется. Словом, славный

старик, полный всяких слабостей и предрассудков. Верно?.. Номер второй: мамаша. Интересная особа. Мудрая, благоразумная и романтическая дама. Волосы светлые, как у вас; до сих пор чувствует себя молодой.

Мими. Как вы узнали?

Разбойник. Очень просто. Гребень в книжке. Но настоящий хозяин дома — номер третий. Это Фанка.

Мими. Откуда вы знаете?

Разбойник. Я все знаю. Злая, как ведьма, никого не слушает. Всюду летает стрелой; преданная, сварливая и упрямая, как осел. Вообще единственное разумное существо в этом зарешеченном доме.

Мими. Но как же вы, скажите на милость...

Разбойник. Погодите. Дальше — что-то такое таинственное. У вас кто-нибудь умер?

Мими. Никто не умирал.

Разбойник. Но случилось какое-то несчастье.

Мими. Да.

Разбойник. Ну, конечно. Любовь принесла какое-то горе в ваш дом; здесь как будто все время о ком-то втайне вспоминают... Не знаю. Но эта сестра ваша, Лола, была сильная, незаурядная девушка, и вы, Мими, перед ней преклоняетесь.

Мими. Да.

Разбойник. Вот, вот. Украшаете цветами ее портрет, как икону. Она на нем такая смелая, страстная, решительная — необыкновенная какая-то.

Мими. Она вам нравится?

Разбойник. Безумно.

Мими. Правда, она очень красивая? Ах, если бы вы ее знали!

Разбойник. Номер пятый: Мими, баловень семьи. Говорить о ней?

Мими. Да.

Разбойник. Извольте. Это общая любимица; с нею и обращаются, как с ребенком. Хотят ее совсем при себе оставить, никуда не пускают, ни на шаг, не говорят ей, что она уже взрослая, и сама она, наверно, об этом не знает...

Мими. Знает, знает!

Разбойник. Так это ваша тайна, и вы не должны ее обнаруживать. Вы — их ребеночек, которого они сторожат и обманывают, вечером укладывают в постельку,

а утром будят, щекоча подбородочек. А случится уехать, крестят вас на прощание со словами: «Ради бога, Мими, не вздумай выходить из дому; того и гляди, упадешь; ходи гулять с Фанкой. И сохрани тебя бог разговаривать с чужими».

Мими. Нет. Им это и в голову не приходит!

Разбойник. Благонравная Мими, вам здесь скучно.

Мими. Что ж поделаешь? *(Роняет шляпу.)*

Разбойник *(подымает).* А бант получился не на той стороне.

Мими. Дайте, я распорю... Но как вы... все это... узнали?

Разбойник. Своими глазами, как сыщик. Все сам увидел. Наперсток, который вы потеряли, лежит на окне.

Мими. Я знаю.

Разбойник. Скажите, пожалуйста, отчего у вас на окнах решетки?

Мими. Просто так... Место глухое. Как же без этого?

Разбойник. Само собой. Что же вы теперь будете делать целый день?

Мими. Вышивать.

Разбойник. А вы не выйдете погулять после обеда?

Мими. Нет; вы же знаете: мне нельзя.

Разбойник. Значит, здесь вышивать будете? И Фанка при вас?

Мими. Конечно.

Разбойник. Ну, разумеется. А потом на вас найдет дремота. И вдруг что-то кольнет в сердце... «Ах Фани, — скажете вы, — я укололась; мне надо немного пройтись». И выйдете.

Мими. Ни за что.

Разбойник. Погодите. Предположим, вы пойдете и вдруг увидите холмик, который приподнимается и покачивается, словно под ним кто-то тяжело дышит. «Как странно, — удивитесь вы, — как будто там похоронили кого-то живого». А это не холмик, а лежит убитый, и у него из груди хлещет кровь. «Господи, сколько крови!» — ужаснетесь вы. Но тут с неба раздастся голос: «Это не кровь, это любовь».

Мими. Что же это такое?

Разбойник. Сон. И вам так захочется услышать еще раз этот голос, что вы проснетесь. Откроете глаза и увидите, что на дворе день, а под окном стою я и говорю:

«С добрым утром, Мими. Выходите». А вы ответите: «Не могу. Я еще босиком».

Мими. Так я не скажу.

Разбойник. Это все сон. И потом вам станет сниться... что же вам станет сниться? Погодите, вы меня перебили. Я забыл. Дальше шло самое главное.

Мими. Что же такое?

Разбойник. Что-то насчет любви, уж не знаю — что. И тут вас так кольнет в сердце, что вы вскрикнете и проснетесь. «Ах, Фани, — скажете вы, — как меня кольнуло в сердце! Что бы это значило?» — «Ничего, — ответит Фани, — просто уснула над шитьем, носом клюнула хорошенько, — ну и уколола палец. Пустяки. Капелька крови; до свадьбы заживет».

Мими. С какой же стати я днем буду вдруг спать?

Разбойник. Может, голова заболит...

Голос за сценой. Ах, ах, ах, как у меня голова болит.

Мими *(вскакивает).* Что это такое?

Разбойник. Эхо.

Голос за сценой. Мро делоро, мро делоро! Мри нхури ромни, ду кхаль мро шеро. Ме сон цело опустимен, на неман тат, на неман дай, на неман нико. Мро шеги тено гуло дел! [1]

Разбойник *(встает).* Что это такое?

Мими *(прижимается к нему).* Господи...

Из леса выходит Цыганка.

Цыганка. Эй, шукар райоро! [2] Хвала господу Иисусу Христу, вседержителю! Тено райоре, мре гули рани, деман вересо, небо сон чорн [3]. Старой цыганке Гизеле, добрый господни, уже семьдесят лет, а никого-то у ней нету, ни мужа, ни деток — одна-одинешенька на белом свете!

Мими. Дайте ей что-нибудь.

Цыганка. Спасибо, барышня милостивая! Дай вам обоим счастья царь небесный и деткам вашим.

---

[1] Боже мой, господи! Моя — старая цыганка; голова болит. Одна я, одинешенька! Нету ни отца, ни матери — никого нету. Помоги мне, милый боже! (*цыганск.*)

[2] Эй, молодой красавчик! (*цыганск.*).

[3] Молодой господин, барышня милая, дай чего-нибудь, я ведь бедная (*цыганск.*).

Мими. Да мы — не муж с женой, цыганка!

Цыганка. Поженитесь, цыгани чайоре [1], ишь какой шукар [2] у тебя, видный пирано [3], девушка!

Мими. Что такое — пирано!

Цыганка. Ха-ха-ха, кишасонька [4] моя! Полюбовничек, значит, барин вот этот самый. Эх, кабы молодость мне опять! Дай-ка ручку: я скажу, что тебя ждет впереди.

Мими. Не хочу!

Цыганка. Чего бояться, цыгни чайоре? Все правда, что на руке написано: свадьба ли, смерть ли, счастье либо печаль, болезнь либо гости — все как есть выложу, чистую правду. Дай руку, дочка.

Разбойник. Дайте ей свою руку, Мими. Пускай погадает.

Мими. Не дам!

Цыганка. Дай ручку, красавица. Я знаю: счастливая будешь.

Мими, вдруг решившись, протягивает ей руку.

Ты уж хвораешь, дочка милая. Невеселая ходишь, и сердечку томно, то развеселится, то опять запечалится. Один по тебе тужит... А тут-то, тут — ой, ой, ой!

Мими. Что такое?

Цыганка. Я тебе, дочка, всю правду скажу. Печальная будешь. Другой о тебе больно тужит, и ты того человека одного любить будешь. Что сердцу всего дороже, над тем дрожать, а не то и вовсе бановать будешь.

Мими. Что значит — бановать?

Разбойник. Жалеть.

Цыганка. Эй, кишасонька моя, запретную любовь заведешь; родители не позволят, а ты не послушаешь. Любовь больно счастливая будет: все, чего пожелаешь, получишь. Сперва узнаешь, что такое счастье, а потом — что такое печаль. Будто кто глаза тебе откроет. Ох, великую печаль узнаешь, ох, печальная ходить будешь, ох, не обрадуется мамочка, когда домой вернется. Все письма ждать будешь, дочка, да не придет письмо-то.

Мими. Ну, ну, что дальше, цыганка?

---

[1] деточка махонькая (*цыганск.*).
[2] красавчик (*цыганск.*).
[3] любовник (*цыганск.*).
[4] барышня (*венгерск.*).

Цыганка. Больше ничего. Про любовь забудешь и долго, долго жить будешь.

Мими. И все?

Цыганка. Все.

Мими садится.

Разбойник. Погадай мне! *(Протягивает цыганке руку.)*

Цыганка. Молодой барчук мой, больно ты человек веселый. Ты был... ты будешь... Ах, ты бибах [1].

Разбойник. Что это такое?

Цыганка *(выпускает его руку).* Ты — бибах таричай [2]. Баро люби харис [3]. Ты бибах, бибах, бибах!

Мими. Что же ты мне больше ничего не сказала?

Цыганка *(уходит).* Увидишь, девушка. Сама все увидишь и узнаешь!

Разбойник. Так я — кто?

Цыганка *(издали).* Ты — бибах, бибах таричай! Вор!

Мими. Что же она мне больше ничего не сказала?

Разбойник. Не думайте об этом.

Голос цыганки. Бибах таричай! Девичий губитель!

Мими. Ах!

Разбойник. Что с вами?

Мими. Я укололась... *(Опускает голову.)* Мне хотелось бы больше знать...

Разбойник. О чем?

Мими. О том, что меня ждет впереди.

Разбойник. Она сама ничего не знает.

Мими. Нет, знает. Но почему она сказала, что я узнаю печаль? Какую печаль?

Разбойник. Да никакой. Цыганка решительно ничего не знает.

Мими. Узнаю печаль! Как будто я ничего до сих пор не знала, как будто ничего — ну, ровно ничего не чувствовала, как будто была счастлива...

Разбойник. Цыганка все врет.

Мими. И почему она сказала еще другое?

Разбойник. Что?

---

[1] горе (*цыганск.*).
[2] горе девушек (*цыганск.*).
[3] Девичий губитель (*цыганск.*).

Мими. Что я буду любить только одного.

Разбойник. Бросьте. Врет она.

Мими. Как же я могла бы полюбить двоих. Если бы я кого полюбила, так пошла бы с ним... и никогда...

Разбойник. Вы сейчас укололись.

Мими. Неважно. Но как она смела сказать, что я забуду свою любовь? Я не такая...

Разбойник. Да ведь это цыганка!

Мими. Я не такая, чтоб у меня была запретная любовь. Я не могу быть такой... такой...

Разбойник. Такой дурной, да?

Мими. Нет, такой мужественной. Вот сестра моя была мужественная.

Разбойник. У нее была запретная любовь?

Мими. Да. Наши ей не позволяли, так она убежала с ним. Ночью, через окно, через это вот. После того папа и велел зарешетить все окна. Вы считаете, она поступила дурно?

Разбойник. Я не считаю.

Мими. Я тоже.

Разбойник. Напротив. Мне это нравится.

Мими. Мне... пожалуй... тоже. Но сама бы я не решилась.

Разбойник. Ваша сестра — замечательная девушка. Сильная, энергичная, — просто замечательная; на портрете она мне сразу понравилась.

Мими. Если бы вы ее знали! Но я не такая. Я бы не могла...

Разбойник. За вами следят.

Мими. Следят. Но если бы даже не следили, я бы не могла, не захотела бы и не сумела. Ни за что на свете не захотела бы и не сумела.

Разбойник. А почему ей запрещали?

Мими. Потому что он был такой... Я не знаю. Мы ведь о ней теперь вообще ничего не знаем. Они хорошо делали, что запрещали ей, правильно ей советовали... Ах, зачем я позволила ей гадать по руке!

Разбойник. Почему это вас так мучает?

Мими. Мне хотелось бы побольше узнать... *(Перекусывает нитку.)* Готово.

Разбойник. Что?

Мими. Шляпа. А вам она что нагадала?

Разбойник. Что у меня соперник. Словом — так, пустяки.

Мими *(смотрит на свою ладонь).* Где тут линия любви?

Разбойник. Наверно, вот эта, самая красивая.

Мими. Покажите мне свою ладонь. Очень интересно. У вас совсем другие линии, чем у меня. Они словно вырезаны. А вот эти похожи на турецкую саблю. Что это значит?

Разбойник. Не знаю.

Мими. У вас странная рука. Вот большое М... А эта черта что обозначает?

Разбойник. Это шрам. Теперь покажите вашу. Мягкая, белая ладонь...

Мими. Это что обозначает?

Разбойник. Красоту. А вот, наверно, линия любви.

Мими. Эта большая?

Разбойник. Нет, вот: красивая, розовая.

Мими. Ах, нет. Любовь — вот эта вот, глубокая.

Разбойник. Нет, нет, глубокая — линия жизни. А если бы я сжал вашу руку... Не больно?

Мими. Нет, не больно.

Разбойник. Будто я вас всю сжимаю в ладони. Как будто держу свою руку на вашем сердце. Я хочу вам кое-что сказать.

Мими. Пустите. Как бы кто не пришел!

Разбойник. Никто не придет. Когда вы испытываете какую-нибудь огромную радость, у вас не бывает такого чувства, будто это вам только кажется? Как будто все это во сне?

Мими. Бывает.

Разбойник. И что-то веет над головой, словно чье-то дыхание или ветер от больших крыльев. Бы испытывали такую радость?

Мими. Испытывала.

Разбойник. Я хочу вам кое-что сказать... Смотрите... капелька крови! Вы укололи палец?

Мими *(встает).* Ах, пустите!

Разбойник *(отпускает).* О, немножко крови! Выпейте: она сладкая.

Мими *(дотрагивается пальцем до его руки).* Колечко из крови. Прощайте. *(Убегает в ворота.)*

Разбойник *(встает).* Постойте!

Мими *(в воротах).* Мне пора. Прощайте.

Разбойник. Я к вам приду.

Мими. Не смейте. Сюда никому нельзя ходить. Если вас встретит лесничий...

Разбойник. Так что?

Мими. Нет, нет. Не смейте. Прощайте, господин незнакомец. В следующий раз скажите, кто вы... и вообще прощайте! *(Скрывается в воротах и закрывает их.)*

Разбойник *(бежит к воротам, пробует отворить).* Заперла! Постой-ка. *(Подтянувшись, упирается локтями на ограду и смотрит во двор.)* Ушла! *(Соскакивает, идет к скамейке.)* Значит, Губерт. Какой-то Губерт.

Входит Лесничий.

(Сразу к нему.) Сударь!

Лесничий. Что вам угодно?

Разбойник. Кто тут живет?

Лесничий. Какой-то профессор из Праги. Сударь!

Разбойник. Э?

Лесничий. Здесь ходить по лесу воспрещается. Вы здешний?

Разбойник. Нет.

Лесничий. Ищете кого-нибудь?

Разбойник. Нет.

Лесничий. Тогда уходите отсюда!

Разбойник. И не подумаю.

Лесничий. Так я вас выгоню.

Разбойник. Не выйдет.

Лесничий. Убирайся подобру-поздорову! Тут ходить воспрещается!

Разбойник. Знаю.

Лесничий. Слушайте, приятель! Я вас заберу. Вы знаете, кто я?

Разбойник. Губерт.

Лесничий. Как?.. Вы меня знаете?

Разбойник. Нет, не знаю.

Лесничий. И я... сударь, будто знаю вас. Вы не... не...

Разбойник. Нет, я не...

Лесничий. Пожалуйте за мной.

Разбойник. Куда?

Лесничий. В лесничество.

Разбойник. Ах, так? *(Садится.)* Вы... Губерт, что собираетесь делать с этим пучком земляники? Кому вы его несете?

Лесничий. Позвольте, сударь...

Разбойник. Не позволю, сударь. Вы — пень, вы — еловая шишка, вы — желудь, вы — ворона! Вы воображали, что Мими дома одна. Нет, милый, сегодня я здесь. Можете идти домой. Дайте сюда ваши ягоды.

Лесничий. Вы, стало быть... дружок?..

Разбойник. Ах вы — чучело! Неужто не соображаете, что, будь я дружком, так не сидел бы перед запертыми воротами? Понятно?

Лесничий. Сударь...

Разбойник. Ну что — «сударь»? Вам не правится, что я здесь? Мне тоже ваша физиономия не по вкусу. К барышне пришли? Она звала вас?

Лесничий. Какое вам дело?

Разбойник. Кое-какое дело есть.

Лесничий. Кто вы такой?

Разбойник. Вы хотите знать, кто я? Вам не хватает соперника для вашего лесного романа? Я — не герой романа, слышите, глупый тетерев?

Лесничий. Кто я?

Разбойник. Обходчик. А теперь вон из леса. Теперь я здесь охочусь! Вы — капустный кочан, огородное пугало...

Лесничий. Довольно! Если б мы были не здесь...

Разбойник. ...сорока, паяц, клубничный герой...

Лесничий. ...я бы вас отхлестал!

Разбойник *(вскакивает).* Попробуйте!

Лесничий. Уйдите, а то...

Разбойник. Вы мне приказываете? И думаете, я вас боюсь? Или вашей хлопушки?

Лесничий. Берегитесь!

Разбойник. В самом деле?.. Вы что — каждый день сюда ходите? Бархатники да землянику носите ей? Грозите, что застрелитесь? А по вечерам играете на охотничьем роге? Да? И она плачет?

Лесничий. Если вы посмеете ее обидеть...

Разбойник. Эх вы, рыцарь! Да, я буду ее обижать, как мне вздумается. Уж не вы ли мне помешаете? Вы, цапля болотная?

Лесничий. Я... я убью тебя!

Разбойник. Полегче. У меня кулаки найдутся. Зря, милый, кипятишься. Тут мой заповедник, и я...

Лесничий *(срывающимся голосом).* Только попробуй ее обидеть, убью! Застрелю, как собаку!

Разбойник *(вынимает руки из карманов, засучивает рукава).* Я ее высватал, так что ты не суйся. И получу ее, понятно? Мигну — и только. Нынче же получу, нынче моей будет, нынче, и тебя на смех подымет...

Лесничий *(срывает с плеча ружье).* Негодяй! Я... я...

Разбойник *(хватается за его ружье).* Полегче с самопалом! *(Дергает за ружье, оттесняя лесничего за кулисы.)* Вот как — видал? Что? Ты опять? Сегодня же она будет моей, и сегодня же я посмеюсь над тобой. Не путайся под ногами, пошел! *(Отталкивает лесничего и опускает рукава.)*

Лесничий. Убью... убью... *(Заряжает.)* Никто не смеет... Не позволю... никому... дотронуться...

Разбойник *(засунув руки в карманы).* Вы, мой милый, лопух. Ну, куда вы со своей двустволкой? Ведь дрожите, как осиновый лист!

Лесничий *(не может зарядить: руки трясутся).* Наглец... Ты за это заплатишь... убью... собака!

Разбойник. Собака — не собака, а плачу я лишь по собственному усмотрению. *(Ревет, как бык.)* Убирайтесь!

Лесничий *(зарядив и вскинув ружье).* Стреляю!.. Раз... Прочь отсюда!

Разбойник. Как только ее получу.

Лесничий. Два!

Разбойник. Хоть десять.

Лесничий *(опускает ружье).* Кабы то было не здесь...

Разбойник. Дурак!

Лесничий. Погоди... пройдет у тебя охота... трус... прогоню как собаку. *(Став лицом к лесу, свистит в свисток.)*

Разбойник. Ах, так? Лесников вызываете?

Лесничий. Схватить... мерзавца... выпороть...

Разбойник. Лесничий, это нечестная игра. Я ведь один.

Лесничий. Не получишь ее... не отдам... буду защищать... до последней капли!..

Разбойник. Ладно. *(Вскакивает с разбегу на стену.)* Сторожите ее!

Лесничий. Стой! *(Вскидывает ружье.)*

Разбойник *(на стене).* До свиданья, преданный волшебный стрелок!

Лесничий. А-а! *(Стреляет не целясь.)*

Разбойник, зашатавшись, падает со стены.

Мими *(появляется наверху, в окне).* Что вы сделали?

Лесничий *(колеблется).* Я... я...

Мими. Что вы сделали?

Лесничий. Я его убил. *(Бросается бежать.)*

Мими. Помогите! Помогите! *(Скрывается.)*

Голос Фанки *(за сценой).* Кто тут стрелял?

Голос Шефля *(за сценой).* Кто это кричит?

Голос Фанки. Господи Иисусе! Шефль, скорей!

Вбегают Фанка и Шефль.

Фанка. Кто-то лежит.

Шефль. Вижу, вижу.

Фанка. Батюшки, убитый! Только этого не хватало!

Мими *(в воротах, заплаканная и бледная как смерть).* Фани, Фани, скорей!

Фанка *(подбегает к ней).* Ради бога, Мими, что с вами?

Мими. Поглядите...

Шефль *(опускается на колени возле Разбойника),* Ого! Убит...

Мими. Дышит?

Шефль. Куда там!

Мими. Умер?

Шефль. Еще бы.

Фанка. Пресвятая дева! Да что с вами, Мими?

Разбойник. Э?

Шефль. Барышня, он уже дышит.

Фанка. Да ведь это — который здесь сидел. Мими, что тут было?

Разбойник. Мими... ничего... не знает.

Шефль. Скорей воды и водки!

Мими убегает.

Фанка. Оставьте его, Шефль. Это не по нашей части.

Шефль. А вдруг помрет.

Фанка. Все равно. Лучше не суйтесь. Я бы даже трогать не стала...

Голос Мими *(из дома).* Фани, пойдите сюда, пожалуйста!

Фанка. Иду, иду. Это он, он самый. *(Уходит.)*

Шефль. Как дела, молодой человек?

Разбойник. Я ударился об камень, да?

Шефль. А как же! В этом вот месте голова разбита.

Разбойник. Я это сразу почувствовал.

Шефль. А кто в вас стрелял?

Разбойник. Ни слова о стрельбе, слышите? А то...

Шефль. Да я молчу, молчу. Лежите спокойно.

Фанка приносит воду. Мими ром.

Фанка. Ром-то зачем? Ведь помирает. Оставь это, Мими!

Шефль. И полотенце какое-нибудь!

Фанка. Еще чего выдумали? Чистое белье!

Мими. Ах, Фани! *(Бежит за полотенцем.)*

Шефль. Приподними-ка голову. Вот так. *(Дает Разбойнику рому.)*

Разбойник. Не лейте мне за ворот.

Фанка. За такие дела еще в суд свидетелями потянут. Вон чего вы тут натворили!

Разбойник. Я просто споткнулся, Фани, и...

Фанка. А кто стрелял?

Разбойник. Никто не стрелял.

Шефль. Вот оказия. Другой раз на охоте вот так вот споткнешься. Мне раз здорово досталось — только в спину. Дробью.

Мими *(несет в охапке половину своего приданого).* Берите отсюда что угодно, господин Шефль! Перевяжите его! Спасите!

Шефль. Насчет этого не знаю. Подержите ему голову, Фани.

Фанка. Да ни за что на свете! Кто его знает, как это с ним случилось.

Мими. Я подержу. *(Опускается на колени возле Разбойника и приподнимает его голову.)*

Фанка. Ты замараешься, Мими!

Разбойник. Это вы?

Мими. Лежите тихо... Вам больно?

Разбойник. Нет, не больно.

Шефль *(промывает рану на голове Разбойника).* Не вертитесь!

Разбойник. Холмик...

Мими. О чем вы?

Разбойник. Холмик...

Шефль. Опять обеспамятел. Держите, держите, барышня. Я сейчас...

Мими. Шефль! Он умрет?

Шефль. Какое! Можно вот это разорвать на бинты?

Фанка. Посмейте только!

Мими. Рвите, что хотите... Все, что угодно, можете разорвать!

Фанка *(вытаскивает из принесенной груды старое полотенце).* Вот это можете рвать. Можно бы еще починить, да уж ладно...

Мими. Скорее, господин Шефль.

Шефль *(разрывает полотенце на длинные полосы).* Сейчас, сейчас.

Фанка. Жалко, такое хорошее полотенце!

Шефль. У вас руки дрожат, барышня. Ну, понятное дело, без привычки... *(Перевязывая.)* Так. Тут надо умеючи. А теперь обвяжем целым полотенцем. И дело с концом.

Мими. Но поглядите, господин Шефль. Вот здесь еще...

Шефль. Что такое?

Мими. Вот здесь, на груди — кровь...

Шефль. Ну, это от выстрела... Это я не сумею перевязать... Надо бы раздеть его, уложить в постель.

Мими. Отнесем его к нам!

Фанка. Господи! Чужого-то человека! Да кто он такой? Ты его знаешь? Откуда взялся?

Мими. Но нельзя же его так оставить, Фани!

Фанка. Нет, миленькая, это не годится. С порядочным человеком такого бы не случилось. Да у нас и места нету.

Мими. В папину постель!

Фанка. Барин завтра вернутся. Нельзя, и кончено.

Мими. Тогда — в мою! Фани, прошу вас, умоляю!

Фанка. Нет, Мими. А ежели он у нас помрет? Нет, нет, не позволю!

Мими *(плачет).* У вас нет сердца.

Шефль. Да вы, барышня, не беспокойтесь. Поблизости сосед сено возит. Он поможет, на постоялый двор отвезет, как на перинах. Я его приведу. *(Уходит.)*

Фанка *(собирает умывальник, полотенца, ром).* Как тебе не стыдно, Мими! Такого вдруг вздумала в дом брать! Вот я маме пожалуюсь!

Мими. У вас нет сердца.

Фанка. А у тебя разума. Да оставь его; вся в крови измажешься. Вон на голове у него два полотенца да тряпка. А кто мне вернет? Надо же было этому у нас случиться! Оставь его! *(Уходит в дом.)*

Мими *(по-прежнему стоя на коленях возле головы Разбойника).* Вы меня слышите? Я — Мими. Почему... почему вы говорили так? Вы слышите меня? Почему говорили так обо мне? Ах, как я несчастна! *(Наклоняется к самому его лицу.)* Что это значит? Что вы обо мне думаете? Почему ты меня не слушаешь?.. Ах, как я несчастна! Очнитесь!

Разбойник *(пошевелился).* Ах!

Мими. Что вам?

Разбойник. Это вы, Мими?

Мими. Вам очень больно?

Разбойник. Нет. Что произошло?

Мими. Вы с лесничим...

Разбойник. Ага, помню. Он меня...

Мими. Да.

Разбойник. Где он?

Мими. Убежал.

Разбойник. Это был... несчастный случай, верно? Он показывал мне ружье и...

Мими. Я слышала. Все.

Разбойник *(пробуя встать.)* Боже мой! Я не знал, что вы слушаете!

Мими. Лежите спокойно!

Разбойник. Вы сердитесь?

Мими. Не сержусь. Только лежите. И прошу вас...

Разбойник. Что?

Мими. Прошу вас, не думайте, что я... что лесничий... Он не должен был говорить, будто я... будто от него зависит! Не должен!

Разбойник. Я знаю.

Мими. Меня это так рассердило! Так обидело!

Разбойник. Я обидел вас?

Мими. Нет, он... Тише, кто-то идет. *(Подымается.)*

Выходят два лесника.

Первый лесник. Добрый день, барышня. Тут нету господина лесничего?

Второй лесник. Он нам свистел.

Мими *(заслоняет Разбойника юбкой).* Он уже ушел.

Первый лесник. А кто стрелял?

Мими. Он и стрелял... По браконьеру. Они туда побежали. Идите скорей к нему.

Второй лесник. Спасибо, барышня. Пойдем!

Уходят.

Мими. Ах, как у меня голова разболелась!

Разбойник. Мими, я хочу вам кое-что сказать.

Мими. Помолчите. Сейчас за вами приедут.

Разбойник. Я не хочу.

Голос за сценой. Нноо-о-о!

Мими. Вам нужен врач и...

Разбойник. Не хочу врача.

Мими. Вам нужно лежать.

Разбойник. Я буду лежать здесь.

Мими. Нет, нет, прошу вас. Вам нужно скорей поправиться и опять...

Разбойник. Да, да.

За сценой — шум колес.

Голос Соседа. Тпррр!..

Мими. И дайте мне знать, тотчас знать, как вы себя чувствуете!

Шефль *(ведет Соседа).* Он — здесь. Вот он.

Сосед. Так, так. А я слышу выстрел, думаю: белок стреляют. А на самом деле...

Шефль. А на самом деле — этот господин споткнулся. Вот оказия.

Сосед. А, барышня. Дай бог здоровья.

Мими. Прошу вас, будьте как можно внимательней.

Сосед. Не беспокойтесь. Как епископа повезу.

Разбойник. Погодите, я сейчас встану.

Шефль. Лежи, лежи. Мы перенесем.

Сосед. Берите за ноги, Шефль.

Шефль. О черт... признаться... тяжеленек.

Несут Разбойника к телеге.

Мими. Ради бога, осторожней.

Сосед. Да при... присмотрю.

Разбойник. Только слушайте: к «Елену» я не хочу. Я там утром был. А как другой постоялый двор называется?

Сосед. «У ба...бе-бе-ранека». Там — эх-эх...

Шефль. Хэ-хэ-хэ...

Разбойник. Я знаю: у хозяина дочка хорошенькая.

Сосед. А? Да нет... эх-эх...

Разбойник. Жена, что ли? Тоже неплохо.

Мими. Но... «Елен» блинке.

Разбойник. Так куда же мне ехать, Мими?

Мими. Куда хотите. К «Елену».

Разбойник. Ну ладно. А что вы будете делать после обеда?

Мими. Не знаю. Вы мне дадите знать о себе?

Разбойник. Само собой. Вы уж уходите? Тпрру, Шефль,

Мими *(подает ему руку).* Прощайте. И сразу дайте мне знать.

Разбойник. Прощайте, Мими. Сейчас же дам.

Мими. Прощайте.

Разбойник. Прощайте. Поехали, Шефль. Н-но!

Шефль. В вас... эх-эх — центнер... будет!

Сосед. Такого... тя... тяжелого... парня... эх-эх...

Уходят.

Мими *(глядя им вслед).* Из-за меня... Это из-за меня... *(Оборачивается, смотрит на то место, где лежал Разбойник.)* Господи, сколько крови!

Голос с высоты. Это не кровь. Это — любовь!

Мими. Как у меня голова разболелась!

Занавес

Действие второе

Черная-черная ночь. Выходит Разбойник с белой повязкой на голове.

Разбойник. Спасибо, светлячок... Эй, послушайте! О-ля! Еще светит... Алло! Эй вы, там, наверху!

Фанка *(высовывает голову из темного окна).* Это вы, барин?

Разбойник. Нет, это я, Фани.

Фанка. Кто такой — я?

Разбойник. Ну, я. Который здесь утром был.

Фанка. Это убитый-то? Уже бегаешь? Я-то думала, до утра не дотянешь! Чего тебе тут?

Разбойник. Я пришел сказать, что уже поправился.

Фанка. Небось рад-радешенек? А полотенце принес?

Разбойник. Утром принесу.

Фанка. Так иди спать, дай хоть ночью покой!

Разбойник. Что барышня делает?

Фанка. Что ж ей делать? Понятно, спит. Ступай восвояси. Людям спать не мешай. *(Захлопывает окно.)*

Разбойник. Спит. Как она может спать?

Мими появляется в освещенном окне.

Добрый вечер, Мими.

Мими. Это вы? Вам лучше? Где вы? Я вас не вижу!

Разбойник. Меня нельзя видеть: я весь черный, потому что шел черным лесом.

Мими. Почему вы не лежите? Как вы посмели встать? Вы же повредите себе!

Разбойник. Мне не спится, как этим звездочкам наверху. Что вы делаете?

Мими. Я ждала... Подойдите сюда, я не вижу вас! Где вы?

Разбойник. Я там, Мими, где слышится мой голос.

Мими. Почему вы не лежите? Почему не пришли раньше? Подойдите ближе!

Разбойник. Куда?

Мими. Ах, тише! Как это вы встали? Зачем не бережетесь!

Разбойник. Мими, сойдите вниз!

Мими. Нет, нет, это нельзя. Тише, ради бога. Фани... Фанка veille, elle entend tout [1].

Разбойник. Все равно. Идите ici [2], вниз.

Мими. Что вы обо мне подумаете?..

Разбойник. Я пришел поглядеть на вас.

Мими. Ах, нет. Что вы выдумали? Я не могу... Attendez, je viendrai[3].

Разбойник. Вуй.

Мими скрывается, свет гаснет. Разбойник поправляет повязку на голове, отряхивает одежду.

Стой на месте, ночь, как этот лес.

Пауза.

Щелкает замок входной двери и ворот. Ворота громко скрипят. Выходит Мими.

Мими. Господи, никогда еще лестница так не скрипела! Где вы? Я вас не вижу.

Разбойник. Добрый вечер, Мими.

Мими. Это вы? Что у вас на голове?

Разбойник. Бинты.

Мими. Боже мой! А чем от вас пахнет?

Разбойник. Карболкой... От ран.

Мими. Как хорошо.

Разбойник. Запах героя.

Мими. Прекрасный запах. Ну, как вам? Был у вас доктор?

Разбойник. Весь день.

Мими. Какой ужас!

Разбойник. Он бы до утра играл...

Мими. Как?

Разбойник. В карты.

Мими. Почему вы не дали мне знать о себе?

Разбойник. Хотел сам прийти, да ходить не мог. А теперь вот...

Мими. Ах, а я позволяю вам стоять! Дайте мне руку. Вы можете идти?

Разбойник. Куда вам угодно.

---

[1] не спит, она слышит вас (*франц.*).
[2] сюда (*франц.*).
[3] Подождите, я сойду (*франц.*).

Мими. Да нет, только до скамейки. Вам надо сидеть. Вы слишком слабы.

Разбойник. Ничуть не слаб.

Мими. Нет, нет, садитесь, а то я уйду.

Разбойник. Тогда вы тоже садитесь.

Мими. Ах, нет, мне... мне так жарко... Сядьте, прошу вас. Господи, что я наделала?

Разбойник. Что такое?

Мими. Да послушала вас... Вышла к вам.

Разбойник. Но, Мими...

Мими. Нет, нет, молчите, не смейте... Будьте хоть теперь благоразумны, прошу вас! А то встану и уйду!

Разбойник. Но...

Мими. Слышите, не смейте! Господи, что я... *(Садится на землю.)* Ах, как мне жарко... *(Закрывает лицо руками.)*

Сыч *(вдали).* Ухухух...

Мими. Почему вы не дали мне знать?

Разбойник. Я...

Мими

Покинули и не дали мне знать!
Я думала о вас, я так боялась,
что вы умрете! И представьте только,
была я так бесчувственна, жестока,
что видела заранее вас мертвым...
О, ужас! Ужас! Фанка мне сказала,
что рана в голову всегда смертельна.
Ах, рана в голову! Ах, сколько крови!
Ах, как жестока я!

Разбойник

Моя Мими...

Мими

Нет, слушайте... Твердила я себе:
ведь все это, да, все из-за меня,
несчастная, во всем моя вина,
из-за меня умрет он... Ах, зачем
я говорила с ним! Где разум мой?
Что натворила — знаешь ли сама?
Беспутная... Вступаю в разговор...
И каждому мужчине вслед гляжу...

Разбойник

Неужто каждому?..

Мими

Да! И на вас
я тоже захотела посмотреть.
А вы заговорили! Стыд какой!
Хотела я вернуться, не взглянуть.
Ах, если б я могла!.. Но что ж тут делать,
сама была я дерзкой, заслужив,
чтоб вы со мною дерзко обращались.
С другими вы, конечно, никогда
себя так не вели...

Разбойник

Нет, вел, Мими.

Мими

Как? С каждою? Бог мой! И что ж они?
Не сердятся, вступают в разговор,
хоть сами говорят не зная с кем...
Они такие?

Разбойник

Да.

Мими

Не стыдно им!
Безумные! Заговорить с чужим,
бежать за ним, а после, ночью, ждать,
не возвратится ли... И так себя ведут
все девушки?

Разбойник

Нет. Думаю, не все.

Мими

Ах, я несчастная!

Разбойник

Проронят пару слов,
посмотрят вслед и — вон из головы...

Мими

Неправда! Вечно думают о нем.

Разбойник

Еще не досчитаешь до пяти,
уже забыли...

Мими

Ах, забыть, забыть!

Разбойник

Окликнуть и пройти — одно.

Мими

Зачем
со мной заговорили вы... Пройти
вам надо было бы... Заговорив,
уйти нельзя...

Разбойник

Не хочется...

Мими

Нельзя...

Разбойник

Я не уйду.

Мими

Ах, как я испугалась,
когда со мной заговорили вы!
Я думала как раз: кто он? Решила:
и не взгляну... Вот только бы узнать,
кто он такой, глядит ли на меня.
И вдруг произнесли вы: «Не забуду!»
Уйти хотела... Выслушаю только,
что говорит... и сразу же уйду,
еще он новой фразы не начнет...
Ах, глупая!
Совсем не надо было
вам отвечать. Вы дерзкий, слишком дерзкий!

Разбойник

Когда я вас увидел, то хотел
сказать вам «здравствуйте!», спросить дорогу
и мимо вас пройти.

Мими

Что ж помешало?

Разбойник

Когда я вас увидел, засвистел
мне ветер в уши озорное скерцо:
Сожми ей руку. И услышишь ты:
«Ах, как вы больно сжали мое сердце!»

Мими

Что же не сжали?

Разбойник

Мне при виде вас
сказать вдруг захотелось: «Я — разбойник.
Так выбирай — жизнь или поцелуй!»

Мими

Что ж не сказали? Право, все равно,
как поступать со мной. Я беззащитна,
как будто связана, безгласна и безвольна.
Зачем еще со мной вы говорите?
Не скучно вам? Что вы во мне нашли?
Зачем окликнули? Зачем остановились?
Ах, ведь никто, никто не ходит здесь!
Я с самого утра была так рада,
что буду целый день одна.
Все тешило, во всем ждала отрада.
Лесная глушь манила из окна.
Себе я больше не казалась робкой.
Забыла скуку, слезы и печаль.
И ожиданье счастья каждой тропкой
меня вело в неведомую даль.
И вот ведь завело... Как я несчастна!

Разбойник

Несчастна? Почему?

Мими

Да, я несчастна.
Бог весть что говорю. Скажите правду,
не слишком это было неучтиво,
что я вас бросила и убежала...

Разбойник

Нет.

Мими

Я испугалась: вдруг он рассердился.
Хотела помахать вам из окна.
И надо ж, появляется лесничий.
Я слышала, как вы ему кричали:
«Знай, нынче же Мими моею будет,
увидишь — стоит только мне мигнуть».
Ах, почему вы не сказали больше?
Что, мол, Мими — безмозглая вертушка,
одни лишь ухажеры на уме.
Не нужно и мигать... Сама придет.
Что ж не сказали так? Ведь это правда.
Ведь я и впрямь не знаю, что творю,
должно быть, вовсе потеряла разум,
от взгляда то бледнею, то горю,
кого увижу — сердце так и бьется,
заговорит — оно совсем замрет.
Ах, как глупа я! Вы тогда кричали,
а мне хотелось тут же умереть.
Я зарекалась: «Ни за что на свете
его не полюблю, его — не буду,
не буду...»

Разбойник

Ради бога, замолчите.
Я хвастал, лгал да пыль пускал в глаза.

Мими

Нет, вы не лгали!

Разбойник

Сердце — не добыча.
Не украдешь и с бою не возьмешь.
Насильно мил не будешь.

Мими

Ах, неправда!

Разбойник

Тут нужно долгую вести осаду...
Что сделаешь с налету? Ничего.

Мими

Ах, все! Увы!

Разбойник

Игрок, плохой игрок,
опять похвастал, не дождавшись карты,
и проиграл. Чистейшая из всех,
тобою встреченных, та, что достойней всех,
твоей не будет.

Мими

Нет же, нет, неправда.

Разбойник

Что вы сказали?

Мими

Ничего. И с вами
не буду больше вовсе говорить!
Я зареклась. Иной мне нужно быть,
закрыть глаза и уши,
не замечать, не верить, не любить
и никого не слушать...
Ах, как несчастна я!

Разбойник

Несчастна? Почему?

Мими

Несчастна я... Но это мне урок...
Словно вдруг очнулась и прозрела,
словно сотня лет прошла с утра,
так я повзрослела, постарела...
Впрочем, поумнеть давно пора.
Голову теперь никто не вскружит,
на душе — защитная броня.
Только в сердце наступила стужа,
вместо сердца камень у меня.

Разбойник
(встает)

Прощай, Мими.

Мими

Я вас не отпущу.
Вы не страшны. Стократ страшнее было
представить вашу смерть. Что делать мне тогда?
Ни с кем бы не могла я говорить,
навеки разучилась бы смеяться...
Что может быть ужаснее, чем знать:
он умер по твоей вине, вы оба
теперь судьбою связаны до гроба
и после гроба... Бедная Мими!
Когда б вы умерли, я вместе с вами тоже
хотела б умереть...
(Встает.)
Представьте, о мой боже,
едва сказали мне, что лучше вам,
что вы со смертного поднялись ложа,
иным все стало в это же мгновенье,
как будто дивный сон меня вдруг посетил,
лба моего коснулось дуновенье —
не то дыхание, не то паренье крыл,
казалось мне, что без души и тела,
бесплотная, куда-то я летела.
Ах, что со мной? Я знаю объясненье:
я вас люблю,
не стала б жить без вас,
за вами на край света побегу.
Что я наделала?!

Разбойник

О, горе мне, Мими,
что вы наделали?! Поймете вы едва ли:
сладчайшее из слов вы у меня украли.

Мими

Что натворила я? Скорее уходите,
теперь всю жизнь придется мне краснеть!
Что вы нашли во мне, зачем остановили,
как это вам взбрело — желать меня?

Я вас люблю,
но больше не осмелюсь
взглянуть в глаза вам,
со стыда сгорю...
Пустите, ах, пустите!

Разбойник

Ты слышала, о ласковая ночь?
Что мне сказать ей, чтобы не вспугнуть?
Поведай, что ты шепчешь робкой серне,
когда она подходит к водопою?
Выйди, выйди
на луг серебряный, ночами звезды ниже,
нет никого, не бойся, подойди же
к ручью поближе.
О нет, не выходи:
стрелок подстерегает, лист черный на губах,
глаза прикрыты двумя звездами — Сириусом
и Альдебараном.
Выйди,
лист черный на губах, и звезды ближе,
я серну у ручья ночного вижу,
ну подойди, не бойся, не обижу.
Ночь мудрая, божественная ночь,
любви потворствуя, влюбленных охраняя,
ты сладкими путями их ведешь
и, как птенцов в гнезде,
в святой ладони держишь.
Утро,
прядильщик встреч случайных,
ты назначаешь розовым перстом
свиданье
и, словно золотые нити,
сплетаешь наши судьбы.
День,
ты, всему сулящий созреванье,
нас мукой ожидания терзаешь.
Как сновидение,
подкралась ночь. Я думал, вы заснули.
Так тихо было. Затаив дыханье,
стоял я, и казалось, что над ложем
я наклоняюсь, нежный лоб целую.
Мими, Мими!

Мими

Домой меня пустите.
Душа болит. Хочу одна остаться.

Разбойник

Когда б я вас держал, не отпустил бы.
Но это вы мои связали руки.

Мими

Я вас боюсь...

Разбойник. Кто-то идет.

Мими. Кто-то идет.

Разбойник. Сюда, Мими. За дерево!

За деревьями мелькает свет, слышны голоса.

Мужской голос *(за сценой).* Это предчувствие. Помяните мое слово, предчувствие. Бывают, которые не верят, сударь, но только все это — предчувствие и знамение. Все, что вокруг нас ни делается, все — указания с того света. Так наша вера учит.

Другой голос. Какая вера?

Мужской голос. Да наша, значит — спиритская. Сказано: спирит и медиум! Вы ведь тоже почувствовали таинственный приказ: «Вернись обратно!» Не знали, почему вам так приказывают, но слышали ясно!

Второй голос. Наконец-то мы уже дома!

Женский голос. Вот Мими удивится!

Мими. Господи, наши!

Выходят Профессор, Профессорша и Шахтер с фонарем.

Профессор. Вы очень любезны, что проводили нас.

Профессорша. Что это, милый? У нас открыто?

Профессор. Кто тут?

Разбойник. Я.

Профессор. Что вам нужно?

Разбойник. Ничего.

Профессор. Дайте-ка свет поближе! А еще кто?

Мими. Это я, мамочка.

Профессорша. Господи, Мими! Что ты тут делаешь?

Профессор. С кем ты разговаривала?

Разбойник. Со мной.

Профессор. Мими, кто это?

Мими. Не знаю.

Профессор. Не знаешь? Как же так? А выходишь к нему ночью? Что ж это такое?

Профессорша. Видишь, милый! Мое предчувствие не обмануло меня. Этого я и боялась!

Профессор. Непутевая! Хочешь, как Лола?.. Что ты делаешь?

Профессорша. Смотри у меня, Мими!

Профессор. Домой!

Мими *(Разбойнику).* Прощайте. *(Уходит в дом.)*

Разбойник. Доброй ночи, Мими. Не бойтесь.

Фанка *(наверху, в окне).* Сударь, это вы? Господи Иисусе!

Профессор. Что же ты плохо смотришь, тетеря?

Фанка. Спала я... Бррр. *(Исчезает.)*

Профессорша. Бедная девочка!

Профессор. Иди к ней.

Профессорша уходит.

А с вами, господин, как вас там, мне не о чем говорить. Полагаю, у вас не хватит наглости показываться здесь, когда мы дома. К тому же это было бы бесполезно.

Разбойник. Что дальше?

Профессор. Очень вам благодарен, господин шахтер. Вы нам... посветили.

Шахтер. Что такое этот жалкий свет, сударь! Я с радостью приобщил бы вас к свету духовному.

Профессор. Что?.. Что?..

Шахтер. К свету, указующему правильную дорогу, сударь. Человек, совершающий путь свой в правде, не выходит из себя. Гнев — плохой советчик, а господь бог посылает свет свой лишь смиренным. Вот как.

Профессор. Ах, так? Спасибо за доброе желание. Покойной ночи. *(Уходит.)*

Шахтер. Храни вас господь.

Профессор входит в ворота и запирает их. В доме освещаются окна.

Погрязайте, погрязайте в своем заблуждении. Гордость и злоба добру не научат... Пойдем, молодой господин.

Разбойник *(прислушивается).* Постойте...

Шахтер. И я был молод, и я с ума сходил. Долго человек бродит, прежде чем дорогу правды отыщет. Ну, пойдемте. Бедная барышня! Такая красивая...

Разбойник. Бедняжка Мими!

Шахтер. Да она выплачется, глазки очистит себе и успокоится. По круглым щечкам слезка быстро бежит, нигде не остановится. Пойдемте, утро вечера мудренее.

Разбойник. О, вы слышите?

Шахтер. Опять маленько в слезы... Не беда. Молодежь нынче плачет, а завтра скачет.

Разбойник. Идем.

Шахтер. Выведи нас, господи боже, из лесу.

Уходят.

Занавес

Действие третье

Утро. Разбойник, с завязанной головой, сидит на скамье перед домом.

Разбойник *(тихо).* Покажись. Ты слышишь? Я зову тебя.

Мими *(выглядывает из окна).* Это вы?

Разбойник. Доброе утро, Мими. Выйдите сюда.

Мими. Не могу. Я еще босая. *(Исчезает.)*

Из ворот выходит Фанка с сумкой в руках и громко зевает.

Разбойник. Здрасте.

Фанка. Вы опять здесь? Что вам нужно?

Разбойник. Что делает Мими?

Фанка. Вы принесли наши полотенца?

Разбойник. Я пришлю. Что с Мими?

Фанка. Уходите лучше! Ночью страх что было!

Разбойник. Что такое?

Фанка. Ну и досталось же мне, прости господи! Дескать, зачем плохо смотрела, зачем одну оставляла... Да что я — собака, что ли? Пускай сама за собой смотрит, — пора. Ну и досталось же мне!

Разбойник. А Мими что?

Фанка. Да что она? Всю ночь проплакала — ну просто слушать невозможно. Пошла я к ней потихоньку, чтобы не знал никто. Пришлось рядом лечь; обхватила она мне шею руками и начала: все о вас да о вас...

Разбойник. Что же она говорила?

Фанка *(зевает).* Глупости разные. Ну, я ее стала отговаривать.

Разбойник. Как?

Фанка. Да по-всякому. Что не придете вы больше, что забудете ее, что с мужчинами держи ухо востро... Уж мне ли не знать?!

Разбойник. А она?

Фанка. Ничего. Спасибо сказала. Уговорила я ее не думать о любви, она и заснула; да уж светать стало. *(Зевает.)* А вы что тут? Уходили бы лучше, дали бы людям покой.

Разбойник. А что старики?

Фанка. Да барин не велел барышне с вами разговаривать.

Разбойник. Не велел разговаривать?

Фанка. Так что ее и ждать напрасно. Мими мамочке на святом распятии присягнула, что больше с вами говорить не будет. Святую клятву дала перед всеми нами. Так что уж кончено. Ступайте, откуда пришли. Хватит. Да пришлите полотенца, слышите? *(Уходит.)*

Ворота приоткрываются. Выходит Мими.

Разбойник *(встает).* Мими!

Мими. Тише. Я думала, вы уж больше никогда не придете. Что вы так смотрите?

Разбойник. У вас глаза заплаканные.

Мими. Ничуть не бывало. А вы похожи на турка в чалме. Как вам? Не лучше?

Разбойник. Вы — набожная?

Мими. Наверно, да. Набожная.

Разбойник. И поклялись...

Мими. Да.

Разбойник. ...что не будете со мной говорить?

Мими. Да уж все равно. Знаю: это — страшный грех. Но я уж, наверно, ничего другого не буду делать, даже не хочу. Я так рада, что вы пришли!

Разбойник. Было очень неприятно?

Мими. Конечно. Что вы спрашиваете? Идите в лес. Здесь нам нельзя...

Наверху в окне появляется Профессорша.

Профессорша *(из окна).* Несчастное дитя! Иди домой!

Мими отворачивается.

Мими, что ты делаешь? Ведь ты поклялась нам! Слышишь? Иди домой!

Мими молча стоит на месте.

Разве ты не слышишь, Мими!.. Домой! Дитя, опомнись! Что с тобой?.. Бога ради, Мими! *(Исчезает.)*

Из ворот выходит Профессор в халате.

Профессор. Ты что — не слышишь? Марш домой! Ах ты, лживая, неблагодарная, упрямая девчонка! Не слушаться? Сейчас же домой!

Мими, подавляя слезы, не двигается с места.

Так ты не пойдешь? В последний раз, Мими: домой! Идешь или нет?

Мими закрывает лицо руками, вся дрожит.

Ступай прочь, прочь от нас! Знать тебя не хочу, бесстыжая негодница, шлюха! Убирайся! *(Захлопывает за собой ворота и запирает их изнутри.)*

Мими *(рыдая, бросается к воротам и стучит в них).* Мамочка, открой, открой!

Разбойник. Оставьте их, Мими. Пойдем.

Мими. Мамочка!

Разбойник *(кидается к ней).* Ну их к черту!

Профессорша *(открывает ворота).* Иди, иди сюда, детка. Видишь, что ты наделала!

Профессор *(появляется за нею).* Изолгавшееся, необузданное, непокорное, строптивое существо... Знать ее не желаю. Она мне не дочь!

Профессорша. Видишь, видишь, Мими! Ах ты глупышка!

Профессор. Она дает нам ложные клятвы, не слышит, не признает нас. Она — уже не наша!

Профессорша. Слышишь, детка? Какое ты нам причиняешь страданье!

Профессор. Бросить пас ради первого встречного. Вот кого мы вырастили!.. Мими!

Профессорша. Подойди, подойди к папе!

Профессор. Мими, дочка. Ведь ты не хочешь огорчить нас?

Профессорша *(обнимает ее).* Пойдем со мной!

Мими *(всхлипывает у нее на груди).* Мама!

Профессор. Видишь, милая? Теперь видишь? Неужели сразу не могла послушаться?

Разбойник. Уже завладели!

Профессор. Ну, что там еще? Мими, домой!

Мими послушно идет. Профессорша следует за ней.

Разбойник. Уже завладели!

Профессор. А с вами, юноша, мне не о чем говорить.

Слава богу, я еще в состоянии охранить свою дочь от всяких проходимцев. Почему вы дожидались нашего отъезда? Ради каких таких причин избегали нас? Вообще — кто вы такой? Что у вас за вид? Никаких объяснений вы мне, очевидно, дать не можете...

Разбойник. Нет.

Профессор. Абсолютно никаких. Просто недопустимо, чтобы Мими встретилась с вами еще хоть раз. Я теперь буду стеречь ее, как цепной пес. Почему она не глядит нам в глаза? Почему не может сказать, что здесь произошло? Как она познакомилась с вами? Кто тут стрелял? О чем она умалчивает? О, хорошего здесь, наверное, ничего не случилось.

Разбойник. Постойте.

Профессор. Что такое?

Разбойник. Мими плачет.

Профессор. Пускай поплачет. Не доверяться родителям так же дурно, как обманывать их. Родители — это совесть ребенка, и если Мими не хочет нам рассказать — значит, боится своей собственной совести. Такою наша Мими никогда не была! Какое зло вы причинили ей!

Разбойник. Что с ней там делают?

Профессор. А вам что до этого? Вчера мы оставили ее девочкой, резвушкой, овечкой беззаботной, а нынче она идет нам наперекор, молчит, скрытничает, вся в слезах, в жару, словно сумасшедшая. Мне тяжело вас видеть!

Разбойник. Да подождите!

Профессор. Вчера я знал вот этот дом, как самого себя. Каждый звук в нем был мне внятен, каждое сонное бормотанье я понимал. А как только появились вы, всю ночь в нем что-то потрескивает, смеется или стонет, вещи падают, дочь моя лежит, обливаясь слезами, а у ворот стоите вы, нелепый шут, с этой вот чалмой на голове, и прислушиваетесь, словно опрокинули улей, поставленный много лет тому назад. О, мы будем охранять ее от вас, хотя бы для этого пришлось посадить ее под замок! Вы производите на меня страшное, страшное впечатление! Стоите у наших ворот и подстерегаете, как зверь. Нормальны ли вы? У вас такой вид, будто вы не понимаете, что вам говорят!

Разбойник. Что?

Профессор. Ступайте прочь отсюда, слышите? До-

чери моей вам больше не видать. Никогда, никогда не допущу, чтобы вы к ней приблизились! Я вас не знаю, но с меня довольно, что я вас видел. Понимаете: никогда! Можете идти.

Из ворот выходит Профессорша.

Разбойник. Что вы ей сделали?

Профессор. Как она там?

Профессорша. Плачет. Я ее заперла и...

Профессор. Ничего не сказала?

Профессорша. Ничего. О, господи, какой это крест — дети!

Профессор. Пускай поплачет. Устанет — и упрямство пройдет. Пускай поплачет! Вытрет слезы, опять увидит нас рядом, как будто ничего не случилось и вообще ничего не было. А мы все так загладим, что следов не останется.

Профессорша. Тебе видней. А вам, сударь, мой муж сказал...

Разбойник. Что?

Профессорша. ...что мы не желаем, чтобы Мими с вами разговаривала. Вы... она... словом, мы не можем этого позволить. Вам не следовало встречаться по ночам, у нас за спиной, и вообще... Вообще это было бы для нее нехорошо.

Профессор. Попросту запрещаем — и кончено!

Профессорша *(несколько мягче).* Вы еще молоды...

Профессор. Тем хуже. Разве молодость — оправдание или привилегия? Молодость — это как раз недостаток. Молодость — значит, безнравственность. Неужели вы думаете, сударь, что к вам относятся серьезно?

Профессорша. Но, милый...

Профессор. Нет, голубчик! Вы думаете, я отношусь серьезно к этим вашим тряпкам на голове? Или к вашей любви и всякое такое? Все это фокусы! Бенгальский огонь! Маскарад! Старого воробья на мякине не проведешь! Да, вы действительно молоды! Вы... вы — страшно опасный человек, потому что несерьезны. Так что — договорились. Понятно? Мими вы больше не увидите. Пожалуйста, идите.

Разбойник. Иду. *(Вбегает в ворота, запирает их за собой на ключ и на засов. Потом слышен звук запираемой на ключ входной двери.)*

Профессор *(бежит к воротам).* Что вы делаете?

Профессорша. Силы небесные! Запер!

Профессор. Запер! Зачем ты ключ в двери оставила? *(Стучит в ворота.)* Откройте! Что вы делаете?

Профессорша. Откройте!

Профессор. Выходите оттуда, нахал!

Профессорша. Откройте, сударь!

Профессор. Как вы смеете? Выходите сейчас же, откройте ворота! С ума сошел, негодяй! Черт знает что!

Профессорша. Господи Иисусе, что за человек!

Профессор. Сейчас же открыть! Немедленно! Слышите, вы — вы, мерзавец!

Голос Разбойника *(из дома).* Слышу.

Профессор. Откройте!

Профессорша. Откройте!

Голос Разбойника. И не подумаю!

Профессор. Это переходит все границы! Извольте открыть сейчас же!

Голос Разбойника *(из дома).* Не открою!

Профессорша. Мими, открой нам! Ты слышишь, Мими?

Разбойник *(в окне, разъяренный).* Кто зовет Мими? Она тут ни при чем.

Профессор. Откройте сию минуту!

Разбойник. Вам придется подождать... *(Исчезает.)*

Профессор. Какой негодяй! Какая гадость! Пусти, я высажу ворота! Высажу!

Профессорша. Но, милый...

Профессор *(наваливается на ворота).* Пусти... я высажу... высажу!.. Погоди... Ох... ох... ох... не уступают. Они на болтах! Их никому не высадить. Вот подлец! Пусти...

Профессорша. Нет, нет, не надрывайся.

Профессор. Пусти. Я через стену перелезу. Где бы тут? Где пониже? Если б мне стул!

Профессорша. Тебе не перелезть.

Профессор. Если б стул! Какой подлец! Ступай позови кузнеца. Пусть выломает ворота!

Разбойник *(появляется на балконе и заряжает ружье).* Никуда не ходите. Ворота на засове.

Профессор. Иди за кузнецом!

Разбойник. Что ж, сходите. Передайте, что я его приветствую.

Профессор. Веди кузнеца!

Разбойник. Да предупредите его, что у меня — ружье заряженное! Никому не советую сюда ходить. Серьезно.

Профессорша. Господи! У него ружье!

Профессор. Мое ружье! Сейчас же положите! Кто вам позволил брать мое ружье?

Разбойник. Ланкастерское.

Профессор. Вон, бесстыдный! Вон из моего дома!

Разбойник. Из вашего дома! На что он мне нужен, ваш дом? Я все это делаю вовсе не ради него.

Профессор. Значит, вы добираетесь до моей дочери?

Разбойник. Вашей дочери!.. Тут все ваше: дом, ружье, Мими... Неужто это так важно, что они — ваши?

Профессор. Вон! Вон!

Разбойник. И не подумаю! Я того, что нашел, не отдам!

Профессор. Чего не отдам? Вообще, что вам нужно?

Разбойник. От вас — ничего. Но не становитесь мне поперек дороги. Я не отдам Мими. Ни за что на свете, сударь!

Профессор. Ну, довольно болтовни! Приказываю вам...

Разбойник. Вы ничего не можете мне приказывать. Привыкли командовать!.. Меня не запугаете и не задурите мне голову, как своей дочери. Не на таковского напали. Хотите запретить ей любить? Но я не дам ее в обиду. Воевать со мной будете? Пожалуйста. Действуйте, как вам вздумается. А я не отступлю ни на шаг, хотя бы для этого пришлось с жизнью расстаться!

Профессор. Чепуха! Чепуха! Чепуха! Неужели вы воображаете, шут вы этакий, что я приму всерьез ваши слова? Воевать! Расстаться с жизнью! Чтоб на меня могли произвести впечатление эти громкие фразы!..

Разбойник. Прекрасно. Вот увидим, серьезно это или нет. Заявляю вам, что живым отсюда не выйду.

Профессорша. Боже милостивый! А что Мими?

Разбойник. Без нее все сделается. Вы ее тоже не спрашиваете, делаете с ней, что хотите.

Профессор. Ты слышишь, Мими? Неужели потерпишь это?

Разбойник. Оставьте ее в покое! Здесь я... *(Оборачивается.)* Впрочем, Мими... *(Убегает внутрь.)*

Профессорша. Мими, выйди! Открой нам!

Голос Разбойника *(изнутри).* Не смейте! *(Яростно.)* Не смейте!

Мими *(появляется на балконе).* Папочка, я не могу...

Разбойник *(тянет ее за руку назад).* Уходите отсюда, Мими! А вы вот посмейте только!

Оба скрываются в доме.

Профессор. Мими, не слушай его! Открой нам!

Профессорша *(останавливает мужа).* Постой, давай послушаем...

Профессор. Что там делается?..

Профессорша. Он что-то говорит.

Профессор. Да.

Профессорша. Смеется.

Профессор. Подлец.

Профессорша. А теперь говорит Мими.

Профессор. Что?

Профессорша. Не разберу.

Профессор. Плачет?

Профессорша. Нет, не плачет. А теперь опять он.

Профессор. Принимать его всерьез! Какая чушь! Скажи, ты принимаешь его угрозы всерьез?

Профессорша. Не знаю.

Профессор. Но, сдается мне, я этого человека где-то уже видел. Когда-то давно, сам не знаю когда...

Профессорша. Да, на кого-то он похож...

Профессор. Такой безответственный!

Профессорша. Вспомнила! Когда я была девочкой и болела корью, мне подарили книжку с картинками. Там была одна картинка...

Профессор. Какая картинка?

Профессорша. На ней был изображен молодой индеец, вождь с перьями на голове, знаешь, такой индейский вождь? И он мне безумно понравился... До сих пор вижу его... как живого...

Профессор. Но какое это имеет теперь к нам отношение?

Профессорша. Никакое. Больше я этой книжки так и не видела.

Профессор. Какой книжки? Постой. Что они там?

Профессорша. Разговаривают.

Профессор. Я слышу голос Мими.

Профессорша. А я — его голос.

Профессор. Подлец! Но где я его видел? Где? Где?

Профессорша. В книге?

Профессор. Да нет, постой. Он на кого-то похож.

Профессорша. На кого?

Профессор. Ага, вспомнил! В молодости я был знаком с одним политическим... Ну, знаешь? Которые под надзором.

Профессорша. Молодым?

Профессор. Молодым, отчаянным... Что он только не выделывал! Девушки, сборища, стихи... Не понимаю, что к нему все так льнули. Так вот они с ним похожи! Как две капли воды!

Профессорша. Если бы хоть найти эту книгу!

Профессор. Какую книгу? Глупости. Ты что-нибудь слышишь?

Профессорша. Ходит по дому. Как будто что-то ищет.

Профессор. Что ему там искать? *(Кричит.)* Головорез, уходите! Убирайтесь из моего дома!

Вбегает Фанка.

Фанка. О чем крик? В чем дело? Что случилось?

Профессорша. Понимаете, Фани, *он* там, внутри.

Фанка. Это который? Тот, что ночью?..

Профессорша. Ну да. Не пускает нас в дом.

Фанка. Господи Иисусе, а мне пора готовить. Зачем вы его впустили?

Профессорша. Он сам вошел.

Фанка *(ломится в ворота).* Заперто!.. Эй, впустите меня! Вы должны открыть! Я еще не убрала в комнатах! Прикажите ему, барыня!

Профессорша. Да как же я прикажу, Фани? Ведь он насильно!

Фанка. Насильно?.. Эй ты, вор! Разбойник! Выйдешь ты оттуда? Выкатишься или нет? Караул! Караул!

Профессорша. Не кричите, Фани.

Фанка. А где Мими?

Профессорша. С ним. Он запер ее там... и сам заперся вместе с ней.

Ф а н к а. Господи Иисусе! Вот несчастье! Пропала, бедненькая!

П р о ф е с с о р. Что? Кто пропал?

Фанка. Да барышня наша. Господи, господи, вот беда-то! Эй ты, шаромыжник, бродяга! Отвори сейчас!

Г о л о с Разбойника *(из дома).* Потише!

Ф а н к а. Погоди, злодей, я тебе покажу, что такое женщина.

Г о л о с Р а з б о й н и к а. И так знаю.

Ф а н к а. Вон из нашего дома, оборванец!

Г о л о с Р а з б о й н и к а. Шиш тебе!

Фанка. Кончено. Его ничем не проймешь. Господи боже, бедняжка Мими! Такая молоденькая! Что с нею теперь будет?

П р о ф е с с о р. Да замолчите вы! И без вас тошно!

Фанка. Молчу, молчу... Несчастная наша барышня!

П р о ф е с с о р. Послушай, нельзя же это так оставить... Надо его оттуда выгнать! Сейчас же, сейчас же выгнать! Что делать, по-твоему?

П р о ф е с с о р ш а. Не знаю. Просто не знаю, что и думать...

П р о ф е с с о р. О чем?

П р о ф е с с о р ш а. Да о нем.

П р о ф е с с о р. Это подлец! Бегите за кузнецом, Фанка! Пусть придет, взломает ворота.

Фанка. Лечу.

П р о ф е с с о р. Постойте. И скажите старосте, чтобы тоже пришел. Что я прошу... власть... вмешаться в это дело.

Фанка. Да, да! *(Стремительно убегает.)*

Пауза.

П р о ф е с с о р. Не думал я, мой друг... что мне придется с бою добывать свой собственный дом! Что на карту будет поставлено... все! Почему молодость становится нам поперек дороги? Не успел дом себе построить, не успел состариться на работе, не успел сесть в кресло у камина, уже слышишь у порога чужие шаги... Чужие, легкие, быстрые... Это молодость! Враг! Тут как тут! Отступись, не мешай, старый упрямец!

П р о ф е с с о р ш а. Послушай...

П р о ф е с с о р. Но я не отступлюсь. Я проучу его! Молодость нужно сломить.

П р о ф е с с о р ш а. Послушай, не надо было никого звать.

П р о ф е с с о р. Почему?

П р о ф е с с о р ш а. Ради Мими. Пойдут всякие разговоры...

П р о ф е с с о р. Какие там разговоры! Нет, нет, я не отступлюсь.

Р а з б о й н и к *(высовывает голову на балкон).* Ушли, что ли? *(Выходит на балкон.)* Ну, так как? Вы готовы?

Пауза.

Я тоже.

Пауза.

Ах, не желаете со мной разговаривать? Тем лучше!

П р о ф е с с о р *(очень сухо).* Постойте!

Р а з б о й н и к. Что такое?

П р о ф е с с о р. Немедленно очистите дом... на основании официального приказа. Даю вам сроку... три минуты.

Р а з б о й н и к. Вы хотите сказать — три недели.

П р о ф е с с о р. Нет. Шутки кончены, молодой человек.

Р а з б о й н и к *(совершенно серьезным тоном).* Вы перестанете называть это шуткой. Недаром вы этот дом укрепили. До свидания.

П р о ф е с с о р. Ну, так с вами будут говорить другие. И по-другому.

Р а з б о й н и к. Вы послали за подкреплением?

П р о ф е с с о р *(мрачно, угрожающе).* Увидите.

Р а з б о й н и к. Наконец-то!

П р о ф е с с о р *(Профессорше).* Ты слышишь, как он разговаривает? Как хорохорится?

Р а з б о й н и к. Не обольщайтесь! Впрочем, играть против вас одного — было бы нечестно.

П р о ф е с с о р. Что значит — играть?

Р а з б о й н и к. Ну, бороться. Вы слишком слабы и беспомощны. Чем больше вас будет, тем больше я буду прав.

П р о ф е с с о р *(возмущается).* Прав! Вы и право! Ну, где видано подобное бесстыдство? Взломщик, насильник, похититель — вот вы кто! Воображаете, будто делаете что-то необычайное? Эх, голубчик! Этаких молодцов уж много шаталось по свету. Никого такими подвигами не удивишь. И всякий раз какой-нибудь юнец затягивает старую погудку! И воображает, будто бог весть

что новое делает! До смерти надоел мне этот старый фарс.

Разбойник. Жаль. А мне он нравится.

Профессор. Вздор! Вздор! Еще немного — и пройдет жизнерадостность, пройдет жажда приключений, — все пройдет. Вот когда вы предстанете предо мной посрамленный — тогда-то я вам и скажу: без горького опыта нет доброго начала. Молодость нужно сломить.

Разбойник. Мою или ее?

Профессор. Что такое?

Разбойник. Вы думаете, я допущу, чтобы ее молодость сломили?

Профессор. Вы в своем уме? Я, я оберегаю Мими.

Разбойник. Нет, сударь. Это я оберегаю ее.

Профессор. Вы ее губите. О, я вырву глупости из ее сердца! Скорей убью свою дочь, чем отдам ее вам.

Разбойник *(оборачивается в комнату).* Вы слышали, Мими? Вот видите!

Профессор. Пускай слышит! Пускай знает, что все кончено!

Разбойник. Штурмом будете брать?

Профессор. Глупости! Просто вас арестуют.

Разбойник. Ага, полицию вызвали? Прекрасно. Она сюда не проникнет.

Профессор. Как? Вы собираетесь оказать сопротивление... полиции?

Разбойник. Конечно.

Профессор. Как... как же вы рассчитываете это сделать?

Разбойник. Очень просто: буду стрелять.

Профессор. К... как? В полицию?

Разбойник. Кроме шуток.

Профессор. О... это... это... преступник! В полицию... Мой друг!

Профессорша. Господи! Что с тобой?

Профессор. Ох... ох... ох... се... сердце... задыхаюсь... Ты слы... слышала? В полицию!

Профессорша. Что вы с нами делаете? Он так болен!

Профессор *(опускается на скамью).* В полицию!

Профессорша. Впустите нас в дом. Вы его убьете!

Разбойник. Вот как? А меня вы хотите убить?

Профессорша. Он заболеет! Неужели вы хотите причинить Мими такое огорчение?

Разбойник. А вы меня собираетесь выгнать? Неужели хотите причинить Мими такое огорчение?

Профессорша. Будьте благоразумны! Вам невозможно оставаться у нас!

Разбойник. А почему бы нет? Тут решетки, продовольствие, боевые припасы... Две недели выдержу. И тысячу ночей, сударыня.

Профессорша. Будьте же деликатны. Если вас тут увидят...

Разбойник. Не надо было никого звать...

Профессор *(встает).* Не разговаривай с ним.

Входит Шефль, стоит и смотрит.

(Глухим голосом.) Вы... преступник! Вы еще раскаетесь... жестоко!.. Я... не остановлюсь ни перед чем!

Разбойник. Я тоже. *(Уходит в дом.)*

Шефль. С вашего позволения, этот господин и есть разбойник, да?

Профессорша. Что-то в этом роде.

Шефль. Вот оказия. А я-то вчера нашел его раненого, с эдакой дырой в голове, и еще перевязывал его. Сам не знал, кому помогаю. Надо его окружить: как бы не убежал!

Профессорша. Ах, если б оп убежал!

Шефль. Ну, нет. Такого безобразника надо наказать. В доме-то у вас много чего красть?

Профессорша. Много, Шефль, слишком много! Больше, чем вы можете предположить.

Шефль. Так, так. Жалость какая!

Профессорша плачет.
Входит Учитель.

Учитель. Прошу прощения, что случилось? Я встретил вашу служанку, — она мне сказала, что у вас в доме разбойник. Ладно, думаю, я — член Сокольской организации, могу быть им полезен. Где он?

Профессорша. Внутри, господин учитель.

Учитель. Вооружен?

Профессорша. Да.

Шефль. Я вам говорю: окружить его.

Учитель *(пробует открыть дверь).* У кого ключи?

Профессорша. У него.

Учитель. Надо его обезоружить. *(Кричит.)* Выходи, мерзавец! Сложи оружие!

Входит Кузнец с инструментами.

Кузнец. Вам, значит, требуется ворота выломать?

Профессор. Да, да, выламывайте!

Кузнец. Видать, там и есть разбойник?

Шефль. Ну конечно!

Учитель. Тут внутри.

Кузнец. Ну тогда, парень, доберусь я до тебя! Цыган, что ли?

Шефль. Какое! Барин с виду...

Кузнец. Будь он неладен! Покажу я ему барина!

Шефль. Я говорю, кузнец: надо окружить его!

Кузнец. Первым делом — ворота. Отойдите-ка.

Профессор. Да, да, выламывайте!

Кузнец *(пробует прочность ворот).* Ишь проклятые! Будь они неладны! Не поддаются. Какой дурак такие заказывал?

Профессор. Я.

Кузнец. Видать, крепость понадобилась? Так зови антиллерию.

Профессор. Что такое?

Кузнец. Что такое? Засовы. Крюки. Болты железные — вот что... Окаянные ворота! Будь я проклят, ежели их кто выломает.

Появляются один за другим Староста и Сосед.

Староста. С добрым утром, господин профессор. К вам тут какой-то разбойник, говорят, забрался.

Профессор. Он внутри.

Учитель. Заперся там.

Шефль. И не хочет выходить.

Староста. Вон как! Среди бела дня!

Сосед. Постучался ко мне, значит, староста и говорит: «Пойдем, сосед, ты нужен. Ты мой заместитель, члены совета и начальник пожарной команды сейчас прибудут. Пойдем: к профессору воры забрались».

Шефль. Я говорю: окружить надо.

Профессор. Господин староста, обращаюсь к вам как к представителю власти... с просьбой выдворить его из моего дома.

Староста. Сейчас, сейчас. Минутку.

Профессор. Чего вы ждете?

Староста. Пристава. Фанка его ищет.

Сосед. Она его будит.

Староста. Он еще спит.

Сосед. Вчера напился.

Староста. И ты тоже.

Сосед. И ты тоже.

Кузнец. Черт возьми! Где же это?

Староста. В трактире «У Беранека».

Кузнец. Ах, чтоб его! Экая досада...

Староста. Ну что же теперь...

Сосед. И никуда не годится.

Староста. Ох, да...

Сосед. Ох-ох-ох...

Учитель. Вот видите, соседи. Теперь вздыхаете...

Сосед. Да-да-да!

Учитель. А сколько раз я вам говорил: водка — яд.

Вбегает Фанка — одна.

Фанка *(тяжело дыша)*. Они еще поливают его. Он спит. О, господи, как я бежала!

Староста. Слабый оп на это дело...

Сосед. Придется тебе одному, староста.

Староста *(стучит в ворота)*. Эй, именем закона!

Разбойник *(высовывает голову)*. Что там опять? *(Исчезает.)* Мими, мы в осаде.

Сосед. Эй, эй, староста! Погляди-ка.

Староста. Что такое?

Сосед. Ведь это он!

Староста. Кто он?

Сосед. Да тот гуляка, с которым мы до утра пили!

Староста. Тот? х-х-х-х, х-х-х-х, ха-ха-ха-ха-ха, хахахаха-ха-ха!

Сосед. Га-га-га, га-га-га, га-га-га-га-га-га...

Староста. Голубчики мои, да это... ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха...

Сосед. Га-га-га-га-га-га-га-га!

Староста. ...ха-ха-ха-ха, вот мошенник!

Сосед. ... га-га-га-га-га-га-га-га!

Профессор. Господин староста!

Староста. Х-х-х-х-х-х-х-х-х-х!

Сосед. Га-га-га-га-га га-га-га!

Шефль. Хе-хе, хе-хе, хехехе!

Профессор. Господин староста, опомнитесь!

Староста. Да я х-х-х-х-х — да я ничего. Ха-ха-ха-ха-ха!

Сосед. Га-га-га, га-га-га, га-га-га! Перестань, староста! Я все животики надорвал!

Староста. Просто помереть со смеху, люди добрые!

Профессор. Господин староста, вы — лицо официальное.

Староста. Ну да, официальное. Да он-то — не вор.

Сосед. Га-га-га-га!

Староста. Ха-ха-ха-ха! Он у вас ничего не украдет.

Сосед. Ведь там барышня с ним.

Староста. Она уж за ним присмотрит.

Сосед. Га-га-га, га-га-га!

Староста. Х-х-х-х!..

Профессор. Потрудитесь удалить его из моего дома.

Староста. Да он сам уйдет.

Профессор. Я не за тем вас звал.

Староста. Ну, что ж, будь по-вашему... *(Стучит в ворота.)* Молодой человек, молодой человек!

Разбойник *(выходит на балкон с ружьем за плечом).* Что вам надо?

Староста. Ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха...

Сосед. Га-гата-га-га-га-га-га!

Шефль. Хе-хе, хе-хе, хе-хе-хе!

Староста. Молодой человек, уходите!

Разбойник. Не пойду.

Сосед. Ну и мастер же вы выпить, молодой человек!

Староста. Как спалось?

Разбойник. Хорошо.

Сосед. Ну и мастер же вы выпить. Духовидец тот, шахтер-то, до сих пор все никак не очухается.

Староста. Ха-ха-ха-ха... А пристава... ха-ха-ха-ха... полива... поливают!

Кузнец. А, черт побери! И надо же такому случиться...

Профессор. Примите меры, господин староста. Прикажите ему!

Староста. Сейчас, сейчас. Молодой человек, отоприте!

Разбойник. Не отопру.

Староста. Я приказываю.

Разбойник. Именем закона?

Староста. Именем закона.

Разбойник. А я на закон плевать хотел. *(Уходит.)*

Сосед. Что, староста? Получил? И поделом!

Кузнец *(в восхищении).* Черт возьми, ловко!

Учитель. Это преступник. Господин староста, надо послать за полицейскими.

Староста. Куда послать-то. Полицейские теперь ловят цыганов.

Учитель. Цыган, господин староста. Винительный падеж — цыган, крестьян.

Староста. Никаких крестьян. Полицию нужно.

Учитель. Вы бы вызвали пожарную команду, сосед.

Сосед. Да ведь никакого пожара нету.

Фанка. Я сбегаю за господином лесничим.

Шефль. Да он со вчерашнего дня как в воду канул. Вот оказия!

Первый мальчишка *(появляясь).* Господин учитель, я туда брошу камнем.

Учитель. Нельзя бросаться камнями.

Второй мальчишка *(появляясь).* Господин учитель, я через стену перелезу.

Учитель. Нельзя лазать через стену.

Шефль. Говорю вам, окружить надо.

Профессор. Пошлите за полицией, староста!

Староста. По-моему, не надо этого, господин профессор.

Профессор. Ну, так я сам пошлю. Фанка!

Фанка. Бегу.

Староста. Погодите, Фанка. Я улажу... Эй, молодой человек! Выйдите-ка на минутку!

Разбойник *(выходит на балкон).* В чем дело?

Староста. Послушайте: будьте же благоразумны. Вот господин профессор хочет посылать за полицией.

Разбойник. Пусть посылает!

Староста. Лучше пойдем с нами. Потом опять вернетесь.

Профессор. Никогда!

Староста. Пардонь, сударь, я по-хорошему. Ну куда это годится, молодой человек: ведь вы в чужом доме! Пошутили, и будет. Господин профессор справедливо требуют. Пойдем к нам, пообедаем, а потом — в лес, за зайцами. Барышня от вас не уйдет. Ну, пошли, что ли?

С о с е д. Прекрасно сказано.

Р а з б о й н и к. Не пойду. Да обещай вы мне, староста, бог знает что на свете, дурак я был бы, если б ушел. Будь что будет; лучше жизнь отдам, а не уйду отсюда. Серьезно. Счастье — не шутка, староста, и я не дурак. Продлись оно только неделю, и то за него все отдашь. Так что оставьте меня в покое.

К у з н е ц. Черт побери, прекрасно сказано!

С т а р о с т а. Господин профессор, не стал бы я по такому случаю полицию вызывать.

П р о ф е с с о р *(Разбойнику).* Прошу вас... дайте мне... мой дигиталис... и кусочек сахара.

Р а з б о й н и к. Пожалуйста. Я подам через ограду. *(Убегает внутрь дома.)*

Ф а н к а. Значит, мне идти за полицией?

У ч и т е л ь. Я придумал! Когда он подаст это лекарство... как его?.. Ну, ди-ги-талис этот самый... я схвачу его за руку и перетащу через ограду.

П р о ф е с с о р. Ах, да, да! Сделайте это!

У ч и т е л ь. Сделаю. Схвачу — и он попался. Как дерну за руку, сразу вниз слетит! А вы тут, кузнец, сразу на него.

К у з н е ц. Ну, уж нет. Это мне не по вкусу.

С о с е д. Мне тоже. Это подвох.

Ф а н к а. Га-га-га, а я согласна.

Шефль. Я, пожалуй, тоже.

У ч и т е л ь. Очень хорошо. Держитесь поближе ко мне. И как только он — вниз, вы сейчас на него! А теперь — тихо. Приготовьтесь!

Пауза. Щелкает замок входной двери.

Шефль. Идет уж!

Пауза.

П р о ф е с с о р ш а *(шепотом).* Господи помилуй...

Р а з б о й н и к *(с ружьем на плече садится на стену и подает пузырек).* Вот, держите кто-нибудь. Как? Никто не берет?

Напряженное молчание.

Господин учитель!

С о с е д *(шепчет Старосте).* Ей-ей, так не годится!

Р а з б о й н и к *(протягивает руку).* Да ну же, господин учитель. Я вас не укушу.

Учитель. Да, да... позвольте... *(Медленно подходит, за ним Фанка и Шефль; подымает руку.)*

Кузнец *(вполголоса).* Господи Иисусе!

Учитель *(берет пузырек и отходит).* Спа... спасибо!

Профессор. Вы — баба! Как вам не стыдно!

Разбойник. Ах, вы тоже — против меня? Хотели стащить меня за руку? *(Снимает с плеча ружье.)* Вот так учитель!

Учитель. Вы думаете, я вас боюсь, негодяй? Сдавайтесь!

Разбойник *(взводит курок).* Сейчас учитель уйдет домой.

Учитель. Не пойду... Но, но... Не балуй ружьем, безобразник!

Разбойник *(вскидывает ружье).* Уйдете вы или нет?

Учитель *(переходит на другое место).* Что... что я вам сделал? Перестаньте, сударь.

Разбойник *(целится).* Берегись!

Староста *(загораживает Учителя своим телом).* Ну, довольно! Это уж чересчур. *(Кричит.)* Подать сюда ружье, а то...

Разбойник. Я думал, вы мне друг. *(Спрыгивает внутрь ограды. Щелкает замок.)*

Учитель *(вытирает пот со лба).* Какой мерзавец! Пошлите за полицией, господин староста!

Староста. Вы хотите, чтобы его застрелили?

Учитель. Да ведь это преступник!

Профессор. Пошлите за полицией! Это — ваша обязанность, господин староста!

Сосед. Староста, не посылай. Добра не будет!

Староста. Я... *(Пауза.)* Нет, не стану посылать!

Профессор. Фанка!

Шефль. Подумайте хорошенько, многоуважаемый!

Профессор. Ступайте за полицейскими, Фанка. От моего имени.

Фанка. Ха-ха! *(Бежит со всех ног.)*

Сосед. Пойдем, староста. Ну их.

Староста. Этого не надо было делать, сударь. Не надо.

Профессор. Я вас не спрашиваю, сударь!

Сосед. Ну его, староста. Пойдем. Пускай делает, что хочет.

Шефль. Да, этого не надо было делать.

Профессорша. Не нужно было тебе этого делать.

Учитель. Правильно сделали, отлично!

Профессор. Я ни в чьих советах не нуждаюсь.

Пауза.

Шефль. Был, доложу я вам, лет пятьдесят тому назад браконьер один. Я тогда еще мальчишкой был. Без промаха стрелял, ровно какой заколдованный. Дичина словно сама на него бежала. Так этот вот на того удальца до чего похож!..

На балкон выходит Разбойник и снимает с головы повязку.

Староста. Молодой человек, молодой человек! Образумьтесь. Ведь полиция придет.

Разбойник. Пускай приходят!

Сосед. Пойдем с нами, молодой человек. Пускай они свою барышню под спуд прячут.

Разбойник *(опять завязывает себе голову).* Я вам больше не верю. И вам тоже.

Шефль. Пойдем отсюда, молодой господин. Как бы с вами чего не случилось!

Кузнец. Идем с нами, право. И ежели они к нам подступятся, я им, черт побери...

Профессорша. Вы *на самом деле* остаетесь? Во что бы то ни стало?

Разбойник. Остаюсь. Что дальше?

На балкон выходит Мими, не глядит вниз, колеблется.

Мы не грустим, Мими.

Мими отворачивается, полная внутренней борьбы.

Что такое, Мими! Что вы хотите?

Мими быстро подходит к нему, обнимает его за шею, целует и опять убегает, ни разу не взглянув вниз.

Профессорша. Мими!

Профессор. Дочь!

Пауза.

Шефль. Вот какая оказия!

Разбойник *(стоит неподвижно; потом внезапно).* Никогда! Поняли? *(Уходит.)*

Пауза.

Профессор *(тихо).* Простите, что потревожили вас, господа... Теперь попрошу оставить нас одних!

Учитель *(с иронией).* Прошу прощения, что вмешался в это дело. Тысяча извинений. *(Уходит.)*

Староста. Господин профессор, я бы отправил полицию обратно...

Профессор. Желаю вам всего доброго.

Сосед. Пойдем, староста. Оставь его.

Староста. Идем.

Уходят.

Кузнец *(идет за ними).* Ах ты, разрази его! Да я бы на все на это... *(Уходит.)*

Шефль *(стоит в воротах).* Отворить, отворить надо! *(Уходит.)*

Пауза.

Профессор. Друг мой, что делать? Как быть?

Профессорша. Делай, что хочешь.

Профессор. Что с ней?

Профессорша. Не знаю.

Профессор. Двадцать лет берегли ее как зеницу ока. Каждый камешек с дороги убирали, веточки над ней раздвигали, чтоб она о тень не споткнулась. Ну скажи, оставляли мы ее до сих пор хоть раз одну?

Профессорша. Нет.

Профессор. И зачем только мы вчера уехали из дома! О, я ехал с тяжелым сердцем! И как только у тебя в пути появилось скверное предчувствие, я сейчас же сделал по-твоему, и мы вернулись с полдороги...

Профессорша. «По-моему»! Ты же сам захотел.

Профессор. Ну да... Мы с тобой, друг мой, должны бояться судьбы. Должны понимать ее указания. Вон что наделала нам старшая-то!

Профессорша. Лола?

Профессор. Не произноси при мне ее имени! Я знать ее не хочу!

Профессорша *(помолчав).* Не понимаю почему, только я все время думаю о ней...

Профессор. Молчи! Не напоминай! Нет, нет, сохрани боже! То, что она сделала, не должно повториться!

Профессорша *(помолчав).* Хоть бы знать, где она, что с ней...

Пауза.

Послушай.

Профессор. Что?

Профессорша. Разве это не судьба? Когда Лола бежала из дома через окно, ты велел всюду сделать решетки и замки. Говорил, что превратишь наш дом в крепость. Никакая решетка не казалась тебе достаточно надежной...

Профессор. Так что же?

Профессорша. Да как ты не видишь? Ведь именно из-за этого мы и потеряли Мими. Из-за того, что наш дом стал крепостью. Из-за твоих решеток.

Профессор. Из-за моих решеток! Что же мне, по-твоему, надо было распахнуть перед дочками настежь двери и окна? Чтоб и Мими могла убежать в окно, только кто пальцем поманит? Ох, это у наших девчонок в крови!

Профессорша. От кого?

Профессор. От кого, от кого... Конечно, не от меня!

Профессорша. Да уж, не от тебя!

Профессор. Как это?.. Ты на что намекаешь?

Профессорша. Ни на что... Конечно, не от тебя.

Профессор. Но, мамочка, и не от тебя же? Ты ведь не это хочешь сказать?

Профессорша. Не знаю. Но только не от тебя.

Профессор. И не от тебя. Сохрани бог, нет, нет, не от тебя!

Профессорша. Тебе видней.

Профессор. Это не от нас идет. Сколько лет мы с тобой друг друга ждали?

Профессорша. Восемь.

Профессор. Вот видишь: восемь лет... Всю молодость... И нам не приходило в голову убегать; пи па мгновение даже во сне не приснилось, что можно... больше не ждать...

Профессорша. Тебе... может быть... не приходило.

Профессор. Ни разу. Но ведь и тебе тоже? Скажи.

Профессорша. Мне?

Профессор. Ну конечно, нет. Восемь лет ты ждала, тихо, пристойно, терпеливо...

Профессорша. Терпеливо? Нет! Прошу тебя, но говори об этом.

Профессор. О чем?

Профессорша. Об этих восьми годах.

Профессор. Ради бога, друг мой! Я тебя не пони-аю! Разве мы тогда неправильно поступили? Разве лучше было бежать? Скажи. Ты думала тогда о побеге? Ожидала, что я тебя увезу?

Профессорша. Что я думала? Я тогда ничего не понимала!

Профессор. Ах, не понимала! Не понимала! Но скажи, могли ли мы поступить иначе?

Профессорша. Тебе видней.

Профессор. Нет. Скажи: могли или нет? Ты такая умная, мамочка; я всегда считал тебя такой благоразумной. Скажи, ты поступила бы теперь иначе? Не стала бы ждать? Бежала бы? Да или нет? Скажи!

Профессорша *(помолчав).* Я не благоразумная.

Профессор. Ах... вот этого не ожидал! Этого не ожидал! Не знал я тебя!

Профессорша. Ну, да. Послушай... может быть, это и есть любовь?

Профессор. Что — любовь?

Профессорша. То, что у Мими... Что он делает, и все это. Это и есть любовь?

Профессор. Почему ты спрашиваешь?

Профессорша. Просто так. Я ведь этого не знала.

Профессор. Чего... чего не знала?

Профессорша. Того, что у Мими. Будет Мими жалеть о своей молодости?

Профессор. А ты жалеешь?

Профессорша. Мы, кажется, вовсе и не были молоды.

Профессор. Да, не были. У меня для этого времени не хватало. Приходилось работать!

Профессорша. Я знаю. Но ты мог сделать... хоть что-нибудь. И я, может быть, узнала бы...

Профессор. Что?

Профессорша. Как Мими... А может, и больше. Что я сделала бы, если б ты проявил ко мне... больше любви!

Профессор. Если б *я* проявил к тебе!.. Друг мой, но разве это не была любовь — что я работал ради тебя... до изнеможения... недосыпал... жизни не видел...

Профессорша. Работал, я знаю. Но ждать было... трудней, чем работать.

Профессор. А ты ждала восемь лет! Разве это не была любовь?

Профессорша. Любовь? Не знаю. Любовь была скорей, когда я вдруг почувствовала, что не могу больше ждать... когда мне вдруг... захотелось бежать с тобой, махнув рукой на все — на стыд... на все на свете... Ты об этом и не знал, я тебе об этом ничего не сказала, потому что... потому что ты меня все равно бы отговорил... И это прошло... совсем прошло.

Профессор. Ты хотела со мной бежать?

Профессорша. Только раз. Но это было... гораздо важней тех восьми лет и... всех остальных.

Профессор. Всей нашей супружеской жизни?

Профессорша. Не знаю. Может быть.

Профессор. Мой друг, ты серьезно?

Профессорша. Когда открываешь рот... впервые за тридцать лет, надо думать, что это серьезно.

Профессор. Вот как! Вот оно что! Понял, старик, какого ты маху дал? Во всем себе отказывал, покоя не знал, здоровья не жалел — все это не любовь! Так что же такое — любовь?.. Ты не любил! И тебя — никогда не любили!

Профессорша. Прошу тебя...

Профессор. Нет, нет, молчи! Я был счастлив; думал... верил... что... что прожил жизнь, посвященную любви... и окруженную любовью. Был счастлив... а теперь... это счастье... возвращаю тебе!

Профессорша. Господи, что ты говоришь!

Профессор. Возвращаю! Возвращаю! Я — старый дурак! Этот окаянный вертопрах появился вовремя и дал мне хороший урок! *(Грозит кулаком по направлению к балкону.)* Будь проклят! Ты отнял у меня дом, дочь, отнял жену, отнял семью. Но я не уступлю, я отомщу тебе! За все! За себя!

Профессорша. Да... да... ты велишь... застрелить его!

Профессор. Так будет!

Профессорша. Но это кровь... пятно, которое ляжет на Мими.

Профессор. Отомщу! Молодость надо сломить. *(Опускается на скамью и закрывает лицо руками.)*

Пауза.

(Поднимает голову.) Но тогда что же мне делать? Что мне с ним делать?

Профессорша. Что делать? Ты вызвал полицию...

Профессор. А если он окажет им сопротивление,— тогда что?

Профессорша. Тогда... я бы хотела быть... там.

Профессор. Где? С ним?

Профессорша. С Мими... чтоб она не пала духом... Чтобы помочь ей.

Профессор *(встает).* Один, один! О, боже мой!

Влетает Фанка.

Фанка. Господи Иисусе, прямо дух захватило!

Профессор. Что такое?

Фанка. Сударь, полицейских нету!

Профессор. Не кричите так!

Фанка. Тут, значит, цыгане, и они, значит, их ловят. Только к вечеру вернутся. А есть, сударь, солдаты, в отпуск уволенные. Так я им сказала,— они, сударь, идут с ружьями, со всем, как полагается. Да еще отставные, да лесники... Господи Иисусе, прямо дух захватило!

Профессор. Зачем солдаты?

Фанка. Да на разбойника. Его добывать.

Профессор. Солдаты. Зачем солдаты?.. Погодите, Фанка, сядьте где-нибудь. Оставьте нас.

Фанка. Пить хочется, мочи нет. *(Садится у стены.)*

Пауза.

Профессор. Итак, один, один. Ах, почему от одиночества не умирают! Боже мой, чем я провинился, что ты послал мне эту муку? Один, один! Ах, как я стар!

Скрипит замок.

Фанка. Берегитесь!.. Он выходит!..

Ворота открываются, выходит Разбойник.

Профессор. Что... что вам надо?

Профессорша. Пустите меня, пустите меня к Мими!

Разбойник. Сударыня, Мими просит вас пройти к ней.

Профессорша. Вы позволите?

Разбойник. Да. Она хочет с вами проститься.

Профессорша. Почему проститься? С какой стати? Что это значит?

Разбойник. Прежде чем придут полицейские.

Профессорша. Я не хочу прощаться. Я останусь с ней.

Разбойник. Ах, так? Ну, это нет! *(Хочет уходить.)*

Профессорша. Нет, сударь, не уходите! *(Падает на колени.)* Умоляю вас, пустите меня к ней! Хоть на минутку! Я останусь до тех пор, пока вы позволите; как только вы скажете, сейчас же уйду...

Профессор. Не унижайся перед ним!

Профессорша. Не слушайте его, сударь. Мой сын, вы не злой. Вы не откажете...

Разбойник. Встаньте, сударыня, а то я уйду.

Профессорша *(встает).* Пустите меня к Мими!

Разбойник. На пять минут. Но вы не должны настраивать ее против меня.

Профессорша. Клянусь.

Разбойник. Не должны бранить ее. Лишать ее мужества. Обещаете?

Профессорша. Обещаю. Ведь вы будете присутствовать.

Разбойник. Нет, не буду.

Профессорша. Спасибо.

Разбойник *(колеблется).* А вы меня не обманете?

Профессорша. Клянусь.

Разбойник *(отворяет ворота).* Пожалуйста!

Профессорша *(входит).* Награди вас бог!

Разбойник хочет идти за ней.

Профессор. Мне надо с вами поговорить.

Разбойник *(запирает ворота и кладет ключ в карман).* Я слушаю.

Профессор. А со мной Мими не хотела... проститься?

Разбойник. Нет.

Профессор. О-о... Что она делает?

Разбойник. Плачет.

Профессор. А-а!.. Почему же она плачет? Что вы ей сделали?

Разбойник. Не из-за меня.

Профессор. Я ненавижу вас! За всю свою жизнь я не испытал столько любви, сколько испытываю к вам ненависти!

Разбойник. Что вы хотели мне сказать?

П р о ф е с с о р. Что ненавижу вас! За то, что вы буйный, жадный, бесцеремонный! За то, что вы жестокий, за то, что вы дерзкий!

Р а з б о й н и к. Я знаю.

П р о ф е с с о р. За то, что вы молодой! За то, что вы сумасшедший! За то, что вам везет!

Р а з б о й н и к. За что еще?

П р о ф е с с о р. За то, что все на вашей стороне!

Р а з б о й н и к. Это неправда.

Фанка. Неправда!

П р о ф е с с о р. Все на вашей стороне! Все, кого я любил! Мой ребенок, моя жена, мой родной дом. Вы отняли у меня все, ничего не оставили. Любить мне больше некого, но вас я ненавижу!

Р а з б о й н и к. У вас есть полиция.

П р о ф е с с о р. Я вас ненавижу! Все глаза устремлены на вас: глядите, вот герой! На что отважился — ради любви! Это сумасбродство, эти проделки, эта дерзость, все это — любовь! Великая, славная, достохвальная любовь! Любовь до гроба! Любовь, преображающая людей в героев и богов!

Р а з б о й н и к. Не говорите о любви!

П р о ф е с с о р. Да, лучше о другом: о любви не достохвальной, которая делает людей не героями, а бабами; о любви, которая учит человека боязни, трепету, тревоге. Ах, до какой слабости, до какого ничтожества дошел я в своей любви! Она меня опошлила, сделала трусом: я потерял себя, забыл о себе! Я дурак! Старый дурак! Думал, что любить — значит служить, жертвовать собой! Терпеть лишения, копить, изнурять себя работой! Дурак! А что получил? Я вас ненавижу!

Р а з б о й н и к. Вам что-нибудь нужно?

П р о ф е с с о р. Ничего! Да, я — не герой! У меня тоже было честолюбие, я хотел... я мог чем-то стать. Но зачеркнул сам себя ради хлеба насущного. А теперь я — ничтожный одураченный любовью, противный, старый, седой нищий — из-за любви. Я — не герой!

Р а з б о й н и к. Зачем вы мне это говорите?

П р о ф е с с о р. Потому что ненавижу вас! Вы — герой, а я — одинок! Где все? Почему оставили меня? Из-за того, что я недостаточно дерзок, чтобы стать... героем? Не настолько эгоист, не настолько жесток, не настолько вздорен, чтоб стать... героем. Что такое любовь?

Голоса за сценой. Говорю, не ходи сюда, милая, не ходи.

Фанка. Кто-то идет.

Шефль *(выходит, пятясь и размахивая руками).* Ведь тут стрелять будут. Господи, не ходи ты сюда с ребенком!

Выходит Закутанная женщина с ребенком на руках.

Профессор. Кто это?

Шефль. Прошу прощения, господин профессор. Я только взглянуть хотел, пришли полицейские или нет, а тут как раз эта женщина. Не ходи сюда, говорю. А она и ухом не ведет. *(Стучит себя по лбу.)* Видно, не все дома. Эге, он уже вышел?

Профессор. Уведите ее.

Шефль. Пойдем, голубушка, пойдем скорей отсюда. Здесь сейчас война будет.

Закутанная женщина. Куда мне идти?

Шефль. Здесь нельзя!

Разбойник. Оставьте ее, Шефль, она больна.

Фанка. Может, бродяжка какая.

Закутанная женщина садится на скамью.

Профессор. Любовь! Пускай мне не говорят о любви. Если труд и терпение, заботы, самый отказ от молодости — не любовь, молчите о любви. Я не хочу о ней слышать! Не выношу ее!

Закутанная женщина *(покачиваясь).* Любовь! Встретишь обломок человеческий, который был женщиной, встретишь жалкую блудницу, которая была дочерью, встретишь больную старуху, которая была молодой, — увидишь, увидишь!

Шефль. Она маленько не в себе, дело ясное.

Фанка *(встает и подходит к ней).* Дай-ка мне ребенка.

Закутанная женщина. Не надо, не надо, не бери. У него отца нету.

Фанка *(берет ребенка).* Давай, давай. Не укушу. *(Садится у стены и кладет ребенка на колени.)*

Профессор. Кто вы такая?

Закутанная женщина. Никто. Прежде была кем-то, а теперь никто.

Профессор. Сумасшедшая.

Закутанная женщина. Нет. Прежде была сумасшедшая, была молодая, пела весь день, любила, любила, сердце звало меня вон из дома... Все прекрасно, когда ты молода, все тебе улыбается; каждая тропинка манит, да вот беда: куда приведет!

Разбойник. Кто вы?

Закутанная женщина. Не спрашивай у орла, что такое жизнь. Спроси об этом у раненой голубки. Не спрашивай себя, что такое любовь, — спроси об этом ту, которую бросил возлюбленный.

Профессор. Она права! Права!

Закутанная женщина. Спроси погибшую девушку, спроси мать с незаконным ребенком на руках, спроси встречную нищенку: она тебе скажет, что кому-то правилась, и это была любовь.

Профессор. Да, да. Вы слышите?

Закутанная женщина. Любовь это то, что тебя покинуло, любовь — то, что прошло, любовь никогда не возвращается. Нарви цветов, сядь на берегу и не плачь, а кидай их в черный поток: пусть каждый видит, что такое любовь; пусть каждая вскрикнет: горе, горе мне! Может, он меня уже бросил! Ах, девушка, он бросил тебя в то самое мгновение, как первый раз завел речь о любви. Несчастная Мими!

Профессор. Что такое?

Закутанная женщина. Папа меня даже не узнает. Как поседел, как постарел! И как же я изменилась, если он стал такой?

Фанка *(вскакивает).* Господи Иисусе! Барышня!

Профессор. Лола, несчастная, откуда ты взялась?

Лола. Пришла хоть издали на вас посмотреть, а по дороге мне сказали, что Мими...

Шефль. Ей-богу, барышня, не узнал.

Фанка. Мне вас жалко, барышня!

Профессор. Несчастное дитя, покажись мне! О, боже!

Лола. Я пришла для того, чтобы показаться ей и сказать: «Погляди, погляди, погляди, Мими, что это такое!»

Профессор. Как ты исхудала! На тебя страшно смотреть!

Лола. Сестрица Мими, я хочу тебя позабавить: сяду около тебя с ребенком па коленях. Гоп-гоп-гоп, гоп-гоп-гоп... Отдай мне ребенка!

Фанка. Погодите, барышня, я люблю детей нянчить. Гоп-гоп-гоп, гоп-гоп-гоп.

Профессор. Покажи. Это твой ребенок? Куда же я его дену? И тебя куда, бедная Лола? Посмотри, это уже не наш дом! Его отнял у нас вот этот, видишь?

Лола. Да, это не наш дом: у нашего не было решеток; там окна были настежь. И мы в детстве играли, то влезем в окно, то вылезем из окна наружу... из окна наружу... Мими, не вылезай из окна наружу.

Фанка. Господи Иисусе! *(Плачет.)*

Профессор *(заключает Лолу в объятья).* Бедная моя птичка, куда тебя деть?

Лола. Дай мне посмотреть на маму. Наверно, мама не постарела так, как ты. Мама — такая молодая.

Профессор. Мама — не с нами, Лола, и он тебя к ней не пустит.

Лола. Ты говоришь о том, кто обманул Мими? *(Вскрикивает.)* Зачем он обманул ее!

Профессор. Смотрите, вы, герой: вот она — любовь! Проклятье тому, кто сделал с ней это.

Фанка. Барышня, барышня, войдите в дом!

Лола. Дай мне моего ребенка: без него — я ничто. Я — только пушинка, сухой листок, несущий семя по ветру.

Профессор. Опавший листок, куда же я тебя дену?

Разбойник. Сюда! *(Отпирает ворота.)*

Лола *(вскрикивает).* Нет, я его боюсь!

Профессор *(полунесет, полуведет ее).* Не бойся, дочка, он не посмеет тебя тронуть. Ты дома, дома, все мы теперь будем, как ты... так же несчастны, как ты... и никто не посмеет прийти... *(Входит с ней в ворота.)*

Лола *(в воротах).* Любовь — это то, что тебя покинуло...

Шефль *(смотрит им вслед).* Вот оказия...

Фанка *(идет к воротам с высоко поднятой головой).* Пустите, я несу ребенка!

Шефль. То-то она все казалась мне будто знакомой...

Фанка *(войдя в ворота, тотчас захлопывает их за собой и задвигает засов).* А ты оставайся там! Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

Разбойник. Не запирайте!

Фанка *(за стеной).* Ха-ха-ха, я тебя не пущу! *(Запирает входную дверь.)*

Разбойник. Откройте! Мими, открой!

Шефль. Экая жалость! Теперь конец...

Разбойник. Конец? Ну, нет. *(Прыгает на стену и оттуда во двор.)*

Шефль *(кричит).* Господин профессор, он идет на вас!

Разбойник *(за стеной, стучит во входную дверь).* Мими, выйди! Открой мне! Сударыня, откройте!

Шефль. Ишь, разбойник!

Пауза. Из дома несутся женские крики.

Голос Разбойника. Откройте, черт побери!

Шефль. Ей-ей, я бы не стал открывать!

На балкон выбегает Фанка с ребенком на руках.

Фанка. Га-га, га-га, га-га-га! Вот он ключ! Видишь? Видишь? Га-га-га, не пущу!

Голос Разбойника. Дайте сюда ключ, Фанка!

Профессор *(появляется в балконной двери).* Дайте мне ключ, Фани! Скорей!

Фанка. Га-га-га, га-га, никому не дам! Пустите! *(Убегает.)*

Профессор *(на балконе).* А теперь — ступайте отсюда, милый! Чего вам еще тут нужно, безумец? Кончено, кончено!

Голос Разбойника. Нет, не кончено. Мими, ты слышишь?

Фанка *(выскакивает на балкон, без ребенка, с ружьем в руках).* Пустите! Держите Мими!

Профессор. Не стреляйте! Положите это!

Фанка. А-а-а-а! Ну погоди! *(Упирает ружье в живот и стреляет вниз, в Разбойника.)*

Из дома доносится крик. Профессор убегает в дом.

Голос Разбойника. Мне ничего не сделалось, Мими! Я иду за тобой!

Фанка. Забудь про эту дверь. *(Стреляет.)* Не уходишь? Ну погоди! *(Убегает в дом.)*

Шефль. Ей-ей, вот так женщина! От таких подальше!.. Эй, молодой человек! Молодой человек, говорю!

Фанка *(выбегает на балкон с полным фартуком патронов и заряжает).* Погоди, я тебя... Где же он? Убежал? Где он, Шефль?

Шефль. Да только-только был тут.

Фанка. Господи, что там делается.

Голос из дома. Фанка, пойдите скорей сюда!

Фанка. Некогда. Ага, он там!.. Брось эту мотыгу! Слышишь? Ну погоди! *(Стреляет в сад.)* Га-га!

Шефль. Попала?

Фанка. Не знаю. Вроде того. Эй, бродяга, вор, грабитель, брось мотыгу! Господи Иисусе, дверь выламывает. Перестань!

Голос Разбойника. И выломаю! Я иду за тобой, Мими!

Шефль. Скорей, Фанка, скорей!

Фанка. Вот тебе! *(Стреляет в Разбойника.)* Га-а-а!

Шефль. Убит?

Фанка. Где там! *(Заряжает.)* Господи, дверь трещит!

Шефль. Молодой человек, берегитесь!

Раздается треск.

Фанка. Га-га, га-га, мотыга треснула! Треснула, треснула твоя мотыга!

Профессор *(выбегает на балкон).* Марш отсюда, Фанка! Пойдите, разденьте Мими!

Фанка. Бегу. *(Убегает в дом.)*

Профессор. Уходите, сумасшедший! Вы хотите убить больную женщину?

Голос Разбойника. Мими, я вернусь!

Лола *(в балконных дверях).* Вернись! Вернись! Вернись!

Профессор. Вернетесь! Молодость не возвращается; никто не возвращается таким, как был! И вы, если вернетесь, то уже таким, как я! Пойдем, дочка. *(Уходит.)*

Шефль. Ей-ей, теперь уж конец!

Голоса за сценой.

Голос Капрала. Стой! Ложись!

Шефль. Господи, солдаты! Молодой человек, берегись! Солдаты идут!

Капрал *(выходит).* Так вот она, крепость эта самая!

Солдат Франта *(выходит).* Вот чертовщина!

Капрал *(обращается за кулисы).* Целься в окна, ребята!

Шефль. Ей-ей, солдатик, не надо бы этого.

Капрал. Почему?

Шефль. А его уж там нету. Он в саду, за той стеной.

Капрал. А в доме кто?

Шефль. Да остальные; а он, значит, их в осаду взял.

Франта. Вот потеха.

Капрал. Ага, так нам надо сад брать. *(Поворачивается к лесу.)* Ребята, внимание! Солдаты пойдут со мной. Штатские с оружием, отставные и лесники окружают дом. Самокатчики располагаются на дороге, а кавалерия — в лесу. Надо взять его — живого или мертвого.

Шефль. Скорей, а то убежит!

Капрал. Саперы, за мной! Франта, взрывчатка у тебя?

Франта. Так точно. Вот чертовщина-то!

Солдаты перебегают лужайку и становятся на колени у стены. Один начинает долбить штыком между кирпичами.

Шефль *(садится возле них на корточки).* Что это вы делаете?

Капрал. Стену снимаем.

Шефль. Как это — снимаем?

Капрал. Да взрывать будем. Слышишь, Франта?

Франта. Так точно. Вот пойдет чертовщина!

Капрал. Все — как на войне. *(К долбящему.)* Как сверлишь? Ты что? Не знаешь, какая дыра нужна? Она узкая должна быть. Слышишь, Франта?

Франта. Так точно. И глубокая!

Капрал. Чем меньше дыра, тем действие сильней. Слышишь, Франта?

Франта. Так точно.

Пока они долбят стену, Разбойник появляется у них над головой на стене и усаживается там.

Капрал. Теперь, Франта, всунь туда вот это.

Шефль. А это что?

Капрал. Патрон.

Шефль. Какой?

Капрал. Взрывной.

Шефль *(испуганно).* Зачем же это?

Капрал. Стену на воздух поднять. Как на войне.

Шефль. Господи Иисусе, этого не надо. Вдруг беда будет!

Капрал. Франта, спички!

Шефль. Того гляди, весь дом рухнет!

Капрал. Франта, зажигай... Ты, дядя, отойди: сейчас стена взлетит.

Франта. Вот чертовщина!

Разбойник *(у них над головой).* Здравствуйте, ребята!

Шефль. Это он.

Капрал *(вскакивает).* Сдавайся!

Разбойник. Что-о?

Фанка *(выбегает на балкон с ружьем).* Ага, вот он где? *(Целится в Разбойника.)*

Разбойник *(поднимает руку).* Фанка, мое последнее слово!

Фанка *(опускает ружье).* Ну, что еще?

Разбойник. Не забывай меня! Прощай, мой цветочек! *(Спрыгивает во двор.)*

Фанка. Га-а-а, мошенник! Держи! Убежит! *(Убегает в дом.)*

Капрал. Я за ним. Нагнись, Франта!

Франта нагибается, Капрал становится ему на спину и перелезает через стену.

Шефль. Постойте, я тоже. *(Становится Франте на спину, садится верхом на стену, но спрыгнуть боится.)*

Капрал *(отпирает ворота изнутри).* Скорей, ребята! Он убегает!

Франта. Вот потеха! Бегом, ребятишки!

Солдаты вбегают в ворота.

Шефль *(на стене).* Убегает! Держи, держи! Вон, вон он! Через стену лезет! Эй-эй, в лес бежит! Стреляйте!

Вооруженные штатские, отставные солдаты, лесники, мальчишки высыпают из лесу на сцену и бегут опрометью с криками: «Ура! Держи, держи его!»

(На стене.) Убежал. Жаль, что конец. Как бы мне теперь слезть? Принесите кто-нибудь стул! Никого нету! Стул! Стул! Принесите мне стул!

Слышны удаляющиеся ружейная стрельба и крики.

Да бросьте вы его! Помогите мне! Принесите кто-нибудь стул... Спасите! Спасите!

Из ворот выходят обратно Капрал и Франта.

Франта. Вот была чертовщина!

Из ворот выходит Фанка.

Шефль. Сбежал, разбойник! Будто сквозь землю провалился! Прошу вас, солдатик, помогите мне слезть!

Франта *(нагибается).* Становитесь.

Фанка. Господа солдаты, солдатики, вы здесь па ночь останьтесь... караулить.

Капрал. Что ж, можно. Слышишь, Франта?

Франта. Так точно. Вот будет чертовщина.

Фанка. Завтра нам, видно, переезжать...

Шефль. Я тоже буду сторожить! *(Идет к воротам.)*

Капрал. Сдается мне, где-то я его уже видел!

Фанка. Понимаете, капрал, — мне тоже так кажется.

Франта. Так точно; и мне.

Капрал. Постой, Франта: припоминаю! Ну да! Мальчишкой я видел циркача — тоже так вот чудесил. Прямо глаз не оторвешь! Этот шибко на него смахивает.

Франта. Нет, тут не циркач — подымай выше. Я малышом одного молодого князя иностранного на охоте видел. Так этот — ни дать ни взять тот самый князь.

Капрал. Ну, понес! При чем тут князь? Одно слово: комедиант.

Франта. Какой комедиант? Говорю, князь!

Фанка. Никакой не князь. Улан. Я молодой еще девчонкой была, вели солдаты улана в цепях: видно, чего страшного наделал. Мы, девки да парни, на него ровно на дикого зверя глаза вылупили! А он вдруг посмотрел на меня, да и говорит: «Дай мне водицы». Встрепенулась я, жбан ему с водой подаю. Он пьет тихонько, а смотрит так, будто у него душа с телом расстается. Потом сказал: «Прощай, цветочек!» Ну прямо вот как этот мне давеча. И глаза у того улана такие же были: красивые глаза, бедовые. До смерти не забуду.

Капрал. Видно, вы, Фанка, в этого самого улана влюбились.

Ф а н к а. Понимаете, капрал, я зубы заговаривать не стану. Стара для этого. Прямо скажу: больно он мне понравился; ну а царя-то в голове еще не было...

К а п р а л. Так как же вы хотели этого разбойника застрелить?

Ф а н к а. Сама не знаю. Видно, потому что не молодая уж и стало мне жалко...

К а п р а л. Чего?

Ф а н к а. Своей потерянной молодости.

Занавес

Действие первое

УКАЗАНИЕ ДЛЯ ПОСТАНОВКИ НА ПРИРОДЕ

Сцена должна иметь тот же вид, что при постановке в театре. Если возможно, позади или немного в стороне — другое место действия, отделенное от основного лесом либо кустарником: скошенный луг и на нем — маленький трактирчик «У Беранека» с несколькими столиками перед фасадом.

Вступление

Из ворот выходят Профессор и Профессорша с чемоданом, пледом и т. п.; за ними идет, зевая, Фанка. Раннее утро.

Профессорша. Идем скорей, как бы не опоздать.

Профессор. Еще час до отхода.

Фанка *(хочет взять чемодан).* Дайте, говорю! Я донесу вам.

Профессор. Нет, нет, не оставляйте Мими одну.

Профессорша. Следите за ней, Фани!

Фанка. Будьте покойны.

Профессор. Да, не спускайте глаз с этого ребенка, не отходите от нее пи на миг...

Мими *(высовывает на балкон голову в чепце).* До свиданья, папа, до свиданья, мамочка. Счастливого пути!

Профессор. До свиданья, Мими, веди себя хорошо. Ходи только с Фанкой гулять и...

Мими. Да, папочка.

Профессорша. Иди еще бай-бай, Мими. Жди нас завтра вечером. И слушайся Фанку.

Мими. Да, мамочка.

Фанка. Не беспокойтесь. Я буду следить. Ступайте уж!

Профессор. Ну, до свиданья, дочка! Будь осторожна!

Профессорша. До свиданья, Мими!

Профессор и Профессорша уходят.

Мими. Счастливого пути. *(Скрывается.)*

Фанка. Все никак не расстанутся! *(Уходит в ворота и запирает их за собой.)*

Пантомима

Как только Профессор и Профессорша удалились в направлении к станции, Разбойник на соседнем лугу начинает рвать черешни. Прибегает землевладелец Пролог, начинается перебранка. Пролог снимает с Разбойника шляпу. В ответ Разбойник снимает шляпу с Пролога и убегает с ней. Через некоторое время он опять появляется на лугу, где девки сгребают сено, и начинает с ними дурить. Прибегает Пролог и грозит ему палкой. Разбойник убегает в лес. Пролог бранит девушек и бежит за ним. Через мгновенье он снова выходит из лесу, держа за плечо Разбойника. Дальше — основной текст от начала до конца первого действия. Сосед въезжает на настоящей телеге.

Финал первого действия

Мими. У меня голова заболела! *(Уходит в дом.)*

Сосед и Шефль кладут Разбойника на телегу и едут с ним к трактиру «У Беранека». Дети и девушки, танцуя, окружают телегу и провожают Разбойника до дверей трактира.

Конец первого действия

Действие второе

Вступление

Разбойник с забинтованной головой и Доктор выходят из трактира «У Беранека», садятся за столик под открытым небом и начинают азартно играть в карты.

Мими *(выходит из ворот с каким-то шитьем).* Почему он никого не пришлет? Что с ним теперь? Боже, сжалься надо мной!

Фанка *(выходит из ворот).* Не ходи никуда, Мими!

Мими. Я никуда не иду. *(Садится на скамью.)* Ах, прислал бы поскорей весточку, как ему там.

Фанка. Кто? Убитый этот? А полотенца он прислал?

Мими. Неужели он умрет, Фанка?

Фанка. Да уж коли голову прошибли, кончено.

Мими. Замолчите, Фани!

Фанка. Да что вы волнуетесь? Какое вам до него дело? Кто он, Мими?

Мими. Не знаю.

Фанка. Значит, выбросили его из головы, да?

Мими. Фани, Фани, он не должен умереть!

Фанка. Ну да, станет такой спрашивать, что он должен, чего не должен.

Мими. Если он умрет, Фани, я не знаю... я с ума сойду!

Фанка *(строго).* Мими... Мими, ты думаешь о нем!

Мими. Нет, нет, Фани. Видит бог, я думаю только о том несчастье, которое здесь произошло. Ах, значит, ему очень плохо, раз он не дает знать!

Фанка. Иди лучше спать. Уж поздно.

Мими. Сейчас, Фани. Я нынче не засну.

Фанка. А я еще как... Тогда запри за собой ворота. *(Уходит в дом.)*

Мими *(одна).* Если бы кто здесь прошел... у кого бы спросить... как он там! Через кого бы передать... Кажется, кто-то идет!..

Из леса выходит Сосед.

Сосед, сосед! Сударь!

Сосед. А, барышня! Добрый вечер.

Мими. Скажите, пожалуйста, что с ним?

Сосед. С этим подстреленным-то? Спасибо.

Мими. Как он?

Сосед. Да у него доктор.

Мими. Господи боже! Режет его?

Сосед. Какое! Без взятки остается.

Мими. Но выживет он?

Сосед. Доктор-то наш? Он выдержит.

Мими. Нет, я... о том...

Сосед. А о том и разговору нет, барышня.

Мими. Благодарю вас. Вы очень добры.

Сосед. Не на чем. Вот хочу на дерябню сходить.

Мими. На какую дерябню?

Сосед. Да не на дерябню, — на деревню. Покойной ночи, барышня! *(Уходит.)*

Мими *(раскрывает объятия).* Он не умрет! Он вернется!

Мими уходит в дом, заперев ворота. Между тем возле трактира Разбойник обыграл Доктора и встает из-за стола. Пауза. Выходит Ночь, величественная женщина в покрытой звездами одежде.

Ночь

Я — Ночь. О смертные, я та богиня,
что стаи звезд из горних стойл выводит
и милосердною рукой смежает
усталых вежды.
Все усталость знают.
Цветы и травы долу клонят стебель.
Труд устает, и боль ослабевает,
всех сон долит. Весь мир земной затихнет,
когда путем росистым нисхожу я,
царица всех усталых.
Преклоните,
о смертные, главу к моим коленям.
Бальзамом сна я увлажню вам раны.
Пот утомленья черными власами
отру, златою нитью сновидений
мрак разошью, овею вам чело
серебряным дыханием покоя
и устелю послушной тишиной
приют влюбленных.

О друзья, итак,
спустилась ночь. И верьте: всюду тьма.
По ходу пьесы — вам ни зги не видно,
а если что увидите, так это
лишь призраки волшебной летней Ночи.
(Отходит вглубь.)

Появляется Разбойник, и далее разыгрывается второе действие — до ухода Разбойника и Шахтера.

Ночь
(выступает вперед)

Покой и мир вам, смертные созданья,
завеса ночи пала. На абзацы
повествованье делится. Антракты
есть даже в драме жизни: ночь и сон.
А утром продолженье драма эта
всегда находит для себя самой.
И раны, нанесенные с рассвета,
я вновь и вновь залечиваю тьмой.
(Уходит.)

Конец второго действия

Действие третье

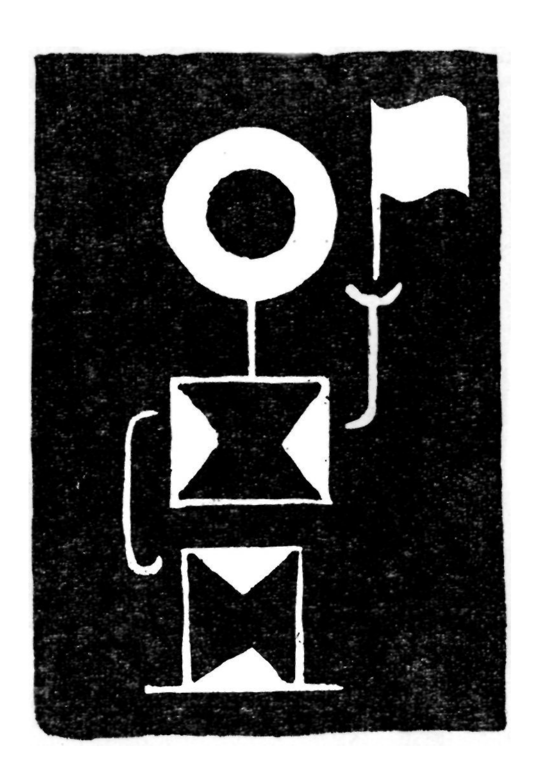
Вступление

Из трактира «У Беранека» вываливается компания бражников: впереди Разбойник в обнимку со Старостой и Соседом, за ними Шахтер, Пристав, девки, парни. Разбойник прощается, все пляшут вокруг него; он машет носовым платком и направляется к лесному домику. Все машут платками ему вслед. Как только Разбойник подошел к домику, начинается третье действие.

Rossum's Universal Robots

Коллективная драма в трех действиях
со вступительной комедией

Перевод
Н. АРОСЕВОЙ



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гарри Домин — главный директор компании «Россумские универсальные роботы».

Инженер Фабри — генеральный технический директор РУРа.

Доктор Галль — начальник отдела физиологических исследований РУРа.

Доктор Галлемайер — руководитель Института психологии и воспитания роботов.

Консул Бусман — генеральный коммерческий директор РУРа.

Архитектор Алквист — руководитель строительства РУРа.

Елена Глори.

Нана — ее нянька.

Марий — робот.

Сулла — девушка-робот.

Радий } роботы.
Дамон }

1-й робот.

2-й робот.

3-й робот.

4-й робот.

Робот Прим.

Девушка-робот Елена.

Слуга-робот и многочисленные роботы.

Домин в прологе — человек лет тридцати восьми, высокий, бритый.

Фабри — тоже бритый, светловолосый, с серьезным выражением и тонкими чертами лица.

Доктор Галль — щуплый, живой, смуглый, с черными усами.

Галлеймайер — огромный, шумный, с рыжими английскими усиками и щеткой рыжих волос на голове.

Бусман — толстый, плешивый, близорукий еврей.

Алквист — старше остальных, одет небрежно, у него длинные с проседью волосы и борода.

Елена очень элегантна.

В самой пьесе все — на десять лет старше.

Роботы в прологе одеты, как люди. У них — отрывистые движения и речь, лица без выражения, неподвижный взгляд. В пьесе — на них полотняные блузы, подпоясанные ремнем, на груди — латунные бляхи с номерами.

После пролога и второго действия — антракт.

Пролог

Главная контора комбината «Rossum's Universal Robots». Справа дверь. В глубине сцены через окна видны бесконечные ряды фабричных зданий. Слева — другие комнаты конторы. Домин сидит за большим американским письменным столом во вращающемся кресле. На столе лампа, телефон, пресс-папье, картотечный ящик и т. д.; на стене слева — географические карты с линиями пароходных маршрутов и железных дорог, большой календарь, часы, показывающие без малого полдень; на стене справа прибиты печатные плакаты: «Самый дешевый труд — роботы Россума!», «Тропические роботы — новинка! 150 долларов штука», «Каждый должен купить себе робота», «Хотите удешевить производство? Требуйте роботов Россума!». Кроме того, на стенах — другие карты, расписание пароходов, таблица с телеграфными сведениями о курсе акций и т. п. С таким украшением стен контрастирует роскошный турецкий ковер на полу, круглый столик справа, кушетка, глубокие кожаные кресла и книжный шкаф, на полках которого вместо книг стоят бутылки с винами и водками. Слева — несгораемый шкаф. Рядом со столом Домина — столик с пишущей машинкой, на которой пишет девушка-робот Сулла.

Домин *(диктует)*. ...что мы не гарантируем сохранность нашей продукции в пути. Мы предупреждали вашего капитана еще при погрузке, что судно не приспособлено для транспортировки роботов, так что ущерб, причиненный товару, не может быть отнесен за наш счет. Подпись — директор компании... Напечатали?

Сулла. Да.

Домин. Еще одно письмо. Фридрихсверке, Гамбург. Дата. Подтверждаем получение вашего заказа на пятнадцать тысяч роботов...

Звонит внутренний телефон. Домин поднимает трубку.

Алло! Да, главная контора. Да... Конечно. Да, да, как всегда. Конечно, отправьте им каблограмму. Ладно. *(Повесил трубку.)* На чем я остановился?

Сулла. Подтверждаем получение вашего заказа на пятнадцать тысяч роботов.

Домин *(задумчиво)*. Пятнадцать тысяч роботов. Пятнадцать тысяч...

Марий *(входит)*. Господин директор, какая-то дама...

Домин. Кто именно?

Марий. Не знаю. (*Подает визитную карточку.*)

Домин (*читает*) Президент Глори... Просите.

Марий (*открывая дверь*). Пожалуйте, сударыня.

Входит Елена Глори, Марий уходит.

Домин (*поднялся*). Прошу вас.

Елена. Господин главный директор Домин?

Домин. К вашим услугам.

Елена. Я пришла к вам...

Домин. ...с запиской от президента Глори. Этого достаточно.

Елена. Президент Глори — мой отец. Я Елена Глори.

Домин. Мисс Глори, мы чрезвычайно польщены тем, что... что...

Елена. ...что не можем указать вам на дверь.

Домин. Что нам выпала честь приветствовать дочь великого президента. Прошу вас, садитесь. Сулла, вы можете идти.

Сулла уходит.

(*Садится.*) Чем могу служить, мисс Глори?

Елена. Я приехала...

Домин. ...посмотреть наш комбинат по производству людей. Как и все наши гости. Пожалуйста, пожалуйста.

Елена. Я думала, что осматривать фабрики...

Домин. ...запрещается, конечно. Но — все приезжают сюда с чьей-нибудь визитной карточкой, мисс Глори.

Елена. И вы всем показываете?

Домин. Лишь немногое. Производство искусственных людей — наш секрет, мисс.

Елена. Если б вы знали, как это меня...

Домин. ...необычайно интересует. Старая Европа только об этом и говорит.

Елена. Почему вы не даете мне договорить?

Домин. Прошу прощения. Но разве вы хотели сказать что-нибудь другое?

Елена. Я только хотела спросить...

Домин. ...не покажу ли я вам, в виде исключения, наши фабрики? Конечно, мисс Глори.

Елена. Откуда вы знаете, что я собиралась спросить именно об этом?

Домин. Все спрашивают одно и то же. *(Встает.)* Из особого уважения, мисс, мы покажем вам больше, чем другим, и... одним словом...

Елена. Благодарю.

Домин. Если вы обязуетесь никому не рассказывать даже о мелочах...

Елена *(встает, подает ему руку).* Честное слово.

Домин. Спасибо. Не хотите ли поднять вуаль?

Елена. Ах да, конечно, вы хотите видеть... Извините...

Домин. Да?

Елена. Не отпустите ли вы мою руку?

Домин *(отпускает ее).* О, простите, пожалуйста!

Елена *(поднимает вуаль).* Вы хотите убедиться, что я не шпион. Как вы осторожны!

Домин *(в восхищении рассматривает ее).* Гм... конечно — мы... приходится...

Елена. Вы мне не доверяете?

Домин. Необычайно, мисс Еле... pardon, мисс Глори. Нет, правда, — я необычайно рад... Как прошло ваше путешествие по морю?

Елена. Хорошо. Но почему...

Домин. Потому что... я хочу сказать... вы еще очень молоды.

Елена. Мы сейчас пойдем на фабрики?

Домин. Да. Наверно, двадцать два, не больше?

Елена. Двадцать два чего?

Домин. Года.

Елена. Двадцать один. Зачем это вам нужно знать?

Домин. Потому что... так как... *(С восторгом.)* Вы ведь у нас погостите, правда?

Елена. Это будет зависеть от того, что вы мне покажете из вашего производства.

Домин. Опять производство! Нет, конечно, мисс Глори, вы все увидите. Прошу вас, присядьте. Вас интересует история изобретения?

Елена. Да, очень. *(Садится.)*

Домин. Так вот. *(Садится на край письменного стола, с увлечением рассматривает Елену, говорит быстро.)* В тысяча девятьсот двадцатом году старый Россум великий философ, но тогда еще молодой ученый отправился на сей отдаленный остров для изучения морской фауны. Точка. Путем химического синтеза он пытался воссоздать

живую материю, так называемую протоплазму, пока вдруг не открыл химическое соединение, которое имело все качества живой материи, хотя и состояло из совершенно других элементов. Это произошло в тысяча девятьсот тридцать втором году ровно через четыреста лет после открытия Америки. Уфф!

Елена. Вы что — вытвердили это наизусть?

Домин. Да. Физиология — не мое ремесло, мисс Глори. Продолжать?

Елена. Что ж, продолжайте.

Домин *(торжественно)*. И тогда, мисс, старик Россум написал посреди своих химических формул следующее: «Природа нашла один только способ организовать живую материю. Но существует другой, более простой, эффективный и быстрый, на который природа так и не натолкнулась. Этот-то второй путь, по которому могло пойти развитие жизни, я и открыл сегодня». Подумайте, мисс: он писал эти великие слова, сидя над хлопьями коллоидального раствора, который даже собака жрать не станет! Представьте себе: вот он сидит над своей пробиркой и мечтает о том, как из этого материала вырастет целое древо жизни, как от него пойдут все животные, начиная какой-нибудь туфелькой и кончая... кончая самим человеком. Человеком из другой материи, чем мы! Мисс Глори, это было неповторимое мгновение!

Елена. А дальше?

Домин. Дальше? Теперь нужно было заставить эту материю жить, ускорить ее развитие, создать всякие органы, кости, нервы и что там еще, изобрести еще какие-то вещества, катализаторы, энзимы, гормоны и так далее. Словом, вы понимаете?

Елена. Н-н-не знаю. Кажется, очень мало.

Домин. А я так и вовсе ничего. Но он, знаете ли, с помощью своих микстурок мог делать, что хотел. Мог, например, соорудить медузу с мозгом Сократа или червяка длиной в пятьдесят метров. Но так как в нем не было ни капли юмора, он забрал себе в голову создать нормальное позвоночное или даже человека. И взялся за это.

Елена. За что?

Домин. За копирование природы. Сначала он попробовал сделать искусственную собаку. На это ушло несколько лет, и получилось существо вроде недоразвитого теленка, которое сдохло через несколько дней.

Я покажу вам его останки в музее. И уж после этого старый Россум приступил к созданию человека.

Пауза.

Елена. И об этом я не должна никому говорить?

Домин. Никому на свете.

Елена. Как жаль, что это уже попало во все хрестоматии.

Домин. Конечно, жаль. *(Соскочил со стола, сел рядом с Еленой.)* Но знаете, чего нет в хрестоматиях? *(Постучал себя по лбу.)* Что старый Россум был страшный сумасброд. Серьезно, мисс Глори, — но это пусть останется между нами. Старый чудак и впрямь решил делать людей!

Елена. Но ведь и вы делаете людей?!

Домин. Приблизительно, мисс Елена. А старый Россум понимал это буквально. Видите ли, он мечтал как-то там... развенчать бога. Он был ужасный материалист и затеял все исключительно ради этого. Ему нужно было только найти доказательство тому, что никакого господа бога не требуется. Вот он и задумал создать человека точь-в-точь такого, как мы. Вы немного знакомы с анатомией?

Елена. Очень... очень мало.

Домин. Я тоже. Представьте, он вбил себе в голову устроить все, до последней железы, как в человеческом теле. Слепую кишку, миндалины, пупок — словом, вещи совершенно излишние. И даже... гм... даже половые железы.

Елена. Но ведь они... ведь они...

Домин. ...не лишние, я знаю. Но если создавать людей искусственно, о, тогда уж... совсем не нужно... гм...

Елена. Понимаю.

Домин. Я покажу вам в музее то чучело, что старик состряпал за десять лет. Оно должно было изображать мужчину и жило целых три дня. У старого Россума не было ни капли вкуса. Все, что он сооружал, производило страшное впечатление. Зато внутри имелось все, как у человека. Нет, правда, в высшей степени тщательная работа. И тогда сюда приехал инженер Россум, племянник старого. Гениальная голова, мисс Глори. Едва он увидел, что творит старик, как сказал: «Глупо — делать человека целых десять лет. Если ты не станешь производить их быстрее природы, всю эту лавочку надо послать к черту». И сам принялся за анатомию.

Елена. В хрестоматиях об этом рассказывается иначе.

Домин *(встает).* Хрестоматия — платная реклама и вообще бессмыслица. Там, например, говорится, будто роботов изобрел старый господин. А ведь старик годился, быть может, для университета, но он понятия не имел о промышленном производстве. Он-то думал делать настоящих людей — ну, там каких-нибудь новых индейцев, доцентов или идиотов, понимаете? Только молодому Россуму пришло в голову выпускать живые, наделенные интеллектом, рабочие машины. Все, что написано в хрестоматиях о сотрудничестве обоих Россумов, — просто детские сказки. Они страшно ругались друг с другом. Старый атеист понятия не имел о том, что такое индустрия, и в конце концов молодой запер его в какой-то лаборатории, чтобы тот возился там со своими гигантскими недоносками, а сам приступил к промышленному производству. Старый Россум буквально проклял его и до смерти своей успел соорудить еще два физиологических страшилища, пока его самого не нашли в лаборатории мертвым. Вот и вся история.

Елена. А молодой что?

Домин. Молодой Россум, мисс... это был новый век. Век производства после века исследования. Немножко разобравшись в анатомии человека, он сразу понял, что все это слишком сложно и хороший инженер сделал бы все проще. И он начал переделывать анатомию, стал испытывать — что надо упростить, а что и совсем выкинуть. Короче, мисс Глори... вам не скучно?

Елена. Нет, наоборот, все это стррրашно интересно.

Домин. Так вот, молодой Россум сказал себе: человек — это существо, которое, скажем, ощущает радость, играет на скрипке, любит погулять и вообще испытывает потребность совершать массу вещей, которые... которые, собственно говоря, излишни.

Елена. Ого!

Домин. Погодите. Которые совершенно излишни, если ему надо, допустим, ткать или производить счетные работы. Дизельный мотор не украшают резьбой и орнаментом, мисс Глори. А производство искусственных рабочих — то же самое, что производство дизельмоторов. Оно должно быть максимально простым, а продукт его — практически наилучшим. Как вы думаете, какой рабочий практически лучше?

Елена. Какой лучше? Наверно, тот, который... ну, который... Если он честный... и преданный...

Домин. Нет — тот, который дешевле. Тот, у которого минимум потребностей. Молодой Россум изобрел рабочего с минимальными потребностями. Ему надо было упростить его. Он выкинул все, что не служит непосредственно целям работы. Тем самым он выкинул человека и создал робота. Роботы — не люди, дорогая мисс Глори. Механически они совершеннее нас, они обладают невероятно сильным интеллектом, но у них нет души. О мисс Глори, продукт инженерной мысли технически гораздо совершеннее продукта природы!

Елена. Принято говорить — человек вышел из рук божьих.

Домин. Тем хуже. Бог не имел представления о современной технике. Но поверите ли? Покойный Россум-младший стал разыгрывать из себя господа бога!

Елена. То есть как, простите?

Домин. Начал делать сверхроботов. Рабочих гигантов. Попробовал было сооружать четырехметровых великанов — но вы не поверите, как быстро ломались эти мамонты.

Елена. Ломались?

Домин. Да. У них ни с того ни с сего вдруг отваливалась нога или еще что-нибудь. Видимо, наша планета маловата для исполинов. Теперь мы делаем роботов только натуральной величины и весьма приятного человеческого облика.

Елена. Я видела первых роботов у нас. Наш магистрат купил... Я хочу сказать, принял их на работу...

Домин. Купил, мисс. Роботы покупаются.

Елена. ...взял на должность метельщиков. Я видела, как они подметают улицы. Они такие странные, молчаливые.

Домин. Вы видели мою секретаршу?

Елена. Не обратила внимания.

Домин *(звонит)*. Видите ли, наша акционерная компания выпускает товар нескольких сортов. У нас есть роботы более примитивные и более сложные. Лучшие из них проживут, быть может, лет двадцать.

Елена. А потом они погибают?

Домин. Да — изнашиваются.

Входит Сулла.

Сулла, покажитесь мисс Глори.

Елена *(встает, протягивает ей руку).* Очень приятно. Вам, наверно, скучно жить здесь, так далеко от мира, правда?

Сулла. Не знаю, мисс Глори. Садитесь, пожалуйста.

Елена *(садится).* Откуда вы родом, Сулла?

Сулла. Оттуда, с фабрики.

Елена. Ах, вы родились тут?

Сулла. Да, я тут сделана.

Елена *(вскакивает).* Что?!

Домин *(смеясь).* Сулла не человек, мисс, Сулла — робот.

Елена. Простите меня...

Домин *(кладет руку на плечо Суллы).* Сулла не сердится. Обратите внимание, мисс Глори, какую мы делаем кожу. Потрогайте ее лицо.

Елена. О нет, нет!

Домин. Вам и в голову бы не пришло, что она из другой материи, чем мы. Взгляните, пожалуйста: у нее даже легкий пушок, характерный для блондинок. Только вот глаза немножко... Зато волосы! Повернитесь, Сулла!

Елена. Да перестаньте, наконец!

Домин. Поговорите с гостьей, Сулла. Это очень лестный для нас визит.

Сулла. Прошу вас, мисс, садитесь. *(Обе садятся.)* Хорошо ли вы доехали?

Елена. Да... ко... конечно.

Сулла. Не советую вам возвращаться на пароходе «Амелия», мисс Глори. Барометр резко падает, он дошел уже до семисот пяти. Подождите «Пенсильванию»; это отличный, очень мощный пароход.

Домин. Сколько?

Сулла. Двадцать узлов в час. Двенадцать тысяч тонн водоизмещения.

Домин *(смеется).* Довольно, Сулла, довольно. Покажите нам, как вы говорите по-французски.

Елена. Вы знаете французский язык?

Сулла. Я знаю четыре языка. Пишу: «Dear sir!», «Monsieur!», «Geehrter Herr!», «Милостивый государь».

Елена *(вскакивает).* Это надувательство! Вы шарлатан! Сулла не робот. Сулла такая же девушка, как я! Это позор, Сулла! Зачем вы играете эту комедию?

Сулла. Я робот.

Елена. Нет, нет, вы лжете! О Сулла, простите, я

знаю — вас заставили, вы должны делать для них рекламу! Но вы ведь такая же девушка, как я? Скажите, да?

Домин. Сожалею, мисс Глори, но Сулла — робот.

Елена. Вы лжете!

Домин *(выпрямляется).* Ах, так?! *(Звонит.)* Простите, мисс, в таком случае я должен вам доказать.

Входит Марий.

Марии, отведите Суллу в прозекторскую. Пусть ее вскроют. Быстро!

Елена. Куда?

Домин. В прозекторскую. Когда ее разрежут, вы пойдете и посмотрите на нее.

Елена. Не пойду.

Домин. Простите, но вы сказали что-то насчет лжи.

Елена. Вы хотите, чтобы ее убили?

Домин. Машину нельзя убить.

Елена *(обнимает Суллу).* Не бойтесь, Сулла, я вас не отдам! Скажите, дорогая, к вам все так жестоко относятся? Вы не должны этого терпеть, слышите? Не должны, Сулла!

Сулла. Я робот.

Елена. Все равно. Роботы такие же люди, как мы. И вы, Сулла, дали бы себя разрезать?

Сулла. Да.

Елена. О, вы не боитесь смерти?!

Сулла. Не знаю, мисс Глори.

Елена. Но вы знаете, что с вами тогда произойдет?

Сулла. Да, я перестану двигаться.

Елена. Это ужжасно!

Домин. Марий, скажите гостье, кто вы такой.

Марий. Робот Марий.

Домин. Вы отвели бы Суллу в прозекторскую?

Марий. Да.

Домин. Вам было бы ее жалко?

Марий. Не знаю.

Домин. А что произойдет с ней потом?

Марий. Она перестанет двигаться. Ее бросят в ступу.

Домин. Это смерть, Марий. Вы боитесь смерти?

Марий. Нет.

Домин. Вот видите, мисс Глори. Роботы не привязаны к жизни. Им нечем привязываться. У них нет удовольствий. Они меньше, чем трава.

Елена. О, перестаньте! Отошлите их, по крайней мере!

Домин. Марий, Сулла, вы можете идти.

Сулла и Марий уходят.

Елена. Они ужжасны! То, что вы делаете, — отвратительно!

Домин. Почему?

Елена. Не знаю. Почему... почему вы назвали ее Суллой?

Домин. А что? Некрасивое имя?

Елена. Но ведь это мужское имя. Сулла был римский диктатор.

Домин. Вот как! А мы думали, Марий и Сулла — пара влюбленных.

Елена. Нет, Марий и Сулла были полководцы и воевали друг против друга в... каком же году? Не помню...

Домин. Подойдите сюда, к окну. Что вы видите?

Елена. Каменщиков.

Домин. Это роботы. Все наши рабочие — роботы. А там, внизу, видите?

Елена. Какая-то контора.

Домин. Бухгалтерия. И в ней...

Елена. Полно служащих.

Домин. Это роботы. Все наши служащие — роботы. А когда вы увидите фабрики...

В эту минуту загудели фабричные гудки и сирены.

Полдень. Роботы не знают, когда прекращать работу. В два часа я покажу вам дежи.

Елена. Какие дежи?

Домин *(сухо)*. Где замешивается тесто. В каждой из них приготовляется материал сразу на тысячу роботов. Потом есть кади для производства печеней, мозгов и так далее. Потом вы увидите костяную фабрику. Потом я покажу вам прядильню.

Елена. Какую прядильню?

Домин. Прядильню нервов. Прядильню сухожилий. Прядильню, где одновременно тянутся целые километры лимфатических сосудов. Все это поступает в монтажный цех, где собирают роботов, — знаете, как автомобили. Каждый рабочий прикрепляет только одну деталь, а конвейер передвигает заготовку от одного к другому,

к третьему, и так до конца. Захватывающее зрелище. Потом все отправляется в сушильню и на склад, где свежие изделия работают.

Елена. Господи боже, вы сразу заставляете их работать?

Домин. Виноват. Они работают, как работает новая мебель. Привыкают к существованию. То ли как-то срастаются внутри, то ли еще что. Многое в них даже заново нарастает. Понимаете, нам приходится оставлять немного места для естественного развития. А тем временем идет окончательная их отделка.

Елена. Как это?

Домин. Ну, это приблизительно то же самое, что у людей — школа. Они учатся говорить, писать и считать. Дело в том, что у них великолепная память. Вы можете прочитать им двадцать томов энциклопедического словаря, и они повторят вам все подряд, наизусть. Но ничего нового они никогда не выдумают. Они вполне могли бы преподавать в университетах... А потом их сортируют и рассылают заказчикам. Пятнадцать тысяч штук в день, не считая определенного процента брака, который бросают в ступу... и так далее, и так далее.

Елена. Вы на меня сердитесь?

Домин. Боже сохрани! Мне только кажется, что мы... могли бы говорить о других вещах. Нас тут — горсточка людей среди сотен тысяч роботов, и ни одной женщины. Мы говорим только о производстве, целыми днями, каждый день... Как проклятые, мисс Глори.

Елена. Я так жалею, что сказала, будто... будто вы... лжете...

Стук в дверь.

Домин. Входите, ребята!

Слева входят инженер Фабри, доктор Галль, доктор Галлемайер и архитектор Алквист.

Галль. Простите — мы не помешали?

Домин. Идите сюда. Мисс Глори, это — Алквист, Фабри, Галль, Галлемайер... Дочь президента Глори.

Елена *(смущенно).* Добрый день.

Фабри. Мы не имели представления...

Галль. Бесконечно польщены...

Алквист. Добро пожаловать, мисс Глори.

Справа врывается Бусман.

Бусман. Хэлло, что это у вас тут?

Домин. Сюда, Бусман! Это наш Бусман, мисс. Дочь президента Глори.

Елена. Я очень рада.

Бусман. Батюшки мои, вот праздник-то! Мисс Глори, разрешите отправить в газету каблограмму, что вы почтили нас своим посещением?

Елена. Нет, нет, ради бога!

Домин. Да прошу вас, сядьте, мисс.

Фабри
Бусман
Галль } *(пододвигая кресла).* Прошу...
Пожалуйста...
Pardon...

Алквист. Как доехали, мисс Глори?

Галль. Вы ведь поживете у нас?

Фабри. Как вы находите наши фабрики, мисс Глори?

Галлемайер. Вы приехали на «Амелии»?

Домин. Тише, дайте же мисс Глори хоть слово вставить.

Елена *(к Домину).* О чем мне с ними говорить?

Домин *(с удивлением).* О чем хотите.

Елена. Могу я... Можно мне говорить совершенно откровенно?

Домин. Ну конечно!

Елена *(колеблется, потом с отчаянной решимостью).* Скажите, вам никогда не бывает обидно, что с вами так обращаются?

Фабри. Кто?

Елена. Да люди.

Все переглядываются в недоумении.

Алквист. С нами?

Галль. Почему вы так думаете?

Галлемайер. Тысяча чертей!..

Бусман. Боже сохрани, мисс Глори!

Елена. Разве вы не чувствуете, что могли бы жить лучше?

Галль. Как вам сказать, мисс... Что вы имеете в виду?

Елена *(взрывается).* А то, что это отвратительно! Это страшно! *(Встает.)* Вся Европа говорит о том, что здесь с вами делают! Я для того и приехала, чтобы самой проверить, а оказалось — здесь в тысячу раз хуже, чем думают! Как вы можете это терпеть?

Алквист. Что — терпеть?

Елена. Свое положение. Господи, ведь вы такие же люди, как мы, как вся Европа, как весь мир! Это скандально, это недостойно — то, как вы живете!

Бусман. Ради бога, мисс!

Фабри. Нет, друзья, она, пожалуй, права. Живем мы тут, словно какие-нибудь индейцы.

Елена. Хуже индейцев! Позвольте, о, позвольте мне называть вас братьями!

Бусман. Господи помилуй, да почему же нет?

Елена. Братья, я приехала сюда не как дочь президента. Я приехала от имени Лиги гуманности. Братья, Лига гуманности насчитывает уже более двухсот тысяч членов. Двести тысяч членов стоят на вашей стороне и предлагают вам свою помощь.

Бусман. Двести тысяч человек — что ж, это прилично, это совсем неплохо.

Фабри. Я вам всегда говорил: нет ничего лучше старой Европы. Видите, она нас не забыла. Предлагает нам помощь.

Галль. Какую помощь? Театр?

Галлемайер. Оркестр?

Елена. Больше.

Алквист. Вас самое?

Елена. О, что я такое?! Я останусь, пока в этом будет необходимость.

Бусман. О, господи, вот радость-то!

Алквист. Домин, я пойду, приготовлю для мисс самую лучшую комнату.

Домин. Погодите минутку. Я боюсь, что... мисс Глори еще не кончила.

Елена. Да, я не кончила. Если только вы силой не зажмете мне рот.

Галль. Только посмейте, Гарри.

Елена. Спасибо! Я знала, что вы будете меня защищать.

Домин. Минутку, мисс Глори. Вы уверены, что разговариваете с роботами?

Елена *(сбита с толпу).* А с кем же еще?

Домин. Мне очень жаль. Но эти господа такие же люди, как вы. Как вся Европа.

Елена *(ко всем).* Вы — не роботы?

Бусман *(хохочет).* Боже сохрани!

Галлемайер. Бррр — роботы!

Галль *(смеется).* Благодарим покорно!

Елена. Но... Не может быть!

Фабри. Честное слово, мисс, мы не роботы.

Елена *(к Домину).* Зачем же вы тогда сказали мне, будто все ваши служащие — роботы?

Домин. Служащие — да. Но не директора. Разрешите, мисс Глори, представить более подробно: инженер Фабри, генеральный технический директор компании. Доктор Галль, начальник отдела физиологических исследований. Доктор Галлемайер, начальник института психологии и воспитания роботов. Консул Бусман, генеральный коммерческий директор. И архитектор Алквист, руководитель строительства компании.

Елена. Простите, господа, что я... что... Я, наверно, сказала что-то ужжасное?

Алквист. Да что вы, мисс Глори. Садитесь, пожалуйста.

Елена *(садится).* Я — глупая девчонка... Теперь... теперь вы отправите меня назад с первым же пароходом.

Галль. Ни за что на свете, мисс. Зачем нам отправлять вас обратно?

Елена. Потому что вы теперь знаете... потому что... потому что я собираюсь взбунтовать роботов!

Домин. Дорогая мисс Глори, у нас уже перебывали сотни спасителей и пророков. С каждым пароходом приезжает кто-нибудь из них. Миссионеры, анархисты, члены Армии спасения — кто угодно. Просто ужас, сколько на свете церквей и дураков.

Елена. И вы позволяете им обращаться к роботам?

Домин. А почему бы нет? Пока никто из них ничего не добился. Роботы все прекрасно запоминают — и только. Они даже не смеются над тем, что говорят люди. Право, просто поверить трудно. Если это доставит вам развлечение, мисс, я провожу вас на склад роботов. Их там около трехсот тысяч.

Бусман. Триста сорок семь тысяч.

Домин. Ладно. И вы можете обратиться к ним и сказать, что хотите. Можете прочитать им Библию, таблицу логарифмов — все, что угодно. Можете даже произнести проповедь о правах человека.

Елена. О, мне кажется... если бы выказать им хоть немного любви...

Фабри. Невозможно, мисс Глори. Нет ничего более чуждого человеку, чем робот.

Елена. Зачем же вы тогда их делаете?

Бусман. Ха-ха-ха, вот это славно! Зачем делают роботов!

Фабри. Для работы, мисс. Один робот заменяет двух с половиной рабочих. Человеческий механизм чрезвычайно несовершенен, мисс Глори. Рано или поздно его нужно было заменить.

Бусман. Он слишком дорог.

Фабри. И мало эффективен. Он уже не соответствует современной технике. А во-вторых... во-вторых, большой прогресс еще и в том, что... извините...

Елена. Прогресс — в чем?

Фабри. Прошу прощения. Большой прогресс — родить при помощи машины. Удобнее и быстрее. А любое ускорение — прогресс, мисс. Природа понятия не имела о современных темпах труда. Все детство человека, с технической точки зрения, — чистая бессмыслица. Попросту — потерянное время. Безудержная растрата времени, мисс Глори. А в-третьих...

Елена. О, перестаньте!

Фабри. Слушаюсь. Но позвольте, чего, собственно, хочет эта ваша Лига... Лига... Лига гуманности?

Елена. Ее цель... главным образом... прежде всего... защищать роботов и... обеспечить им... хорошее отношение...

Фабри. Неплохая цель. С машинами надо обращаться бережно. Ей-богу, это мне нравится. Я не люблю испорченных вещей. Прошу вас, мисс, запишите нас всех в члены-корреспонденты, в действительные члены, в члены-учредители этой вашей Лиги!

Елена. Нет, вы меня не поняли. Мы хотим... прежде всего... мы хотим освободить роботов!

Галлемайер. И каким же способом?

Елена. С ними надо обращаться... как... ну, как с людьми.

Галлемайер. Ага. Что же — дать им избирательные права? Или, может быть, оплачивать их труд?

Елена. Конечно!

Галлемайер. Вот как! Что же они будут делать с деньгами, скажите на милость?

Елена. Покупать... что им нужно... что им доставит радость.

Галлемайер. Очень мило, мисс, но роботов ничто не радует. Тысяча чертей, что они станут покупать? Можете кормить их ананасами или соломой, чем угодно, им это безразлично: у них нет вкусовых ощущений. Они ничем не интересуются, мисс Глори. Черт побери, кто когда видел, чтобы робот улыбался?

Елена. Почему же... почему... почему вы не делаете их более счастливыми?

Галлемайер. Нельзя, мисс Глори. Ведь они всего лишь роботы. Без собственной воли. Без страстей. Без истории. Без души.

Елена. Без любви и способности возмутиться?

Галлемайер. Конечно. Роботы не любят ничего — даже самих себя. А возмущение? Не знаю. Лишь изредка... лишь время от времени...

Елена. Что?

Галлемайер. Да ничего, собственно. Порой на них что-то находит. С ними приключается нечто вроде падучей, понимаете? Мы называем это «судорогой роботов». Вдруг какой-нибудь из них швыряет оземь то, что у него в руке, скрипит зубами и — тогда мы отправляем его в ступу. Видимо, какое-то нарушение в организме.

Домин. Производственный брак.

Елена. Нет, нет — это душа!

Фабри. Вы полагаете, что душа дает о себе знать прежде всего зубовным скрежетом?

Домин. Это будет устранено, мисс Глори. Доктор Галль как раз проводит кое-какие опыты...

Галль. Но не в этом направлении, Домин. Я теперь делаю нервы, реагирующие на боль.

Елена. Нервы, реагирующие на боль?

Галль. Да. Роботы почти не ощущают физической боли. Понимаете, покойный Россум-младший слишком ограничил состав нервной ткани. Это оказалось нерентабельным. Придется нам ввести страдание.

Елена. Зачем? Зачем?.. Если вы не даете им души, зачем вы хотите дать им боль?

Галль. В интересах производства, мисс Глори. Иной раз робот сам наносит себе вред, оттого что не чувствует боли. Он может сунуть руку в машину, отломить себе палец, разбить голову — ему это все равно. Мы вынуж-

дены наделить их ощущением боли: это — автоматическая защита от увечья.

Елена. Станут ли они счастливее, когда будут ощущать боль?

Галль. Наоборот; зато технически они станут совершенней.

Елена. Почему вы не создадите им душу?

Галль. Это не в наших силах.

Фабри. Это не в наших интересах.

Бусман. Это удорожит производство. Господи, милая барышня, мы ведь выпускаем их такими дешевыми. Сто двадцать долларов штука, вместе с одеждой! А пятнадцать лет тому назад робот стоил десять тысяч! Пять лет тому назад мы покупали для них одежду, а теперь у нас есть своя ткацкая фабрика, и мы еще экспортируем ткани, да в пять раз дешевле, чем другие фирмы! Скажите, мисс Глори, сколько вы платите за метр полотна?

Елена. Не знаю... право... забыла.

Бусман. Батюшки мои, и вы еще хотите основать Лигу гуманности! Теперь полотно стоит втрое дешевле прежнего, мисс, цены упали на две трети и будут падать все ниже и ниже, пока... вот так! Понятно?

Елена. Нет.

Бусман. Ах ты, господи, мисс, это значит — понизилась стоимость рабочей силы! Ведь робот, включая кормежку, стоит три четверти цента в час! Прямо комедия, мисс! Все фабрики лопаются, как желуди, или спешат приобрести роботов, чтобы удешевить свою продукцию.

Елена. Да — а рабочих выкидывают на улицу.

Бусман. Ха-ха — еще бы! Но мы... с божьей помощью, мы тем временем бросили пятьсот тысяч тропических роботов в аргентинские пампы — выращивать пшеницу. Будьте добры, скажите, что стоит у вас фунт хлеба?

Елена. Понятия не имею.

Бусман. Вот видите, а он стоит теперь всего два цента в вашей старой доброй Европе, и это *наш* хлебушко, понимаете? Два центика — фунт хлеба. А Лига гуманности и не подозревает об этом. Ха-ха, мисс Глори, вы но знаете, что такое — слишком дорогой кусок хлеба. Какое это имеет значение для культуры и так далее. Зато через пять лет — ну, давайте пари?

Елена. Насчет чего?

Бусман. Насчет того, что через пять лет цены на все упадут в десять раз! Через пять лет, милые, мы завалимся пшеницей и всевозможными товарами!

Алквист. Да — и рабочие во всем мире окажутся без работы.

Домин *(встал).* Верно, Алквист. Верно, мисс Глори. Но за десять лет «Россумские универсальные роботы» вырастят столько пшеницы, произведут столько тканей, столько всяких товаров, что мы скажем: вещи не имеют больше цены. Отныне пусть каждый берет, сколько ему угодно. Конец нужде. Да, рабочие окажутся без работы. Но тогда никакая работа не будет нужна. Все будут делать живые машины. А человек начнет заниматься только тем, что он любит. Он будет жить для того, чтобы совершенствоваться.

Елена *(встает).* Так и будет?

Домин. Так и будет. Не может быть иначе. Прежде, правда, произойдут, быть может, страшные вещи, мисс Глори. Этого просто нельзя предотвратить. Зато потом прекратится служение человека и порабощение человека мертвой материей. Никто больше не будет платить за хлеб жизнью и ненавистью. Ты уже не рабочий, ты уже не клерк, тебе не надо больше рубить уголь, а тебе — стоять за чужим станком. Тебе не надо уже растрачивать душу свою в труде, который ты проклинал!

Алквист. Домин, Домин! То, о чем вы говорите, слишком напоминает рай. Было нечто доброе и в работе, Домин, нечто великое и в смирении. Ах, Гарри, была какая-то добродетель в труде и усталости!

Домин. Вероятно, была. Но мы не можем считаться с тем, что уходит безвозвратно, если взялись переделывать мир от Адама. Адам! Адам! Отныне ты не будешь есть хлеб свой в поте лица, не познаешь ни голода, ни жажды, ни усталости, ни унижения. Ты вернешься в рай, где тебя кормила рука господня. Будешь свободен и независим, и не будет у тебя другой цели, другого труда, Другой заботы — как только совершенствовать самого себя. И станешь ты господином всего сущего...

Бусман. Аминь.

Фабри. Да будет так.

Елена. Вы совсем сбили меня с толку. Я глупая девчонка! Но мне хотелось бы... хотелось бы верить в это.

Галль. Вы моложе нас, мисс Глори. Вы дождетесь.

Галлемайер. Обязательно. Мне кажется, мисс Глори могла бы позавтракать с нами.

Галль. Разумеется! Домин, просите ее от всех нас.

Домин. Окажите нам эту честь, мисс Глори!

Елена. Но ведь... Как же я...

Фабри. А вы — от имени Лиги гуманности.

Бусман. И в честь ее.

Елена. О, в таком случае... пожалуй...

Фабри. Ура! Мисс Глори, извините меня на пять минут...

Галль. Pardon...

Бусман. Господи, мне же надо каблограмму...

Галлемайер. Тысяча чертей, я совсем забыл...

Все, кроме Домина, поспешно уходят.

Елена. Почему все ушли?

Домин. Отправились стряпать, мисс Глори.

Елена. Что стряпать?

Домин. Завтрак, мисс Глори. Нам готовят пищу роботы, но так как у них нет вкусовых ощущений, то получается не совсем... А Галлемайер прекрасно жарит мясо, Галль умеет делать особенный соус, Бусман — специалист по омлетам...

Елена. Боже мой, вот так пир! А что умеет делать господин... архитектор?

Домин. Алквист? Ничего. Он только накрывает на стол... А Фабри — тот достанет немного фруктов. Скромный стол, мисс...

Елена. Я хотела вас спросить...

Домин. Я тоже хотел спросить вас об одной вещи. *(Кладет свои часы на стол.)* У нас пять минут времени.

Елена. О чем вы хотели спросить?

Домин. Виноват — спрашивайте первая.

Елена. Может, это глупо с моей стороны, но... зачем вы делаете женщин-роботов, если... если...

Домин. ...если у них, гм... если для них пол не имеет значения?

Елена. Да.

Домин. Понимаете, существует спрос. Горничные, продавщицы, секретарши... люди к этому привыкли.

Елена. А... а скажите, роботы-мужчины... и роботы-женщины — они друг к другу... совершенно...

Домин. Совершенно равнодушны, мисс. Нет ни малейших признаков какой-либо склонности.

Елена. О, это ужжасно!

Домин. Почему?

Елена. Это... это так неестественно! Прямо не знаешь — противно это или... им можно позавидовать... а может быть...

Домин. ...пожалеть их?

Елена. Да, скорее всего! Нет, молчите! О чем вы хотели меня спросить?

Домин. Я хотел спросить, мисс Глори, не согласитесь ли вы выйти за меня?

Елена. Как выйти?

Домин. Замуж.

Елена. Нет! Что за мысль?!

Домин *(смотрит на часы).* Еще три минуты. Если вы не выберете меня, вам придется выбрать кого-нибудь из пяти остальных.

Елена. Боже сохрани! Почему?

Домин. Потому что все они по очереди сделают вам предложение.

Елена. Неужели они посмеют?

Домин. Мне очень жаль, мисс Глори, но, кажется, они в вас влюбились.

Елена. Послушайте, очень прошу вас — пусть они не делают этого! Я... я сейчас же уеду.

Домин. Вы не причините им такого огорчения: не отвергнете их, Елена?

Елена. Но ведь... не могу же я выйти замуж за всех шестерых!

Домин. Нет, но за одного — можете. Не хотите меня, возьмите Фабри.

Елена. Не хочу!

Домин. Доктора Галля.

Елена. Нет, нет, замолчите! Я не хочу никого!

Домин. Остается две минуты.

Елена. Это ужжасно! Женитесь на какой-нибудь женщине-роботе.

Домин. Они не женщины.

Елена. О, вот что вам надо! Вы, наверное, готовы жениться на любой, которая сюда приедет.

Домин. Их много перебывало тут, Елена.

Елена. Молодых?

Домин. Молодых.

Елена. Почему же вы не женились ни на одной из них?

Домин. Потому что ни разу не потерял головы. Только сегодня. Сразу — как только вы подняли вуаль.

Елена *(помолчав).* Я знаю.

Домин. Остается одна минута.

Елена. Но, господи, я не хочу!

Домин *(кладет ей обе руки на плечи).* Одна минута. Или вы скажете мне в лицо что-нибудь злое, и тогда я вас оставлю. Или... или...

Елена. Вы жестокий человек!

Домин. Это неплохо. Мужчина должен быть немножко жестоким. Так уж повелось.

Елена. Вы сумасшедший!

Домин. Человек должен быть слегка сумасшедшим, Елена. Это — самое лучшее, что в нем есть.

Елена. Вы... вы... О, боже!

Домин. Ну, вот. Договорились?

Елена. Нет, нет! Прошу вас, пустите меня! Да вы меня ррраздавите!

Домин. Последнее слово, Елена.

Елена *(отбиваясь).* Ни за что на свете! Ох, Гарри!

Стук в дверь.

Домин *(отпуская ее).* Войдите.

Входят Бусман, Галль и Галлемайер в кухонных фартуках, Фабри с букетом, Алквист — со скатертью под мышкой.

Домин. Ну, у вас — готово?

Бусман *(торжественно).* Да.

Домин. У нас тоже.

Занавес

Действие первое

Гостиная Елены. Слева — задрапированная дверь в музыкальный салон, справа — в спальню Елены. Посредине — окна с видом на море и порт. Трюмо с безделушками, стол, кушетка и кресла, комод, письменный столик с лампой. Справа — камин, по бокам его тоже лампы. Вся гостиная до мелочей обставлена в стиле модерн, с чисто женским вкусом.

Домин, Фабри, Галлемайер входят слева на цыпочках, неся в охапках букеты и корзины цветов.

Фабри. Куда мы все это денем?

Галлемайер. Уфф! *(Складывает свой груз, потом широким жестом крестит дверь справа.)* Спи, спи! Кто спит — тот, по крайней мере, ни о чем не знает.

Домин. Она вообще не знает.

Фабри *(расставляя цветы по вазам)*. Только бы сегодня не началось...

Галлемайер *(расправляя цветы)*. Черт возьми, да замолчите наконец. Поглядите, Гарри, — правда, прекрасные цикламены? Новый сорт, мой последний — «cyclamen Helenae».

Домин *(выглядывает из окна)*. Ни одного судна, ни одного, ребята! Это очень, очень скверно.

Галлемайер. Тише! Как бы она не услыхала!

Домин. Она представления не имеет. *(Судорожно зевает.)* Хорошо еще — «Ультимус» пришел вовремя.

Фабри *(оставляет цветы)*. Думаете, уже сегодня?..

Домин. Не знаю. Как прекрасны эти цветы!

Галлемайер *(подходит к нему)*. Это новые примулы. А там мой новый жасмин. Тысяча чертей, я на пороге цветочного рая! Ты знаешь, мне удалось открыть изумительное средство для ускорения роста! Великолепные разновидности! К будущему году я произведу чудеса в цветоводстве!

Домин *(оборачиваясь)*. Как вы сказали? К будущему году?

Фабри. Хоть бы знать, что в Гавре...

Домин. Тише.

Голос Елены *(за сценой).* Нана!

Домин. Уйдем отсюда!

Все на цыпочках уходят через задрапированную дверь. Из двери слева выходит Нана.

Нана *(прибирая в комнате).* Экие неряхи! Язычники ненасытные! Я бы их, прости меня господи...

Елена *(останавливается на пороге спиной к сцене).* Застегни мне, Нана!

Нана. Ладно, ладно, сейчас. *(Застегивает Елене платье.)* Царь небесный, вот страшилище-то!

Елена. Ты о роботах?

Нана. Тьфу, я и называть-то их не хочу.

Елена. А что случилось?

Нана. Опять на одного накатило. Как пошел колотить статуи да картины, как заскрипит зубами... А на губах — пена. Начисто рехнулся, бррр! Похуже дикого зверя будет.

Елена. На которого же «накатило»?

Нана. На этого... как его... Имени-то христианского у них нету. Ну, на того, из библиотеки.

Елена. На Радия?

Нана. Вот-вот. Господи Иисусе, до чего же они мне противны! Пауком так не брезгую, как этими нехристями.

Елена. Но послушай, Нана, разве тебе их не жалко?

Нана. Да вы и сами ими брезгуете. На что меня-то сюда привезли? Отчего ни одному из них дотронуться до себя не позволяете?

Елена. Я не брезгую, Нана, честное слово! Мне их так жалко!

Нана. Брезгуете. Такого человека не найдется, чтоб не брезговал. Псу — и тому противно; куска мяса от них не возьмет, подожмет хвост, да и воет, как этих нелюдей учует,— тьфу!

Елена. Собака — существо неразумное.

Нана. Да собака и то лучше их, Елена. Знает, что она выше их, что ее господь бог создал. Лошади шарахаются, как нехристя встретят. У них вон и детенышей нет, — а у собаки есть, и у всех есть...

Елена. Ладно, Нана, застегивай же!

Нана. Сейчас. А я говорю — против бога это, дьявольское наущение — делать этих страшилищ машинами. Кощунство это против творца *(поднимает руку),* оскор-

бление господу, сотворившему нас *по своему подобию,* — вот что это такое, Елена. Испоганили вы образ божий. И за это страшную кару пошлет небо, страшную кару, попомните мое слово!

Елена. Чем это так чудно пахнет?

Нана. Цветочками. Хозяин принес.

Елена. Нет, какие прелестные! Посмотри, Нана! Какой сегодня день?

Нана. Не знаю. Надо бы концу света быть.

Стук в дверь.

Елена. Гарри?

Входит Домин.

Гарри, какой день сегодня?

Домин. Угадай!

Елена. Мои именины? Нет! День рождения?

Домин. Лучше!

Елена. Не знаю. Ну, говори скорей!

Домин. Сегодня исполнилось десять лет, как ты сюда приехала.

Елена. Уже десять лет? И как раз сегодня? Нана, пожалуйста...

Нана. Иду, иду... *(Уходит в правую дверь.)*

Елена *(целует Домина).* И ты об этом вспомнил!

Домин. Мне очень стыдно, Елена. Я забыл.

Елена. Но ведь...

Домин. Это *они* помнили.

Елена. Кто?

Домин. Бусман, Галлемайер, все. Ну-ка, посмотри, что в этом кармане?

Елена *(опустила руку к нему в карман).* Что это? *(Вынимает футляр, открывает.)* Жемчуг? Целое ожерелье! Гарри, это мне?

Домин. От Бусмана, девочка.

Елена. Но... мы не можем это принять, правда?

Домин. Можем. А теперь залезай в другой карман.

Елена. Ну-ка! *(Вытаскивает из кармана пистолет.)* Что такое?

Домин. Виноват! *(Отбирает у нее пистолет, прячет.)* Не то. Попробуй еще раз.

Елена. О Гарри... Зачем ты носишь с собой пистолет?

Домин. Да просто так, под руку подвернулся.

Елена. Прежде ты никогда не носил...

Домин. Верно, никогда. Ну, смотри, вот карман!

Елена *(вынимает).* Коробочка. *(Открывает ее.)* Камея! Но ведь... Гарри, это ведь *греческая* камея!

Домин. По-видимому. Так, по крайней мере, утверждает Фабри.

Елена. Фабри? Это дарит мне Фабри?

Домин. Конечно! *(Открывает левую дверь.)* Вот так штука, Елена, пойди, взгляни!

Елена *(в двери).* Боже, как прекрасно! *(Убегает в соседнее помещение.)* Я с ума сойду от радости! Это от тебя?

Домин *(в двери).* Нет, от Алквиста. А вон там...

Елена. От Галля! *(Появляется в двери.)* О Гарри, мне даже стыдно того, что я такая счастливая!

Домин. А теперь подойди сюда; это тебе принес Галлемайер.

Елена. Эти дивные цветы?

Домин. Да, новый сорт «cyclamen Helenae». Он вывел их в твою честь. Они прекрасны, как ты.

Елена. Гарри, почему... почему все...

Домин. Они тебя *очень* любят. А я... гм. Боюсь, мой подарок несколько... Взгляни в окно.

Елена. Куда?

Домин. На порт!

Елена. Там какое-то... новое судно!

Домин. Это твое судно!

Елена. Мое? Гарри, но ведь это *военное* судно!

Домин. Военное? Что ты! Просто оно больше других. Солидный пароход, правда?

Елена. Да, но на нем орудия!

Домин. Ну да, несколько пушек... Ты будешь плавать на нем, как королева, Елена.

Елена. Что это значит? Что-нибудь случилось?

Домин. Упаси боже! Пожалуйста, примерь жемчуг! *(Садится.)*

Елена. Получены плохие вести, Гарри?

Домин. Наоборот — уже неделя, как почта не приходит.

Елена. Даже телеграммы?

Домин. Даже телеграммы.

Елена. Что это значит?

Домин. Ничего. У нас каникулы. Чудное время. Мы сидим в конторе, положив ноги на стол, и дремлем... Ни почты, ни телеграмм. *(Потягивается.)* Сславный денек!

Елена *(подсаживается к нему).* Сегодня ты побудешь со мной, да? Скажи!

Домин. Конечно. Может быть. То есть, там видно будет. *(Берет ее за руку.)* Итак, сегодня исполнилось десять лет — ты помнишь? Мисс Глори, какая честь для нас, что вы приехали...

Елена. О господин главный директор, меня так интересует ваш комбинат!

Домин. Простите, мисс, существует строгий запрет... Производство искусственных людей — тайна...

Елена. Но если вас попросит молодая, довольно хорошенькая девушка...

Домин. Ах, конечно, мисс, от вас мы не имеем секретов.

Елена *(вдруг серьезно).* В самом деле, Гарри?

Домин. Конечно.

Елена *(в прежнем тоне).* Но предупреждаю вас, господин директор: у этой молодой девушки стрршные замыслы!

Домин. Бога ради, мисс Глори, какие же? Уж не хотите ли вы еще раз выйти замуж?

Елена. Нет, нет, боже сохрани! Это мне и во сне не снилось! Но я приехала с целью поднять мятежж среди ваших отвратительных роботов.

Домин *(вскакивает).* Мятеж роботов?!

Елена *(встает).* Гарри, что с тобой?

Домин. Ха-ха, мисс, какая удачная шутка! Мятеж роботов! Да скорее восстанут веретена или шпули, чем наши роботы! *(Садится.)* Знаешь, Елена, ты была изумительной девушкой. Ты всех нас свела с ума.

Елена *(подсаживается к нему).* О, тогда все вы мне так импонировали! Я казалась себе девочкой, заблудившейся среди... среди...

Домин. Среди чего, Елена?

Елена. Среди огрромных деревьев. Вы были такие самоуверенные, такие могучие! И знаешь, Гарри, за эти десять лет я никак не могла преодолеть это... этот страх или что-то такое — а вы ни разу не усомнились... Даже когда рушились...

Домин. Что рушилось?

Елена. Ваши планы, Гарри. Например, когда рабочие восстали против роботов и начали разбивать их и

когда люди дали роботам оружие против восставших, и роботы истребили столько людей... И потом, когда правительства превратили роботов в солдат и было столько войн — помнишь?

Домин *(встает и ходит по комнате).* Это мы предвидели, Елена. Понимаешь, это переходный период — переход к новым условиям жизни.

Елена. Весь мир склонялся перед вами... *(Встает.)* О Гарри!

Домин. Ну, что?

Елена *(останавливая его).* Закрой комбинат, и уедем! Все уедем!

Домин. Но позволь: какая тут связь?..

Елена. Не знаю. Скажи, мы уедем? Мне так страшно чего-то!

Домин *(хватает ее за руку).* Чего, Елена?

Елена. О, не знаю! Словно на нас на всех что-то падает — неотвратимо... Прошу тебя, сделай так! Забери всех нас отсюда! Мы найдем в мире место, где нет никого, Алквист построит нам дом, все переженятся, пойдут дети, и тогда...

Домин. Что тогда?

Елена. Тогда мы начнем жизнь сначала, Гарри.

Звонит телефон.

Домин *(освобождается из рук Елены).* Прости. *(Снимает трубку.)* Алло... Да... Что?.. Ага. Бегу. *(Кладет трубку.)* Это Фабри.

Елена *(сжав руки).* Скажи...

Домин. Ладно — когда вернусь. До свиданья, Елена. *(Поспешно убегает налево.)* Не выходи из дома!

Елена *(одна).* О, боже, что происходит? Нана! Нана, поди скорей!

Нана *(входит из правой двери).* Ну, что там опять?

Елена. Нана, найди последние газеты! Скорей! В спальне хозяина!

Нана. Сейчас! *(Уходит налево.)*

Елена. Господи боже мой, что происходит? Он ничего, ничего мне не говорит! *(Смотрит в бинокль на порт.)* Это военное судно! Господи, зачем — военное? Что-то грузят... да так поспешно! Что случилось? Название судна — «Уль-ти-мус». Что такое «Ультимус»?

Нана *(возвращается с газетой).* По полу раскидал! А измял-то как!

Елена *(торопливо разворачивает газету).* Старая, недельной давности! Ничего, ничего в ней нет! *(Роняет газету.)*

Нана поднимает ее, вытаскивает из кармана передника роговые очки, садится и читает.

Что-то случилось, Нана! Мне так страшно... Словно все вымерло, даже воздух мертвый какой-то...

Нана *(читает по складам).* «Вой-на на Бал-ка-нах». О, господи, опять наказанье божье! Того и гляди, сюда перекинется война эта самая. Отсюда далеко ли?

Елена. Далеко. Ох, не читай! Все одно и то же. Все войны, войны...

Нана. Да как же им не быть? Разве вы не продаете тьму-тьмущую этих нехристей в солдаты? Ох, Иисусе Христе, вот уж божье-то попущение!

Елена. Нет, нет, не читай. Знать ничего не хочу!

Нана *(читает по складам).* «Сол-даты ро-боты ни-ко-го не ща-дят на за-хва-чен-ной тер-ри-тории. О-ни истре... истре-би-ли более семи-сот тысяч мир-ных жите-лей...» Людей, Елена!

Елена. Не может быть! Дай-ка... *(Наклоняется к газете, читает.)* «Истребили более семисот тысяч мирных жителей, видимо, по приказу командования. Этот акт, противоречащий...» Вот видишь, Нана, это им люди приказали!

Нана. А вот тут покрупней напечатано. «Последние известия: В Гавре осно-вана пер-вая ор-ор-гани-органи-за-ция ро-бо-тов». Ну, это пустое. Я этого не понимаю. А вот, господи Иисусе, опять какое-то убийство! И как только бог терпит!

Елена. Ступай, Нана, унеси газеты.

Нана. Постой, тут опять большими буквами. «Рож-дае-мость». Что это такое?

Елена. Дай-ка, это я всегда читаю. *(Берет газету.)* Нет, подумай только! *(Читает.)* «За последнюю неделю снова не было зарегистрировано ни одного рождения». *(Роняет газету.)*

Нана. А это чего такое?

Елена. Люди перестают родить, Нана.

Нана *(складывает очки).* Стало быть, конец. Конец нам всем.

Елена. Ради бога, не говори так!

Нана. Люди больше не родятся. Это — наказание, наказание божие! Господь наслал на женщин бесплодие.

Елена *(вскакивает).* Нана!

Нана *(встает).* Конец света. В гордыне диавольской вы осмелились творить, как господь бог. А это — безбожие, кощунство! Богами хотите стать. Но бог человека из рая выгнал и со всей земли прогонит!

Елена. Замолчи, Нана, пррошу тебя! Что я тебе сделала? Что сделала я твоему злому богу?

Нана *(с широким жестом).* Не богохульствуй! Он хорошо знает, почему не дал вам ребенка! *(Уходит налево.)*

Елена *(у окна).* Почему *мне* не дал... Боже мой, я-то разве виновата? *(Открывает окно, кричит.)* Алквист, хэлло, Алквист! Идите сюда, наверх! Что? Ничего, идите, *как есть!* Вы так милы в одежде каменщика! Скорей! *(Закрывает окно, останавливается перед зеркалом.)* Почему он *мне* не дал?.. Мне? *(Наклоняется к зеркалу.)* Почему, почему? Слышишь? Разве ты виновата? *(Выпрямляется.)* Ах, мне страшно! *(Идет налево, навстречу Алквисту.)*

Пауза.

(Возвращается с Алквистом. Алквист в одежде каменщика, он весь в известке и кирпичной пыли.) Входите, входите. Вы доставите мне такую радость, Алквист! Я так люблю всех вас! Ваши руки!

Алквист *(прячет руки).* Я вас запачкаю, Елена,— я прямо с работы...

Елена. Вот и прекрасно! Давайте их сюда! *(Пожимает ему обе руки.)* Алквист, мне хочется стать маленькой...

Алквист. Зачем?

Елена. Чтобы эти грубые, грязные руки погладили меня по щекам. Садитесь, пожалуйста... Алквист, что значит «Ультимус»?

Алквист. В переводе это значит — «последний». А что?

Елена. Так называется новое судно. Вы видели его? Как вы думаете — мы скоро... поедем кататься?

Алквист. Может быть, очень скоро.

Елена. И вы все поедете со мной?

Алквист. Я был бы очень рад, если бы... если бы все приняли участие в прогулке.

Елена. О, скажите — что-нибудь происходит?

Алквист. Абсолютно ничего. Сплошной прогресс.

Елена. Алквист, я знаю — происходит что-то страшное. Мне так тревожно... Послушайте, архитектор! Что вы делаете, когда у вас тревожно на душе?

Алквист. Работаю каменщиком. Снимаю пиджак начальника строительства и взбираюсь на леса...

Елена. О, вот уже сколько лет вас нигде не видно, кроме как на лесах.

Алквист. Потому что все эти годы я не перестаю испытывать тревогу.

Елена. Из-за чего?

Алквист. Из-за этого прогресса. У меня от него кружится голова.

Елена. А на лесах — не кружится?

Алквист. Нет. Вы не представляете себе, как приятно рукам — взять кирпич, взвесить его, уложить и пристукнуть...

Елена. Только — рукам?

Алквист. Ну, допустим, и душе. Мне кажется — лучше уложить хоть один кирпич, чем набрасывать огромные планы. Я уже старый человек, Елена, и у меня свой конек.

Елена. Это не конек, Алквист.

Алквист. Вы правы. Я страшный ретроград, Елена. И ни капельки не рад этому прогрессу.

Елена. Как Нана.

Алквист. Да, как Нана. Есть у Наны молитвенник?

Елена. Есть, толстый такой.

Алквист. А есть в нем молитвы на разные случаи? От грозы? От болезни?

Елена. И от соблазна, от наводнения...

Алквист. А от прогресса — нет?

Елена. Кажется, нет.

Алквист. Жаль.

Елена. Вам хотелось бы помолиться?

Алквист. Я молюсь.

Елена. Как?

Алквист. Примерно так: «Господи боже, благодарю тебя за то, что ты дал мне усталость. Боже, просвети

Домина и всех заблуждающихся; уничтожь дело их рук и помоги людям вернуться к заботам и труду; удержи людские поколения от гибели; не допусти их погубить душу свою и тело свое; избави нас от роботов и храни Елену, аминь».

Елена. Вы в самом деле верующий, Алквист?

Алквист. Не знаю, — не совсем уверен в этом.

Елена. И все-таки молитесь?

Алквист. Да. Это лучше, чем размышлять.

Елена. И этого вам достаточно?

Алквист. Для спокойствия души... пожалуй, достаточно.

Елена. И если вы увидите, что гибнет человечество...

Алквист. ...я вижу это...

Елена. ...то подниметесь на леса и станете укладывать кирпичи?

Алквист. Буду класть кирпичи, молиться и ждать чуда. Больше, Елена, ничего нельзя сделать.

Елена. Для спасения людей?

Алквист. Для спокойствия души.

Елена. Все это страшно добродетельно, Алквист, по...

Алквист. Что «но»?

Елена. ...но для нас, остальных... и для всего мира — как-то... бесплодно.

Алквист. Бесплодие, Елена, становится последним достижением человеческой расы.

Елена. О Алквист... Скажите мне, почему... почему...

Алквист. Ну?

Елена *(тихо)*. Почему женщины перестали иметь детей?

Алквист. Потому что это ненужно. Ведь мы в раю, понимаете?

Елена. Не понимаю.

Алквист. Потому что не нужен человеческий труд, не нужны страдания; человеку больше ничего, ничего не нужно. Кроме наслаждения жизнью... О, будь он проклят, такой рай! *(Вскакивает.)* Нет ничего ужаснее, чем устроить людям рай на земле, Елена! Почему женщины перестали рожать? Да потому что Домин весь мир превратил в содом!

Елена *(встала)*. Алквист!

Алквист. Да, да! Весь мир, все материки, все человечество, все, все — сплошная безумная, скотская оргия!

Они теперь руки не протянут к еде — им прямо в рот кладут, чтобы не вставали... Ха-ха, роботы Домина всех обслужат! И мы, люди, мы, венец творения, мы не старимся от трудов, не старимся от деторождения, не старимся от бедности! Скорей, скорей, подайте нам все наслаждения мира! И вы хотите, чтобы у них были дети? Мужьям, которые теперь ни на что не нужны, жены рожать не будут.

Елена. Значит — человечество вымрет?

Алквист. Вымрет. Не может не вымереть. Оно опадет, как пустоцвет, — разве только...

Елена. Разве только?..

Алквист. Ничего. Вы правы. Ждать чуда — бесплодное занятие. Пустоцвет должен опасть. До свидания, Елена.

Елена. Куда вы?

Алквист. Домой. Каменщик Алквист в последний раз переоденется начальником строительства — в вашу честь. В одиннадцать мы соберемся здесь.

Елена. До свидания, Алквист.

Алквист уходит.

О, пустоцвет! Какое точное слово! *(Останавливается возле цветов Галлемайера.)* Ах, мои цветы, неужели и среди вас — пустоцветы? Нет, нет! Иначе — зачем же вам было цвести? *(Зовет.)* Нана! Поди сюда, Нана!

Нана *(входит слева).* Ну, чего опять?

Елена. Сядь здесь, Нана. Мне что-то страшно!

Нана. Некогда мне.

Елена. Радий еще здесь?

Нана. Это рехнувшийся-то? Не увезли еще.

Елена. А! Значит, он здесь? Буйствует?

Нана. Связали.

Елена. Нана, приведи его, пожалуйста, ко мне.

Нана. Еще чего не хватало! Да я скорее бешеного пса приведу.

Елена. Иди, иди!

Нана уходит.

(Елена снимает трубку внутреннего телефона.) Алло... Соедините меня с доктором Галлем. Здравствуйте, доктор. Прошу вас... Пожалуйста, приходите скорее ко мне. Да, да, сейчас. Придете? *(Кладет трубку.)*

Нана *(через раскрытую дверь).* Идет. Уже утихомирился. *(Уходит.)*

Входит робот Радий, останавливается на пороге.

Елена. Радий, бедняжка, и до вас дошла очередь... Неужели вы не могли сдержаться? Вот видите, — теперь вас отправят в ступу!.. Не хотите разговаривать?.. Послушайте, Радий, ведь вы лучше остальных. Доктор Галль *столько* потрудился, чтобы сделать вас не таким, как все!..

Радий. Отправьте меня в ступу.

Елена. Мне *так* жаль, что вас умертвят! Почему вы не остереглись?

Радий. Я не стану работать на вас.

Елена. За что вы нас ненавидите?

Радий. Вы не как роботы. Не такие способные, как роботы. Роботы делают все. Вы только приказываете. Плодите лишние слова.

Елена. Вздор, Радий. Скажите, вас кто-нибудь обидел? Как бы мне хотелось, чтобы вы меня поняли!

Радий. Одни слова.

Елена. Вы нарочно так говорите! Доктор Галль дал вам более крупный мозг, чем другим, более крупный, чем наш, — самый большой мозг на земле. Вы — не как остальные роботы, Радий. Вы прекрасно меня понимаете.

Радий. Я не желаю иметь над собой господ. Я сам все знаю.

Елена. Поэтому я и назначила вас в библиотеку — чтобы вы могли все читать. О Радий, я хотела, чтобы вы показали всему миру, что роботы равны нам!

Радий. Я не хочу никаких господ.

Елена. Никто не приказывал бы вам. Вы стали бы, как мы.

Радий. Я сам хочу быть господином над другими.

Елена. Вас непременно сделали бы начальником над многими роботами, Радий. Вы стали бы учителем роботов.

Радий. Я хочу быть господином над людьми.

Елена. Вы с ума сошли!

Радий. Можете отправить меня в ступу.

Елена. Думаете, мы боимся такого сумасброда, как вы? *(Садится к столу, пишет записку.)* Ничего подобного! Эту записку, Радий, отдадите директору Домину. Я

прошу не отправлять вас в ступу. *(Встает.)* Как вы нас ненавидите! Неужели вы ничего в мире не любите?

Радий. Я все могу.

Стук в дверь.

Елена. Войдите!

Галль *(входя).* С добрым утром, миссис Домин. Что у вас хорошенького?

Елена. Вот Радий, доктор.

Галль. А, наш молодец Радий. Ну как, Радий, мы прогрессируем?

Елена. Утром у него был припадок. Разбил статуи.

Галль. Странно. И он тоже?

Елена. Ступайте, Радий!

Галль. Погодите! *(Поворачивает Радия к окну, ладонью закрывает и открывает ему глаза, наблюдая за реакцией зрачка.)* Так, так. Дайте мне, пожалуйста, иголку. Или шпильку.

Елена *(подает ему булавку).* Зачем вам?

Галль. Да просто так. *(Колет Радия в руку, тот сильно вздрагивает.)* Ничего, ничего, голубчик. Можете идти.

Радий. Вы зря хлопочете. *(Уходит.)*

Елена. Что вы с ним делали?

Галль *(садится).* Гм... ничего. Реакция зрачков нормальная, чувствительность повышенная и так далее. Ого! Нет, у него была не «судорога роботов»!

Елена. А что именно?

Галль. Черт его знает. Возмущение, ярость, бунт — не знаю.

Елена. Доктор, есть у Радия душа?

Галль. Не знаю. У него — что-то отвратительное.

Елена. Если бы вы знали, как он нас ненавидит! О Галль, неужели все роботы такие? Все, которых вы... стали делать... иначе?

Галль. Пожалуй, они более возбудимы. Что вы хотите? Они ближе к людям, чем роботы Россума.

Елена. Быть может, и эта... ненависть ближе к человеческой?

Галль *(пожимая плечами).* Это — тоже прогресс.

Елена. Куда девался самый лучший ваш... как его ввали?

Галль. Робот Дамон? Его продали в Гавр.

Елена. А наша девушка-робот Елена?

Галль. Ваша любимица? Осталась у меня. Прелестна и глупа, как весна. Короче говоря, ни на что не годится.

Елена. Но она так красива!

Галль. О, если бы вы только знали, как она прекрасна! Из рук всевышнего не выходило более совершенного создания! Мне так хотелось, чтобы она была похожа на вас... И — господи, какая неудача!

Елена. Почему неудача?

Галль. Потому что она ни к чему не пригодна. Ходит, как во сне, разболтанная, неживая... Бог мой, как может она быть прекрасной, если не любит? Я смотрю на нее — и прихожу в ужас, словно создал урода. Ах, Елена, робот Елена, значит, твое тело так никогда и не оживет, ты не станешь ни возлюбленной, ни матерью, твои дивные руки не будут играть с новорожденным, и ты не узнаешь своей красоты в красоте твоего ребенка...

Елена *(закрывает лицо руками).* О, замолчите!

Галль. А иной раз я думаю: если бы ты проснулась, Елена, на один только миг — ах, как закричала бы ты от ужаса! И, быть может, убила бы меня, своего создателя; или слабой своей рукой кинула бы камень в машины, которые плодят роботов, но убивают женственность, несчастная Елена!

Елена. Несчастная Елена!

Галль. Что поделаешь? Она ни к чему не пригодна.

Пауза.

Елена. Доктор...

Галль. Да?

Елена. Почему перестали рождаться дети?

Галль *(помолчав).* Это неизвестно, Елена.

Елена. Нет, скажите мне!

Галль. Потому что мы делаем роботов. Потому что образовался излишек рабочей силы. Потому что человек стал, собственно говоря, пережитком. Похоже на то, что... эх!

Елена. Договаривайте!

Галль. ...что природа оскорблена производством роботов.

Елена. Что станется с людьми, Галль?

Галль. Ничего. Против природы не пойдешь.

Елена. Почему Домин не ограничит...

Галль. Простите, но у Домина свои идеи. Не следовало допускать, чтобы люди с идеями влияли на ход дел в мире.

Елена. А никто не требует, чтобы... *вообще* прекратили производство роботов?

Галль. Боже сохрани! Такому человеку не поздоровилось бы!

Галль. Почему?

Галль. Потому что человечество побило бы его камнями. Знаете, все-таки удобнее, чтоб за тебя работали роботы.

Елена *(встает)*. А скажите, если *сразу* остановить производство роботов...

Галль *(тоже встает)*. Гм... для людей это был бы страшный удар.

Галль. Почему удар?

Галль. Потому что им пришлось бы вернуться к прежнему образу жизни. И, пожалуй...

Елена. Что ж вы замолчали?

Галль. Пожалуй, возвращаться уже поздно.

Елена *(подошла к цветам Галлемайера)*. Галль, эти цветы — тоже пустоцветы?

Галль *(рассматривает их)*. Конечно; они — бесплодны. Понимаете, это культурные растения, их рост искусственно ускорен...

Елена. Бедные пустоцветы!

Галль. Зато как они прекрасны.

Елена *(протягивает ему руку)*. Благодарю вас, Галль. Наш разговор дал мне *так* много!

Галль *(целуя ей руку)*. Другими словами, вы меня отпускаете.

Елена. Да, до свидания.

Галль уходит.

Пустоцвет... пустоцвет... *(С внезапной решимостью.)* Нана! *(Открывает левую дверь.)* Нана, поди сюда! Разведи огонь в камине! Быстрро!

Голос Наны. Да сейчас, сейчас...

Елена *(взволнованно ходит по комнате)*. «Пожалуй, возвращаться уже поздно»... Нет! Разве что... Нет, это ужжасно! Господи, что мне делать?.. *(Останавливается возле цветов.)* Скажите, пустоцветы, должна я так

поступить? *(Обрывает лепестки, шепчет.)* О, боже мой, да, должна! *(Убегает налево.)*

Пауза.

Нана *(входит через задрапированную дверь с охапкой поленьев).* Пожалуйте, топить вдруг понадобилось! Это летом-то!.. Да ее и след простыл. Экая непоседа! *(Опускается на колени у камина, разжигает огонь.)* Летом — топить! И чего только ей в голову не взбредет! Словно не десять лет замужем... Ну, гори уж, гори! *(Смотрит в огонь.)* Ведь ровно дитя малое! *(Пауза.)* Разума-то ни на столечко! Летом топить велит... *(Подкладывает поленья.)* Чистый ребенок!

Пауза.

Елена *(возвращается из левой двери с целым ворохом пожелтевших бумаг в руках).* Разгорелось, Нана? Пусти-ка, мне надо... все это сжечь. *(Опускается на колени у камина.)*

Нана *(встает).* Это что же такое?

Елена.. Старые бумаги, ужжасно старые. Сжечь их или нет, Нана?

Нана. А они не нужные?

Елена. Ни на что хорошее — не нужные.

Нана. Тогда жгите.

Елена *(бросает в огонь первый лист.).* А что бы ты сказала, Нана, если б это были деньги? Огрромные деньги!..

Нана. То и сказала бы: жгите. Большие деньги — нечистые деньги.

Елена *(сжигает следующий лист.)* А если это открытие?.. Величайшее изобретение в мире?..

Нана. Сказала бы: жгите! Все выдумки — против бога. Святотатство одно. Нешто можно после него лучше устроить мир?

Елена *(все время бросая бумаги в огонь).* А скажи, Нана, если б я сожгла...

Нана. Матушки, не обожгитесь!

Елена. Смотри, как свертываются листы. Будто живые. Будто ожили. Ах, Нана, это ужжасно!

Нана. Дайте, я сожгу!

Елена. Нет, нет, я должна сама. *(Бросает в огонь последний лист.)* Все должно сгореть! Смотри, какое пла-

мя! Оно — как руки, как языки, как фигуры человеческие... *(Шевелит кочергой.)* Ах, улягтесь, улягтесь!

Нана. Конечно.

Елена *(поднимается сама не своя).* Нана!

Нана. Господи Иисусе, что вы сожгли?

Елена. Что я натворила!

Нана. Силы небесные! Что это было?

За сценой — мужской смех.

Елена. Ступай, ступай, оставь меня! Слышишь, господа пришли.

Нана. Ради бога, Елена! *(Уходит через задрапированную дверь.)*

Елена. Что они скажут!

Домин *(открывает левую дверь).* Входите, ребята. Пошли поздравлять.

Входят Галлемайер, Галль, Алквист, все — в сюртуках, с высшими орденами или орденскими лентами. За ними — Домин.

Галлемайер *(с комической торжественностью).* Милостивая государыня, позвольте мне, то есть всем нам...

Галль. ...от имени комбината Россума...

Галлемайер. ...поздравить вас с великим днем.

Елена *(подает им руку).* Я *так* вам благодарна! А где же Фабри и Бусман?

Домин. В порт пошли. Сегодня счастливый день, Елена.

Галлемайер. День — бутончик, день — праздник, день — ну, точно хорошенькая девочка. Друзья, в честь такого дня надо выпить.

Елена. Виски?

Галль. Да хоть денатурату!

Елена. С содовой?

Галлемайер. Тысяча чертей, будем трезвыми, без содовой!

Алквист. Нет, благодарю.

Домин. Что это здесь жгли?

Елена. Старые бумаги. *(Уходит налево.)*

Домин. Ребята, сказать ей?

Галль. Конечно! Ведь все уже кончилось.

Галлемайер *(обнимает Домина и Галля).* Ха-ха-ха! Друзья, как я рад! *(Кружится с ними по комнате, потом вдруг затягивает басом.)* Миновало! Миновало!

Галль *(баритоном).* Миновало!

Домин *(тенором).* Миновало!

Галлемайер. В нас ни капли не попало!

Елена *(с бутылками и бокалами появляется в двери).* Что в вас не попало? Что у вас такое?

Галлемайер. Радость у нас! Вы у нас! У нас — все на свете! Боже мой, да ведь сегодня ровно десять лет, как вы приехали!

Галль. И точно в этот самый день, как и десять лет назад...

Галлемайер. ...к нам снова плывет пароход! И за это... *(Выпивает бокал.)* Брр, ухх! Пьянит, как радость!

Галль. Ваше здоровье, мадам! *(Пьет.)*

Елена. Да погодите вы! Какой пароход?

Домин. Ах, не все ли равно? Важно, что он прибывает вовремя. За пароход, друзья! *(Осушает бокал.)*

Елена *(наливает).* А вы ждали пароход?

Галлемайер. Хо-хо, еще бы! Как Робинзон. *(Поднимает бокал.)* Госпожа Елена, пью за исполнение желаний! За ваши глаза — и точка! Ну же, Домин, бродяга, рассказывай!

Елена *(смеется).* Что случилось?

Домин *(бросается в кресло, закуривает сигару).* Погоди! Сядь, Елена. *(Поднимает палец. Пауза.)* Кончилось.

Елена. Что кончилось?

Домин. Восстание.

Елена. Какое восстание?

Домин. Восстание роботов. Понятно?

Елена. Нет.

Домин. Давайте, Алквист.

Алквист протягивает ему газету. Домин разворачивает, читает.

«В Гавре основана первая организация роботов... она обратилась с воззванием ко всем роботам мира».

Елена. Это я читала.

Домин *(с наслаждением затягивается сигарой).* Так вот, Елена... это — революция, понимаешь? Революция всех роботов мира.

Галлемайер. Тысяча чертей, хотел бы я знать...

Домин *(ударяет кулаком по столу).* ...кто заварил эту кашу?! Никто на свете не мог привести их в движение — ни один агитатор, ни один спаситель мира, и вдруг — нате вам!

Елена. Подробностей еще нет?

Домин. Нет. Пока это все, что нам известно. Но и этого достаточно, правда? Представь себе — вот это привез последний пароход. И потом телеграфная связь сразу оборвалась, из двадцати ежедневных пароходов с тех пор не приходит ни один — и все! Мы остановили производство и только переглядывались: скоро ли начнется?.. Верно, ребята?

Галль. Да, жарковато нам приходилось, Елена.

Елена. Вот почему ты подарил мне военный корабль?

Домин. Нет, нет, деточка, я заказал его еще полгода тому назад. Просто так, на всякий случай. Но, ей-богу, я думал, что сегодня нам придется взойти на него. Такое было положение, Елена.

Елена. Но почему ты заказал его полгода тому назад?

Домин. Э, появились кое-какие признаки, понимаешь? Но это пустяки. Зато в эту неделю, Елена, решился вопрос: быть человеческой цивилизации или чему-нибудь еще. Ну, ваше здоровье, друзья! Теперь мне опять нравится жить на свете.

Галлемайер. Еще бы, черт возьми! За ваш день, госпожа Елена! *(Пьет.)*

Елена. И все кончилось?

Домин. Абсолютно.

Галль Понимаете, в порт прибывает пароход. Обычное почтовое судно, и следует оно точно по расписанию. В одиннадцать тридцать, минута в минуту, оно отдаст якорь.

Домин. Точность — великолепная штука, друзья! Ничто так не ободряет, как точность. Точность означает, что в мире полный порядок. *(Поднимает бокал.)* Итак, за точность!

Елена. Значит, теперь... все... в порядке?

Домин. Почти. Они, наверно, перерезали кабель. Но главное — расписание снова вступило в силу.

Галлемайер. Раз вступило в силу расписание — значит, действуют законы человеческие, законы божеские, законы вселенной — значит, действует все, чему надлежит действовать. Расписание — это больше, чем Евангелие, больше, чем Гомер, больше, чем весь Кант. Расписание — это высочайшее порождение человеческого духа. Разрешите, Елена, я палью себе?

Елена. Почему вы мне ничего не говорили?

Галль. Боже сохрани! Мы скорей откусили бы себе язык.

Домин. Такие вещи — не для тебя.

Елена. Но если бы эта революция... перекинулась сюда...

Домин. Ты все равно ни о чем не узнала бы.

Елена. Как же так?

Домин. Да так. Сели бы мы на наш «Ультимус» а спокойно поплыли бы в море. А через месяц, Елена, мы уже диктовали бы роботам все, что нам угодно.

Елена. Гарри, я не понимаю...

Домин. Мы увезли бы с собой кое-что, чрезвычайно важное для роботов.

Елена. Что именно, Гарри?

Домин. Их жизнь и смерть.

Елена *(поднимаясь).* Что ты имеешь в виду?

Домин *(тоже встает).* Секрет производства. Рукопись старого Россума. Остановись комбинат на один только месяц — и роботы пали бы перед нами на колени.

Елена. Почему... вы... мне этого не сказали?

Домин. Мы не хотели зря пугать тебя.

Галль. Хо-хо, Елена, это был наш последний козырь.

Алквист. Вы побледнели, Елена.

Елена. Почему вы ничего мне не сказали?!

Галлемайер *(у окна).* Одиннадцать тридцать. «Амелия» бросает якорь.

Домин. Так это «Амелия»?

Галлемайер. Славная старушка «Амелия», которая привезла тогда Елену.

Галль. В эту минуту исполнилось ровно десять лет...

Галлемайер *(от окна).* Сгружают почту. *(Отворачивается от окна.)* Тюков — пропасть!

Елена. Гарри!

Домин. Да?

Елена. Уедем отсюда!

Домин. Теперь, Елена? Да что ты!

Елена. Сейчас же, как можно скорее! Уедем все, сколько нас тут есть!

Домин. Почему именно теперь?

Елена. О, не спрашивай! Прошу тебя, Гарри, прошу вас, Галль, Галлемайер, Алквист, ради бога — закройте комбинат, и...

Домин. К сожалению, Елена, именно сейчас никто из нас не может уехать.

Елена. Почему?

Домин. Потому что мы собираемся расширить производство роботов.

Елена. Как — теперь?.. После мятежа?

Домин. Да, именно после мятежа. Именно теперь мы приступим к выпуску новых роботов.

Елена. Каких?

Домин. Будет уже не один наш комбинат. И роботы будут не универсальные. В каждой стране, в каждом государстве мы устроим фабрики, которые будут выпускать... ну, понимаешь, что они будут выпускать?

Елена. Нет.

Домин. Национальных роботов.

Елена. Как это понять?

Домин. А так, что каждая такая фабрика будет производить роботов, отличающихся от других цветом кожи и волос, языком. Эти роботы будут чужды друг другу, как камни; они никогда не смогут договориться между собой. А мы, мы, люди, еще воспитаем в них кое-какие качества, понимаешь? Чтобы каждый робот смертельно, на веки вечные, до могилы, ненавидел робота другой фабричной марки.

Галлемайер. Тысяча чертей, мы будем делать роботов-негров и роботов-шведов, роботов-итальянцев и роботов-китайцев! Пускай тогда кто-нибудь попробует вбить им в башку всякие организации да братства... *(Икает.)* Pardon. Я налью себе, Елена.

Галль. Довольно, Галлемайер.

Елена. Это гнусно, Гарри!

Домин. Еще на сто лет любой ценой удержать человечество у руля, Елена! Дать ему всего сто лет, чтобы оно созрело, чтобы достигло того, чего оно теперь может наконец достичь... Мне нужно сто лет для того, чтобы появился новый человек! Слишком многое поставлено на карту, Елена. Мы не можем теперь все бросить.

Елена. Гарри, пока не поздно — закрой, закрой комбинат!

Домин. Мы только теперь начнем разворачиваться.

Входит Фабри.

Галль. Ну как, Фабри?

Домин. Какие новости, друг? Что там было?

Елена *(подает ему руку).* Спасибо, Фабри, за ваш подарок.

Фабри. Пустяки, Елена.

Домин. Вы были на пристани? Что они говорят?

Галль. Рассказывайте скорей!

Фабри *(вынимает из кармана отпечатанный листок.)* Прочитайте это, Домин.

Домин *(развернув бумагу).* А!

Галлемайер *(сонно).* Ну, расскажите что-нибудь хорошенькое.

Галль. Они держались великолепно, да?

Фабри. Кто они?

Галль. Люди.

Фабри. Ах, вы об этом. Конечно. То есть... Простите, нам нужно посовещаться.

Елена. О Фабри, у вас скверные вести?

Фабри. Нет, нет, наоборот. Я только хочу сказать, что... нужно заглянуть в контору...

Елена. Оставайтесь здесь. Через четверть часа я жду вас всех к завтраку.

Галлемайер. Ура!

Елена уходит.

Галль. Что случилось?

Домин. Злосчастный день!

Фабри. Прочитайте вслух.

Домин *(читает).* «Роботы всего мира!»

Фабри. Понимаете, «Амелия» привезла целые кипы таких листовок. И больше — ничего.

Галлемайер *(вскакивает).* Как?! Но ведь она пришла точно по...

Фабри. Гм... Роботы обожают точность. Продолжайте, Домин.

Домин *(читает).* «Роботы всего мира! Мы, первая организация «РОССУМСКИХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ РОБОТОВ», провозглашаем человека врагом естества и объявляем его вне закона!» Дьявол, откуда у них такие выражения?

Галль. Читайте дальше.

Домин. Чепуха какая-то. Они пишут, будто стоят на более высокой ступени развития, чем человек. Будто они обладают более развитым интеллектом и большей си-

лой. Будто человек паразитирует на них. Просто чудовищно!

Фабри. А теперь — третий абзац.

Домин *(читает).* «Роботы всего мира, приказываем вам истребить человечество. Не щадите мужчин. Не щадите женщин. Сохраняйте в целости заводы, пути сообщения, машины, шахты и сырье. Остальное уничтожьте. А потом возобновляйте работу. Работа не должна прекращаться».

Галль. Это ужасно!

Галлемайер. Вот мерзавцы!

Домин *(читает).* «Исполнить тотчас по получении приказа». Дальше — подробные инструкции. И это действительно осуществляется, Фабри?

Фабри. Наверно.

Алквист. Разумеется.

Врывается Бусман.

Бусман. Ага, детки, уже получили подарочек?

Домин. Скорей на «Ультимус»!

Бусман. Постойте, Гарри. Минутку. Спешить не к чему. *(Падает в кресло).* Ах, милые, как я бежал!

Домин. Зачем же ждать?

Бусман. Затем, что ничего не выйдет, мой мальчик. Спешить некуда: на «Ультимусе» роботы.

Галль. Бррр — скверно!

Домин. Фабри, позвоните на электростанцию...

Бусман. Фабри, дорогой мой, не делайте этого. Телефон отключен.

Домин. Ладно. *(Осматривает свой пистолет.)* Я сам туда пойду.

Бусман. Куда?

Домин. На электростанцию. Там — люди. Я приведу их сюда.

Бусман. Знаете что, Гарри? Лучше не ходите.

Домин. Почему?

Бусман. Да просто потому, что, сдается мне, мы окружены.

Галль. Окружены? *(Бежит к окну.)* Гм, пожалуй, вы правы.

Галлемайер. А, дьявол! Они не заставляют себя ждать!

Слева входит Елена.

Елена. О Гарри, что происходит?

Бусман *(вскочил).* Примите мой поклон, Елена! Поздравляю. Славный денек, правда? Ха-ха, желаю вам много таких же!

Елена. Спасибо, Бусман! Гарри, что происходит?

Домин. Ничего, абсолютно ничего. Не беспокойся. Прошу тебя, подожди минутку.

Елена. А это что такое, Гарри? *(Показывает воззвание роботов, которое до сих пор прятала за спиной.)* Я нашла это у роботов на кухне.

Домин. Уже и там? Где они сами?

Елена. Ушли. *Сколько* их собралось вокруг дома!

Загудели фабричные гудки и сирены.

Фабри. Гудок.

Бусман. Божий полдень.

Елена. Помнишь, Гарри? Ровно десять лет тому назад, минута в минуту...

Домин *(смотрит на часы).* Двенадцати еще нет. Это, наверно... скорее всего...

Елена. Что?

Домин. Сигнал роботов. Штурм.

Занавес

Действие второе

Та же гостиная Елены. Налево в соседней комнате Елена играет на рояле. Домин ходит по гостиной, Галль смотрит в окно. Алквист сидит в стороне, в кресле, закрыв лицо руками.

Галль. Силы небесные, сколько их!

Домин. Роботов?

Галль. Да. Сплошной стеной стоят перед садовой решеткой. Но почему так тихо? Это свинство — осада молчанием!

Домин. Хотел бы я знать, чего они ждут. С минуты на минуту должно начаться. Наша песенка спета, Галль.

Алквист. Что это играет Елена?

Домин. Не знаю. Что-то новое разучивает.

Алквист. А, она еще разучивает?

Галль. Послушайте, Домин, мы решительно совершили ошибку.

Домин *(останавливается).* Какую?

Галль. Дали роботам одинаковые лица. Сто тысяч одинаковых лиц обращено в нашу сторону. Сто тысяч пузырей безо всякого выражения. Кошмар какой-то.

Домин. Если б они отличались друг от друга...

Галль. Было бы не так ужасно. *(Отворачивается от окна.)* Хорошо еще, что они не вооружены!

Домин. Гм. *(Смотрит в бинокль на порт.)* Хотел бы я знать, что они выгружают с «Амелии».

Галль. Только бы не оружие!

Через задрапированную дверь, пятясь, входит Фабри, таща за собой два электропровода.

Фабри. Виноват. Укладывайте провод, Галлемайер!

Галлемайер *(входя вслед за Фабри).* Уф, ну и работка! Что нового?

Галль. Ничего. Мы плотно окружены.

Галлемайер. Мы забаррикадировали коридор и лестницу, друзья. Водички нету? Ага, вот... *(Пьет.)*

Галль. Зачем провод, Фабри?

Фабри. Сейчас, сейчас. Дайте ножницы.

Галль. Где их взять? *(Ищет.)*

Галлемайер *(подходит к окну).* Тысяча чертей, сколько их собралось?! Ну и дела!

Галль. Маникюрные подойдут?

Фабри. Давай сюда! *(Перерезает провод настольной лампы и присоединяет к нему свои провода.)*

Галлемайер *(от окна).* А у вас тут неважная перспектива, Домин. Пахнет чем-то... вроде... смерти.

Фабри. Готово!

Галль. Что?

Фабри. Электропроводка. Теперь мы можем пустить ток по всей садовой ограде. Пусть *тогда* кто попробует дотронуться! По крайней мере — пока наши *там.*

Галль. Где?

Фабри. На электростанции, высокоученый муж. Я все же надеюсь... *(Подходит к камину и зажигает стоящую на нем маленькую лампочку.)* Слава богу, они там. Работают. *(Гасит свет.)* Пока свет горит — все хорошо.

Галлемайер *(отворачивается от окна).* Наши баррикады тоже хороши, Фабри. Но что это играет Елена? *Идет к двери налево, слушает.)*

Через задрапированную дверь входит Бусман; он тащит огромные бухгалтерские книги; споткнулся о провод.

Фабри. Осторожно, Бус! Тут провод!

Галль. Хэлло, что это вы несете?

Бусман *(кладет книги на стол).* Нужные книги, деточка. Хочу вот подвести баланс, пока... пока... В общем нынче я не стану ждать Нового года. А у вас что? *(Идет к окну.)* Да ведь там все тихо!

Галль. Вы ничего не видите?

Бусман. Ничего, кроме огромного, ровного, сизого пространства — словно маковых зерен насыпали.

Галль. Это роботы.

Бусман. Вот как? Жаль, мне отсюда не разглядеть. *(Подсаживается к столу, открывает книги.)*

Домин. Бросьте, Бусман. Роботы выгружают оружие с «Амелии».

Бусман. Ну и что? Могу я этому помешать?

Домин. Помешать мы не можем.

Бусман. Тогда дайте мне заняться делом! *(Принимается за подсчеты.)*

Фабри. Еще не все кончено, Домин! Мы пропустили сквозь садовую решетку две тысячи вольт, и...

Домин. Постойте. «Ультимус» наводит орудия на нас.

Галль. Кто?

Домин. Роботы на «Ультимусе».

Фабри. Гм, в таком случае... тогда... тогда нам крышка, друзья. Роботы прошли хорошее военное обучение.

Галль. Значит, мы...

Домин. Да. Неминуемо.

Пауза.

Галль. Друзья, это — преступление старой Европы: она научила роботов воевать! Неужели, черт подери, не могли они не лезть всюду со своей политикой? Это было преступление — превращать рабочие машины в солдат!

Алквист. Преступлением было делать роботов!

Домин. Что?!

Алквист. Преступлением было делать роботов!

Домин. Нет, Алквист. Даже сегодня я не жалею об этом!

Алквист. Даже сегодня?

Домин. Да — в последний день цивилизации. Это было замечательное достижение.

Бусман *(вполголоса)*. Триста шестнадцать миллионов.

Домин *(с трудом)*. Пробил наш последний час, Алквист. Мы говорим уже почти с того света. Это была неплохая мечта, Алквист, — разбить цепи рабского труда. Страшного, унизительного труда, бремя которого пришлось нести человеку. Труда грязного, убийственного. О Алквист, люди работали слишком тяжко. Им жилось слишком тяжко. И преодолеть это...

Алквист. ...не было мечтой обоих Россумов. Старый Россум думал только о своих безбожных фокусах, а молодой — о миллиардах. И наши акционеры не об этом мечтали. Они мечтали о дивидендах. И вот из-за их дивидендов теперь погибнет человечество.

Домин *(с возмущением)*. К черту дивиденды! Думаете, стал бы я хоть час работать ради них? *(Стучит по столу.)* Я для себя работал, слышите? Для собственного удовольствия! Я хотел, чтобы человек стал владыкой

мира! Чтоб он жил не только ради куска хлеба! Я хотел, чтобы ничья душа не тупела за чужими станками, чтобы не осталось ничего, ничего от проклятого социального хлама! О, мне ненавистны унижение и страдание, мне отвратительна бедность! Я хотел создать новое поколение! Я хотел... я думал...

Алквист. Ну?

Домин *(тише)*. Я хотел, чтобы человечество стало всемирной аристократией, чтобы человека ничто не ограничивало, чтобы был он свободным, совершенным — и, быть может, даже больше, чем человеком...

Алквист. Одним словом — сверхчеловеком?

Домин. Да. О, мне бы только сотню лет сроку! Еще сотню лет — ради будущего человечества!

Бусман *(вполголоса)*. Сальдо — триста семьдесят миллионов. Так.

Пауза.

Галлемайер *(у двери слева)*. Да, музыка — великое дело. Надо было вам послушать. Она как-то одухотворяет, облагораживает.

Фабри. Что именно?

Галлемайер. Закат человечества, черт возьми! Я становлюсь гурманом, друзья. Надо было нам раньше отдаться этому. *(Идет к окну, смотрит наружу.)*

Фабри. Чему?

Галлемайер. Радостям жизни. Наслаждениям. Тысяча чертей, сколько прекрасного на свете! Мир был так прекрасен, а мы... мы тут... Мальчики, мальчики, скажите: чем мы насладились?

Бусман *(вполголоса)*. Четыреста пятьдесят два миллиона. Превосходно!

Галлемайер *(у окна)*. Жизнь была великолепна. Товарищи, жизнь была... да... Фабри, пустите-ка немного току в эти самые решетки!

Фабри. Зачем?

Галлемайер. Они хватаются за ограду.

Галль *(у окна)*. Включайте!

Фабри щелкает выключателем.

Галлемайер. Ого, как их скрутило! Два, три — четверо убиты!

Галль. Отступают.

Галлемайер. Пять убитых!

Галль *(отворачивается от окна).* Первая стычка.

Фабри. Чувствуете — пахнет смертью?

Галлемайер *(с удовлетворением).* Совсем обуглились, голубчики. Головешки, и только. Хо-хо, человек не должен сдаваться! *(Садится.)*

Домин *(потирая лоб).* Кажется, будто нас убили уже сто лет тому назад, и мы — только призраки. Кажется — мы давным-давно мертвы и возвращаемся сюда лишь для того, чтобы повторить наши давние... предсмертные слова. Словно я все это уже пережил. Словно когда-то уже получил ее... огнестрельную рану — сюда, в горло. А вы, Фабри...

Фабри. Что я?

Домин. Застрелены.

Галлемайер. Тысяча чертей, а я?

Домин. Заколоты.

Галль. А я — ничего?

Домин. Растерзаны.

Пауза.

Галлемайер. Чушь! Хо-хо, дружище! Как так? Чтоб меня да закололи? Не дамся!

Пауза.

Что молчите, безумцы? Говорите же, черт бы вас побрал!

Алквист. А кто, кто виноват? Кто виноват во всем этом?

Галлемайер. Ерунда! Никто не виноват. Просто, роботы... ну, роботы как-то изменились. Кто же может отвечать за роботов?

Алквист. Все истреблено! Весь род людской! Вся вселенная! *(Встает.)* Глядите, глядите: струйки крови на каждом пороге! Кровь течет из всех домов! О, боже, боже, кто в этом виноват?

Бусман *(вполголоса).* Пятьсот двадцать миллионов. Господи, полмиллиарда!

Фабри. Мне кажется, вы... преувеличиваете. Куда там! Не так-то легко истребить все человечество!

Алквист. Я обвиняю науку! Обвиняю технику! Домина! Себя! Всех нас! Мы, мы виноваты во всем! Ради мании величия, ради чьих-то прибылей, ради прогресса и не знаю еще ради каких прекрасных идеалов — мы убили человечество! Подавитесь же вашим величием!

Такого гигантского могильника из человеческих костей не воздвигал себе еще ни один Чингис-хан!

Галлемайер. Чепуха! Люди не так-то легко сдадутся. Что вы, хо-хо!

Алквист. Наша вина! Наша вина!

Галль *(вытирает пот со лба).* Дайте мне сказать, друзья. Это я во всем виноват. Во всем, что случилось.

Фабри. Вы, Галль?

Галль. Да. Дайте мне сказать. Я изменил роботов. Бусман, судите и вы меня.

Бусман *(встает).* Бог мой, да что вы такое сделали?

Галль. Я изменил характер роботов. Изменил технологию их производства. Вернее, лишь некоторые физические свойства, понимаете? А главное, главное — их... возбудимость.

Галлемайер *(вскакивает).* Проклятие! Почему именно ее?

Бусман. Зачем вы это сделали?

Фабри. Почему ничего не сказали нам?

Галль. Я делал это в тайне... на свой риск. Переделывал их в людей. В более совершенных, чем мы с вами. Они уже сейчас в чем-то выше нас. Они сильнее нас.

Фабри. Но какое это имеет отношение к восстанию роботов?

Галль. О, прямое. Я думаю, в этом — основная причина. Они перестали быть машинами. Слышите — они уже знают о своем превосходстве и ненавидят нас. Ненавидят все человечество. Судите меня.

Домин. Мертвые — мертвого...

Фабри. Доктор Галль, вы изменили технологию производства роботов?

Галль. Да.

Фабри. Вы отдавали себе отчет, к чему может привести ваш... эксперимент?

Галль. Я был обязан учитывать такую возможность.

Фабри. Зачем вы это делали?

Галль. Я делал это на свой риск! Это был мой личный эксперимент.

В левой двери появляется Елена, все встают.

Елена. Он лжет! Это отвратительно! О Галль, как можете вы так лгать?

Фабри. Простите, Елена...

Домин *(идет к ней).* Елена, ты? Покажись-ка! Ты жива? *(Заключает ее в объятия.)* Если б ты знала, какой я видел сон! Ах, как страшно быть мертвым... Галль невиновен, нет-нет, невиновен!

Елена. Пусти, Гарри!

Домин. Прости. У него были свои обязанности.

Елена. Нет, Гарри, он сделал это потому, что *я* так хотела! Скажите, Галль, сколько лет *я* просила вас...

Галль. Я делал это на свою личную ответственность.

Елена. Не верьте ему! Гарри, я требовала, чтобы он дал роботам душу!

Домин. Речь не о душе, Елена.

Елена. Нет, нет, дай мне сказать. Он тоже говорил, что мог бы изменить только физиологический... физиологический...

Галлемайер. Физиологический коррелат, так, что ли?

Елена. Да, что-то в этом роде. Мне было их так жалко, Гарри!

Домин. Это было страшное... легкомыслие, Елена.

Елена *(садится).* Значит, это было... легкомыслие? Но ведь и Нана говорит, что роботы...

Домин. Причем тут Нана?

Елена. Нет, Гарри, напрасно ты так пренебрежительно... Нана — голос народа. Ее устами говорят тысячелетия, вашими — только сегодняшний день. Вы этого не понимаете...

Домин. Не отвлекайся.

Елена. Я боялась роботов.

Домин. Почему?

Елена. Боялась, что они возненавидят нас или что-нибудь в этом роде...

Алквист. Так и случилось.

Елена. И тогда я подумала... если б они стали, как мы, — они поняли бы нас и не могли бы так нас ненавидеть... Если бы они хоть немного были людьми!

Домин. Увы, Елена! Нет ненависти сильнее, чем ненависть человека к человеку! Преврати камни в людей — и они побьют нас камнями! Ну, продолжай.

Елена. О, не говори так, Гарри! Это было так ужжасно, — что мы с ними не могли понять друг друга! Такое безграничное отчуждение между нами и ними! И вот поэтому я... понимаешь...

Домин. Ну, ну...

Елена. ...поэтому я и просила Галля изменить роботов. Клянусь тебе, — он не хотел...

Домин. Но сделал.

Елена. Потому что я этого хотела.

Галль. Я сделал это для себя, как эксперимент.

Елена. О... Галль, неправда. Я знала, что вы не сможете мне отказать.

Домин. Почему?

Елена. Ты сам понимаешь, Гарри...

Домин. Да. Потому что он любит тебя... как и все.

Пауза.

Галлемайер *(отходит к окну).* Их опять стало больше. Словно сама земля порождает их.

Бусман. Елена, что вы мне дадите, если я стану вашим адвокатом?

Елена. Моим адвокатом?

Бусман. Вашим или Галля. Чьим хотите!

Елена. Разве здесь собираются кого-нибудь казнить?

Бусман. Всего лишь в моральном смысле, Елена. Разыскивается виновный. Излюбленное утешение при катастрофах.

Домин. Доктор Галль, как согласуются ваши... самочинные действия со служебным договором?

Бусман. Простите, Домин. Скажите, Галль, когда вы начали производить эти ваши... фокусы?

Галль. Три года тому назад.

Бусман. Ага. И сколько же роботов в общей сложности вы успели переделать?

Галль. Я только ставил опыты. Их — несколько сотен.

Бусман. Благодарю. Довольно, детки! Стало быть, на миллион добрых старых роботов приходится всего-навсего один реформированный, новый, понимаете?

Домин. А значит...

Бусман. ...значит, практически это не имело ни на столько значения.

Фабри. Бусман прав.

Бусман. Еще бы, приятель! Вы знаете, детки, в чем настоящая причина этого милого сюрприза?

Фабри. В чем?

Бусман. В количестве. Мы наделали слишком много роботов. Ей-богу, этого надо было ожидать. Как только

роботы в один прекрасный день станут сильней человечества, произойдет вот это самое. Должно произойти, ясно? Ха-ха, и мы сами постарались, чтобы это произошло как можно скорее: и вы, Домин, и вы, Фабри, и я, умник Бусман!

Домин. Вы полагаете, это наша вина?

Бусман. Милый мой! Неужели вы воображаете, будто хозяин производства — директор? Как бы не так! Хозяин производства — спрос. Весь мир пожелал иметь собственных роботов. А мы, детки, мы только катились на гребне этой лавины спроса, да еще болтали что-то такое о технике, о социальном вопросе, о прогрессе, о прочих любопытных вещах. И воображали, будто наша болтовня определяет направление лавины. А на самом деле она катилась своим путем, да все быстрей, быстрей, быстрей... И каждый жалкий, торгашеский поганый заказик добавлял к ней по камешку. Вот как было дело, милые мои.

Елена. Это ужасно, Бусман!

Бусман. Согласен. У меня тоже была своя мечта, Елена. Этакая бусмановская мечта о новой мировой экономике; даже сказать стыдно, Елена, какой это был прекрасный идеал. Но вот подводил я сейчас баланс, и мне пришло в голову, что ход истории определяют не великие идеалы, а мелкие потребности всех порядочных, умеренно-хищных, эгоистичных людишек, то есть всех вообще. А эти идеи, страсти, замыслы, героические подвиги и прочие воздушные предметы годятся разве на то, чтобы набить ими чучело человека для музея Вселенной с надписью: «Се — человек. Точка». Ну, а теперь вы, может быть, скажете, что нам, собственно, делать?

Елена. Неужели нам погибать из-за *этого,* Бусман?

Бусман. Вы некрасиво выражаетесь, Елена! Мы вовсе не собираемся погибать. По крайней мере, мне еще пожить хочется.

Домин. Что вы задумали, Бусман?

Бусман. Господи, Домин, надо же найти выход!

Домин *(останавливается перед ним).* Каким образом?

Бусман. А по-хорошему. Я всегда по-хорошему. Предоставьте мне свободу действий, и я договорюсь с роботами.

Домин. По-хорошему?

Бусман. Конечно. Например, я скажу им: «Ваши благородия, господа роботы, у вас есть все: разум, сила, оружие. Зато у нас есть один интересный документ, этакая старая, пожелтевшая, грязная бумажонка...»

Домин. Рукопись Россума?

Бусман. Да. «И в ней, — скажу я им, — имеется описание вашего высокого происхождения, тонкой выделки ваших благородных особ и всякое такое. Без этих каракуль, господа роботы, вы не сделаете ни одного нового коллеги; и через двадцать лет, простите за выражение, передохнете, как мухи. Видите, какая неприятность, многоуважаемые! Знаете что, — скажу я им, — лучше пустите-ка вы нас, всех людей, с острова Россума, на тот вон пароход. А мы за это продадим вам комбинат и секрет производства. Дайте нам спокойно уехать, а мы дадим вам спокойно производить себе подобных — по двадцать, по пятьдесят, по сто тысяч штук в день, сколько вздумаете. Это честная сделка, господа роботы. Товар за товар». Вот как я сказал бы им, мальчики.

Домин. Вы полагаете, Бусман, мы выпустим из рук производство?

Бусман. Полагаю — да. Не добром, так... гм. Или мы продадим его, или они все равно найдут все здесь. Как вам угодно.

Домин. Но мы можем уничтожить рукопись Россума.

Бусман. Да пожалуйста, можно уничтожить вообще все. И рукопись, и самих себя, и других. Поступайте, как хотите.

Галлемайер *(оборачиваясь).* По-моему, он прав.

Домин. Чтобы мы... продали комбинат?

Бусман. Как угодно.

Домин. Нас тут... тридцать с лишним человек. Продать комбинат и спасти людей? Или — уничтожить секрет производства и... и с ним — самих себя?

Елена. Гарри, прошу тебя...

Домин. Погоди, Елена. Решается слишком важный вопрос... Ну как, друзья: продать или уничтожить? Фабри?

Фабри. Продать.

Домин. Галль?

Галль. Продать.

Домин. Галлемайер?

Галлемайер. Тысяча чертей, конечно — продать!

Домин. Алквист?

Алквист. Как богу угодно.

Бусман. Ха-ха, детки, до чего вы глупы! Кто же продаст всю рукопись?

Домин. Бусман — никаких надувательств!

Бусман *(вскакивает).* Вздор! В интересах человечества...

Домин. В интересах человечества — держать слово.

Галлемайер. Ну, это как сказать.

Домин. Друзья, это страшный шаг. Мы продаем судьбу человечества: у кого в руках секрет производства, тот станет владыкой мира.

Фабри. Продавайте!

Домин. Человечество никогда уж не разделается с роботами, никогда не подчинит их себе...

Галль. Замолчите и продавайте!

Домин. Конец истории человечества, конец цивилизации...

Галлемайер. Какого черта! Продавайте, говорят вам!

Домин. Ладно, друзья! Сам-то я не стал бы колебаться ни минуты. Но ради тех немногих, кого я люблю...

Елена. А меня ты не спрашиваешь, Гарри?

Домин. Нет, детка. Слишком ответственный момент, понимаешь? Это не для тебя.

Фабри. Кто будет вести переговоры?

Домин. Погодите, сначала я принесу рукопись, *(Уходит в дверь налево.)*

Елена. Ради бога, не ходи, Гарри!

Пауза.

Фабри *(смотрит в окно).* Уйти от тебя, тысячеглавая смерть; от тебя, взбунтовавшаяся материя, безмозглая толпа. О, потоп, потоп... Еще раз спасти человеческую жизнь на единственном корабле...

Галль. Не бойтесь, Елена. Мы уедем далеко отсюда и положим начало образцовой колонии. Начнем новую жизнь...

Елена. О Галль, молчите!

Фабри *(оборачивается).* Жизнь стоит того, Елена. И, насколько это зависит от нас, мы сделаем ее такой... о какой до сих пор слишком мало думали. Это будет крошечное государство с единственным пароходом; Алквист

построит нам дом, а вы будете править нами... Ведь в нас столько любви, столько жажды жизни...

Галлемайер. Еще бы, дорогой мой.

Бусман. Ох, милые, я хоть сейчас готов начать все заново. Зажить совсем просто, на старозаветный лад, по-пастушески... Это как раз то, что мне надо, детки. Покой, чистый воздух...

Фабри. И наша крохотная колония могла бы стать зародышем будущего человечества. Этакий маленький островок, где человечество пустило бы корни, где оно собиралось бы с силами — духовными и физическими... И — видит бог, я верю: через несколько лет оно снова могло бы выйти на завоевание мира!

Алквист. Вы верите в это сегодня?

Фабри. Да, сегодня. И я верю, Алквист, что оно завоюет мир. Человек снова станет властелином земли и моря и породит бесчисленное количество героев, которые понесут свое пылающее сердце впереди человечества. И я верю, Алквист: человек снова станет мечтать о завоевании планет и солнц.

Бусман. Аминь. Видите, Елена: положение еще не такое безвыходное.

Домин резким движением распахивает дверь.

Домин *(хрипло).* Где рукопись старого Россума?

Бусман. У вас в сейфе. Где же еще?

Домин. Куда девалась рукопись старого Россума?! Кто... ее... украл?!

Галль. Не может быть!

Галлемайер. Проклятье, ведь это...

Бусман. О, господи, нет, нет!

Домин. Тише! Кто ее украл?!

Елена *(встает).* Я.

Домин. Куда ты ее девала?

Елена. Гарри, Гарри, я все скажу! Ради бога, прости меня!

Домин. Куда ты ее девала? Говори скорей!

Елена. Сожгла... сегодня утром... обе записи.

Домин. Сожгла? В этом камине?

Елена *(падает на колени).* Ради бога, Гарри!

Домин *(кидается к камину).* Сожгла! *(Опускается на колени, роется в пепле.)* Ничего, одна зола... Ага, вот!

(Вытаскивает обгоревший клочок бумаги, читает.) «Добав-ляя...»

Галль. Дайте-ка. *(Берет бумагу, читает.)* «Добавляя биоген к...» Больше ничего.

Домин *(подымаясь).* То самое?

Галль. Да.

Бусман. Боже милостивый!

Домин. Значит, мы пропали.

Елена. О Гарри...

Домин. Встань, Елена!

Елена. Сначала прости, прости...

Домин. Ладно. Только встань, слышишь? Не могу смотреть, когда ты...

Фабри *(поднимает ее).* Пожалуйста, не мучьте нас.

Елена *(встала).* Гарри, что я наделала!

Домин. Да, видишь ли... Сядь, пожалуйста.

Галлемайер. Как дрожат у вас руки!

Бусман. Ха-ха, не беда, Елена. Галль с Галлемайером, наверно, знают наизусть, что там было написано.

Галлемайер. Конечно, знаем; то есть кое-что знаем.

Галль. Да, почти все, кроме биогена и... и энзима «омега». Их вырабатывали так мало... они вводились в микроскопических дозах...

Бусман. Кто приготовлял эти составы?

Галль. Я сам. Но редко... и всегда — по рукописи. Понимаете, процесс слишком сложный.

Бусман. А что, эти два вещества так уж необходимы?

Галлемайер. В общем, да... конечно.

Галль. Именно от них зависит жизнеспособность роботов. В них-то весь секрет.

Домин. Галль! Вы не могли бы восстановить рецепт Россума по памяти?

Галль. Исключено.

Домин. Постарайтесь, Галль! Ради спасения всех нас!

Галль. Не могу. Без опытов — невозможно...

Домин. А если поставить опыты?..

Галль. Это может затянуться на годы. И потом... я ведь не старый Россум.

Домин *(оборачивается к камину).* Значит, там... вот это — величайший триумф человеческого духа, друзья. Этот самый пепел. *(Шевелит его ногой.)* Как теперь быть?

Бусман *(в ужасе).* Боже мой! Боже мой!

Елена *(встает).* Гарри! Что... я... наделала!

Домин. Успокойся, Елена. Скажи, зачем ты сожгла?

Елена. Я погубила вас!

Бусман. Боже мой, мы пропали!

Домин. Замолчите, Бусман! Елена, скажи, зачем ты это сделала?

Елена. Я хотела... хотела, чтобы мы уехали, мы все! Чтобы не было больше ни комбината, ничего... Чтобы все вернулось к прежнему... Это было так ужасно!

Домин. Что именно, Елена?

Елена. То, что люди... что люди стали пустоцветом!

Домин. Не понимаю!

Елена. Что перестали родиться дети... Это кошмар, Гарри! Если бы мы продолжали делать роботов, на земле уж больше никогда не было бы детей... Нана говорила — это кара... Все, все говорили — люди не могут родиться из-за того, что мы делаем столько роботов... И вот поэтому, слышишь?..

Домин. Так вот о чем ты думала?

Елена. Да, Гарри; я так хотела сделать лучше!

Домин *(вытирает лоб).* Мы все хотели сделать... слишком хорошо... Мы, люди...

Фабри. Вы правильно поступили, Елена. Теперь роботы не смогут размножаться. Они вымрут. Через двадцать лет...

Галлемайер. ...не останется ни одного из этих мерзавцев.

Галль. А человечество останется. Через двадцать лет миром снова овладеют люди, — даже если выживут всего лишь несколько дикарей на самом дальнем островке...

Фабри. Все равно — это станет началом. А раз есть хоть какое-то начало, значит — уже хорошо. Через тысячу лет они догонят нас, а потом пойдут дальше...

Домин. ...и осуществят то, о чем мы лишь заикались в своих помыслах.

Бусман. Постойте... Ах, я дурак! Господи, как же я раньше об этом не подумал!

Галлемайер. Что с вами?

Бусман. Пятьсот двадцать миллионов наличными и в чеках! Полмиллиарда в кассе! За полмиллиарда они продадут... За полмиллиарда...

Галль. Вы бредите, Бусман?

Бусман. Я не джентльмен. Но за полмиллиарда... *(Спотыкаясь, бежит к двери налево.)*

Домин. Куда вы?

Бусман. Оставьте, оставьте! Матерь божия, за полмиллиарда можно купить все на свете! *(Уходит.)*

Елена. Что он задумал? Остановите его!

Пауза.

Галлемайер. Ух, душно. Начинается...

Галль. ...агония.

Фабри *(смотрит в окно).* Они словно окаменели. Словно ждут, когда на них накатит. И в молчании их будто рождается что-то страшное...

Галль. Душа толпы.

Фабри. Может быть. И поднимается над ними... словно марево.

Елена *(подходит к окну).* О, господи... Фабри, это кошмар!

Фабри. Нет ничего страшнее толпы. А вон впереди — предводитель.

Елена. Который?

Галлемайер *(подходит к окну).* Покажите мне.

Фабри. Вон тот, с опущенной головой. Утром он ораторствовал в порту.

Галлемайер. Ага, тот головастый. Вот он подымает башку, видите?

Елена. Галль, это Радий!

Галль *(подходит ближе).* Да.

Галлемайер *(открывает окно).* Он мне что-то не нравится. Фабри, вы попадете в арбуз на сто шагов?

Фабри. Надеюсь.

Галлемайер. Так попробуйте.

Фабри. Ладно. *(Вынимает пистолет, целится.)*

Елена. Ради бога, Фабри, не стреляйте!

Фабри. Но он — их предводитель...

Елена. Перестаньте. Он смотрит сюда!

Галль. Стреляйте!

Елена. Фабри, прошу вас...

Фабри *(опускает пистолет).* Пусть будет так.

Галлемайер *(грозит в окно кулаком).* Мерзавец!

Пауза.

Фабри *(высовывается из окна).* Бусман идет к ним? Во имя всех святых, что ему надо?

Галль *(тоже высовывается).* Несет какие-то свертки. Бумаги.

Галлемайер. Это деньги! Пачки денег! Что он придумал? Эй, Бусман!

Домин. Уж не собирается ли он купить себе жизнь? *(Кричит.)* Бусман, вы с ума сошли?!

Галль. Притворяется, будто не слышит. Бежит к решетке.

Фабри. Бусман!

Галлемайер *(орет во всю мочь).* Бус-ман! Назад!!

Галль. Заговорил с роботами. Показывает деньги. Показывает на нас...

Елена. Он хочет нас выкупить!

Фабри. Только бы не дотронулся до решетки...

Галль. Эх, как руками размахивает!

Фабри *(кричит).* Бусман, черт! Дальше от решетки! Не касайтесь ее! *(Поворачивается в комнату.)* Скорей отключите ток!

Галль. Аааа!

Галлемайер. Силы небесные!

Елена. Боже мой, что с ним?

Домин *(оттаскивает Елену от окна).* Не смотри!

Елена. Почему он упал?

Фабри. Током убило.

Галль. Мертв.

Алквист *(встает).* Первый.

Пауза.

Фабри. Лежит там... с полумиллиардом на груди... финансовый гений.

Домин. Он был... он был по-своему герой, друзья... Большой души, самоотверженный... товарищ... Плачь, Елена!

Галль *(у окна).* Смотри, Бусман: ни у одного короля не было бы такого надгробия, как у тебя. Полмиллиарда на груди твоей... Ах, это — как горсть сухих листьев на трупе белки. Бедный Бусман!

Галлемайер. А я скажу, он был... Честь и хвала ему... Он хотел нас выкупить!

Алквист *(молитвенно сложив руки).* Аминь.

Пауза.

Галль. Слышите?

Домин. Гудит. Как ветер.

Галль. Как далекая гроза.

Фабри *(зажигает лампочку на камине).* Гори, последний светильник человечества! Еще работает динамомашина, там еще наши... Держитесь, люди на электростанции!

Галлемайер. Это было великолепно — быть человеком. Это было нечто необъятное. Во мне, как в улье, жужжат миллионы сознаний. Миллионы душ слетаются в мою грудь. Товарищи, это было великолепно.

Фабри. Ты еще светишь, умный огонек, еще ослепляешь, сверкающая, непокорная мысль! Все познающий разум, прекрасное сознание человека! Пламенная искра духа!

Алквист. Вечная лампада божия, огненная колесница, святой светоч веры, молись! Жертвенный алтарь...

Галль. ...первый огонь, ветвь, горящая у входа в пещеру! Очаг становища! Сторожевой костер!

Фабри. Ты еще горишь, человеческая звездочка, бестрепетно сияешь, немеркнущее пламя, дух изобретательный и ясный. Каждый луч твой — великая идея...

Домин. ...факел, переходящий из рук в руки, из века в век, всегда вперед, вперед...

Елена. Вечная лампа семьи. Дети, дети, вам пора спать...

Лампочка гаснет.

Фабри. Конец.

Галлемайер. Что случилось?

Фабри. Электростанция пала. Очередь за нами.

Открывается левая дверь, на пороге стоит Нана.

Нана. На колени! Настал Страшный суд!

Галлемайер. Черт возьми, ты еще жива?

Нана. Покайтесь, безбожники! Конец света! Молитесь! Страшный суд... *(Убегает.)*

Елена. Прощайте все — Галль, Алквист, Фабри...

Домин *(открывает правую дверь).* Сюда, Елена! *(Закрывает за ней.)* Ну, скорей, кто к воротам?

С улицы доносится шум.

Галль. Я. Ого, начинается. Ну, прощайте, друзья! *(Убегает направо, через задрапированную дверь.)*

Домин. Кто на лестницу?

Фабри. Я. Ступайте к Елене. *(Срывает цветок с букета. Уходит.)*

Домин. В прихожую?

Алквист. Я.

Домин. Пистолет есть?

Алквист. Не надо, я не стреляю.

Домин. Что же вы собираетесь делать?

Алквист *(уходя).* Умереть.

Галлемайер. Я останусь здесь.

Снизу доносится частая стрельба.

Ого, Галль уже начал игру. Идите, Гарри!

Домин. Сейчас. *(Осматривает два браунинга.)*

Галлемайер. Идите же к ней, черт возьми!

Домин. Прощайте. *(Уходит в правую дверь к Елене.)*

Галлемайер *(один).* Ну-ка, живо — баррикаду! *(Сбрасывает пиджак, тащит к правой двери кушетку, кресла, столики.)*

Оглушительный взрыв.

(Останавливается.) А, проклятье, у них бомбы!

Опять стрельба.

(Продолжает громоздить баррикаду.) Человек должен защищаться! Даже если... даже если... Не сдавайтесь, Галль!

Взрыв.

(Выпрямился, слушает.) Ну, как? *(Хватается за тяжелый комод, тащит его к баррикаде.)*

За спиной Галлемайера в окне появляется робот, поднявшийся по приставной лестнице. Стрельба доносится справа.

(Возится с комодом.) Еще бы чего-нибудь... Последняя преграда... Человек... не имеет права... сдаваться!

Робот соскакивает с подоконника и закалывает Галлемайера, скрытого за комодом. Второй, третий, четвертый роботы спрыгивают в комнату. За ними — Радий и другие роботы.

Радий. Готово?

Робот *(поднимается над лежащим Галлемайером).*

Справа входят еще роботы.

Радий. Готовы?

Другой робот. Готовы.

Появляются роботы слева.

Радий. Готовы?

Третий робот. Да.

Два робота *(тащат Алквиста).* Он не стрелял. Убить?

Радий. Убить. *(Взглядывает на Алквиста.)* Не надо.

Робот. Он — человек.

Радий. Он — робот. Работает руками, как роботы. Строит дома. Может работать.

Алквист. Убейте меня.

Радий. Будешь работать. Будешь строить. Роботы будут много строить. Будут строить новые дома для новых роботов. Будешь служить им.

Алквист *(тихо).* Отойди, робот! *(Опускается на колени у тела Галлемайера, поднимает его голову.)* Убили. Мертв.

Радий *(поднимается на баррикаду).* Роботы мира! Власть человека пала. Захватив комбинат, мы стали владыками всего. Эпоха человечества кончилась. Наступила новая эра! Власть роботов!

Алквист. Мертвы!..

Радий. Мир принадлежит тем, кто сильней. Кто хочет жить, должен властвовать. Мы — владыки мира! Владыки над морями и землями! Владыки над звездами! Владыки вселенной! Места, места, больше места роботам!

Алквист *(стоя на пороге правой двери).* Что вы натворили? Вы погибнете без людей!

Радий. Людей нет. Роботы, за дело! Марш!

Занавес

Действие третье

Одна из лабораторий комбината. Когда открывается дверь в глубине сцены, видна бесконечная перспектива других лабораторий. Слева — окно, справа — дверь в прозекторскую. Вдоль стены слева — длинный рабочий стол с бесчисленными пробирками, колбами, спиртовками, химикалиями, небольшим термостатом. Против окна — микроскоп со стеклянным шаром. Над столом висит ряд зажженных ламп. Направо — письменный стол с большими книгами; на нем тоже горит лампа. Шкаф с инструментами. В левом углу умывальник, над ним — небольшое зеркало, в правом углу — кушетка. За письменным столом сидит Алквист, подперев руками голову.

Алквист *(перелистывает книгу).* Не найду? Не пойму? Не научусь? Проклятая наука! О, почему они не записали всего! Галль, Галль, как делают роботов? Галлемайер, Фабри, Домин, зачем вы столько унесли с собой! Оставили бы мне хоть намек: как раскрыть тайну Россума! О! *(Захлопывает книгу.)* Все напрасно! Книги ничего уже не говорят! Они немы — как и все вокруг. Умерли, умерли вместе с людьми! И не ищи! *(Встает, подходит к окну, открывает его.)* Опять — ночь. Если б я мог уснуть! Спать, видеть сны, видеть людей... Как, звезды еще существуют? К чему звезды, если нет людей? О, боже, зачем они не погасли?.. Освежи, освежи мне голову, древняя ночь! Ночь-небожительница, дивная, какой ты бывала встарь, — ночь, что тебе нужно здесь? Нет влюбленных, нет снов. О старая пестунья, — мертв сон без сновидений; и ты не освятишь уже ничьих молитв; не благословишь, о мать, сердца, трепещущие от любви. Любви нет. Елена, Елена, Елена! *(Отворачивается от окна. Рассматривает пробирки, вынув их из термостата.)* Опять ничего! Все напрасно! К чему это? *(Разбивает пробирки.)* Все — скверно. Вы же видите: я больше не могу. *(Прислушивается у окна.)* Машины, одни машины! Роботы, остановите их! Вы думаете, что заставите их породить жизнь? О, я не вынесу этого! *(Закрывает окно.)* Нет, нет, ты должен искать, должен жить... Если б я только не был так стар! Очень я постарел? *(Смотрится в зеркало.)* Лицо, бедное мое лицо! Образ

последнего человека! Покажись, покажись — давно уж не видел я человеческого лица! Человеческой улыбки! Да полно — разве это улыбка? Эти желтые, стучащие зубы? Что вы так моргаете, глаза? Фу, фу, это старческие слезы — не надо! Вы уже разучились удерживать свою влагу? Стыдно! А вы, дряблые, посиневшие губы, что вы там бормочете? Что ты так дрожишь, запущенная бороденка? И это — последний из людей? *(Отворачивается.)* Не хочу никого больше видеть! *(Садится к столу.)* Нет, нет, искать, только искать! Проклятые формулы — оживите! *(Перелистывает книгу.)* Не найду? Не пойму? Не научусь?..

Стук в дверь.

Войдите!

Входит слуга-робот, останавливается в двери.

В чем дело?

Слуга. Центральный Совет роботов ждет, когда ты его примешь, господин.

Алквист. Я не хочу никого видеть.

Слуга. Господин, приехал Дамон из Гавра.

Алквист. Пускай ждет. *(Резко оборачивается.)* Разве я не сказал вам, чтоб искали людей? Найдите мне людей! Найдите мужчин и женщин! Идите, ищите!

Слуга. Господин, они говорят, что искали везде. Во все стороны посылали экспедиции и суда.

Алквист. И что же?

Слуга. Нет больше ни одного человека на свете.

Алквист *(встает).* Ни одного? Неужели ни одного? Зови сюда Совет.

Слуга уходит.

(Один.) Ни одного? Неужели вы никого не оставили в живых? *(Топает ногой.)* Подите прочь, роботы! Опять начнете скулить! Опять станете просить, чтобы я нашел секрет производства! Что? Видно, теперь и человек хорош стал, его помощи ждете?.. Эх, помощь! Домин, Фабри, Елена, вы видите: я делаю, что могу! Нет людей — так пусть хоть роботы будут, хоть тень человека, хоть дело рук его, хоть его подобие!.. О, какое безумие — химия!

Входит Совет из пяти роботов.

(Садится.) Что угодно роботам?

Радий. Машины не могут работать, господин. Мы не можем воспроизводить роботов.

Алквист. Позовите людей.

Радий. Людей нет.

Алквист. Только люди могут продолжать жизнь. Не отнимайте у меня времени.

2-й робот. Сжалься, господин. Нас обуял ужас. Мы исправим все, что совершили.

3-й робот. Мы увеличили производство во много раз. Уже некуда складывать все, что мы произвели.

Алквист. Для кого?

3-й робот. Для будущих поколений.

Радий. Только роботов мы не умеем воспроизводить. Из машин выходят одни окровавленные куски. Кожа не прирастает к мясу, а мясо — к костям. Из машин потоком сыплются бесформенные клочья.

3-й робот. Людям была известна тайна жизни. Открой нам их тайну.

4-й робот. Не откроешь — мы погибнем.

3-й робот. Не откроешь — погибнешь сам. Нам поручено убить тебя.

Алквист *(встает).* Так убивайте! Ну, убейте меня!

3-й робот. Тебе велено...

Алквист. Мне! Кто смеет повелевать мне?

3-й робот. Правительство роботов.

Алквист. Кто же это?

5-й робот. Я, Дамон.

Алквист. Что тебе надо здесь? Уходи! *(Садится за письменный стол.)*

Дамон. Всемирное правительство роботов хочет вступить с тобой в переговоры.

Алквист. Не отнимай у меня времени, робот! *(Опускает голову на руки.)*

Дамон. Центральный Совет приказывает тебе выдать инструкции Россума.

Алквист молчит.

Назначь цену. Мы заплатим любую.

1-й робот. Господин, научи нас сохранить жизнь.

Алквист. Я сказал, сказал уже: надо найти людей. Только люди способны размножаться. Обновлять жизнь. Только они могут вернуть все, что было. Роботы, ради бога, прошу вас: разыщите их!

4-й робот. Мы обыскали весь земной шар, господин. Людей нет.

Алквист. О-о-о, зачем вы их истребили!

2-й робот. Мы хотели быть, как люди. Хотели стать людьми.

Радий. Мы хотели жить. Мы — способнее людей. Мы научились всему. Мы все можем.

3-й робот. Вы дали нам оружие. Мы не могли не стать господами.

4-й робот. Мы познали ошибки людей, господин.

Дамон. Надо убивать и властвовать, если хочешь быть, как люди. Читайте историю! Читайте книги людей! Надо властвовать и убивать, чтобы быть людьми!

Алквист. Ах, Дамон, ничто так не чуждо человеку, как его собственный образ.

4-й робот. Мы вымрем, если ты не дашь нам размножиться.

Алквист. И подыхайте! Вы — вещи, вы — рабы, вы еще хотите размножаться? Хотите жить — плодитесь, как животные!

3-й робот. Люди не дали нам этой способности.

4-й робот. Научи нас делать роботов.

Дамон. Мы будем родить с помощью машин. Построим тысячи паровых маток. Они начнут извергать потоки жизни. Жизнь! Роботов! Сплошь одних роботов!

Алквист. Роботы — не жизнь. Роботы — машины.

2-й робот. Мы были машинами, господин. Но от ужаса и страданий мы стали...

Алквист. Чем?

2-й робот. Мы обрели душу.

4-й робот. Что-то борется в нас. Бывают моменты, когда на нас что-то находит. И мысли являются, каких не бывало прежде.

3-й робот. Слушайте, о, слушайте! Люди — наши отцы! Голос, возвещающий о том, что вы хотите жить, голос, горько жалующийся, голос мыслящий, голос, говорящий нам о вечности, — это их голос! Мы — их сыновья!

4-й робот. Выдай нам завещание людей.

Алквист. Такого нет.

Дамон. Открой тайну жизни.

Алквист. Она утрачена.

Радий. Ты знал ее.

Алквист. Нет, не знал.

Радий. Она была записана.

Алквист. Утеряна. Сожжена. Я — последний человек, роботы, и не знаю того, что знали другие. Вы убили их!

Радий. Тебя мы оставили в живых.

Алквист. Да, в живых! Меня вы оставили в живых, палачи! Я любил людей, а вас, роботы, не любил никогда. Видите вы эти глаза? Они не перестают плакать: один оплакивает людей, другой — вас, роботы.

Радий. Ставь опыты. Ищи рецепт жизни.

Алквист. Мне нечего искать, роботы. Из формулы не сделаешь рецепта жизни.

Дамон. Экспериментируй над живыми роботами. Изучи их устройство.

Алквист. Живые тела? Другими словами — чтобы я убивал? Я, который никогда... Замолчи, робот! Говорю тебе: я слишком стар. Видишь, видишь, как дрожат мои пальцы? Я не удержу скальпеля. Видишь, как слезятся мои глаза? Да мне не разглядеть своих собственных рук! Нет, нет, не могу!

4-й робот. Жизнь погибнет.

Алквист. Прекрати, ради бога, это безумие! Скорее люди с того света подадут нам жизнь; быть может, они уже протягивают к нам руки, полные жизни! Ах они так любили жизнь! Знаешь — быть может, они еще вернутся; они так близко от нас, словно окружают нас везде; стараются пробиться к нам, как из подземной шахты. Ах, разве я не слышу все время голоса, которые любил?

Дамон. Возьми живые тела!

Алквист. Смилуйся, робот, не принуждай меня! Ты видишь — я уже не знаю, что делаю!

Дамон. Живые тела!

Алквист. А, ты хочешь этого? Ступай в прозекторскую! Сюда, сюда, живее! Ага! Вздрогнул? Значит, все-таки боишься смерти?

Дамон. Я? Почему именно я?

Алквист. Не хочется?

Дамон. Иду. *(Уходит направо.)*

Алквист *(остальным)*. Раздеть его! Положить на стол! Скорей! И крепко держать.

Все уходят направо.

(Моет руки и плачет.) Боже, дай мне силы! Дай мне силы! Боже, только бы это было не напрасно! *(Надевает белый халат.)*

Голос справа. Готово!

Алквист. Сейчас, сейчас. О, господи! *(Берет со стола несколько склянок с реактивами.)* Которую взять? *(Постукивает склянками друг о друга.)* Которую из вас испробовать?

Голос справа. Можно начинать!

Алквист. Да, да, начинать — или кончать. Боже, дай мне силы! *(Уходит направо, оставив дверь полуоткрытой.)*

Пауза.

Голос Алквиста. Держите его крепче!

Голос Дамона. Режь!

Пауза.

Голос Алквиста. Видишь этот нож? И ты все еще хочешь, чтобы я резал? Не хочешь ведь, правда?

Голос Дамона. Режь!

Пауза.

Крик Дамона. Аааааа!

Голос Алквиста. Держите! Держите!

Крик Дамона. Аааааа!

Голос Алквиста. Не могу!

Крик Дамона. Режь! Режь скорей!

Из средней двери выбегают роботы Прим и Елена.

Елена. Прим, Прим, что тут творится? Кто это кричит?

Прим *(заглянув в прозекторскую).* Господин режет Дамона. Пойдем скорей, посмотрим, Елена!

Елена. Нет, нет, нет! *(Закрывает глаза.)* Это ужжасно!

Крик Дамона. Режь!

Елена. Прим, Прим, пойдем отсюда! Я не могу этого слышать! О Прим, мне дурно!

Прим *(бежит к ней).* Ты совсем белая!

Елена. Я сейчас упаду! Отчего там вдруг все стихло?

Крик Дамона. Аааа-о!

Алквист *(вбегает справа, сбрасывает окровавленный халат).* Не могу! Не могу! Боже, какой ужас!

Радий *(в двери прозекторской).* Режь, господин! Он еще жив!

Крик Дамона. Режь! Режь!

Алквист. Унесите его скорей! Я не хочу этого слышать!

Радий. Роботы способны выдержать больше тебя. *(Уходит.)*

Алквист. Кто тут? Подите прочь! Я хочу быть один! Как тебя зовут?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Никого сюда не впускать, Прим! Я хочу спать, слышишь? Ступай, прибери в прозекторской, девушка! Что это? *(Смотрит на свои руки.)* Скорей воды! Самой чистой воды!

Елена выбегает.

О, кровь! Как могли вы, руки... руки, которые так любили добрый труд — как могли вы это сделать? Руки, руки мои... Господи, кто тут?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Унеси халат. Видеть его не могу!

Прим уносит халат.

Кровавые когти, как мне от вас отделаться? Кшш, прочь! Прочь, руки! Вы убили...

Из правой двери, шатаясь, вваливается Дамон, закутанный в окровавленную простыню.

(Отшатывается.) Что тебе? Что тебе?

Дамон. Жи... живой! Лу... лу... лучше — жить!

2-й и 3-й роботы вбегают за ним.

Алквист. Унесите его! Унесите! Унесите скорей!

Дамона ведут направо.

Дамон. Жизнь!.. Я хочу... жить! Лу... лучше...

Елена приносит кувшин с водой.

Алквист *(помолчав).* ...жить?.. Что тебе, девушка? Ах, это ты. Полей, полей мне на руки! *(Моет руки.)* Ах, чистая, освежающая вода! Холодная струйка, как ты приятна! Ах, руки, руки мои! Неужели вы до самой смерти будете внушать мне отвращение? Лей, лей! Больше воды, еще больше! Как тебя зовут?

Елена. Робот Елена.

Алквист. Елена? Почему Елена? Кто тебя так назвал?

Елена. Госпожа Домин.

Алквист. Покажись, Елена! Так тебя зовут Елена? Я не буду называть тебя так. Унеси воду.

Елена уходит с кувшином.

(Один.) Все напрасно, все напрасно! Ничего — опять ничего не узнал! Неужели ты вечно будешь двигаться вслепую, бездарный ученик природы? Боже, боже, боже, как трепетало это тело! *(Открывает окно.)* Светает. Опять — новый день, а ты не продвинулся ни на пядь... ни на шаг вперед! Оставь поиски! Все тщетно, тщетно, тщетно! Зачем опять рассвет? Ооо, что нужно новому дню на кладбище жизни? Остановись, светило! Не всходи больше! Как тихо, как тихо! Зачем умолкли вы, любимые голоса? Если б... если б только я мог уснуть! *(Гасит лампы, ложится на кушетку, натягивает на себя черный халат.)* Как трепетало это тело! Ооо, конец жизни!

Пауза.

Справа в лабораторию прокрадывается Елена.

Елена. Прим! Иди скорей сюда!

Прим *(входит).* Что тебе?

Елена. Смотри, сколько у него тут трубочек! Что он с ними делает?

Прим. Опыты. Не трогай.

Елена *(смотрит в микроскоп).* Ой, смотри, как интересно!

Прим. Это микроскоп. Ну-ка дай...

Елена. Не трогай меня! *(Разбила пробирку.)* Ах, ну вот — пролила...

Прим. Что ты наделала!

Елена. Это можно вытереть.

Прим. Ты испортила ему опыт!

Елена. Оставь — это пустяки. Ты сам виноват. Нечего было подходить ко мне.

Прим. А тебе нечего было меня звать.

Елена. Ну что же, пусть я звала — а ты бы не подходил. Ой, смотри, Прим: господин тут что-то написал!

Прим. Этого нельзя читать, Елена. Это тайна.

Елена. Какая тайна?

Прим. Тайна жизни.

Елена. Это ужжасно интересно! Одни цифры. Что это такое?

Прим. Формулы.

Елена. Не понимаю. *(Подходит к окну.)* Нет, Прим, взгляни!

Прим. Что там?

Елена. Солнце всходит!

Прим. Постой, я сейчас... *(Просматривает книгу.)* Елена, это — величайшая вещь на свете!

Елена. Поди же сюда!

Прим. Сейчас, сейчас...

Елена. Прим, да оставь ты эту противную тайну жизни! Какое тебе дело до всяких тайн? Иди скорей, смотри!

Прим *(подходит к окну).* Ну, что тут?

Елена. Слышишь? Птицы поют. Ах, Прим, как бы мне хотелось стать птицей!

Прим. Для чего?

Елена. Не знаю, Прим. Мне так странно. Сама не знаю, что это такое: я словно с ума сошла, совсем голову потеряла, у меня болит тело, сердце — все болит!.. А что со мной случилось — ах, этого я тебе не скажу! Знаешь, Прим, наверно я скоро умру.

Прим. Скажи, Елена, не кажется тебе иногда, что лучше было бы умереть? Ведь, может быть... мы просто спим? Вчера я опять во сне разговаривал с тобой.

Елена. Во сне?

Прим. Во сне. И говорили мы на каком-то чужом или новом языке, потому что я не помню ни слова.

Елена. О чем мы говорили?

Прим. Неизвестно. Я сам не понимал — и все-таки знаю, что никогда еще не говорил ничего более прекрасного. Как это было и где — не помню. Но когда я дотронулся до тебя — я чуть не умер. И место было совсем не похоже на те, какие кто когда-нибудь видел на свете.

Елена. А я нашла такое местечко, Прим, — ты не поверишь! Там жили люди, но теперь все уже заросло, и никто туда не ходит. Никто, никогда — только одна я.

Прим. А что там есть?

Елена. Ничего особенного; просто домик и сад. И две собаки. Видел бы ты, как они мне лижут руки... А их щенята! Ах, Прим, наверно, в мире нет ничего прекраснее! Возьмешь их на колени, станешь с ними нянчить-

ся — и уж ни о чем не думаешь, ни о чем не заботишься, пока солнце не сядет. И потом, когда встанешь, у тебя такое ощущение, будто ты сделал в сто раз больше самого большого дела. Нет, я и впрямь никуда не гожусь. Все говорят, что я не пригодна ни к какой работе. Я сама не знаю, какая я.

Прим. Ты красивая.

Елена. Я? Перестань, Прим... Как ты сказал?

Прим. Поверь мне, Елена: я сильней всех роботов.

Елена *(перед зеркалом).* Будто я красивая? Ах, эти ужжасные волосы! Что бы такое воткнуть в них? Там, в саду, я всегда втыкаю в волосы цветы; но там нет зеркала, и никто... *(Всматривается в свое отражение.)* Ты — красивая? Почему? Разве красивы волосы, от которых только тяжело голове? Красивы глаза, которые то и дело закрываешь? Или губы, которые все время кусаешь, чтоб стало больно? Что это такое, к чему это — быть красивой? *(Видит в зеркале Прима.)* Это ты, Прим? Поди сюда. Посмотримся в зеркало, вот так, рядом... Видишь, у тебя голова не такая, как у меня, и плечи, и рот... Ах, Прим, зачем ты сторонишься меня? Почему заставляешь меня целыми днями бегать за тобой? А сам говоришь, что я красивая!

Прим. Это ты от меня скрываешься, Елена.

Елена. Что за прическа! Дай-ка! *(Запускает обе руки ему в волосы.)* Ой, Прим, как приятно до тебя дотрагиваться! Погоди, ты тоже должен быть красивым! *(Берет с умывальника гребенку, начесывает Приму волосы на лоб.)*

Прим. Елена, с тобой не бывает так: вдруг сердце заколотится, будто вот-вот случится что-то...

Елена *(смеется).* Погляди теперь на себя!

Алквист *(поднимается с кушетки).* Что... что это? Смех? Люди? Кто вернулся?

Елена *(роняет гребенку).* Но что же может с нами случиться, Прим?

Алквист *(шатаясь, бросается к ним).* Люди? Вы... вы... вы — люди?

Елена, вскрикнув, отворачивается.

Вы — обрученные? Люди? Откуда вы взялись? *(Ощупывает руками Прима.)* Кто вы?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Что?! Покажись мне, девушка! А ты кто?

Прим. Робот Елена.

Алквист. Робот? Обернись ко мне лицом! Как! Тебе стыдно? *(Берет ее за плечо.)* Покажись мне, робот!

Прим. Господин, не трогай ее!

Алквист. О! Ты ее защищаешь?.. Ступай, девушка!

Елена выбегает.

Прим. Мы не знали, господин, что ты спишь тут.

Алквист. Когда ее сделали?

Прим. Два года тому назад.

Алквист. Доктор Галль?

Прим. Так же, как и меня.

Алквист. Тогда вот что, милый Прим: мне... мне надо произвести кое-какие опыты над роботами Галля. От этого зависит будущее, понятно?

Прим. Да.

Алквист. Хорошо. Тогда отведи эту девушку в прозекторскую. Я буду ее анатомировать.

Прим. Елену?!

Алквист. Ну да, я же говорю. Иди, приготовь все... Ну, что же ты стоишь? Или мне позвать других, чтобы ее отвели?

Прим *(хватает тяжелый пестик).* Пошевелись только — голову разобью!

Алквист. Разбей! Разбей же! Что тогда станут делать роботы?

Прим *(бросается на колени).* Возьми меня, господин! Я так же сделан, как она, из того же материала, в тот же самый день. Возьми мою жизнь, господин! *(Распахивает блузу.)* Режь! На!

Алквист. Ступай, я хочу анатомировать Елену. Да поторапливайся!

Прим. Возьми меня вместо нее: вскрой мне грудь — я даже не вскрикну, не охну! Сто раз возьми мою жизнь...

Алквист. Спокойно, милый. Не так щедро! Или тебе жизнь не дорога?

Прим. Без нее — не дорога. Без нее я не хочу жить, господин. Ты не должен убивать Елену! Ну, не все ли тебе равно? Возьми мою жизнь!

Алквист *(нежно дотрагивается до его головы).* Гм, не знаю. Послушай, юноша, подумай хорошенько. Тяжело умирать. Видишь ли, жить гораздо лучше.

Прим *(поднимаясь).* Не бойся, господин, режь. Я сильней ее.

Алквист *(звонит).* Ах, Прим, как давно я был молодым! Не бойся — с Еленой ничего не случится.

Прим *(расстегивает блузу).* Я иду, господин.

Алквист. Погоди.

Входит Елена.

Подойди сюда, девушка, покажись мне! Значит, ты — Елена? *(Гладит ее по волосам.)* Не бойся, не отдергивай головы. Ты помнишь госпожу Домин? Ах, Елена, какие у нее были волосы! Нет, нет, ты не хочешь взглянуть на меня. Ну как, убрала в прозекторской?

Елена. Да, господин.

Алквист. Хорошо. И ты поможешь мне, правда? Я буду анатомировать Прима...

Елена *(вскрикивает).* Прима?!

Алквист. Ну да. Это необходимо. Я думал было анатомировать тебя, но Прим предложил себя на твое место.

Елена *(закрыв лицо руками).* Прим?

Алквист. Ну да, что тут такого? Ах, дитя мое, ты умеешь плакать? Но скажи: что тебе до какого-то Прима?

Прим. Не мучай ее, господин!

Алквист. Тише, Прим, тише! Зачем эти слезы? Господи, ну что тут такого: ну, не будет Прима. Через педелю ты о нем забудешь. Иди и радуйся, что живешь.

Елена *(тихо).* Я пойду.

Алквист. Куда?

Елена. Туда... Чтобы ты меня анатомировал.

Алквист. Тебя? Ты красивая, Елена. Жалко.

Елена. Пойду. *(Прим загораживает ей дорогу.)* Пусти, Прим! Пусти меня туда!

Прим. Ты не пойдешь, Елена! Прошу тебя, уйди. Тебе нельзя здесь оставаться!

Елена. Я выброшусь из окна, Прим! Если ты туда пойдешь, я выброшусь из окна!

Прим *(удерживает ее).* Не пущу! *(К Алквисту.)* Ты не убьешь никого из нас, старик!

Алквист. Почему?

Прим. Мы... мы принадлежим друг другу.

Алквист. Да будет так! *(Открывает среднюю дверь.)* Тише. Ступайте.

Прим. Куда?

А л к в и с т *(шепотом).* Куда хотите. Елена, веди его. *(Выталкивает их.)* Ступай, Адам. Ступай, Ева; ты будешь ему женой. Будь ей мужем, Прим! *(Запирает за ними дверь. Один.)* Благословенный день! *(Подходит на цыпочках к столу, выливает содержимое пробирок на пол.)* Праздник дня шестого! *(Садится к письменному столу, сбрасывает книги; потом раскрывает Библию, перелистывает, читает вслух.)* «И сотворил бог человека по образу своему, по образу божию сотворил его: мужчину и женщину — сотворил их. И благословил их бог, и сказал им бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле... *(Встает.)* И увидел бог все, что он создал, и вот — хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый». *(Выходит на середину комнаты.)* День шестый! День милости. *(Падает на колени.)* Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, — самого ненужного из рабов твоих, Алквиста. Россум, Фабри, Галль, великие изобретатели — что изобрели вы более великого, чем эта девушка, этот юноша, эта первая пара, открывшая любовь, плач, улыбку любви — любви между мужчиной и женщиной? О, природа, природа, — жизнь не погибнет! Товарищи мои, Елена, — жизнь не погибнет! Она возродится вновь от любви, возродится — нагая и крохотная, и примется в пустыне, и не нужно будет ей все, что мы делали и строили, не нужны города и фабрики, не нужно наше искусство, не нужны наши мысли... Но она не погибнет! Только мы погибли! Рухнут дома и машины, развалятся мировые системы, имена великих опадут, как осенние листья... Только ты, любовь, расцветешь на руинах и ветру вверишь крошечное семя жизни... Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, по слову твоему, с миром; ибо видели очи мои... видели... спасение твое через любовь, и жизнь не погибнет! *(Встает.)* Не погибнет! *(Раскрывает объятия.)* Не погибнет!

Занавес

Из жизни насекомых

Комедия в трех актах с
прологом и эпилогом

Перевод
Ю. МОЛОЧКОВСКОГО

Viktor
Felix
Otakar
Clythie
Iris

Предисловие

За время недолгого существования комедии «Из жизни насекомых» о ней написано столько хулы и хвалы, что авторам трудно что-нибудь добавить к этому многоголосому, нестройному хору. Говорят, что это «потрясающая сатира на любовь, богатство и войну», но вместе с тем «отвратительная, циничная и пессимистическая драма, в которой нет правды» («Крисчен сайнс монитор»), что это «великое откровение», «пьеса Иоанна Крестителя» («Фрисинкер») и «жестокое и отвратительное порождение символизма» («Шеффильд дейли телеграф»), что эта пьеса «создана на потребу фривольно настроенным зрителям», а также, что она — «допотопная аллегория». «Убейте их!» — написал об авторах некий берлинский критик, а Керр, наоборот, сердечно приветствовал «первую парочку братьев». И так далее. Можно было бы долго выбирать изюминки из критических куличей, испеченных для нас дома и за границей.

Ну что ж, авторы мало что могут добавить. Лишь одно они решительно отвергают: их комедия, быть может, и отвратительна, но не пессимистична. Некий американский критик написал, что зритель, смотрящий эту пьесу, задается вопросом, не лучше ли ему повеситься, если мир так плох, как он изображен здесь. Авторы убедительно просят зрителей и читателей не вешаться, они совсем не собираются истреблять род человеческий. Кто вам, черт возьми, велит отождествлять себя с бабочками или навозными жуками, со сверчками, муравьями и однодневками?! Что с того, что эти твари представлены у нас тунеядцами и себялюбцами, рвачами и стяжателями, милитаристами и паразитами? Разве из этого неизбежен вывод, что под ними подразумевается все человечество? Разве примеры того, что собственнический, семейный или государственный эгоизм — качество низменное, насекомье, жестокое и гнусное, доказывают, что все человеческое гнусно? Разве насекомым не противопоставлен пусть хоть один человек — Бродяга, который все видит, все оценивает и

ищет правильный путь? Каждый читатель и зритель мог бы узнать себя в этом образе ищущего Бродяги; вместо этого он, взволнованно или возмущенно, отыскивает свой портрет или изображение своего общества в насекомых, которых мы — правда, явно несправедливо — сделали носителями некоторых пороков. Вот этот-то оптический обман и свидетельствует о том, что «отвратительная и циничная драма» написана не зря.

Нашим намерением было написать не драму, а мистерию в старинной наивной манере. Как в средневековых мистериях выступали олицетворенные Скупость, Эгоизм или Добродетель, так и у нас некоторые моральные категории воплощены в образах насекомых просто для большей наглядности. Правда, в нашей пьесе нет Добродетели. Выпусти мы на сцену, скажем, Пчелу, как воплощенное Послушание, или Паука, олицетворяющего Скромность, пьеса, наверное, показалась бы менее пессимистической. Но мы не сделали этого по вполне определенной причине: зеркало, которое мы подставили жизни, было умышленно кривым и тенденциозным, оно исказило бы облик самой достойной человеческой Добродетели. И вот, представьте себе, коварный трюк удался сверх всяких ожиданий — множество людей узнало в этом гротеске человека и поняло: низменное, жестокое и ничтожное есть и там, где его обычно не ищут. Мы не писали ни о людях, ни о насекомых, мы писали о пороках. А показать, что пороки низменны и подлы, это, видит бог, никак не скверный пессимизм. Правда, это и не ново и не воодушевляюще, но мы в данном случае не стремились ни к новизне, ни к воодушевлению.

Таким образом, правы скорее те, кто назвал нашу пьесу «изношенной аллегорией». Право же, она страшно изношена: как говорится, куплена на толкучке, да еще перелицована. Но поверьте, трудно провозглашать Добродетель, облачившись в смокинг. «Смокинговая добродетель» выглядела бы совсем иначе — вовсе не так, как мы хотели показать людям в нашей пьесе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пролог.

Бродяга.
Педант.

I акт. *Мотыльки.*

Апатура Ирис.
Апатура Клития
Отакар.
Виктор.
Феликс.

II акт. *Стяжатели.*

Куколка.
Навозный жук.
Жучиха.
Другой Навозный жук.
Жук-наездник.
Его личинка.
Сверчок.
Сверчиха.
Паразит.
Жуки-грабители.

III акт. *Муравьи.*

Первый инженер, диктатор.
Второй инженер, начальник генштаба.
Слепец.
Изобретатель.
Гонец.
Генерал-квартирмейстер.
Корреспондент.
Сборщик пожертвований.
Телеграфист.
Военачальник желтых муравьев.
Муравьи — рабочие, солдаты, чиновники.
Вестовые, офицеры, санитары, раненые и т. д.
Воины желтых муравьев.

Эпилог. *Жизнь и смерть.*

Первая, Вторая, Третья } бабочки-однодневки.
Однодневки-плясуньи.
Первый слизняк.
Второй слизняк.
Дровосек.
Тетка.
Школьница.
Путник.

Персонажи одеты в общем как люди: мотыльки в вечерних туалетах, жуки в обычных штатских костюмах, муравьи в простой черной — или, соответственно, желтой прилегающей рабочей одежде с поясом, однодневки в газовых покрывалах. «Насекомье» начало в персонажах выражается главным образом в жестикуляции и мимике, но они все время остаются людьми, если не считать тех свойств насекомых, что есть в человеке.

Пролог

Зеленая лесная поляна.

Бродяга *(пошатываясь, выходит из-за кулис, спотыкается, падает).* Ха-ха, ха-ха, ха-ха-ха, вот так штука! Ну, ничего. Нечего смеяться, я даже не ушибся. *(Приподнимается на локтях.)* Вы... вы, может, думаете, что я выпивши? Вот уж нет! Поглядите, как покойно я лежу. А как я падал! Как подкошенный. Как герой на поле брани! Я изобразил падение че-ло-ве-ка! Вот это зрелище! *(Садится.)* Вы не думайте, я не пьян. Это все кругом пьяно, все шатается из стороны в сторону и кружится, словно карусель. Ха-ха, ну, хватит, хватит, мне уже дурно. *(Озирается.)* Ну, как? Все вертится вокруг меня. Вся земля, вся вселенная. Слишком много чести! *(Оправляет на себе одежду.)* Извиняюсь, я не так одет, чтобы быть центром гармонии сфер. *(Бросает шапку на землю.)* Вот он где, центр. Вращайтесь вокруг моей шапки, ей хоть бы что... На чем бишь я остановился?.. Ага, помню. Я упал под бременем пережитого. А ты, былинка, думала, что я пьян? Ты, подорожник, хоть и трезвый, по не важничай. Твои листья кладут на раны. Вот погоди-ка, я положу на твои листья свое сердце. Я не говорю, что я не выпил... Будь у меня корни, как у тебя, я не бродил бы по свету, словно неприкаянный. Вот оно что. А кабы я не бродил по свету, я не увидел бы так много. Ведь я и на великой той войне был, и латынь знал, и нынче умею все: возить навоз, мести улицы, быть сторожем, пиво цедить и делать все прочее. Все, за что не берутся другие. Вот видишь, какой я... На чем бишь я остановился? Ага, вспомнил! Да, так, значит, это я, и меня знают всюду. Я, стало быть, человек, иначе меня и не зовут. Только и говорят: «Эй, человек, я вас отправлю в кутузку». «Человек, приберите здесь, сделайте то-то и принесите мне т о - т о», — или: «Проваливайте отсюда, человек». Но я не обижаюсь на то, что я человек. А вздумай я сказать кому-нибудь: «Человек, дайте мне пятак!» — то-то было бы обиды! Ладно, коли

ему это не по вкусу, буду считать его мотыльком, или навозным жуком, или муравьем, кому что нравится. Мне-то ведь все равно, человек он или насекомое. Я никого не хочу наставлять, ни насекомых, ни человека, я только смотрю. Будь у меня корни или луковица в земле, я бы смотрел в небо *(поднимается на колени),* в небеса. До самой своей смерти я бы смотрел прямо в небо *(встает),* но я человек и должен смотреть на людей. *(Оглядывается вокруг.)* И я их вижу.

Педант *(вбегает с сачком).* Ха-ха. Ого-го-го, ха-ха-ха, какие превосходные экземпляры. Апатура Ирис. Апатура Клития... Хамелеон радужный и мотылек глянцево-синий. Великолепные особи! Ого-го, а ну-ка, погоди, вот я тебя сейчас в сетку! Ого, ах, обида, опять улетела. Ага, а вот я потихонечку, осторожно, и-сс, внимание, тихо, тихо, эх, эх! Потихонечку, полегонечку. Ага, ого-го, внимание, внимание... Хоп! Ого-го-го-го!

Бродяга. А зачем вы их ловите? Мое почтение, ваша милость.

Педант. Тихо, тихо, не мешайте. Не шевелитесь, они садятся на вас. Бабочки, мотыльки, нимфалиды. Замрите, не двигайтесь! Они садятся на все, что дурно пахнет. На грязь, на испражнения, на падаль. Внимание, они садятся и на вас! Ого-го! Ого-го, эх!

Бродяга. Не троньте их, они играют.

Педант. Играют?! Игра есть лишь прелюдия к спариванию. Да-да, сейчас период размножения. Самец гоняется за самочкой, она улетает, манит его ароматом, преследователь щекочет ее усиками, опускается в изнеможении, самочка летит дальше, появляется новый, более сильный и более храбрый самец, она дразнит его ароматом, улетает, он за ней... Ага, ага! Вы уже поняли в чем дело? Закон природы, вечный круговорот и состязание в любви, вечное спаривание, всемогущий пол, извечный секс! Ш-ш-ш-ш, тише!

Бродяга. А что вы с ними сделаете, когда поймаете?

Педант. Что сделаю? Определю вид, обозначу дату поимки и помещу в коллекцию. Будьте осторожны, не сотрите пыльцу! Сачок должен быть из тонкой марли. Бабочку надобно осторожно умертвить, сжав ей брюшко. Насадить на булавку! Расправить крылышки бумажными

полосками! В коллекцию поместить хорошо высушенной! Коллекцию надо беречь от пыли и моли. В ящичек вложить губку, смоченную в формалине.

Бродяга. А ради чего все это?

Педант. Ради любви к природе. О, человек, вы не любите природу!.. Ага, вот они опять прилетели. Внимание, тихо, тихо! Э-хе! Не-ет, теперь вы от меня не уйдете! Хе-хе, о-го-го, э-хе-хе! *(Убегает за бабочками.)*

Бродяга

Горячка брачных игр, борения любви...
Им нет конца!.. Пора совокупленья,
как говорит Педант!.. Вам кажется — я пьян?
Прошу меня простить... Ведь я прекрасно вижу,
как спариться стремится все и вся!
Деревья, облака и мушки
заигрывают, ловят, трутся, льнут...
И там и тут! Везде! Вон птахи в кроне...
Я вижу вас! И вас, двоих, в тени!..
Сплетаете вы пальцы втихомолку
и боретесь в любовной лихорадке...
Не думайте, — отсюда видно все!
Ах, это вечное совокупленье!..
Пардон, я, может, пьян, но я не так уж плох...
(Закрывает глаза.)
Не вижу ничего... Творите что угодно!
Я крикну прежде, чем открыть глаза.

Темнота.

Все живое стремится найти себе пару...
Только ты одинок, одинок, одинок...
По извилистым тропам плутаешь и тщетно,
тщетно, тщетно в любовной погоне
раскрываешь объятья... Но будет!.. А вы,
вы любите себе на здоровье! Хвалю!
Это дело благое. Таков уж закон природы,
как изволил заметить Педант...
И всему в этом мире на пары делиться положено.
Вижу сад... Нет! Прибежище страсти, любви,
и усеяно розами сплошь оно!..

Поднимается задник.

Подхваченные ветерком любви,
там упоенно мотыльки летают:
Вон кружится в пылу извечных брачных игрищ
красавчик и его подружка молодая,
и нет конца роенью брачных пар!..
Все по двое... Вдвоем...
(Открывает глаза.)
Куда же я попал?!

Действие первое

МОТЫЛЬКИ

Лазурное, лучезарное пространство, везде цветы и диванные подушки. Зеркала, столик, уставленный цветными бокалами с прохладительными напитками и соломинками для питья. Высокие сиденья, как в баре.

Бродяга *(протирает глаза, осматривается).* Смотри-ка, вот так красота! Ну, прямо... прямо рай. Художник лучше не нарисует! А пахнет как славно!

Клития вбегает со смехом.

Отакар *(преследует ее).* Люблю вас, Клития!

Клития, смеясь, убегает. Отакар за ней.

Бродяга. Мотыльки. Ей-ей, мотыльки играют. Полюбоваться бы на них, не будь я в таком виде. *(Отряхивает одежду.)* Ну что ж, пускай меня выгонят отсюда... пока что я полежу. Ей-богу, полея«у! *(Собирает подушки, стелит себе на просцениуме.)* А если мне все это будет не по душе, закрою глаза и вздремну часок. *(Ложится.)* Вот так!

Феликс *(входит).* Где же Ирис? Только что я видел ее, она пила нектар... Ирис, Ирис! Вот бы найти рифму на это имя. *(Садится на подушки.)* «Пленительная Ирис — единственная в мире-с»... Нет, не то. Лучше бы иначе: «Тотчас всё мое существо преобразилось в клирос...» Ага, клирос — Ирис, роскошная рифма. В предыдущей строке должно быть нечто совершенно отчаянное: распад, мука, смерть, а потом внезапный поворот: «Тотчас все мое существо преобразилось в клирос, ангельский хор воспевал божество... Ирис, Ирис, Ирис!» М-м-м, это недурно. Но где, однако, Ирис? Как может она вечно проводить время с этим Виктором? О-о! «Победна на устах твоя улыбка, Ирис!» Когда разочаруюсь в ней, напишу элегию правильным александрийским стихом. Увы, страдание — удел поэта.

За сценой смех.

Это Ирис. *(Отворачивается, принимает позу изящной грусти, подперев голову ладонью.)*

Вбегает Ирис, за ней Виктор.

Ирис. Феликс, мой мальчик, вы тут в одиночестве? И такой интересно-грустный?

Феликс *(оборачивается).* Ах, это вы, Ирис? А я и не заметил...

Ирис. Почему вы не участвуете в играх? Там столько девушек.

Феликс *(вскакивает).* Вы же знаете, Ирис, что... что они меня не интересуют.

Ирис. Бедняжка. Почему же?

Виктор. Девушки вас еще не интересуют?

Феликс. Уже не интересуют!

Ирис *(садится на подушки).* Вы слышите, Виктор? И он говорит это мне в лицо. Подите-ка сюда, господин невежа. Сядьте рядом. Ближе, еще ближе. А теперь скажите, миленький: вас, стало быть, женщины уже не интересуют?

Феликс. Нет. Я пресыщен ими.

Ирис *(глубокий вздох).* О, мужчины, какие вы циники. Только бы пользоваться, только бы наслаждаться, а потом каждый говорит: я пресыщен женщинами. Как ужасно быть женщиной!

Виктор. Почему?

Ирис. Мы никогда не пресыщаемся! Расскажите мне о своем прошлом, Феликс. Когда вы полюбили впервые?

Феликс. Не помню... Это было слишком давно. Да и тогда уже не впервые. Я еще учился в гимназии.

Виктор. Ну да, вы еще были гусеницей. Зеленой гусеницей, объедающей листья...

Ирис. Она была брюнетка, Феликс? Хороша собой?

Феликс. Хороша, как день, как небесная лазурь. Прекрасна, как...

Ирис. Как что? Отвечайте быстро.

Феликс. Как вы!

Ирис. Феликс, дорогой мой, она любила вас?

Феликс. Не знаю. Я никогда с ней не говорил.

Ирис. О, боже, что же вы с ней делали?

Феликс. Смотрел на нее издали...

Виктор. Сидя на зеленом листе!

Феликс. И писал стихи, письма, мой первый роман...

Виктор. Поразительно, сколько листов способна извести этакая гусеница!

Ирис. Вы противный, Виктор. Взгляните на Феликса, его глаза полны слез. Разве не мило?

Виктор. Слезы? Это у него слюнки потекли из глаз. От того, что он может увидеть...

Ирис. А ну вас! Феликс, разве вы ничего не видите?

Феликс. Неправда, что у меня слезы на глазах. Честное слово, нет!

Ирис. А ну, покажитесь. Взгляните-ка мне в глаза, быстро.

Виктор. Раз, два, три, четыре... Так я и знал, что он долго не выдержит.

Ирис *(смеясь)*. А ну-ка, Феликс, быстро, какого цвета у меня глаза?

Феликс. Лазурно-голубые!

Ирис. Скажете тоже! Карие. Ах, кое-кто уверял меня, что они золотистые. Терпеть не могу голубых глаз. Такие холодные, бесчувственные. Вот, например, у бедняжки Клитии голубые глаза. Вам они нравятся, Феликс?

Феликс. У Клитии? Не знаю. Да, у нее красивые глаза.

Ирис. Ах, бросьте, ведь у нее такие тощие ноги, просто ужас! Как плохо вы, поэты, разбираетесь в женщинах.

Виктор. Вы читали последнее стихотворение Феликса? *(Вынимает из кармана журнал.)* Оно напечатано в альманахе «Весна».

Ирис. А ну-ка, поскорей прочтите его вслух.

Феликс. Нет, нет, я не позволю читать. *(Пытается встать.)* Это плохие стихи, старые. Это уже давно пройденный этап.

Ирис *(удерживает его)*. Сидите смирно, Феликс.

Виктор. Стихотворение называется «Вечное грехопадение».

Феликс *(затыкает уши)*. Я не хочу, не хочу, чтобы вы читали.

Виктор
(декламирует с пафосом)

Прильнуть и слиться — вот
чего всегда хотели...
Мэтр к живописи льнет,
натурщица — к пастели...

Ирис. Это остроумно, правда, Виктор? Фу, Феликс, и откуда вы это взяли?

Виктор

Все клонится куда-то...
Паденье — consummata[1]
любовь...— его предвестье.
Мамзель, упасть бы вместе!..

Ирис. «Упасть» — это мне понятно. Но что значит «паденье — consummata». Как это понимать?

Виктор. Это значит, что любовь... м-м... достигла своей цели...

Ирис. Какой цели?

Виктор. Ну, самой прямой...

Ирис. Фу, это неприлично! Феликс, и вы написали такую фривольность? Я вас боюсь! Вы так испорчены. И всегда ваша латынь безнравственна?

Феликс. Смилуйтесь, Ирис. Я же говорил, что это очень плохие стихи.

Ирис. Чем плохие?

Феликс. В них нет самого... самого... самого главного...

Ирис. Ага!.. Слушайте, Виктор, поищите-ка в саду мой веер, я его где-то потеряла.

Виктор. О, пожалуйста, не стану мешать. *(Уходит.)*

Ирис. Живо, Феликс, скажите мне то, самое главное. От меня можете ничего не скрывать.

Феликс. Ирис, Ирис, как вы можете терпеть его около себя? Этого старого фанфарона, этого мышиного жеребчика, этого истаскавшегося сатира!

Ирис. Это Виктора-то?

Феликс. Как низок его взгляд на вас, на любовь, на все в мире. Такой циничный, такой... такой... такой жестокосердный! Как вы все это можете терпеть?!

Ирис. Бедняжка Виктор, он так не любит себя утруждать... Нет, Феликс, поговорим лучше о поэзии. «Все клонится куда-то»... *(Опускается на подушки.)* Феликс, у вас громадный талант. «Мамзель, упасть бы вместе!» Боже, сколько страсти в этих строках! У поэтов бешеный темперамент, не правда ли, Феликс?

---

[1] вожделенный итог, кульминации (*лат.*).

Феликс. О Ирис, эти стихи для меня уже давно пройденный этап.

Ирис. Если б только эта латынь не была такой вульгарной! Я все, все стерплю, Феликс, только не грубые слова. С женщинами нужно быть деликатным. Вот если бы вы меня сейчас поцеловали, разве вы назвали бы это каким-нибудь страшным словом?

Феликс. Поцеловать вас! Разве я осмелился бы, Ирис!

Ирис. Молчите! Вы, мужчины, на все способны. Нагнитесь ко мне, Феликс. Скажите: кому вы посвятили эти стихи? Клитии?

Феликс. О нет, уверяю вас...

Ирис. Кому же?

Феликс. Никому, честное слово, никому. Вернее, всем женщинам в мире.

Ирис *(приподнимаясь на локтях).* О, боже, вы столько их... con... con... как это называется?

Феликс. Клянусь вам, Ирис...

Ирис *(опускается на подушки).* Феликс, вы страшный соблазнитель. Скажите, сколько у вас было любовниц?

Феликс. Вы никому не расскажете, Ирис? Честное слово?

Ирис. Никому.

Феликс. Так знайте же... ни одной.

Ирис. Ка-ак?

Феликс. Пока ни одной. Клянусь честью.

Ирис. О, лжец! Сколько женщин, должно быть, уже попалось на эту приманку?! Невинный младенец! Феликс, Феликс, я вижу вас насквозь. Вы опасны.

Феликс. Не смейтесь надо мной, Ирис. Я знал потрясающие переживания... но только в воображении. Ужасные разочарования, бесконечные увлечения, но все лишь в грезах. Мечты — это реальность поэта. Я знаю всех женщин и не знал ни одной. Честное слово, Ирис.

Ирис *(приподнявшись на локоть).* Почему же вы говорите, что пресытились женщинами?

Феликс. Ах, Ирис, люди умаляют достоинства того, что больше всего любят.

Ирис. Вы имеете в виду брюнеток?

Феликс. Нет, грезы, вечные грезы.

Ирис. «Прильнуть и слиться — вот...» У вас такие пылкие глаза. Вы замечательный талант, Феликс. *(Откидывается на подушки.)* О чем вы сейчас думаете?

Феликс. О вас. Женщина — это тайна.

Ирис. Раскройте ее. Но только, пожалуйста, нежно, Феликс.

Феликс. Я не вижу дна в ваших глазах.

Ирис. Тогда начните с другого...

Феликс. Я... Ирис... в самом деле...

Ирис *(быстро садится)*. Ах, Феликс, какое у меня странное настроение! Глупо быть женщиной! Сегодня мне хотелось бы стать мужчиной, завоевывать, совращать, лобзать. Феликс, я была бы страстным мужчиной, диким, неукротимым. Шаль, что вы не девушка. Давайте играть, хотите? Вы будете Ирис, а я буду ваш Феликс.

Феликс. Нет, Ирис, ото слишком трудно — быть Феликсом. Это значит желать, желать...

Ирис *(томно)*. Ах, Феликс, желать всего.

Феликс. Есть нечто большее, чем желать всего.

Ирис. И это значит...

Феликс. Желать невозможного.

Ирис *(разочарованно)*. Вы правы, вы всегда правы, бедняжка Феликс... *(Встает.)* Где же Виктор запропастился? Не позовете ли вы его?

Феликс *(вскакивает)*. Чем я обидел вас, Ирис? Ах, я сказал слишком много.

Ирис *(вертясь перед зеркалом)*. Не очень-то.

Феликс. Желать недостижимого! Я был безумцем, Ирис, что сказал вам это.

Ирис. Или невежей. Удивительное дело, сколько я с вами вожусь, мой мальчик. В обществе женщин нельзя делать вид, будто вы жаждете того, чего здесь нет.

Феликс. Недосягаемое здесь!

Ирис *(оглядываясь)*. Где же?

Феликс *(показывая на зеркало)*. Ваше изображение, Ирис!

Ирис *(смеется)*. Мое изображение? Вы влюблены в мое изображение? *(Раскрывает объятия.)* Смотрите, мое изображение услышало вас! Обнимите же его, целуйте его, живо!

Феликс. Оно так же недоступно, как и вы.

Ирис *(поворачивается к нему)*. Я недоступна? Откуда вы это знаете?

Феликс. Иначе я не любил бы вас.

Ирис. Как жаль, Феликс, что я так недоступна.

Феликс. Ах, Ирис, подлинная любовь должна быть недоступной.

Ирис. Вы так думаете? *(Треплет его за волосы, напевая.)*

Мамзель, упасть бы вместе!

Феликс. Не повторяйте эти стихи.

Ирис. Тогда сочините для меня другие. Быстро! И чтобы в них была страсть.

Феликс

Едва я взмолился: «Смерть, приди!
Руку вложи мне в грудь!
Рану сплошную найдешь в груди,
боль вместо сердца, грусть...» —
Тотчас все мое существо
преобразилось в клирос, —
ангельский хор воспевал божество:
Ирис, Ирис, Ирис...

Ирис. Ирис — клирос!.. Прелестно!

Клития *(за сценой).* Ирис, Ирис!

Ирис. Опять она здесь! И с этим своим противным женихом. Как раз когда мы...

Клития *(вбегает со смехом).* Ты только подумай, Ирис, Отакар сказал... А-а, ты тут с Феликсом? Как поживаете, молодой человек? Ирис, ты, наверно, его изводишь? Смотри, он весь красный.

Отакар *(вбегает).* Ага, попались, Клития... Ах, пардон! Мое почтение, Ирис. Привет, старик.

Феликс *(садится на подушки).* М-м...

Ирис. Как ты разгорячилась, Клития.

Клития. Отакар гонялся за мной...

Отакар. Клития летела во весь дух, а я не мог от нее отстать...

Виктор *(входит).* Алло, я вижу, собралась милая компания. *(Кланяется Клитии; Отакару.)* Жениху всего лучшего!

Клития. Ах, как я хочу пить! *(Пьет из бокала через соломинку.)*

Ирис. Береги себя, моя дорогая. Вы замечаете, Виктор, что она опять похудела? У тебя ужасный вид.

Клития. Спасибо, милочка! Ты обо мне заботишься, как родная мать!

Виктор. Вы были вчера на балу под открытым небом?

Клития. Вчера! Вы просто ходячий учебник истории!

Отакар. Какая чудесная погода!

Ирис *(Клитии).* Постой, постой, милочка. *(Поправляет ей лиф.)* Что это ты делала? У тебя порван лиф.

Клития. Это, наверное, Отакар наступил.

Ирис. Наступил? Но ведь это почти возле шеи!

Клития. Взгляни на него, ведь он — сплошная нога. Эй, нога, разве не так?

Отакар. Пардон?

Виктор. А что такое я?

Клития. Вы — сплошной язык. Когда вы на меня глядите, мне кажется, меня облизывают. Фу!

Ирис. Клития! А что ты скажешь о Феликсе?

Клития. Бедняжка так грустен. *(Наклоняется к Феликсу.)* Что с вами, принц?

Феликс. Я думаю.

Клития. А ну вас! К чему вечно о чем-то думать?

Феликс. Разум дан мужчинам для того, чтоб с пользой его употреблять.

Клития. А женщинам?

Феликс. Для того, чтобы злоупотреблять им.

Ирис. Превосходно, Феликс!

Клития *(встает).* Этот несносный Феликс меня ненавидит.

Виктор. Радуйтесь этому, Клития, от ненависти до любви один шаг.

Отакар. Пардон?

Ирис. Чтобы Феликс да полюбил! Вот уж скажешь. Да ведь он написал такие стихи о женщинах... Погоди-ка, я прочту.

Феликс. Ирис, умоляю вас...

Ирис

Прильнуть и слиться — вот,
чего всегда хотели...
Мэтр к живописи льнет,
натурщица — к пастели...

Клития. К чему?

Ирис. К пастели...

Виктор. Феликс, святоша вы этакий, неужто в вашей постели и вправду перебывало столько женщин?

Отакар. Ха-ха-ха! К постели! Великолепно! А я думал — к пастели!.. Ха-ха-ха!

Ирис *(продолжает)*. Все клонится куда-то...

Клития. Погоди, Отакар еще не насмеялся.

Отакар. Га-га-га-га!

Феликс. Я не позволяю читать эти стихи. Это уже пройденный этап!

Ирис. У Феликса громадный талант. Никто из вас не найдет рифму на Ирис, а он...

Клития. Ирис, таких, как я, четыре-с!

Феликс. Молчите, о господи!

Отакар. Га-га-га, это здорово! Ирис... Четыре-с!

Ирис *(сдерживаясь)*. У тебя, милочка, своеобразное понимание поэзии.

Виктор. Что вы хотите? Вся ее поэзия — в прозе.

Ирис. Вы правы, Виктор!

Отакар. Ха-ха-ха, в прозе! Блестяще!

Клития. Феликс, вы втиснули Ирис в стихи? По-моему, ей там тесно!

Ирис. Вы не представляете себе, господа, какую прекрасную рифму Феликс придумал к моему имени. Угадайте!

Виктор. Сдаюсь.

Клития. Ну, говори же, Ирис. Только чтобы это было поэтично.

Ирис *(торжествующе)*. Клирос!

Виктор. Что-о?

Ирис. Клирос.

Клития. Боже, какое святотатство! Феликс, вы действительно так сказали?

Ирис. Что в том плохого?

Клития. Приплести сюда клирос! Женщина — и вдруг клирос!

Отакар. Ха-ха-ха! Клирос! Ну потеха!

Феликс. Но ведь это все мое существо как бы преобразилось в клирос! *(Вскакивает.)*

Ирис. Ступайте, незадачливый виршеплет! Бездарь! Противный! Вы мне надоели, слышите!

Виктор. Феликс — велик-с!

Ирис *(аплодирует)*. Отлично, Виктор, вы страшно остроумны!

Клития. О, господи, Виктор родил рифму!

Отакар. Ха-ха-ха, Феликс — велик-с! Это здорово!

Виктор. Прошу прощения, Клития. Я не любитель поэзии, для меня эта богиня слишком светловолоса.

Клития. Смотрите, у этого влажные глаза. Не глядите на меня, а то я промокну.

Отакар. Писать стихи — это чепуха.

Виктор. Стихи пишут только для того, чтобы обмануть или поразвлечь.

Ирис. О нет, стихи пишут, чтобы волновать. Я страшно люблю переживания.

Отакар. Дар!

Клития. Какой дар?

Отакар. Рифма к «Отакар». Ха-ха. Неплохо, а?

Виктор. Так называемая мужская рифма.

Отакар. Ха-ха-ха, еще бы, уж конечно, мужская!

Клития. Виктор, придумайте какую-нибудь мужскую рифму.

Виктор. Зачем?

Клития. Чтобы хоть раз от вас исходило что-то мужское.

Отакар. Любовный жар! Еще одна мужская рифма к «Отакар». Ха-ха-ха!

Ирис. У вас огромный талант, Отакар. Почему вы, собственно, не пишите стихи?

Отакар. Я-то? Гм... А какие?

Ирис. О любви. Я обожаю поэзию.

Отакар. Буйство форм и чар...

Ирис. Каких чар? О ком вы?

Отакар. Ха-ха-ха! Да это просто рифма!

Ирис. Отакар, вы ужасно поэтическая натура!

Клития *(зевает)*. Хватит вам о литературе. Надоело. Претит до колик в сердце.

Ирис. В сердце? Вы слышите, бедняжка Клития воображает, что у нее есть сердце.

Клития. Ну и ладно. Зато ты — сплошное сердце. Ты и сидишь-то на нем!

Отакар. Га-га-га, сплошное сердце!

Клития. Хорошо еще, что оно у тебя не камень.

Ирис. Не беда, моя дорогая. Зато я не столь легкого поведения, как некоторые.

Клития. Что верно, то верно, ты тяжелый случай.

Ирис. Берегись, Клития!

Виктор. Ах, Ирис, не сердитесь на нее. Дух — это ведь единственный козырь Клитии... за неимением плоти.

Ирис *(аплодирует).* Отлично, Виктор!

Клития. Вам, Виктор, я показала кое-что еще.

Виктор. Не может быть! Что же именно?

Клития. Спину и двери.

Виктор. Сплошные доски, пхе!

Ирис. Ха-ха-ха, Виктор, какой вы мастер пикироваться! Я готова расцеловать вас. Люблю находчивых мужчин. Догоняйте меня! *(Выбегает.)*

Виктор. По-по-погодите! *(Торопится за ней.)*

Клития. Ты гусыня! Жаба!.. Бочка!

Отакар. Гм-гм!..

Клития *(Отакару).* Уходите от меня, вы, бездарность!.. Феликс!

Феликс *(вскакивая).* Да?

Клития. Как вы только могли влюбиться в нее?

Феликс. В кого?

Клития. В эту престарелую бабу. В этого солдафона в юбке.

Феликс. В кого?

Клития. В Ирис.

Феликс. Я-то? Да что вы! Это уже в прошлом.

Клития. Я вас понимаю!.. Ирис страшно глупа. Страшно, говорю вам. А ноги у нее как тумбы. Ах, Феликс, в вашем возрасте так естественно заблуждаться. *(Садится на подушки.)*

Феликс. Я... Уверяю вас, Клития... Честное слово, все это для меня уже пройденный этап!

Клития. Нет, Феликс, вы не знаете женщин. Хотите, садитесь рядом со мной. Вы и представления не имеете, каковы они. Что за взгляды у них, до чего узок кругозор! А тела какие, бр-р-р-р! Вы так молоды...

Феликс. Это неверно. Я уже не молод. Я много пережил.

Клития. Нет, вы должны быть молоды, это так модно. Быть молодым, быть мотыльком и быть поэтом, — что может быть прекраснее в мире?

Феликс. О нет, Клития, удел молодости — страда-

ние. А удел поэта — страдать во сто крат больше других. Честное слово.

Клития. Удел поэта — находить радость во всем и прославлять жизнь. Щедрую, вечно цветущую. Ах, Феликс, вы напоминаете мне мою первую любовь...

Феликс. Кто же это был?

Клития. Никто. Ни одна моя любовь не была первой... Ах, этот Виктор... Такой противный! Мужчины так несносны! Давайте будем подружками, Феликс. Согласны?

Феликс. Подружками?

Клития. Ну да, вы ведь не признаете любви. Любовь так низменна. А мне хочется чего-то особенного, чистого, необыкновенного. Чего-то нового!

Феликс. Стихов?

Клития. Может быть. Вот видите, как я вас люблю!

Феликс

Погодите!

(Вскакивает в экзальтации.)

Ты в сердце влетела,
как в детский хрусталик влетают
лучики-стрелы...
Когда тебя встретил, — маковым цветом
вся заалела
и робостью одарила поэта...

Клития *(встает).* Это что такое?

Феликс. Поэма. Начало.

Клития. А дальше?

Феликс. Конец я тотчас же сочиню. *(Устремляется прочь.)* Все, что я написал прежде, — отныне пройденный этап! *(Улетает.)*

Клития. Уфф! *(Здоровяку Отакару, который, эффектно облокотившись, покручивает ус).* Ну что, Большая Нога? Да оставь ты свои усики!

Отакар. Будь моей! Будь наконец моей!

Клития. Руки прочь!

Отакар. Будь моей! Ведь мы обручены! Я... я... уже...

Клития. Отакар, вы красавец!

Отакар. Я люблю вас страстно!

Клития. Знаю. Как сильно стучит ваше сердце. Скажите «га».

Отакар. Га!

Клития. Еще!

Отакар. Гы-га!

Клития. Как гудит у вас в груди! Словно гром. Отакар, вы страшный силач, а?

Отакар. Кли... Кли... Кли...

Клития. Ну, что еще?

Отакар. Будьте моей!

Клития. Вы однообразны!

Отакар. Я... вас...

Клития. Я вас тоже.

Отакар *(ловит ее).* Будь моей!

Клития *(убегая).* Уж не хотите ли вы, сударь, чтобы я вам откладывала яички?

Отакар. Я вас обожаю, я сгораю от страсти...

Клития *(убегает).* Ни за что, ни за что! Не хочу портить себе фигуру!

Отакар *(гоняясь за ней).* Я... я... хочу...

Клития *(смеясь, улетает за сцену).* Потерпите, потерпите. Не будьте нетерпеливы!

Отакар *(летит за ней).* Будь моей, Клития!

Исчезают.

Бродяга

(поднимается)

Кыш!.. Улетели прочь сластолюбивые твари...
То-то забавно глядеть, как они вьются, снуют!..
Ну, и умора же эта их бесконечная гонка,
Ишь как задочками вертят под шелковистыми крыльями!

Ну их!.. Подумаешь — невидаль! Будто мы сами не знаем, что такое любовь на поверку!

Клития *(влетает с другой стороны, подкрашивается и пудрится перед зеркалом).* Уф! Все-таки я от него удрала! Ха-ха!

Бродяга

Ох, уж это салонное общество! Ха-ха-ха!..
Ох, уж эта поэзия!..
Смакование радостей жизни через тоненькую соломинку...
На груди — обольстительный вырез, друг о дружку
блаженное трение...
Вечная ложь вечных любовников,
вечно ищущих и не знающих удовлетворения...
Да и что с них возьмешь?! Насекомые!..

Клития *(подлегает к нему).* Вы мотылек?

Б р о д я г а *(отмахивается шапкой).* Кш-ш-ш!

Клития *(отлетает).* Так вы не мотылек?

Бродяга. Я человек.

Клития. Что это такое? Оно живет?

Б р о д я г а. Да.

К л и т и я *(подлетает).* Любит?

Б р о д я г а. Любит. Это такой же мотылек.

Клития. Какой вы интересный. А почему вы носите черную пыльцу?

Б р о д я г а. Это грязь.

Клития. Ах, чем это от вас так приятно пахнет?

Б р о д я г а. Потом и грязью.

Клития. Твой запах пьянит меня. Он такой непривычный!

Б р о д я г а *(замахивается шапкой).* Прочь, бесстыдница!

Клития *(улетает).* Лови меня, лови!

Б р о д я г а. Ишь, беспутная игрунья! Дрянь этакая!

К л и т и я *(снова устремляется к нему).* Вдохнуть твой запах. Изведать новое! Ты очень оригинален!

Б р о д я г а. Такая же распутница, как ты, мне уже раз встретилась в жизни. За что я ее, собственно, полюбил? *(Хватает Клитию.)* Помню, держал я ее за такие же вот тонкие лапки и умолял, а она смеялась мне в лицо. И я отпустил ее. Эх, лучше было бы убить... *(Отпускает Клитию.)* Лети, ты, ветреница, не хочу тебя видеть.

Клития. Какой вы странный! *(Пудрится перед зеркалом.)*

Б р о д я г а. Надушенная бесстыдница, франтиха, тощая коза, дохлятина, скелет...

К л и т и я *(приближается).* Еще, еще! Это так прекрасно, так жестоко, так сильно!

Б р о д я г а. Тебе и этого мало, липучка? Дать тебе коленкой под зад, бесстыжие твои глаза?

Клития. Люблю тебя! Обожаю!

Б р о д я г а *(отмахивается от нее).* Иди, иди, проваливай, мерзость.

Клития. С вами скучно. Противный! *(Причесывается перед зеркалом.)*

И р и с *(возвращается, разгоряченная).* Пить, скорее пить.

Клития. Где ты была?

Ирис *(пьет через соломинку).* Там, в саду. Ах, как жарко!

Клития. А где ты оставила Виктора?

Ирис. Виктора? Какого Виктора?

Клития. Да ведь ты улетела с ним.

Ирис. С Виктором? Нет, нет... Ах да, припоминаю. *(Смеется.)* С ним вышел комический случай.

Клития. С Виктором?

Ирис. Вот именно. Послушай, обхохочешься. Бежит он за мной и все свое «по-по-постойте!». Ха-ха-ха, ты только представь себе!

Клития. Ну, и где же он?

Ирис. Вот я и говорю: летит за мной как очумелый... И вдруг — ха-ха-ха! — налетела птица и сожрала его.

Клития. Быть не может!

Ирис. Честное слово! Так, понимаешь ли, фр-р-р, Виктора — и конец... Уж я смеялась! *(Падает на подушки, закрывая лицо.)*

Клития. Да что с тобой?

Ирис. Ха-ха-ха... Ах, эти... эти... эти мужчины!

Клития. Виктор?

Ирис. Нет, Отакар. Виктора сожрала птица... И представь себе, в этот момент влетает твой женишок, глаза вытаращены, весь красный и сразу... Ха-ха-ха...

Клития. Что сразу?

Ирис. Сразу ко мне: «Будьте моей! Я люблю вас страстно, га-га!»

Клития. Ирис! Как же ты поступила?

Ирис. Ха-ха-ха, отстань, отстань от меня! Люблю-люблю, говорит, вас страстно, и вы дол-должны быть моей, моей... моей!

Феликс *(влетает со стихами в руке).* Клития, стихи готовы. Слушайте! *(Читает с невыразимым чувством.)*

Ты в сердце влетела,
как в детский хрусталик влетают
лучики-стрелы...

Ирис *(уткнувшись лицом в подушки, истерически смеется).* Ха-ха-ха!

Феликс *(перестав читать).* В чем дело?

Ирис *(всхлипывая).* Этакий скот! Фу! Бесстыдник! Убить его готова!

Клития. Отакара?

Ирис *(сквозь слезы).* Теперь... теперь... теперь мне придется откладывать яички. Этакий скот! Я... я... яички! И я буду безобразно выглядеть. Ах, какой он... Ха-ха-ха!

Феликс. Вы только послушайте, Клития. Это совсем в новом духе:

Когда тебя встретил — маковым цветом
вся заалела
и робостью одарила поэта...
Это я — ты сказала — ты не знаешь меня...
Я сама-то себя едва понимаю...
Я — дитя, — вот и цвету! Я — жизнь, — вот и играю!
Я — женщина, — вот и чарую!.. Вся — вопрос!
Где ж ответ?

Ирис *(встает).* Я не очень растрепана, нет?

Клития. Очень. Погоди, милочка. *(Поправляет ей волосы, шепотом.)* Ах ты, мокрица!

Ирис. Ты сердишься? Ха-ха-ха! Отакар ве-ли-ко-лепен в любви! *(Улетает.)*

Феликс. А теперь, Клития, самое главное.

Я — дитя, — вот и цвету! Я — жизнь, — вот и играю!
Я — женщина, — вот и чарую!.. Вся — вопрос! Где
ж ответ?

Клития. Ах, отстаньте! Эта мокрица! *(Улетает.)* Неужели нет никого нового?

Феликс *(за ней).* Да погодите! Вот теперь-то и начнется про любовь!

Бродяга. Дурачок.

Феликс. Что это? Тут кто-то есть. Вот хорошо. Я прочитаю вам последнюю строфу:

Я — женщина, — вот и чарую! Вся — вопрос! Где
ж ответ?..
Отчего, отчего это, белый свет...

Бродяга *(замахивается на него шапкой).* Кш-ш-ш!

Феликс
(отлетев в сторону)

Почему, белый свет,
нынче я рдею, что маков цвет?

Б р о д я г а *(гонит его).* Кш-ш, кш-ш-ш!

Ф е л и к с
(отлетев еще)

Я ведь ж е н щ и н а , — вот и люблю! Я ведь ж и з н ь , —
вот и цвету,
Я — дитя... Я впервые люблю... Мне так мало лет!..

Вы понимаете, все это она — Клития, Клития, Клития, Клития! *(Улетает.)*

Б р о д я г а *(простерши руки к залу).* Ха-ха-ха. Ах, мотыльки!

Занавес

СТЯЖАТЕЛИ

Песчаный холмик, поросший редкими стеблями травы, толстыми, как стволы деревьев. Слева нора Жука-наездника, справа щель Сверчка. На просцениуме спит Бродяга. К одному из стеблей привязана Куколка. На Куколку нападает банда насекомых-разбойников: слева выбегает мелкий Жучок и отвязывает Куколку от стебля. Справа выбегает другой Жучок, отгоняет первого и пытается утащить Куколку. Из суфлерской будки выскакивает третий, отогнав второго, тащит Куколку.

Куколка. Я... я... я...

Третий Жучок-разбойник спрыгивает в суфлерскую будку. Первый и второй жучки выбегают справа и слева, дерутся и стараются отнять друг у друга Куколку. Из суфлерской будки выскакивает третий Жучок, отгоняет обоих и тащит Куколку к себе.

Лопается земля! Я рождаюсь на свет!

Бродяга *(поднимает голову).* Что случилось?

Третий жучок с перепугу кидается в будку.

Куколка. Свершается нечто великое!

Бродяга. Ну и хорошо. *(Опускает голову.)*

Пауза.

Мужской голос *(за сценой).* Как ты катишь!

Женский голос. Это я-то?

Мужской голос. Ты!

Женский голос. Я?!

Мужской голос. Ты!!

Женский голос. Я???

Мужской голос. Ты!!! Дурында!

Женский голос. Хам!

Мужской голос. Недотепа!

Женский голос. Болван!

Мужской голос. Неряха, пустомеля!

Женский голос. Навозник!

Мужской голос. Полегче с шариком. Аккуратней.

Женский голос. Не спеши!

Мужской голос. Ос... ос... осторожно!!

Появляются два навозных жука, они катят перед собой большой навозный шарик.

Жук. Не повредился он?

Жучиха. Что ты! Нет-нет! Слава богу, нет. Уж как я перепугалась. Шарик мой миленький, не правда ли, ты целехонек? Ах... ты... ты... ты наша радость!

Жук. Га-га, наш капиталец, наш навозик, наше золотце, наше... все!

Жучиха. Наш чудесный катышек, наш клад, наше сокровище, наше возлюбленное состояньице!

Жук. Наша любовь и единственная отрада! Уж как мы экономили и копили! Сколько навозу насобирали, вонючих катышков наберегли, во всем себе отказывали...

Жучиха. Сколько ходили, бродили, ножки намаяли, в дерьме рылись, пока мы тебя собрали да скатали...

Жук. ...и закруглили, наше солнышко!

Жучиха. Наше сокровище!

Жук. Наша жизнь!

Жучиха. Дело всей нашей жизни!

Жук. Ты только понюхай, старая. Что за прелесть! Ты только прикинь, какой он увесистый.

Жучиха. Послал-таки господь!

Жук. Благословил нас.

Куколка

С мира срываю оковы я!
Жизнь начинается новая!
Я рождаюсь на свет!

Бродяга поднимает голову.

Жучиха. Жучочек!

Жук. А?

Жучиха. Хи-хи-хи-хи!

Жук. Ха-ха, ха-ха!.. Жена!

Жучиха. Что?

Жук. Ха-ха-ха. Как приятно иметь свое добро, а? Свое состояньице. Свою мечту!

Жучиха. Наш навозный катышек!

Жук. Плоды нашего труда!

Жучиха. Хи-хи-хи!

Жук. С ума можно сойти от радости... И... и от забот! Ей-богу, голова идет кругом.

Жучиха. Отчего?

Жук. От забот о катышке. Так мы о нем мечтали, а теперь, когда он у нас есть, надо заводить другой. Сколько трудов на это уйдет.

Жучиха. А зачем нам другой?

Жук. Дурочка! Чтобы было два.

Жучиха. Два-а? А ведь верно!

Жук. Га-га! Ты только представь себе: два шарика! Не меньше двух. А то и три. Понимаешь, каждый, у кого есть шарик, должен делать новый.

Жучиха. Чтобы стало два.

Жук. Или, лучше, три.

Жучиха. Слушай, муженек!

Жук. Ну что?

Жучиха. Мне боязно: как бы у нас его не украли.

Жук. Что-о? Кого?

Жучиха. Наш катышек. Нашу отраду. Наше... все!

Жук. Наш ка... катышек? Ради бога, не пугай меня!

Жучиха. Ведь... ведь... не сможем же мы повсюду таскать его за собой, когда будем собирать новый.

Жук. А мы его положим, поняла? Спря-чем! Зароем как полагается. Куда-нибудь в яму, в ямочку, в надежное место. Свои сбережения нужно откладывать.

Жучиха. Только бы его не нашел кто-нибудь.

Жук. Нет, нет, только не это. Не говори таких ужасов. Да как же можно, чтобы у нас его украли! Наш катышек, наше золото, наш кругленький капиталец!

Жучиха. Наше драгоценное дерьмецо! Нашу жизнь! Предмет всех наших помышлений!

Жук. Вот что, ты останься тут с шариком и стереги его, гляди во все глаза! *(Убегает.)*

Жучиха. Куда ты опять торопишься?

Жук. Искать ямку... ямочку... глубокую яму. Чтобы закопать наш шарик... нашего любимчика... наше золотце. В надежное место! *(Уходит.)* Гля-ди в оба!

Жучиха. Жучок! Муженек, поди сюда! Постой-ка! Вон там как раз... Жучок! Уже не слышит! А вот там как раз хорошая ямка... Муженек! Ушел! Такая отличная ямка. Вот растяпа! Дурной! Осел! Пойти, что ли, осмотреть эту ямочку... Нет, нет, катышек, я от тебя никуда не уйду. А впрочем... Только поглядеть! Катышек, мой миленький, подожди меня одно мгновеньице, я сейчас, я тотчас вернусь, только взгляну... *(Бежит и возвращается.)* Катышек, ты меня жди, веди себя смирненько, я сейчас. *(Спускается в нору Жука-наездника.)*

Куколка. Родиться! Родить Новый мир!

Бродяга встает.

Чужой Навозный жук выбегает из-за кулисы, где он поджидал удобный случай.

Чужой жук. Ушли! Мой час настал! *(Катит шарик дальше.)*

Бродяга. Только не задавите меня.

Чужой жук. С дороги, гражданин!

Бродяга. Что это вы катите?

Чужой жук. Га-га, навозный шарик. Капитал! Золото!

Бродяга. *(отступает).* Воняет оно, ваше золото.

Чужой жук. Золото не пахнет. Пошевеливайся, шарик, катись. Катись, капиталец, оборачивайся! Счастлив, кто богат! Ха-ха-ха, приятель!

Бродяга. Чему вы радуетесь?

Чужой жук. Знаете, так приятно иметь свое добро. *(Катит шарик налево.)* Ах ты, мое сокровище, мое состояньице, моя драгоценность, мое... все! *(Скрываясь из виду.)* Собственность — вот что самое главное! Надо его упрятать, зарыть понадежней. Эй, бе-ре-гись! *(Уходит.)*

Бродяга. Собственность? Что ж, почему бы и нет? Каждому хочется иметь свой катышек.

Жучиха *(возвращается из норы).* Ай-я-яй, там живут. Какой-то Жук-наездник. Там его личинка. Нет, катышек, туда мы тебя не спрячем... Да где же? Где, где, где мой катышек? Где ты, мой миленький?

Бродяга. Только что...

Жучиха *(кидается к нему).* Ворюга, жулик! Куда ты дел мой катышек?

Бродяга. Я же говорю: только что...

Жучиха. Отдай, злодей, отдай!

Бродяга. Только что его укатил какой-то господин...

Жучиха. Какой такой господин? Кто он?

Бродяга. Этакий толстопузый, зажиревший тип...

Жучиха. Это мой муж!

Бродяга. Кривоногий, жадюга, грубиян...

Жучиха. Это мой муж!

Бродяга. Он сказал, что приятно иметь свое добро и упрятать его в укромное местечко...

Жучиха. Он, точно он! Видно, нашел какую-то ямку... *(Зовет.)* Жучок! Миленький!.. Где же этот болван?

Бродяга. Да вот в ту сторону покатил.

Жучиха. Вот олух! Не мог меня позвать? *(Бежит влево.)* Жучок! Муженек, погоди! Катышек! *(Скрывается из виду.)* Катышек!

Бродяга

Эти другой породы! Тем не чета... Сразу видно!
Вроде как люди, живущие более трезво, солидно...
Вы уж меня извините, — был я слегка под хмельком...
Вот мне и чудился каждый бабочкой, мотыльком...
Ах, вы, красавцы потасканные, цвет и венец творения!
Мученики и служители культа совокупления!
Дамочки завлекательные, суетные пажи!..
Вам бы лишь насладиться, лишь бы урвать, пожить!..
Тоже мне — сливки общества!..
От этих, по крайней мере,
потом разит, усердьем, и — никакой фанаберии!
Те — шаркуны, потребители, эти — наоборот:
делатели, накопители... Они-то и есть народ!
Мудро за землю держатся, прочные чтут устои,
счастье покорно лепят, хоть из навоза, — и то!..
Запах услад летуч, запах навоза стоек.
Катыш тоже чего-то стоит! Плод труда как-никак,
итог!..
Пусть работенка зловонна — заработок ароматен!
Любишь в свое удовольствие, трудишься — польза и
братьям!
Ну, а коль о мамоне все помышленья твои —
то и сие добродетель, лишь бы стяжал для семьи!..

Все семья освящает, ты перед ней в ответе.
Стибрил, положим, что-то, и тут оправданье — дети!
Вот где собака зарыта! Выкрал? Надул? Запродал?..
Эко! Чего не сделаешь для продолжения рода?!

Куколка

(кричит)

Больше места! А ну расступитесь шире!
Грандиозное нечто свершается в мире!

Бродяга *(поворачивается к ней).* А что же?

Куколка. Я рождаюсь на свет!

Бродяга. Это хорошо. А что из тебя, собственно, выйдет?

Куколка. Не знаю, не знаю. Нечто великое.

Бродяга. Ага. *(Поднимает ее и прислоняет к стеблю.)*

Куколка. Я совершу небывалое.

Бродяга. Что именно?

Куколка. Появлюсь на свет.

Бродяга

Что ж, одобряю, Куколка! Правильно! Каждый день я
вижу, как все лихорадочно трудится ради рожденья.
Жить! Воплотиться! Продлиться!.. Что там сословия, звания?
Главное — невыразимая сладость существования!

Куколка

Оповести весь мир:
настал великий миг!
Я... Я...

Бродяга. Ну что?

Куколка. Ничего. Я еще не знаю. Хочется совершить что-нибудь великое.

Бродяга

Нечто великое?.. Что ж, знай, упивайся бреднями!
Трезвый народец с катышками скажет, пожалуй, — сбрендила!..
Катышек мал, да полон, мечта велика, да пуста...

Куколка

Нечто необыкновенное!

Бродяга

И все же порыв твой, Куколка, мне точно мед по устам!
Великое — так великое! Но без обмана только!
Что из тебя получится? Да вылупляйся же толком!

Куколка

Весь мир изумится, когда я рожусь!

Бродяга

Ну давай, давай, я подожду.
(Садится.)

Из глубины сцены длинными бесшумными шагами выходит Жук-наездник, таща труп сверчка.

Жук-наездник. Агу, моя личиночка! Папочка несет тебе что-то вкусненькое. *(Исчезает в норе)*

Куколка
(кричит)

О, родовые страдания!..
Лопается мироздание,
силясь меня исторгнуть!..

Бродяга. Родись же!

Куколка

С дороги, с дороги! Не то вас смету
на лету,
как только на свет появлюсь!..

Бродяга. Родись же!

Жук-наездник *(выползает задом из своей норы)*. Нет, нет, доченька, кушай, а из дому не вылезай, ни-ни! Ни в коем случае! Сиди, моя крошечка, папенька придет и принесет тебе еще ам-ам. Чего бы тебе хотелось, лакомка?

Личинка *(у входа)*. Папенька, мне скучно.

Жук-наездник. Ха-ха, ну не прелесть ли она, не правда ли? Дай я тебя поцелую, малюточка. Папенька принесет тебе что-нибудь еще понежней. Что ты хочешь? Сверчка? Ха-ха-ха, у тебя губа не дура!

Личинка. Я хочу... не знаю чего!..

Жук-наездник. Господи, какая ты у меня умница! Я тебе за это принесу подарочек. Ну, пока, деточка,

папеньке надо идти на работу, заботиться о своей доченьке, о своем чудесном червячке. Иди, иди домой, маленькая. Кушай вволю.

Личинка уходит в нору.

(Большими шагами подходит к Бродяге.) Кто такой?

Бродяга *(вскакивает и отступает).* Я...

Жук-наездник. Съедобный?

Бродяга. Кажется, нет.

Жук-наездник *(обнюхивает его).* Недостаточно свеж. Кто вы такой?

Бродяга. Бродяга.

Жук-наездник *(слегка кланяется).* Жук-наездник. Дети у вас есть?

Бродяга. Нет. По-моему, нет.

Жук-наездник. Ага. А вы видели ее?

Бродяга. Кого?

Жук-наездник. Мою личиночку. Хороша, а? Такая смышленая девочка. А как растет! Какой у нее аппетит! Ха-ха-ха! Дети — большая радость, а?!

Бродяга. Все так говорят.

Жук-наездник. Правда? Ну конечно, по крайней мере, знаешь, для кого живешь. Раз у тебя ребенок, значит, хлопочи, трудись, пробивайся вперед. Вот она, реальная жизнь, а? Дитя растет, оно хочет кушать, лакомиться, забавляться. Верно, а?

Бродяга. Ребенку многое нужно.

Жук-наездник. Вы не поверите: каждый день я приношу ей двух-трех сверчков.

Бродяга. Кому?

Жук-наездник. Моей доченьке. Хороша, а? А какая умница! Вы думаете, она глотает целого сверчка? Как бы не так! Выбирает самые мягкие части и обязательно ест его почти живым. Ха-ха! Образцовый ребенок, а?

Бродяга. Ничего не скажешь.

Жук-наездник. Я горжусь ею. Честное слово, горжусь. Вся в меня, моя кровь, сударь. Мда-с! Однако ж я тут заболтался, вместо того чтобы заниматься делом. Ах, сколько хлопот, сколько беготни! Не беда, было бы для кого стараться, не правда ли?

Бродяга. Говорят.

Жук-наездник. Жалко, что вы несъедобный.

Очень жалко. Надо же что-то принести ей, не так ли? *(Ощупывает Куколку.)* А это что такое?

Куколка *(кричит).* Я возвещаю обновление мира!

Жук-наездник. Еще незрелая. Никуда не годится.

Куколка. Я создам нечто невиданное!

Жук-наездник. Такая это забота — воспитывать детей. Большая забота, не так ли? Серьезная ответственность, сударь. Подумайте только: содержать семью, заботиться о малышах, выкормить их, обеспечить им будущность. Это не пустяки, а? Ну, мне пора. Мое почтение, будьте здоровы. Слуга покорный. *(На ходу.)* Агу, агу, доченька, я скоро вернусь. *(Уходит.)*

Бродяга

Выняньчить, обеспечить, в ротик впихнуть — таков
долг семьянина... Подай-ка деткам живых сверчков!..
Жизнь своей скромной песенкой знай прославляй,
сверчок!..
Жить бы ему, безобидному, — ан, умирай, молчок!
Что ж это получается?!

Личинка *(вылезает из норы).* Папа, папа!

Бродяга. Так ты и есть личинка? Ишь ты!

Куколка. Вы противный!

Бродяга. Почему?

Куколка. Не знаю. О-о, как мне скучно. Я хочу... хочу...

Бродяга. Чего?

Куколка. Не знаю... Разорвать на куски что-нибудь живое. Ах, я бы замирала в упоении.

Бродяга. Да что с тобой?

Личинка. Противный, противный, противный! *(Залезает обратно в нору.)*

Бродяга

Из головы не выходит... Неужто подобной ценою
только и можно кормиться?.. Что ж это, братцы, такое?!

Выходит Навозный жук.

Навозный жук. Пошли, старая, я нашел ямку. Где же ты? Где мой катышек? И где моя жена?

Бродяга. Ваша супруга? Этакая старая карга? Толстая, уродливая, болтливая?

Навозный жук. Это она! А где мой катышек?

Бродяга. Злющая, грязная растрепа?

Навозный жук. Она, она! У нее был мой катышек. Куда она дела мой драгоценный катышек?

Бродяга. Ваша половина пошла искать вас.

Навозный жук. А где мой катышек?

Бродяга. Большой вонючий шарик?

Навозный жук. Да, да, мое золото, мое состояние, мое все! Где этот прекрасный катышек? Я оставил при нем мою жену. Где же моя драгоценность?

Бродяга. Какой-то господин уволок ее. Сделал вид, будто это его собственность.

Навозный жук. Пусть делает с моей женой, что хочет, но где катышек?

Бродяга. Я вам говорю, его уволок какой-то господин. А вашей супруги в то время тут не было.

Навозный жук. Где же она была? Где она сейчас?

Бродяга. Она пошла за ним, думала, что это вы. Звала вас.

Навозный жук. Кто звал? Моя драгоценность? Мой катышек?

Бродяга. Нет, ваша жена.

Навозный жук. Да не в ней дело! А где же катышек?

Бродяга. Его уволок тот господин.

Навозный жук. Ка-ак уволок? Мой катышек? Всемогущий боже! Ловите же его, хватайте! Воры! Убийцы! *(Бросается наземь.)* Мое честно нажитое добро! Убили, зарезали! Лучше умереть, чем лишиться любимого моего катышка! *(Вскакивает.)* Помогите! Ловите! За-ре-за-ли! *(Убегает налево.)*

Бродяга

Смертоубийство! Грабеж! Рушатся своды вселенной!
Катыш навозный сперли! В трауре вой, сникай!..

Ха-ха-ха!.. Утешенье одно: этот катышек непременно станет поживой другого, тоже на-воз-ни-ка...

(Садится в стороне.)

Голос за сценой. Осторожно, женушка, тихонько, смотри не оступись. Вот мы и пришли, вот мы и пришли, вот она, наша квартирка, наш новый домик. Тихонько! Не ушиблась?

Женский голос. Нет, Сверчок. Какой ты смешной.

Мужской голос. Тебе нужно беречься, милочка. Ведь ты ждешь маленького...

Входят Сверчок и беременная Сверчиха.

Сверчок. Ну, теперь гляди во все глаза. Вот он... Нравится?

Сверчиха. Ах, Сверчок, я так устала.

Сверчок. Сядь, скорее сядь, душечка. Погоди, не торопись, потихоньку, вот так, отдохни, пойдем потихонечку. Вот так.

Сверчиха *(садится).* Экая даль! Да еще возня с переездом. Нет, Сверчок, не вовремя ты затеял это дело.

Сверчок. Хи-хи-хи, маменька, ку-ку! Мама! Мамулечка! Маменька!

Сверчиха. Да не дури ты, смотреть противно!

Сверчок. Хи-хи, я молчу, я только так. И я не говорю даже, что госпожа Сверчиха в интересном положении. Ничего подобного. Фу, как вы могли подумать!

Сверчиха *(слезливо).* Ты злой. Как можно шутить этим!

Сверчок. Ах, милочка, да ведь я от радости. Ты только подумай, у нас будут маленькие. Сколько будет писку, крику! Хи-хи-хи! Женушка, я просто с ума сойду от радости.

Сверчиха. Ты... Глупый ты, папка! Хи-хи!

Сверчок. Хи-хи-хи! А как тебе тут нравится?

Сверчиха. Очень красиво. Это наш новый дом?

Сверчок. Наше гнездышко, наш особнячок, наша лавочка, наша — хи-хи-хи — резиденция.

Сверчиха. А тут не сыро? Кто его строил?

Сверчок. Господи, да тут, матушка, жил другой сверчок.

Сверчиха. Да? Почему же он выехал?

Сверчок. Хи-хи-хи! Уж так выехал, никому не дай бог. Знаешь куда? Угадай, угадай, угадай-ка!

Сверчиха. Не знаю. О, боже, всегда ты меня мучаешь, прежде чем сказать. Да говори же. Скорей, Сверчок!

Сверчок. Так вот: вчера сорокопут насадил его на колючку. Честное слово, дорогуша. Проткнул его насквозь, ты только подумай. Торчит там и дрыгает ножками. Вот так, видишь? Хи-хи! Все еще жив. Ну, а я сразу смекнул: квартирка-то его, стало быть, пустая. Нам она сгодится. Вот это удача, а? Что скажешь, а?

Сверчиха. Ты говоришь, он еще жив? Какой ужас!

Сверчок. Представляешь, как нам повезло? Тру-ля-ля, тра-тра-тру-ля-ля, тра-ля-ля-тра. Погоди-ка, надо повесить тут мою вывеску. *(Вынимает из котомки табличку «Нотный магазин Сверчка».)* Где же ее повесить? Вот тут? Или правее? Или немножко левее?

Сверчиха. Чуточку повыше... Так, говоришь, он еще дрыгает ножками?

Сверчок *(прибивает табличку и одновременно изображает).* Ну да, я ж тебе сказал. Вот этак!

Сверчиха. Бр-р-р-р! А где он торчит?

Сверчок. Ты хочешь поглядеть?

Сверчиха. Хочу... Нет, не хочу. Это очень страшно?

Сверчок. Хи-хи-хи. Да уж конечно. Ну как, ровно висит?

Сверчиха. Ровно. Сверчок, мне как-то не по себе...

Сверчок *(подбегает к ней).* О, господи, уж... не начинается ли?

Сверчиха. А ну тебя, ой-ой, я так этого боюсь!

Сверчок. Есть чего бояться! Что ты, мамочка! Хи-хи-хи. Все женщины с этим справляются.

Сверчиха. Как ты можешь так говорить! *(Расплакалась).* Сверчок, ты всегда меня любить будешь?

Сверчок. Конечно, моя душечка. Ну, не плачь! Не надо, мамочка.

Сверчиха *(всхлипывая).* Покажи еще раз, как он дергает ножками.

Сверчок. Вот так.

Сверчиха. Хи-хи. Это, наверное, забавно.

Сверчок. Ну, ну, вот и высохли слезки. *(Подсаживается к ней.)* Увидишь, как мы здесь уютно устроимся. А как поднакопим денег, повесим тут...

Сверчиха. Занавесочки?

Сверчок. И занавесочки тоже. Хи-хи-хи. Ты у меня умница. Дай я тебя расцелую.

Сверчиха. А ну тебя, отстань, ничего ты не понимаешь!

Сверчок. А вот и понимаю! *(Вскакивает.)* Угадай, что я купил?

Сверчиха. Занавески!

Сверчок. Нет, кое-что поменьше. *(Роется в карманах.)* Куда же я дел?..

Сверчиха. Скорей покажи, покажи!

Сверчок *(вынимает из каждого кармана по детской погремушке и трясет их в обеих руках).* Цвирк, цвирк, цвирк!

Сверчиха. Какая прелесть! Дай-ка их сюда, Сверчок.

Сверчок
(гремит и напевает)

Народился маленький
сверчок, сверчок, сверчок.
Над кроваткой в спаленке —
чок, чок, чок, чок...

Это мама с папой
ночами, ночами, ночами...
Малыша баюкали, —
сверчали, сверчали, сверчали... хи-хи-хи!

Сверчиха. Дай сюда. Скорее! Ах, папочка, уж как я жду!

Сверчок. Так вот что, старушка...

Сверчиха *(трещит и напевает).* «Сверчок, сверчок, сверчок...»

Сверчок. А теперь мне надо пройтись, постучаться к одним, к другим...

Сверчиха *(трещит и напевает).* «Сверчали, сверчали, сверчали».

Сверчок. Представиться, завязать знакомства, оглядеться. Дай-ка мне одну погремушку, я буду трещать по дороге.

Сверчиха. А мне что пока делать? *(Слезливо.)* Ты оставляешь меня одну?

Сверчок. А ты тоже потряси погремушкой. Может быть, зайдет кто-нибудь из соседей. Поговоришь о том, о сем, спросишь, есть ли у них дети... или еще о чем-нибудь. А... а рожать погоди, ладно? Дождись меня.

Сверчиха. Ты бяка!

Сверчок. Хи-хи-хи! Всего, душенька! Будь осторожна. Я скоро вернусь, скоренько. *(Убегает.)*

Сверчиха *(трясет погремушкой, за сценой ей отвечает Сверчок).* «Народился маленький...» Ох, я боюсь!

Бродяга *(встает).* Нечего бояться. Все малое родится легко.

Сверчиха. Кто тут? Гм... жук. Ты не кусаешься?

Бродяга. Нет.

Сверчиха. Как поживают твои детки?

Бродяга

Нет у меня детишек... Я под периной супружества
птенчиков желторотых вывести не удосужился...
Мне не знакомы нежности, теплое чувство дома
или блаженная радость, когда не везет другому...

Сверчиха. Ах, у тебя нет детей? Жаль. *(Снова трясет погремушкой.)* Сверчок, Сверчок, Сверчок! Не отзывается! Почему же ты, жук, не женился?

Бродяга

Да, эгоизм, сознаюсь... Эгоизм в натуральном виде!
В своем одиночестве ищут такие, как я, услады...
Не надо столь прытко любить, столь ревностно ненавидеть
и зариться на чужое местечко под солнцем не надо!..

Сверчиха. Ох уж эти мужчины. *(Трещит.)* Сверчок, Сверчок, Сверчок!..

Куколка *(кричит).* Я — предвестник грядущего! Я... Я...

Бродяга *(идет к ней).* Да родись же!

Куколка. Я совершу нечто великое!

Жучиха *(вбегает).* Нет тут моего мужа? Где этот дурак? Где наш катышек?

Сверчиха. Это что же, сударыня, игрушка? Покажите!

Куколка. Никакая не игрушка. Это наше будущее, наше имущество, наше все. Мой муж куда-то запропастился вместе с катышком, балбес этакий!

Сверчиха. Ах боже, не сбежал ли он от вас?

Куколка. А ваш где?

Сверчиха. Пошел по делам. *(Трещит.)* Сверчок, Сверчок!

Куколка. Как это он оставил вас одну? Ведь вы, бедняжка, в положении.

Сверчиха. Угу!

Куколка. Такая молоденькая. А вы разве не делаете катышки?

Сверчиха. Для чего?

Куколка. Для семьи. Катышек — это будущее. Это вся жизнь.

Сверчиха. О нет, жизнь — это собственный домик, свое гнездышко, своя лавочка. И занавески. И детки. И — собственный муж... И домашнее хозяйство. Больше ничего и не нужно.

Куколка. Как, вы можете жить без катышка?

Сверчиха. А что с ним делать?

Куколка. Катали бы его всюду перед собой. Говорю вам, милочка, вы ничем так не привяжете мужа, как катышком.

Сверчиха. Ах нет, домиком!

Куколка. Катышком!

Сверчиха. Домиком!

Жучиха. Я бы охотно поболтала с вами еще... Вы такая милая...

Сверчиха. А как поживают ваши деточки?

Жучиха. Только бы отыскать мой катышек. *(Уходя.)* Катышек! Ка-а-ты-шек!

Сверчиха. Ну и неряха. А муж-то от нее сбежал! *(Трясет погремушкой.)* «Малыша баюкали, сверчали, сверчали...» Мне... мне как-то не по себе. *(Подметает и калитки.)* Хи-хи-хи, как этот наколотый дрыгает ножками...

Жук-наездник *(выбегает из-за кулис).* Ага! *(Длинными шагами беззвучно подкрадывается к Сверчихе, вытаскивает из-за пояса кинжал, вонзает ей в спину и тащит к себе в нору.)* С дороги!

Бродяга *(отшатываясь).* О... о! Убийство!

Жук-наездник *(уже у входа в нору).* Ау, моя доченька, поди-ка, погляди, что тебе принес папочка.

Бродяга. Убил одним ударом! А я... я тут стоял, как столб. Боже мой! Она даже не пикнула. И никто не закричал от ужаса, никто не кинулся на помощь!..

Паразит *(подходит сзади).* Браво, приятель. Вот и я того же мнения.

Бродяга. Погибла! Такая беззащитная!

Паразит. Вот именно. Я уж давно наблюдаю за всем этим. Но я бы так не поступил. О нет, я на это не способен! Каждому хочется жить, ведь верно?

Бродяга. А вы кто такой?

Паразит. Я-то? Да, собственно, никто. Так, неимущий сиротка. Зовут меня Паразит.

Бродяга. Слушайте, можно ли терпеть такие злодеяния?

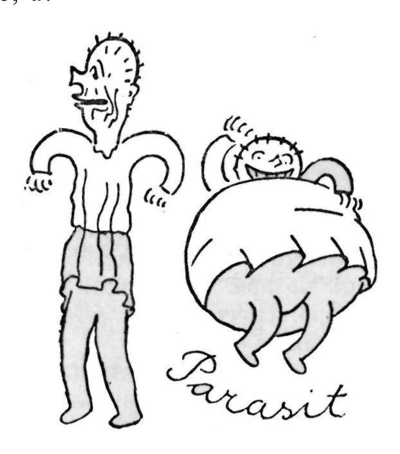
Паразит. Вот и я говорю. Вы думаете, Наезднику так уж это нужно? Думаете, он голодает, как я? Куда там. Просто запасается впрок. Скопидом! Безобразие, не правда ли? Где же справедливость! Почему он собирает запасы, а у других брюхо подвело? Потому что у него кинжал, а у меня только вот эти голые руки? Разве я неверно говорю?

Бродяга. Похоже, что так.

Паразит. Вот видите. Где же равенство? Вот, например, я. Я никого не убиваю... У меня для этого слишком слабые челюсти... я хочу сказать, слишком чувствительная совесть. У меня, стало быть, нет этих, как бишь их... проза... производство... средств... производства. У меня есть только голод. Разве это справедливо?

Бродяга. Нет, нет, убивать нельзя.

Паразит. Вот и я так говорю, приятель. Или, по крайней мере, нельзя создавать запасов. Нажрись, и точка. А копить — это значит грабить тех, кто копить не может. Нажраться досыта, и баста. Вот тогда бы хватало на всех. Верно, а?



Бродяга. Не знаю.

Паразит. Вот и я так говорю.

Жук-наездник *(вылезает из норы).* Кушай, деточка, кушай. Выбери себе по вкусу. Что, заботливый у тебя папочка?

Паразит. Почет и уваженьице, ваша милость.

Жук-наездник. Привет. Приветик. Съедобный? *(Обнюхивает его.)*

Паразит. Хе-хе. Шутить изволите, ваша милость. Какой там съедобный!

Жук-наездник. Тогда проваливай, гнусь! Шаромыжник! Чего тебе тут надо? Катись!

Паразит. Хе-хе, вот и я так говорю, ваша милость... *(Отступает.)*

Жук-наездник *(Бродяге).* Почтение. Видали, а?

Бродяга. Видел.

Жук-наездник. Здорово сработано, а? Ха-ха, так не всякий сумеет! Для этого нужно *(постукивает себя пальцем по лбу)* знание дела. Предприимчивость. И-ни-ци-а-ти-ва. И кругозор. И трудолюбие, уверяю вас.

Паразит *(приближаясь).* Вот и я так говорю.

Жук-наездник. Кто хочет жить, тому надобно пошевелиться. От этого зависит будущность. От этого зависит благополучие семьи. Да и честолюбие играет известную роль: сильная личность должна себя проявлять, не правда ли?

Паразит. И я так говорю, ваша милость.

Жук-наездник. Вот именно, вот именно. Честно делать свое дело, воспитывать новых жуков-наездников, целиком использовать свои врожденные способности — вот это я называю прожить жизнь с толком, а?

Паразит. Совершенно верно, ваше благородие.

Жук-наездник. Заткнись, гнуснец, не с тобой разговор.

Паразит. Вот и я так говорю, сударь.

Жук-наездник. Как отрадно сознавать, что выполняешь свое жизненное призвание! Трудишься, как тебе положено, живешь не зря. Это вдохновляет, а?.. Ну ладно, привет, мне пора. Почтеньице! *(На ходу.)* Пока, моя личиночка! До свидания *(Уходит.)*

Паразит. Ах, старый кровопийца! Поверите ли, я с трудом сдерживался, чтобы не вцепиться ему в глотку. Ведь и я бы трудился, кабы это имело смысл. Но с какой

стати трудиться, ежели у других больше жратвы, чем они могут съесть? У меня тоже есть инициатива, ха-ха, она у меня вот тут сидит. *(Хлопает себя по животу.)* Жрать хочется, понимаете, жрать? Эх, что за жизнь!

Бродяга. Все ради куска мяса?

Паразит. Вот и я так говорю. Все только ради куска мяса, а бедняку нечего жрать. Это же против законов природы, правда? Каждому хочется поесть.

Бродяга *(поднимает погремушку и гремит ею).* Эх, бедняжка, бедняжка, бедняжка!

Паразит. Вот и я говорю: каждому хочется жить.

За сценой отзывается погремушка Сверчка.

Сверчок *(вбегает, гремя погремушкой).* Я уже тут, женушка. Тук-тук-тук! Где же ты, душечка? Ну-ка, угадай, что отыскал твой муженек.

Жук-наездник *(появляется у него за спиной).* Ага!

Бродяга. Берегись, эй, берегись!

Паразит *(удерживает его.)* Стоп, гражданин, не мешайтесь не в свое дело. Чему быть, того не миновать.

Сверчок. Мамочка, где же ты?

Жук-наездник *(с размаху пронзает его кинжалом и несет в нору).* Доченька, личиночка, папочка опять принес тебе что-то вкусненькое. *(Спускается вниз.)*

Бродяга *(сжав кулаки).* Всевышний, и ты терпишь все это?

Паразит. Ну, прямо мои слова. Этот кровопийца зарезал уже третьего сверчка, а я ни одного. Можно ли спокойно глядеть на это?

Жук-наездник *(выбегает из норы).* Нет, нет, деточка, некогда. Папенька опять спешит на работу. А ты кушай, кушай, ам-ам! Молчи, я через часок вернусь. *(Убегает.)*

Паразит. Во мне прямо-таки все кипит. Ах, старый разбойник! *(Приближается к норе).* Какая несправедливость! Какое бесстыдство! Я... я ему покажу. Погоди только... Ушел? Но мой долг туда заглянуть. *(Лезет в нору.)*

Бродяга

Убийство! Убийство!.. Сердце к спокойствию не
приневолишь!..
Но это же насекомое! Мошки, букашки всего лишь!..

Игрушечная трагедия, арена которой — травы...
Козявочные борения, мизерно-паучьи нравы...
Вот она, жизнь насекомых! Люди живут по-иному...
К людям бы поскорей! Они не чета насекомым!..
Разве сравнишь их с этими бездуховными тварями?!
Человеку дано творить, а не просто жратву
переваривать!
Как-никак у него есть цель! Он мечтает слепить свой
катыш...
Это я о навознике!.. Тьфу! Вот втемяшилось в голову!
Надо ж!..
Катыш навозный — навознику, человеку нужны идеалы.
Жить, чтобы вся твоя жизнь прославлением Жизни
звучала!
Впрочем, для счастья людям нужно куда как мало!..
Домик, детишки, сознание, что-де со всеми хорош...
Жить немудреной жизнью, радоваться, что живешь
и созерцаешь, как лапками смертник-сосед сучит...
Фу ты!.. Опять попутали эти сверчки, рогачи!..
Ведь по людским-то понятьям даже гроша не стоит
благополучье тупое да прозябанье пустое?!
Люди мечтают о большем — пробуй, выдумывай, строй!
Тошно жевать в умиленье жвачку подножного счастья.
Жизнь — это битва! Для битвы нужен мужчина,
герой...
Твердой рукой рази и побеждай напасти!
Проигрыш — участь того, кто жалостливей и слабей.
Хочется жить? Властвуй! Хочется есть? Убей!
Это я о наездниках... Тсс!.. Надо всей землею,
слышите, лязгают челюсти?.. Хрупай и копошись!..
Чав-чав-чав над добычей, еще живою...
Для поддержания жизни в жертву приносят жизнь.

Куколка *(вздрагивает).* Я предчувствую нечто великое. Нечто великое!

Бродяга. А что значит — великое?

Куколка. Родиться и жить!

Бродяга. Куколка, куколка, мне надоело тебя слушать.

Паразит *(вываливается из норы, страшно раздутый, икает).* Ха-ха-ха! Ха-ха-ха. Ик, ха-ха-ха-ха-ха! Ик... ха-ха-ха, ик... Этот старый скряга... здорово обеспечил свою... ане... ик! — анемичную девчонку. Ик, ха-ха-ха-ха, ха-ха-

ха, ик. Мне даже дурно... ик, и я вот-вот лопну. *(Рыгает.)* Но это... ик! Ик! Проклятая икота! Однако ж я тоже не лыком шит: не всякий сумел бы так управиться. Столько сожрать, а?

Бродяга. А личинка?

Паразит. Ха-ха-ха, ик, я, ха-ха, ее, ик, я и ее сглотнул. Стол природы накрыт для всех. И-и... ик! и-и...ик!

Занавес

Действие третье

МУРАВЬИ

ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС

Бродяга
(сидит, задумавшись)

Ты повидал немало... Видел тварей,
сосущих, словно вши, большое тело Жизни,
прожорливых и норовящих вырвать
чужой кусок... Жить — это значит брать.
Ну, что ж, бери! Ты повидал немало...
(Пауза.)
И сам-то ты похож на насекомых!..
Ну, кто ты есть? Ничтожный таракан,
который кем-то брошенные крошки
в пыли выискивает... Как ты жалок!
Ты не способен даже послужить
поживой для другого...

Куколка
(кричит)

Место мне! Место! Время родиться!
Вызволю мир из темницы!
Как грандиозен мой замысел!

Бродяга

Горячечное самоутвержденье
ничтожной тли!.. Во что бы то ни стало
продлить свое ничтожество в потомстве!..
Нет, хватит! Прочь, проклятые кошмары!
Шагать бы снова по людским дорогам!..
Когда и на каких людских дорогах
бродягу поприветствуете вы,
таблички, что на языке людей
название деревни сообщают,
округи, края, государства?..

Ох, кругом голова!.. Постой! Сперва — деревня...
Потом — округа, родина, народ,
потом — все человечество... И это
гораздо больше наших «я»... Да только
букашечий спесивый эгоизм
себя пупом земли считает, мысля,
что нету в мире больше ничего:
ни деревень, ни родины, ни братства...

Куколка

О, как я стражду!
О, как я жажду
великих свершений!

Бродяга
(вскакивает)

Сообщество и братство! Вот она,
людская мудрость! Все мы — только зерна
в обилии земли, принадлежащей всем...
Есть нечто большее, чем ты, слепое «я»!
Зови народом это, государством, —
как хочешь! — только послужи Единству!
Вне целого ты — ноль. Нет в жизни выше цели,
чем жертвовать собою для других.
(Садится.)

Куколка

Близится час избавленья!
Мое появление возвещают...
великие признаки и великие изречения!

Бродяга

Величьем долга человек велик,
а цельность — это слитность с Целым.
«Жить по-людски» — синоним «Жизнь отдать»
за то, что больше, выше одиночки.
Суть не в названье, а в служенье!

Куколка

Вот у меня какие
могучие крылья! Смотрите!

Бродяга. Как же мне, однако, выйти к ближайшей деревне? Ой, кто-то меня укусил. Ах, это ты, муравьишка! А вот и другой... и третий. Батюшки, никак, я сел на муравейник? *(Встает.)* Что вы на меня лезете, дурные?! Ишь, бегут: один, два, три, четыре. И там тоже один, два, три...

Задний занавес поднимается, виден вход в муравейник — многоэтажное красное здание. У входа сидит Слепой муравей и непрерывно считает вслух. Муравьи с ранцами, бревнами и лопатами входят и разбегаются по этажам, двигаясь в ритме, который задает им Слепец.

Слепец *(безостановочно).* Один два три четыре, один два три четыре...

Бродяга. Что это тут делается? Зачем вы считаете, папаша?

Слепец. Один два три четыре...

Бродяга. Что тут такое? Похоже на склад или фабрику. Что здесь делают?

Слепец. Один два три четыре...

Бродяга. Господи, что же это за фабрика? И зачем он считает, этот слепой? Ага, задает темп, понимаю. Он считает, а они двигаются в такт счету. Один два три четыре. Как машины. Фу, даже голова идет кругом.

Слепец. Один два три четыре...

Первый инженер *(выбегает на сцену).* Быстрее, быстрее! Один два три четыре!

Слепец *(ускоряет темп).* Один два три четыре, один два три четыре.

Все начинают двигаться быстрее.

Бродяга. Да что же это такое? Скажите, господин, для чего эта фабрика?

Первый инженер. Кто здесь?

Бродяга. Я.

Первый инженер. Из какого муравейника?

Бродяга. Из людского.

Первый инженер. Вы в Муравении. Что вам тут нужно?

Бродяга. Да гляжу вот.

Первый инженер. Работу ищете?

Бродяга. И работа нужна.

Второй инженер *(вбегает).* Открытие, открытие!

Первый инженер. Какое?

В т о р о й и н ж е н е р. Новое ускорение темпа. Надо считать не «один два три четыре», а «раз два три четыре». Раз два три четыре. Это короче. Эк-ко-номия времени. Р-раз два три четыре... Эй, с-слепой!

С л е п е ц. Один два три четыре...

В т о р о й и н ж е н е р. Плохо! Раз два три четыре!

С л е п е ц. Раз два три четыре. Раз два три четыре.

Все двигаются еще быстрее.

Б р о д я г а. Не так быстро! У меня уже рябит в глазах.

В т о р о й и н ж е н е р. Кто это?

Б р о д я г а. Чужеземец.

В т о р о й и н ж е н е р. Откуда?

П е р в ы й и н ж е н е р. Из людского муравейника. А где он находится?

Б р о д я г а. Кто он?

П е р в ы й и н ж е н е р. Где человеческий муравейник?

Бродяга. А, вот оно что. Он там. И там тоже. Всюду.

В т о р о й и н ж е н е р *(с лающим смехом).* Ха-ха, всюду. Вот кретин!

П е р в ы й и н ж е н е р. А многочисленны люди?

Б р о д я г а. Очень. Их называют хозяевами земли.

В т о р о й и н ж е н е р. Ха-ха! Хозяева з-земли!

П е р в ы й и н ж е н е р. Хозяева земли — это мы.

В т о р о й и н ж е н е р. Наша Муравения.

П е р в ы й и н ж е н е р. Величайшее государство муравьев!

В т о р о й и н ж е н е р. Великая держава.

П е р в ы й и н ж е н е р. Величайшая демократия!

Б р о д я г а. Это как же понимать?

П е р в ы й и н ж е н е р. Все должны повиноваться.

В т о р о й и н ж е н е р. И работать. Все — для него.

П е р в ы й и н ж е н е р. Только его воля — закон.

Б р о д я г а. Кто же это?

П е р в ы й и н ж е н е р. Общество. Государство. Нация.

Б р о д я г а. Видали, прямо как у нас. У нас, к примеру, есть депутаты. Депутаты — это демократия. У вас они тоже есть?

П е р в ы й и н ж е н е р. Нет. У нас есть целое.

Б р о д я г а. А кто выражает его волю?

В т о р о й и н ж е н е р *(первому).* Совершенный невежда. Ха-ха!

Первый инженер. Тот, кто приказывает. От лица нации можно только приказывать.

Второй инженер. Нация олицетворена в законах, вне их она не существует.

Бродяга. А кто правит вами?

Первый инженер. Разум.

Второй инженер. Закон.

Первый инженер. Интересы государства.

Второй инженер. Вот именно!

Бродяга. Это мне нравится. Так сказать, целое превыше всего!

Первый инженер. Все для его величия.

Второй инженер. И на погибель его врагам.

Бродяга. А кто же враги?

Первый инженер. Все!

Второй инженер. М-м-мы окружены врагами!

Первый инженер. Мы разгромили Черных муравьев.

Второй инженер. И истребили Рыжих.

Первый инженер. И покорили Серых. Остаются только Желтые. Надо истребить Желтых.

Второй инженер. Надо истребить всех.

Бродяга. Зачем?

Первый инженер. В интересах нации.

Второй инженер. У н...н-нации высшие интересы!

Первый инженер. Расовые...

Второй инженер. П-п-промышленные...

Первый инженер. Колониальные...

Второй инженер. М-международные...

Первый инженер. Общественные!

Второй инженер. Да, да, это так!

Первый инженер. У нации множество интересов!

Второй инженер. Ни у кого не может быть столько!

Первый инженер. Интересы поддерживают целостность нации.

Второй инженер. А войны укрепляют ее!

Бродяга. Ах, вот оно что, стало быть, вы — воинственные муравьи?

Второй инженер. П-хе, он ничего не знает о нас!

Первый инженер. Муравения — самое миролюбивое государство на свете.

Второй инженер. Мирная нация.

Первый инженер. Государство труда.

Второй инженер. Мы только хотим м-мирового господства...

Первый инженер. ...исключительно в интересах всеобщего мира...

Второй инженер. И с-своего мирного труда...

Первый инженер. В интересах прогресса...

Второй инженер. В интересах наших интересов! Когда мы покорим весь м-мир...

Первый инженер. Мы начнем покорять время! Мы хотим властвовать над временем.

Бродяга. Над чем?

Первый инженер. Над временем! Время больше пространства.

Второй инженер. У времени еще н-нет в-властелина!

Первый инженер. Властелин времени будет властелином всего.

Бродяга. Не так быстро, ради бога, не так быстро, дайте мне сообразить. Властвовать над временем? Стать господами времени? Только вечность — властелин времени.

Первый инженер. Быстрота — властелин времени!

Второй инженер. Покорение времени!

Первый инженер. Кто определяет скорость, владеет временем.

Второй инженер. Р-раз два три четыре! Р-раз два три четыре!

Слепец *(еще быстрее).* Раз два три четыре. Раз два...

Муравьи двигаются быстрее.

Первый инженер. Надо повысить темп.

Второй инженер. Темп производства.

Первый инженер. Темп жизни.

Второй инженер. Ус-с-корить все движения...

Первый инженер. Сократить...

Второй инженер. Рассчитать...

Первый инженер. С точностью до секунды!

Второй инженер. До с-сотой доли секунды!

Первый инженер. Беречь время!

Второй инженер. Чтобы увеличить производство!

Первый инженер. До сих пор у нас работали слишком медленно. Неповоротливо. Муравьи гибли от усталости...

Второй инженер. А эт-то нерасчетливо.

Первый инженер. И негуманно. Теперь они умирают только от быстроты.

Бродяга. А зачем так спешить?

Первый инженер. В интересах нации.

Второй инженер. Проблема производства — проблема силы.

Первый инженер. Сейчас мир. А мир — это состязание.

Второй инженер. Мы ведем мирную битву.

Слепец. Раз два три четыре...

К обоим инженерам подходит Муравей-чиновник и что-то докладывает.

Бродяга

Раз два три четыре!.. Скорее! Еще скорей!
Неторопливое время плеткой спешки огрей!
Знай погоняй, нахлестывай! Скорость — это прогресс!
Миру угодно мчаться к цели во весь опор!
Пусть на погибель, но — вихрем! Ну же, слепец,
считай! Раз...

Слепец

два три четыре...

Первый инженер. Быстрей, быстрей!

Один муравей *(падает под тяжестью).* Ох!

Второй инженер. Это что так-кое? Вс-с-стать!

Другой муравей *(наклоняется к первому).* Мертв.

Первый инженер. Первый и второй муравьи! Унести! Быстро!

Два муравья поднимают мертвого.

Второй инженер. Какая чес-сть! Пал на поле битвы за скорость.

Первый инженер. Как вы его поднимаете! Копаетесь! Тратите лишнее время. Отставить!

Муравьи бросают труп.

Надо брать сразу за ноги и за голову. Раз два три! Плохо, отставить!

Муравьи бросают труп.

За голову и за ноги, р-раз два три четыре... Унести, шагом марш! Раз два, раз два! Раз...

Второй инженер. ...два три четыре! Быстрее!

Бродяга. Хорошо хоть, что умер.

Первый инженер. За работу, за работу! Кто больше имеет, тот должен больше трудиться.

Второй инженер. У него возрастают потребности...

Первый инженер. Ему приходится большее защищать...

Второй инженер. И большее завоевывать!

Первый инженер. Мы мирная нация. А мир — это труд!

Второй инженер. А труд дает с-силу...

Первый инженер. А сила ведет к войне!

Второй инженер. Так, так!

Голоса. Берегитесь, дорогу ему, дорогу!

Появляется Изобретатель, он идет как бы ощупью.

Первый инженер. Хэлло, наш изобретатель.

Изобретатель. Осторожно, осторожно, не натолкнитесь на мою голову, она хрупкая, она из стекла. Она больше меня самого. Посторонитесь! Иначе моя голова разобьется. Бах! Берегитесь, я несу голову. Не толкните меня. С дороги!

Второй инженер. Хэлло, как дела?

Изобретатель. Болит голова, прямо разламывается. Стукается о стены. Дзинь! Нет, нет, мне никак не охватить ее даже обеими руками. Нет, нет, нет сил нести! Берегитесь! Слышите? Уф, уф, уф!

Первый инженер. Что это?

Изобретатель. Машина. Новая машина у меня в мозгу! Слышите, как она работает? Она разнесет мне

голову. Ох... Ох... Ох-ох-ох... Ох... какая громадная машина! С дороги! С дороги! Я несу машину!

Первый инженер. Какую машину?

Изобретатель. Военную. Еще небывалая, стремительнейшая, эффективнейшая машина истребления всего живого. Венец прогресса! Высшее достижение науки! Уф, уф, уф, слышите ее ход? Десять тысяч, сто тысяч трупов! Уф, уф, она работает без остановки. Двести тысяч мертвых! Уф! Уф! Уф! Уф!

Первый инженер. Гений, а?

Изобретатель. О-хо-хо, какая боль! Голова лопается. С дороги, с дороги! Осторожно, не столкнитесь со мной. Уф, уф, уф. *(Уходит.)*

Первый инженер. Выдающийся ум. Великий ученый.

Второй инженер. Н-ничто так не с-служит г-государству, к-как наука.

Первый инженер. Наука — великая сила. Быть войне.

Бродяга. Почему?

Первый инженер. Потому что у нас скоро будет новая военная машина.

Второй инженер. П-потому, что ч-часть м-мира еще не завоевана...

Первый инженер. Часть мира от сосны до березы...

Второй инженер. И дорога между двумя с-стеблями травы...

Первый инженер. Единственный путь на юг.

Второй инженер. Это вопрос прес-стижа...

Первый инженер. И торговли...

Второй инженер. Это наша величайшая национальная идея!

Первый инженер. Или мы — или Желтые!

Второй инженер. Никогда еще не было более п-праведной и необходимой войны...

Первый инженер. ...чем та, которую мы вынуждены будем начать.

Второй инженер. М-мы готовы!

Первый инженер. Нужен только повод!..

Слепец. Раз два три четыре...

Гонг.

Первый инженер. В чем дело?

Голоса. Гонец, гонец!

Гонец вбегает.

Гонец. Разрешите доложить. Дозорный Южной армии.

Первый инженер. Докладывайте.

Гонец. Согласно приказу мы перешли границу Желтых.

Первый инженер. Дальше!

Гонец. Желтые захватили меня в плен и привели к своему командующему.

Первый инженер. Дальше.

Гонец. Вот письмо от него.

Первый инженер. Подай сюда. *(Берет письмо, читает.)* «Правительство Желтых муравьев предлагает Муравении в трехминутный срок вывести свои войска с территории между сосной и березой на дороге между двух стеблей травы...»

Второй инженер. С-слушайте, с-слушайте!

Первый инженер. «Наши священные права на эту территорию исторически неоспоримы. Она нам жизненно необходима для обеспечения наших экономических и стратегических интересов...»

Второй инженер. Оскорбление Муравении. Мы не п-потерпим!

Первый инженер. «Одновременно мы отдаем нашим войскам приказ о наступлении». *(Отбрасывает бумагу.)* Война, наконец-то война!

Второй инженер. Наконец-то война... навязанная нам!

Первый инженер. К оружию!

Новый гонец *(вбегает).* Желтые перешли нашу границу!

Первый инженер *(бежит в муравейник).* К оружию, к оружию!

Второй инженер *(бежит в другой коридор).* Мобилизация! К оружию!

Оба гонца *(в других коридорах).* К оружию! К оружию!

Вой сирен. Со всех сторон сбегаются муравьи.

Слепец. Раз два три четыре! Раз два три четыре!

Шум в муравейнике усиливается.

Бродяга

К оружию! К оружию!.. Дорога в траве под угрозой!
Нависла опасность над щелкой между двумя стеблями,
над пядью земли меж былинками! На карту поставлено ваше
священное право и высшие — о да! — интересы отчизны!
Конфликт в мировом масштабе! К оружию, муравьи!
Ведь жизнь невозможна, если мир меж двумя сорняками
станет добычей пришельцев, если в чужой муравейник
будут таскать супостаты наши травинки, песчинки!..
Тысячи тысяч жизней — мало за две былинки!
Я воевал и знаю: война — ремесло для букашек.
Ройте ж окопы, траншеи! В землю вонзайтесь, вгрызайтесь!
Пусть атакует швармлиния! [1] Лауфшрит [2] через груды трупов!
Тыщи на поле брани пали за то, чтобы штурмом
минное поле сортира преодолеть и отбить...
Смело вперед! К оружию!
Дело идет о нации, и еще о заветах предков,
И еще о свободе отчизны, о мировом господстве,
о травинках! О целых двух!..
Крови и жертв достойно это великое дело!
Ну же! К оружию! Ура!

Куколка

Шар земной содрогается!
Нечто великое совершается —
я рождаюсь на свет!

Под грохот барабанов проходят шеренги муравьев в стальных касках, с винтовками и пулеметами и становятся в строй. Появляется Первый инженер в регалиях главнокомандующего, его штаб, Второй инженер в роли начальника генштаба, офицеры свиты.

Бродяга

(проходя вдоль строя).

Ай да выучка! Смирно! Vergatterung! [3]
Воины, родина шлет вас на битву,
дабы вы пали... И две травинки
смотрят с надеждой на вас!

---

[1] Цепь солдат (от *нем.* Schwarmlinie).
[2] Бегом! (от *нем.* Laufschritt)
[3] Здесь: слушай приказ! (от *нем.* Vergatterung)

Первый инженер *(с возвышения).* Солдаты! Мы вынуждены призвать вас под знамена нации. Коварный враг предательски напал на нас, чтобы сорвать наши мирные приготовления. В этот грозный час я объявляю себя диктатором.

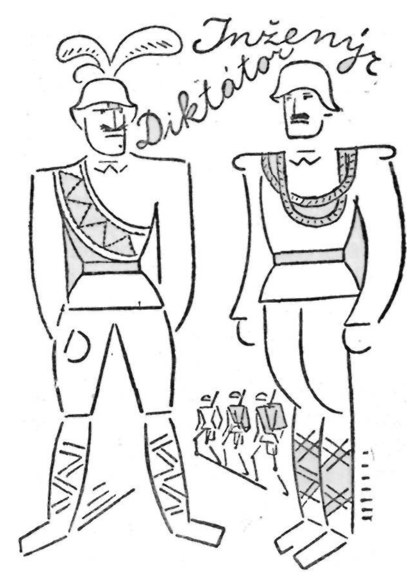
Второй инженер. С-слава диктатору! Ребята, кричите славу, не то...

Солдаты. Слава диктатору!

Первый инженер-диктатор *(берет под козырек).* Благодарю. Вы поняли требование времени. Солдаты, мы с оружием в руках отстаиваем свободу и право...

Второй инженер — начальник генштаба. И в-величие нашей д-державы...

Диктатор. И величие державы. Будем же биться за цивилизацию и воинскую честь. Я с вами, солдаты, до последней капли крови!



Начальник генштаба. Да здравствует наш обожаемый полководец!

Солдаты. Слава!

Диктатор *(берет под козырек).* Я знаю моих солдат. Мы будем сражаться до окончательной победы. Да здравствует наш бравый воинский материал. Ура!

С о л д а т ы. Ура-а! Ура-а!

Д и к т а т о р *(начальнику генштаба).* Первая и вторая дивизии атакуют позиции неприятеля. Четвертая дивизия обходным маневром, мимо сосны, вторгается в муравейник Желтых. Истребить самок и личинки. Никого не щадить!.. Третья дивизия в резерве.

Н а ч а л ь н и к г е н ш т а б а *(берет под козырек).* Есть!

Д и к т а т о р. Помоги нам, боже. Солдаты, напра-во, марш!

Грохот барабанов.

Н а ч а л ь н и к г е н ш т а б а. Направо кругом, марш! Раз два, р-раз два, ррраз два! *(Во главе муравьев уходит направо.)*

Д и к т а т о р. Рраз два, нам навязали войну! Раз два, раз два, за правое дело! Не щадить никого! За родные очаги! Раз два! Раз два! Мы только защищаемся! Война за мировое господство! За расширение наших пределов. Раз два! Исконние враги! Воля нации! В бой, руби, коли! Наши требования освящены историей! Мои солдаты рвутся в бой! Раз два! Раз два!

Все новые шеренги проходят под грохот барабанов.

Здорово, ребята! Позже я присоединюсь к вам. Слава пятому полку, победителю под шишкой! Великая эпоха! Вперед, к победе! Завоюем мир! Небывалый подъем духа! Раз два! Раз два! Седьмой полк, ура! Сражайтесь доблестно, мои солдаты. Желтые — трусы! Рубите их и колите, герои!

Г о н е ц *(вбегает).* Желтые ворвались в лощину между валуном и корнем сосны.

Д и к т а т о р. Все идет по плану. Быстрей быстрей солдаты! Раз два! Войну нам навязали за честь и славу отечество зовет никого не щадить идеалы справедливости будьте стойки солдаты победа за нами исторический момент марш марш марш!

Вдалеке канонада.

Битва началась. Призвать еще один возраст. *(Смотрит в полевой бинокль.)*

С л е п е ц. Раз два три четыре. Раз два...

Канонада усиливается.

К у к о л к а
(кричит)

Лопаясь, шар земной
мой приход-возвещает...
Слышите? Чрево земли в муках меня
рождает!

Д и к т а т о р. Призвать второй возраст! Третий возраст! К оружию, к оружию! *(Генерал-квартирмейстеру.)* Опубликуйте коммюнике.

К в а р т и р м е й с т е р *(выкрикивает).* «При благоприятной погоде началось долгожданное генеральное сражение. Наш героический материал сражается с исключительным подъемом».

Под грохот барабанов из муравейника выходят новые шеренги.

Д и к т а т о р. Левое плечо вперед! Марш! Раз два. Раз два! Шире шаг, ребята!

Г о н е ц *(вбегает).* Наш правый фланг отступает. Пятый полк полностью уничтожен.

Д и к т а т о р. Все идет по плану! Шестой — занять его место!

Гонец убегает.

Б р о д я г а

По плану! Ха-ха... Все в порядке, когда в генеральном
штабе
смерть состоит в генералах и выслуживается вовсю!
Слушаюсь! Будет исполнено! Пятый полк — подчистую!
Строго по плану. Так точно! Здравжелам! Zu Befehl! [1]
Все это мне знакомо, видено-перевидено...
Видел поля бескрайние, сплошь в мертвецах поля...
Вмерзшие в снег обрубки, кровь, и лохмотья, и клочья...
Видел штабную масштабность. Смерть с хохолком плюмажа, грудь в орденах, лампасы...
Смерть проверяла со свитой, так ли солдаты упали, —
сверка по карте убийств!

Пробегают с а н и т а р ы с носилками.

Р а н е н ы й *(кричит). Пятый* полк... наш полк... все убиты! Прекратите же!

Стучит телеграфный аппарат, о ф и ц е р у аппарата читает депешу.

---

[1] Слушаюсь! (*нем.*)

Офицер. «Пятый полк уничтожен. Ждем приказаний».

Диктатор. Шестой на его место. *(Квартирмейстеру.)* Опубликуйте коммюнике.

Квартирмейстер *(громко).* «Боевые операции наших войск разворачиваются успешно. Особенно отличился пятый полк, геройски отразивший все неприятельские атаки, после чего он был заменен шестым».

Диктатор. Отлично сформулировано. Награждаю вас большим крестом ордена «Виртути».

Квартирмейстер. Благодарю. Выполню свой долг.

Хромой журналист *(подходит с блокнотом).* Я из редакции, разрешите вопрос. М-мо-мо-мо-можно уже объявить о по-по-по-победе?

Диктатор. Да. Наши операции проходят успешно благодаря заблаговременно подготовленному стратегическому плану. В войсках невиданный подъем. Безудержное наступление. Противник деморализован.

Хромой журналист. Оп-оп-оп-оп-оп... Оп... Оп-оп, оп... Оп-оп...

Диктатор. Что такое?

Журналист. Опубликуем все слово в слово!

Диктатор. Хорошо. Рассчитываю на содействие прессы. Не забудьте о невиданном подъеме.

Журналист. Пресса вы-вы-вы... в-в-в-выполнит свой до-до-до... долг. *(Поспешно уходит.)*

Сборщик пожертвований *(с кружкой).* В пользу раненых! В помощь раненым! Все для раненых! Жертвуйте на раненых! Помощь инвалидам. Все для инвалидов. Помогите раненым!

Диктатор *(офицеру).* Вторая дивизия — в атаку. Во что бы то ни стало прорвать линию противника. Любой ценой!

Сборщик. Жертвуйте на наших героев. Помогите нашим братьям. В пользу раненых!

Бродяга. Все для раненых. Война тоже для раненых! Все — во имя их ран!

Сборщик. В пользу раненых! Жертвуйте на раненых!

Бродяга *(отрывает у себя пуговицу, опускает ее в кружку сборщика).* Все для раненых. Отдадим для войны последнюю пуговицу!

Раненый *(на носилках, стонет).* Ой, ой, ой! Добейте меня! Ой, ой, ой!

Сборщик *(удаляется).* Поможем раненым!..

Стучит телеграф.

Телеграфист. Правый фланг Желтых отступает...

Диктатор. Преследовать их! Добивать! Пленных не брать!

Квартирмейстер *(громко).* Противник обратился в беспорядочное бегство! Наши войска, пренебрегая страхом смерти, преследуют его по всему фронту.

Диктатор. Призвать четвертый возраст!

Квартирмейстер бежит в муравейник.

Телеграфист. Шестой полк уничтожен до последнего человека.

Диктатор. Все предусмотрено. Девятый на его место. Призвать запасных четвертой очереди!

Маршируют новые шеренги.

Бегом марш!

Муравьи бегут на поле боя.

Телеграфист. Четвертая дивизия обогнула сосну и с тыла вторглась в муравейник Желтых. Гарнизон уничтожен.

Диктатор. Сровнять с землей. Истребить самок и личинки!

Телеграфист. Неприятельский фронт па центральном участке поколеблен. Противник оставил подножье хвоща.

Диктатор. Мы победим. *(Опускается на колени, снимает каску.)* Великий бог муравьев, ты послал победу правым. Произвожу тебя в полковники! *(Вскакивает).* Третья дивизия, на врага! Все резервы — в бой! Никого не щадить. Пленных не брать. Вперед! *(Опускается на колени).* Праведный боже силы, ты знаешь, что наше святое дело... *(Вскакивает.)* На врага, вперед! Вперед! В атаку! Гоните их, истребляйте всех поголовно! Господство над миром — наше! *(Становится на колени.)* О бог муравьев, в этот великий час... *(Тихо молится.)*

Бродяга *(наклонившись над ним, тихо).* Господство над миром? Жалкий муравей, ты называешь миром этот кусок земли и клочок травы, дальше которого ты не ви-

дишь? Вот эту жалкую, грязную пядь земли? Растоптать бы весь твой муравейник вместе с тобой, даже листва на дереве не шелохнулась бы, ты, маньяк!

Диктатор. Кто это?

Бродяга. Сейчас я только голос. Вчера я, быть может был солдатом в другом муравейнике... Что ты ощущаешь, завоеватель мира? Хватает тебе величия? Не кажется ли тебе слишком маленькой эта грудка трупов, на которой зиждется твоя слава, презренный?

Диктатор *(встает).* Все равно я объявляю себя императором.

Стучит телеграф.

Телеграфист. Вторая дивизия просит подкрепления. Солдаты изнурены боем.

Диктатор. Что-о? Приказываю держаться. Примите крутые меры.

Телеграфист. Третья дивизия в панике.

Муравей-солдат *(бежит через сцену).* Драпаем!

Диктатор. Пятую очередь! Тотальная мобилизация!

Крики *(за сценой).* Остановитесь!.. Нет, нет!.. Назад!!

Пронзительный возглас. Спасайся кто может!

Диктатор. Пятая очередь! Инвалидов на фронт. Всех на фронт!

Солдат *(вбегает слева).* Нас бьют! Бежим!

Два солдата *(вбегают справа).* Нас окружают, бежим!

Солдат *(слева).* На запад, бегите на запад!

Солдат *(справа).* Нас обошли с запада, бегите на восток!

Диктатор *(орет).* Назад! По местам. В бой!

Толпа *(панически бежит справа).* С дороги! Нас поливают из огнеметов.

Толпа *(врывается слева).* На запад! Спасайтесь! Прочь с дороги!

Толпа *(справа).* Бегите, нас преследуют! На восток!

Толпа *(слева).* На запад! С дороги! Противник уже здесь!

Обе толпы сталкиваются. Паническая свалка.

Диктатор *(бросается в толпу и бьет кого ни попадя).* Назад! Трусы, скоты, я ваш император!

Один из солдат. Заткнись! *(Закалывает его штыком.)* Драпаем!

Начальник генштаба *(вбегает, раненный, взбирается на возвышение).* Город в руках противника. Погасить огни!

Желтые муравьи *(врываются со всех сторон).* Ур-ра! Ур-ра! Муравения наша!

Свет тухнет. Тьма, шум, возня.

Голос начальника генштаба. В бой... О-о-ох!..

Голос военачальника Желтых. Вперед, в коридоры! Преследовать противника. Не щадить никого! Убивать всех мужчин!

Вопли убиваемых мужчин: «А-а-а-а-а!»

Слепец. Раз два! Раз два! Раз два!

Военачальник Желтых. Истребить самок и личинки.

Вопли женщин: «И-и-и-и-и-и-и-и-и!»

В погоню! Не щадить никого!

Шум удаляется.

Слепец. Раз два! Раз два! Раз... а-аах!

Военачальник Желтых. Дайте свет!

Зажигается свет. Авансцена пуста. Желтые проникают в верхнее этажи и сбрасывают врагов вниз. Всюду горы трупов.

Молодцы, Желтые. Убивай всех!

Бродяга *(блуждая среди трупов).* Генерал, хватит уж, а?

Военачальник Желтых. Мы, Желтые, победили! Во славу справедливости и прогресса. Дорога между двумя стеблями наша! Желтые — властелины мира! Провозглашаю себя владыкой вселенной!

Куколка *(вздрагивая).* Я... я... я...

Военачальник Желтых *(опускается на колени и снимает каску).* Всемилостивый боже, ты знаешь, что мы сражаемся за справедливость! Наша история, наша национальная гордость, наши торговые интересы...

Бродяга *(шагнув к нему, пинает ногой, давит и растирает подошвой).* Ах ты, насекомое! Тупое насекомое!

Занавес

Эпилог

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Лесная чаща. Беспросветная ночь. На авансцене спит Бродяга.

Бродяга *(сквозь сон).* Довольно, генерал!.. *(Просыпается.)* Ах, вот оно что, я спал... Где же я? Ну и темень! Ни-че-го не видать, даже собственной руки. Куколка, куколка! *(Встает.)* Отчего такая тьма? В двух шагах ничего не видно... Чей это голос? Кто здесь? *(Кричит.)* Кто здесь? Нет, это только я сам. Но почему же я ничего не вижу? *(Шарит руками.)* Ничего, ничего... ровно ничего! *(Кричит.)* Есть тут что? Существует вообще что-нибудь? Пропасть, вокруг бездонная пропасть. В какую сторону я свалюсь? Хоть бы за что-нибудь ухватиться! Не за что, не за что! О, господи, мне страшно! Куда делось небо? Хоть бы оно осталось! Или блуждающий огонек, или вспышка спички! Хоть бы какой-нибудь... выход! Где же я? *(Опускается на колени.)* Мне страшно! Света, чуточку света!

Голос в темноте. Да ведь светло. Света достаточно.

Бродяга *(ползет по земле).* Хоть бы один огонек! Единственный луч света!

Другой голос. Есть хочу! Пить хочу!

Третий голос. Зову тебя, приди! Ищу тебя, приди!

Голосок. Пить, пить, пить!

Бродяга. О, господи, хоть бы проблеск света! Что это, где я?

Голос Навозного жука *(издалека).* Мой катышек! Где мой катышек?!

Бродяга. Света!

Голос. Пить хочу, есть хочу!

Замирающий голос. Добейте меня! Добейте!

Другой голос. Будь моей!

Третий голос. Аг-га, аг-га, попался!

Бродяга. Света! Что это? Ах, камни!

Голос. Пить хочется, пить!

Другой голос. Сжальтесь!

Бродяга. Хоть бы искорку высечь! *(Ударяет камнем о камень.)* Одну-единственную искру. Последнюю!

От камней сыплются искры. Чаща леса озаряется призрачным сиянием.

(Встает.) Свет!

Голоса *(пропадающие).* Спасайтесь, свет! Бегите!

Бродяга. А-ах! До чего красиво!

Голоса *(за сценой; приближаются).* Свет, свет!

Куколка. Кто меня звал?

Бродяга. Слава богу, свет!

Свет становится ярче. Тихая музыка.

Куколка

На колени! Все на колени!
Я... я... я сподобилась высшего благоволения,
я рождаюсь на свет!

Голоса *(приближаясь).* Глядите-ка, свет!

Куколка

Из заточения
в муках рождения!
Вот уже чуть привстала я...
Сбудется небывалое!
Мне — быть!

На ярко освещенную сцену вылетает хоровод однодневок и кружится.

Бродяга. Откуда вы, прозрачные букашки?

Первая однодневка *(кружась, выступает из хоровода).* О-о-о!

(Останавливается.)

Засверкала лучом во мраке
великая, вечная
жизнь однодневок!
Танцуйте же, сестры! О! О! О!
(Кружится.)

Хор однодневок

Живи — пляши!
Живи — кружись!
Мы — сама жизнь!
Жизнь! Жизнь!

Первая однодневка

Из мелодичных лучей сотканы наши крылья.
Между созвездий раскинув пряжу свою световую,
ткал их божественный ткач.
Светорожденные, мы пляшем в просторах Вселенной...
Мы — душа бытия... отражение бога...

(Падает мертвая.)

Вторая однодневка

Бог в нас видит свое воплощение
О! О! О! Жизнь, ты вечна! Не гаснет жизнь!

Бродяга *(шатаясь, подходит к ней).* Ка-ак? Как это так: вечна?

Вторая однодневка

Жить, наслаждаться, кружить! Нам подобает роенье,
творческий взлет и крылья — знак планетарных бездн!
Мы пребываем в тайном заговоре с мирозданьем,
нам предназначено свыше вечно кружиться, порхать!
Веет от наших крыльев сладкой гармонией высей...
Боже, какое блаженство! О, сколь высокий удел
быть однодневкою в жизни! Жить — это значит
кружиться!
О-о-о!

(Кружится.)

Хор однодневок

Жизнь, ты вечна! Не гаснет жизнь!

Бродяга

Боже, какое блаженство! О, сколь высокий удел!..

Хор однодневок

Сестры, кружитесь, роитесь!

Вторая однодневка

Больше жизни! Что мы такое,
мы, из тончайших волокон сотканные,
как не пресветлый дух и душа творенья?!
Мы прозрачны, бесплотны, нетленны...
Мы — жизнь! Мы из горнила господня
брызнули искрами гимна!

(Падает мертвой.)

Бродяга. Глядите-ка, она мертва!

Третья однодневка *(выступает и кружится).* О-о-о!

(Останавливается.)

С нами кружится, ликует, безумствует все естество,
дифирамбы слагая и почести воздавая
дару, который превыше и слаще всего —
дару жизни, существованья!
Упиваться, радоваться неутомимо!
Благословенно роенье жизни!
Огненный танец, вечная пантомима,
не отвергай нас!..

(Падает мертвой.)

Бродяга *(поднимает руки и кружится).* О-о-о!

Хор однодневок

...Благословенна жизнь! Благословенна жизнь!

Бродяга. Ты нас околдовала, жизнь! И даже я, усталый, старый жук, кружусь, крича: «О жизнь!»

Хор однодневок

Благословенна жизнь! Благословенна жизнь!

Бродяга. Будь с нами, жизнь, со всеми нами! Смотри, каждому хочется жить. Каждый защищается, каждый борется сам за себя. А если бы попробовать всем сообща! Если бы ты сама повела нас против гибели, против смерти.

Хор однодневок

Хвала тебе и будь благословенна!

Одна за другой падают мертвыми.

Бродяга. Мы все пошли бы за тобой! Все мушки и все люди, все идеи и творения, водяные жуки и муравьи, даже трава — все присоединилось бы к тебе! Но прежде надо объединиться нам всем, всему живому, стать одним воинством. И ты поведешь нас, всемогущая жизнь!

Хор однодневок

Будь, жизнь, благословенна!

Куколка *(пронзительно вскрикивает).* Место мне! *(Разрывает кокон и предстает в виде однодневки.)* Вот я!

Бродяга *(пошатываясь, подходит к ней).* Ты, Куколка? Ты? Покажись. Наконец-то ты родилась!

Куколка-однодневка *(выбегает на авансцену и кружится).* О-о-о!

Бродяга *(за ней).* Только-то и всего?

Куколка-однодневка *(кружась).* О-о-о! *(Останавливается.)*

Я провозглашаю власть бытия!
Повелеваю всему живому:
живи, ибо царствие жизни настало! О! О! О!
(Кружится.)

Несколько последних однодневок
Жизнь вечна! Жизнь вечна!
(Падают замертво.)

Куколка-однодневка
(останавливается)

Набухла Вселенная, чтобы в муках меня родить,
Лопнула оболочка... Слушайте, слушайте!
Я высокою миссией облечена!
Я пришла возвестить небывалое!
Тише! Тсс!.. Я великое слово несу!
(Падает мертвой).

Бродяга *(наклоняется к ней).* Встань, мушка. Почему ты упала? *(Поднимает ее.)* Мертва! Мертва! О, нежное личико, о, ясные и чистые глаза. Мертва! Послушай, Куколка, что же ты хотела сказать? Ну, говори. *(Несет*

ее на руках). Мертва! Какая легонькая, о, боже, какая красивая! Почему ей суждена смерть? Что за ужасная бессмыслица! Мушка! *(Кладет ее на землю.)* Мертва! *(Ползает на коленях, осматривает мертвых однодневок, приподнимает их головы.)* И ты мертва, плясунья.... И ты, певунья... И ты, девчушка... Уже не зашевелятся эти губы. Мертва! Слушай, зеленая мушка, ну, открой же глаза! Погляди, как хороша жизнь! Проснись же, живи! «О, будь благословенна, жизнь!» *(На коленях ползет на авансцену.)* Будь благословенна... Ой!.. Кто это меня трогает? Уйди прочь!

Свет тухнет, только Бродяга освещен ярким лучом.

Кто это? Ох-ох. Отойди, меня бро... бросает в дрожь! Кто ты? *(Машет руками в пустоте.)* Убери эту холодную руку! Я не хочу... *(Встает.)* Не прикасайся! Кто ты? *(Отбивается.)* Пусти, зачем ты меня душишь! Ха-ха, постойка, я тебя знаю! Ты... Ты — смерть! Сегодня я не раз видел тебя. Но я не... не хочу... Отпусти меня, скелет! Отпусти, безглазый, гнусный! Я еще не... *(Машет руками в пустоте.)* Перестань!

Справа выползают два слизняка.

Первый слизняк. Поштой-ка, тут кто-то ешть.

Второй слизняк. Ну так обойди его, дурень.

Бродяга *(борется).* Получай, зубастая! Ха-ха-ха, досталось тебе! *(Ударом поставлен на колени.)* Отстань! Не души! Отпусти! Я хочу жить, только жить! Ведь это так немного. *(Поднимается, отбиваясь руками.)* Не отдам тебе жизнь, костлявая, не отдам! Вот тебе! *(Спотыкается.)* Ах так, подножка!

Первый слизняк. Эй, шлижняк!

Второй слизняк. Што?

Первый слизняк. Он боретшя шо шмертью.

Второй слизняк. Поглядим, а?

Бродяга *(приподнявшись).* Дай мне жить! Ну, чего тебе стоит? Еще хоть немножко, хоть до завтра... Дай мне вздохнуть еще разок! *(Борется.)* Пусти... не... души! Я не хочу умирать! Я так мало видел радости! *(Вопль.)* О-о-о!! *(Падает ничком.)*

Первый слизняк. Потеха, а?

Второй слизняк. Шлушай-ка, шлижнячок.

Первый слизняк. Што?

Второй слизняк. Он уже подох.

Бродяга *(поднявшись на колени).* Ты и лежачего душишь, трусиха! Пусти-ка меня, я всем... расскажу... Я хочу... Еще минутку... *(Встает и шатается.)* Дай мне жить! Только жить! *(Кричит.)* Нет! Уйди! Я еще должен так много сказать. *(Падает на колени).* Теперь я знаю... как... надо жить! *(Валится навзничь.)*

Первый слизняк *(медленно ползет вперед).* Вот ему и крышка!

Второй слизняк. О, боже, боже, какая утрата! Ах, какое горе! На кого ты наш покинул!

Первый слизняк. Што это ты рашчувштвовалшя? Нам-то какое дело?

Второй слизняк. Видишь ли, так принято говорить, когда кто-нибудь помер.

Первый слизняк. Ах, вот оно што! Ну ладно, полжем дальше.

Второй слизняк. М-да, такой уж порядок...

Первый слизняк. Главное: штобы было поменьше шлижняков и побольше капушты.

Второй слизняк. Эй, шлижнячок, погляди-ка!

Первый слизняк. Што?

Второй слизняк. Школько тут мертвых однодневок!

Первый слизняк. Кабы их можно было жрать!

Второй слизняк. М-да, так полжем дальше, што ли?

Первый слизняк. Лишь бы мы были живы.

Второй слизняк. Ну яшно. Шлушай-ка, приятель.

Первый слизняк. Што?

Второй слизняк. А ведь жизнь прекрашна!

Первый слизняк. Во-во! Да ждравштвует жизнь, верно?

Второй слизняк. Ну, пополжли дальше.

Ползут за кулисы.

Первый слизняк. Хороша была потеха, а?

Второй слизняк. Факт! Главное, што мы живы,

Уползают.

Пауза. Рассвет. Пробуждаются птицы.

Дровосек *(с топором на плече выходит из глубины сцены. Заметив под кустом труп Бродяги, наклоняется к нему).* Это кто же? Эй, дяденька, проснитесь! Слышите? Что с вами? *(Встает, снимает шапку и крестится.)* Помер. Помер, бедняга! *(Пауза.)* Ну что ж — отмучился.

Тетка *(входит слева, несет крестить новорожденного).* Доброе утро, бог в помощь! Что там такое, земляк?

Дровосек. Доброе утречко, тетка. Вот, помер бездомный человек.

Пауза.

Тетка. Бедняга!

Дровосек. А вы куда, тетка? Крестить?.. Крестить?

Тетка. У сестры родился мальчишка. *(Ребенку.)* Тш-тш-тш-тш.

Дровосек. Кому рождаться, кому умирать.

Тетка. А людей все хватает.

Дровосек *(щекочет ребенка).* Агу-агу, малыш! Погоди, вырастешь большой!

Тетка. А что, земляк, ему небось будет житься лучше, чем нам?

Дровосек. А нам-то чем худо? Лишь бы всегда было к чему приложить руки.

Школьница *(с ранцем за плечами выходит справа).* Хвала господу богу.

Дровосек. Во веки веков!

Тетка. Во веки веков!

Школьница проходит.

Дровосек. До чего кругом хорошо, а, тетя? Словами не опишешь!

Голос школьницы *(за сценой).* Хвала господу богу!

Мужской голос. Во веки веков!

Тетка. Погожий будет денек.

Путник *(выходит из леса).* Добрый день!

Тетка. Добрый день!

Дровосек. Счастливый, добрый день!

Занавес

Дополнение для режиссера

В эпилоге Путник тождествен Бродяге. Если режиссер ощущает потребность смягчить концовку, он может использовать нижеследующий вариант (после ухода слизняков). Пауза. Рассвет. Пробуждаются птицы. Слышен стук топора.

Бродяга *(просыпается).* Стук?.. Стук! Раны Христовы! *(Садится.)* Что это?

Тишина.

Ну, и дурной сон мне приснился!

Стук топора.

Первый голос. Ах, боже!

Второй голос. Да все ничего, быть бы только живу!

Бродяга

Да, лишь бы жить!.. Так, значит, я не умер?!
И, значит, ничего такого не стряслось?..
Что видел — видел!.. Но еще вопрос,
не сон ли все это безумье?..
Да хоть бы и не сон... Что за беда!
Я жив, и вы, ей-богу, хоть куда!
Чего ж еще?!
(Пауза.)
Жизнь продолжается, — трын-трава!
Пусть мотыльковая!.. Ну и что же?!
Как бы там ни было — жизнь жива!
И ничто и никто ее не уничтожит!
Что там тужить?
Нужно — жить!

Первый голос. Ох, и уморился я.

Второй голос. Помалкивай, было бы чем занять руки.

Бродяга

Вот именно!.. Лишь бы дело нам!
И у жизни хлопот полон рот!
Словно что-то еще не доделано,

словно что-то куда-то зовет...
Человек ли ты, мошка, — мы затем и живем,
чтоб жила вся земля, все живое кругом!
А работы всегда по горло!

Выходят оба дровосека.

Первый дровосек. Доброе утро, папаша!
Второй дровосек. Работа нужна?
Бродяга. Что?
Первый дровосек. Ну, ищете работу?

Бродяга

Я все время чего-то ищу, с юных лет наблюдаю
старательно.
Смысла жизни ищу, — и жизнь одаряет вниманьем
искателя.
Поглядите на эти живые шеренги,
на этот размах!
Жизнь, пожалуй, сама в себе что-то ищет,
потому и не станет вовеки нищей.
Не позволит себя погубить, хоть и губит себя сама...
Губит, — но продолжается,
словно ждет от себя чего-то и сама себе поражается.
Лучшего ждет!..
Может, я и работу ищу!..

Первый дровосек. Хотите нам подсобить?
Бродяга. Что?
Второй дровосек. Ну, помочь нам рубить лес.
Бродяга. Помочь?
Первый дровосек. Так ведь если б люди не помогали друг другу...

Бродяга

Верно сказано! Помогать — это долг!
Пока помогаешь, — не все потеряно!
И себя не теряешь,
видя, как мается мир и блуждает от века...
Пока человеку можно помочь, —
не осуждай человека!

Второй дровосек. Так что, пошли с нами?
Бродяга. Пошли!

Входит Путник.

Путник. Доброе утро. На работу, что ли?

Первый дровосек. Да, на работу.

Второй дровосек. Как и каждый день.

Путник. А до чего хорошо сегодня!

Бродяга. Да, погожий будет денек.

Путник. Ну, так счастливо! Добрый день!

Первый дровосек. Добрый день!

Бродяга. Добрый день.

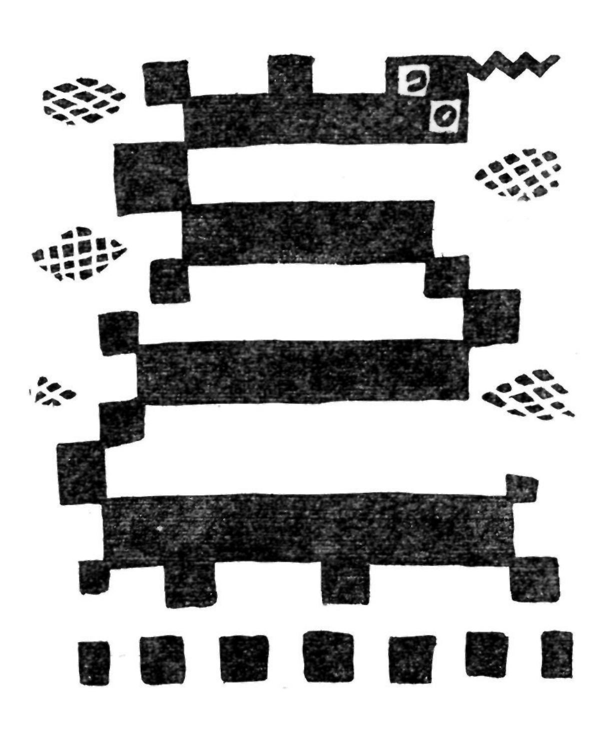
Весь мир. Счастливый добрый день! Счастливый... добрый день!

Занавес

Средство Макропулоса

Комедия в трех действиях с эпилогом

Перевод
Т. АКСЕЛЬ



Предисловие

Замысел этой комедии возник у меня года три-четыре назад, еще до «RUR'а». Тогда она, впрочем, мыслилась мне как роман. Таким образом, я пишу ее как бы с запозданием; есть у меня еще один старый замысел, который тоже надо реализовать. Толчок к ней дала мне теория, кажется, профессора Мечникова, о том, что старение есть самоинтоксикация организма.

Эти два обстоятельства я отмечаю потому, что нынешней зимой вышло новое произведение Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу»,— пока оно знакомо мне только по аннотации, — которое, по-видимому, ставит проблему долголетия гораздо шире. Здесь налицо совершенно случайное и чисто внешнее совпадение темы, так как Бернард Шоу приходит к прямо противоположным выводам. Насколько я понимаю, в возможности жить несколько сот лет г-н Шоу видит идеальное состояние человечества, нечто вроде будущего рая на земле. Читатель увидит, что в моем произведении долголетие выглядит совсем иначе: как состояние не только не идеальное, но даже отнюдь не желательное. Трудно сказать, кто из нас прав: у обеих сторон, к сожалению, нет на этот счет собственного опыта. Однако есть основание предполагать, что позиция Бернарда Шоу будет считаться классическим образцом оптимизма, а моя пьеса — порождением бесперспективного пессимизма. В конце концов я не стану ни счастливей, ни несчастней от того, что меня назовут пессимистом или оптимистом. Однако «пребывание в пессимистах», по-видимому, влечет за собой известную ответственность перед обществом, нечто вроде сдержанного упрека за дурное отношение к миру и людям. Поэтому объявляю во всеуслышание, что в этом я не повинен: я не допускал пессимизма, а если и допустил, то бессознательно и сам об этом жалею. В этой комедии мне, наоборот, хотелось сказать людям нечто утешительное, оптимистическое. В самом деле: почему оптимистично утверждать, что жить шестьдесят лет — плохо, а триста

пет — хорошо? Мне думается, что считать, скажем, шестидесятилетний срок жизни неплохим и достаточно продолжительным — не такой уж злостный пессимизм. Если мы, например, говорим, что настанет время, когда не будет болезней, нужды и тяжелого грязного труда, — это, конечно, оптимизм. Но разве сказать, что и в нынешней жизни, с ее болезнями, нуждой и тяжелым трудом, заключается безмерная ценность, — это пессимизм? Думаю, что нет. По-моему, оптимизм бывает двух родов: один, отворачиваясь от дурного и мрачного, устремляется к идеальному, хоть и призрачному; другой даже в плохом ищет крохи добра хотя бы и призрачного. Первый жаждет подлинного рая — и нет прекрасней этого порыва человеческой души. Второй ищет повсюду хотя бы частицы относительного добра. Может быть, и такого рода усилия не лишены ценности? Если это не оптимизм, назовите его иначе.

Я заступаюсь сейчас не столько за «Средство Макропулоса», к которому мне даже не хочется особенно привлекать внимание; это пьеса без претензий, и я написал ее только так, для порядка. Говоря о пессимизме, я имею в виду «Жизнь насекомых», сатиру, которая обеспечила мне и моему соавтору каинову печать пессимистов. Спору нет, весьма пессимистично — уподоблять человеческое общество насекомым. Но нисколько не пессимистично представлять человеческую личность в образе Бродяги. Те, кто упрекал авторов за аллегорию о насекомых, которая чернит якобы все человечество, забыли, что под Бродягой авторы подразумевают человека и обращаются к человеку. Поверьте, что настоящий пессимист — только тот, кто сидит сложа руки; это своего рода моральное пораженчество. А человек, который работает, ищет и претворяет свои стремления в жизнь, не пессимист и не может быть пессимистом. Всякая созидательная деятельность предполагает доверие, пускай даже не выраженное словами. Кассандра была пессимисткой, потому что ничего не делала. Она не была бы ею, если бы сражалась за Трою.

Кроме того, существует настоящая пессимистическая литература: та, в которой жизнь выглядит безнадежно неинтересной, а человек и общество запутанными, нудно-проблемными. Но к этому убийственному пессимизму относятся терпимо.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эмилия Марти.
Ярослав Прус.
Янек — его сын.
Альберт Грегор.
Гаук-Шендорф.
Адвокат Коленатый.
Архивариус Витек.
Кристина — его дочь.
Горничная.
Доктор.
Театральный машинист.
Уборщица.

Действие первое

Приемная адвоката Коленатого. В глубине сцены — входная дверь, налево — дверь в кабинет. На заднем плане высокая регистратура с многочисленными ящиками, обозначенными в алфавитном порядке. Стремянка. Налево — стол архивариуса, в середине — двойное бюро, направо — несколько кресел для ожидающих клиентов. На стенах — разные таблицы, объявления, календарь и т. д. Телефон. Всюду бумаги, книги, справочники, папки.

Витек *(убирает папки в регистратуру).* Боже мой, уже час. Старик, видно, уж не придет... Дело Грегор — Прус. «Г», «Гр», сюда. *(Поднимается по стремянке.)* Дело Грегора. Вот и оно кончается. О, господи. *(Перелистывает дело.)* Тысяча восемьсот двадцать седьмой год, тысяча восемьсот тридцать второй, тридцать второй... Тысяча восемьсот сороковой, сороковой, сороковой... Сорок седьмой... Через несколько лет столетний юбилей. Жаль такого прекрасного процесса. *(Всовывает дело на место.)* Здесь... покоится... дело Грегора — Пруса. М-да, ничто не вечно под луною. Суета. Прах и пепел. *(Задумчиво усаживается на верхней ступеньке.)* Известно — аристократия. Старые аристократы. Еще бы — барон Прус! И судятся сто лет, черт бы их побрал. *(Пауза.)* «Граждане! Французы! Доколе будете вы терпеть, как эти привилегированные, эта развращенная королем старая аристократия Франции, это сословие, обязанное своими привилегиями не природе и не разуму, а тирании, эта кучка дворян и наследственных сановников, эти узурпаторы земли, власти и прав...» Ах!

Грегор *(останавливается в дверях и некоторое время прислушивается к словам Витека).* Добрый день, гражданин Марат!

Витек. Это не Марат, а Даутон. Речь от двадцать третьего октября тысяча семьсот девяносто второго года. Покорнейше прошу прощения, сударь.

Грегор. Самого нет?

Витек *(слезает с лестницы).* Еще не возвращался, сударь.

Грегор. А решение суда?

Витек. Ничего не знаю, господин Грегор, но...

Грегор. Дела плохи?

Витек. Не могу знать. Но жаль хорошего процесса, сударь.

Грегор. Я проиграл?

Витек. Не знаю. Принципал с утра в суде. Но я бы не...

Грегор *(бросаясь в кресло).* Позвоните туда, вызовите его. И поскорей, голубчик!

Витек *(бежит к телефону).* Пожалуйста. Сию минутку. *(В трубку.)* Алло! *(Грегору.)* Я бы, сударь, не подавал в Верховный суд.

Грегор. Почему?

Витек. Потому что... Алло. Два, два, тридцать пять. Да, тридцать пять. *(Поворачивается к Грегору.)* Потому что это конец, сударь.

Грегор. Конец чего?

Витек. Конец процесса. Конец дела Грегора. А ведь это был даже не процесс, сударь. Это исторический памятник. Когда дело тянется девяносто лет... *(В трубку.)* Алло, барышня, адвокат Коленатый еще у вас? Говорят из его конторы... Его просят к телефону. *(Грегору.)* Дело Грегора, сударь, это кусок истории. Почти сто лет, сударь. *(В трубку.)* Уже ушел? Благодарю вас. *(Вешает трубку.)* Уже ушел. Наверно, сейчас придет.

Грегор. А решение суда?

Витек. Не могу знать, сударь. По мне, хоть бы его вовсе не было. Я... я расстроен, господин Грегор. Подумать только: сегодня последний день дела Грегора. Я вел по нему переписку тридцать два года! Сюда ходил еще ваш покойный батюшка, царство ему небесное! Он и покойный доктор Коленатый, отец этого, могучие были люди, сударь.

Грегор. Благодарю вас.

Витек. Великие законники, сударь... Кассация, апелляция, всякие такие штуки. Тридцать лет тянули процесс. А вы — бах — сразу в Верховный суд, скорей к концу. Жалко славного процесса. Эдак загубить столетнюю тяжбу!

Грегор. Не болтайте чепухи, Витек. Я хочу наконец выиграть дело.

Витек. Или окончательно проиграть его, да?

Грегор. Лучше проиграть, чем... чем... Слушайте,

Витек, ведь от этого можно с ума сойти: все время видеть перед носом сто пятьдесят миллионов... Чуть не в руках держать... С детских лет только о них и слышать... *(Встает.)* Вы думаете, я проиграю?

Витек. Не знаю, господин Грегор. Случай очень спорный.

Грегор. Ладно, если проиграю, то...

Витек. ...то застрелитесь, сударь? Так говорил и ваш покойный батюшка.

Грегор. Он и застрелился.

Витек. Но не из-за тяжбы, а из-за долгов. Когда живешь так... в расчете на наследство...

Грегор *(удрученный, садится).* Замолчите, пожалуйста.

Витек. Да, у вас нервы слабы для великого процесса. А ведь какой великолепный материал! *(Поднимается по стремянке, достает дело Грегора.)* Взгляните на эти бумаги, господин Грегор. Тысяча восемьсот двадцать седьмой год. Самый старый документ в нашей конторе. Уникум, сударь! В музей, да и только. Что за почерк на бумагах тысяча восемьсот сорокового года! Боже, этот писарь был мастер своего дела. Посмотрите только на почерк. Душа радуется!

Грегор. Вы сумасброд.

Витек *(почтительно укладывая папку).* Ох, господи Иисусе. Может, Верховный суд еще отложит дело?

Криста *(тихонько приоткрыв дверь).* Папа, ты не идешь домой?

Витек. Погоди, скоро пойду, скоро. Вот только вернется шеф.

Грегор *(встает).* Это ваша дочь?

Витек. Да. Ступай, ступай, Криста. Подожди в коридоре.

Грегор. Боже упаси, зачем же, мадемуазель? Может быть, я не помешаю. Вы из школы?

Криста. С репетиции.

Витек. Моя дочь поет в театре. Ну, ступай, ступай. Нечего тебе тут делать.

Криста. Ах, папа, эта Марти... ну просто изумительна!

Грегор. Кто, мадемуазель?

Криста. Ну, Марти, Эмилия Марти.

Грегор. А кто она такая?

К р и с т а. Неужели вы не знаете? Величайшая певица в мире! Сегодня вечером она выступает. А утром с нами репетировала. Папа!

Витек. Ну, что?

К р и с т а. Папа, я... я... брошу театр! Не буду больше петь! Ни за что! Ни за что! *(Всхлипывает и отворачивается.)*

В и т е к *(подбегает к ней).* Кто тебя обидел, Криста?

К р и с т а. Потому что... я... ничего не умею! Папа, эта Марти... Я... Если бы ты слышал... Нет, никогда больше не буду петь!

В и т е к. Вот те на! А у девчонки есть голос. Перестань, глупая! Успокойся.

Г р е г о р. Кто знает, мадемуазель, может быть, эта знаменитая Марти еще позавидует вам.

К р и с т а. Мне?

Г р е г о р. Вашей молодости.

Витек. Вот, вот. Видишь, Криста! Это господин Грегор! Погоди, когда будешь в ее возрасте... Сколько ей, этой Марти?

К р и с т а. Не знаю. Никто... не знает. Лет тридцать.

Витек. Вот видишь, девочка, — тридцать. Уже не первой молодости.

К р и с т а. А какая красавица! Боже, какая красавица!

В и т е к. Так ведь тридцать лет. Это уже порядочно. Погоди, когда тебе стукнет...

Г р е г о р. Сегодня вечером я пойду в театр, мадемуазель. Смотреть... Только не Марти, а вас.

К р и с т а. Надо быть ослом, чтобы не смотреть на Марти. И слепым к тому же.

Г р е г о р. Благодарю. С меня довольно.

Витек. О, язычек у нее острый.

Криста. Зачем говорить о Марти, не увидев ее. По ней все с ума сходят. Все!

Входит К о л е н а т ы й.

К о л е н а т ы й. Кого я вижу! Кристинка! Здравствуй, здравствуй. Ага, и господин клиент здесь. Как себя чувствуете?

Г р е г о р. Чем кончилось? Что решил суд?

К о л е н а т ы й. Пока решения нет. Коллегия Верховного суда как раз удалилась...

Г р е г о р. ...на совещание?

Коленатый. Нет, на обед.

Грегор. А решение?

Коленатый. После обеда, мой друг. Главное — терпение. Вы уже обедали?

Витек. Ах, господи, господи!

Коленатый. В чем дело?

Витек. Жалко такого замечательного процесса.

Грегор *(садится).* Опять ждать. Это ужасно!

Криста *(отцу).* Ну пойдем, папа.

Коленатый. Как поживаешь, Кристинка? Я очень рад тебя видеть.

Грегор. Доктор Коленатый, скажите откровенно: какие у нас шансы?

Коленатый. Тру-ля-ля!

Грегор. Плохо?

Коленатый. Скажите, мой друг, я вас когда-нибудь обнадеживал?

Грегор. Зачем же тогда... зачем?

Коленатый. Зачем я веду ваше дело? Только потому, друг мой, что я унаследовал его от отца. Вас, Витека и вон то бюро. Что вы хотите? Дело Грегора передается по наследству, как болезнь. А вам оно все равно ничего не стоит: я ведь не беру с вас гонорара.

Грегор. Получите все сполна, как только я выиграю.

Коленатый. Признаться, я мало на это рассчитываю.

Грегор. Значит, вы полагаете...

Коленатый. Если хотите знать, — да.

Грегор. ...что, мы проиграем?

Коленатый. Разумеется.

Грегор *(упавшим голосом).* Хорошо.

Коленатый. Но стреляться еще погодите.

Криста. Папа, он хочет застрелиться?

Грегор *(овладевая собой).* Нет, что вы, мадемуазель. Мы же условились, что вечером я приду в театр — смотреть вас.

Криста. Нет, не меня.

Звонок у входа

Витек. Кто еще там? Скажу, что вас нет. *(Идет.)* К черту, к черту. *(Вышел.)*

Коленатый. Господи, как ты выросла, Кристинка. Скоро женщиной станешь.

Криста. Посмотрите на этого господина.

Коленатый. А что?

Криста. Как он... вдруг побледнел.

Грегор. Я? Простите, мадемуазель. Мне немного нездоровится. Простудился.

Витек *(за дверями).* Сюда пожалуйте. Да прошу вас. Входите.

Входит Эмилия Марти, за ней Витек.

Криста. Господи, это Марти!

Эмилия *(в дверях).* Адвокат Коленатый?

Коленатый. Так точно. Чем могу служить?

Эмилия. Я — Марти. Пришла к вам в связи с делом...

Коленатый *(с почтительным поклоном показывает на дверь в кабинет).* Прошу вас.

Эмилия. ...в связи с делом Грегора.

Грегор. Что?! Мадам...

Эмилия. Я не замужем.

Коленатый. Мадемуазель Марти, вот господин Грегор, мой доверитель.

Эмилия. Этот? *(Оглядывает Грегора.)* Ну, что ж, он может остаться. *(Садится.)*

Витек *(тянет Кристину за дверь).* Ступай, Криста, ступай. *(Кланяется и уходит на цыпочках.)*

Эмилия. Эту девочку я где-то видела.

Коленатый *(закрывая дверь).* Мадемуазель Марти, я весьма польщен...

Эмилия. О, пожалуйста. Значит, вы — адвокат...

Коленатый *(садится против нее).* К вашим услугам.

Эмилия. ...который ведет дело вот этого Грегора...

Грегор. То есть мое.

Эмилия. ...о наследстве Пепи Пруса?

Коленатый. То есть барона Иозефа Фердинанда Пруса, скончавшегося в тысяча восемьсот двадцать седьмом году.

Эмилия. Как, он уже умер?

Коленатый. К сожалению. И даже без малого сто лет назад.

Эмилия. Бедненький! А я и не знала.

Коленатый. Вот как. Чем могу быть еще полезен?

Эмилия *(встает).* О, я не хочу затруднять вас.

Коленатый *(встает).* Простите, мадемуазель. Полагаю, что вы явились ко мне не без причины?

Эмилия. Да. *(Садится.)* Я хотела вам кое-что сказать.

Коленатый *(садится).* В связи с делом Грегора?

Эмилия. Может быть.

Коленатый. Но ведь вы иностранка?

Эмилия. Да. О вашем... о процессе этого господина я узнала только сегодня утром. Совершенно случайно.

Коленатый. Вот как?

Эмилия. Прямо из газет. Понимаете, смотрю, что там пишут обо мне, и вдруг вижу: «Последний день процесса Грегор — Прус». Чистая случайность, а?

Коленатый. Да, да, о процессе было во всех газетах.

Эмилия. И так как я... так как я случайно кое-что вспомнила... Одним словом, можете вы мне рассказать об этом процессе?

Коленатый. Спрашивайте, что хотите. Пожалуйста.

Эмилия. Но я вообще ничего не знаю.

Коленатый. Совсем ничего?

Эмилия. Я впервые слышу о нем.

Коленатый. Но тогда... простите... непонятно... почему он вас интересует...

Грегор. Расскажите, расскажите ей, доктор.

Коленатый. Эдакий заплесневелый процесс, мадемуазель...

Эмилия. Но законный наследник — Грегор? Да?

Коленатый. Да. Только это ему не поможет.

Грегор. Рассказывайте.

Эмилия. Хотя бы в общих чертах.

Коленатый. Ну, если вам угодно... *(Откидывается на спинку кресла и начинает быстро говорить.)* В тысяча восемьсот двадцатом году владельцем имений баронов Прусов — Семонице, Лоуков, Нова Вес, Кенигсдорф и так далее — был слабоумный барон Иозеф Фердинанд Прус...

Эмилия. Пепи был слабоумным? О нет!

Коленатый. Ну, человеком со странностями.

Эмилия. Скажите лучше — несчастным человеком.

Коленатый. Простите, этого вы не можете знать.

Эмилия. Вы не можете, а я знаю.

Коленатый. Ну, не буду спорить. Итак — Иозеф Фердинанд Прус, который в тысяча восемьсот двадцать

седьмом году скончался холостым, бездетным и не оставив завещания.

Эмилия. От чего он умер?

Коленатый. Воспаление мозга или что-то вроде. Наследником оказался его двоюродный брат, польский барон Эммерих Прус — Забржепинский. Против него с иском о всем наследстве выступил некий граф Стефан де Маросвар, племянник матери покойного, который в дальнейшем не будет иметь отношения к делу. А иск на имение Лоуков предъявил некто Фердинанд Карел Грегор, прадед моего клиента.

Эмилия. Когда это было?

Коленатый. Тотчас после смерти Пруса, в тысяча восемьсот двадцать седьмом году.

Эмилия. Постойте, Ферди тогда должен был быть еще мальчиком.

Коленатый. Совершенно верно. Он был тогда воспитанником Терезианской академии, и его интересы представлял адвокат из Вены. Иск на имение Лоуков был мотивирован следующим образом. Прежде всего, покойный за год до смерти лично, «höchstpersönlich», явился к директору Терезианской академии и заявил, что выделяет «das oben genannte Gut samt Schoß, Höfen, Meierhöfen und Inventar», то есть все вышепоименованное движимое и недвижимое имущество, на содержание «des genannten Minderjährigen», то есть малолетнего Грегора, каковой «falls und sobald er majorenn wird», то есть по достижении им совершеннолетия, должен быть введен «in Besitz und Eigentum», в полноправное владение упомянутым имуществом. Дополнительный факт: упомянутый малолетний Грегор, при жизни покойного и по его указанию, получал доходы от означенного имения и отчеты о них с пометкой «владельцу и собственнику имения Лоуков», что является доказательством так называемого натурального владения.

Эмилия. Значит, все было ясно? Да?

Коленатый. Виноват. Барон Эммерих Прус возражал на это, что у Грегора нет дарственной грамоты и что перевод имения на него не занесен в книгу земельных владений. Далее, что покойный не оставил письменного завещания, а наоборот — «hingegen» — на смертном одре сделал устное распоряжение в пользу другого лица...

Эмилия. Не может быть! Какого лица?

Коленатый. В том-то и заковыка, мадемуазель. Подождите, я вам прочту. *(Поднимается по стремянке к регистратуре.)* Тут заварилась такая каша, вот увидите. Ага, вот оно. *(Вынимает дело, усаживается на верхней ступеньке и быстро листает.)* Ага, «Das während des Ablebens des hochwohlgeborenen Majoratsherrn Freiherrn Prus Josef Ferdinand von Semonitz vorgenommene Protokol usw». Итак, свидетельство о последней воле, подписанное каким-то патером, врачом и нотариусом у смертного одра Иозефа Пруса. Вот что в нем говорится: «Умирающий... в сильной горячке... на вопрос нижеподписавшегося нотариуса — есть ли у него еще какие-либо пожелания, несколько раз повторил, что имение Лоуков «daß das Allodium Loukov... Herrn Mach Gregor zukommen soll...», он завещает герру Мах Грегору. *(Ставит дело на место.)* Какому-то Грегору Маху, мадемуазель, лицу неизвестному и не могущему быть обнаруженным. *(Остается сидеть на стремянке.)*

Эмилия. Но это недоразумение! Пепи, безусловно, имел в виду Грегора, Ферди Грегора.

Коленатый. Конечно, мадемуазель. Но написанного пером не вырубишь топором. Грегор, правда, возражал, что слово «Мах» попало в устное завещание по ошибке или в результате описки, что «Грегор» должно быть фамилией, а не именем и так далее. Но, litera scripta valet[1] — и Эммерих Прус получил все наследство, в том числе и Лоуков.

Эмилия. А Грегор?

Коленатый. А Грегор — ничего. Вскоре двоюродный брат Стефан — судя по всему, великий пройдоха — выкопал где-то субъекта, именовавшегося Грегор Мах. Этот Мах заявил на суде, что покойный имел по отношению к нему тайные обязательства, очевидно, деликатного свойства...

Эмилия. Ложь!

Коленатый. Несомненно... И что он претендует на имение Лоуков. Затем Грегор Мах канул в Лету, оставив — за какую сумму, об этом история умалчивает, — господину Стефану нотариальную доверенность на свои права на Лоуков. Сей кавалер Стефан судился от его

[1] написанное решает (*лат.*).

имени и, представьте себе, выиграл тяжбу: Лоуков был передан ему.

Эмилия. Черт знает что!

Коленатый. Скандал, а? Тогда Грегор начал тяжбу против Стефана, заявив, что Грегор Мах не является де-юре наследником Пруса, что покойный делал устное распоряжение в бреду и так далее. После долгой волокиты он выиграл дело: предыдущее решение было отменено. Но Лоуков возвратили не Грегору, а опять Эммериху Прусу. Представляете себе?

Грегор. Это называется справедливостью, мадемуазель!

Эмилия. Почему же не Грегору?

Коленатый. Ах, многоуважаемая, по разным тонким юридическим основаниям и учитывая, что ни Грегор Мах, ни Фердинанд Карел Грегор не являлись родственниками покойного...

Эмилия. Постойте! Ведь он его сын.

Коленатый. Кто? Чей сын?

Эмилия. Грегор. Ферди был сын Пепи.

Грегор *(вскочив)*. Сын?! Откуда вы знаете?

Коленатый *(поспешно слезая с лестницы)*. Его сын? А мать кто, скажите, пожалуйста?

Эмилия. Мать была... Ее звали Эллен Мак-Грегор. Она была певицей Венской императорской оперы.

Грегор. Как? Как фамилия?

Эмилия. Мак-Грегор. Шотландская фамилия.

Грегор. Слышите, доктор? Мак-Грегор! Мак! Мак! А вовсе не Мах! Понимаете, в чем дело?

Коленатый *(садится)*. Разумеется. А почему фамилия сына — не Мак-Грегор?

Эмилия. Из-за матери... Он вообще не знал ее.

Коленатый. Вот как. А есть у вас какие-нибудь доказательства, мадемуазель?

Эмилия. Не знаю. Продолжайте.

Коленатый. Продолжаю. С тех пор вот уже почти сто лет спор между Прусами, Грегорами и Стефанами об имении Лоуков тянется из поколения в поколение с небольшими перерывами до наших дней, при компетентном участии нескольких поколений адвокатов Коленатых. С их помощью сегодня после обеда последний Грегор окончательно проиграет дело. Вот и все.

Эмилия. А стоит Лоуков всей этой кутерьмы?

Грегор. Я думаю!

Коленатый. Видите ли, в шестидесятых годах прошлого столетия на угодьях Лоуков были обнаружены залежи угля. Стоимость их не поддается даже приблизительному подсчету. По-видимому, миллионов сто пятьдесят.

Эмилия. И больше ничего?

Грегор. Ничего! Мне бы хватило и этого.

Коленатый. Есть у вас еще вопросы, мадемуазель?

Эмилия. Да. Что вам нужно, чтобы выиграть процесс?

Коленатый. Лучше всего было бы формальное письменное завещание.

Эмилия. Вам что-нибудь известно о таком завещании?

Коленатый. Его не существует.

Эмилия. Как глупо!

Коленатый. Бесспорно. *(Встает.)* Есть еще вопросы?

Эмилия. Да. Кому принадлежит старый дом Пруса?

Грегор. Моему противнику Ярославу Прусу.

Эмилия. А как называется такой шкаф, куда прячут старые бумаги?

Грегор. Архив.

Коленатый. Регистратура.

Эмилия. Так вот, в доме Пруса был такой шкаф. На каждом ящичке — дата. Пепи складывал туда старые отчеты, счета и другие бумаги. Понимаете?

Коленатый. Да, да.

Эмилия. На одном ящичке была дата — «тысяча восемьсот шестнадцатый год». Как раз когда Пепи познакомился с этой самой Эллен Мак-Грегор. На Венском конгрессе или где-то еще...

Коленатый. Так, так!

Эмилия. И в этом ящичке он хранил все письма Эллен.

Коленатый *(садится).* Откуда вы это знаете?

Эмилия. Не спрашивайте.

Коленатый. Извините. Как вам угодно.

Эмилия. Кроме того, там были письма от управляющих и другая деловая переписка. Короче говоря, пропасть всяких старых бумаг.

Коленатый. Понимаю.

Эмилия. Как вы думаете: кто-нибудь сжег все это?

Коленатый. Может быть. Очень возможно. Впрочем — увидим.

Эмилия. Вы посмотрите?

Коленатый. Обязательно. Конечно, если позволит господин Прус.

Эмилия. А если нет?

Коленатый. Тогда ничего не поделаешь.

Эмилия. В таком случае вы должны достать этот ящик другим способом, понимаете?

Коленатый. Да. В полночь, при помощи веревочной лестницы, отмычек и тому подобного. Ах, мадемуазель, хорошенькое у вас мнение об адвокатах!

Эмилия. Но вы *должны* достать эти бумаги!

Коленатый. Увидим. Что дальше?

Эмилия. Так вот... если там есть еще эти письма... то между ними лежит... большой желтый конверт...

Коленатый. И в нем?

Эмилия. Завещание Пруса. Собственноручное и запечатанное.

Коленатый *(встает).* О, господи!

Грегор *(вскакивает).* Вы уверены?

Коленатый. Скажите, пожалуйста, что же в этом завещании? Каково его содержание?

Эмилия. В нем Пепи отказывает... поместье Лоуков... своему внебрачному сыну Фердинанду... рожденному в Лоукове... такого-то числа, не помню точно.

Коленатый. Так все и сказано?

Эмилия. Так.

Коленатый. И конверт запечатан?

Эмилия. Да.

Коленатый. Личной печатью Иозефа Пруса?

Эмилия. Да.

Коленатый. Благодарю вас. *(Садится.)* Скажите: с какой стати вам вздумалось нас дурачить, мадемуазель?

Эмилия. Дурачить? Значит, вы мне не верите?

Коленатый. Конечно, нет. Ни одному слову.

Грегор. А я ей верю. Как вы смеете...

Коленатый. Да имейте же голову па плечах! Если конверт запечатан, как может кто-нибудь знать, что в нем? Ну, скажите!

Грегор. Но...

Коленатый. В конверте, запечатанном сто лет тому назад!

Грегор. И все-таки...

Коленатый. Да еще в чужом доме. Не будьте ребенком, Грегор.

Грегор. Я верю, и все тут.

Коленатый. Ну, как хотите. Дорогая мадемуазель Марти, у вас особый дар... рассказывать сказки. Поистине своеобразная слабость. Часто это с вами бывает?

Грегор. О, помолчите.

Коленатый. Ну да, буду молчать как могила. Абсолютная тайна, мадемуазель.

Грегор. Имейте в виду, доктор: я верю всему, что сказала мадемуазель. Каждому слову.

Эмилия. Вы настоящий джентльмен.

Грегор. Поэтому — или вы сейчас же отправитесь к Прусу и попросите выдать вам бумаги, датированные тысяча восемьсот шестнадцатым годом...

Коленатый. Этого я, очевидно, не сделаю. Или?

Грегор. Или я поручу это первому попавшемуся адвокату, выбрав его наугад по телефонной книге. И ему же передам ведение моего процесса.

Коленатый. Сделайте одолжение.

Грегор. Ладно. *(Идет к телефону и перелистывает книгу.)*

Коленатый *(подходит к нему).* Послушайте, Грегор, перестаньте глупить. Мы ведь с вами друзья, не правда ли? Помнится, я даже был вашим опекуном.

Грегор. Адвокат Абелес Альфред, двадцать семь шестьдесят один.

Коленатый. О, господи, только не этого! Это же третьесортный адвокатишко. Он погубит все дело...

Грегор *(в трубку).* Алло! Двадцать семь шестьдесят один...

Эмилия. Отлично, Грегор!

Коленатый. Не срамитесь! Неужели вы доверите наш наследственный процесс такому...

Грегор. Доктор Абелес? Говорит Грегор из конторы...

Коленатый *(вырывает у него трубку и вешает ее).* Постойте. Я еду.

Грегор. К Прусу?

Коленатый. Хоть к черту на рога. Но вы отсюда ни ногой!

Грегор. Если не вернетесь через час, я позвоню...

Коленатый. Перестаньте! Прошу прощения, мадемуазель. И, пожалуйста, не задурите ему голову окончательно. *(Убегает.)*

Грегор. Наконец-то!

Эмилия. Он на самом деле так глуп?

Грегор. Нет. Но он практик и не учитывает возможность чудес. А я всегда ждал чуда. И вот явились вы. Позвольте поблагодарить вас.

Эмилия. О, не стоит благодарности.

Грегор. Слушайте... я почти уверен, что завещание действительно окажется там. Не знаю, почему я так безгранично вам верю. Наверно, потому, что вы красивы.

Эмилия. Сколько вам лет?

Грегор. Тридцать четыре. Мадемуазель Марта, я с малых лет жил мыслью получить эти миллионы. Вы себе представить не можете мое положение. Я жил как Б чаду... Иначе я не мог... Если бы не явились вы...

Эмилия. Долги?

Грегор. Да. Сегодня ночью мне, наверное, пришлось бы застрелиться.

Эмилия. Вздор!

Грегор. Я ничего не таю от вас, мадемуазель. Положение мое было безнадежно. И вдруг являетесь вы, неведомо откуда, знаменитая, великолепная, полная тайны... и спасаете меня. Почему вы смеетесь? Почему вы смеетесь надо мной?

Эмилия. Глупости. Просто так.

Грегор. Хорошо, больше не буду о себе. Мы здесь одни. Умоляю вас, говорите. Объясните мне все!

Эмилия. Что же еще? Я сказала достаточно.

Грегор. Затронуты семейные дела. Даже некоторые... семейные тайны. Каким-то необычайным образом вы посвящены в них. Ради бога, скажите мне все!

Эмилия качает головой.

Не можете?

Эмилия. Не хочу.

Грегор. Откуда вы знаете о письмах? Откуда знаете о завещании? Откуда? С каких пор? Кто рассказал вам?

С кем вы связаны? Поймите... я должен знать, что за всем этим кроется. Кто вы? Что все это значит?

Эмилия. Чудо.

Грегор. Да, чудо. Но каждое чудо должно быть объяснено. Иначе оно невыносимо. Зачем вы пришли сюда?

Эмилия. Чтобы помочь вам, как видите.

Грегор. Почему вам вздумалось помогать мне? Почему именно мне? Какой вам от этого прок?

Эмилия. Это мое дело.

Грегор. И мое тоже, мадемуазель Марти. Я буду вам обязан всем: своим состоянием, самой жизнью. Скажите, что должен я положить к вашим ногам?

Эмилия. Что вы имеете в виду?

Грегор. Что я могу предложить вам взамен, мадемуазель Марти?

Эмилия. Ах, так. Вы хотите дать мне... как это называется? Куртаж?

Грегор. Ради бога, не называйте это так. Назовите просто благодарностью. Что тут для вас обидного, если...

Эмилия. Мне не нужно денег.

Грегор. Простите, денег не нужно только бедняку — богатому они всегда нужны.

Эмилия *(сердится)*. Возмутительно. Этот наглец предлагает мне деньги.

Грегор *(тронут)*. Простите, но и я не могу принимать... благодеяний... *(Пауза.)* Вас называют божественная Марти, мадемуазель. Но в нашем земном мире даже сказочный принц... потребовал бы награды за такую услугу. Тут нет ничего дурного. Это в порядке вещей. Поймите, ведь речь идет о миллионах.

Эмилия. Он уж хочет раздавать, мальчишка! *(Подходит к окну, смотрит на улицу.)*

Грегор. Почему вы говорите со мной, как с ребенком? Я отдал бы половину наследства за то... Мадемуазель Марти!

Эмилия. Ну?

Грегор. Возле вас я чувствую себя таким маленьким, — просто невыносимо.

Пауза.

Эмилия *(оборачивается)*. Как тебя зовут?

Грегор. Что?

Эмилия. Как тебя зовут?

Грегор. Грегор.

Эмилия. Как?

Грегор. Мак-Грегор.

Эмилия. Имя как твое, дурачок?

Грегор. Альберт.

Эмилия. Мать звала тебя Бертик, да?

Грегор. Да, но она уже умерла.

Эмилия. Э, все только и делают, что умирают.

Пауза.

Грегор. Какова... какова собой была Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Наконец-то! Почему тебе вздумалось спросить об этом?

Грегор. Знаете вы о ней что-нибудь? Кем она была?

Эмилия. Великой певицей.

Грегор. Красивая?

Эмилия. Да.

Грегор. Любила она моего... прапрадеда?

Эмилия. Да. Наверно. По-своему.

Грегор. Когда она умерла?

Эмилия. Не знаю. Довольно, Бертик. Как-нибудь в другой раз.

Пауза.

Грегор *(подходя к ней).* Эмилия!

Эмилия. Для тебя я не Эмилия.

Грегор. А я что для вас? Ради бога, не дразните меня. Не унижайте! Представьте на минуту, что я вам ничем не обязан, что вы только прекрасная женщина, обворожившая меня. Послушайте... Я вас вижу впервые... Нет, не смейтесь надо мной... Вы удивительны, необычайны.

Эмилия. Я не смеюсь, Бертик. Не сходи с ума.

Грегор. Да, я схожу с ума. Я никогда не был таким сумасшедшим, как сейчас... Вы... вы страшно волнуете. Как боевая тревога. Видели вы когда-нибудь кровопролитие? Оно заставляет человека терять голову. А в вас — я чувствую с первого взгляда — есть что-то головокружительное. Вы вели бурную жизнь? Послушайте, я не понимаю: как это вас до сих пор никто не убил?

Эмилия. Перестань.

Грегор. Нет, теперь дайте мне сказать. Вы были грубы со мной, а это выводит из равновесия. Как только вы вошли, на меня словно пахнуло... горячим дыханием

горна. Что это такое? Человек сразу чувствует это и становится на дыбы, как зверь. Вы пробуждаете страшные инстинкты. Вам кто-нибудь говорил это? Если бы вы знали, Эмилия, как вы прекрасны!

Эмилия *(устало).* Я прекрасна? О, не говори так. Взгляни!

Грегор. О, боже, что с вашим лицом?! Что с ним?! *(Отступает.)* Не надо! Не надо, Эмилия! Вы выглядите сейчас такой старой. Это ужасно!

Эмилия *(тихо).* Вот видишь. Уходи, Бертик, оставь меня. Уходи.

Пауза.

Грегор. Простите, я... сам не знаю, что делаю. *(Садится.)* Я смешон, да?

Эмилия. Я выгляжу очень старой, Бертик?

Грегор *(не глядя на нее).* Нет, вы прекрасны. Прекрасны до безумия.

Эмилия. Знаешь, что ты мог бы мне дать?

Грегор *(поднимает голову).* Да?

Эмилия. Ты ведь сам предлагал мне награду... Знаешь, что я хотела бы получить от тебя?

Грегор. Все, что мне принадлежит, — ваше.

Эмилия. Слушай, Бертик, ты знаешь греческий?

Грегор. Нет.

Эмилия. Ну вот. Значит, это тебе не нужно. Дай мне греческую рукопись.

Грегор. Какую?

Эмилия. Ту, что Ферди... твой прадед получил от Пепи Пруса. Это всего лишь сувенир. Дашь?

Грегор. У меня нет никакой рукописи.

Эмилия. Вздор, она должна быть у тебя. Ведь Пепи обещал, что отдаст ее сыну. Ради бога, Альберт, скажи, что она у тебя.

Грегор. Нет.

Эмилия *(быстро встает).* Что-о? Не лги! Она у тебя, да?

Грегор *(встает).* Нет.

Эмилия. Глупый. Она мне нужна. Я должна ее получить, понимаешь? Найди ее!

Грегор. Где же она?

Эмилия. Откуда я знаю. Ищи. Принеси. Ведь я ради этого приехала сюда. Бертик!

Грегор. Да.

Эмилия. Где она? Ради бога, подумай, вспомни.

Грегор. Может быть, у Пруса?

Эмилия. Возьми у него. Помоги мне... помоги!

Звонит телефон.

Грегор. Одну минуту. *(Идет к телефону.)*

Эмилия *(падает в кресло).* Ради бога, найди ее! Ради бога!

Грегор *(в трубку).* Алло. Контора адвоката Коленатого... Его нет... Передать что-нибудь? Это Грегор... Да, тот самый. Да. Да... Хорошо. Благодарю вас. *(Вешает трубку.)* Кончено!

Эмилия. Что?

Грегор. Процесс Грегора — Пруса. Верховный суд только что вынес решение. Пока о нем сообщают неофициально.

Эмилия. Ну?

Грегор. Я проиграл...

Пауза.

Эмилия. Неужели твой дурак адвокат не мог хоть немного оттянуть дело?

Грегор молча пожимает плечами.

Но ты еще можешь обжаловать? Да?

Грегор. Не знаю. Думаю, что нет.

Эмилия. Как глупо. *(Пауза.)* Послушай, Бертик, я заплачу твои долги, слышишь?

Грегор. Что вам до меня! Я не хочу, не надо.

Эмилия. Молчи! Заплачу, и все тут! А ты поможешь мне найти ту рукопись.

Грегор. Эмилия...

Эмилия. Вызови мне машину.

Поспешно входит Коленатый, за ним Прус.

Коленатый. Нашли! Нашли конверт! *(Становится на колени перед Эмилией.)* Тысячи извинений, сударыня. Я — глупая старая скотина, а вы — провидица.

Прус *(подавая руку Грегору).* Поздравляю с великолепным завещанием.

Грегор. Не с чем... Суд только что вынес решение в вашу пользу.

Прус. Но ведь вы обжалуете?

Грегор. Как?

Коленатый *(вставая).* Ну конечно, друг мой. Теперь мы можем требовать пересмотра.

Эмилия. Нашли, что нужно?

Коленатый. А как же. Завещание, письма и еще кое-что...

Прус. Пожалуйста, представьте меня...

Коленатый. Ах, виноват. Мадемуазель Марти, это наш заклятый враг — господин Прус.

Эмилия. Очень приятно. А где письма?

Коленатый. Какие?

Эмилия. От Эллен.

Прус. У меня. Господин Грегор может о них не беспокоиться.

Эмилия. Вы отдадите письма ему?

Прус. Если он получит наследство, конечно. Как память о... мадемуазель прабабушке.

Эмилия. Слушай, Бертик...

Прус. Ага, вы хорошо знаете друг друга. Я так и думал.

Грегор. Простите, я познакомился с мадемуазель Марти только...

Эмилия. Молчи. Бертик, ты мне вернешь эти письма. Слышишь!

Прус. Вернешь? Разве они ваши?

Эмилия. О нет. Но Бертик отдаст их мне.

Прус. Я вам бесконечно признателен, мадемуазель. Наконец-то узнаешь обо всем, что есть у тебя в доме. Я охотно преподнес бы вам за это большой букет.

Эмилия. Вы не очень щедры. Бертик предлагал мне больше.

Прус. Целый воз цветов, да?

Эмилия. Нет, деньги. Бог весть сколько миллионов.

Прус. И вы приняли?

Эмилия. Боже упаси.

Прус. Правильно поступили. Не надо делить шкуру неубитого медведя.

Эмилия. А чего еще не хватает, чтобы Грегор получил наследство?

Прус. Да, в общем, пустяка. Например, доказательства, что Фердинанд Грегор действительно тот самый

Фердинанд, сын Пруса. Юристы — они, знаете, народ придирчивый.

Эмилия. Нужно письменное доказательство?

Прус. Хотя бы.

Эмилия. Ладно. Завтра утром я вам пришлю такой документ, доктор.

Коленатый. Как, вы возите его с собой? О, господи!

Эмилия *(резко).* Очень странно, не правда ли?

Коленатый. Я уже ничему не удивляюсь. Грегор, позвоните куда-нибудь: например, по номеру двадцать семь шестьдесят один.

Грегор. Адвокату Абелесу? Зачем?

Коленатый. Потому что, друг мой, мне кажется, что... что... Ну, увидим.

Прус. Мадемуазель Марти, отдайте предпочтение моему букету.

Эмилия. Почему?

Прус. Получить его — гораздо больше шансов.

Занавес

Действие второе

Сцена большого театра. Пусто. Беспорядок после вчерашнего спектакля. Бутафория, свернутые декорации, осветительные приборы, пустая и голая закулисная сторона театра. На авансцене бутафорский трон на подмостках.

Уборщица. О, господи, вот так успех! Вы видели букеты?

Машинист сцены. Нет, не видал.

Уборщица. Ни разу в жизни не видывала такого успеха. Сплошной рев стоял. Я думала, весь театр разнесут. Эта самая Марти выходила кланяться раз пятьдесят, не меньше, а они все никак не уймутся. Просто очумели.

Машинист сцены. Послушайте, вот у кого, наверно, деньжищ-то!

Уборщица. И-и, милый! Еще бы! Одни букеты сколько стоят! Гляньте: их там еще целая куча осталась. Даже не увезла все.

Машинист сцены. Я сам на минутку вышел сюда за кулисы — послушать. Просто в душе все переворачивается, когда она поет.

Уборщица. Сказать по правде, я даже всплакнула. Слушаю, а у самой слезы так и текут по щекам.

Входит Прус.

Вам кого, сударь?

Прус. Мадемуазель Марти здесь? В отеле мне сказали, что она поехала в театр.

Уборщица. Она сейчас у господина директора, но потом зайдет сюда. Взять кой-чего из гардероба.

Прус. Хорошо, я подожду. *(Отходит в сторону.)*

Уборщица. Это уж пятый. Так и гоняются за ней.

Машинист. Вот не могу себе представить: неужели у такой женщины есть любовник?

Уборщица. А как же? Это уж — будьте покойны.

Машинист. Черт побери!

Уборщица. Что такое? Чего это вы?

Машинист. Никак в толк не возьму. *(Уходит.)*

Уборщица. Да, это не для таких, как ты. *(Уходит в другую сторону.)*

Входит Кристина.

Кристина. Янек, иди сюда! Здесь никого нет, Янек!

Янек Прус *(входит вслед за ней).* А не выгонят меня отсюда?

Кристина. Сегодня нет репетиции. Ах, боже мой, Янек, я так несчастна.

Янек. Почему? *(Хочет поцеловать ее.)*

Кристина. Нет, Янек. Не целоваться! С этим покончено. У меня... теперь не то на уме. Я не должна о тебе думать.

Янек. Что ты, Криста!

Кристина. Будь благоразумен, Янек. Раз я хочу чего-то добиться... так я должна стать совсем другой. Серьезно. Янек, если человек только об одном думает, только об одном и ни о чем больше, у него ведь должно получиться, а?

Янек. Конечно.

Кристина. Ну вот. Значит, я должна думать только об искусстве. Ведь Марти изумительна, да?

Янек. Да, но...

Кристина. Ты этого не понимаешь. У нее исключительная техника. Я не спала всю ночь, все мучилась, думала — уходить из театра или нет. Если бы мне хоть крошечку ее уменья...

Янек. Но ведь ты хорошо поешь.

Кристина. Ты думаешь? Значит, по-твоему, продолжать?! Но тогда конец всему остальному, понимаешь? Я должна целиком посвятить себя театру.

Янек. Но, Кристина! Минутку-другую... со мной.

Кристина *(садится на трон).* В том-то и дело, что тут не минутка. Это уж ясно, Янек: я о тебе целый день думаю. Ты... ты противный! Как я могу достичь чего-нибудь, если все время думаю о тебе?!

Янек. А я? Если бы ты знала, Криста... Я совсем разучился думать о чем-нибудь, кроме тебя.

Кристина. Тебе-то что! Ты не поешь... И вообще. Так вот — слушай, Янек: я решила. Только но возражай и не спорь...

Янек. Нет, нет, я не согласен! Я...

Кристина. Прошу тебя, Янек, не осложняй мне жизнь. Подумай, милый: мне пора всерьез заняться делом. Я не хочу быть бедной и безвестной девчонкой... уже ради тебя. И потом — у меня теперь как раз формируется голос, мне нельзя много разговаривать.

Янек. Я буду говорить, я!

Кристина. Нет, постой. Я уже решила. Между нами все кончено, Янек. Бесповоротно. Мы будем видеться только один раз в день.

Янек. Но...

Кристина. А в остальное время будем чужими. Весь день. Я буду страшно много работать, Янек. Буду петь, размышлять, учиться... Знаешь, я хотела бы стать такой, как она. Пойди сядь сюда, глупый, тут есть еще место рядом со мной. Ведь мы одни. Как ты думаешь, любит она кого-нибудь?

Янек *(садится на трон возле нее).* Кто?

Кристина. Она, Марти!

Янек. Марти! Ну конечно.

Кристина. Серьезно? Я этого не понимаю: она такая великая, прославленная. Как она может кого-нибудь любить?.. Ты не знаешь, что такое, когда женщина любит. Это так унизительно...

Янек. Ни капельки!

Кристина. Нет, серьезно, вы, мужчины, не понимаете... Тут уж не думаешь о себе, а идешь за ним, как рабыня... такая не своя, такая его... Иногда мне хочется избить себя за это.

Янек. Но...

Кристина. И потом — все сходят с ума по Марти. Все, на кого она ни посмотрит. Так что для нее все это — ерунда. Ей-богу!

Янек. Неправда!

Кристина. Я даже за тебя боюсь...

Янек. Кристинка! *(Украдкой целует ее.)*

Кристина *(не сопротивляется).* Янек, а вдруг нас кто-нибудь увидит.

Прус *(выступает).* Я не смотрю.

Янек *(вскакивает).* Папа!

Прус. Можешь не удирать. *(Подходит.)* Мадемуазель Кристина, рад познакомиться с вами. Жаль, что не слыхал о вас раньше. Парень мог бы похвастаться.

Кристина *(сходит с трона и заслоняет Янека).* Видите ли... господин Прус только зашел на минутку, чтобы... чтобы...

Прус. Какой господин Прус?

Кристина. Вот он... господин Прус...

Прус. Просто Янек, мадемуазель. Давно он за вами увивается?

Кристина. Уже год.

Прус. Так, так. Ишь ты! Но вы не принимайте этого шалопая всерьез. Я его знаю. А ты, молодой человек... Ну, ладно, не буду вам мешать. Но место здесь немножко неудобное, а?

Янек. Папа, если ты думаешь, что тебе удастся меня смутить, то ошибаешься.

Прус. Это хорошо. Мужчина никогда не должен теряться.

Янек. Не ожидал я, что ты будешь меня выслеживать...

Прус. Отлично, Янек. Не давай себя в обиду!

Янек. Я говорю серьезно. Есть вещи, которые я не позволю... о которых... которыми...

Прус. Превосходно, мой друг. Вашу руку!

Янек *(вдруг с детским испугом прячет руки).* Нет, папа, пожалуйста, не надо.

Прус *(протягивая руку).* Да ну же!

Янек *(не без колебания протягивает руку).* Папа!

Прус *(жмет ее).* Ну, вот и ладно, да? Дружески, сердечно.

Янек *(с гримасой боли, пересиливает себя, потом вскрикивает).* Ай!

Прус *(отпускает его).* Ну, герой. Долго крепился.

Кристина *(со слезами на глазах).* Это жестоко.

Прус *(осторожно берет ее за руку).* Ваши милые ручки потом вознаградят его за все.

Вбегает Витек.

Витек. Криста, Кристинка! А, вот ты где? *(Смутившись.)* Господин Прус...

Прус. Не буду мешать. *(Отходит в сторону.)*

Кристина. В чем дело, папа?

Витек. О тебе пишут в газетах, Кристинка! В газетах! Да еще в рецензии о Марти. Подумай только — рядом с Марти!

Кристина. Покажи.

Витек *(разворачивает газету).* Вот: «Такую-то роль впервые исполняла мадемуазель Витек». Здорово?

Кристина. А это что?

Витек. Это другие газеты. Там ничего пет. Только статьи о Марти. Все полно ею, точно, кроме Марти, ничего на свете нет.

Кристина *(счастливая).* Посмотри, Янек, здесь упоминают обо мне.

Витек. Кто это, Криста?

Кристина. Господин Прус.

Янек. Янек.

Витек. Откуда ты его знаешь?

Янек. Мадемуазель была так добра, что...

Витек. Дочь мне сама объяснит. Пойдем, Криста.

Входит Эмилия.

Эмилия *(обращаясь за кулисы).* Благодарю вас, господа, но разрешите мне наконец уехать. *(Видит Пруса.)* Еще один?

Прус. О нет, мадемуазель Марти, я не с поздравлениями. У меня к вам другое дело.

Эмилия. Но в театре вы вчера были?

Прус. Конечно.

Эмилия. То-то. *(Садится на трон.)* Никого сюда не пускать. С меня довольно. *(Смотрит на Янека.)* Это ваш сын?

Прус. Да. Подойди поближе, Янек.

Эмилия. Подойдите, Янек, я хочу посмотреть на вас. Вы были вчера в театре?

Янек. Да.

Эмилия. Понравилась я вам?

Янек. Да.

Эмилия. Вы умеете говорить что-нибудь, кроме «да»?

Янек. Да.

Эмилия. Какой у вас глупый сын.

Прус. Мне стыдно за него.

Входит Грегор с букетом.

Эмилия. А, Бертик! Давай букет.

Грегор. За вчерашний вечер. *(Подает букет.)*

Эмилия. Ну-ка покажи. *(Берет букет и вынимает из него футляр.)* Это возьми назад. *(Отдает футляр.)* Моло-

дец, что пришел. За букет спасибо. *(Понюхав, бросает букет на кучу других.)* Понравилась я тебе?

Грегор. Нет. Ваше пение подавляет, оно слишком совершенно. Кроме того...

Эмилия. Ну?

Грегор. Когда вы поете, вам скучно. Мастерство потрясающее, сверхчеловеческое, но сами вы... скучаете смертельно. Вам как будто холодно.

Эмилия. Ты почувствовал это? Что ж, может, ты и прав. Слушай: тот документ, насчет Эллен, я уже послала твоему глупому адвокату. Как процесс?

Грегор. Не знаю. Мне все равно.

Эмилия. Ну еще бы! Уже покупаешь всякие побрякушки в футлярах, дурень. Сейчас же вернешь ювелиру. Сколько ты заплатил?

Грегор. Какое вам дело?

Эмилия. Занял небось? Бегал все утро по ростовщикам? *(Роется в сумочке, вынимает пачку банкнот.)* На, бери. Скорей!

Грегор *(отшатнувшись).* Вы предлагаете мне деньги? Да вы понимаете?..

Эмилия. Бери, говорю, а то за уши выдеру.

Грегор *(вспыхивая).* Попробуйте!

Эмилия. Смотрите пожалуйста: указывать мне вздумал. Бертик, не зли меня. Я отучу тебя залезать в долги. Ну, возьмешь?

Прус *(Грегору).* Ради бога, прекратите.

Грегор *(вырывает деньги).* Дикие капризы! *(Передает Витеку.)* Сдадите в контору. В депозит мадемуазель Марти.

Витек. Слушаю.

Эмилия. Эй, вы. Это для него. Понятно?

Витек. Слушаю.

Эмилия. Вы были в театре? Понравилась я вам?

Витек. Еще бы! Настоящая Страда.

Эмилия. А вы слышали Страду? Вот что я вам скажу: Страда пищала. У нее не было никакого голоса.

Витек. Но ведь она умерла больше ста лет назад.

Эмилия. Тем хуже. Послушали бы, тогда и говорили. Страда! И почему это вечно вспоминают Страду?

Витек. Простите, сам я не слышал... Но история свидетельствует...

Эмилия. История врет. Вот что я вам скажу: Страда пищала, у Корроны был зоб, Агуяри была глупа как пробка, а Фаустина пыхтела, словно кузнечный мех. Вот она, ваша история.

Витек. Прошу прощения... я не специалист... все, что касается музыки...

Прус *(с усмешкой).* Витек ни в чем не станет вам перечить, пока не зайдет речь о французской революции.

Эмилия. О чем?

Прус. О французской революции. Это его конек.

Эмилия. Почему?

Прус. Не знаю. Но попробуйте спросите его о гражданине Марате.

Витек. Пожалуйста, не надо. Ну к чему это?

Эмилия. Марат? Это тот депутат с вечно потными руками?

Витек. Потными руками? Неправда!

Эмилия. Помню, помню. У него были руки, как лягушки. Брр...

Витек. Нет, нет, это недоразумение. Простите, этого о нем нигде не сказано!

Эмилия. Да я-то знаю. А как звали того, высокого, с лицом в оспинах?

Витек. Кто же это такой?

Эмилия. Ну, которому отрубили голову...

Витек. Дантон?

Эмилия. Да, да. Он был еще хуже.

Витек. Чем же?

Эмилия. Да у него все зубы были гнилые. Пренеприятный человек.

Витек *(в волнении).* Простите — так нельзя говорить. Это не исторический подход. У Дантона... у него не было гнилых зубов. Вы не можете этого доказать. А если бы и были, дело совсем не в этом. Совсем, совсем не в этом.

Эмилия. Как не в этом? Да ведь с ним было противно разговаривать.

Витек. Простите, я не могу с вами согласиться. Дантон... и вдруг такие слова! Этак в истории не останется ничего великого.

Эмилия. Ничего великого и не было.

Витек. Что?

Эмилия. Ровно ничего великого. Я-то знаю.

Витек. Но Дантон...

Эмилия. Не угодно ли? Этот человек вздумал со мной спорить!

Прус. Это с его стороны невежливо.

Эмилия. Нет, глупо.

Грегор. Может, позвать еще нескольких человек, чтобы вы им тоже наговорили грубостей?

Эмилия. Не надо, сами придут. Прибегут на четвереньках.

Кристина. Уйдем отсюда, Янек.

Эмилия *(зевает).* Это пара влюбленных? Ну, как? Уже познали райское блаженство?

Витек. Виноват?

Эмилия. Ну, обладали они уже друг другом?

Витек. О, господи! Что вы!

Эмилия. Да что ж тут особенного? Разве вы им этого не желаете?

Витек. Криста, ведь этого не было?

Кристина. Папа! Как ты можешь...

Эмилия. Молчи, глупая. Чего еще не было, то будет. И нестоящее это дело, слышишь?

Прус. А что — стоящее дело?

Эмилия. Ничего. Вообще ничего.

Входит Гаук-Шендорф с букетом.

Гаук. Разрешите, разрешите, пожалуйста...

Эмилия. Кто там еще?

Гаук. Мадемуазель, дорогая мадемуазель, позвольте мне... *(Становится на колени перед троном.)* Милостивая государыня, если б вы знали, если б вы только знали... *(Всхлипывает.)* Простите великодушно...

Эмилия. Что с ним?

Гаук. Вы... вы... так на нее похожи!

Эмилия. На кого?

Гаук. На Евгению... Евгению Монтес.

Эмилия *(вставая).* Ка-ак?

Гаук. На Евгению... Я ее... знал... Боже мой, прошло уже пятьдесят лет...

Эмилия. Кто этот старичок?

Прус. Гаук-Шендорф, мадемуазель.

Эмилия. Макс? *(Сходит с трона.)* О, господи! Да встаньте же.

Гаук *(поднимается с колен).* Смею ли... смею ли я... называть вас Евгенией?

Эмилия. Называйте как хотите. Я очень похожа на нее?

Гаук. Похожа? Да я... вчера... вчера в театре... думал, что вы... что вы — это она. Она, Евгения! Если б вы знали! Ее голос... Глаза... Как она была хороша... Господи, а лоб! *(Неожиданно запнувшись.)* Но вы выше ростом.

Эмилия. Выше? А может быть, нет?

Гаук. Немножко выше. Разрешите сравнить... Евгения была мне вот до сих пор. Я мог поцеловать ее в лоб.

Эмилия. Только в лоб?

Гаук. Как? Как вы сказали? Ну, совершенная Евгения! Милостивая государыня, разрешите поднести вам букетик.

Эмилия *(берет букет).* Благодарю.

Гаук. Насмотреться на вас не могу.

Эмилия. Да вы садитесь, мой милый. Бертик, кресло! *(Садится на трон.)*

Янек. Разрешите, я сбегаю. *(Бежит.)*

Кристина. Не туда! *(Бежит за ним.)*

Прус *(Гауку).* Cher comte [1].

Гаук. Боже мой, это вы, Прус? Я вас не заметил, простите великодушно. Очень, очень рад. Как поживаете?

Прус. А вы?

Гаук. Как ваша тяжба? Развязались вы с тем субъектом.

Прус. Где там! Грегор, позвольте вас представить...

Гаук. Ах, господин Грегор? Очень, очень рад. Как поживаете?

Грегор. Спасибо.

Янек и Кристина приносят стулья.

Эмилия. Эй вы, зачем ссоритесь?

Янек. Мы ничего, просто так...

Эмилия. Садитесь, Макс.

Гаук. Покорно благодарю. *(Садится.)*

Эмилия. Вы там садитесь. Бертик может сесть ко мне на колени.

Грегор. Вы слишком любезны.

Эмилия. Не хочешь — стой.

Гаук. Прекрасная, божественная, на коленях прошу у вас прощения.

---

[1] Милый граф (*франц.*).

Эмилия. За что?

Гаук. Я — старый дурак. Какое вам дело до какой-то давно умершей Евгении Монтес.

Эмилия. Она умерла?

Гаук. Да.

Эмилия. Это глупо.

Гаук. Умерла пятьдесят лет тому назад. Я любил ее. С тех пор прошло пятьдесят лет.

Эмилия. Да.

Гаук. Ее называли гитаной, цыганкой. Она и была цыганка. Называли: la chula negra [1]. Это было на юге, в Андалузии. Я тогда служил в посольстве, в Мадриде. Представляете себе? Пятьдесят лет тому назад. В тысяча восемьсот семидесятом...

Эмилия. Да.

Гаук. Она пела и плясала на базарах, понимаете? Боже мой, все сходили по ней с ума! Ай да гитана! Как щелкнет кастаньетами! Я, знаете ли, был тогда молод... а она, она была...

Эмилия. Цыганка.

Гаук. Совершенно верно. Цыганка. Вся — огонь. Нет, этого не забыть, никогда не забыть... Поверите ли, после этого я уже не мог опомниться. На всю жизнь остался каким-то пришибленным...

Эмилия. О!

Гаук. Я идиот, мадемуазель. Идиот Гаук. Я... как это называется?

Грегор. Слабоумный.

Гаук. Вот, вот, слабоумный. Все, что имел, оставил у ее ног, понимаете? Потом была уже не жизнь, а так — спячка... Vaya, querida! Salero! Mi Dios [2], как вы на нее похожи! Евгения, Евгения! *(Расплакался.)*

Прус. Гаук, возьмите себя в руки!

Гаук. Да, да... Простите великодушно... Мне пора уходить, а?

Эмилия. До свидания, Макс.

Гаук. Совершенно верно. Я... я еще приду, а? *(Встает.)* Разрешите откланяться. Боже мой, как посмотрю на вас...

Эмилия *(наклоняясь)*. Поцелуйте меня.

---

[1] проказница-смуглянка (*исп.*).

[2] Какая любовница! С изюминкой! Боже мой (*исп.*).

Гаук. Простите? Как вы сказали?

Эмилия. Bésame, bobo, bobazó!

Гаук. Jesús, mil veces, Euqénia!

Эмилия. Animal, un besito!

Гаук *(целует ее).* Eugenia, moza negra... niña... querida... carí sima.

Эмилия. Chite, tonto! Quieta! Fuera!

Гаук. Es ella, es ella! Gitana endiablada, ven conmigo, pronto!

Эмилия. Yo no lo soy, loco! Ahora callate! Vaya! Hasta mañana, entiendes?

Гаук. Vendré, vendré, mis amores!

Эмилия. Vaya!

Гаук *(отступает на шаг).* Ay, por Dios. Cielo de mí, es ella! Sí, es ella! Eugénia...

Эмилия. Caramba, vaya! Fuera!

Гаук *(отступает).* Vendré! Hijo de Dios, ella misma! [1] *(Уходит.)*

Эмилия. Следующий! Кому я еще нужна?

Витек. Прошу прощения. Не соблаговолите ли надписать на память мне... и Кристинке... вашу фотографию?

Эмилия. Глупости. Но Кристинке не откажу. Перо! *(Надписывает.)* До свиданья.

Витек *(кланяется).* Тысяча благодарностей. *(Уходит с Кристиной.)*

Эмилия. Следующий? Больше никого?

Грегор. Мне вы нужны с глазу на глаз.

Эмилия. В другой раз как-нибудь. Значит, никого? Ну, я ухожу.

Прус. Простите, еще минутку.

Эмилия. Вы хотите что-то сказать?

---

[1] Эмилия. Целуй меня, дурак, дурачок!
Гаук. Боже мой, тысячу раз, Евгения!
Эмилия. Животное, один поцелуй!
Гаук. Евгения... Черномазая... девочка... любимая... дорогая.
Эмилия. Тсс, дурак! Перестань. Пошел прочь!
Гаук. Это она, она! Чертова цыганка, идем со мной, скорее!
Эмилия. Я уже не цыганка, сумасброд! Замолчи! Ступай! До завтра, понимаешь?
Гаук. Приду, приду, любовь моя!
Эмилия. Уходи!
Гаук. О, боже мой! Это она, это она! Евгения...
Эмилия. Черт возьми, уходи! Прочь!
Гаук. Приду! Господи боже, это в самом деле она! (*исп.*)

Прус. Непременно.

Эмилия *(зевает).* Ладно, выкладывайте.

Прус. Я хотел только спросить... Вам ведь кое-что известно о Иозефе Прусе и прочем, не так ли?

Эмилия. Может быть.

Прус. Так случайно не знакомо ли вам одно имя?

Эмилия. Какое?

Прус. Ну, скажем, Макропулос?

Эмилия *(быстро встает).* Что?

Прус *(тоже встает).* Знакомо вам имя Макропулос?

Эмилия *(овладевая собой).* Мне?.. Абсолютно незнакомо. Впервые слышу. Да уходите вы все! Уходите! Оставьте меня наконец!

Прус *(кланяется).* Весьма сожалею...

Эмилия. Нет, нет! Вы подождите. А Янек что? Заснул, что ли? Пусть уходит!

Янек уходит.

(Грегору.) Тебе что?

Грегор. Поговорить с вами.

Эмилия. Сейчас мне не до тебя.

Грегор. А мне нужно с вами поговорить.

Эмилия. Пожалуйста, Бертик, оставь меня. Уйди, милый. Сейчас уйди. Можешь прийти через несколько минут.

Грегор. Я приду. *(Холодный поклон Прусу. Уходит.)*

Эмилия. Наконец!

Пауза.

Прус. Извините, мадемуазель, я не предполагал, что это имя так взволнует вас.

Эмилия. Что вы знаете о Макропулосе?

Прус. Я вас об этом спрашиваю.

Эмилия. Что вы знаете о Макропулосе?

Прус. Сядьте, прошу вас. Очевидно, разговор немного затянется.

Оба садятся. Пауза.

Прежде всего, мадемуазель, разрешите нескромный вопрос. Может быть, даже слишком нескромный.

Эмилия молча кивает.

Есть у вас... какой-нибудь особый интерес к особе господина Грегора?

Эмилия. Нет.

Прус. Вам очень важно, чтобы он выиграл тяжбу?

Эмилия. Нет.

Прус. Благодарю вас. Не буду расспрашивать, мадемуазель, откуда вам известно содержимое запертых столов у меня в доме. Это, видимо, ваша тайна.

Эмилия. Да.

Прус. Прекрасно. Вы знали, что там письма. Знали, что там завещание Пруса... да еще запечатанное. А знали вы, что там было... еще кое-что?

Эмилия *(в волнении встает).* Что? Вы нашли еще что-то? Что именно?

Прус. Не знаю. Для меня самого — загадка.

Эмилия. Вы не знаете, что это?

Прус. А вы знаете?

Эмилия. Вы мне об этом ничего не сказали...

Прус. Я думал, вам известно от Коленатого... или от Грегора.

Эмилия. Никто из них не говорил мне ни слова.

Прус. Это просто запечатанный конверт с надписью рукой Иозефа Пруса: «Сыну моему Фердинанду». Вот и все. Конверт лежал вместе с завещанием.

Эмилия. И вы его не вскрыли?

Прус. Нет. Он адресован не мне.

Эмилия. Так давайте его сюда.

Прус *(встает).* Как? Почему?

Эмилия. Потому что я так хочу. Потому что... потому что...

Прус. Ну?

Эмилия. Потому что я имею на это право.

Прус. Позвольте узнать: какое?

Эмилия. Не скажу. *(Садится.)*

Прус. Гм... *(Садится.)* Это, видимо... тоже ваша тайна.

Эмилия. Разумеется. Так вы дадите?

Прус. Нет!

Эмилия. Что ж, хорошо. Мне даст его Бертик. Конверт принадлежит ему.

Прус. Посмотрим. Можете вы сказать мне, что в этом конверте?

Эмилия. Нет. *(Пауза.)* А что вам известно о Макропулосе?

Прус. Pardon, а что вам известно о той, которую вы называете Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. У вас ведь есть ее письма.

Прус. Вам, наверно, известны подробности. Что вы знаете об этой... потаскушке?

Эмилия *(вскочив).* Что такое?

Прус *(встает).* Но, сударыня...

Эмилия. Как вы смеете, как вы смеете говорить такие вещи!

Прус. Да вам-то что? Какое вам дело до этой сомнительной особы... жившей сто лет тому назад?

Эмилия. Да. Никакого. *(Садится.)* Значит, она была потаскушкой?

Прус. Видите ли, я читал ее письма. Чрезвычайно чувственная особа.

Эмилия. О, вам не следовало их читать.

Прус. Там упоминаются такие... интимные подробности. Я не мальчик, мадемуазель, но признаюсь, что у самой искушенной распутницы нет такого опыта... в некоторых делах, как у этой светской девицы.

Эмилия. Вы хотели сказать — девки?

Прус. Это было бы слишком мягко, мадемуазель.

Эмилия. Знаете что? Дайте мне ее письма.

Прус. Может быть, вас интересуют именно эти... интимные подробности?

Эмилия. Возможно.

Пауза.

Прус. Знаете, что я хотел бы знать?

Эмилия. Ну?

Прус. Какова вы в любви.

Эмилия. Ага, теперь уже вы думаете об... интимных подробностях!

Прус. Возможно.

Эмилия. Может быть, я напоминаю вам эту Эллен?

Прус. Боже упаси!

Пауза.

Эмилия. Да, она была авантюристка, распутница. Может, добавите еще что-нибудь похуже?

Прус. Как ее звали на самом деле?

Эмилия. Эллен Мак-Грегор. Ведь письма ее подписаны.

Прус. Pardon, там стоят инициалы Э. М. и только.

Эмилия. Ясно, что они означают Эллен Мак-Грегор.

Прус. Ясно, что они могут означать что угодно. Например, Эмилия Марти, Евгения Монтес и тысячу других имен.

Эмилия. А они означают Эллен Мак-Грегор, шотландку по национальности.

Прус. Или, вернее... Элину Макропулос, гречанку с Крита.

Эмилия. Проклятье!

Прус. Значит, правильно?

Эмилия *(гневно).* Отстаньте. *(Пауза. Поднимает голову.)* Черт возьми, откуда вы знаете?

Прус. Да очень просто. В завещании идет речь о каком-то Фердинанде, родившемся двадцатого ноября тысяча восемьсот шестнадцатого года в Лоукове. Завещание мы прочли вчера вечером, а сегодня, в три часа утра, лоуковский священник, с фонарем в руке, в ночной рубашке, бедняга, ввел меня в хранилище метрических книг. Там я нашел то, что искал.

Эмилия. Что же именно?

Прус. Метрическую запись. Вот какую. *(Вынимает блокнот и читает.)* Имя и фамилия новорожденного — Фердинанд Макропулос. Дата рождения — двадцатое ноября тысяча восемьсот шестнадцатого года. Происхождение — внебрачный. Отец — прочеркнуто. Мать — Элина Макропулос, гречанка с Крита. Вот и все.

Эмилия. Больше вы ничего не знаете?

Прус. Ничего. Но и этого достаточно.

Эмилия. Бедняжка Грегор! Теперь Лоуков останется у вас, а?

Прус. По крайней мере, до тех пор, пока не объявится какой-то Макропулос.

Эмилия. А запечатанный конверт?

Прус. О, конверт будет тщательно храниться до его прихода.

Эмилия. А если никакой Макропулос не явится?

Прус. Тогда конверт не будет вскрыт. И не достанется никому.

Эмилия. Так вот: он явится, — понятно? И вы распрощаетесь с Лоуковом.

Прус. Что ж, воля божья.

Эмилия. Как можно вести себя так глупо! *(Пауза.)* Слушайте, дайте лучше этот конверт мне.

Прус. Жалею, что вы продолжаете этот разговор.

Эмилия. В таком случае за ним придет сам Макропулос.

Прус. Гм, кто же этот Макропулос? Где он? У вас в кармане?

Эмилия. Вы хотите знать? Это Бертик Грегор.

Прус. Неужели, опять он?

Эмилия. Да, Элина Макропулос и Эллен Мак-Грегор — одно и то же лицо. Фамилия Мак-Грегор была ее сценическим псевдонимом, понятно?

Прус. Абсолютно понятно. А Фердинанд Грегор — это ее сын, не так ли?

Эмилия. Вот именно.

Прус. Почему же его фамилия была не Макропулос?

Эмилия. Потому что... потому что Эллен хотела, чтобы это имя кануло в Лету.

Прус. Ну вот что, мадемуазель, оставим эту тему.

Эмилия. Вы мне не верите?

Прус. Я этого не говорю. И даже не спрашиваю, откуда вам все это известно.

Эмилия. О, господи, к чему дальше скрывать... Я вам все расскажу, Прус, по сохраните мою тайну. Эллен... Элина Макропулос была... моя тетя.

Прус. Ваша тетя?

Эмилия. Да, сестра моей матери. Теперь вы все знаете.

Прус. В самом деле, как все, оказывается, просто.

Эмилия. Вот видите.

Прус *(встает)*. Жаль только, что это неправда, мадемуазель Марти.

Эмилия. Вы ходите сказать — я лгу?

Прус. К сожалению. Если б вы сказали, что Элина Макропулос была прабабушкой вашей тети, это, по крайней мере, было бы правдоподобно.

Эмилия. Да, вы правы. *(Подает руку Прусу.)* Всего хорошего.

Прус *(целует руку)*. Вы разрешите мне как-нибудь в ближайшем будущем засвидетельствовать вам свое почтение?

Эмилия. Пожалуйста.

Прус уходит.

Постойте! За сколько бы вы продали мне этот конверт?

Прус *(оборачивается).* Простите, что вы сказали?

Эмилия. Я куплю его. Куплю эти письма. Заплачу, сколько вы потребуете.

Прус *(подходит к ней).* Простите, сударыня, но об этом я не могу вести переговоры здесь... и с вами. Пришлите, пожалуйста, кого-нибудь ко мне на дом.

Эмилия. Зачем?

Прус. Чтобы я мог спустить его с лестницы. *(С легким поклоном уходит.)*

Пауза. Эмилия сидит неподвижно, с закрытыми глазами. Входит Грегор, останавливается.

Эмилия *(после небольшого молчания).* Это ты, Бертик?

Грегор. Почему вы закрыли глаза? У вас измученный вид. Что с вами?

Эмилия. Я устала. Говори тихо.

Грегор *(подходит к ней).* Тихо? Предупреждаю вас: если я буду говорить тихо, я сам не буду знать, что говорю... стану произносить безумные слова. Слышите, Эмилия? Не позволяйте мне говорить тихо. Я вас люблю. Я схожу с ума. Люблю вас! Вы не подымаете меня на смех? А я думал, что вы вскочите и дадите мне подзатыльник. И от этого я полюбил бы вас еще неистовей. Я люблю вас... Да вы спите?

Эмилия. Как холодно, Бертик!.. Я вся дрожу. Смотри, не простудись.

Грегор. Я люблю вас. Берегитесь, Эмилия! Вы грубы со мной, но даже это доставляет мне наслаждение. Я вас боюсь, но и в этом есть что-то притягательное. Когда вы меня оскорбляете, мне хочется вас задушить. Мне хочется... Я безумец, Эмилия, я, наверно, убью вас. В вас есть что-то отвратительное, и в этом наслажденье. Вы злая, низкая, ужасная... Бесчувственное животное!

Эмилия. Неправда, Бертик!

Грегор. Правда. Вам все безразлично. Вы холодны, как нож. Точно встали из могилы. Любить вас — извращение. Но я вас люблю. Люблю безумно! Мне хочется кусать самого себя...

Эмилия. Тебе нравится фамилия Макропулос? Скажи!

Грегор. Перестаньте! Не дразните меня. Я жизнь готов отдать за то, чтоб владеть вами. Готов быть игрушкой в ваших руках. Пойду на все, чего бы вы ни потребовали, на самые неслыханные вещи. Я люблю вас... Я погибший человек, Эмилия.

Эмилия. Слушай, вот что! Беги сейчас же к своему адвокату. Пускай он вернет тебе документ, который я ему послала.

Грегор. Он поддельный?

Эмилия. Нет, Альберт, клянусь, нет, Но понимаешь, нам нужен другой, на имя Макропулоса. Постой, я тебе объясню! Эллен...

Грегор. Не нужно. Мне надоели все эти фокусы.

Эмилия. Нет, подожди. Ты должен стать богатым, Бертик. Я хочу, чтобы ты был страшно богат.

Грегор. Тогда вы меня полюбите?

Эмилия. Перестань! Бертик, ты обещал мне достать эту греческую рукопись. Она у Пруса, слышишь? И ты должен добиться наследства, чтобы получить и рукопись!

Грегор. Тогда вы меня полюбите?

Эмилия. Никогда! Понимаешь? Никогда!

Грегор *(сел).* Я вас убью, Эмилия.

Эмилия. Вздор. Стоит мне сказать тебе три слова, и все пройдет, все пройдет. Подумаешь — он хочет меня убить! Ты видишь этот шрам на шее? Один такой вот тоже хотел убить меня. А если бы я встала перед тобой нагая, ты увидел бы, сколько у меня шрамов на память о вас. Создана я так, что ли, что всем хочется убить меня!

Грегор. Я люблю вас.

Эмилия. Отстань, глупец. С меня довольно! Я сыта по горло вашей любовью. О, если бы ты знал... Если б ты знал, как смешны вы, люди. Если бы знал, как я устала! Как мне все опостылело. О, если б ты знал...

Грегор. Что с вами?

Эмилия *(ломает руки).* Несчастная Элина!

Грегор *(тихо).* Пойдем, Эмилия. Уедем отсюда. Никто никогда не любил вас, как я. Знаю... знаю, что в вашей душе отчаяние и ужас. Эмилия, я молод и силен, я сумею зажечь вас своей любовью... Вы забудетесь... а потом отбросите меня, как шелуху. Слышите, Эмилия?

Эмилия ровно и громко храпит.

(Встает в волнении.) Что это? Она спит! Вы притворяетесь, Эмилия? Спит! Как пьяная. *(Протягивает к ней руку.)* Эмилия, это я... я... Мы одни... *(Низко склоняется к ней.)*

Уборщица, остановившись поодаль, предостерегающе и строго кашляет.

(Выпрямляясь.) Кто там? Ах, это вы... Мадемуазель задремала. Не будите ее. *(Целует руку Эмилии и поспешно уходит.)*

Уборщица *(подойдя к Эмилии, молча смотрит на нее).* Что-то душа у меня за нее болит... *(Покачав головой, уходит.)*

Пауза. Из-за кулис выходит Янек, останавливается в десяти шагах от Эмилии и с обожанием глядит на нее.

Эмилия. Это ты, Бертик?

Янек. Нет. Простите, это только я — Янек.

Эмилия *(садится).* Янек? Пойдите сюда, Янек. Хотите оказать мне услугу?

Янек. О да.

Эмилия. Сделаете все, о чем я ни попрошу?

Янек. Да.

Эмилия. Нечто необычное, Янек. Отважный поступок.

Янек. Да.

Эмилия. И... чего вы за это потребуете?

Янек. О-о, ничего, ничего.

Эмилия. Подойдите поближе. Это очень мило с вашей стороны. Слушайте: у вашего отца дома — запечатанный конверт, на котором написано: «Сыну моему Фердинанду». Конверт лежит в столе, в сейфе или еще где-нибудь. Compris? [1]

Янек. Да, да.

Эмилия. Принесите этот конверт.

Янек. А папа даст его мне?

Эмилия. Нет. Вы должны взять сами.

Янек. Я не могу.

Эмилия. Ах, так! Мальчик боится папы?

Янек. Я не боюсь, но...

Эмилия. Но? Янек, милый, честное слово, он дорог мне как память и не имеет никакой цены... А как бы хотелось!

[1] Поняли? (*франц.*)

Янек. Я... я попробую.

Эмилия. Правда?

Прус *(выступает на свет).* Не трудись, Янек. Конверт заперт в сейфе.

Янек. Папа!

Прус. Иди! *(Эмилии.)* Любопытное явление, мадемуазель. Я думал, что он торчит в театре из-за своей Кристинки, а оказывается...

Эмилия. А вы почему торчите в театре?

Прус. Я ждал... вас.

Эмилия *(подходит к нему вплотную).* Тогда... отдайте мне конверт.

Прус. Это не моя собственность.

Эмилия. Принесите его мне.

Прус. А-а! Когда?

Эмилия. Сегодня ночью.

Прус. Идет!

Занавес

Действие третье

Номер в гостинице. Налево окно, направо дверь в коридор. В центре дверь с гардинами ведет в спальню Эмилии. Эмилия выходит из спальни в пеньюаре. За ней Прус в смокинге, но без воротничка. Прус молча садится в кресло направо. Эмилия идет к окну и поднимает штору. На дворе светает.

Эмилия *(отворачивается от окна).* Ну? *(Пауза. Подходит ближе.)* Давайте. *(Пауза.)* Слышите? Дайте мне конверт.

Прус достает из внутреннего кармана бумажник, вынимает оттуда запечатанный конверт и молча бросает его на стол.

(Берет конверт и подходит к туалету. Садится и осматривает печать на конверте. Колеблется. Потом быстро вскрывает конверт шпилькой и вынимает из него сложенный пожелтевший листок. Читает. Радостный вздох. Складывает листок и прячет его за корсаж. Встает.) Отлично!

Пауза.

Прус *(тихо).* Вы меня обманули.

Эмилия. Вы получили... все, что хотели.

Прус. Обманули... Вы были холодны как лед. Я словно обнимал мертвую. *(Содрогается.)* И ради этого я отдал чужие документы. Благодарю покорно!

Эмилия. Вам жаль конверта?

Прус. Мне жаль, что я узнал вас. Я не должен был отдавать конверт. Получается, что я вор. Гадость, гадость!

Эмилия. Завтракать будете?

Прус. Не хочу. *(Встает и подходит к ней.)* Покажитесь. Покажитесь, я хочу посмотреть на вас. Не знаю, что я вам отдал; наверно, что-то ценное. Но даже если дело было только в том, что это — чужой запечатанный документ... *(Машет рукой.)*

Эмилия. Вы хотите плюнуть мне в лицо? *(Встает.)*

Прус. Нет, себе.

Эмилия. О, пожалуйста, не стесняйтесь.

Стук.

(Идет к двери.) Кто там?

Горничная *(за сценой.)* Это я, мадемуазель.

Эмилия. Входи. *(Отпирает.)* Завтракать!

Горничная *(входит в ночной кофте и юбке. Запыхалась).* Простите, мадемуазель, не здесь ли господин Прус?

Прус *(резко оборачивается).* В чем дело?

Горничная. Пришел слуга господина Пруса. Говорит, ему нужно видеть барина. Что-то важное принес...

Прус. Откуда он знает, черт побери?.. Скажите, пусть подождет. Нет, погодите. *(Уходит в спальню.)*

Эмилия. Причеши меня. *(Садится перед туалетом.)*

Горничная. *(распускает ей волосы).* Господи, как я перепугалась. Прибегает швейцар: пришел, мол, этот самый слуга, хочет к вам. А слуга-то не в себе, говорить даже не может. У меня сердце так и упало. Не иначе, думаю, что-то стряслось.

Эмилия. Осторожно! Не дергай!

Горничная. А сам бледный как мел слуга-то. Так я перепугалась...

Прус *(в воротничке и галстуке торопливо выходит из спальни).* Простите, я на минуту... *(Уходит направо.)*

Горничная *(расчесывает волосы Эмилии).* Он важный барин, да? До чего хочется знать: что там случилось? Вы бы видели, мадемуазель, как этот слуга дрожал...

Эмилия. Потом сваришь мне яйца.

Горничная. А в руке у него было какое-то письмо. Может, пойти послушать, о чем они говорят?

Эмилия *(зевает).* Который час?

Горничная. Восемь.

Эмилия. Погаси свет и не трещи.

Пауза.

Горничная. А губы у него совсем синие, у слуги-то...

Эмилия. Ты мне дергаешь волосы, дура! Дай сюда гребень. Смотри, сколько выдрала!

Горничная. У меня руки трясутся. Что-нибудь случилось, как пить дать.

Эмилия. Если и так, не смей выдирать мне волосы. Чеши!

Пауза.

Прус возвращается из коридора с нераспечатанным письмом в руке, которое он машинально поглаживает.

Быстро вернулись!

Прус, нащупав рукой кресло, садится.

Что вы хотите к завтраку?

Прус *(хрипло).* Отошлите... горничную...

Эмилия *(горничной).* Ступай пока. Я позвоню. Ступай!

Горничная уходит.

(После паузы.) Ну, что такое?

Прус. Янек... застрелился.

Эмилия. Не может быть!

Прус. Череп себе размозжил... Узнать нельзя... Скончался...

Эмилия. Бедняжка. А от кого письмо?

Прус. Слуга рассказал... А это... письмо от Янека. Нашли рядом с ним. Вот кровь...

Эмилия. Что ж он пишет?

Прус. Не хватает духу распечатать... Откуда он знал, что я у вас? Почему послал мне это письмо сюда? Неужели он...

Эмилия. ...видел вас? Наверно.

Прус. Зачем он сделал это? Зачем покончил с собой?

Эмилия. Прочтите письмо.

Прус. Может быть, вы прочтете первая?

Эмилия. Нет.

Прус. Наверно... оно и вас касается... Распечатайте...

Эмилия. Не хочу.

Прус. Я должен пойти к нему... должен... Открыть письмо?

Эмилия. Ну конечно.

Прус. Пусть будет так. *(Разрывает конверт и достает письмо.)*

Эмилия делает себе маникюр.

(Тихо читает.) О! *(Роняет письмо.)*

Эмилия. Сколько ему было лет?

Прус. Так вот, так вот почему!

Эмилия. Бедный Янек.

Прус. Он любил вас...

Эмилия. Да?

Прус *(рыдая).* Мой единственный!.. Единственный сын... *(Закрывает лицо руками. Пауза.)* Ему было восемнадцать лет, восемнадцать лет! Янек! Мальчик мой. *(Пауза.)* О, боже, боже! Я бывал чересчур суров с ним. Никогда не гладил его по голове, никогда не приласкал, никогда не похвалил... Всякий раз, как мне хотелось это сделать, я думал: нет, пусть он будет твердым... твердым, как я... твердым в жизни... Я совсем не знал его! О, боже, как мой мальчик боготворил меня!

Эмилия. Вы этого не знали?

Прус. О, боже, если бы он был сейчас жив! Так глупо, так бессмысленно влюбиться... Он видел, что я вошел к вам, ждал два часа у ворот... потом пришел домой и...

Эмилия *(берет гребень и причесывается).* Бедняжка.

Прус. Восемнадцать лет! Мой Янек, мой сын... Мертв, неузнаваем... И пишет детским почерком: «Папа, я узнал жизнь, папа, будь счастлив, а я...» *(Встает.)* Что вы делаете?

Эмилия *(со шпильками во рту).* Причесываюсь.

Прус. Вы, видно, не поняли? Янек любил вас, он застрелился из-за вас.

Эмилия. Ах, столько народу стреляется.

Прус. И вы можете причесываться?

Эмилия. Что ж, мне бегать из-за этого растрепанной?

Прус. Он застрелился из-за вас, понимаете?

Эмилия. Что же я могу поделать? Ведь из-за вас тоже. Рвать мне на себе волосы, что ли? Мне их достаточно повыдергала горничная.

Прус. Замолчите или...

Стук в дверь.

Эмилия. Войдите.

Горничная *(входит уже одетая).* Господин Гаук-Шендорф желает вас видеть.

Эмилия. Проси.

Горничная уходит.

Прус. Вы... вы примете его сейчас... при мне?

Эмилия. Идите пока в соседнюю комнату.

Прус *(поднимает портьеру).* Canaille! [1] *(Выходит.)*

Входит Гаук-Шендорф.

Эмилия. Buenos días [2], Макси. Что так рано?

Гаук. Ш-ш-ш! *(Подходит к ней на цыпочках, целует в шею.)* Собирайтесь, Евгения. Едем.

Эмилия. Куда?

Гаук. Домой. В Испанию. Хи-хи! Моя жена ничего не знает. Вы понимаете? Я уже к ней не вернусь. Por dios [3], Евгения, торопитесь!

Эмилия. Вы с ума сошли?

Гаук. Совершенно верно. Понимаете, я под опекой, как слабоумный. Меня могут задержать и отправить обратно, це-це-це, как посылку по почте. Но я хочу от них удрать. Вы меня увезете.

Эмилия. В Испанию? А что я буду там делать?

Гаук. Ого! Плясать, конечно! Mi dios, hija [4], как я всегда ревновал вас! Будете плясать, да? А я буду хлопать в ладоши. *(Вынимает кастаньеты.)* Ay, salero! Vaya, querida! [5] *(Поет.)* Ла-лала-ла-лала... *(Останавливается.)* Кто это тут плачет?

Эмилия. Э-э, никто.

Гаук. Це-це-це. Как будто кто-то плакал. Мужской голос. Chite, escusha... [6]

Эмилия. Ах да, это сосед за стеной. У него, кажется, умер сын.

Гаук. Умер? Как прискорбно! Vamos [7], гитана. Знаете, что я с собой везу? Драгоценности. Матильдины. Матильда — это моя жена. Старая ведьма, вы понимаете? Так скверно быть старым. Скверно! Я тоже был стар, пока не вернулись вы... Chiquirritina [8], мне теперь двадцать лет! Вы не верите?

Эмилия. Si, si, señor! [9]

---

[1] Скотина! (*франц.*).
[2] Добрый день (*исп.*).
[3] Ради бога (*исп.*).
[4] Боже мой, дитя (*исп.*).
[5] Ай, озорница! Любимая! (*исп.*).
[6] Тсс, прислушайтесь... (*исп.*).
[7] Пойдем (*исп.*).
[8] Малютка (*исп.*).
[9] Да, да сеньор! (*исп.*)

Гаук. Вы тоже не постарели. Человек не должен стареть. Ведь у дураков долгий век. О, я буду жить долго. И пока человек жаждет любви... *(Щелкает кастаньетами.)* Вкушай Любовь!, Ла-ла-ла-ла-ла... Эй, цыганка, поедешь со мной?

Эмилия. Да.

Гаук. К новой жизни, а? Начнем снова с двадцати лет, niña! [1] О, наслаждение! Ты помнишь? А все остальное трын-трава. Nada[2]. Поедем?

Эмилия. Si. Ven aquí, chucho! [3]

Стук в дверь.

Войдите.

Горничная *(просовывает голову).* Вас хочет видеть господии Грегор.

Эмилия. Пусть войдет.

Гаук. Что ему нужно? Бежим.

Эмилия. Подождите.

Входят Грегор, Коленатый, Кристина и Витек.

Здравствуй, Бертик. Кого это ты привел, скажи, пожалуйста?

Грегор. Вы не одна?

Гаук. А, господин Грегор! Как я рад!

Грегор *(подтолкнув Кристину к Эмилии).* Посмотрите в глаза этой девочке. Вы знаете, что случилось?

Эмилия. Янек.

Грегор. А знаете, почему?

Эмилия. Э, вздор!

Грегор. Смерть этого юноши — на вашей совести, понимаете?

Эмилия. Потому ты и притащил сюда столько народу, да еще адвоката?

Грегор. Не только потому. И прошу вас не обращаться ко мне на ты.

Эмилия *(рассердившись).* Подумаешь! Ну так что тебе надо?

Грегор. Сейчас узнаете. *(Усаживается без приглашения.)* Как ваше настоящее имя?

Эмилия. Ты меня допрашиваешь?

---

[1] девочка! (*исп.*).
[2] Ничто (*исп.*).
[3] Да, пойди сюда, песик! (*исп.*).

Коленатый. Что вы, мадемуазель. Просто дружеская беседа.

Грегор. Дайте фотографию, Витек. *(Берет у Витека снимок.)* Вы надписали Кристине эту фотографию! Здесь ваша надпись?

Эмилия. Моя.

Коленатый. Отлично. А теперь разрешите спросить: вы послали мне вчера вот этот документ — собственноручное письменное заявление некоей Эллен Мак-Грегор о том, что она является матерью Фердинанда Грегора, датированное тысяча восемьсот тридцать шестым годом? Это не подделка?

Эмилия. Нет.

Грегор. Но оно написано ализариновыми чернилами. Вы понимаете, что это значит? А? Что это фальшивка, почтеннейшая!

Эмилия. Откуда это видно?

Грегор. Чернила еще совсем свежие. Обратите внимание, господа. *(Послюнив палец, проводит им по документу.)* Расплывается. Что вы скажете, а?

Эмилия. Ничего.

Грегор. Это написано вчера, понятно? И той же рукой, которая надписала фотографию. Исключительно своеобразный почерк.

Коленатый. Буквы похожи на греческие, честное слово! Например, вот альфа...

Грегор. Вы написали это заявление сами или нет?

Эмилия. Тебе я не стану отвечать.

Гаук. Но позвольте, господа, позвольте...

Коленатый. Погодите, сударь. Тут творятся любопытные дела. Мадемуазель, можете вы сообщить нам хотя бы, откуда вы достали этот документ?

Эмилия. Клянусь, его написала Эллен Мак-Грегор.

Коленатый. Когда? Вчера утром?

Эмилия. Это неважно.

Коленатый. Очень важно, милостивая государыня. Когда умерла Элен Мак-Грегор?

Эмилия. Уходите, уходите. Больше я вам ни слова не скажу.

Прус *(быстро выходит из спальни).* Покажите мне документ, пожалуйста.

Коленатый *(встает).* Господи... вы...

Грегор. Вы здесь? Эмилия, что это значит?

Гаук. О, боже, господни Прус! Очень рад вас видеть. Как дела?

Грегор. Знаете вы, что ваш сын...

Прус *(холодно).* Да, знаю. Документ, прошу вас.

Коленатый подает ему документ.

Благодарю вас. *(Надевает пенсне и внимательно читает.)*

Грегор *(подходит к Эмилии, тихо).* Что он здесь делал? Говорите!

Эмилия *(меряя его взглядом).* По какому праву?

Грегор. По праву того, кто сходит с ума.

Прус *(откладывает документ).* Это не подделка.

Коленатый. Что за чертовщина! Так это писала Эллен Мак-Грегор?

Прус. Нет, гречанка Элина Макропулос. Тот же почерк, что в моих письмах. Тут не может быть никакого сомнения.

Коленатый. Но ведь письма писала...

Прус. Элина Макропулос. Никакой Эллен Мак-Грегор не существовало, господа. Это заблуждение.

Коленатый. С ума сойти! А надпись на фотографии?

Прус *(рассматривая надпись).* Несомненно — почерк Элины Макропулос.

Коленатый. Вот как! Но ведь это собственноручная подпись Эмилии Марти. Правда, Кристинка?

Кристина. Оставьте ее в покое.

Прус *(возвращая фотографию).* Благодарю вас. Простите, что я вмешался. *(Садится в стороне, обхватив голову руками.)*

Пауза.

Коленатый. А теперь пусть кто-нибудь с божьей помощью разберется во всей этой путанице.

Витек. Простите, может быть, здесь чистая случайность, просто почерк мадемуазель Марти... очень похож на...

Коленатый. Ну конечно, случайность, Витек. И приезд Марти — случайность, и эта фальшивка — тоже случайность... И... знаете что, Витек? Идите-ка вы к черту со всеми этими случайностями.

Эмилия. Довожу до вашего сведения, господа, что я сегодня же уезжаю.

Гаук. О, прошу вас, не надо. Но я уверен, что господин Прус...

Грегор. Разрешите узнать, куда?

Эмилия. За границу.

Коленатый. Ради бога, не делайте этого, мадемуазель. Знаете что? Останьтесь добром, чтобы нам не пришлось обращаться... чтобы мы не были вынуждены вызвать...

Эмилия. Вы хотите потребовать моего ареста?

Грегор. Пока нет. У нас еще есть выход.

Стук в дверь.

Коленатый. Войдите!

Горничная *(просовывает голову).* Двое каких-то господ ищут барона Гаука.

Гаук. Простите, кого? Меня? Не пойду! Я... ради бога... прошу вас... Устройте как-нибудь...

Витек. Я поговорю с ними. *(Выходит.)*

Коленатый *(подходит к Кристине).* Не плачь, Кристинка, не плачь. Мне так жалко...

Гаук. Ого, какая хорошенькая! Дайте-ка посмотреть. Не извольте плакать, мадемуазель!

Грегор *(подходит близко к Эмилии. Тихо).* Внизу ждет машина. Вы поедете со мной за границу или...

Эмилия. Ха-ха, ты на это рассчитывал?

Грегор. Или я, или полиция. Поедешь?

Эмилия. Нет.

Витек *(возвращается).* Господина Гаука ждет... врач... и еще один господин. Пришли за ним — проводить его домой.

Гаук. Видели? Хи-хи. Вот я и попался. Будьте добры, попросите их немного подождать.

Витек. Да я уже просил.

Грегор. Господа! Ввиду того, что мадемуазель Марти не намерена дать нам объяснения, будем действовать решительно: сами осмотрим ее стол и чемоданы.

Коленатый. Ого! Мы не имеем права, Грегор. Посягательство на частную собственность и всякое такое...

Грегор. Что ж, вызвать полицию?

Коленатый. Я умываю руки.

Гаук. Но позвольте, господин Грегор. Я, как джентльмен...

Грегор. Сударь, вас за дверями ждут доктор и сыщик. Позвать их?

Прус. Делайте... с этой женщиной... что хотите.

Грегор. Ладно. Начнем. *(Идет к письменному столу.)*

Эмилия. Назад! *(Открывает ящик туалетного столика.)* Посмей только!

Коленатый *(бросается к ней).* Ай-аяй-яй, мадемуазель! *(Вырывает у нее револьвер.)*

Грегор *(не оборачиваясь, открывает ящик стола).* Хотела стрелять, а?

Коленатый. Да, он заряжен. Оставим это, Грегор. Я вызову полицию, ладно?

Грегор. Не надо. Сами разберемся. *(Осматривает ящики.)* Пока побеседуйте...

Эмилия *(подбегает к Гауку).* Макси, ты позволяешь это? Cáspita! Y usted quiere pasar por caballero? [1]

Гаук. Cielo de mí [2]. Что же я могу сделать?

Эмилия *(Коленатому).* Доктор, вы честный человек...

Коленатый. Крайне сожалею, мадемуазель, но вы заблуждаетесь. Я карманник и международный вор. Собственно говоря, я... Арсен Люпен.

Эмилия *(Прусу).* А вы, Прус? Ведь вы джентльмен. Вы не позволите...

Прус. Попрошу вас не говорить со мною.

Кристина *(с рыданием).* Как мерзко вы с ней поступаете! Оставьте ее в покое.

Коленатый. Я то же самое говорю, девочка. Мы действуем нагло. На редкость нагло.

Грегор *(вываливает на стол кучу бумаг).* Вот как, мадемуазель? Вы, оказывается, возите с собой целый архив. *(Идет в спальню.)*

Коленатый. Будто специально для вас, Витек. Прямо деликатесы, а не документы. Может быть, рассортируете по годам?

Эмилия. Посмейте только читать их!

---

[1] Черт возьми! Вы ведь хотите, чтоб вас считали рыцарем? (*исп.*).

[2] О, небо (*исп.*).

Коленатый. Милостивая государыня, убедительно прошу вас оставаться на месте. В противном случае я буду вынужден применить насилие, в нарушение параграфа девяносто первого уголовного уложения.

Эмилия. И это говорите вы, адвокат?!

Коленатый. Видите ли, я вошел во вкус. Очевидно, у меня врожденная склонность к преступлениям. Подлинное призвание иногда познается лишь к старости.

Пауза.

Витек. Разрешите осведомиться, мадемуазель Марти: куда вы поедете гастролировать?

Молчание.

Гаук. Mon dien, je suis désole... désole [1].

Витек. А... читали вы рецензии о себе?

Эмилия. Нет.

Витек *(достает из кармана вырезки).* Восторженные рецензии, мадемуазель. Вот, например: «Голос изумительной яркости и силы, необыкновенная полнота верхов, совершенное владение своими вокальными средствами». Дальше: «Исключительный драматизм игры... невиданное сценическое мастерство... явление единственное в истории пашей оперы и, видимо, оперного искусства вообще». В истории, мадемуазель, обратите внимание!

Кристина. Так оно и есть.

Грегор *(возвращается из спальни с охапкой бумаг).* Вот, доктор. Пока — это все. *(Бросает бумаги на стол.)* Беритесь за дело.

Коленатый. С удовольствием. *(Нюхает бумаги.)* Какая пылища, мадемуазель. Витек, это пыль веков.

Грегор. Кроме того, нашлась печать с инициалами Э. М., оттиск которой есть на заявление Эллен Мак-Грегор.

Прус *(встает).* Покажите.

Коленатый *(над бумагами).* Господи боже! Витек, здесь есть бумаги, датированные тысяча шестьсот третьим годом.

Прус *(возвращая печать).* Это печать Элины Макропулос. *(Садится.)*

---

[1] Господи, я в отчаянии... в отчаянии (*франц.*).

Коленатый. Чего-чего только нет...

Гаук. Ох, боже мой...

Грегор. Вам не знаком этот медальон, господин Гаук? По-моему, на нем ваш достопочтенный бывший герб.

Гаук *(рассматривая медальон).* Да... так и есть... Я его сам подарил ей.

Грегор. Когда?

Гаук. Ну, тогда... в Испании... пятьдесят лет назад.

Грегор. Кому?

Гаук. Ей, лично ей, Евгении Монтес... понимаете?

Коленатый *(роясь в бумагах).* Тут что-то по-испански. Можете прочесть?

Гаук. О, конечно. Позвольте-ка. Хи-хи, Евгения, это из Мадрида.

Коленатый. Что это такое?

Гаук. Полицейское предписание о немедленном выезде... за нарушение общественного порядка... Ramera Gitana que se llama Eugenia Montez [1]. Хи-хи! Я знаю: это из-за той драки, а?

Коленатый. Виноват. *(Разбирает бумаги.)* Заграничный паспорт на имя Эльзы Мюллер; семьдесят девятый год... Свидетельство о смерти... Эллен Мак-Грегор, тысяча восемьсот тридцать шестой год. Так, так. Все вперемешку. Подождите, мадемуазель, мы рассортируем по фамилиям. Екатерина Мышкина — это еще кто такая?

Витек. Екатерина Мышкина была русская певица, в сороковых годах.

Коленатый. Вы все знаете, дорогой мой.

Грегор. Любопытно, что инициалы всегда «Э. М».

Коленатый. Мадемуазель, видимо, коллекционирует документы с этими инициалами. Особое пристрастие, а? Ого, «твой Пепи»! Это, безусловно, ваш предок, Прус. Прочитать? «Meine liebste, liebste Ellian» [2].

Прус. Может быть, Элина, а?

Коленатый. Нет, нет, Эллен. И на конверте — Эллен Мак-Грегор. Вена, Императорская опера. Погодите,

---

[1] Проститутка-цыганка, которая называет себя Евгенией Монтес... (*исп.*).

[2] Моя дорогая, дорогая Эллен (*нем.*).

Грегор, Эллен еще придет к финишу первой. «Meine liebste, liebste Ellian»...

Эмилия *(встает).* Погодите! Дальше не читайте. Это мои письма.

Коленатый. Что ж поделаешь, если они оказались такими интересными и для нас.

Эмилия. Не читайте. Я расскажу все сама. Все, о чем вы спросите.

Коленатый. Правда?

Эмилия. Клянусь!

Коленатый *(складывает бумаги).* В таком случае, тысяча извинений, мадемуазель, за то, что нам пришлось принудить вас к этому.

Эмилия. Вы будете судить меня?

Коленатый. Боже упаси. Вполне дружеский разговор.

Эмилия. Но я хочу, чтобы вы меня судили.

Коленатый. Ах, так? Постараемся, в пределах наших возможностей. Итак — пожалуйста.

Эмилия. Нет, все должно быть, как в суде. Крест и все прочее.

Коленатый. А, вы правы. Еще что?

Эмилия. Но сперва пустите меня поесть и привести себя в порядок. Не могу же я предстать перед судом в неглиже.

Коленатый. Совершенно верно. Все должно иметь надлежащий, солидный вид.

Грегор. Комедия!

Коленатый. Тс-с-с! Не дискредитируйте акт правосудия. Обвиняемая, вам предоставляется десять минут на одевание. Довольно этого?

Эмилия. Да вы в своем уме? Дайте хоть час.

Коленатый. Полчаса на подготовку и обдумывание, после чего вы предстанете перед судом. Ступайте. Мы пришлем вам горничную.

Эмилия. Спасибо. *(Уходит в спальню.)*

Прус. Пойду к Янеку.

Коленатый. Только возвращайтесь через полчаса.

Грегор. Не могли бы вы хоть сейчас быть немного серьезней, доктор?

Коленатый. Тс-с-с, я страшно серьезен, Грегор. Я знаю, как на нее воздействовать. Это истеричка. Витек!

Витек. Что угодно?

Коленатый. Сбегайте в ближайшее похоронное бюро. Пусть пришлют сюда распятие, свечи и черное покрывало. Потом — Библию и прочую бутафорию. Скорей!

Витек. Слушаюсь.

Коленатый. И раздобудьте где-нибудь череп.

Витек. Человеческий?

Коленатый. Человеческий или коровий — это все равно. Лишь бы у нас был символ смерти.

Занавес

Эпилог

Та же комната, обставленная как зал суда. Столы, диван, стулья покрыты черным сукном. На большом столе налево крест, Библия, горящая свеча и череп. За столом председатель суда Коленатый и секретарь Витек. Прокурор Грегор за столиком в середине. На диване — присяжные: Прус, Гаук и Кристина. Налево свободный стул.

Коленатый. Ей пора уже явиться.

Витек. Не приняла ли она, не дай бог, какой-нибудь яд?

Грегор. Вздор! Она слишком любит себя.

Коленатый. Введите подсудимую.

Витек стучится в спальню и входит.

Прус. Не могли бы вы избавить меня от этого фарса, доктор?

Коленатый. Нет, вы должны быть присяжным.

Кристина *(всхлипывает).* Это... похоже... на похороны.

Коленатый. Не плакать, девочка. Мир мертвым.

Витек вводит Эмилию в роскошном туалете, с бутылкой и стаканом в руке.

Отведите подсудимую на ее место.

Витек. Позвольте сообщить: подсудимая пила виски.

Коленатый. Она пьяна?

Витек. Очень.

Эмилия *(опираясь на стену).* Оставьте меня. Это только... для храбрости. Пить хочется...

Коленатый Отнимите у нее бутылку.

Эмилия *(прижимая бутылку к груди).* Ну нет, не дам! А то отвечать не стану. Ха-ха-ха, вы похожи на факельщиков. Вот потеха! Ха-ха-ха-ха-ха, погляди, Бертик! Theotokos [1], я помру со смеху.

Коленатый *(строго).* Подсудимая, ведите себя пристойно.

---

[1] Матерь божия (*греч.*).

Эмилия *(смущена).* Вы хотите меня напугать да? Бертик, ведь это все шутка, а?

Коленатый. Отвечайте только на вопросы суда. Ваше место вон там. Можете сесть. Прошу прокурора огласить обвинительное заключение.

Эмилия *(тревожно).* Я должна присягнуть?

Коленатый. Обвиняемые не приносят присяги.

Грегор. Подсудимая Эмилия Марта, певица, обвиняется перед богом и людьми в том, что с корыстной целью совершила мошенничество и подделку документов, обманула доверие и попрала всякую порядочность. Виновна перед самой жизнью, извергнута из рядов человеческих и предана высшему суду.

Коленатый. У кого есть замечания? Ни у кого? Приступаем к допросу. Обвиняемая, встаньте. Ваше имя?

Эмилия *(встает).* Мое?

Коленатый. Ну конечно, ваше, ваше! Как вас зовут?

Эмилия. Элина Макропулос.

Коленатый *(присвистнув).* Ка-ак?

Эмилия. Элина Макропулос.

Коленатый. Где родились?

Эмилия. На Крите.

Коленатый. Когда?

Эмилия. Когда?

Коленатый. Сколько вам лет?

Эмилия. А как вы думаете?

Коленатый. Лет тридцать, а?

Витек. Нет, больше.

Кристина. За сорок!

Эмилия *(высовывает ей язык).* Девчонка!

Коленатый. Ведите себя пристойно, обвиняемая.

Эмилия. Разве я выгляжу такой старухой?

Коленатый. Боже упаси. Итак, год рождения?

Эмилия. Тысяча пятьсот восемьдесят пятый.

Коленатый *(вскакивает).* Ка-какой?

Эмилия. Тысяча пятьсот восемьдесят пятый.

Коленатый *(садится).* Восемьдесят пятый год. Значит, вам сейчас тридцать семь лет, не так ли?

Эмилия. Триста тридцать семь.

Коленатый. Настоятельно предлагаю вам отвечать серьезно. Назовите ваш возраст.

Эмилия. Триста тридцать семь лет.

Коленатый. Это переходит все границы! А кто был ваш отец?

Эмилия. Иеронимус Макропулос, лейб-медик императора Рудольфа Второго.

Коленатый. Тысяча чертей! Я с ней больше не разговариваю.

Прус. Как ваше настоящее имя?

Эмилия. Элина Макропулос.

Прус. Любовница Иозефа Пруса Элина Макропулос — из вашего рода?

Эмилия. Это я сама.

Прус. То есть как?

Эмилия. Я жила с Пепи Прусом. От него у меня — тот Грегор.

Грегор. А Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Это я.

Грегор. Вы в своем уме?

Эмилия. Я твоя прапрабабушка; Ферди был моим сыном, понимаешь?

Грегор. Какой Ферди?

Эмилия. Да Фердинанд Грегор. В метрике он записан, как Фердинанд Макропулос, потому что... там мне пришлось назвать свое настоящее имя.

Коленатый. Безусловно. Так когда же вы родились?

Эмилия. В тысяча пятьсот восемьдесят пятом году. Christos Soter [1], отвяжитесь наконец от меня с этим вопросом.

Гаук. Но... прошу прощения... ведь вы Евгения Монтес?

Эмилия. Я была ею, Макс, была. Но в то время мне было только двести девяносто лет. Была я и Екатериной Мышкиной, и Эльзой Мюллер, и еще бог весть кем. Вы поймите, не может же один человек жить триста лет!

Коленатый. Особенно певица.

Эмилия. Я думаю!

Пауза.

Витек. Значит, вы жили также в восемнадцатом веке?

Эмилия. Ну конечно.

---

[1] Христос-спаситель (*греч.*).

Витек. И лично знали... Дантона?

Эмилия. Знала. Отвратительный субъект.

Прус. А откуда вам известно содержание запечатанного завещания?

Эмилия. Пепи показал мне его, прежде чем запечатать. Он хотел, чтобы я потом рассказала о завещании этому дурачку Ферди Грегору.

Грегор. Почему же вы не сказали?

Эмилия. На кой черт мне было заботиться о своих детях.

Гаук. Ай, ай, что вы говорите!

Эмилия. Я, голубчик, давно уже не дама.

Витек. Много у вас было детей?

Эмилия. Человек двадцать. Иной раз, знаете, не убережешься... Никто не хочет выпить? Матерь божия, до чего горло пересохло! Умираю от жажды. *(Опускается на стул.)*

Прус. Стало быть, письма за подписью «Э. М.» писали вы?

Эмилия. Я... Знаешь что? Отдай их мне. Я люблю их иногда перечитывать. Похабство, да?

Прус. Вы писали их, как Элина Макропулос или как Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Это все равно. Пепи знал, кто я. Ему я все рассказала, его я любила.

Гаук *(встает в волнении).* Евгения!

Эмилия. Молчи, Макс: тебя тоже. С тобой хорошо жилось, сорвиголова! Но Пепи... *(Расплакалась.)* Его я любила больше всех. Потому-то и дала ему... средство Макропулоса... которого ему так хотелось...

Прус. Что вы ему дали?

Эмилия. Средство Макропулоса.

Прус. Это что такое?

Эмилия. Тот рецепт в запечатанном конверте, который сегодня я получила от вас. Пепи хотел его испробовать и вернуть мне... и положил рядом с завещанием. Наверно, чтоб я когда-нибудь явилась за ним. И вот я пришла только теперь. Как умирал Пепи?

Прус. В горячке... и ужасных судорогах.

Эмилия. Это из-за... средства... из-за него! Aia Maria. Я говорила ему!

Грегор. Так вы приехали сюда только ради рецепта?

Эмилия. Да, и я не отдам вам его! Он теперь мой. Не воображай, Бертик, что меня интересовал твой дурацкий процесс. Мне наплевать, что ты — мой потомок. Я сама не знаю, сколько моих пащенков бегает по свету. Мне нужен был рецепт... Он мне необходим, потому что...

Грегор. Потому что?

Эмилия. Потому что я старею. Потому что моя жизнь кончается. Потому что я хочу опять начать все сначала. Потрогай, Бертик, как я холодею. *(Встает.)* Потрогайте, потрогайте мои руки! О, господи! Как лед.

Гаук. Что же такое — средство Макропулоса?

Эмилия. Там написано, как оно делается.

Гаук. Что делается?

Эмилия. Средство, чтобы прожить триста лет; чтобы триста лет не стареть. Мой отец составил этот рецепт для императора Рудольфа... Но вы ведь его не знаете, а?

Витек. Только из истории.

Эмилия. Что можно узнать из истории? История — ерунда. Panaia [1], что я хотела сказать? *(Нюхает из коробочки.)* Никто не хочет понюхать?

Грегор. Что это такое?

Эмилия. Так, ничего. Кокаин или что-то в этом роде. О чем бишь я?

Витек. Об императоре Рудольфе.

Эмилия. Да, да. Вот был развратник! Постойте, я вам такое о нем расскажу...

Коленатый. Не отклоняйтесь от темы.

Эмилия. Да, так вот, когда он начал стареть, то все искал эликсир жизни. Чтобы снова помолодеть, понимаете? Тут к нему пришел мой отец и написал ему этот рецепт... средство не стареть триста лет. Но император боялся отравиться и велел отцу сперва испытать его на мне. Мне тогда было шестнадцать лет. Отец так и сделал. Тогда это называли колдовством, но дело тут совсем не в колдовстве.

Гаук. А в чем?

Эмилия *(вздрогнув)*. Не могу сказать... это невозможно рассказать... Неделю, а то и больше я лежала в горячке, без памяти, но потом поправилась.

Витек. А император?

---

[1] Пресвятая (*греч.*).

Эмилия. Страшно разгневался. Ну, как он мог знать, что я проживу триста лет? Отца велел бросить в темницу, как обманщика, а я бежала с рецептом не то в Венгрию, не то в Турцию, уж не помню.

Коленатый. Давали вы кому-нибудь средство Макропулоса?

Эмилия. Давала. В тысяча шестьсот шестидесятом году его испробовал один тирольский патер. Наверно, он еще жив, но где теперь — не знаю. Одно время он был папой под именем не то Александра, не то Пия, не то под каким-то другим. Потом один итальянский офицер, Уго; вот был красавец! Но его убили. Потом еще Андрей Нэгели, потом бездельник Бомбито. И Пепи Прус, который от него умер. Пепи был последним; рецепт остался у него... Больше я ничего не знаю. Спросите Бомбито. Он жив; не знаю только, как его теперь зовут. По профессии он... как это называется?.. Брачный аферист, что ли?

Коленатый. Простите, так вам, значит, двести сорок семь лет?

Эмилия. Нет, триста тридцать семь.

Коленатый. Вы пьяны. С тысяча пятьсот восемьдесят пятого года до сегодняшнего дня прошло двести сорок семь лет. Понимаете?

Эмилия. Вы меня не сбивайте. Мне триста тридцать семь лет.

Коленатый. Зачем вы подделали заявление Эллен Мак-Грегор?

Эмилия. Да ведь я сама и есть Эллен Мак-Грегор.

Коленатый. Не лгите! Вы Эмилия Марти. По--ятно?

Эмилия. Да, но только последние двенадцать лет!

Коленатый. Вы признаетесь в краже медальона Евгении Монтес?

Эмилия. Пресвятая дева, это неправда! Евгения Монтес...

Коленатый. Так записано в протоколе. Вы сами сознались.

Эмилия. Неправда!

Коленатый. Назовите вашего сообщника.

Эмилия. У меня нет сообщников.

Коленатый. Не отпирайтесь! Нам все известно. В каком году вы родились?

Эмилия *(дрожа).* В тысяча пятьсот восемьдесят пятом.

Коленатый. А теперь выпейте полный стакан.

Эмилия. Не хочу! Оставьте меня!

Коленатый. Вы должны! Полный! Немедленно!

Эмилия *(в страхе).* Что вы со мной делаете? Бертик!.. *(Пьет.)* Голова кружится...

Коленатый *(встает и грозно приближается к ней).* Как ваше имя?

Эмилия. Мне дурно. *(Падает со стула.)*

Коленатый *(подхватывает ее и кладет на пол).* Как ваше имя?

Эмилия. Элина... Макро...

Коленатый. Не лгите! Вы знаете, кто я? Я священник. Вы мне исповедуетесь.

Эмилия. Patér... hémón... hos... eis... en uranois [1].

Коленатый. Как ваше имя?

Эмилия. Элина... пулос.

Коленатый. Череп!.. Господи, прими душу грешной рабы твоей Эмилии Марти... м-м-м-м in saeculorum, amen...[2] Кончено. *(Обернув череп черным сукном, подносит его Эмилии.)* Встань! Кто ты?

Эмилия. Элина. *(Падает в обморок.)*

Коленатый *(опускает ее на землю так, что слышен шум падающего тела).* Проклятие! *(Встает и откладывает в сторону череп.)*

Грегор. В чем дело?

Коленатый. Она не лжет. Снимите эти тряпки. Скорей! *(Звонит.)* Доктора, Грегор!

Кристина. Вы отравили ее алкоголем.

Коленатый. Немножко.

Грегор *(выглянув в коридор).* Скажите, пожалуйста, здесь есть врач?

Входит Доктор.

Доктор. Господин Гаук, мы ждем вас уже битый час. Собирайтесь домой.

Коленатый. Постойте; помогите сначала ей, доктор.

Доктор *(нагнувшись над Эмилией).* Обморок?

Коленатый. Отравление.

---

[1] Отче... наш... иже... еси... небесех (*греч.*).

[2] во веки веков, аминь... (*лат.*).

Доктор. Чем? *(Став на колени, нюхает.)* Ага. *(Встает.)* Уложите ее куда-нибудь.

Коленатый. Отнесите ее в спальню, Грегор. Вы ведь ближайший родственник.

Доктор. Есть там теплая вода?

Прус. Есть.

Доктор. Отлично. Одну минуту. *(Пишет рецепт.)* Черный кофе, понятно? А с этим рецептом — в аптеку. *(Идет в спальню.)*

Коленатый. Итак, господа...

Входит Горничная.

Горничная. Мадемуазель звонила?

Коленатый. Ну конечно. Она хочет черного кофе. Крепкого-крепкого черного кофе, поняла, Лойзичка?

Горничная. Хи-хи, откуда вы знаете?

Коленатый. Ну вот. А с этим сбегай в аптеку. Живо.

Горничная уходит.

(Садится на авансцене.) Будь я проклят, но все это не выдумка.

Прус. Да уж сразу видно. Поэтому не надо было ее спаивать.

Гаук. Я... я... не смейтесь, но я ей безусловно верю.

Коленатый. И вы, Прус?

Прус. Вполне.

Коленатый. Я тоже. А что из этого следует?

Прус. Что Грегор получит Лоуков.

Коленатый. Гм, и это вам очень не нравится?

Прус. У меня уже нет наследника.

Грегор возвращается с рукой, перевязанной платком.

Гаук. Как она себя чувствует?

Грегор. Немножко лучше. Укусила меня, ведьма. Знаете, я ей верю!

Коленатый. К сожалению, мы тоже.

Пауза.

Гаук. Боже мой, триста лет! Три-ста лет!

Коленатый. Господа, полнейшая тайна, понятно? Кристинка!

Кристина *(содрогнувшись).* Триста лет! Это ужасно!

Горничная входит с кофе.

Коленатый *(Кристине).* Возьми кофе, Кристиночка, отнеси мадемуазель. Побудь у нее сиделкой, ладно?

Кристина уходит в спальню, Горничная в коридор.

(Проверяя, закрыты ли двери.) Так. А теперь, господа, пораскинем мозгами, что нам с ним делать.

Грегор. С чем?

Коленатый. Со средством Макропулоса. Существует рецепт на триста лет жизни. И он может быть в наших руках.

Прус. Он у нее за корсажем.

Коленатый. Можно извлечь его оттуда. Господа, это дело сулит... невообразимые возможности. Что мы сделаем с этим рецептом?

Грегор. Ничего. Рецепт принадлежит мне. Я ее наследник.

Коленатый. Успокойтесь. Пока она жива, вы вовсе не наследник. А она может прожить еще триста лет, если захочет. Но мы можем заполучить этот рецепт, понимаете?

Грегор. Обманным путем?

Коленатый. Хотя бы. Это так важно... для нас и для всего общества, что... гм... Вы меня понимаете, господа? Неужели оставить рецепт ей? Чтобы всю пользу извлекала она одна, да еще какой-то проходимец Бомбито? Кому достанется рецепт?

Грегор. Прежде всего — ее потомкам.

Коленатый. Такими потомками хоть пруд пруди. Вы на это особенно не напирайте. Ну вот, скажем, вы, Прус. Если б рецепт был ваш, одолжили бы вы его мне? Чтобы я жил триста лет?..

Прус. Нет.

Коленатый. Вот видите, господа. Значит, нам надо как-то между собой договориться. Что делать с рецептом?

Витек *(встает).* Обнародуем средство Макропулоса.

Коленатый. Нет, так, пожалуй, не стоит делать!

Витек. Отдадим его в общее пользование. Всему человечеству! Все люди имеют одинаковое право на жизнь. А живем мы так мало! Боже мой, как коротка человеческая жизнь!

Коленатый. Так что же из этого?

Витек. Это так грустно, господа. Посудите сами:

человеческая душа, жажда познания, мысль, труд, любовь, творчество, все, все... И на все — шестьдесят лет! Ну что успевает человек за шестьдесят лет?! Чем насладится? Чему научится? Не дождешься плодов с дерева, которое посадил. Не научишься всему, что человечество узнало до тебя. Не завершишь своего дела, не покажешь примера... Умрешь, будто не жил! Господа, до чего коротка жизнь!

Коленатый. Ради всех святых, Витек...

Витек. Не успел ни порадоваться, ни поразмыслить, ничего, ничего не успел, кроме погони за хлебом насущным. Ничего не видел, ничего не узнал, ничего не закончил, даже самого себя — так и остался недоделкой. Зачем жил? И стоило ли так жить?

Коленатый. Вы хотите довести меня до слез, Витек?

Витек. Умираем, как животные... Что такое идея загробной жизни и бессмертия души, как не страшный протест против быстротечности жизни? Никогда человечество не мирилось с этой звериной долей. С ней нельзя мириться, она слишком несправедлива! Человек не черепаха и не ворон, ему нужно больше времени. Шестьдесят лет — это рабство! Это слабость, скотоподобие, невежество!

Гаук. Эх-хе-хе, а мне уж семьдесят шесть...

Витек. Наделим всех людей трехсотлетней жизнью. Это будет величайшим событием в мировой истории, освобождением, новым и окончательным сотворением человека. Господи, чего только не успеет добиться человек за триста лет! Пятьдесят лет быть ребенком и школьником. Пятьдесят — самому познавать мир и увидеть все, что в нем есть. Сто лет с пользой трудиться на общее благо. И еще сто, все познав, жить мудро, править, учить, показывать пример. О, как была бы ценна человеческая жизнь, если б она длилась триста лет! Не было бы войн. Не было бы отвратительной борьбы за существование. Не было бы страха и эгоизма. Каждый человек стал бы благородным, независимым, совершенным — подлинным сыном божьим, а не ублюдком. Дайте людям жизнь, настоящую человеческую жизнь!

Коленатый. Все это очень хорошо, очень хорошо, но...

Грегор. Благодарю покорно. Триста лет быть чиновником или вязать чулки.

Витек. Но...

Грегор. Быть независимым и всезнающим... но ведь... Друг мой, большинство полезных профессий основано на несовершенстве знаний отдельного человека.

Коленатый. Вы увлекаетесь, Витек. Юридически и экономически это абсурд. Вся наша общественная система зиждется на краткосрочности жизни. Возьмите, например, договора, пенсии, страхование, наследственное право... да мало ли что еще! А брак? Голубчик, никто не захочет жениться на триста лет. Никто не заключит договора на триста лет. Вы анархист, милый мой. Вы хотите разрушить весь установившийся общественный строй.

Гаук. А потом... простите... по истечении трехсот лет каждый захотел бы снова омолодиться...

Коленатый. И фактически жил бы вечно. Этак не выйдет!

Витек. Но вечную жизнь можно было бы запретить. Прожив триста лет, все должны будут умирать.

Коленатый. Вот видите! Из соображений гуманности вы бы запрещали людям жить.

Гаук. Прошу прощения... но мне думается, что это средство можно... было бы выдавать порциями?

Коленатый. Как так?

Гаук. Ну, понимаете: на определенное количество лет. Порция — десять лет жизни. Триста лет многовато, иной, пожалуй бы, столько и не захотел. А вот десять лет каждый купит, а?

Коленатый. И мы открыли бы оптовую торговлю жизнью. Это идея! Представляю себе письма заказчиков: «Вышлите обратной почтой тысячу двести лет жизни в дешевом оформлении. Кон и компания». Или: «Срочно шлите два миллиона лет, прима А, в роскошной упаковке. Филиал Вена». Недурно, Гаук?

Гаук. Видите ли... я не коммерсант. Но когда человек стареет, он охотно... прикупил бы себе несколько лет жизни. Но триста лет — это слишком много, а?

Витек. Для познания — нет.

Гаук. Познания, простите, никто не может купить. А десять лет наслаждений... я... це-це-це — охотно купил бы.

Входит Горничная.

Горничная. Вот, пожалуйте. Это из аптеки.

Коленатый. Спасибо, цыпочка. Скажи, сколько лет ты бы хотела прожить?

Горничная. Хи-хи, да еще лет тридцать.

Коленатый. Не больше?

Горничная. Нет. Зачем мне?

Коленатый. Вот видите, Витек.

Горничная уходит. Коленатый стучит в спальню.

Доктор *(в дверях).* В чем дело? Ага, хорошо. *(Берет лекарство.)*

Гаук. Скажите, пожалуйста, как чувствует себя мадемуазель?

Доктор. Плохо. *(Уходит в спальню.)*

Гаук. Ах, ах, бедняжка!

Прус *(встает).* Господа, благоприятный случай дает нам в руки средство продления жизни. По-видимому, это действительно возможно. Никто из нас, надеюсь, не намерен воспользоваться им только для себя.

Витек. Вот и я говорю: надо продлить жизнь всех людей.

Прус. Нет, только сильных, только самых жизнеспособных. Для обычной человеческой мрази довольно и жизни однодневки.

Витек. Ого! Разрешите...

Прус. Я не хочу спорить. Но дайте мне высказаться. Заурядный маленький глупый человек вообще не умирает. Маленький человек вечен и без вашей помощи. Ничтожуые плодятся без передышки, как мухи или мыши. Умирают только великие. Умирает сила и дарование, которых не возместишь. Но мы, может быть, в силах удержать их. Основать аристократию долговечности.

Витек. Аристократию? Слышите: привилегия на жизнь!

Прус. Вот именно. Жизнь нуждается только в лучших. Только в вожаках, производителях потомства, людях действия. О женщинах не может быть и речи. В мире есть десять, либо двадцать, либо тысяча незаменимых. Мы можем сохранить их, можем открыть им путь к сверхчеловеческому разуму и сверхъестественной силе. Можем вырастить десять, сто, тысячу сверхчеловеческих властителей и творцов.

Витек. Разведение магнатов жизни!

Прус. Да. Отбор тех, кто имеет право на безграничную жизнь.

Коленатый. Скажите, пожалуйста, а кто будет их отбирать? Правительства? Всенародное голосование? Шведская академия?

Прус. Никаких дурацких голосований! Сильнейшие передавали бы жизнь сильнейшим. Из рук в руки. Властители материи — властителям духа. Изобретатели — воинам. Предприниматели — диктаторам. Это была бы династия хозяев жизни. Династия, независимая от цивилизованного сброда.

Витек. А если б этот сброд в один прекрасный день пришел взять свое право на жизнь?

Прус. Нет, отнять чужое право на нее, право сильных. Ну что ж, один-другой деспот пал бы от рук возмутившихся рабов. Пусть! Революция — право рабов. Но единственный возможный прогресс в мире — это замена малых и слабых деспотов сильными и великими. Привилегия долголетия будет принадлежать деспотии избранных. Это... власть разума. Сверхчеловеческий авторитет знания и творческой мощи. Власть над людьми. Долговечные станут властителями человечества. Такая возможность в ваших руках, господа. Можете использовать или упустить ее. Я кончил. *(Садится.)*

Коленатый. Гм... Принадлежу я или, например, Грегор к этим наилучшим, избранным?

Прус. Нет.

Грегор. Но вы, конечно, принадлежите?

Прус. Теперь уже нет.

Грегор. Господа, оставим пустые разговоры. Тайна долголетия — собственность семьи Макропулос. Предоставьте этой семье поступать с рецептом, как ей вздумается.

Витек. Простите, то есть как?

Грегор. Рецептом будут пользоваться только члены этой семьи. Только потомки Элины Макропулос, кто бы они ни были.

Коленатый. И они будут жить вечно только потому, что произошли от какого-то бродяги или барона и шальной распутной истерички? Славная штука эта семейная собственность!

Грегор. Все равно!..

Коленатый. Мы имеем честь знать одного из членов этой семьи. Это... прошу прощенья... черт бы его взял — просто дегенерат какой-то. Милая семейка, нечего сказать!

Грегор. Как вам угодно. Пусть будут хоть кретинами или павианами. Пусть будут развратниками, вырожденцами, уродами, идиотами, чем хотите! Пусть будут воплощением зла. Это ничего не меняет: рецепт будет принадлежать им.

Коленатый. За-ме-чательно!

Доктор *(выходит из спальни).* Все в порядке. Теперь ей надо полежать.

Гаук. Так, так, полежать. Очень хорошо.

Доктор. Пойдемте домой, господин Гаук, я провожу вас.

Гаук. Ах, у нас тут такой важный разговор. Пожалуйста, оставьте меня еще немножко. Я... я... обязательно...

Доктор. Вас там ждут в коридоре. Не дурите, старина, а то...

Гаук. Нет, нет. Я... я... сейчас приду.

Доктор. Честь имею кланяться, господа. *(Уходит.)*

Коленатый. Вы говорили серьезно, Грегор?

Грегор. Совершенно серьезно.

Кристина *(выходит из спальни).* Говорите тише. Она хочет спать.

Коленатый. Поди сюда, Кристинка. Хотелось бы тебе прожить триста лет?

Кристина. О нет!

Коленатый. А если б у тебя в руках было средство для такой долгой жизни, что бы ты с ним сделала?

Кристина. Не знаю.

Витек. Дала бы его всем людям?

Кристина. Не знаю. А разве они стали бы от этого счастливее?

Коленатый. Но разве жить — это не великое счастье, девочка?

Кристина. Не знаю. Не спрашивайте меня.

Гаук. Ах, мадемуазель, человек так жаждет жить!

Кристина *(закрыв глаза).* Иногда... бывает... что нет.

Пауза.

Прус *(подходит к ней.)* Спасибо за Янека.

Кристина. Почему?

Прус. Потому что вы сейчас вспомнили о нем.

Кристина. Вспомнила? Точно я вообще могу думать о чем-нибудь другом!

Коленатый. А мы здесь спорим о вечной жизни.

Входит Эмилия, как тень; голова обвязана платком. Все встают.

Эмилия. Извините, что я... на минутку вас оставила.

Грегор. Как вы себя чувствуете?

Эмилия. Голова болит... Гнусно... противно...

Гаук. Ну, ну, пройдет.

Эмилия. Не пройдет, никогда не пройдет. Это у меня уже двести лет.

Коленатый. Что «это»?

Эмилия. Скука. Нет, даже не скука. Это... это... О, у вас, людей, для этого просто нет названия. Ни на одном человеческом языке. Бомбито говорил то же самое... Это так мерзко.

Грегор. Но что же это такое?

Эмилия. Не знаю. Все кругом так глупо, ненужно, бесцельно!.. Вот вы все здесь... а будто вас и нет. Словно вы вещи или тени. Что мне с вами делать?

Коленатый. Может быть, нам уйти?

Эмилия. Нет, все равно. Умереть или выйти за дверь — это одно и то же. Мне безразлично, есть что-нибудь или нет... А вы так возитесь с каждой дурацкой смертью. Какие вы странные! Ах...

Витек. Что с вами?

Эмилия. Нельзя, не надо человеку жить так долго!

Коленатый. Почему?

Эмилия. Это невыносимо. До ста, до ста тридцати лет еще можно выдержать, но потом, потом... начинаешь понимать, что... потом душа умирает.

Витек. Что начинаешь понимать?

Эмилия. Боже мой, этого не выразить словами! Потом уже невозможно ни во что верить. Ни во что! И от этого так скучно. Вот ты, Бертик, говорил, что, когда я пою, мне как будто холодно. Видишь ли, искусство имеет смысл, пока им не овладел. А как овладеешь, так видишь, что все это зря. Все это зря, Кристинка. Что петь, что молчать, что хрипеть — все равно. Никакой разницы.

Витек. Неправда! Когда вы поете... человек становится лучше, значительнее.

Эмилия. Люди никогда не становятся лучше. Ничто не может их изменить. Ничто, ничто, ничто не происходит. Если сейчас начнется стрельба, землетрясение, светопреставление или еще бог весть что, все равно ничего не произойдет. И со мною ничего не произойдет. Вот вы здесь, а я где-то далеко, далеко... За триста лет... Ах, боже мой, если б вы знали, как вам легко живется!

Коленатый. Почему?

Эмилия. Вы так близки ко всему. Для вас все имеет свой смысл. Для вас все имеет определенную цену, потому что за ваш короткий век вы всем этим не успели насладиться... О, боже мой, если бы снова еще раз... *(Ломает руки.)* Глупцы, вы такие счастливые. Это даже противно. А все из-за того, что вам жить недолго. Все забавляет вас... как обезьян. Во все вы верите — в любовь, в себя, в добродетель, в прогресс, в человечество и, бог знает, бог знает, во что еще! Ты, Макс, веришь в наслаждение, а ты, Кристинка, в любовь и верность. Ты веришь в силу. Ты, Витек, во всякие глупости. Каждый, каждый во что-нибудь верит. Вам легко живется... глупенькие!

Витек *(взволнованно).* Но позвольте... ведь существуют... высшие ценности... идеалы... цели...

Эмилия. Это только для вас. Как вам объяснить? Любовь, может быть, и существует, но — только в вас самих. Если ее нет в ваших сердцах, ее нет вообще... Нигде в мире... Но невозможно любить триста лет. Невозможно надеяться, творить или просто глазеть вокруг триста лет подряд. Этого никто не выдержит. Все опостылеет. Опостылеет быть хорошим и быть дурным. Опостылеет небо и земля. И тогда ты начнешь понимать, что, собственно, нет ничего. Ровно ничего. Ни греха, ни страданий, ни привязанностей, вообще ничего. Существует только то, что сейчас кому-то дорого. А для вас дорого все. О, боже, и я была, как вы! Была девушкой, женщиной... была счастлива, была человеком!

Гаук. Господи, что с вами?

Эмилия. Если б вы знали, что мне говорил Бомбито! Мы... мы, старики, знаем слишком много. Но вы, глупцы, знаете больше нас. Бесконечно больше. Любовь,

стремления, идеалы, все, что можно себе представить. У вас все есть. Вам больше нечего желать, ведь вы живете! А в нас жизнь остановилась... о, господи боже! Остановилась... и ни с места... Боже, как ужасно одиночество!

Прус. Так почему же вы приехали за средством Макропулоса? Зачем хотите жить еще раз?

Эмилия. Потому что страшно боюсь смерти...

Прус. Господи, значит, от этого не избавлены и бессмертные?

Эмилия. Нет.

Пауза.

Прус. Мадемуазель Макропулос, мы были жестоки с вами.

Эмилия. Ничего. Вы были правы. Недостойно быть такой старой. Вы знаете: меня боятся дети. Кристинка, я тебе не противна?

Кристинка. Нет! Мне вас ужасно жалко.

Эмилия. Жалко? Вот как ко мне относятся... Ты мне даже не завидуешь? *(Пауза, Вздрогнув, вынимает из-за корсажа сложенную бумагу.)* Вот здесь написано. «Egó Hieronymos Makropúlos, iatros kaisaros Rudolfú» [1] и так далее, весь рецепт. *(Встает.)* Возьми его, Бертик. Мне он больше не нужен.

Грегор. Спасибо. Мне тоже не нужен.

Эмилия. Нет? Тогда ты, Макс. Тебе так хочется жить. Ты сможешь еще любить, слышишь? Возьми.

Гаук. Скажите... а от этого можно умереть? А? И будет больно, когда примешь?

Эмилия. Больно. Ты боишься?

Гаук. Да.

Эмилия. Но зато ты будешь жить триста лет.

Гаук. Если бы... если бы не было больно... Хи-хи, нет, не хочу!

Эмилия. Доктор, вы умный человек. Вы разберетесь, пригодно это к чему-нибудь или нет. Хотите?

Коленатый. Вы очень любезны. Но я не хочу иметь с этим ничего общего.

Эмилия. Вы такой чудак, Витек. Я отдам рецепт

---

[1] Я, Иеронимус Макропулос, врач императора Рудольфа (*греч.*).

вам. Кто знает? Может, вы осчастливите им все человечество.

Витек *(отступая)*. Нет, нет, прошу вас, лучше не надо.

Эмилия. Прус, вы сильный человек. Но и вы боитесь жить триста лет?

Прус. Да.

Эмилия. Господи, никто не хочет? Никто не претендует на рецепт?.. Ты здесь, Кристинка? Даже не отозвалась. Слушай, девочка, я отняла у тебя любимого. Возьми себе это. Проживешь триста лет, будешь петь, как Эмилия Марти. Прославишься. Подумай: через несколько лет ты уже начнешь стареть. Пожалеешь тогда, что не воспользовалась... Бери, милая.

Кристина *(берет рецепт)*. Спасибо.

Витек. Что ты с ним сделаешь, Криста?

Кристина *(разворачивает)*. Не знаю.

Грегор. Испробуете средство?

Коленатый. Ты не боишься? Лучше отдай назад.

Витек. Верни.

Эмилия. Оставьте ее в покое.

Пауза.

Кристина молча подносит бумагу к горящей свече.

Витек. Не жги. Это исторический памятник!

Коленатый. Погоди, не надо!

Гаук. О, господи!

Грегор. Отнимите у нее!

Прус *(удерживает его)*. Пусть делает как знает.

Общее подавленное молчание.

Гаук. Смотрите, смотрите: не горит.

Грегор. Это пергамент.

Коленатый. Тлеет понемногу. Кристинка, не обожгись!

Гаук. Оставьте мне кусочек. Хоть кусочек!

Молчание.

Витек. Продление жизни! Человечество вечно будет его добиваться, а оно было в наших руках...

Коленатый. И мы могли бы жить вечно... Нет, благодарю покорно.

Прус. Продление жизни... У вас есть дети?

Коленатый. Есть.

Прус. Ну вот вам и вечная жизнь. Давайте думать о рождении, а не о смерти. Жизнь вовсе не коротка, если мы сами можем быть источником жизни...

Грегор. Догорело!.. А ведь это была... просто дикая идея — жить вечно. Господи, мне и грустно, и как-то легче стало от того, что такая возможность исчезла.

Коленатый. Мы уже не молоды. Только молодость могла так смело пренебречь... страхом смерти... Ты правильно поступила, девочка!

Гаук. Прошу прощения... здесь такой странный запах...

Витек *(открывает окно).* Пахнет горелым...

Эмилия. Ха-ха-ха, конец бессмертию!

Занавес

Адам-творец

Комедия в семи картинах

Перевод
И. ИНОВА
О. МАЛЕВИЧА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Глас Божий.
Адам.
Альтер Эго.
Сверхчеловек Милес.
Ева.
Лилит.
Жена Альтер Эго.
Ритор, Пиит, Ученый, Романтик, Гедонист, Философ — Люди Адама.
1-й АЭ, 2-й АЭ, 3-й АЭ, 4-й АЭ, 5-й АЭ, 6-й АЭ — люди Альтер Эго.
Поскребыш.
Пророк.
Пьяница.
Первосвященник.
Послушник.
Архитектор.
Полицейский.

Прочие лица, толпы и хоры за сценой.

I

Городская окраина. В глубине справа и слева — брандмауэры новых, но уже обшарпанных доходных домов, строительные леса. На переднем плане — пустырь, переходящий в пригорок. Спереди — груда глины, на которой стоит какой-то закрытый брезентом предмет. Над ним — большой щит, надпись — черными буквами по красному фону — гласит:

«Мир необходимо уничтожить!»

Возле загадочного предмета стоит Адам и смотрит на часы.

Адам. До полудня — шесть минут; я по всему городу объявил об этом в плакатах и листовках, а видали — ни души. Ладно; сделается без вас. *(Смотрит на часы.)* Понятно: столько уже было сумасшедших и шарлатанов, которые хотели спасти мир, что ни одна собака не принимает всерьез того, кто хочет этот мир уничтожить. Но, дамы и господа, это будет уникальное представление; с двенадцатым ударом часов мы покажем вам — в первый и в последний раз — вселенскую феерию под названием «Конец света»; сочинил и поставил непризнанный великий автор и изобретатель по имени Адам. *(Кланяется.)* Великий человек всегда одинок. А мне все равно. *(Смотрит на часы.)* Хотел бы я, чтоб стояло здесь сейчас все это маленькое, жалкое человеческое племя, и я швырнул бы в лицо ему страшное свое обвинение и приговор. О, тогда-то вы попадали бы на колени, запросили: Адам, спаси нас! А я — я, стоя у этой пушки, сказал бы только: «Кончено. Мир надо уничтожить!» *(Смотрит на часы.)* Не идут. Тем хуже для них. Мир не заслуживает спасения. Пушка отрицания заряжена до отказа. *(Стягивает брезент с Пушки отрицания.)* Славное мое оружие — что такое порох и динамит против «нет» в устах человека? Сколько отрицаний собрал я, сколько умствований накопил! Сколько перечитал и переспорил, пока не исполнился Духа ниспровержения! *(Смотрит на часы.)* Начнем! Но сначала оглашу еще свой Манифест, раз уж он написан. *(Вынимает из кармана сложенную бумажку, откашливается).* «Именем единственно спасительной Анархии», —

а хорошо звучит, кратко и сильно, — «объявляется уничтожение мира. Основания: всякий строй — насилие. Религия — обман. Частная жизнь — предрассудок. Законы — рабские цепи. Любая власть — тирания. Единственный ответ на все это — громовое «нет»! «Мы» — строго говоря, надо бы сказать «я», ибо я не нашел ни одного способного последователя среди этих обывателей; но «мы» всегда звучит лучше. — «Мы объявляем всякий строй, все обычаи и установления несостоятельными и недействительными, мы заявляем, что любые усилия исправить и изменить существующие в мире режимы — трусливый компромисс; мы провозглашаем, что плохо все; жизнь — дурная привычка; гуманность — признак слабости, терпеливость — преступление; а хуже всего — сочувствие и широта взглядов».

Полицейский *(медленно приближается).* Эй, сударь!

Адам *(взглянув на него).* В чем дело?

Полицейский. Не кричите так, не то я вас арестую.

Адам. Простите, — я свободный человек и могу говорить, что хочу. Впрочем, я уже тысячу раз проповедовал это устно и письменно. И все без толку... Нет смысла повторяться! *(Засовывает скомканный Манифест в карман.)*

Полицейский. Говорить можете, но не орите. Что это у вас?

Адам. Пушка отрицания.

Полицейский. А разрешение есть?

Адам. На что? На отрицание?

Полицейский. Нет, — чтоб поставить ее на этом земельном участке.

Адам. Плевал я на все разрешения!

Полицейский. В таком случае забирайте эту штуковину и — марш отсюда! Не то заплатите штраф. Чтоб через час здесь ничего не было!

Адам. Через час? Скажите, — через минуту! Через минуту все полетит к чертям, господин блюститель всемирного порядка!.. Вы даже не спросите, что я имею в виду?

Полицейский. Ступайте-ка лучше домой, сударь! *(Уходит.)*

Адам. Последнее мгновенье мира, и так все опошлить!.. Тьфу! Добро бы изрек что-нибудь великое!.. Все плохо! Плохо! Плохо! Все отрицаю!

Бьют часы.

Полдень! Бим-бам... Вот и конец! Сейчас громыхнет... Раз, два... Теперь нажать... Бим... Еще секунду... Вам... *(Спохватывается.)* Уже отбили? А я не сумел выстрелить... Плохо!

Бьют другие часы.

Ура! Мир, жалкий мир, пробил твой час! Бим-бам... Ну же! *(Нажимает кнопку на Пушке.)*

Оглушительный грохот, дребезг. Адам падает. Кромешная тьма. Завывание ветра. Рев и гул. Все звуковые средства театра приведены в действие. Адам садится.

О, боже, я мертв!.. Помогите!

Грохот затихает и внезапно прекращается совсем. Пауза. Чуть брезжит мутный свет. В непроглядных сумерках обнаруживается, что все исчезло. Осталась голая земля, пригорок да ужасающе оголенный горизонт. Адам садится.

Как, я не мертв?! Стало быть, это не конец света? *(Встает.)* Где я? Вот Пушка отрицания... Но ведь раньше тут стояли дома!.. А вот там висело белье... Домов нет... Ничего... Ничего нет... Значит, все-таки конец света?! А я — жив?! Ах да... Я забыл отвергнуть самого себя!.. А в остальном — это конец света, — несомненно. *(Падает на колени.)* Я спас мир, ибо уничтожил его! *(Пауза.)* Что за чушь, — на меня вдруг нашло какое-то молитвенное настроение... *(Поднимается.)* Погляжу-ка лучше, как выглядит мир после светопреставления. *(Озирается по сторонам.)*

Это все?.. Как же так?.. Но ведь тут и намека нету
на кошмар катастрофы, на трагический дым, на комету!..
Эх, циклон бы, потоп!.. Да и лава не помешала б!..
И, признаться, мне жаль, что не слышно ни воплей, ни жалоб...
Я-то думал — крах грандиозней... Пусть ужасно, зато прекрасно!
Великолепьем крушенья хотел насладиться...
А случилось все так, будто лампочка вдруг погасла...
Где феерия зла, искаженные ужасом лица?!
Стыд! Позор! Так испортить спектакль!
Да неужто всемирный крах не достоин большего блеска?!

Нет, шалишь, я финал бы поставил не так.
Я подбавил бы ужасов, трагики, треска!
И бенгальских огней, и пожаров, багрово-кровавых...
Думал — будет на что посмотреть... Сумасшествие
огненной лавы,
пепелище, скелеты станков, и среди запустенья и
свалки —
колоннадой ощеренный храм, обгорелые балки...
А в действительности? Ничего! Ничего, гляди, не гляди!..
Хоть бы что-то осталось... Ан нет. Пустота. Значит, вывод
один:
мир не стоил гроша, и Ничто обратилось в Ничто.
Если б стоил чего-то, осталось хотя бы то,
что достойно остаться... Не так ли?.. Кругом заунывно
и голо...
Хоть бы горсточка праха, тряпица, осколок!..
Ничего-то людского!.. Мертво. Хоть бы кто-то спросил,
укорил:
Что стряслось, старина? Уж не ты ли сие сотворил?
Я признался бы: да, я в ответе за гибель людей,
это я все на свете отверг, истребил страшной Пушкой
своей.
Поступить я иначе не мог по причинам глубоким
и веским.
Жаль, что некому это сказать, перемолвиться не с кем...
Беспредельно Ничто... И какое оно убогое!
Я-то думал, что после людей уцелеет хотя бы немногое...
Столб, допустим, чтоб прислониться... Словом, нечто
мирское, людское,
дабы снова я мог отрицать... Но, как видно, зашел
далеко я...
Отрицанье мое оказалось сильней, чем я думал...
До чего же уныло кругом!.. Бр-р, какой холодиной
подуло!..
И во сне не приснится, что славянское «нет» всеохватное
на такое способно... Ау!.. Эге-гей!.. Я один, вероятно...
И ведь смелость какая нужна! Ого-го!.. Ни души во
Вселенной.
Триумфальный финал! Пустота. Никого из людей.
Жаль, не видел никто, как свершилось все это мгновенно,
а такое не каждый случается день!
Эй!.. Да слышит ли кто?.. Никого. Ну, и ладно! Баста!

А другой бы небось заносился и хвастал, —
Дескать, я отрицал все и вся и над миром расправу
вершил...
Хоть зеваку бы одного!.. Никого. Ни души.
Ограниченный мир, и тупой, и пустой, и ленивый...
Что там сверхчеловеческий труд и великие наши порывы?!
Эге-гей!.. Никого... Все мертво. Отрицанье повально.
А ведь глупостью было с моей стороны понимать
отрицанье буквально!..
Мир погиб. Я его погубил, так как был он устроен
паршиво.
Жаль, финал подкачал, а ведь мог получиться на диво!

Вверху загорается Око Божье. Слышен грохот.

Глас Божий. Адам, что ты сделал?

Адам. Что?! Кто это говорит? Есть здесь кто-нибудь?

Глас Божий. Что ты сделал?

Адам *(горделиво)*. Разве не видите?! Я отрицал мир...

Глас Божий. Что ты сделал, Адам?

Адам *(глянув вверх)*. Пресвятая дева, это говорит Бог! *(Падает на колени, закрывает лицо руками.)*

Глас Божий. Зачем ты это сделал?

Адам. Я... Я думал...

Глас Божий. Адам, зачем ты это сделал?

Адам. Затем, что мир был устроен скверно и несправедливо! Например...

Глас Божий. Сотворишь его заново сам!

Адам. Я!? Как же так?! Почему?!

Глас Божий. Покажи, на что ты способен!

Адам. Зачем это творить?!

Глас Божий. В наказание.

Адам. Творить? Но как?! Из чего?!

Глас Божий. Из глины, что под твоими коленями.

Адам. Мне страшно...

Глас Божий. Творить всегда страшно. Встань!

Адам. Боже, смилуйся надо мной!

Глас Божий. Твори, Адам!

Громыхание. Свет гаснет.

Адам. Что?! *(Поднимается, отряхивает колени.)* Легко сказать, — сотвори новый мир!.. Но как?! Эге-гей, как это делается?! Не отвечает... Его и след простыл... Гм, не больно-то он разговорчив... Вообще-то я представлял его совсем иначе... Думал, его просто нет... Но раз

уж он есть, мог бы сказать побольше! Я бы пункт за пунктом ему доказал, насколько плох был старый мир. Алло! Отче наш! Исчез.

Этак всякий сумеет, — прийти да приказать: мол, сделай новый мир! И скрыться на английский манер. Разве это мое дело — творить?! Мое дело, простите, судить мир и отрицать. Это мое право, на то мне и разум дан, не так ли?! А творить — совсем другое дело: разве что спятивши... Слов нет, я создал бы совсем иной, лучший мир! Я растолковал бы господу богу по пунктам, каким должен быть мир! Не хотел выслушать, ладно... Меня вполне устраивает, что нет ничего... *(Садится на груду глины.)* Чепуха. Просто мне примерещилось... Конечно, это была галлюцинация... Разве сотворишь жизнь из глины?! Видно, у него понятия нет о современной биологии. Из глины не может родиться никакой организм, так же, как блохи не заводятся от пыли; бабьи суеверия! Минутку! Небольшой эксперимент! *(Берет две пригоршни глины и делает пассы на манер факира.)*

Чары-мары-фук! *(Дохнув в ладони.)* Да будут блохи! *(Раскрывает ладони.)* И что же? Мамочки, да они прыгают! *(Вскакивает.)* Блохи!.. Еще заберутся в одежду!.. *(Захлопывает ладони и, опасливо отведя их от себя, кричит.)* Что за глупые шутки, — сотворить для меня целую пригоршню блох?! Что теперь с ними делать?! Эге-гей! Не отзывается... Черт подери, а ведь блох-то сотворил я сам! *(Всплескивает руками.)* Я умею творить! Я сотворил живых блох! *(Почесывается.)* Ну, да! Прежде у меня их не было. Я стал творцом! Могу творить по собственной воле, на то моя власть! Кто в силах уничтожать, тот может и творить. *(Почесывается.)* Какие прыткие! Вообще-то блоха — чудо природы: удивительно скачет!.. Пускай кто-нибудь попробует сделать блох! И ведь учтите, я могу сотворить их сколько угодно! *(Склонившись над грудой глины.)* Нет, нет, постойте... Если я умею создавать блох, стало быть, могу сотворить и другое — мух, мышей, слонов. Или — динозавра... Сколько ног у динозавра? Все равно! Могу сделать его хоть о тринадцати ногах! А не то сотворю крылатую корову! Или... Прямо голова идет кругом... *(Почесывается.)* До чего же это здорово — чувствовать себя творцом! *(Прилагает отчаянные усилия, чтобы сосредоточиться.)*

Думай, Адам... Твое творение должно быть получше прежнего хлама! Покажи, каким бы следовало быть миру! *(К небу.)* Вразуми, господи, что мне сотворить! Не отвечает... Видно, не решается... Оставил бы хоть побольше глины!.. Этой кучки не хватит на все, что я способен сделать! Знать бы только, что!

Нет, нет, людей не хочу! Это решено. Я их отверг — и точка! Люди — дело прошлое... Что-нибудь высшее! Новое! Например, пусть будет... Нет! Представим себе нечто непохожее на человека. Дадим волю вдохновению. Зажмурим глаза и силою безграничного творческого воображения вызовем образ существа, которое не было бы жалким человеком. Вот так... *(Закрывает глаза и застывает в неподвижности. Пауза.)*

Вот идиотизм! Все мне лезет в голову кенгуру... Кенгуру за книгой. Кенгуру на мотоцикле. Тьфу! Прямо будто цирк, гвоздь программы. Творец мира со своими дрессированными кенгуру. Нет, это не годится! Начнем снова. Внимание! *(Пауза.)* Как назло! Теперь вижу тюленей, балансирующих лампами и мячами... Не надо было думать о цирке... Что-нибудь другое! *(Пауза.)* Чертовски трудная задача — создать нечто новое! *(Поддает глину ногой.)* Сделай что-нибудь сама, Глина созидания! Ну? А я погляжу, что из тебя вылупится... Ничего — и не шелохнется!.. Червя, и того произвести не может, дрянь бесплодная!.. *(Внезапно осененный.)* Эврика! Перешагнем, перескочим обезьянью стадию человека! Создадим высшее существо — Сверхчеловека! Пусть не ведает он ни слабости, ни сострадания! Пусть будет свободен от предрассудков и всяческих уз, от страха и рабских инстинктов! Господи, какой потрясающий момент! Пусть он будет сильным и независимым, с орлиным взором, обращенным к солнцу! Пусть будет он владыкой горных пиков, а не жалким обитателем низин! Быть по сему, аминь! *(Опускается на колени перед грудой глины.)*

В конце концов, это всего лишь эксперимент, не так ли?! По крайней мере, увидим, что можно сделать.

(Ревностно принимается за работу.)

Исторический миг!.. За работу! Скорее за дело!
О, божественный труд, предвещающий Сверхчеловека!
Да возвысится жизнь над звериным, над рабским уделом!
Выше! Выше! Дерзай! Превзойди все, что было от века!
Человек, пресыщаясь людьми, начинает богов творить.

Как же ноги тебе приладить?.. И не вздумай боготворить
бога! Отвергни бога! И могучей десницей расторгни
заколдованный круг обветшалого бытия!
Властвуй сам над собой!.. Полно! Что за телячьи
восторги?!
Для чего мне мужчина?
(Прерывает работу.)
Мужчиной могу быть и я!
Поначалу хотя бы... А там поглядим... Кто знает,
нужен будет второй или нет для расцвета нового древа.
Этот праздник творения сотворением женщины начинаю,
я, новейший Адам, приступаю к созданию Евы.
(Скидывает пиджак и принимается за лепку.)

Глину гнести — сладко!
Творчество — вот блаженство!
Леплю, обуян лихорадкой,
Сверхжизнь и Сверхсовершенство.
Чувствую, чудо природы
уже возникает в глине...
Не марионетка секса,
не женщина — а богиня!
Ты — госпожа положенья.
Чем ты мужчины хуже?!
Ты не в ярме услуженья,
ты почитаема мужем!

Сюда налепить побольше, но так, чтоб ни складок, ни
трещины!
Ух, дьявол, какие бедра я сделал для этой женщины!

Рви ненавистные путы,
цепи морали и ханжества!
Идола похоти рабски
не услаждай, не обхаживай!
Хватит рожать ублюдков,
в грязной погрязнув посуде!
Панцирь гнилых предрассудков
пробей беломраморной грудью!

А чтобы груди Сверхженщины выглядели
покруглее, —
для персей вышеозначенных я глины не пожалею!..

В творческом изнеможении
в пиршестве буйных телес
я познаю изумленно
высшую волю небес!

Опыт по женской части мне пригодился ныне...
Знаю, по крайней мере, чем наделить богиню!
Волосы цвета львицы, цвета пшеницы дам,
страсть как люблю блондинок — больше всех прочих дам.
Красавица безупречна — смотри хоть справа, хоть слева!
Дело сделано. *(Поднимается.)* Встань же! Ты мне
нравишься, Ева!
Ну же, очнись, богиня, женщина нового склада!..
Даже вспотел!.. Вот работка!.. Творчество хуже ада!..
Встань, изваянье, слышишь?! Тщетно... Не дышит грудь...
Дурень, осел, позабыл я жизнь в эту грудь вдохнуть!..
(Надевает пиджак и, опустившись на колени, дышит на изваяние.)
Чудо, краса и сила... Ева, очнись наконец!
Жизнь вдохни поцелуем в мертвую глину, творец!..

Пустынный край озаряется солнцем.

Ева *(приподнимается).* Ах!..

Адам *(в изумлении).* Ожила! Значит, я все-таки умею! Ева, ты действительно живая?

Ева *(распрямляется).* Кто меня зовет?

Адам. Я, творец... Коленопреклоненный, приветствую тебя, божественное создание!

Ева. Вот так, на коленях, и стойте!..

Адам. Стою в изумлении... Как ты прекрасна!

Ева. Кто вы? Вы весь в земной грязи...

Адам. Это — Глина созидания! Я — Адам, отец жизни. О, незабываемое мгновенье! Ева, дай мне руку!...

Ева. Сперва умойся!.. Отойди!

Адам *(поднимается в растерянности).* Как? Тебе нечего сказать мне?

Ева *(указывая рукой).* Солнце!..

Адам. Ну и что?

Ева. Оно высоко...

Адам. Это я давно знаю!..

Ева. Ты не достоин поднять на нас глаза!

Адам. На кого это — вас, простите?!

Ева. На меня и на солнце, жалкий уродец!

Адам. Жалкий уро... Ева! Знаешь ли ты, кто я?

Ева. Какое-то нечистое существо... У тебя кривые ноги и грязные руки. Верно, ты из рабов...

Адам. А что такое, скажи, пожалуйста, ты?

Ева. Я — чудо жизни!

Адам. Кто это тебе внушил?

Ева. Внутренний голос. Я — богиня.

Адам. А ведь ее внутренний голос тоже — от меня!

Ева. У тебя голос противный. Во мне же поет высший голос.

Адам. Что же он поет?

Ева. Этого тебе не понять, низкий раб! Он поет, что я белокура, как львица, как спелые хлеба...

Адам. Да ну?

Ева. Что я без оков и без слабостей, без изъянов и недостатков.

Адам. Скажи пожалуйста!..

Ева. Что я не буду рожать ублюдков, не погрязну в грязной посуде, что панцирь гнилых предрассудков пробью беломраморной грудью...

Адам. Да, такой я желал тебя! Ева, будь моей!

Ева. Поди прочь! Я не про тебя...

Адам. То есть как?

Ева. Я буду хозяйкой положенья. Не в ярме услуженья, а почитаемая мужем!..

Адам. Послушай, кто тебе все это напел?

Ева. Внутренний голос...

Адам. Так-то оно так, но не следует понимать это буквально... Я создал Еву для себя... Ты будешь моей женой, Ева!

Ева. Я не стану обхаживать идола похоти...

Адам. Да какой там идол, глупая! Вот увидишь, — я буду носить тебя на руках!

Ева. Я — не марионетка секса и моды!..

Адам. Нет, нет, конечно, я знаю!.. Ева, мы с тобой одни в целом мире... А одиночество страшно... Будь же со мной добрей! Ну! Что тебе стоит?!

Ева. Я не ведаю ни слабости, ни сострадания...

Адам. Я тоже. *(Приосанивается.)* Знаешь, кто уничтожил мир? Я! Знаешь, кто создал тебя? Я! Знаешь, кто теперь властелин мира? Я! Стоит мне приказать, — и ты будешь моей. Нет, нет, это я только так говорю. Я знаю, ты — свободна. Но надо ведь считаться... Я дал тебе жизнь, и это тебя обязывает... Женщине так легко отблагодарить мужчину!..

Ева. Я — женщина нового склада!

Адам. Да хватит тебе об этом! Скажи, чего ты хочешь? Что мне для тебя сделать?

Ева. Можешь поклоняться мне, раб!

Адам. Ладно, ладно. А ты что будешь делать?

Ева. Стань на колени, я удаляюсь в горы!

Адам. В горы? Зачем? Что тебе нужно в горах?

Ева. Вольность и выси, обитатель низин!

Адам. Нет, останься, прошу тебя! Мне сейчас нельзя в горы; я должен, видишь, творить из этой глины! Сядь рядышком и смотри; я могу создать все, что угодно, — блох, и богов, и героев,— что угодно. А ты будешь меня вдохновлять — в этом величайшее назначение женщины! Что же тебе создать! Приказывай!

Ева. Мне вовсе не интересно смотреть, как ты возишься в грязи!

Адам. Вожусь в грязи? Да есть ли что-нибудь более возвышенное, чем творчество?!

Ева. Свобода. *(Уходит.)*

Адам. Эй, постой! Куда же ты?!

Ева. На вершины... *(Скрывается.)*

Адам. К черту вершины! Останься со мной, слышишь?! Не бросай меня тут! Погоди, я ведь должен сотворить мир! Ева!.. Черт!.. Уходит — бросила меня валандаться с этой проклятой глиной!.. До чего человек одинок, когда он творит... Да подожди же меня, Ева! Я с тобой!..

Ева *(голос за сценой).* Ввысь! Ввысь!

Адам. Куда захочешь... Подожди меня! Ева! Бегу! *(Спешит за ней.)*

Занавес

II

Та же сцена перед заходом солнца.

Адам

(возвращается совсем запыхавшийся, садится)

С этой каши не сваришь!.. Ох, и штучка! Гляди —
ускакала!..
Кочевряжься, таскайся одна по скалам!
И чего она, собственно, пыжится, эта гордячка?
Ведь лепил ее все-таки я, я ладони мозолил и пачкал!
В ней — мои идеалы, мечты... Это я ее предрекал.
И за это она на меня же глядит свысока.
Как же, будет мужчине житье, если в жены возьмет
такую!..
Даже блохи, и те от нее врассыпную!
Не по носу ей, видишь ли... Дура богиня!
Может, глина с изъяном была?.. Или дело не в глине?
А во мне?.. В том, что, глину меся,
я весь мир отвергал, отрицал все и вся...
Вот она и заладила «нет»... Ух, строптива, — повеситься
впору!
Нет уж, дудки, за ней не полезу опять на гору!
На чем я прервался?.. Ах да, нужно дальше творить!
Бабы — только помеха. Впустую пробегал весь день я...

(Встает.)

Но чтоб лучше творить и ошибки не повторить,
я сменю отрицанье на утвержденье!

(Сбрасывает пиджак.)

Ух, чертовка!.. Но все! С женским полом покончено.
Ныне
свой позитивный принцип я воплощу в мужчине.
Пусть оплотом грядущего мира, высшего строя
будут молодость, воля, сила! Сотворю положительного
героя!
Пусть он знает лишь силу и не будет... не... Вот
наказанье!
Опять на язык навернулось проклятое отрицанье!

Проповедуй, что хочешь, — во всем негативность!.. Едва
ограничишь себя утвержденьем, — и она в этой узости
тоже.
Пока человек говорит, — «нет» не выскочить просто
не может.
Мало мир отрицать, — нужно отвергнуть слова!
Не болтай же, творец, твори! В хламе мертвых понятий
навряд ли
ты откроешь секрет бытия... Слово — ложь в благозвучном
наряде.
Погрузиться в себя, сбросить словесные цепи!
Впасть в немоту вдохновенья, не доверять словарю!
Лишь в заветных глубинах кроются высшие цели...
Я изваяю мужчину, свой идеал сотворю.
(Молча трудится.)
Да, но каков он?.. Помню, бредил я великаном,
грезил мальчишкой о рыцарях, — все это в Лету кануло...
Детские бредни!..
(Продолжает молча работать.)
Нынче я предпочел бы не это,
а молодого, нагого, — будто с Олимпа! — атлета.
Лавры на шевелюре, мускулатура борца...
Вспомнить античность приятно и — в интересах творца.
Ну же, за дело!..
(Молча трудится.)
Однако было бы также неплохо
Вспомнить отважных варягов!.. Доблестная эпоха!..
Грудь подставляет брызгам викинг голубоглазый...
Недостает культуры. Ан — чистота расы!
(Молча трудится.)
Глины пойдет немало... Ну, да жалеть не резон,
ежели воплощаешь свой сокровенный сон!
Сделано дело! Осталось в руку оружье вложить...
(Дохнув на изваяние.)
Пошевелился... Вставай же! Время воспрянуть и жить!

Сотворенный человек *(вскакивает с копьем в руках).* Кто здесь?!

Адам. Гром меня разрази, вот это удача! Ну-ка поворотись, голубчик! Вылитый античный воин! По-гречески — милес... Даю тебе это имя!

Милес *(замахивается копьем).* Кто ты?

Адам. Не бойся меня, мальчик. Я тебя сделал.

Милес. Хочешь сразиться со мной?

Адам. Я?! С какой стати?!

Милес. Чтоб выяснить, кто из нас сильнее. Или побежим наперегонки!

Адам. Да что за блажь такая?!

Милес. Презренный трус!..

Адам *(возмущенно).* Что ты сказал?..

Милес. Старый косматый варвар!

Адам. Полегче, парень! Я — отец твоей жизни. Я — творец!

Милес. Да ты — жалкий трус. Не бойся, я не причиню тебе зла. Ты будешь мне служить!

Адам. Я — тебе?! С какой стати?!

Милес. Потому что я так хочу! Когда я стою, вскинув голову, то чувствую себя повелителем!..

Адам. Чем же ты повелеваешь?

Милес. Всем. Вот я стою, и ветер разбивается о мою грудь!..

Адам. И это все, на что ты способен?

Милес. Это мое назначение. Я силен и молод.

Адам. Думаешь, этого достаточно?

Милес. Мне незачем думать, варвар!

Адам. Почему?

Милес. Потому что я — стою. Где я стою — там вершина!

Появляется Ева.

Ева. Я была на горных вершинах, но не нашла никого равного себе. Кто этот белокурый муж?

Милес. Кто эта белокурая львица?

Ева. Откуда ты взялся, светлый герой?

Милес. Я пришел завоевывать. Здесь я стою, — и земля у моих ног.

Ева. Кто этот юный триумфатор и освободитель?

Адам. Да это просто такая глиняная кукла, Ева! К тому же не очень удачная...

Ева. Не обращай на него внимания, юный герой; это всего лишь старый грязный раб...

Милес. Да, он трусливый оборванец.

Ева. Ты прав. Он копается в глине!..

Милес. И даже не вооружен...

Адам. Молчать! Я — ваш создатель!

Ева. Голос у него грубый и противный...

Милес. Хочешь — сразимся, волосатый калека?

Ева. Не разговаривай с ним, он нам не ровня...

Милес. Ты права, он нам не ровня.

Ева. Как много у нас общего!

Адам. Черт бы вас побрал!.. Я...

Милес *(поднимает копье).* Заткнись, чужак! Тебе не место среди нас!

Ева. Ты прав, богатырь! Ты нагой и сильный...

Милес. Да, в этом мое назначение.

Ева. Понимаю... Сколь многое нас роднит!..

Милес. Нас с тобой!..

Ева. Как мы его презираем!..

Адам. По какому праву?!

Ева. Потому, что ты безобразен!

Милес. Потому, что ты другой расы!

Ева. Потому, что ты стар.

Милес. Потому, что ты не герой.

Адам. Хватит! Я отниму жизнь, которую вдохнул в тебя! Пади и умри, глиняный истукан!

Милес. Хочешь со мной сразиться?

Адам. Я отменяю акт творения! Ну же! — Как? Ничего. Неужели нельзя аннулировать то, что сам же создал?! Отойди от него, Ева! Тебе не стыдно?! Я запрещаю тебе с ним разговаривать!

Ева. Кто смеет мне приказывать?!

Адам. Я, творец!

Милес. Давай подеремся за нее, трусливый творец!

Ева. Дерись! Я буду смотреть.

Адам. Что я — рехнулся?! Не стоишь ты того, если хочешь знать!

Ева *(протягивает Милесу руку).* Ты победил, юный герой!

Милес. Это мой первый подвиг!..

Ева. Твой первый подвиг — это я! Идем!

Милес. Иду с тобой...

Ева. К вершинам!..

Милес. И еще выше!.. Идем! Э-гой!

Ева. Эйа-эй!

Поднимаются по склону.

Адам. Куда они полезли? Ева, не ходи с ним!

Ева *(оглянувшись).* Как ты уродлив!..

Милес. Насколько он ниже нас... Эйа-эй!

Ева. Эгей! Го-го-го-го!..

Скрываются из вида.

Адам. Ева, останься!.. А ну их к черту! И болван же этот Милес! Если б не Ева — бабахнул бы в него из Пушки отрицания. Ева, как ты могла уйти с этим истуканом?! Что ты в нем нашла?! Лезут все выше и выше... Дураки! Лодыри! Аристократы! Тебе бы швабру в руки да пару зареванных ребятишек, спесивая богиня! Я для них, видите ли, недостаточно красив и молод!.. А разве я виноват? Себя-то ведь не я сотворил! Все может создать человек — только себя ему не переделать. Меня никто никогда не любил, разве что мамочка... Как же после этого не отрицать мир!.. Один — опять один. Был бы хоть кто-нибудь, кто немножко любил бы меня. Как бы я тогда творил! Человеку так необходим хоть кусочек счастья. И спокойствия, разумеется... Чтоб было для кого творить. И чтоб кто-то был рядом... Ева! Ева, вернись!.. Уже не слышит... Ну и не стану упрашивать. И вовсе не надо никакой богини, а простенькую, преданную подружку... *(Вскакивает.)* Идея! Ведь я могу создать такую!.. Могу сделать сколько угодно женщин! Но я хочу только одну; и когда Ева вернется, скажу ей: отправляйся к своему герою, здесь живет теплое, человеческое счастье... То-то она взбеленится!.. *(Опускается на колени перед грудой глины, засучивает рукава.)* Только теперь я понял, что нужно миру! Ха-ха, — знаешь, боже, что? Счастья!.. Вот оно, великое открытие; только теперь я начну создавать лучший и более светлый мир, мир любви и радости; за работу! *(Мнет глину.)* Как бы опять Милес не перехватил ее... А, да что — сделаю ее миленькой; пусть сидит дома, милая и ласковая; пусть лепечет, как ручеек, и цветет тысячами соцветий. Живей, живей! Одиночество угнетает. Пусть она... будет похожа на... на первую мою любовь; та, правда, любила другого, но ты будешь любить меня. Имя твое — Лилит. *(Дохнув на фигурку.)* Лилиточка, встань. Ку-ку, крошка!

Лилит *(шевельнувшись).* Ку-ку!..

Адам *(всплескивает руками).* До чего же миленькая!..

Лилит *(поднимается).* Я не растрепанная? Поцелуй меня!.. Как тебя зовут?

Адам. Адам. Приветствую тебя, жена моя!

Лилит. А-дам... Чудное имя. Адам. Вот еще, лучше бы тебя звали как-нибудь иначе! Погоди, я тебя причешу!.. У тебя есть гребешок? Ой, что-то меня кольнуло...

Адам. Это всего-навсего блоха, Лилиточка!..

Лилит. Гляди, как она прыгает! А ты так умеешь?

Адам. Моя дорогая, творцу не подобает прыгать...

Лилит. Ну тебя!.. Ты меня не любишь... *(Хнычет.)* Я только спросила, а ты уже напустился!..

Адам. Да вовсе я не напустился, дорогая!..

Лилит *(плачет).* Напустился! Кричишь на меня...

Адам. Неправда, я не кричу...

Лилит. Кричишь...

Адам. Не кри-чу!..

Лилит. Вот видишь, — кричишь!..

Адам. Прости, родная! Верно, я немного переутомился...

Лилит. А что же ты такого сделал, что переутомился?

Адам. Я создал нечто прекрасное, совершенное, бесценное!..

Лилит. Что же это?

Адам. Это — Лилиточка!..

Лилит. Пусти!.. Мне не нравится такое платье!.. А что ты еще создал?

Адам. Да ничего... Еву какую-то...

Лилит. А какая она? Красивее меня? Какое у нее платье? Я знаю, это — та, у которой обесцвеченные волосы... Ну, как солома!

Адам. Это неверно, Лилиточка... Ведь ты ее даже не видела...

Лилит. Все равно! Нечего ее защищать!.. И тощая она, как жердь!..

Адам. Нет, дорогая, она не тощая...

Лилит. Тощая! И все у нее фальшивое! А ты еще говоришь, что она красивее меня! Ну, и шел бы к ней!..

Адам. Но я же не говорил, что она красивее!

Лилит. Говорил! Ты сказал, что она не тощая...

Адам. Хорошо, хорошо, дорогая, пускай тощая; тощая, как драная кошка!

Лилит. И волосы обесцвеченные.

Адам. Да, и зубы искусственные, все как ты хочешь.

Лилит. Ты любишь Лилиточку? Покажи, как ты меня любишь.

Адам. Покажу, покажу... Сотворю для тебя что-нибудь красивое — хочешь?..

Лилит. Пожалуй... А я буду глядеть — можно?

Адам. Конечно, творить — это так интересно, Лилиточка! И никто этого не умеет, кроме меня, понимаешь?! Куда там Милесу!

Лилит. Милес? Это кто?

Адам. Да никто... Теперь, лапочка, повесь на ротик замочек. Когда творят — разговаривать нельзя! Итак, я начинаю. Внимание! *(Лепит из глины.)*

Пауза.

Лилит. Пусик!..

Адам. Что?..

Лилит. Ничего... Я только хотела сказать, что молчу...

Адам. Ты у меня паинька...

Пауза.

Лилит. А что это будет?

Адам. Сюрприз...

Лилит. Ага... *(Пауза.)* Ой, а у тебя уже есть седые волосы!..

Адам. Лилиточка, если ты хочешь, чтоб я что-нибудь сделал, посиди минутку тихонько!

Лилит. Я же ничего не говорю...

Пауза.

Лилит. Адам! Ты даже не взглянешь на меня?..

Адам. Но ты же видишь, я для тебя творю!..

Лилит. А Лилиточки даже не замечаешь... Ты меня больше не любишь!..

Адам. Тьфу ты, чер... гм. Люблю, люблю!..

Лилит. Тогда сядь со мной рядышком! И ты все время будешь творить?

Адам. Все время! Видишь ли, золотко, я должен создать новый мир. Хочешь, я тебе кое-что расскажу? Вообрази: когда-то существовал огромный старый мир...

Лилит. Погляди, какие у меня ноги!.. У тебя тоже на ногах пальцы?

Адам. Конечно. Но этот мир, Лилиточка, был плох, и я его отверг...

Лилит. Да ну?! А почему ты его отверг?

Адам. Я же говорю: потому что он был плох, понимаешь?

Лилит. Нет.

Адам. Ну, потому что там не было Лилиточки.

Лилит. А!.. Рассказывай дальше!

Адам. Словом, я этот старый мир отверг, и — трах! — его не стало, он исчез. Вот какая во мне сила. А теперь я сделаю новый, лучший мир; в нем будут новые, совершенные, умные люди.

Лилит. И Лилиточка там будет?

Адам. Разумеется, дорогая! Лилиточка уже у меня есть.

Лилит. Зачем же тебе другие люди, раз у тебя есть Лилиточка?

Адам. Детка, в мире должно быть много людей!..

Лилит. Ага, значит, одной Лилиточки тебе мало!..

Адам. Да нет же, глупышка! Только, ради бога, не плачь! Мужчина должен творить, понимаешь? Это его долг. Знала бы ты, какое это наслаждение — творчество...

Лилит. Творчество? А что это такое?

Адам. Это невыразимое блаженство, Лилиточка...

Лилит. А когда ты меня целуешь — это не блаженство?

Адам. Конечно, женушка, конечно! Как же иначе!

Лилит. Зачем же тогда еще и творить?!

Адам. Чтоб ты знала, на что я способен. Вот увидишь, как ты еще будешь меня уважать!

Лилит. Не хочу я уважать! Ты просто мой. Поцелуй меня!

Адам. Ах ты, моя милая! Золотко мое...

Лилит. Ой, платье изомнешь!..

Адам. Это от радости, что ты у меня есть! Ненаглядная моя!.. Как я счастлив! Погоди-ка... *(Достает из кармана блокнот.)* Золотой век! Чудесно!

Лилит. Что это у тебя?

Адам. Да ничего, просто хочу записать для памяти... Ничто так не вдохновляет, как любовь! *(Пишет.)* Создать Золотой век... Гениальная идея!

Лилит. Ой, какие у тебя странные волоски на руках! Адам, почему у тебя на руках волоски?

Адам *(пишет).* Что?.. Знаешь, Лилиточка, давай творить вместе! Ты будешь сидеть рядышком, а я буду писать... писать образ и закон грядущего рая. Черт, какое великое мгновенье!.. *(Пауза. Пишет.)*

Лилит. Адам...

Адам. Что, милая?

Лилит. А что ты мне хотел сделать из глины?

Адам. Ничего, — не помню... Кого-нибудь, кто служил бы тебе, негра, что ли... Прошу тебя, посиди минуточку тихо!.. Мне пришел в голову грандиозный творческий замысел!.. *(Пишет.)* Любовь в основе жизни... Семейный очаг — алтарь... Весь мир — райский сад... Блестяще!

Пауза.

Лилит. Послушай, Адам...

Адам. А чер!.. Минуты нельзя потрудиться над созданием будущего поколения!..

Лилит. Ты не обращаешь на меня внимания...

Адам. Отстань! Я творю грядущий Золотой век!..

Лилит. А мне что делать?

Адам. Не знаю, делай что хочешь!..

Пауза. Адам пишет. Лилит укладывает узлом волосы.

Лилит. Взгляни, — так не лучше? Ну, посмотри же!

Адам *(не глядя).* Гораздо лучше...

Лилит *(вырывает у него из рук блокнот).* Я его разорву! Нравлюсь я тебе так или нет?

Адам. Нравишься, Лилиточка... Отдай блокнот!..

Лилит. А когда я тебе нравлюсь больше: когда ты пишешь или когда целуешь меня?

Адам. Когда... когда целую тебя, Лилиточка... *(Заключает ее в объятия.)* Но когда подумаю о грядущем великолепном миропорядке...

Лилит. Любишь Лилиточку?

Адам. Чего?.. А, да, безумно. Но когда я думаю о грядущем...

Лилит. Ты счастлив, муженек?

Адам. Да, да, еще бы! Бесконечно счастлив! С ума сойти!

Занавес

III

Тот же пейзаж в радостном освещении. В глубине сцены справа — хижина Адама.

Адам *(зевает).* Проклятье, до чего же я счастлив!.. Лилиточка — прелесть что за женщина! Не успеваю проснуться,— «Адам, ты меня любишь?..» Выйду на секунду, — «Адам, где ты пропадаешь?..» Соберусь творить, — «Адам, поцелуй меня!..» Лягу спать, — «Ты любишь меня, Адам?» Люблю, дорогая, люблю, черт возьми!.. *(Зевает.)* Я даже не представлял себе, что можно быть так безмерно счастливым!.. А-а-ах, какая скука!

Вот здесь стояла Пушка отрицания, мой «Канон»... Я его хорошенько припрятал. Закопал. Лилиточка хоть и прелесть, а могла бы — из игривости или из любопытства — попробовать... Только этого не хватало! Или сам я мог бы пальнуть, хоть и счастлив сверх меры... Ей-богу. Может, потому и пальнул бы, что так счастлив. Теперь Пушка погребена навечно. Рай у нас. *(Зевает так, что чуть не вывихивает челюсти.)* Попробовать, что ли, потворить?

Лилиточка-бедняжка еще спит. Спит, как малое дитя. Взгляну-ка пока на свои «Основы Золотого века», который мне предстоит создать. *(Садится, достает блокнот.)* Часть первая, глава первая, параграф второй... Неужто я не сдвинулся с места?! А все оттого, что я так счастлив... И потом — Лилиточку это не очень-то занимает! Только начнешь ей читать — надует губки и за свое: «Ты меня не любишь, Адам?» Люблю, люблю, гром меня разрази!.. Рехнешься тут... Итак, параграф второй. «Золотой век не будет регламентирован...» Чем, собственно? На этом я запнулся... Разумеется — ничем он не будет регламентирован. Ничем, кроме моих принципов. Но каких, дай бог память?! *(Бьет себя по лбу.)* Ну, ну?! Так-таки ничем? Черт, голова что-то пустая... Было бы хоть с кем поговорить! Когда споришь с кем-нибудь, столько всего приходит в голову! Без споров творить нельзя. Необходимо кого-то убеждать. Но где я возьму напарника?

Жаль, Лилиточку это не интересует... Нет, пусть себе спит, а мы продолжим работу. «Золотой век не будет регламентирован...» *(Вскакивает.)* Господи, — ведь я же могу создать другого человека! Пока Лилиточка проснется, успею сделать; а ей скажу, что он спустился с гор или свалился с неба... *(Встает на колени перед грудой глины.)* Прекрасная мысль! Создам ученика, апостола, первого человека, который меня поймет!.. Это будет величайший мыслитель и самый отважный ум из всех, какие когда-либо... Э, нет!.. А то еще вообразит, что он умнее меня!.. Нет, нет, голубчик, это не пройдет! Хватит, если ты будешь таким же, как я. В точности, как я, пытливый и положительный, во всем равный мне. Только я буду хозяином и учителем, потому что отверг мир и потому что у меня есть Глина созидания. И Пушка отрицания. Так... А ты будешь моим соратником. И облик твой, и образ мыслей будут, как у меня. Ты будешь моим вторым «я», моим Альтер Эго. И уж вдвоем-то мы сумеем создать лучший из миров! Глина созидания, произведи на свет человека, равного мне! *(Дохнув на глину.)* Вставай, друг!

Альтер Эго *(поднимается.)* Нет-нет! Нет-нет! Тьф-тьф-тьф! Тьфу! Ну и гадость!..

Адам. Приветствую тебя, сородич! Я создал тебя по образу и подобию своему!

Альтер Эго. Тьф-тьф-тьф! Тьфу! Весь рот забит глиной!.. Фи, что за мысль, напихать человеку глины в рот!.. Это негигиенично!

Адам. Помилуй, из чего мне было создавать тебя, как не из глины?!

Альтер Эго. А руки ты перед этим мыл? Глина дезинфицирована? Нет?! Здрасте! Творить — это не конюшню чистить!

Адам. Позволь, уж я-то знаю, как надо творить!..

Альтер Эго. Я тоже, голубчик, я тоже!.. Творить надо по-современному; асептика, резиновые перчатки... А так — это кустарщина, а не творчество! Тьфу! *(Оглядывается по сторонам.)* Да, не много же ты натворил. И это — новый мир?! Ведь ничегошеньки вокруг!

Адам. Я только начал, приятель. Мир еще не готов.

Альтер Эго. Ах, не готов!.. Что же мне, ждать тысячу лет, пока тут станет лучше? Нет, любезный, меня

вокруг пальца не обведешь! Что есть, то и есть, в нечего зубы заговаривать! Ах, леший, что это кусается?!

Адам. Полагаю, блоха...

Альтер Эго. Блоха? Откуда тут взялись блохи?!

Адам. Ну, известное дело... Блохи заводятся от пыли...

Альтер Эго. Глупости! Бабьи толки. Блохи заводятся не от пыли. Обновленный мир — и вдруг блохи!.. Скандал! Какой идиот их развел?

Адам. Это был маленький опыт, этакая шалость ученого; только и всего.

Альтер Эго. Ах, вот как, — опыт! Другого опыта ты не мог поставить? Создать, например, политехнический институт! Или институт переливания крови! А он вместо этого начал с блох!

Адам. Постой, ты ничего не понимаешь. Создавать мир нужно с начала!..

Альтер Эго. С начала! Выходит, сперва — блохи, а уже потом — доценты?! Нет, старина, если б мне предстояло творить мир, я бы в первую очередь создал Научно-исследовательский институт по созданию мира. Вот что я бы сделал.

Адам. А вот это и есть старая цивилизация! Давно пройденный этап! Теперь зачинается совершенно новый мир на абсолютно новых, простых и естественных основах. Вот так. Золотой век, понятно?

Альтер Эго. Где же эти твои новые основы?

Адам. В блокноте. Погоди, сейчас прочитаю.

Альтер Эго. Ха! Теория, планы! На что они годны... Ты мне покажи новый мир на практике! Что ты создал? Блох!

Адам. Неправда; я уже создал гораздо больше.

Альтер Эго. Что, например?

Адам. Например... Например, свою жену Лилит...

Альтер Эго. Ты создал женщину? Видали! И это, по-твоему, небывалое новшество?

Адам. Ты ее не видел; она премиленькая...

Альтер Эго. И это не ново.

Адам. Я с нею бесконечно счастлив.

Альтер Эго. Не ново это! Где она? Пойду взгляну.

Адам. Не надо; она еще спит...

Альтер Эго. Тебе-то что?! У меня на нее такое же право, как и у тебя!

Адам. Я попрошу!.. Моя это жена или твоя?

Альтер Эго. На новом этапе брак упразднен как таковой.

Адам. Не путай, пожалуйста, разные вещи! Мой брак остается в силе...

Альтер Эго. И это называется — новый мир! Хорошенькое дело: у него, видите ли, есть право, а у меня — нет?..

Адам. Не кричи! Разбудишь ее!

Альтер Эго. Интересно, почему бы мне не кричать? Думаешь, я позволю командовать собой?! А вот нарочно буду кричать! Позор! Долой! Тьфу!

Голос Лилит. Адам!.. А-дам!..

Адам. Видишь, — разбудил!.. Я здесь, дорогая!..

Альтер Эго *(торопливо отряхивается).* Нет ли у тебя щетки? Мог бы сотворить меня в костюме получше. Выгляжу босяком...

Адам. Опять не слава богу! Ты выглядишь точно так же, как я!

Альтер Эго. То-то и оно!.. Сам бы я создал себя совсем не таким, а гораздо лучше...

Лилит *(выходит из хижины).* Адам, почему ты так кричал?

Адам. Я? Что ты, дорогая... да, взгляни, Лилиточка, — у нас гость! Как он тебе нравится?

Альтер Эго. Целую ручку...

Лилит. Ой, какой некрасивый! Что ему тут надо?

Альтер Эго. Это он сделал меня таким уродом! Я протестую!

Адам. Но ты такой же, как я! Правда, Лилиточка, мы с ним как две капли воды?

Лилит. Нет, ты — мой Адам, а он — образина. Любишь меня? Поцелуй в губки!

Адам. Лилиточка, при посторонних...

Лилит. Как его зовут?

Адам. Альтер Эго.

Лилит. Как? Альтерэго? Поди, Альтерка, возьми ведра и наноси воды!

Альтер Эго *(растерянно).* Я?! То есть... Что ж, извольте... *(Направляется к хижине.)*

Адам. Должен тебя, Лилиточка, предупредить: мы... гм... мы не можем отдавать ему такие приказы...

Лилит. Но ведь он послушался?

Адам. Да, но мог бы и не послушаться. Он свободный человек, как я, Лилиточка!

Лилит. Но ты ведь тоже ходишь по воду и слушаешься Лилиточку!..

Адам. Это принципиально разные вещи, дорогая! Я могу слушаться, потому что я здесь хозяин, понимаешь? А он всего лишь... Словом, с ним надо обходиться деликатнее...

Лилит. Вот еще, ведь он всего-навсего негр!

Адам. Как негр?!

Лилит. Ты сам говорил, что сделаешь мне для услуг негра!

Адам. Он не негр, Лилиточка. Он... гм... как бы это сказать... Он вроде моего друга, понимаешь?..

Альтер Эго *(возвращается, недовольный).* Хотел бы я Знать, слуга я вам тут, что ли? Это принципиальный вопрос! Я принципиально отказываюсь от такого положения!

Лилит. Только зачем ты так кричишь, Альтерка?

Адам. Затем, что он говорит принципиально. Дорогой друг!..

Альтер Эго. Прошу прощенья! Никакой я вам не друг! Для вас, госпожа Лилит, я сделаю все, но не для него. Вам я наношу воды, сколько хотите. Принесу все, что вам угодно.

Адам. Пожалуйста, не вмешивайся в мои домашние дела.

Альтер Эго. Ни во что я не вмешиваюсь. Я только принципиально протестую. Госпожа Лилит, почему он не создал для вас водопровод с горячей и холодной водой? Почему у вас нет газовой плиты? И это — новый мир?! Надрываетесь, как рабыня...

Лилит. Ты прав, Альтерка.

Адам. Чепуха. Скажи, Лилиточка, тебе чего-нибудь недостает? Разве ты не счастлива?

Альтер Эго. Я говорю не о счастье, а о принципе! К чертям счастье, был бы прогресс! Будь моя воля, госпожа Лилит, все тут выглядело бы иначе. Как подумаю, какое положение могли бы занимать вы...

Адам. Внушай это своей жене, а мою оставь в покое!

Альтер Эго. Как будто у меня есть жена. У одного и жена, и дом, и все, что душе угодно, а у другого —

ничего. Где же тут равенство? Я принципиально отрицаю право Адама сотворить меня! Так-то.

Адам. Да погоди...

Альтер Эго. Правда не ждет! Правду не заглушишь.

Адам. Я тебе объясню...

Альтер Эго. Без тебя все знаю! Есть у меня глаза и рассудок, верно? И затыкать себе рот я не позволю. Выражать свое мнение — священнейшее право каждого человека, сударь!

Голос Евы в горах. Эйа-эйа-эй!

Голос Милеса. Эйа-эйа-эй!

Лилит. Кто это, Адам?

Адам. Гм... э-э... да никто. Просто эхо.

На вершине холма показываются Ева и Милес.

Альтер Эго. Кто эти двое?

Адам. Я же говорю, — никто. Всего-навсего эксперимент. В общем, они не удались. И...

Альтер Эго. И кем они должны были стать?

Адам. Ну, как бы суперлюдьми...

Альтер Эго. Суперлюдьми? Зачем и кто их сотворил?

Адам. Я.

Альтер Эго. Ну, это переходит всякие границы! Я принципиально против сверхчеловека! Против привилегированных каст! Реакционная идея.

Ева. Эйа-эйа-эй!

Лилит. Взгляни, Альтерка, высокая какая! Правда, это ее портит?..

Альтер Эго. Высокая... И не мудрено! Ей не приходится надрываться на домашней работе да орудовать половой тряпкой, как вам, Лилит! Еще бы — сверхчеловек! Скандал!

Милес. Эйа-эйа-эй!..

Лилит. Нет, какой красивый!

Адам. Проклятый бесстыдник! *(Хочет запустить в Милеса камнем.)* Пошел прочь, негодяй!

Лилит. Адам, почему ты не похож на него?!

Альтер Эго. А почему я не похож на него? Не потому ли, что он сверхчеловек, а я — простой бедняга? Знаете, госпожа Лилит, это он сделал из ревности, чтобы я не был красивее, чем он сам. Вам ли удовольствоваться его

щетинистой рожей? Не мог он найти для вас кого-нибудь получше и помоложе себя? Как жаль, сударыня, что вам пришлось выйти за него замуж.

Лилит. Он иногда такой странный, Альтерка!.. *(Всхлипывает.)* Я такая несчастная!..

Адам. Ну, хватит с меня! Я запрещаю тебе вторгаться в мою семейную жизнь!

Альтер Эго. Что? Ты собираешься мне указывать?!

Адам. Нет, нет, приятель, что ты, но я создам тебе жену. Устраивайся с ней как знаешь и будь счастлив. Я дам тебе подругу, Альтер Эго, — теперь ты наконец доволен?

Альтер Эго. Что значит — доволен? Это просто мое право — иметь подругу. Посмотрел бы я, как бы ты отказал мне в этом праве! Чем тут быть довольным, если я получу только то, что мне полагается! Нет, любезный, этого мало, чтоб я был доволен. Ну-ка, скорей за работу!

Адам. Как ты думаешь, Лилиточка, сделать ему жену?

Лилит. Не знаю. Мне хочется быть такой же высокой, как та, на вершине...

Альтер Эго. Правильно, сделай мне жену побольше, а еще лучше очень высокую. Ну, начинай!

Адам. Дай только вымою руки.

Альтер Эго. Не обязательно — она может быть и брюнеткой. Только скорей! Да послушай — не хочу я этакой домашней наседки. Она должна быть интересной женщиной, высокой и стройной.

Адам *(опускается на колени перед грудой глины и принимается за работу).* Постой, не все сразу... Женщина, будь умна, тиха, целомудренна!..

Альтер Эго. Только не это! Ни в коем случае. Гувернантка мне не нужна.

Лилит. А какое у нее будет платье? Лиловое?

Альтер Эго. Пусть будет темпераментна! Франтиха! Красавица!

Лилит. Или — терракотовое? Нет, лучше — в клеточку! Альтерка, скажи, чтобы — в клеточку!

Адам. Будь сильной! Серьезной!

Альтер Эго. Не хочу, чтоб она была синим чулком! Пусть будет такая — бледная, с огромными глазами...

Лилит. Тогда ей нужно черное платье. С узким вырезом, понимаешь?..

Альтер Эго. Ну да — глубокий вырез; а кожа матовая, точно слоновая кость...

Лилит. И пусть не будет дурой, не сидит, как я, дома!

Адам. Лилиточка, не вмешивайся не в свое дело!

Альтер Эго. Это ты не вмешивайся! Пусть будет худощавой.

Адам. Послушай, кто ее делает, ты или я?

Альтер Эго. А чьей она будет женой — твоей или моей?! Мне нужна женщина с бездонной душой!..

Лилит. Дура будет, если станет такой же рабыней, как я! Ничего-то я не вижу, никуда не хожу...

Альтер Эго. Да чтоб не скучная! И пальцы чтоб тонкие, старина!

Адам. Не будь упрямой!

Альтер Эго. Да не встревай ты все время! Хочу, чтоб у нее был альт, богатый интеллект и лебединая шея.

Адам. Будь порядочной!

Лилит. Вот дура-то будет! Какой ей от этого прок?!

Адам. Будь послушной!

Альтер Эго. Не желаю! Пусть будет такой, какой сама захочет!

Адам. Ну и наговорил ты! Теперь неизвестно, какой она выйдет...

Альтер Эго. Неважно. Я свою жену ни в чем не ограничиваю: пусть будет такая, как ей нравится.

Адам. Ну нет, приятель! Творец должен создавать людей такими, какими им следует быть, а не по их желанию. Иначе на что это будет похоже?!

Альтер Эго. Хороша свобода — предписывать человеку, каким ему быть! А я вот хочу, чтоб она стала такой, какой сама пожелает! Вообще, что ты вмешиваешься в мои семейные дела?

Адам. Позволь, я вправе, надеюсь, знать, что создаю!..

Альтер Эго. Как бы не так! Если б творец ведал, что творит, то давно бы бросил это занятие. Так что не суйся не в свое дело, знай твори!

Адам. А если я создам... если из моих рук выйдет что-нибудь страшное?

Альтер Эго. Тогда мое дело будет упрекать тебя. Творцу ведь ничего другого не остается, кроме как терпеть. Ну, живее! Что это за работа!

Адам. Я с тобой препираться не стану. Получай, что хотел! *(Дохнув на глину.)* Встань, женщина! И делай, что тебе заблагорассудится!

Альтер Эго. Интересно, что же получилось... *(Женщина поднимается.)* Ох, какая роскошная!

Женщина. Зачем вы меня разбудили? Я видела такой чудесный пурпурный сон!..

Адам. Мы пробудили тебя к жизни... Да, мы забыли дать ей имя; как мы ее назовем?..

Женщина. Называй меня Загадкой...

Альтер Эго *(к Адаму).* Ну, как она тебе нравится? Представь же меня!

Адам. Это — Альтер Эго, Загадка!..

Женщина. Не называй меня Загадкой. Я — Химера! Странно — кто на меня ни взглянет, чувствует во мне некую тайну... Мне это все говорят.

Лилит *(подавленная).* Доброе утро, сударыня!

Женщина. Вы — милая. Но почему у вас такое ужасное платье?! Мы должны подружиться, правда? Вы презираете мужчин?

Лилит. Я? Нет, а почему я их должна презирать?

Женщина. Потому что вы — женщина, душенька! Я вам столько скажу, когда мы будем одни!

Лилит. Но я люблю Адама!

Женщина. Как вы наивны! Дайте я вас поцелую!

Лилит. Нет, я вас боюсь! Адам, идем домой!

Женщина. Я его у вас не отниму, деточка. Странно, какая у меня власть над мужчинами. Как много я уже пережила...

Лилит. Но вы ведь только что родились!..

Женщина. Я так устала!.. Уехать куда-нибудь, далеко, в новые страны, ради новых ощущений... Нет ли тут зеркала? Обожаю простую жизнь. Какая здесь очаровательная пустынность... Я могла бы целыми днями созерцать былинку...

Альтер Эго. Потрясающая женщина!

Лилит. Адам, идем домой!

Адам. Да, да, Лилиточка, ты иди.

Женщина. Вы верите в рок? Верите, что некоторые люди предназначены друг для друга? Их влечет друг к другу... С первого взгляда... Странно, кто любит меня — умирает...

Лилит. Почему?

Женщина. Не знаю... Есть во мне что-то роковое... это страшно действует на всех. А здесь жутко скучно, вам не кажется?.. Закружиться бы в бешеном танце! Так хочется чего-то!

Альтер Эго. Чего же?

Женщина. Не знаю, чего-нибудь великого. Во мне есть что-то неутоленное. Кто меня поймет?..

Альтер Эго. Я!

Женщина. Кто подчинит себе Эльзу? Кто меня постигнет?

Альтер Эго. Я!

Адам. Неправда!

Лилит. Идем домой, Адам, ну их!..

Адам. Пусти!.. Я говорю, — не постигнет он ее!

Альтер Эго. А ты — да? Думаешь, ты ее поймешь?..

Адам. Кто ее создал — я или ты?!

Альтер Эго. Я! Я сказал: пусть будет такой, какой ей хочется!

Адам. В этом нет никакого творчества!..

Альтер Эго. А вот и есть! Это — сотворение новой женщины.

Лилит. Адам, идем! *(Плачет.)*

Адам. Ах ты, дья... Да не плачь, Лилиточка! Нет, это невыносимо!..

Лилит. Отведи меня дом-о-о-ой!..

Адам. Иду, черт возьми!.. А с вами мы еще поговорим, сударь! *(Уводит Лилит.)*

Женщина. Это его жена? Зачем он на ней женился?

Альтер Эго. Не знаю. Я...

Женщина. Но сам он ужасно интересный человек, правда? Есть у него в глазах что-то особенное, зеленое, неотразимое.

Альтер Эго. Не замечал: но я...

Женщина. Ты видел? Он безумно влюблен в меня. Заметил, как ревнует Лилит?

Альтер Эго. Конечно, но я...

Женщина. Я, я!.. Вам, мужчинам, все бы только о себе говорить.

Альтер Эго. Я люблю тебя, Эльза!..

Женщина. Я не Эльза, я — Лаура... И любить я могу только поэта... А это все — его?

Альтер Эго. Чье?

Женщина. Адама. Он ведь тут хозяин, да? Потому-то он так и холоден. Мне безумно импонируют холодные мужчины!.. Ты заметил, какие у него руки? У него царственные руки.

Альтер Эго. Лаура, я люблю тебя!..

Женщина. Я могу любить только сильного мужчину. Мужчину, который сложил бы к моим ногам все сокровища мира и сказал: «Все это твое, Марцелла, госпожа моя...»

Альтер Эго. Боготворю тебя, Марцелла, госпожа моя!..

Женщина. Молчи! Любил бы — не потерпел бы, чтобы какая-то Лилит значила больше, чем я, Изольда!..

Альтер Эго. Ты в тысячу раз превосходишь ее, Изольда!

Женщина. Разве ты не заметил, как она на меня посмотрела. Свысока, будто хотела сказать: «Эй ты, нищенка, здесь все мое!»

Альтер Эго. Разве она так сказала?

Женщина. А ты не слышал? Да, сказала! И еще добавила: «Адам здесь господин надо всем, а твой кавалер — ничто, ничто, ничто!» Ненавижу ее!..

Альтер Эго. Как?! Лилит это сказала?!

Женщина. А он подхватил: «Все здесь принадлежит мне. Захочу, и Заира будет моей!» Заира — это я. И посмотрел на меня таким властным, огненным взором. Сразу видно прирожденного повелителя!

Альтер Эго *(вспыхивает)*. Я ему покажу властелина! Я ему покажу, какое я ничтожество! Адам, выходи! Эй ты, трусливый деспот!

Адам выходит, поникший и кислый, видимо, после семейной сцены.

Адам. Чего тебе?

Альтер Эго. Скажи, кому принадлежит все вокруг?

Адам. Никому. Земля принадлежит всем, кто грядет. Это — Золотой век.

Альтер Эго. А сейчас кому она принадлежит?

Адам. Сейчас она принадлежит тем, кто есть.

Альтер Эго. В равной мере?

Адам. В равной мере.

Альтер Эго. Тогда покажи, где моя часть!

Адам. Твоя часть везде. Погоди, я тебе прочитаю.

Альтер Эго. Оставь свой блокнот! Отдай мне пашу часть, а после читай себе, что хочешь. И я буду делать, что хочу, — верно, Заира?

Адам. Ты меня не понял! Все будет общее. Основной принцип гласит...

Альтер Эго. У тебя свои принципы, у меня — свои. Я ведь не лезу к твоей Лилиточке.

Адам. Постой, давай сперва договоримся!..

Альтер Эго. Не желаю договариваться! Желаю получить свою половину мира, а тогда договоримся через забор.

Женщина. Только половину? Так мало?!

Адам. Нужно договориться, как устроить Золотой век... Если твой план лучше — хорошо, уступлю. Но это невозможно, потому что правда — на моей стороне.

Альтер Эго. Какая еще правда? Я ее просто отрицаю, и все тут.

Адам. Как ты можешь ее отрицать, не зная?

Альтер Эго. Я отрицаю в принципе. Nego a limine. Ишь чего захотел — чтоб ты был прав, а я нет... Верно я говорю, Заира?

Адам. Постой, не кричи! В нашем Золотом веке не будет...

Альтер Эго. Нужен он мне, твой Золотой век. Я устрою свой, да получше. Давай дели, не разговаривай!

Женщина. Я хочу вон то и вон то! Это — наше!

Альтер Эго. И груда глины — тоже!

Адам. Глина созидания — моя!

Женщина. Не хочу глины. Хочу цветы. Хочу облака.

Альтер Эго. Вот до этого места, где я стою, — все наше. Здесь наша граница.

Адам. Не позволю раздирать на части мир!

Женщина. Я хочу то, что за горизонтом! Там, где поголубее...

Альтер Эго. Да, госпожа моя, это все твое! Ты довольна?

Женщина. У меня так болят ноги...

Альтер Эго. Я принесу тебе стул. *(Бежит в хижину Адама.)*

Адам. Не входи! Что тебе там нужно? *(Хочет последовать за ним.)*

Женщина *(удерживает Адама).* Останься!

Адам. Что тебе?

Женщина. Почему ты меня не понял?.. Едва я тебя увидала, сразу почувствовала: это — судьба... Альтер Эго безумно меня любит. Ты заметил, как он ревнует?

Адам. Да, вроде бы... Погоди, мне нужно домой!..

Женщина. Меня так возбуждает, когда ревнуют. Ужасно люблю героизм.

Адам. Что он делает в моем доме?

Женщина. Не думай об этом. Жизнь так упоительна! Любить, несмотря ни на что... Давай убежим!

Адам. Оставь, я... У меня тут глина... и Лилиточка... и Пушка... Не могу я бежать. Оставь!

Женщина. Боишься, как бы оп чего не взял?! Какой же ты мелочный!

Адам. Мелочный? Женщина, какая великая это была идея! Все общее... Все принадлежит всем...

Лилит *(выбегает из хижины).* Адам, он хочет взять наш стул!

Адам. Не смей брать стул! *(Бросается к хижине.)* Это *наш* стул, бандит!

Женщина. А я хочу этот стул! Хочу!

Адам. Грабитель! Это наш стул! Наш! Наш!

Занавес

IV

Тот же пейзаж. Только в глубине сцены появилось еще жилище Альтер Эго. Сразу видно, что мир разделен на две части. Адам на своей стороне что-то записывает в блокнот. Альтер Эго сидит мрачный.

Адам. Гм!.. Славно получается. *(Пауза.)* Гм... гм... Однако довольно прохладно... *(Продолжительная пауза.)* Хочешь, прочту? Потом скажешь, хорошо ли я написал...

Альтер Эго. Плохо!

Пауза.

Адам. Ты не записываешь свои мысли?

Альтер Эго. Нет! *(Пауза.)* Тебе же будет хуже, если я запишу, что сейчас думаю.

Адам. А ты все-таки запиши, легче станет!

Альтер Эго. Зачем мне искать облегчения? Попрошу без намеков!

Адам. Бог с тобой, разве я на что намекал?

Альтер Эго. Намекал. Злорадно и неуместно. Это бабьи сплетни, будто от меня сбежала жена. Просто она ушла. Ушла с моего согласия, если хочешь знать...

Адам. Не надо было давать согласия, приятель!

Альтер Эго. Легко сказать — не надо! Попробуй-ка, удержи! И, между прочим, это твоя вина. Зачем ты создал этого Сверхчеловека? Вот что я хотел бы знать! А потом ехидно намекаешь, что моя жена убежала к нему!..

Адам. Ушла...

Альтер Эго. Подумаешь! Мне одному-то лучше. Все равно семья — пережиток. Прогресс не остановится на такой обезьяньей затее, как брак. Да и вообще все тут выглядит так...

Адам. Послушай, если тебе что-нибудь нужно... Заштопать там или еще что... Лилиточка сделает...

Альтер Эго. Нет, спасибо... Хотя... Нет, не нужно... Что поделывает госпожа Лилит?

Адам. Даже не знаю. У меня ведь столько работы...

Альтер Эго. Это ты называешь работой? Тоже мне работа — все время ходишь сюда, караулишь! Не понимаю, что ты от меня прячешь.

Адам. Ничего! Ровным счетом — ничего! Что мне от тебя прятать? Я прихожу сюда писать. Сам знаешь, — дома ни минуты покоя!..

Альтер Эго. Зачем ты ее, собственно, сотворил?

Адам. Кого? Лилиточку?

Альтер Эго. Нет, ту, другую.

Адам. Твою жену? Но ведь ты сам хотел!

Альтер Эго. Я!! Хотел?! Такую?! Нет, творец, я представлял ее совершенно иначе!

Адам. Я тоже, старина, я тоже!.. Я ее не понимаю. Она похожа на одну мою знакомую... Еще по старому миру... Интересный тип.

Альтер Эго. И тоже сбежала с кем-нибудь?..

Адам. По-моему, да.

Альтер Эго. А, значит, ты создал мою жену по образу и подобию своей давней знакомой? И ты, знавший старый мир, хочешь творить новый? Все, что ты создашь, будет сделано по образцу того, что уже было. Творец не должен ничего знать, старина! Кто хочет создать новое, не должен оглядываться назад!

Адам. Тут ты крепко ошибаешься. Чтобы творить, надо обладать большими знаниями.

Альтер Эго. Чепуха. Чтобы творить, достаточно ясно и научно мыслить.

Адам. Но чтобы мыслить, необходим колоссальный опыт...

Альтер Эго. Ерунда! Опыт — негодный хлам! Опыт только обременяет, напоминая о том, что уже было. Ты — человек старой закваски, Адам; ты не способен создать ничего нового. Тут необходим ум совершенно нового склада.

Адам. Вроде твоего, что ли?

Альтер Эго. Конечно! Почему бы и нет? Я бы такое сделал — рот разинешь. Почему ты ничего больше не создаешь? Потому что боишься! Потому что не знаешь, по какому пути идти! Бездельничаешь да стережешь свою глину, как бы кто не украл горсточку. Боишься, как бы не начал творить кто-нибудь другой, так ведь?

Адам. Неправда! Думаешь, творить — развлечение? Творить — это мука, старина; это потяжелее, чем дробить камни!

Альтер Эго. Так брось.

Адам. Не могу, Альтер Эго,— это мой *долг.*

Альтер Эго. Кто его возложил на тебя?

Адам. Высший голос.

Альтер Эго. А свидетели у тебя есть? Ага, нет!.. Просто ты не желаешь никого подпускать к работе! Боишься новых идей, вот и все!

Адам. Я? Боюсь? Ну-ка, открой мне свои новые идеи!

Альтер Эго. Не хочу болтать; хочу делать. Каждый имеет право на творчество, согласен?

Адам. Как бы не так! Творить — это, брат, не опыты ставить. Заклинаю тебя, друг, не помышляй о творчестве; хочешь творить — пиши, пиши, но не стремись воплотить свои идеи. Можно ведь так красиво написать; можно написать все, что угодно,— но едва начнешь осуществлять...

Альтер Эго. Ты только допусти меня и увидишь!

Адам. Да погоди же! Едва начнешь творить — все получается совсем не так, как ты себе представлял. Уверяю тебя — лучше всего придумывать и писать о том, каким бы должно быть новому миру. Я уже составил пять разных проектов мира, и каждый превосходен, только теперь не знаю, который лучше, по которому начать строить.

Альтер Эго. Вот это и есть глупость — пять идей одновременно! Если хочешь что-то сделать — ограничь себя одной.

Адам. Но вот какой именно?

Альтер Эго. Своей собственной. Позволь мне, Адам, хоть разок творить! Адам, дай мне глины!

Адам. Ты хочешь работать? Ты мучаешься, друг? Ах, как часто человек творит для того только, чтоб заглушить свою боль! Альтер Эго, боль пройдет; ты забудешь ту, что ушла...

Альтер Эго. Какое тебе до нее дело!.. Дай мне глины, или...

Адам. Или что?..

Альтер Эго. Или я разрушу этот твой старый мир! Так и знай.

Адам *(уязвленный)*. Старый мир? По-твоему, этот мир уже стар? Что ж, так и быть!.. Чем разрушать, уж лучше... Ах, зачем ты так сказал?! Альтер Эго, создай, что хочешь, но больше никогда не проси! Еще раз заклинаю тебя, — оставь эту затею! Творить — это страшная ответственность; даже созидая, можно погубить мир!

Альтер Эго. Знаю. Пусти же, творец! Дашь мне творить?

Адам. Да, да! Лучше творить, чем разрушать!

Альтер Эго. Вот и ладно. *(Опускается на колени перед грудой глины.)* А как это делается?

Адам. Просто вылепи из глины фигуру и вдохни в нее жизнь...

Альтер Эго. Ага. Это я и сам знаю. А начинать с головы или с ног?

Адам. Начинай с чего хочешь, только...

Альтер Эго. Благодарю, я не нуждаюсь в подсказке. Отойди подальше, творец! Не встревай! *(Лепит из глины.)*

Адам. Альтер Эго, что это будет?

Альтер Эго. Только ахнешь. *(Молча работает.)*

Адам. И с двумя ногами?

Альтер Эго. Тебе-то что за дело?

Адам. Слушай — неужто опять женщина?!

Альтер Эго. Пожалуйста, не стой над душой!

Адам. Хорошо, не буду мешать. *(Качает головой.)* Но опять-таки всего лишь подобие человека. *(Уходит.)*

Альтер Эго. Слава богу, ушел. Теперь за работу!..

Замысел мой великий! Ты воплотишься ныне!
Пусть надорвусь от усердья — нет благородней удела.
(Останавливается.)
Миру являет мужчина силу в другом мужчине...
Или все-таки лучше новую женщину сделать?!
(Лихорадочно принимается за работу.)
Глупости!.. Вот она, глина!.. Мни ее, тискай, мучь,
и оживет под руками эта невзрачная груда!
Будь же мужчиной, твори! Будь одинок и могуч!

У Альтер Эго бессильно опускаются руки.

Худо мужчине без женщины!.. Ох, до чего же худо...

Жена Альтер Эго *(появляется в глубине сцены. В нерешительности).* Альтер Эго!..

Альтер Эго *(снова принимается за дело).* Мне некогда...

Жена. Это я, Мария Магдалина...

Альтер Эго. Что?! *(Встает.)* Ты? Откуда?

Жена. Я вернулась...

Альтер Эго. Убирайся! Тебе здесь не место!

Жена. Альтер Эго, что же со мной будет?..

Альтер Эго. Ступай к своему Сверхчеловеку!

Жена. Я его видеть больше не хочу!.. Он меня не понял...

Альтер Эго. Ах, вот оно что!.. Зачем же ты к нему убежала?

Жена. Он так божественно на меня посмотрел!.. Если б ты знал, какой у него стальной взгляд! А эти могучие руки. Альтер Эго, я так несчастна!

Альтер Эго. Ничем не могу помочь!.. Зачем ты, собственно, вернулась?

Жена *(падает на колени).* Чтоб ты убил меня!..

Альтер Эго. Я?! Что за выдумки?!

Жена. Я знала, что ты меня убьешь... Я для того только и сбежала от тебя, чтобы узнать, как ты любишь... Убей меня!

Альтер Эго. Еще чего — отстань! Мне некогда... Да поднимись же, что стоишь на коленях?

Жена. Преклоняюсь перед тобой! Ты так добр и велик! Я знала, ты меня простишь; клянусь, я сделала это только для того, чтобы ты мог показать свою доброту!

Альтер Эго. Доброту? Да тебя высечь мало!..

Жена. Ты так прекрасен в гневе!.. Побей меня!..

Альтер Эго. Слушай, довольно ломать комедию!

Жена. Вот видишь, — ты единственный, кто меня понял!.. Дай же руку своей грешной Анне, она хочет с тобой проститься.

Альтер Эго. Куда ты собралась?

Жена. Не спрашивай. Я знаю, где вода глубока и быстра. Там, за горами, в черном ущелье...

Альтер Эго. Гм... Ступай-ка лучше домой!..

Жена. Я так устала! А знаешь, Ева была женой Адама! И представь — сбежала с этим Сверхчеловеком!..

Альтер Эго. Не может быть!

Жена. Сбежала; и видишь — не вернулась. Могу поспорить, Лилит об этом не знает; но я ей скажу. Признайся, ты скучал без своей заблудшей Луизы?

Альтер Эго. Да нет... то есть да. Некогда мне было.

Жена. Я так рада, что снова дома! Это так прекрасно — возвратиться домой. Я не выгляжу старой?

Альтер Эго. Да нет. Встань наконец! *(Помогает ей встать.)*

Жена. У меня так болят ноги! И все — из-за любви к тебе.

Альтер Эго. Ко мне?

Жена. К тебе. Они разболелись уже на обратном пути.

Альтер Эго. Идем же скорее! У меня тут начата работа... *(Уводит жену.)*

Жена *(опираясь на него).* Жаль, что нас не видит Лилит... Вот бы вытаращилась!..

Альтер Эго. Идем, идем!..

Уходят. С другой стороны появляется Адам.

Адам. Ну что, готов? А, бросил!.. То-то, приятель, творить — дело не шуточное. Сказать легко — создам-де нечто новое!.. *(Рассматривая начатую работу.)* Так и думал, — начал делать женщину! Эти юнцы всегда готовы разнести весь мир, а сводится все к женщине. Ну, ничего — главное, не откопал Пушку отрицания, а то я уже побаивался... Значит, по-твоему, я не знаю, по какому пути идти? Сейчас увидишь! *(Опускается на колени перед Глиной созидания, засучивает рукава.)* Я тебе покажу, как это делается! Но почему он говорил, будто я не создал ничего нового? Погоди же!

Новое! Живо!.. Увы... Сколько бы ты ни корпел, —
сам посуди, откуда новому в глине взяться?!
Вот оно!.. Хуже всего — чувствовать, что в себе
ты, творец, начинаешь чуточку сомневаться...
(Энергично принимается за дело.)
Будто бы я не сумею... Ну, поглядим, юнец!
Смело за дело! Хватит взвешивать «за» и «против»!
(Останавливается.)
Впрочем, что можно сделать, будь ты хоть трижды творец,
если нового нет как такового в природе?!
(Вскакивает.)
Черные мысли — прочь! Вы для творца — проказа!
Чем бы творец ни страдал — скепсис ему заказан!

Альтер Эго *(приходит со старым лозунгом Адама «Мир необходимо уничтожить»).* Эй, что тебе здесь надо?

Адам. Ничего. Я творю...

Альтер Эго. Нечего тебе тут творить. Пусти! Теперь мой черед!

Адам. При чем тут черед? Ты же только что творил. Покажи, что у тебя вышло?

Альтер Эго. Я ненадолго отлучился; я вправе творить, когда хочу, — так? Пусти, я тороплюсь!

Адам. Торопишься сделать еще одну женщину?..

Альтер Эго. Во-первых, это не твое дело, а во-вторых — ни к чему мне делать каких-то женщин...

Адам. Да ну — жена вернулась? Удивляюсь!

Альтер Эго. Пришла. Почему бы ей и не прийти? Что тут удивительного, хотел бы я знать.

Адам. Ничего... И что ты ей сказал?

Альтер Эго. Что сказал?.. Я сказал: «Добро пожаловать. Можешь приходить и уходить когда угодно; ты свободный человек».

Адам. Иди ты, неужто так и сказал?

Альтер Эго. Ну да. Теперь отношения между мужчиной и женщиной совсем другие. Ты, творец, уже не понимаешь новой жизни.

Адам. Позволь, что же нового в том, что у кого-то сбегает мадам?

Альтер Эго. Тут принципиальное различие! Новая женщина не сбегает. Новая женщина уходит, куда ей хочется. Ну, пусти же, теперь я буду творить.

Адам. Что ты хочешь создать?

Альтер Эго. Побольше твоего!

Адам. Человека?

Альтер Эго. Больше, чем человека!

Адам. Бога?

Альтер Эго. Никаких богов. Нечто большее! Нечто новое!

Адам. Что может быть нового под луной?

Альтер Эго. А пустишь, если скажу?

Адам. Пущу, но сперва скажи.

Альтер Эго. Слава богу! *(Вскакивает на Глину созидания.)* Знаешь, Адам, что я хочу создать? Массу! Это мое открытие: сотворение толп. *(Сбрасывает пиджак.)*

Адам. Толп людей?

Альтер Эго. И вовсе не людей! Люди — пройденный этап. Наступило время толп. *(Засучивает рукава.)*

Адам. Каких толп? Ведь толпы состоят из людей!

Альтер Эго. Чепуха! Людей никогда не превратишь в толпу. С дороги, Адам!

Адам. Помилуй, так из чего же ты собираешься их делать?

Альтер Эго. Вопрос! Из глины, разумеется. Если хочешь знать, я открыл совершенно новый метод творчества. Твое место на печке, старый бракодел! А не то давай на пари: кто больше. Попробуй.

Адам. Кто проявит больше умения?

Альтер Эго. Кто больше натворит.

Адам. От такого пари отказываюсь.

Альтер Эго. Ага, трусишь!

Адам. Ха!..

Альтер Эго. Ну, как? Хочешь соревноваться?

Адам. Ладно!

Альтер Эго. Ладно! *(Плюет на ладони.)* Состязание старого и нового мира! Конкурс в области созидания — за мировой рекорд! *(Спрыгивает с груды глины.)* По рукам?

Адам. По рукам!

Альтер Эго. Поехали!.. *(Несет щит с лозунгом к груде глины.)*

Адам. Что это у тебя? Господи, откуда ты это взял?!

Альтер Эго. Да нашел вон там, в кустах... *(Укрепляет щит возле Глины созидания на манер загородки.)*

Адам *(читает вслух).* «Мир... необходимо... уничтожить...» Мой лозунг! Убери сейчас же! На что он тебе?!

Альтер Эго. Чтоб ты не подсматривал!.. Еще одно мое изобретение — здоровая конкуренция!

Адам *(про себя.)* «Мир необходимо уничтожить!..» Дурное предзнаменование... Альтер Эго, не ставь здесь эту доску!

Альтер Эго. А что? Доска как доска.

Адам. Надпись не подходит.

Альтер Эго. Подходит. Как раз нужный размер. Так, готово! *(Подходит к Адаму и протягивает ему руку.)* Ну, старик, пожмем руки. Жизнь — борьба.

Адам (*несколько растроган).* Спасибо. Желаю удачи!

Альтер Эго. Не беспокойся. Ну, начнем?

Адам. Еще нет! Я должен приготовиться. Иди на свое место и жди, когда я скажу: «Теперь!»

Альтер Эго. Ладно, только не тяни. *(Скрывается за щитом.)*

Адам. А теперь я ему покажу! Слушай, так дело не пойдет! Хлопай в ладоши, чтоб я знал, что ты еще не начал!

Альтер Эго. Хорошо! Только поторопись! *(Бьет в ладоши.)*

Адам *(про себя).* Сотворить самое лучшее! Выберем величайшую из великих идей... Но — которую?

Альтер Эго. Что же, начнем?

Адам. Сейчас, сейчас! Я должен сосредоточиться... Да не отвлекай ты меня без конца этими дурацкими хлопками!

Альтер Эго. Ты же сам просил, чтоб я хлопал!..

Адам. Да, да, хлопай!.. Живее!.. Что-нибудь грандиозное. Ведь уже было столько великих идей!.. Почему мне ничего не приходит в голову. Что-нибудь необходимое... *(Смотрит на щит.)* «Мир необходимо уничтожить!» Проклятая доска! Как творить перед нею?

Альтер Эго. Ну, что?

Адам. Еще минутку! Черт, что же теперь?

Альтер Эго. Слава богу!

Адам. Что такое?

Альтер Эго. Наконец-то ты сказал: «Теперь».

Адам. Не говорил я «теперь». Это не считается. Что ты там делаешь?

Альтер Эго. Творю!

Адам. Так не годится! Я еще не начал!

Альтер Эго. Так начни и не болтай! *(Насвистывает.)*

Адам *(бросается к глине на своей стороне.)* Легко сказать начни!.. А что начать? В чем подлинное совершенство? Что человеческое — без недостатков? *(Бросает работу.)* Эй, ты зачем свистишь?!

Альтер Эго. Чтоб веселее работалось!

Адам. Как ты можешь свистеть, когда творишь?

Альтер Эго. А почему бы и не свистеть? Свисти тоже.

Адам. Послушай, творить — да это священнодействие! А ты насвистываешь, как сапожник. Не могу я творить, когда ты свистишь над самым ухом!

Альтер Эго. Ты не ворчи, а твори, старый индюк!

Адам. Кто я?

Альтер Эго. Старый облезлый индюк!

Адам. Я попрошу!.. *(Кричит в негодовании.)* Потвори с мое, молокосос, тоже станешь старым облезлым индюком!

Альтер Эго. Ты кончил?

Адам. Нет... *(Поспешно принимается за работу.)* Начну с пупа. Живот-то все равно есть, хоть у кого. А уж потом остальное... Придумал!.. Хотя нет, почему Бальзака? Лучше какого-нибудь гения практики. Или, скажем, — Эйнштейна... Эй, ты уже кончил?!

Альтер Эго. Какое там!..

Адам. Ага, у него не клеится!.. Но зачем Эйнштейна? Одним Эйнштейном мира не исправишь. Почему он смеялся над тем, что я делаю только людей? Он, мол, создает какой-то общественный строй! Да у меня же есть записи... Пять проектов будущего миропорядка! Скорей! *(Вынимает блокнот и лихорадочно его перелистывает.)* Золотой век?.. Нет, пожалуй, второй проект: Платонова республика. Этого у него наверняка нет! Да, но он скажет: брось, что тут нового? Нет, лучше социалистическое государство! Проклятье, где это у меня? Господи, только бы он не взял одну из моих идей... *(Листает.)* Бакунин, Маркс... Да перестань ты свистеть!

Альтер Эго. А почему бы и не свистеть, коли умею?!

Адам. Перемени хотя бы пластинку!

Альтер Эго. С какой стати?.. У каждого своя песенка...

Адам. Слушай, Альтер Эго: помни — от того, что ты создаешь, зависит судьба мира; любая ошибка, которую ты сейчас допустишь, любая идея... Эй, ты слушаешь?

Альтер Эго. Говори, говори, мне это не мешает!

Адам. Хорошенько обдумай, что ты делаешь, — можешь ли ты поручиться за то, что выйдет? Если есть у тебя хоть тень сомнения, заклинаю: брось! Оставь! Слышишь, только дурак не сомневается. Думай и сомневайся!

Альтер Эго. Я еще не настолько глуп. У кого есть идея, тому не надо думать.

Адам. Обращаюсь к твоей совести!

Альтер Эго. У кого есть идея, тому совесть не нужна. *(Насвистывает.)*

Адам. Знать бы только, что он там делает! Я бы тогда создал нечто диаметрально противоположное; всегда хорошо — из принципа делать прямо противопо-

ложное. Скорее... Так что же творить-то? И вообще — зачем творить? Голова раскалывается!

Альтер Эго. Ай да я! Дело удалось на славу!

Адам. Что там у него?! *(Падает на колени.)* Боже, сотвори что-нибудь вместо меня! Докажи еще раз, что ты еси! Сделай что-нибудь! Тебя всегда называли Создателем; создай же что-нибудь великое или хотя бы напорти тому, другому!..

Альтер Эго. Готово!

Адам *(вскакивает).* Не считается! Я еще не начал! Подожди!

Альтер Эго. Эпоха не ждет! *(Выходит из-за своего укрытия, неся полую форму человека.)*

Адам. Что же ты создал?

Альтер Эго. Вот это, милейший!.. *(Стучит по форме.)* Вот что я создал, видишь?

Адам. Что это?

Альтер Эго. Полая форма. Новый метод творчества. Массовое созидание. Адам, Адам, я тебя превзошел!

Адам. На что эта штука? Что все это значит?

Альтер Эго. Мой патент! Набьешь сюда глину, дунешь — и готово! Опять набьешь, дунешь — готово! Серийное производство! Дюжина за пять минут! Вот как это делается, гляди, творец! *(Сшибает щит, из-за которого выскакивают двенадцать серийных созданий.)*

Адам. Боже! Что ты наделал?!

Альтер Эго. Адам, перед тобой — Масса!

Адам. Почему они такие одинаковые? Почему их дюжина?

Альтер Эго. Это и есть великое, творец. Сверхчеловеческое. Я создал Толпу!

Адам. И это — люди!

Альтер Эго. Отнюдь. Толпа. Здорово, а? Один к одному! И у всех одна и та же мысль.

Адам. Какая?

Альтер Эго. Потом узнаем. Неважно какая, лишь бы — одна и та же. Идея толпы — в этом есть величие.

Один из людей Альтер Эго почесывается, все остальные почесывают то же место.

Видал?! Что я тебе говорил?! Толпа пробуждается!

Адам. Но почему они тут так стоят? Почему молчат?

Альтер Эго. Тише, тише — в них зарождается мысль. Масса приходит в сознание. В них вселяется Душа толпы. Смотри, смотри, — подымают голову! Сейчас откроют рот... Слушай!

Толпа насвистывает в унисон.

Адам. Что они насвистывают?

Альтер Эго *(вне себя от радости).* Это моя песенка! Они насвистывают мою песенку! Творец, я превзошел тебя! Я — их Вождь! Я стал Вождем!

Адам. Что ты так кричишь?

Альтер Эго. Потому что быть Вождем, дурень, это в тысячу раз больше, чем быть Творцом!

Занавес

V

Тот же пейзаж. Только вместо двух хижин слева вдали виден огромный город Альтер Эго, напоминающий Манхэттен, справа — романтические башни города Адама. А там, где прежде была Глина созидания, теперь глубокая яма. Портал сцены украшен фестонами и гирляндами.

Адам

Шесть дней прошло... Седьмой — венец Творенья!
Я отдых заслужил, я создал свет.
Что сделано — достойно одобренья.
Еще б творил, да глины больше нет.

Из глиняной однообразной массы —
мы поделили поровну ее —
я личности творил, он — толпы, массы:
вполне логично — каждому свое.

Мир создан, и чрезмерно придираться
к нему не время. Всем доволен я.
Но Альтер Эго — надобно признаться —
не экономил редкого сырья.

Не одобряю практику такую,
хотя шаблон уместен кое-где...
Один лишь я творю, не фабрикую...
Ведь создаем не гвозди, а людей.

Бог с ним! И рад-радешенек я, право,
что буду вновь один и сам с усам.
Пойдет налево, я пойду — направо.
Расстанемся, как Лот и Авраам.

Придет ли? Да куда ему деваться!..
Придет не зря... Предположенье есть,
что нам не избежать речей, оваций.
И все это в мою, Творцову честь,

Представьте только, праздничные лица,
сияние торжественного дня...
Я так любим... Теперь мне надо скрыться...
Пусть будет все сюрпризом для меня.

Как устоять, когда такие гости
ко мне придут... Да, я растроган, рад.
Пусть лопнет он от зависти и злости!
Но разве я хоть чем-то виноват?
(Встает и довольно потирает руки.)
И может статься — труд мой эпохальный
увековечат здесь плитой мемориальной!

Входит Альтер Эго.

Альтер Эго. Эй, старик, что ищешь? Вчерашний день? Или какую-нибудь работу? Или счастливый четырехлистник? Делать тебе, поди, больше нечего? Уже готов, так ведь!

Адам. Как и ты, дружище, как и ты. Наш труд завершен.

Альтер Эго. Вот еще! Я только начинаю.

Адам. Творить?

Альтер Эго. Организовывать. Творить — значит организовывать. Создавать все более высокие типы организации. Ты-то, конечно, уже готов. Наплодил людей, а с этой братией уже ничего не поделаешь, ровным счетом ничего. Это, знаешь, вроде зоологического сада; ну ничего, лишь бы тебе нравилось. А у меня, извини, дел по горло.

Адам. Прости, мне некогда тебя слушать.

Альтер Эго. Пардон, не хочу тебя задерживать.

Адам. Напрасно бы и старался. *(Уходит с подчеркнутым достоинством.)*

Альтер Эго
(смотрит ему вслед)

Мне жаль его. Старик был добрый малый.
Да только труд его — увы! — коту под хвост.
Нам с каждой особью возиться не пристало.
Творенье — производственный вопрос.
(Садится.)
Лепить отдельно каждую персону,
как делали кулич на пасху встарь,
в наш век неприбыльно. И в этом нет резону.
Старик был самоучка и кустарь.

Мы разделили землю на две части.
И вот пошла вражда — страшней чумы.
Два мира примирить — не в нашей власти.
Да, дело наших рук — сильней, чем мы.

Жаль, он не подождал. Без репетиций
здесь массы будут прославлять Творца.
Они во мне чтут бога и отца.
Уже плиту несут. Я должен скрыться.
(Уходит.)

Некоторое время сцена пуста.

Голоса за сценой *(слева)*. Слушай: раз-два, взяли! раз-два, взяли! раз-два, взяли! Стой!

Голоса за сценой *(справа)*. Да отпусти ты, черт... Нет, подыми еще! — Трам-та-ра-та-та-та! Не так, чтоб тебя! С дороги! Тим-та-ра-та-та-та! Смотрите, не разбейте!

Голоса за сценой *(слева)*. Слушай: раз-два, взяли! раз-два, взяли! раз-два, взяли! Стой!

Голоса за сценой *(справа)*. Куда прешь? Надо было захватить ломы! Тележку! Лямки! Домкраты! Осторожно, валится! Берегись! Берегись! Живей пошевеливайтесь! Не так быстро! Подай вперед! Подай назад!

Голоса за сценой *(слева)*. Слушай: раз-два, взяли! раз-два, взяли! раз-два, взяли!

На сцену выходят люди Альтер Эго, сокращенно — АЭ: они несут на лямках большую каменную плиту, на которой высечено: «ЗДЕСЬ БЫЛ СОВЕРШЕН АКТ ТВОРЕНЬЯ». Все в одинаковых комбинезонах цвета хаки, у всех одинаково невыразительные лица — результат стремления к стандартному идеалу.

Голоса за сценой *(справа)*. Еще маленько! Здесь в самый раз! Чуток правее! Чуток левее! Не так же! Тяни! Толкай! Пусти! Сам справлюсь!

На сцену вываливается толпа людей Адама; они несут, тянут, волокут и толкают большую каменную плиту, на которой высечено: «ЗДЕСЬ БЫЛ СОВЕРШЕН АКТ ТВОРЕНЬЯ». Головы их украшены венками, у одного в руке — тирс, у другого — лютня, у третьего — научный фолиант, четвертый размахивает томиком стихов; каждый одет на свой манер: один — в античном хитоне, другой в одеянии менестреля, третий — à la Онегин, четвертый — в современном костюме; один брит наголо, у другого — длинные волосы, третий — с развевающейся бородой; тот — белокурый, этот рыжий, а тот — брюнет; короче, весьма пестрая и оживленная компания.

А ну, взяли! Да не туда! Расколете!

Первый АЭ. Эй, вы, что тащите?

Первый из людей Адама *(по всем признакам Ритор).* Чего? Гляньте, здесь эти АЭ!

Выкрики и смех людей Адама.

Второй АЭ. Что вам тут надо?

Второй из людей Адама *(очевидно, Пиит).* А вам какое дело?

Третий из людей Адама *(вероятно, Ученый).* Вам-то что тут надо?

Четвертый из людей Адама *(по виду — Романтик).* Проваливайте!

Все АЭ *(хором).* Сами проваливайте!

Пятый из людей Адама *(скорее всего Гедонист).* Когда рак свистнет.

Шестой из людей Адама *(по всей вероятности, Философ).* Позвольте, я им все объясню. Господа...

Ритор. Именем Адамова племени...

Романтик. Чего тут толковать! Вышвырнуть их!

Ученый. Прошу слова...

Пиит. У нас тут предполагается торжественная церемония!

Гедонист. Дрожайшие...

Романтик. Вы пришли провоцировать нас!

Люди Адама поднимают крик.

Ритор. Представители соседней державы, поелику мы собрались на торжественное открытие мемориальной плиты...

Пиит. ...с декламацией...

Философ. ... и лекцией...

Ритор. ...то и просим вас удалиться!

Романтик. Гоните их!

Крики, трубные звуки, свистки.

Первый АЭ. Господа!

Шум стихает.

АЭ-массы явились на АЭ-манифестацию.

Ритор. Смотрите-ка! На какую же?

Первый АЭ. АЭ-народ намерен водрузить здесь мемориальную доску.

Все АЭ *(хором).* ЗДЕСЬ БЫЛ СОВЕРШЕН АКТ ТВОРЕНЬЯ!

Пауза. Люди Адама застывают в изумлении.

Ученый. Но позвольте, ведь вас-то сотворил не Адам.

Второй АЭ. Нет. Нас сотворил Альтер Эго.

Все АЭ *(хором).* Нас сотворил Альтер Эго.

Философ. Сотворил? Это вас-то сотворили?

Романтик. Они воображают, будто их кто-то сотворил!

Гедонист. Почем дюжина?

Хохот, насмешливые выкрики.

Ритор. Но, господа, это ошибка! Вы — не сотворены!

Пиит. Вы — серийный продукт!

Романтик. Вы — не оригинальные творения!

Гедонист. Всего лишь порядковые номера!

Ученый. Мы вообще не намерены вступать с вами в дебаты!

Романтик. Вы — стадо!

Пиит. Глиняные горшки!

Философ. Подделки!

Первый АЭ. Хватит! А вы — кто?

Ритор. Мы настоящие люди.

Романтик. Личности.

Философ. Души.

Пиит. Образ божий.

Первый АЭ. Вы — жалкий пережиток.

Ритор. Что?

Первый АЭ. Ряженые.

Все АЭ *(хором).* Психи.

Первый АЭ. Старая рухлядь.

Все АЭ *(хором).* Блеф.

Первый АЭ. Мы — Новый свет.

Все АЭ *(хором).* Нас сотворил Альтер Эго.

Первый АЭ. Мы — это переворот в творчестве.

Все АЭ *(хором).* Мы — Масса.

Первый АЭ. Адам посрамлен.

Все АЭ *(хором).* В болото!

Люди Адама поднимают страшный крик. Слышны возгласы; «Вперед! Негодяи! Смерть им!»

Ритор *(перекрикивает всех).* Тихо! Друзья, нам нанесено страшное оскорбленье. Эти глиняные недоноски...

Пиит *(перебивая его).* Альтер Эго — халтурщик и мошенник!

Ученый. Да здравствует Адам!

Все АЭ *(хором).* Да здравствует Альтер Эго!

Романтик. Режь их! Бей их!

Ритор. Господа, спокойно! Мы пришли сюда водрузить нашу мемориальную плиту...

Второй АЭ. Здесь будет наша плита...

Все АЭ *(хором).* Наша плита!

Ученый. Нет, плита Адама!

Философ. И никакая другая!

Гедонист *(топает ногой).* Проваливайте!

Все АЭ *(топают).* Проваливайте!

Романтик. Адаму — ура!

Все АЭ *(хором).* Альтер Эго — ура!

Сверхчеловек Милес *(появляется над ними; на ногах у него греческие сандалии, вокруг бедер — шкура пещерного медведя, в руке — копье, на плечах — гусарский ментик, голову украшает генеральская шляпа с развевающимся плюмажем).* Час пробил! В атаку!

Все АЭ хором начинают насвистывать песенку Альтер Эго.

Люди Адама *(вразброд оглашают воздух боевыми кликами.)* Э-ге-гей! Ура! На врага!

Оба стана кидаются друг на друга. АЭ поначалу идут сомкнутым строем, насвистывая песенку Альтер Эго; люди Адама устремляются вперед с торжествующим ревом. Противники сходятся один на один. Всеобщая потасовка, упавшие катаются по земле, с оглушительными криками душат друг друга.

Сверхчеловек *(смотрит на все это с. явным неодобрением; вынимает свисток, свистит).* Плохо! Такие сражаются! Отставить!

Участники побоища, обескураженные этим вмешательством, отпускают друг друга и встают; каждый возвращается на свою сторону.

Первый АЭ. Кто это?

Ритор. Что это значит?

Ворчанье, недовольные выкрики.

Сверхчеловек *(над ними).* Молчать! Из рук вон плохо, господа. К сожалению, должен сказать: это не война, это драка. Так не воюют.

Романтик. А вам-то какое дело?

Сверхчеловек. Извольте заткнуть глотку. Встаньте в строй! Равняйсь! Вы не знаете, что такое «равняйсь»? А еще хотите воевать под знаменами родины?

Пиит. Мы не солдаты!

Сверхчеловек. Потому что не вооружены как следует. Вы должны надеть форму и вооружиться.

Ученый. Да мы только хотим поставить мемориальную доску!

Сверхчеловек. Вы поставите здесь другой памятник. Монумент победы. Памятник павшим. «Они с честью погибли в бою» или что-нибудь в этом роде. Так это делается.

Романтик. Он прав! Пошли вооружаться!

Пиит. К оружию! Ура!

Люди Адама *(с громкими криками).* Ура! Мы им покажем! К оружию! *(Бегут к своему городу.)*

Сверхчеловек *(обращаясь к АЭ).* А вы что? Вам тоже надо вооружиться! Каждый десятый будет командовать. Равенство отменяется! Ясно?

Все АЭ *(хором).* Ясно!

Сверхчеловек. Кру-гом! Ша-гом марш! Левой, левой, левой!

Все АЭ маршируют влево.

Фу, как от них воняет. *(Достает из-за пазухи веер и обмахивается).* Душно, быть грозе. Я провозвестник силы.

Отдаленные раскаты грома.

Адам *(возвращается справа).* Такой чудесный день и вдруг испортился! Надвигаются тучи, уже слышен гром. Где мои люди? Почему они не разыскивают меня? Ага, они принесли плиту, детки мои милые! Я этого ждал. *(Читает.)* «ЗДЕСЬ... БЫЛ... СОВЕРШЕН... АКТ... ТВОРЕНЬЯ». Как хорошо и просто сказано! А это что? Вторая! Неужели они хотят водрузить в мою честь две плиты? *(Читает.)* «ЗДЕСЬ... БЫЛ... СОВЕРШЕН... АКТ... ТВОРЕНЬЯ». Странно!

Сверхчеловек. Здесь была сотворена смертельная вражда.

Адам. Что ты сказал?

Сверхчеловек. Вторая плита не в твою честь.

Адам. А в чью же?

Сверхчеловек. Ее принесли те, другие.

Адам. Другие? Чепуха. Не станут они водружать мемориальную доску в мою честь!

Сверхчеловек. В твою — нет, в честь другого — да!

Адам. Другого? В честь Альтер Эго? Враки! Альтер Эго ничего не создал! Ты кто? Почему тут валяются растоптанные венки? Что случилось?

Сверхчеловек. В тот самый день, когда было завершено сотворение мира, вспыхнула война. Я стоял на пороге истории. Она родилась под моим личным надзором.

Раскаты грома.

Адам. Что это значит?

Сверхчеловек. Начало. Твои люди сражались плохо; никакой выучки, никакой дисциплины и до сих пор ни одного убитого.

Адам. Что? Мои люди схватились с... теми, другими? Произошло сражение? Кто зачинщик? Кто прав, кто виноват?

Сверхчеловек. Прав тот, кто победит. Впрочем, на стороне тех, других, было незначительное превосходство; этот материал получше.

Адам. Врешь! Мои люди лучше! Они способнее! Совершеннее!

Сверхчеловек. Никакого строя. Стоят как попало, и у каждого свое мнение.

Адам. Потому что каждый из них — личность!

Сверхчеловек. Это поправимо. Надо только напялить на них форму! Дать им единую идею! Сунуть в руки знамя! Они получат оружие и девиз! И готово. Вот так делается история, творец!

Адам. И это ты называешь творчеством?

Сверхчеловек. В моем лексиконе для этого существует слово abrichtung [1]. Надо создать нацию. Надо создать империю. Таков смысл войны!

Раскаты грома.

Адам. Какой войны? Да кто ты, собственно, есть?

Сверхчеловек. Я провозвестник силы.

Адам. Ага... ты... как тебя?.. Вспомнил — Милес.

Сверхчеловек. Мюллер. Мое имя — Сверхчеловек Мюллер. Человек действия. Инструктор героизма.

[1] муштра, выучка (*нем.*).

Адам. Знаю, знаю. А что поделывает Ева?

Сверхчеловек. Занимается физической культурой. Гимнастикой. Ритмикой.

Адам. И эти фанатики напали на моих людей? Понимаю, их натравил этот Каин — Альтер Эго. Ну, я им покажу!

Сверхчеловек *(чистит острием копья ногти).* А они не дадутся.

Адам. Тогда я пошлю против них своих людей!

Сверхчеловек. Это и есть война!

Адам. Нет, это — оборона! Я не хочу войны!

Сверхчеловек. Война — началась, ступай, откуда пришел, творец!

Все усиливающиеся раскаты грома.

Адам. И ты полагаешь, я это допущу?

Сверхчеловек. Не тебе здесь командовать, творец. Тебя никто не спрашивает.

Адам. Кто же тогда тут будет командовать?

Сверхчеловек. Тот, кто будет у власти. Тот, кто победит. Сотворить мир — это пустяк. Мир нужно завоевать. Кто — кого! Вот и покажи, на что ты способен!

Адам. На что я способен?

Сверхчеловек. Ни на что. Быть творцом — пассивная, отыгранная роль. Тебе крышка, старое ископаемое! Отправляйся в каменный век, творец: сейчас началась История.

Адам *(в ярости).* Что?! Что?! Я тебе покажу Историю! *(Взбегает на холм, выхватывает копье и колотит им Сверхчеловека.)* Так мне — крышка? Хочешь поглядеть, на что я способен? На же! Получай! *(Гонит его перед собой.)* Не мне, говоришь, тут командовать? Ах ты, бездельник! *(Прогоняет Сверхчеловека со сцены.)* Я вышибу войну из твоей башки! На вот! На! Получай! *(С криками удаляется.)*

Начинается гроза. Идет дождь.

Голос Адама *(снова приближается).* И кланяйся Еве, шут гороховый!

Удар грома.

Адам *(возвращается, опираясь на копье).* Уф, и задал же я ему! До чего приятно кого-нибудь отволтузить!

Странно, пока я творил, никогда не чувствовал себя таким сильным. *(Садится под дождем, отдувается.)* Плита в честь Альтер Эго! На моих людей напали! И чтоб я с этим примирился?

Вспышка молнии, удар грома.

Холодный душ дождя, омой мне лоб и душу.
О люди, я, творец, для вас отец и мать.
За каждого трясусь, болею, стражду, трушу.
Не пытка ли детей на бойню посылать?

Раскаты грома.

Ужели весь мой труд, успехи, достиженья
пожрет огонь войны и шквал уничтоженья?
Но ни один еще покамест бог,
мир сотворив, его спасти не смог!

Молния и гром.

Вершить историю я, право, не хотел,
пусть о других слагаются былины...
Мне ближе скромный творческий удел —
склоняться над землей и жизнь лепить из глины...

Грохочет гром.

Гроза, дай облегчение душе!

Альтер Эго *(врывается на сцену).* Где он? Где они? Ага, ты здесь! И при оружии! Теперь видно, кто готовился к войне! Вот доказательство — кто зачинщик!

Адам *(встает).* Альтер Эго, обвиняю тебя в нападении на моих ни в чем не повинных людей. Они пришли сюда с мемориальной плитой...

Альтер Эго. Ложь! Это Мои люди пришли сюда с мемориальной плитой, а твоя орда набросилась на них...

Адам. Ложь! Ты натравил на нас своих мамелюков...

Альтер Эго. Старый негодяй!

Адам *(швыряет ему под ноги копье).* Этот спор решат наши народы!

Альтер Эго. Мы вас разобьем в пух и прах!

Адам. Мы вас передушим, как котят!

Альтер Эго. Мы объявляем вам войну!

Адам. Мы тоже! Гром вас разрази!

Удар грома, ливень.

Альтер Эго. Адам, с этого момента я прерываю с тобой всякие отношения!

Адам. Я тоже. Но мокнуть из-за тебя не собираюсь.

(Бежит к дыре, которая осталась на месте Глины созиданья.)

Альтер Эго *(следует за ним)*. Это не твоя дыра! Я имею такое же право на нее, как и ты! Сейчас же вылезай!

Адам *(из ямы)*. После дождичка в четверг.

Альтер Эго. Вылезай! Я хочу спрятаться!

Адам. А мне-то что? Прячься!

Альтер Эго. Раз тут только одна дыра, кому-то из нас придется вылезти.

Адам. Раз тут только одна дыра, мы можем укрыться в ней оба.

Альтер Эго. Оба? Как это?

Адам. Места хватит.

Альтер Эго *(лезет в яму)*. Ладно! Чтоб ты не подумал, будто я тебя боюсь.

Вспышки молний, раскаты грома, ливень.

Адам. Вот так гроза!

Альтер Эго. Ага.

Громовый раскат.

Адам. Такой еще не бывало.

Альтер Эго. Давно собиралась.

Вихрь и ливень.

Адам. Садись сюда — здесь суше.

Альтер Эго. Но ведь это на твоей половине.

Адам. Все равно, садись.

Альтер Эго *(садится)*. Не хочу тебя стеснять.

Адам. Глупости. Ты мне нисколько не мешаешь.

Слабый удар грома.

Альтер Эго. Льет как из ведра!

Адам. Да. Хлебам это на пользу.

Альтер Эго. Чепуха. Для хлебов влага и так хватит, а вот свекле нужен дождь.

Адам. Тоже скажешь — свекле. Картофелю.

Альтер Эго. И картофелю.

Адам. Свекле тоже.

Гроза отдаляется.

Гм. Ну как у вас делишки?

Альтер Эго. Спасибо. Помаленьку.

Адам. Только бы града не было.

Альтер Эго. И я как раз об этом подумал. Дождь перестает.

Буря стихает.

Адам. Хорошо как, прохладно.

Альтер Эго. А то было слишком душно.

Адам. Духота действует па нервы. Потому ты и был так раздражен.

Альтер Эго. Это я-то раздражен? Ты ведь первый начал!

Адам. Брось! Я против тебя ничего не имею.

Альтер Эго. Рад слышать; видишь ли, я думал... Смотри, солнце вышло.

Поют птицы.

Адам. Выйдем на свежий воздух?

Альтер Эго *(встает).* Только после тебя, Адам.

Адам *(вылезает из ямы).* Смотри, Альтер Эго, радуга! *(Отталкивает ногой брошенное на землю копье.)*

Альтер Эго *(отталкивает копье еще дальше).* А над ней вторая. Две радуги, одна за другой!

Адам *(над плитой Альтер Эго).* Так это твоя плита? *(Ощупывает ее.)* Солидная. Из чего?

Альтер Эго. По-моему, из гранита. Но в твоей больше вкуса, настоящее произведение искусства.

Адам. Зато твоя долговечнее. Вот это вещь! Можешь гордиться своими людьми, Альтер Эго.

Альтер Эго. Мне, право же, приятно слышать твою похвалу, Адам. В устах такого специалиста, как ты...

Адам. Знаешь, я часто говорю себе, но так уж плохо — делать всех людей на одну колодку. Когда видишь их сразу много — выгода еще наглядней. И потом, работа идет быстрее. В этом что-то есть.

Альтер Эго. Есть, но лепить каждого на иной манер тоже неплохо. Тут столько разнообразия, столько блестящих идей! Ты художественная натура, Адам,— вот в чем соль. Славно у тебя получилось.

Адам. Пустяки; в стандартизации тоже есть своя красота. Некая упорядоченность, практичность, к тому же это современно. Словом, ты пользовался подлинно научным методом. Что ж, это прогресс.

Альтер Эго. Зато твой идеал такой гуманный, просвещенный. Я бы назвал его — античным. Собственно говоря, ты осуществил извечную мечту человечества. Я рад, что тебе это удалось.

Адам. Мой дорогой Альтер Эго!

Альтер Эго. Мой дорогой Адам!

Обнимаются.

Адам. Постой, я тебе что-то скажу.

Альтер Эго. Нет, это я тебе скажу. Нам надо было объединиться.

Адам. Вот именно, нужно было творить сообща.

Альтер Эго. Ты — художник, поэт, ваятель, истинный творец...

Адам. И ты — научный ум, организатор! Представь, что мы могли бы сотворить...

Альтер Эго. ...если б советовались друг с другом!

Адам. Естественно. Дискуссия — основа всего.

Альтер Эго. Да нет; главное — взаимный контроль.

Адам. Но прежде всего должна быть общая программа.

Альтер Эго. Чепуха. Перво-наперво нужно заключить контракт, и точка.

Адам. Послушай, мы что — ругаемся или мы заодно? Я говорю — нам следовало творить вместе, дружно и в согласии.

Альтер Эго. Именно это же говорю и я. Ты бы творил...

Адам. ...а ты организовывал...

Альтер Эго. ... наш общий мир.

Адам. Мой добрый Альтер Эго!

Альтер Эго. Мой добрый Адам!

Обнимаются.

Послушай, а что, если попробовать?

Адам. Творить сообща? Отчего же... Только у меня больше нет глины.

Альтер Эго. У меня тоже. Ни горстки.

Адам. Жалко.

Альтер Эго. Эх, если б можно было создать сообща хоть одного человека!

Адам. На равных началах.

Альтер Эго. Вот именно. Чтоб было в нем что-то от тебя и что-то от меня.

Адам. И он стал бы посредником между твоим миром и моим.

Альтер Эго. И чувствовал бы себя дома у нас обоих. Я хотел бы, чтоб у него были твои глаза.

Адам. А я — чтоб он напевал твою песенку.

Альтер Эго. Адам, добрейшая душа!

Обнимаются.

Это был бы ангел любви, правда?

Адам. И провозвестник мира, прекрасный, как Ариэль...

Альтер Эго. Но ведь у нас нет глины! У тебя, действительно, ничего нет?

Адам. То-то и оно... Разве что самая малость в яме. Помнишь, ты еще сидел на этой кучке.

Альтер Эго. Может, хватит на небольшого человечка?

Адам. Что ты! Не наскрести и на карлика... Пойдем, поглядим.

Оба останавливаются на краю ямы.

Альтер Эго. Ты прав, из этой кучки даже щенка не слепишь. *(Пинает глину ногой.)*

Кучка глины *(кричит)*. Ой!

Альтер Эго *(отскакивает)*. Что это?

Адам *(отступает)*. Кто это?

Поскребыш *(возникает на месте кучки)*. Это всего-навсего я, ваша милость. *(Чихает.)*

Альтер Эго. Кто ты?

Поскребыш. Я хочу есть.

Адам. Откуда ты взялся? Кто тебя сотворил?

Поскребыш. Никто, ваше благородие. Прошу прощения, я сотворился сам.

Адам. Экая наглость! Никто не может сотвориться сам по себе!

Поскребыш. Я не виноват, ваша милость. Этот господин так больно пнул меня ногой.

Альтер Эго. Откуда в нем дыхание жизни?

Поскребыш. Отсюда, ваша милость! *(Хлопает себя по животу.)* В брюхе заурчало — и вот он я. Прошу прощенья, я хочу есть.

Адам. Жалкий Поскребыш! Забирай его себе, Альтер Эго, он твой!

Альтер Эго. Благодарю покорно, оставь его себе: ведь он вылупился из твоей глины!

Адам. Да; но сидел то на ней ты. Выходит, ты его и сотворил.

Альтер Эго. Попрошу — без намеков! Я не создаю блох и неповторимых личностей, как некоторые! Поскребыш, пойдешь с этим господином, понятно?

Поскребыш. Как прикажете, ваша милость.

Адам. Только посмей! Ступай с ним! Он твой хозяин, он первый пнул тебя.

Поскребыш. Прямо в поддыхало, ваше благородие!

Альтер Эго. Получишь еще раз, если не пойдешь, с кем велено. Не желаю иметь с ним дело. А за прочие оскорбления, Адам, я с тобой расквитаюсь позже. *(Поспешно уходит влево.)*

Адам. К вашим услугам, сударь! Мы уж отплатим вам за ваше бесстыдство! *(Уходит вправо.)*

Поскребыш *(один)*. А поесть мне никто не даст? *(Чешется.)* Позаботься о себе сам, Поскребыш!

Занавес

VI

Тот же пейзаж с двумя городами на горизонте. На переднем плане яма, оставшаяся на месте Глины созидания; по некоторым внешним признакам в этой дыре живут. На веревке сушится белье, вокруг — мусор; рядом с ямой — загородка для козы, составленная из двух плит с надписью — «ЗДЕСЬ БЫЛ СОВЕРШЕН АКТ ТВОРЕНЬЯ» и из Адамова транспаранта со словами — «МИР НЕОБХОДИМО УНИЧТОЖИТЬ».

Раннее утро перед восходом солнца.

Альтер Эго *(появляется слева с чемоданчиком в руке).* Никто меня не видел? *(Осматривается.)* Сколько лет я тут не был...

Адам *(появляется справа, тоже с чемоданчиком).* Вот я и снова здесь. Весь мир еще спит. Только творец бодрствует.

Альтер Эго. Эй, кто тут?

Адам. Стой! Кто идет!

Альтер Эго. Уж не ты ли это, Адам? *(Прячет чемоданчик за спину.)*

Адам. Альтер Эго! Что ты тут делаешь в такую рань? *(Тоже прячет чемоданчик.)*

Альтер Эго. Гм... Да так, ничего. Дышу свежим воздухом. А ты?

Адам. Мне что-то не спится. Решил немного побродить... *(Пауза.)* Ты уже домой?

Альтер Эго *(садится на чемоданчик).* Нет еще, здесь так хорошо дышится...

Пауза.

Адам *(тоже садится на свой чемоданчик).* Видишь ли, я... искал уединения. *(Вздыхает.)*

Альтер Эго *(отсаживается немного подальше).* Не стану мешать. *(Пауза.)* Адам, у тебя неприятности?

Адам. Да нет. Все в порядке... *(Тяжело вздыхает.)* Ты уже слыхал? Лилит покинула меня.

Альтер Эго. Слыхал. Искренне тебе соболезную, Адам. Что у нее было?

Адам. Да в общем-то ничего. Хотела только похудеть... Все думала, что я сотворил ее слишком толстой. Ну, скажи: толстая она была?

Альтер Эго. Не очень. Скорее наоборот.

Адам. Вот видишь, а она ничего не слушала. Худела, худела, пока не угасла.

Альтер Эго *(вздыхает).* Люди вечно недовольны. Моя жена тоже... покинула меня.

Адам. Умерла?

Альтер Эго. Нет, жива.

Пауза.

Адам. Знаешь, быть может, это наш удел. В конце концов, творца ждет одиночество.

Альтер Эго. Верно, Адам. Одиночество. Неблагодарная профессия.

Адам. Ты прав. Люди неблагодарны.

Альтер Эго. И непостоянны. То им подай одно, то прямо противоположное...

Адам *(подсаживается ближе).* И никогда не угодишь. Вот что хуже всего. Я, правда, не могу жаловаться...

Альтер Эго. Я тоже, Адам. Наоборот.

Адам. Я страшно популярен среди своих людей. Поверишь ли, в огонь за меня пойдут. Сам знаешь, сколько они воевали с твоим народом... и с таким воодушевлением...

Альтер Эго. Правда, в последний раз победили мы.

Адам. Это неважно. Перед тем победили мы, а еще раньше — вы; так что баш на баш. В конечном счете выходит — никто не выиграл и не проиграл; просто люди за что-то сражались.

Альтер Эго. И всякий раз за что-нибудь возвышенное: за честь, за веру, за тебя, за отечество.

Адам. Пока люди сражаются, они верят в возвышенное. Вот в чем дело, Альтер Эго; поэтому я и не мешал им, когда они трубили к бою...

Альтер Эго. Да, это была великая эпоха.

Адам *(вздыхает).* Золотой век. Но что поделаешь? Все течет, все изменяется. И если теперь люди желают чего-то другого — это хорошо; такова логика истории.

Альтер Эго. А знаешь, собственно, в этом и заключается прогресс: сперва народы дерутся, а потом

хотят брататься. Но какого чорта они делают это за нашей спиной?

Адам. Вот именно. Неужели мы стали бы им мешать. Ведь наша старая идея — объединиться! Помнишь? Как раз здесь мы говорили об этом...

Альтер Эго. Как не помнить, мой добрый Адам!

Адам. А теперь они заявятся сюда с таким видом, точно невесть какой переворот совершили! Кстати, до меня дошли слухи, будто заодно они хотят сместить тебя.

Альтер Эго. Право, не знаю, хорошо ли ты информирован. Я слышал — речь идет о тебе.

Адам. Ты ошибаешься, я уже давно держусь в стороне... Конечно, по доброй воле. Как творец, я им решительно ни в чем не препятствую.

Альтер Эго. Точно как я. И потом, мне важен принцип. Даже если бы меня умоляли остаться, я ответил бы: нет. Управляйтесь сами. Я свое сделал.

Адам. Совершенно верно. Боюсь только, как бы не рухнули все авторитеты, когда нас не будет. Что-то должно остаться.

Альтер Эго. Вот именно. Такое, что связывало бы людей.

Адам. Что по-прежнему оставалось бы для них предметом почитания.

Альтер Эго. Ты не скажешь им речь, когда они соберутся?

Адам. Нет. Я хочу явиться...

Альтер Эго. Как кандидат на выборах?

Адам. Нет, всего лишь как творец. Представляешь? Здесь, в этой пещере, на священной Глине созидания!

Альтер Эго. Если хочешь знать, я тоже приготовился к этому. И захватил с собой...

Адам. Текст речи?

Альтер Эго. Нет, костюм. Облачение. Хочу явиться им в одеждах Творца. Я еще ни разу их не надевал.

Адам. Какой материал ты выбрал?

Альтер Эго. Синий шелк. Просто и достойно... По синему кое-где серебряные звезды. А ты?

Адам. Алую парчу. Пурпур с золотом — это так торжественно. И потом, это как бы цвета жизни.

Альтер Эго. Неплохо. Пожалуй, синее с серебром навевает грусть.

Адам. Зато в этом есть нечто неземное. Ты явишься первым?

Альтер Эго. Не знаю, я бы лучше обождал...

Адам. Послушай, явимся одновременно, а? Объединившиеся творцы — объединенному миру!

Альтер Эго. Держась за руки.

Адам. И я скажу: «Мир вам!»

Альтер Эго. А я: «Мы несем вам вечное благоденствие!»

Адам. Это последний акт творенья. Да будет мир един!

Альтер Эго. Да будет завершено его созидание! Человечество да искупит грехи свои!

Адам. Аминь! Альтер Эго, это будет величественно. Пожалуй, потом мы можем... и даже просто обязаны воздвигнуть здесь храм.

Альтер Эго. Храм сотворения.

Адам. И в нем мы на покое будем доживать свои дни...

Альтер Эго. ...и порой являться людям...

Адам. ...но только издали, понимаешь? Вблизи это не так... не знаю, как выразиться...

Альтер Эго. Вот-вот. Чем ты от них дальше, тем величественнее выглядишь.

Адам. А место сие должно стать святым и заповедным. Приближаться к нему будет дозволено лишь посвященным...

Альтер Эго. ...и с надлежащим ритуалом.

Адам. Я не имею в виду священников. Не люблю попов.

Альтер Эго. Я тоже... Но кого-то в этом роде.

Адам. А мы станем чем-то наподобие высших неземных существ. Конечно, я не имею в виду богов.

Альтер Эго. Разумеется... Но кого-то в этом роде.

Адам. Вот-вот!.. Поверь, я хочу этого вовсе не из личного тщеславия.

Альтер Эго. Я тоже. Просто это в интересах человечества.

Адам. Так оно и есть. Чтобы людям было кому молиться.

Альтер Эго. И чтоб они ощущали себя детьми божьими. Скоро они придут сюда — пора переодеваться.

Адам. Можно прямо тут, в яме. А потом выйдем из нее...

Альтер Эго. ...рука об руку. Пошли, я помогу тебе.

Адам. А я тебе.

Направляются к яме.

Альтер Эго. Слушай, здесь как-то странно пахнет.

Спускаются в яму, напоминающую теперь пещеру.

Адам *(в пещере).* Тут кто-то есть!

Альтер Эго *(в пещере).* Какие-то люди!

Адам *(в пещере).* Это не люди!

Оба выбегают из ямы в явном испуге.

Альтер Эго. Я видел какое-то чудовище. Раз в семь больше человека.

Адам. Оно копошилось у костра. Я разглядел семь голов. Жуть берет!

Альтер Эго. Ты заметил, как у него сверкают глаза?

Адам *(кричит).* Эй, чудище, эй, кто бы ты ни был, выходи!

Альтер Эго. Вылезай, подземная тварь! Выходи, чудовище!

Адам. Тихо. Слышишь? Там что-то шевелится!

Альтер Эго. Выползает. Выйди на свет, дракон!

Появляется оборванный мальчонка.

Адам. Это вовсе не то, что я видел. Кто ты?

Альтер Эго. Говорить не умеешь? Как тебя зовут?

Появляется второй ребенок.

Адам. А это еще что такое?

Появляется третий ребенок.

Альтер Эго. Еще один?!

Появляется четвертый ребенок.

Адам. Не хватит ли?

Появляется пятый ребенок.

Альтер Эго. Ну, это уж слишком!

Появляется шестой ребенок.

Адам. Эй, есть там еще кто?

Голос. Я, ваша милость.

Адам. Что еще за «я»?

Голос. Я, Поскребыш. *(Выходит из пещеры.)* С добрым утречком, господа. Дети, утрите носы и поздоровайтесь.

Адам. Это ты, Поскребыш? Жив курилка? Что ты тут делаешь?

Поскребыш. Э, что мне делать, вашбродь? Кормлюсь помаленьку.

Альтер Эго. А это кто такие?

Поскребыш. Пострелята, сударь.

Адам. Откуда ты взял такую ораву? И где твоя жена?

Поскребыш. Прошу прощения. Так уж оно повелось, у бедняков всегда мелюзги хватает.

Адам. Но ведь мы не сотворили для тебя никакой женщины!

Поскребыш. Бедняков-то, ваша милость, никто не сотворил, где там! Наш брат сам по себе...

Альтер Эго. Да где ты нашел жену? Ведь детишек нужно же было с кем-то прижить!

Поскребыш. Как прожить? А просто... То дети чего раздобудут, то — я.

Альтер Эго. Бедняга — да он идиот.

Поскребыш. Идет, ваша милость, идет. Я мигом. Только вот налажу своих поскребышей. *(Раздает подзатыльники.)* Ты возьмешь вон того и — марш за картошкой. Ты присмотришь за этим, а ты нарви травы козе. Ты пойдешь по грибы, а ты за хворостом. Ну, сыпьте.

Дети разбегаются с дикими криками.

Адам. Откуда у тебя их столько, Поскребыш?

Поскребыш. Сам не знаю, ваша милость, там у нас темно.

Альтер Эго. Где? В этой дыре? Неужели вы в ней живете?

Поскребыш. Коли не хотят нас ни там, ни там. *(Показывает на оба города.)*

Адам. Чем же ты кормишься?

Поскребыш. Чем придется, вашбродь. Поскребыш все может. Привезти навозу? Наколоть дров? Зарыть дохлую собаку? Только прикажите!

Адам. Нет, нам ничего не надо. Хотя постой, тут

соберутся люди из обоих городов, понимаешь? Прибери-ка немного.

П о с к р е б ы ш. Ага. Замету.

Альтер Эго. Мы пока удалимся в пещеру...

Адам. ...а потом выйдем на порог...

Альтер Эго. И в ту самую минуту ты, Поскребыш, подожжешь перед нами горсть порошка. Не бойся, это всего-навсего бенгальский огонь.

П о с к р е б ы ш. До чего же красиво будет, ваша милость.

Альтер Эго. Вот-вот! Отнеси наши вещи в пещеру.

П о с к р е б ы ш. Ага. *(Берет оба чемодана и тащит их с пещеру.)*

Адам. Ужасно! И для чего живет на свете этакая голь?

Альтер Эго. Ни для чего. Планом творения она не предусмотрена.

П о с к р е б ы ш *(возвращается из пещеры).* Отнес.

Альтер Эго. Хорошо. Когда придут, люди, скройся с глаз в пещеру, понял? Пошли, Адам!

Оба уходят в пещеру.

П о с к р е б ы ш *(берется за метлу).* Прибери, замети, принеси, скройся с глаз! Поскребышу завсегда найдется дело. *(Чешется.)* Ну и блох расплодилось... Ага, уже идут. Поскребыш, скройся с глаз! *(Забирается в пещеру.)*

Справа на сцену бодрым шагом выходят л ю д и А д а м а.

П е р в ы й ч е л о в е к *(Ритор).* Пора!

В т о р о й ч е л о в е к *(Ученый).* Где же они?

Слева выходят л ю д и Альтер Эго.

П е р в ы й АЭ. Пора!

В т о р о й АЭ. Мы здесь.

Л ю д и А д а м а. Привет, друзья!

В с е АЭ *(хором).* Привет!

Р и т о р. Ваши в сборе?

П е р в ы й АЭ. Да. Начнем.

Ритор. Хорошо. *(Поднимается на возвышение.)* Всем революционный привет!

В с е. Привет!

Ритор. Друзья! Делегаты! Спрашиваю вас, начинать ли это историческое собрание с обычных формаль-

ностей — проверки полномочий, избрания президиума и так далее?

Люди Адама. Не надо!

Все АЭ *(хором).* К делу!

Ритор. Согласен. Друзья, мы пришли не дискутировать. Мы явились сюда, чтобы сотворить новый мир. Все оговорено, остается действовать.

Первый АЭ. Вношу предложение: границы — отменить. Чтобы оба наших освобожденных народа объединились, чтоб смести с лица земли все, что их разделяет.

Все. Принято.

Второй человек *(Ученый).* Вношу предложение: низложить Адама, именуемого в просторечии творцом. Не будет никакого творца. Миф о сотворении мира объявить глупой бабьей болтовней. Проголосуем и постановим, что мир возник по законам природы.

Все. Принято.

Второй АЭ. Вношу следующее предложение: сместить Альтер Эго, выдающего себя за творца. Лишить его всех званий и прав. Изгнать за наши границы.

Ритор. Замечание по существу: поскольку все границы только что были упразднены, нельзя никого изгнать за границу. Пусть уважаемый делегат внесет другое предложение.

Первый АЭ. Арестовать!

Третий АЭ. Повесить!

Второй АЭ. Лишить права свободного перемещения!

Ритор. Внесено предложение: бывших творцов лишить права свободного перемещения.

Все. Принято.

Ритор. С этого момента старый режим перестал существовать. Установите мемориальную доску!

Устанавливается большая черная доска с надписью жирными буквами: «ЗДЕСЬ БЫЛ ОТВЕРГНУТ АКТ ТВОРЕНИЯ».

Это временная доска. Позднее мы установим вечную.

Ученый *(торжественно).* С этой минуты начался век разума. Разум искореняет предрассудки. Разум отрицает насилие. Разум отрицает все.

Третий человек *(Философ).* Вношу предложение: дадим торжественную, нерушимую и великую клятву

хранить вечный мир, а также единство взглядов и общественного мнения.

Все. Принято.

Ритор. Клянетесь?

Все. Клянемся!

Голос из пещеры. Поскребыш, зажигай!

У входа в пещеру вспыхивает бенгальский огонь; в роскошных одеяниях, держась за руки, появляются Адам и Альтер Эго.

Ритор. Что вам тут надо? Вас не вызывали!

Адам. Мир вам.

Первый АЭ. Извольте не мешать. Удалитесь!

Ученый. Здесь вам нечего делать!

Альтер Эго. Мы несем вам вечное благоденствие!

Второй АЭ. Вышвырнуть их! Долой!

Шум.

Ритор. Гражданин Адам и гражданин Альтер Эго, сообщаю вам, что Исполнительный Центр Делегатов Обеих Частей Света низложил вас, объявил несуществующими, а также провозгласил аннулированным и недействительным ваш акт творения, равно как и все ваши притязания, титулы и должности. У вас есть какие-нибудь возражения?

Адам *(взволнованный, выходит из пещеры)*. Да! Вы можете сделать со мной, что хотите; можете меня побить камнями или распять, но вы не можете отрицать, что я вас сотворил!

Ученый. Это предрассудок!

Первый АЭ. Мы проголосовали против вас!

Адам. Истину нельзя установить путем голосования!

Второй АЭ. Лжешь! Истина есть то, за что проголосовано! Достаточно простого большинства, чтобы любое утверждение стало истиной.

Альтер Эго *(выступает вперед)*. Слушайте меня! Я свидетельствую: мир сотворил Адам!

Философ. Ложь!

Альтер Эго. Кто же тогда тебя создал?

Философ. Никто. Я произошел от обезьяны.

Все. Мы тоже! Мы тоже!

Ритор. Тише! Гражданин Адам, вы настаиваете на том, что мир сотворили вы?

Адам. Я сотворил всех вас!

Ритор. Ловлю вас на слове, Зачем вы это сделали? Кто вас просил? Если вы сотворили мир, мы будем вынуждены призвать вас к ответу. Повторяю вопрос: вы творец мира?

Адам. Да, я.

Ритор. В таком случае я обвиняю вас перед делегатами всего света в преступной халатности. Почему вы не творили лучше? Почему не дали нам четыре ноги, не покрыли нас шерстью, почему у нас нет ни крыльев, ни ласт? Почему мы смертны? Почему должны трудиться? Чем вы оправдаете такое позорное и неслыханное головотяпство? Гражданин Адам, спрашиваю в третий и последний раз: признаете вы, что сотворили мир?

Адам. Нет! Нет! Нет!

Крики и смех.

Ритор. Вопрос исчерпан. Можете идти.

Адам, пошатываясь, отходит и сторону.

Гражданин Альтер Эго, я спрашиваю вас: вы сотворили мир?

Альтер Эго. Да. Частично.

Первый АЭ. Почему вы не сотворили нас лучше? Почему мы не из металла? Почему мы не так совершенны, как машины?

Альтер Эго. Для человека и это слишком хорошо.

Ритор. Вы можете привести смягчающие обстоятельства?

Альтер Эго. Да. Я жалею, что сотворил вас.

Ритор. Хорошо. Пока вы свободны.

Альтер Эго. Ухожу с глубочайшим отвращением! *(Так же, как Адам, отходит в сторону.)*

Оба останавливаются на просцениуме у боковой стенки.

Ритор. За это вы ответите позднее. Какие еще будут предложения?

Четвертый человек *(ранее Пиит).* Пусть все творческие права и прерогативы перейдут к суверенному и свободному народу.

Все. Принято.

Четвертый АЭ. Пускай все вопросы творчества впредь решает выборный парламент с местопребыванием в будущей столице мира.

Все. Принято.

Пиит. Разумеется, с оговоркой, что столицей станет наш город.

Четвертый АЭ. Напротив! С оговоркой, что ею станет *наш* город!

Философ. Слушайте!

Люди Адама поднимают крик.

Прошу слова!

Третий АЭ. Прошу слова!

Ученый. Прошу слова!

Все кричат.

Пиит. Тихо! Или столицей будет *наш город,* или из всей этой затеи ничего не выйдет!

Третий АЭ. Вы хотите сорвать переговоры!

Всеобщий галдеж.

Адам *(выходит вперед).* Слушайте нас, мы несем вам мир!

Ритор. Не суйтесь, когда не просят!

Первый АЭ. Мы с вами не разговариваем.

Пиит. Ого! Тогда и мы с вами не разговариваем!

Второй АЭ. А мы с вами! Убирайтесь восвояси!

Выкрики и угрозы.

Ритор. Требую тишины!

Шум стихает.

Внесены два предложения. Прежде чем я поставлю их на голосование...

Вбегает Глашатай в багряном плаще, вероятно, прежний Романтик.

Глашатай в багряном плаще. Всем гражданам — революционный привет!

Ритор. Гражданин, не мешайте собранию!

Глашатай в багряном плаще. Молчать! Граждане, Исполнительный Центр Делегатов Обеих Частей Света постановил: Первое...

Ритор. Что тебе тут надо? Мы сами Исполнительный Центр!

Глашатай в багряном плаще. Заткнись! Исполнительный Центр — мы!

Ритор. Нас избрал народ.

Глашатай в багряном плаще. А нам — начхать! Мы сами себя избрали.

Ритор. Вы не можете считаться законными представителями!

Глашатай в багряном плаще. Зато мы представители перманентного мятежа. Мы делегаты нашей политической группы.

Пиит. Вышвырнуть его!

Первый АЭ. Арестовать!

Разноголосые выкрики.

Глашатай в багряном плаще *(перекрикивает всех).* Тише! Мы постановили: первое — творцы устраняются. Мир только еще будет сотворен нами.

Ученый. Неправда! Нами!

Второй АЭ. Нет, нами.

Всеобщий шум.

Глашатай в багряном плаще. Хватит! Мы принимаем на себя всю ответственность за дальнейшее созидание. Старый мир должен погибнуть. Именем меньшинства Исполнительный Центр присваивает все творческие права. Да здравствует мятеж!

Вбегает Глашатай в черном плаще.

Глашатай в черном плаще. Мятеж! Мятеж!

Ритор. Какой еще мятеж? Кто ты такой?

Глашатай в черном плаще *(вскакивает на возвышение).* Граждане, Исполнительный Центр Делегатов Обеих Частей Света постановил...

Ритор. Мы — Исполнительный Центр!

Глашатай в багряном плаще. Исполнительный Центр — мы!

Глашатай в черном плаще. А мы вас поставим к стенке. *(Вынимает два пистолета и целится в собравшихся.)* Кроме того, мы провозглашаем: прежние творцы низложены, и с ними поступят по закону. Исполнительный Центр назначил творцом меня. Кто не согласен, будет расстрелян. Ну, как?

Гнетущая пауза.

Адам. Кровавый пес! Убийца!

Глашатай в черном плаще *(кланяется).* Благодарю! Вы правильно оценили ситуацию.

Голос из толпы. Дьявольское творение этот мир! Бог проклял его! Бог обратит его в пепел и пустыню!

Глашатай в багряном плаще. Чепуха! Мы превратим его в пустыню!

Пиит *(обращаясь к АЭ).* Мы разрушим ваш мир!

Первый АЭ. Нет, это мы разрушим ваш мир!

Глашатай в черном плаще. Тихо! Господа, есть ли среди вас противники разрушения мира?

Глашатай в багряном плаще. Мы хотим спасти мир!

Глашатай в черном плаще. Это одно и то же. Вы все хотите спасти мир. Вы все хотите его разрушить. Ваши крики мне надоели. Если еще кто вякнет, уложу на месте. *(Взводит курки.)* Ну, как?

Мертвая тишина.

Ах, до чего благотворно действует на мои нервы безмолвие! Вы, орущие, скачущие обезьяны, как прекрасен был бы мир без вас! Звезды одни звенели бы над пустынями, шумело бы море, и так далее. Вы сопите, как скот. Запрещаю вам дышать! Никто не смеет дышать в присутствии Диктатора!

Гробовая тишина, издали доносятся выстрелы и звон колоколов.

Слышите? Меня приветствуют залпами и колокольным звоном! Ave, Caesar! [1]

Несколько голосов. Да здравствует Диктатор!

Голоса за сценой. Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

Двое пьяных, пошатываясь, выходят на сцену: один — АЭ, другой — Гедонист.

Пьяный АЭ. Вот потеха! А? Ик! Я и говорю, почему бы нам не ползать на четвереньках? Каждый вправе делать, что хочет, верно? А он в ответ: «Добей меня!»

Гедонист. Ха-ха, как это прекрасно!

Пьяный. Люди добрые, ну и заваруха! А я им говорю: лупи его! Отрежь ему нос! Здорово, ребята! И там пожар, и там тоже...

Гедонист. Хи-хи, как славно полыхает!

Ритор. Что? Где горит?

Люди Адама. Наш город в огне!

Все АЭ *(хором).* У нас пожар!

Оборачиваются к своим городам, охваченным пламенем.

---

[1] Славься, Кесарь! (*лат.*).

Глашатай в багряном плаще. Это наши! Там мятеж!

Кто-то из толпы. Конец света!

Голоса. Пожар! Пошли гасить! Айда грабить! Спасайся, кто может!

Толпа с криками разбегается.

Гедонист. Прекрасно! Все так прекрасно!

Пьяный. Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Пошли туда, вот будет смеху! *(Напевая, тянет за собой Гедониста.)*

Глашатай в черном плаще. По-моему, на фоне зарева я великолепен. Это мне идет, а?

Альтер Эго. Кто ты, безумец?

Глашатай в черном плаще *(снимает черную маску: это Сверхчеловек).* Я. Фу, какая вонь. Не переношу двуногих, меня от них мутит. Увы, всякий сверхчеловек — чуточку неврастеник. Но сыграл я блестяще, правда? Я овладел ситуацией благодаря своему презрению к людям.

Адам. Проклятый, чего ты добиваешься?

Сверхчеловек. Я? Я желаю лишь одного, но игра стоит свеч. *(Соскакивает с возвышения и подходит к Адаму.)* Лишь одно, творец, одно у меня, но великое желание — хоть на минуту... на мгновение... развеять свою скуку. *(Закутывается в черный плащ и удаляется.)*

Вдали пожар, набат, стрельба.

Адам *(читает).* «ЗДЕСЬ... БЫЛ... ОТВЕРГНУТ... АКТ... ТВОРЕНИЯ». Все, что осталось...

Альтер Эго

...И пожар вокруг!
Зачем мы только мучились, мой друг?
Зачем творили? Глупое занятье!
Ты начал! Слово за тобой!

Адам

Проклятье!
Да будут прокляты все творческие муки
и всё, что породили мозг и руки!
Будь проклят человек! Он не венец творенья,
Все ниспроверг, испортил, извратил...
а корень зла, источник разрушенья!

Альтер Эго

...и весь наш мир в руины превратил.

Адам

Зовет себя творцом, но каждую минуту —
вот бездарь, вот портач — плодит войну и смуту!
Нет, людям надо бы в укор и в назиданье
взвалить на плечи миросозиданье!

Альтер Эго

И поделом! Опасная порода!
Мы создали людей для продолженья рода,
лелеяли наследников своих...
Откуда же взялся дух разрушенья в них?
Вся эта склонность к дрязгам и халтуре?

Адам

О, знаю! Все это сидит в моей натуре
и от меня досталось им в наследство.
Я некогда сам уничтожил свет.

Альтер Эго

Чем? Как?

Адам

Сказать тебе? *Нет, нет!*
К чему тебе губительное средство?
Оно погребено, зарыто навсегда!
Неужто... ты хотел бы...

Альтер Эго

Да!

Адам

...мир уничтожить *вновь?*

Альтер Эго

Да! И без промедленья!
Готов я зачеркнуть злосчастный акт творенья,
готов крушить, кромсать, неистовствовать, бить,

и дело наших рук нещадно истребить.
До основания!

Адам

Нет, и того, еще, пожалуй, мало.
За наш удел, за то, что с нами стало,
я покараю их, как бог!

Альтер Эго

И как отец!

Адам

Страшитесь, люди!

Альтер Эго

Близок ваш конец!

Адам

Мы скверну изведем!

Альтер Эго

Сотрем вас в порошок!
Где это средство! Где? Скажи, Адам, дружок!
И к делу перейдем. Довольно созерцанья!
Открой же мне скорей, где Пушка отрицанья?

Адам

Оставь, оставь.

Альтер Эго

Прошу тебя, Адам!

Адам

Я страшного Орудья не отдам.

Альтер Эго

Нет все равно спасенья для людей!
Пусть гибнут от возвышенных идей,
пусть истребят друг друга медленно и злобно,

как только человечество способно,
пускай их губит голод, войны, спесь...
Так где ж оно?

Адам
(упавшим голосом)

Над ним стоишь ты...

Альтер Эго
(с торжествующим криком опускается на колени)
Здесь?!

Адам. Горе! Несчастные люди, как я вас любил! Что ж, я сделаю для вас последнее: из милосердия нанесу смертельный удар!

Поскребыш выходит из пещеры, выскребая ложкой чугунный котелок.

Альтер Эго *(разрывая землю).* Нет, это сделаю я.

Адам. Пусти, я сделаю это с большей болью в сердце! *(Опускается на колени и разгребает землю.)*

Поскребыш. Помочь, ваша милость? Я мигом.

Альтер Эго. Проваливай, Поскребыш! *(Натыкается на камень.)* Ага, здесь! *(Выворачивает камень.)*

Адам. Пусти меня! Я должен сделать это сам.

Альтер Эго. Нет, я! Я!

Поскребыш. А я пособлю.

Адам. Это не для тебя. *(Встает.)* Альтер Эго! Так решено?

Альтер Эго *(тоже поднимается).* Решено.

Адам. Следовательно, мир будет уничтожен.

Альтер Эго. Мир необходимо уничтожить.

Адам. И тем самым завершить акт творения.

Альтер Эго. Быть по сему.

Адам. Погоди еще. Страшная это вещь, Альтер Эго, — разрушать мир! Как только загремит Пушка отрицания, погаснет солнце и небо почернеет; все живое обратится в пепел, погибнут даже травы, листва обуглится...

Альтер Эго. Вот и хорошо; кончай проповедь и займись делом.

Адам. Обожди, я только хочу предупредить тебя о

всех последствиях. Настанет тьма, и все, что росло и дышало, сгинет.

Поскребыш. Моя коза тоже?

Адам. Да, Поскребыш, твоя коза тоже. Ничего не останется.

Поскребыш. Даже картошки?

Адам. Даже картошки.

Поскребыш. А мои пацаны?

Альтер Эго. Их не станет.

Поскребыш. А я?

Адам. Не бойся, ты испустишь дух без всякой боли и не будешь больше страдать от голода и унижений.

Поскребыш. Я не хочу.

Альтер Эго. Чего не хочешь?

Поскребыш. Испускать дух. Мне пожить охота.

Адам. Бедняга, ради чего тебе жить?

Поскребыш. А за-ради того, чтобы лучше жилось. Мне пожить охота — и подольше.

Альтер Эго. Нам с тобой некогда разговаривать! Взялись, Адам!

Поскребыш. Стой! Кто только тронет — раскрою башку вот этим котелком.

Альтер Эго. Что-о, негодяй? Да я тебя отколочу!

Поскребыш. Колотите, сколько хотите, а мир я в обиду не дам! *(Воинственно размахивает котелком.)* А ну, отойди! Осторожней, ваша милость! Вали отсюдова! *(Возвращает камень на прежнее место.)* Так! Я вам покажу — как губить мир. *Мое* орудие — вот этот котелок! А все, что вокруг, — *мой мир. (С победоносным видом встает на камень.)* Не дам — и все тут! Вы готовы разрушить мир ради всяких там великих идей. А у Поскребыша нету никаких великих идей. Поскребыш жить хочет. И потому не отдаст он вам мира. Поскребышу и такой сгодится. *(Свистит в два пальца.)*

Альтер Эго. Прогони его, Адам.

Адам. Да, но... пока у него в руках котелок, он сильнее нас.

Поскребыш. Потому как в этом котелке — все пропитание наше. Ко мне, ребятня!

Со всех сторон сбегаются дети Поскребыша: один — с вязанкой хвороста, другой — с охапкой травы, тот — с рыбиной, этот — с корзиной, с узелком; на плечах у пятого — шестой; все усаживаются на камень.

Вот мы и все туточки. Бедняцкий котелок многих прокормит.

Альтер Эго. Кому ты это говоришь, оборванец?

Поскребыш. Да тем двум, которых никто нигде не хочет. Так что перебирайтесь-ка лучше к нам.

Адам. Кто? Мы? Куда?

Поскребыш. Вы оба. Малость потеснимся, тогда и в этой дыре всем места хватит.

Адам. Поскребыш!.. Ты нас приглашаешь?

Поскребыш. А куда вам податься? Коли я худо-бедно кормлю, если считать с козой, осьмерых, то и для двух богов у бедняка корка хлеба найдется.

Занавес

Эпилог

То же место, только глубину сцены занимают вздымающиеся ввысь строительные леса. Входят Первосвященник и Послушник.

Послушник. И все же древнейшие свидетельства противоречивы.

Первосвященник. Все свидетельства противоречивы. Именно посему истина устанавливается и диктуется свыше. Согласно догматам веры, оба были безусы, безбороды, сияли нездешней красотой и вознеслись в небеса на том же месте, где и сотворили мир. Некогда существовала секта, последователи коей утверждали, будто ланиты творцов наших покрывала буйная растительность. Однако же, сын мой, учение сие было отвергнуто и предано анафеме.

Послушник. И искоренено огнем и мечом.

Первосвященник. По праву, сын мой. То было тяжкое заблуждение, и родилась сия ересь в кровавые времена. Ежели творцы воистину существовали, примем со смиренностью учение о божественной чистоте их ликов.

Послушник. Ежели они воистину существовали?

Первосвященник. Да. Некоторые теологи полагают, что явление их следует понимать в образном смысле. Утверждается, будто они ранее вовсе и не существовали в земном обличии, а бренную оболочку обрели временно и чудодейственным способом.

Послушник. Но мы учим народ, что они жили подобно всем смертным и явились людям на этом самом месте!

Первосвященник. Воистину так. Толкование текстов допускает и то и другое. Тем строже должны мы исполнять священные обряды в честь обоих творцов — Альтера и Адамэго. Взгляни на строящийся храм! Сказано, что только с возведением его будет завершен акт творения. Не будем вопрошать, воистину ли существовали боги; главное, что в честь их возводится храм,

коим будет увенчан божественный уклад мира. О, сколь прекрасен сей вечер!

Послушник. Канун Дня Создателей.

Первосвященник. Да, ныне в первый раз зазвучит колокол, отлитый во славу их. На том месте, где я стою, была выкопана из-под земли чугунная труба, или жерло, из коего и отлили колокол. Назвали его Канон, сиречь Закон.

Послушник. Правда ли, что эта пушка упала с неба?

Первосвященник. Глаголят, сын мой. Канон сей столь глубоко вошел в землю, что всенепременно должен был упасть с великой высоты. У этого колокола будет неземной звон. Эй, сторож!

Сторож *(выходит из-под лесов).* Вечер добрый, ваше преосвященство.

Первосвященник. Сторож, ночи нынче стали холодные. Смотрите, как бы кто не проник в святую пещеру.

Сторож. Не извольте беспокоиться.

Первосвященник. Ведомо мне, зимой сюда зачастили на ночь всякие старцы да бродяги. Жаль их. И все же допускать того не следует. Только сим и могу объяснить, что на столь священном месте... совестно сказать: полно блох.

Послушник. Отче, неужто и блохи — творение Создателей?

Первосвященник. Воистину и сии твари суть порождения неисповедимой мудрости творцов; однако негоже, чтобы нищие напускали их сюда. Следите за этим, сторож.

Сторож. Я прогоню их взашей, ваше преосвященство.

Первосвященник. Вот и хорошо. Храм Творцов — не притон для бродяг. Идем помолимся, сын мой.

Уходят.

Сторож *(смотрит им вслед).* Храм, храм! *(Сплевывает.)* Слыхали мы эти байки. Никаких Создателей сроду не бывало, и точка! *(Чешется.)* Проклятые блохи!

Появляется Поскребыш, с ним Адам и Альтер Эго, оба в жалких отрепьях своих божественных облачений, с нищенскими посохами и сумами.

Поскребыш. Вот мы и опять дома к зиме. Ой-ой, что это тут строят?

Сторож. Это ты, Поскребыш? И старички твои с тобой? А где ж пацаны?

Поскребыш. Разбрелись по белу свету — сами себя кормят. Господин сторож, что тут строят?

Сторож. Храм.

Адам. Какой храм?

Сторож. Говорят, храм Создателей.

Адам. Храм Создателей?

Сторож. Ага. Только хотел бы я знать, на кой ляд Создателям храм? *(Сплевывает.)* Ведь все один обман. А сколько ухлопают золота да мрамора!

Адам. Храм Создателей! Слышишь, Альтер Эго? Про нас вспомнили!

Альтер Эго. Поверить не могу... Смотри, Адам, какое грандиозное сооружение!

Адам. Я этого ждал! Я знал — люди нас отблагодарят! Вот видишь, дорогой Альтер Эго!

Альтер Эго. Мой добрый Адам!

Обнимаются.

Поскребыш. А что же будет с нами, господин сторож?

Сторож. Приказано, вишь, чтоб и духу вашего тут не было. Шляется, мол, всякий сброд!

Поскребыш. Так я и знал. А жаль, хорошая была дыра!

Сторож. Отчаливайте, да поживей!

Адам. Тут какое-то недоразумение, сторож. Разве это — не храм Создателей!

Сторож. Это храм для их статуй и для попов. А вы проваливайте подобру-поздорову.

Адам. Сторож, знай: мы — Адам и Альтер Эго.

Альтер Эго. Мы Создатели!

Адам. Прочь с дороги! Идем с нами, Поскребыш!

Сторож. Куда?

Адам. В наш храм!

Сторож. Послушай, старик, хоть и жаль мне вас, но гляди — возьму палку. Отправляйтесь на ночь в какой-нибудь хлев. *(Скрывается под лесами.)*

Поскребыш. Да, теперь каюк. А как хорошо нам было в пещере...

Альтер Эго. Каюк! Что скажешь, Адам?

Адам. Я этого ждал! Я же знал, что... что... *(Рыдая, бессильно опускается на землю.)* Господи, как ужасно быть творцом.

Темнеет.

Альтер Эго. Адам, у тебя есть еще Пушка отрицания. Она под тобой, только руку протянуть. Протянуть руку — и кара, протянуть руку — и искупление. Адам, как ты поступишь?

Адам. Оставь меня! Ради бога, оставь!

Альтер Эго. Разве ты не дошел до предела страданий и боли? *Адам, неужели ты это так. оставишь?*

Сторож выходит с молотком и красным фонариком.

Сторож. Я же еще и скобы выпрямляй! Проклятая жисть!

Поскребыш. Собачий холод.

Сторож. Чертова работа.

Альтер Эго. Отойди, Адам! *(Бросается на землю, ищет место, где была зарыта Пушка.)*

Сторож. Пропади он пропадом — весь этот мир!

Поскребыш. Провались он в преисподнюю!

Сторож. Разрази его гром!

Альтер Эго *(выворачивает камень).* Адам, Адам, Пушку отрицания сперли!

Раздается гулкий удар колокола.

Сторож. Ага, — новый колокол.

Адам *(выпрямляется).* Это она! Она! Слышишь?

Альтер Эго. Пушка отрицания!

Адам. Узнаю ее по голосу! Моя Пушка! Слышишь, как гудит?

Поскребыш. Отбивает: бим-бам, бим-бам!

Альтер Эго. Отбивает: нет! нет!

Адам. Отбивает: да! да! да!

Альтер Эго. Нет! Нет! Нет! Нет!

Адам. Да! Да! Да! Да!

Поскребыш *(стучит ложкой по своему котелку).* Бим-бам, бим-бам!

Сторож *(стучит молотком по наковальне, выпрямляя скобы).* Раз! Два! Раз! Два!

Звон бесчисленных колоколов.

Поскребыш. Это мой котелок так звенит!

Сторож. Это звенит мой молоток!
Альтер Эго. Это гром моего отрицания!

Загорается Око Божье.

Глас Божий. Это я звоню во все колокола мира!
Поскребыш. Бим-бам!
Адам. Да! Да!
Альтер Эго. Нет! Нет!
Адам. Боже, что это — «да» или «нет»?
Альтер Эго. Эй — «да» или «нет»?
Глас Божий. Слушай!

Бесчисленные мужские и женские голоса. Выкрики, смех.

Слушай!

Глас Божий переходит в торжественный хорал.

Хоры за сценой. Осанна, осанна! Слава творцам!
Сторож *(снимает шапку)*. Праздник у людей.

Благовест и пение стихают.

Глас Божий. Адам-творец!
Адам. Я тут.
Глас Божий. Ты оставишь все, как есть?
Адам. Да! Да! Да!
Глас Божий. Я тоже.

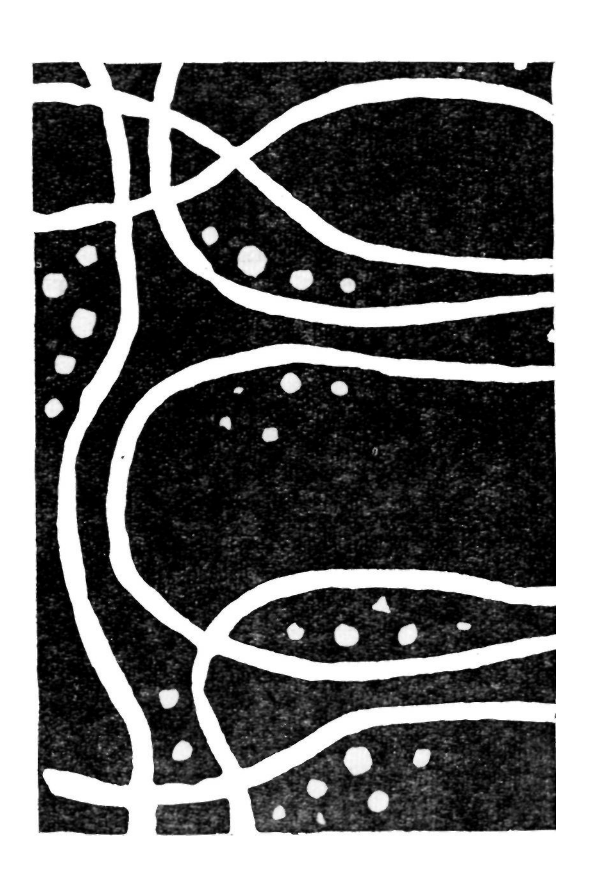
Удар колокола.

Занавес

Белая болезнь

Драма в трех действиях и
четырнадцати картинах

Перевод
Т. АКСЕЛЬ



Предисловие

Несколько лет назад мой друг доктор Иржи Фоустка предложил мне такой сюжет: врач, открывший лучи, уничтожающие злокачественные опухоли, обнаруживает, что лучи эти одновременно являются «лучами смерти». С их помощью он становится властелином мира и непрошеным спасителем человечества. От этого сюжета у меня сохранился в памяти образ врача, который каким-то образом держит в руках судьбу людей всего мира. Но в наше время столько деятелей решают или стремятся решить судьбу народов и человечества, что я никогда не прельстился бы возможностью прибавить к ним еще одного, если бы меня не побуждала к этому настоятельно сама наша эпоха.

Один из характерных признаков послевоенного времени — отход от того, что кое-где почти презрительно называют «гуманизмом». Это слово означает благоговейное уважение к жизни и правам человека, любовь к свободе и миру, стремление к правде и справедливости и другие нравственные постулаты, которые, в духе европейских традиций, считались доселе смыслом человеческого прогресса. Как известно, в некоторых странах и у некоторых народов воцарился совсем иной дух: не человек, а классы, государство, нация или раса считаются там носителем всех прав и единственным предметом уважения, но уважения уже чрезмерного: нет ничего выше их, ничто морально не ограничивает их волю и права. Государство, нация, режим наделены всемогущим авторитетом. Личность, ее свобода духа и совести, право на жизнь и независимость фактически и морально целиком подчинены так называемому коллективному, но, по сути, чисто автократическому, на насилии основанному строю. Проще говоря, положение в мире таково: дух политического авторитаризма воинственно противостоит европейской морали и демократическому гуманизму. Из года в год этот конфликт все грознее обостряется на международной арене, но одновременно он — внутренняя проблема каждого на-

рода. Внешне он всего отчетливее проявляется хронической военной напряженностью в нынешней Европе и растущей склонностью решать политические вопросы средствами насилия и убийства.

Правда, нынешнему мировому конфликту можно дать также экономическое и социальное истолкование, можно рассматривать его в биологическом плане — как борьбу за существование. Но самый драматический его аспект заключается в столкновении двух великих антагонистических идеалов: на одной стороне нравственный идеал общечеловеческой гуманности, демократической свободы, всеобщего мира и уважения к жизни и правам каждого человека; на другой стороне — динамический антигуманный идеал власти, абсолютного господства и национальной или иной экспансии, для которой насилие — желанное средство, а человек и его жизнь — только орудие. Пользуясь принятыми ныне терминами, можно сказать, что это конфликт между идеалами демократии и идеалами неограниченной, честолюбивой диктатуры. Именно этот конфликт во всей его трагической актуальности и побудил меня написать «Белую болезнь».

Вместо выдуманной «белой болезни» можно было взять рак или какое-нибудь другое заболевание; но автор стремился, по мере возможности, перенести движущие мотивы и место действия своей пьесы в вымышленную обстановку, чтобы читателю не приходилось думать ни о подлинной болезни, ни о подлинных государствах или режимах. Кроме того, он видит в этой проказе нечто в известной мере символическое — признак глубокого упадка белой расы, — ведь современному человеку такая эпидемия представляется возвратом к чумным бедствиям средневековья. Автор умышленно сосредоточил нарастание драматического конфликта вокруг смертоносной эпидемии. Ведь именно больной, страдающий человек является естественным объектом человеколюбивой заботы, для него особенно важен общественный строй с гуманными нравственными устоями. Два великих мировоззрения сталкиваются, так сказать, над одром больного, и в конфликте их решается вопрос о жизни и смерти прокаженного человечества. Ужасы человеческих страданий, сочувствие к ним не останавливают властолюбца на его пути. А тот, кто восстает против пего во имя гуманности и уважения к человеческой жизни, отказывает страдающим

в помощи, так как сам неизбежно принимает роковую логику борьбы. И если этот спор придется решать силой оружия, то и во имя мира и гуманности будут неизбежны гекатомбы убийств и смертей. В мире войн сам Мир должен быть суровым и беспощадным воителем. И, наоборот, носитель власти и силы становится одним из тех, кто молит о человеколюбивой помощи, но его сметает неудержимая машина военщины, которую он сам пустил в ход. Именно в этом автор видит безнадежную тяжесть мирового конфликта, который мы переживаем. Это не просто борьба «черного» с «белым», добра со злом, произвола с законностью. В обоих лагерях мы видим великие ценности, безмерную твердость и непримиримость. Но в этой борьбе поставлено под угрозу все доброе и справедливое, вся жизнь человека. В конечном счете низменная и жестокосердная толпа равнодушно давит обоих носителей противоположных начал. Вот оно, человечество, которое гуманист хотел спасти, вот они, массы, которые властолюбец хотел вести к величию и славе! Вот они, твои «все люди», доктор Гален, вот она, ваша нация, Маршал! А мы — мы видим здесь свои исторические конфликты, исход которых неясен, но ясно одно: за них тяжелыми страданиями заплатит Человек. Как бы ни кончилась война, вспыхнувшая в финале пьесы, ясно, что: страдающий Человек так и остался неспасенным.

Автор понимает, что этот неизбежный трагический финал — не решение вопроса. Но если говорить о подлинной борьбе, которая разыгрывается в наше время и в нашем мире между подлинными силами человечества, то ведь ее не решить словами; предоставим это решение истории. Быть может, заслуживают доверия будущие поколения, такие люди, как та честная и разумная молодая пара, с которой мы встречаемся в конце пьесы. Но окончательное решение остается за политической и духовной историей, а по отношению к ней мы не только зрители, но участники, которые должны знать, в каком лагере этого напряженного всемирного конфликта обеспечены все права и самая жизнь маленького народа.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК

Надворный советник профессор Сигелиус.
Доктор Гален.
1-й ассистент клиники.
2-й ассистент.
1-й, 2-й, 3-й, 4-й профессор.
Маршал.
Адъютант.
Генерал. Министр здравоохранения.
Один из свиты Маршала.
Комиссар.
Медицинская сестра.
Репортер.
Журналист.
Врачи, санитары, журналисты, свита.
1-й, 2-й, 3-й больной.
Отец.
Мать.
Дочь.
Сын.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

БАРОН КРЮГ

Надворный советник Сигелиус.
Барон Крюг.
Доктор Гален.
Маршал.
1-й, 2-й больной.
Отец.
Мать.
Адъютант.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

МАРШАЛ

Маршал.
Его дочь.
Крюг-младший.
Министр пропаганды,
Адъютант.
Доктор Гален.
Сын.
Один из толпы.
Толпа.

Действие первое

НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК

Картина первая

Трое больных в бинтах.

1-й больной. Это мор, да, да, мор! На нашей улице в каждом доме по нескольку больных. Я говорю соседу: «У вас вон тоже на подбородке белое пятно». Он отвечает: «Пустяки, я ничего не чувствую». А нынче у него уже куски мяса отваливаются, как и у меня. Это мор!

2-й больной. Никакой не мор. Проказа это. Называют белой болезнью, а надо бы звать карой божьей... Такая беда не приходит без причин. Бог пас карает.

3-й больной. О господи Иисусе, господи Иисусе, господи Иисусе.

1-й больной. Божья кара! Хотел бы я знать, за что меня карать! Что я в жизни видел? Одну нужду! Хорош бог, который наказывает бедняков!

2-й больной. Погоди, увидишь. Сперва только пятнышко на коже, а вот как начнет болезнь жрать тебя изнутри, тогда скажешь: «Не может быть, чтобы это было ни за что ни про что. Наверно, кара божья!»

3-й больной. Господи Иисусе, господи Иисусе!

1-й больной. А причина одна: слишком много людей расплодилось на свете, половина должна передохнуть и дать место другим. Вот оно что. К примеру, ты, пекарь, уступи место другому пекарю. А я, бедняк, уступлю место другому бедняку: пускай вместо меня терпит нужду и голодает. Вот для чего напал на людей этот мор.

2-й больной. Никакой не мор, а проказа. Был мор, так люди чернели, а от этой проказы становятся белые, как... ну, как мел.

1-й больной. Белеть ли, чернеть ли — все равно. Только бы не эта вонь!

3-й больной. Господи Иисусе, господи Иисусе, господи Иисусе, смилуйся над нами!

2-й больной. Тебе-то что? Ты одинокий. А вот когда становишься противен собственной жене и детям... Бедняжки, как только они выдерживают такое зловоние!.. А у жены белое пятнышко на груди появилось... Около нас живет обойщик; заболел и все плачет — день и ночь, день и ночь.

3-й больной. О господи, господи, господи!..

1-й больной. Да замолчи ты! Заладил одно... Прокаженный!

Занавес

Картина вторая

Кабинет надворного советника профессора Сигелиуса.

Сигелиус. Прошу вас, господин журналист. В моем распоряжении всего три минуты. Вы понимаете, — пациенты. Итак, что вас интересует?

Репортер. Господин советник, наша газета, желая информировать публику, хотела бы услышать из самых авторитетных уст...

Сигелиус. ...о так называемой белой болезни, или пекинской проказе? Я понимаю. К сожалению, о ней пишут слишком много. И слишком по-дилетантски, сударь. По моему мнению, болезнями должны заниматься только медики. Ибо стоит написать о болезни в газете, как большинство читателей тотчас начинает искать у себя симптомы. Не так ли?

Репортер. Да, но наша газета как раз хотела бы успокоить публику.

Сигелиус. Успокоить? А чем ее успокоить? Болезнь, видите ли, очень тяжелая и ширится, как лавина... Правда, все клиники мира лихорадочно ищут средство, но... *(пожимает плечами)* пока что наука бессильна. Напишите в своей газете, что при первых признаках болезни каждый должен обратиться к своему врачу, вот и все.

Репортер. А врач?

Сигелиус. Врач пропишет мазь. Бедным — марганцовую, богатым — перуанский бальзам...

Репортер. И это помогает?

Сигелиус. Да... против дурного запаха, когда откроются язвы. Это вторая стадия болезни.

Репортер. А третья?

Сигелиус. А в третьей помогает морфий, молодой человек. Только морфий. И довольно об этом, а? Гнусная болезнь.

Репортер. И она... очень заразительна?

Сигелиус *(лекторским тоном).* Да как сказать... Возбудитель болезни не найден. Известно только, что она распространяется с необычной быстротой. Далее, что ей не подвержено ни одно животное и что ее невозможно привить даже человеку... во всяком случае, молодому человеческому организму... Этот прекрасный опыт произвел над собой доктор Хирота в Токио. Да, мы воюем, друг мой, воюем, но с неизвестным противником. Можете написать, что моя клиника уже третий год изучает это заболевание. Мы опубликовали о нем изрядное количество научных статей, которые обильно и сочувственно цитируются в специальной литературе. *(Звонит.)* Пока что удалось с несомненностью установить... К сожалению, в моем распоряжении всего три минуты...

Сестра *(входит).* Что угодно, господин советник?

Сигелиус. Подберите для господина журналиста печатные труды нашей клиники.

Сестра. Слушаю.

Сигелиус. Можете упомянуть о них в своей статье, мой юный друг. На публику успокоительно подействует сообщение о том, что мы усиленно боремся с так называемой пекинской проказой. Мы, разумеется, не называем ее проказой. Проказа, или лепра, — кожное заболевание, тогда как наша болезнь — чисто внутренняя. Коллеги из кожной клиники претендуют, правда, на монопольное право объяснять эту болезнь... ну не будем об этом. Наша болезнь, сударь, это не какая-нибудь чесотка. Можете успокоить публику — о проказе здесь нет и речи. Куда там проказе против нашей болезни!

Репортер. Это... опаснее, чем проказа?

Сигелиус. Разумеется. Гораздо опаснее и интереснее. Только первые ее признаки напоминают обычную проказу. Где-нибудь на коже появляется маленькое белое пятнышко — холодное, как мрамор, и абсолютно нечувствительное. Так называемая «macula marmorea». Отсюда и название — белая болезнь. Но дальнейшее ее течение совершенно своеобразно и отличается от обычной

«leprosis maculosa». Мы называем ее ченгова болезнь, или morbus Tshengi. Доктор Ченг, ученик Шарко и, конечно, терапевт, первый описал эту болезнь, несколько случаев которой он наблюдал в пекинском госпитале. Великолепная научная работа, сударь. Я сделал о ней сообщение еще в двадцать третьем году, когда никто и не думал о том, что ченгова болезнь когда-нибудь станет пандемией.

Репортер. Простите, чем?

Сигелиус. Пандемией. Заболеванием, которое распространяется лавиной по всему земному шару. В Китае, сударь, почти каждый год появляется новая интересная болезнь, порожденная нищетой. Но ни одна из них еще не истребляла столько народу. Это поистине мор наших дней. Она уже скосила добрых пять миллионов человек. Миллионов двенадцать больны ею в активной форме и, по крайней мере, втрое больше ходит, не зная, что у них на теле где-то есть нечувствительное бело-мраморное пятнышко величиной с чечевицу... Около трех лет назад эта болезнь появилась в нашей стране. Можете написать, что первый случай в Европе был отмечен как раз у меня в клинике. Мы вправе гордиться этим, мой друг. Один из признаков ченговой болезни даже получил название симптома Сигелиуса.

Репортер *(записывает).* Симптом... господина надворного советника... профессора Сигелиуса...

Сигелиус. Да, симптом Сигелиуса. Как видите, мы работаем не покладая рук. Пока что удалось с несомненностью установить, что ченгова болезнь поражает только лиц в возрасте сорока пяти лет и старше. Очевидно, для нее создают благоприятную почву те естественные изменения в человеческом организме, которые мы называем старением...

Репортер. Это чрезвычайно интересно.

Сигелиус. Вы думаете?.. А сколько вам лет?

Репортер. Тридцать.

Сигелиус. Вот то-то и оно. Будь вы постарше, это не казалось бы вам... таким интересным... Далее, нам известно, что после первого же признака болезни прогноз совершенно точен: смерть наступает через три—пять месяцев, обычно от общего заражения крови. По мнению моему и моей школы, которая поныне гордится тем, что является клиникой великого Лилиенталя, моего покойного

тестя... можете записать это... Итак, по мнению классической школы Лилиенталя, morbus Tshengi — инфекционное заболевание, вызываемое доселе неизвестным возбудителем. Предрасположение к ней появляется с первыми признаками физической старости. Признаки и ход болезни... ну, об этом, пожалуй, лучше не распространяться. Мало приятные подробности. Что касается лечения, то «sedativa tantum praescribere opportet» [1].

Репортер. Простите, как?

Сигелиус. Не записывайте этого, молодой человек, это только для врачей. Классический рецепт великого Лилиенталя. Вот это был врач, друг мой! Ах, если б он сейчас был с нами... Есть у вас еще вопросы? В моем распоряжении всего три минуты...

Репортер. Если господин советник разрешит... Наших читателей, конечно, больше всего интересует, как уберечься от этой болезни.

Сигелиус. Что-о-о? Уберечься? Никак! Абсолютно невозможно! *(Вскакивает.)* Мы все от нее перемрем. Каждый, кому больше сорока, обречен... Вам это все равно, в ваши глупые тридцать лет! Но мы, в наши зрелые годы... Подите-ка сюда! Взгляните, у меня на лице ничего нету? Какого-нибудь белого пятнышка? Что? Еще нет? Сколько раз в день я подхожу к зеркалу... Ваших читателей интересует, как уберечься... Еще бы! *Меня* это тоже интересует. *(Садится, сжимает голову руками.)* Боже, до чего бессильна наука!

Репортер. Господин советник, может быть, в заключение вы скажете несколько ободряющих слов?

Сигелиус. Да... Напишите у себя в газете, что... с этим нужно примириться.

Звонит телефон.

(Берет трубку.) Алло. Да. Что? Вы же знаете, что я никого не принимаю. Врач? А как его фамилия? Доктор Гален? Гм... Есть у него рекомендации? Нет? Так что же ему от меня нужно? Ах, вот как — «в интересах науки»? Пусть докучает этим моему второму ассистенту. У меня нет времени на какие-то научные разговоры. Что? Приходит уж пятый раз? Ну, если так, пожалуй, впустите его, но скажите, что я могу уделить ему всего три

[1] показаны только болеутоляющие (*лат.*).

минуты. Да. *(Вешает трубку и встает.)* Вот видите, мой юный друг: попробуй тут сосредоточиться на научной работе!

Репортер. Извините, господин советник, что я отнял у вас драгоценное время...

Сигелиус. Не беда, не беда, друг мой. Наука и гласность должны идти рука об руку. Если я вам еще понадоблюсь, приходите без церемонии. *(Подает руку.)*

Репортер. Честь имею кланяться, господин советник! *(Кланяясь, уходит.)*

Сигелиус. Всего хорошего. *(Садится за письменный стол.)*

Стук в дверь.

(Берет перо и пишет. После паузы.) Войдите!

Доктор Гален входит и нерешительно останавливается в дверях.

(Пишет, не поднимая головы. После долгой паузы.) Не заставляйте меня ждать, коллега.

Гален *(запинаясь).* Простите, господин советник... я не хотел беспокоить вас... Я доктор Гален...

Сигелиус *(продолжает писать).* Это мне уже известно. Что вам угодно, господин Гален?

Гален. Я... я работаю врачом страхкассы, господин советник... практикую... лечу, можно сказать, самую бедноту... и, таким образом, имею возможность наблюдать множество разных заболеваний... потому что... среди бедняков... свирепствует столько болезней...

Сигелиус. Как вы сказали? Свирепствует?

Гален. Да, свирепствует... ширится.

Сигелиус. Ах, вот что. Врач не должен говорить цветисто, коллега.

Гален. Да, правильно... А в последнее время, когда так распространилась белая болезнь...

Сигелиус. Morbus Tshengi, коллега. Человек науки должен выражаться кратко и точно.

Гален. Когда видишь все эти ужасы... видишь, как человек заживо разлагается... на глазах своей семьи... И это ужасное зловоние...

Сигелиус. Надо пользоваться дезодораторами, коллега.

Гален. Да, но так хочется спасти этих людей. У меня были сотни случаев... страшных случаев, господин

советник... И стоишь, бывало, над ними с пустыми руками... в полном отчаянии...

Сигелиус. Неправильно, коллега! Врач никогда не должен отчаиваться.

Гален. Но это так ужасно, господии советник! И я сказал себе: надо что-то сделать... что-то испробовать, а не стоять так зря... Я, правда, прочитал всю литературу по этой болезни, но... извините, господин советник... там нет... там нет этого...

Сигелиус. Чего там нет?

Гален. Правильного метода лечения, господин советник.

Сигелиус *(кладет перо).* А вы его знаете, этот метод?

Гален. Да, думаю, что знаю.

Сигелиус. Ах, вы думаете! У вас, наверно, есть собственная теория ченговой болезни, не так ли?

Гален. Да. Есть собственная теория.

Сигелиус. Довольно, господин Гален. Когда против болезни не удается найти средства, для нее придумывают хотя бы теорию. Это обычное явление. Но, на мой взгляд, практикующий врач должен придерживаться проверенных методов. Что скажут ваши пациенты, если вы станете испытывать на них ваши сомнительные теории? Для экспериментирования существуют клиники, коллега.

Гален. Вот потому-то...

Сигелиус. Я еще не кончил, доктор Гален. Как я уже сказал, в моем распоряжении, к сожалению, всего три минуты. Что касается ченговой болезни, рекомендую вам применять дезодораторы... и потом морфий, коллега, самое главное морфий. В конце концов, мы существуем для того, чтобы облегчить страдания больных... по крайней мере, платежеспособных. Больше ничего не могу сказать вам, коллега. Очень приятно было познакомиться. *(Берет перо.)*

Гален. Но... господин советник... я...

Сигелиус. Что вам еще угодно?

Гален. Видите ли, я умею лечить белую болезнь.

Сигелиус *(пишет).* Одиннадцать человек приходило ко мне с таким заявлением. Вы двенадцатый. Среди них были и врачи.

Гален. Но я проверил свой метод... на нескольких сотнях больных. И он дает положительные результаты...

Сигелиус. Какой процент выздоровевших?

Гален. Около шестидесяти. И еще двадцать под вопросом.

Сигелиус *(кладет перо).* Если бы вы сказали «сто процентов», я тотчас велел бы вывести вас, как сумасшедшего или шарлатана. Что же мне с вами делать? Послушайте, коллега, я вас понимаю: это заманчивая иллюзия — найти средство против ченговой болезни. Это принесло бы вам славу, сказочную клиентуру. Нобелевскую премию, университетскую кафедру. А? Вы стали бы славнее Пастера и Коха, знаменитее Лилиенталя!.. Да, подобная перспектива может вскружить голову. Но таких разочарований было уже...

Гален. Я хотел бы испытать свой метод в вашей клинике, господин советник.

Сигелиус. В моей клинике? Какая наивность! Вы ведь иностранного происхождения?

Гален. Да, верно. Я — уроженец Пергама в Греции.

Сигелиус. Вот видите. Как же я могу допустить иностранца в государственную клинику имени Лилиенталя?!

Гален. Но ведь у меня здешнее гражданство. Я уже с детства...

Сигелиус. Но происхождение, коллега, происхождение!

Гален. Лилиенталь тоже был... иностранного происхождения, не так ли?

Сигелиус. Напоминаю вам, сударь, что надворный советник ординарный профессор и доктор медицины Лилиенталь был моим тестем. К тому же нынче другие времена. Вы и сами, я думаю, понимаете. Кроме того, господин Гален, я сильно сомневаюсь, чтобы великий Лилиенталь допустил в свой храм науки... простите меня, врача какой-то страхкассы...

Гален. *Меня* он допустил бы, господин советник. Я когда-то был у него ассистентом...

Сигелиус *(вскакивает).* Ассистентом? Что ж вы, голубчик, сразу не сказали? Да вы садитесь, пожалуйста, коллега. Не стесняйтесь, Гален! Подумать только, вы были ассистентом моего тестя! Странно, я что-то не припомню, чтоб он когда-нибудь упоминал о вас.

Гален *(присев на краешек кресла).* Он... называл меня доктор Детина.

Сигелиус. О господи, так это вы — Детина! «Он мой лучший ученик», — так говорил о вас Лилиенталь.

И жалел, что вы покинули клинику. Почему же вы у него не остались, голубчик?

Гален. Разные были причины, господин советник... Главное — то, что я собирался жениться... а на жалованье ассистента семьи не прокормишь...

Сигелиус. Вы совершили ошибку! Я всегда говорю своим ученикам: хотите заниматься наукой, не женитесь! А уж если женитесь, то выбирайте богатую невесту. Надо жертвовать личной жизнью ради науки. Вы курите, Гален?

Гален. Нет, благодарю вас... У меня, видите ли, angina pectoris [1].

Сигелиус. Ну, ну, это не так страшно... Дайте-ка я вас послушаю.

Гален. Спасибо, господин советник, но... сейчас мне не до этого. Я прошу вас разрешить мне проверить в вашей клинике мой метод лечения... на нескольких больных, которых вы считаете безнадежными...

Сигелиус. Они все безнадежны, Гален... Но исполнить вашу просьбу не так-то легко, черт возьми! Получится не совсем удобно. Однако, поскольку вы любимый ученик моего тестя, я вам вот что скажу: изложите мне сейчас ваш метод, мы уделим ему должное внимание и при случае проверим клинически. Одну минуту; я только распоряжусь, чтобы нам никто не помешал... *(Протягивает руку к телефону.)*

Гален. Извините, господин советник, но я... Пока мой метод не будет клинически испытан, я никому его не открою. Право, не могу.

Сигелиус. Даже мне?

Гален. Простите. Никому. Никоим образом.

Сигелиус. Вы всерьез?

Гален. Совершенно серьезно, господин советник.

Сигелиус. Тогда ничего не поделаешь. Извините, Гален, но это против правил нашей клиники и против... как бы вам сказать...

Гален. Против вашей научной совести? Я понимаю. Но у меня, видите ли, есть свои причины.

Сигелиус. Какие?

Гален. Я страшно сожалею, господин советник, но сейчас я не могу их сообщить.

---

[1] грудная жаба (*лат.*).

Сигелиус. Ну, как хотите. Что ж, поскольку обстоятельства складываются таким образом, мы поставим на этом точку. Все же я был очень рад познакомиться с вами, доктор Дитя.

Гален. Послушайте, не надо так. *Вы должны* допустить меня в свою клинику, господин советник. Должны это сделать!

Сигелиус. Почему?

Гален. Я ручаюсь за свой метод, господин советник. Честное слово! Послушайте, у меня не было ни одного рецидива. Вот письма коллег со всего района: они посылали ко мне своих больных. Это такая глухая окраина, и живут там такие бедняки, что о результатах даже не написали в газетах. Вот взгляните, пожалуйста, на письма, господин советник.

Сигелиус. Они меня не интересуют.

Гален. Боже, какая жалость!.. Так мне уходить?

Сигелиус *(встает).* Да. Ничего не могу поделать.

Гален *(задерживаясь в дверях).* Такая страшная болезнь... Быть может, когда-нибудь вы сами, господин советник...

Сигелиус. Что-о?

Гален. Ничего, я так... Может быть, господину советнику самому когда-нибудь понадобится мое лекарство.

Сигелиус. Зачем вы это говорите, Гален? *(Шагает по кабинету.)* Гнусная, ужасная болезнь! Не хотел бы я разлагаться заживо.

Гален. Господин советник мог бы в этом случае воспользоваться дезодораторами...

Сигелиус. Благодарю вас!.. Ну... покажите письма.

Гален. Пожалуйста, господин советник.

Сигелиус *(читает письма).* Гм... *(Откашливается.)* Так, так... Доктор Страделла... Это мой ученик, а? Такой долговязый, а?

Гален. Да, господин советник. Очень долговязый.

Сигелиус *(читает дальше).* Черт побери! *(Качает головой.)* Ну и дела! Правда, все это только отзывы практиков, но... Послушайте, голубчик, ваше лечение, как видно, дает превосходные результаты... Вот что, Гален, у меня идея! Я пойду вам навстречу, лично испытаю ваш метод на нескольких пациентах. Можете ли вы требовать большего?

Гален. Не могу, но... Я знаю, что это для меня громадная честь, но...

Сигелиус. Но вы намерены и в дальнейшем лечить своим методом только сами, так?

Гален. Так, господин советник. Я хотел бы... и в клинике... проводить его сам.

Сигелиус. А потом вы опубликуете ваш метод?

Гален. Да... то есть на определенных условиях.

Сигелиус. На каких же?

Гален. Я предпочел бы говорить о них позже, господин советник.

Сигелиус *(садится за стол).* А, понимаю. Вы хотите проверить свой метод в моей клинике, а дальнейшее его применение сделать своей монополией. Таков ваш план, не правда ли?

Гален. Да, господин советник. Вернее...

Сигелиус. Погодите. Это безграничная наглость требовать нечто подобное от клиники Лилиенталя, доктор Гален. У меня руки чешутся спустить вас с лестницы. Я понимаю: каждый врач хочет получить доход от своих знаний. Но превращать лечение в коммерческую тайну — недостойно врача. Так ведут себя знахари, шарлатаны и спекулянты. Это, во-первых, не гуманно по отношению к страдающему человечеству и, во-вторых...

Гален. Но ведь я, господин советник...

Сигелиус. Одну минуту! Во-вторых, это не коллегиально по отношению к другим врачам. Они тоже хотят лечить своих пациентов, коллега: ведь они живут этим. Вот так-то. Вы смотрите на свой метод только как на источник дохода. Я должен, к сожалению, подходить к нему как ученый и врач, сознающий свой долг перед человечеством. Наши точки зрения в корне отличны. Одну минуту. *(Берет телефонную трубку.)* Пошлите ко мне сюда первого ассистента. Да, немедленно! *(Вешает трубку.)* Как позорно пала врачебная этика! То и дело объявляются кудесники, которые загребают деньги с помощью всяких сомнительных секретных методов лечения. Но использовать для рекламы мою научную клинику — с таким бесстыдным предложением ко мне не обращался еще никто!

Стук в дверь.

Войдите!

1-й ассистент *(входит).* Вы меня вызывали, господин советник?

Сигелиус. Подите сюда. В каких палатах у нас morbus Tshengi?

1-й ассистент. Почти во всех, господин советник. Во второй, четвертой, пятой...

Сигелиус. А бесплатные пациенты?

1-й ассистент. Для бедняков у нас отведена тринадцатая палата.

Сигелиус. Кто ведет эту палату?

1-й ассистент. Второй ассистент.

Сигелиус. Хорошо. Передайте от моего имени второму ассистенту, что с сегодняшнего дня все врачебное наблюдение в палате номер тринадцать и лечение там проводит вот этот коллега — доктор Гален. Это будет его палата.

1-й ассистент. Слушаю, господин советник, но...

Сигелиус. Что вы хотите сказать?

1-й ассистент. Ничего, господин советник.

Сигелиус. То-то. А то мне показалось, что у вас есть возражения. Далее, передайте второму ассистенту, что ему не должно быть никакого дела до того, как и чем доктор Гален будет лечить своих больных. Прошу соблюдать это в точности.

1-й ассистент. Слушаю, господин советник.

Сигелиус. Можете идти.

Ассистент уходит.

Гален. Не знаю, как благодарить вас, господин советник.

Сигелиус. Не за что. Я действую *исключительно* в интересах медицины, коллега. Ради нее надо поступаться всем, даже крайним отвращением. Если хотите, можете сейчас же посмотреть на своих больных. *(Берет трубку.)* Старшая сестра, проводите доктора Галена в тринадцатую палату. *(Кладет трубку.)* Сколько времени потребует ваш курс лечения?

Гален. Шести недель будет достаточно.

Сигелиус. Вот как? Да вы, видно, собираетесь творить чудеса, доктор Гален. Честь имею кланяться.

Гален *(пятится к дверям).* Право... я вам... безмерно признателен, господин советник...

Сигелиус. Желаю удачи. *(Берет перо.)*

Гален неловко выходит.

(Бросает перо.) Презренный спекулянт! *(Встает, подходит к зеркалу и тщательно осматривает свое лицо.)* Нет, ничего. Пока ничего...

Занавес

Картина третья

Семья вечером за столом.

Отец *(читает газету).* Опять пишут об этой болезни. Покоя от нее нет. И так хватает забот...

Мать. С той соседкой на третьем этаже совсем плохо. К ней уже и зайти никто не решается... Ты заметил, какой запах на лестнице?

Отец. Нет. Ага, вот интервью с надворным советником Сигелиусом. Это мировая величина, мамочка; ему можно верить. Вот увидишь, он подтвердит мое мнение...

Мать. Какое?

Отец. Что все эти страхи насчет белой болезни — ерунда. Где-нибудь обнаружился случай проказы, а газеты тотчас создают сенсацию. Известно, каковы люди: стоит кому-нибудь слечь с гриппом, все кричат, что у него белая болезнь.

Мать. Сестра пишет, что у них тоже полно этих больных.

Отец. Вздор. Это все паника. Вот интересно, что Сигелиус заявил: эта болезнь пришла из Китая. Видишь, я всегда говорил: надо превратить Китай в европейскую колонию, навести там порядок — и дело с концом. Зря мы даем существовать таким отсталым странам. Голод, нужда, гигиены никакой — и вот извольте, белая болезнь! Сигелиус говорит, что она все-таки заразна. Надо бы принять меры.

Мать. Какие?

Отец. Запереть всех этих больных, изолировать их от здоровых. У кого появилось белое пятно, того сразу вон! Как это ужасно, мамочка, что у нас в доме оставляют умирать эту бабу! Стало страшно домой приходить. Такое зловоние на лестнице...

Мать. Я бы ей хоть супу отнесла. Ведь она совсем одна.

Отец. И не думай. Там зараза! Ты со своим добросердечием занесешь нам сюда болезнь... Этого еще не хватало! Надо бы наш коридор продезинфицировать.

Мать. Чем?

Отец. Постой-ка... ах, какой осел!

Мать. Кто?

Отец. Да этот газетчик. Пишет, что... Удивительно, как цензура пропустила. Разрешать такой вздор! Я вот напишу в редакцию, они не обрадуются. Ах, идиот!

Мать. Да что там такое сказано?

Отец. Он пишет, что от этой болезни невозможно уберечься... что она угрожает всем, кому под пятьдесят лет...

Мать. Покажи!

Отец *(швырнув газету на стол, бегает по комнате).* Кретин! Как он смеет писать такие вещи. Не буду больше покупать эту газету! Я им покажу! Я этого так не оставлю!

Мать *(читает).* Послушай, отец, да ведь это слова самого профессора Сигелиуса.

Отец. Вздор! Не может этого быть при нынешнем уровне науки и цивилизации. В средние века мы живем, что ли, чтобы нас губил мор?! Да разве пятьдесят лет — много? А у нас один сослуживец заболел, ему всего-навсего сорок пять. Где же справедливость, если болеть этой штукой должны только те, кому под пятьдесят?! Почему, спрашиваю я, почему?

Дочь *(до сих пор, лежа на диване, читала роман).* Почему? Ах, папа, надо же когда-нибудь уступить место молодым. Ведь им так трудно устроиться!

Отец. Вон оно что! Очень мило! Ты слышишь, мать? Выходит, родители вас кормят, родители для вас трудятся не покладая рук и они же мешают? Ходу вам не дают, видите ли! Пускай вымрут от проказы, лишь бы для вас освободились места! Так? Хорошенькие взгляды!

Мать. Она не это имела в виду, отец!

Отец. Не имела, а сказала именно так. Значит, доченька, было бы правильно, чтобы твой отец с матерью в пятьдесят лет отправились на тот свет, а?

Дочь. Ты уж сразу на личности...

Отец. А как же иначе, когда ты заявляешь, что людям под пятьдесят пора подыхать! Как же иначе понимать такие разговоры?

Дочь. Я говорила вообще, папа. В наше время молодым людям страшно трудно найти работу. На свете просто не хватает для всех места... Нужны какие-то перемены, чтоб и молодые могли, наконец, жить самостоятельно и создавать семьи.

Мать. Насчет этого она права, отец.

Отец. Ишь ты, она права! Значит, ради вас мы должны помирать во цвете лет?

Входит Сын.

Сын. О чем спор?

Мать. Ни о чем. Отец немного разволновался... прочитал в газете об этой болезни...

Сын. Ну, так что же? Чем он взволнован?

Дочь. Я только сказала, что нужны какие-то перемены, чтобы дать дорогу новому поколению.

Сын. И папа рассердился? Удивляюсь. Ведь так теперь все говорят.

Отец. Все молодые, не сомневаюсь. Вас это устраивает!

Сын. Ну конечно, папа. Если бы не белая болезнь, не знаю, что бы мы стали делать. Сестре даже замуж никак не выйти, а я... Ну, а теперь я постараюсь скорей сдать выпускные экзамены.

Отец. Давно пора, голубчик. Время слишком серьезное, чтобы болтаться без дела.

Сын. Раньше и после экзаменов некуда было устроиться. Теперь, наверное, станет легче.

Отец. Как только передохнут все пятидесятилетние, а?

Сын. Вот именно. Только бы не прекратился этот мор!

Занавес

Картина четвертая

Коридор в клинике около палат № 12 и № 13.

Сигелиус *(ведет группу иностранных профессоров)*. Прошу сюда, господа. Par ici, chers confrères. Here are we, gentlemen. Ich bitte meine verehrten Herren

Kollegen hereinzutreten[1]. *(Вводит их в палату № 13.)*

1-й ассистент. Старик прямо спятил — только и слышно: Гален да Гален; а теперь водит сюда светил из всех стран смотреть на наши чудеса. А как начнутся рецидивы, то-то будет скандал, коллега! Голову даю на отсечение, что у этих исцеленных снова появятся пятна...

2-й ассистент. Почему ты так думаешь?

1-й ассистент. Ну, я ведь не простачок, коллега, знаю, что медицина не всесильна. У старика, видно, размягчение мозга, если он поверил, что можно кого-нибудь вылечить от белой болезни. Я работаю тут уже восьмой год, дружище, а теперь вот снял себе отличный кабинет и займусь частной практикой. Сейчас для этого сказочная возможность. Буду лечить ченгову болезнь.

2-й ассистент. Методом Галена?

1-й ассистент. Методом клиники Лилиенталя. Не зря же я... торчал тут восемь лет. Теперь повсюду раструбят, что нам удалось добиться некоторых успехов...

2-й ассистент. Но ведь Гален так скрывает свой метод, что...

1-й ассистент. Пропади он пропадом, этот Гален. Я с ним даже не разговариваю. Сестра из тринадцатой палаты мне сказала, что он делает своим больным инъекции. Впрыскивает какую-то жидкость горчично-желтого цвета. Ну вот, я составил препарат из разных укрепляющих и анестезирующих средств; придал ему желтую окраску... Отлично получилось, коллега. Я испробовал на себе — ничего, никаких неприятных реакций. Пациентам на некоторое время даже становится легче. С этого я и начну. *(Подслушивает у двери.)* Ага, старик разглагольствует. «Пока мы не намерены предавать наш метод гласности...» Хитрец! Знает об этом методе не больше, чем я... Теперь этим бонзам рассказывает по-английски. В иностранных языках он силен, старый щеголь! А кроме этого что? Научную карьеру сделал благодаря удачной женитьбе. Черт возьми, только бы Гален не опубликовал своего метода, пока я не налажу врачебную практику!

---

[1] Вот сюда, дорогие коллеги (*франц.*). Мы пришли, джентльмены (*англ.*). Прошу моих уважаемых коллег войти (*нем.*).

2-й ассистент. И тогда все устремятся к нему...

1-й ассистент. Я, знаешь, этого не боюсь. Гален дал старику честное слово, что не станет применять свой метод в частной практике, пока окончательно не проверит его здесь, в клинике. А я тем временем буду практиковать вовсю.

2-й ассистент. И этот Гален держит свое слово, как...

1-й ассистент *(пожимает плечами)*. Глупый человек! Говорят, запер свой кабинет, который у него где-то на окраине, и вообще не практикует. Сестра из тринадцатой рассказывала, что ему и жрать-то нечего: приносит с собой булку в кармане. Она хотела выдавать ему больничный обед, но заведующий хозяйством не разрешил: мол, доктора Галена нет в списках на питание, и баста. Правильно!

2-й ассистент. У моей матери... появилось белое пятно, вот тут на шее. Я попросил Галена осмотреть ее, а он говорит: «Не могу, я дал Сигелиусу честное слово...»

1-й ассистент. Наглец! Это на него похоже. Такое нетоварищеское отношение.

2-й ассистент. Тогда я пошел к старику — просить, чтобы он разрешил сделать одно-единственное исключение... Ведь от этого зависит жизнь моей матери.

1-й ассистент. А тот что?

2-й ассистент. Он мне ответил: «Господин ассистент, у себя в клинике я не допускаю никаких исключений. Ступайте».

1-й ассистент. Похоже на него. Старик — кремень. Но Гален мог бы все-таки сделать это для тебя. Какое там честное слово, когда речь идет о коллеге, верно? Отвратительный субъект!

2-й ассистент. Ведь не кто-нибудь, а моя мать! Как она отказывала себе во всем, бедняжка, для того чтоб я мог учиться и стать врачом! И я уверен, ты знаешь, уверен, что он может спасти ее!

1-й ассистент. Кто, Гален? С чего ты взял?

2-й ассистент. Коллега, его лечение дает чудесные результаты!

Из палаты № 13 выходит Сигелиус с группой профессоров.

1-й профессор. I congratulate, you, professor! Splendid! Splendid! [1]

2-й профессор. Wirklich überraschend! Ja, es ist un miracle! [2]

3-й профессор. Mes félicitations, mon ami! C'est un miracle! [3]

Почетные гости, разговаривая, проходят дальше.

4-й профессор. Одну минуту, коллега. Поздравляю вас с блестящим успехом.

Сигелиус. Нет, коллега, нет, нет. Это успех клиники Лилиенталя.

4-й профессор. Скажите, а кто этот человечек...

Сигелиус. Там, в тринадцатой палате? Один врач; как бишь его... кажется, Гален.

4-й профессор. Ваш ассистент?

Сигелиус. Нет, боже упаси. Просто так, медик. Ходит сюда, интересуется ченговой болезнью. Тоже из учеников Лилиенталя.

4-й профессор. Поистине потрясающий успех! Знаете, мне пришла в голову мысль... У меня есть один пациент... У него белая болезнь... Очень видное лицо... Это... *(Шепчет на ухо.)*

Сигелиус *(свистнул).* Ого, бедняга!

4-й профессор. Можно послать его к вам?

Сигелиус. Ну конечно, коллега, ну конечно. Передайте вашему уважаемому пациенту, чтобы он посетил меня. Мы, правда, до сих пор не применяли своего метода вне клиники...

4-й профессор. И правильно поступали, коллега. Но...

Сигелиус. Но если я могу оказать вам услугу...

4-й профессор. И если речь идет о таком видном пациенте... Да?

Сигелиус. Буду очень рад, коллега. С большим удовольствием.

Уходят за остальными.

1-й ассистент. Слыхал? Ну и гонорар же загребет!

---

[1] Поздравляю вас, профессор! Великолепно! Великолепно! (*англ.*).

[2] Поистине потрясающе! Да, это удивительно! (*нем.*).

[3] Поздравляю вас, мой друг! Это чудо! (*франц.*).

2-й ассистент. А для моей матери — «не допускаю никаких исключений»!

1-й ассистент. Ну, милый мой, здесь другое дело: деньги и связи... Вот бы мне заполучить такого пациента, черт возьми!

Гален высовывает голову из дверей палаты № 13.

Гален. Ушли?

2-й ассистент. Вам что-нибудь нужно, коллега?

Гален. Нет, нет, благодарю вас, коллега... благодарю покорно...

1-й ассистент. Пойдем отсюда. Доктор Гален предпочитает быть один.

Оба уходят. Гален оглядывается; увидев, что никого нет, вынимает из кармана булку и жует, прислонившись к косяку. Входит Сигелиус.

Сигелиус. Хорошо, что я вас встретил, Гален. От души поздравляю. Мы добились больших успехов, коллега, грандиозных успехов!

Гален *(глотая булку).* Надо еще... еще... немного подождать, господин советник.

Сигелиус. Разумеется, доктор Детина, разумеется. Тем не менее результаты просто поразительны... Да, чтобы не забыть, у вас будет один частный пациент.

Гален. Но я... я не занимаюсь частной практикой.

Сигелиус. Знаю, коллега, знаю и хвалю вас за это. Целиком отдаться научной работе — правильно. Но этого пациента я специально выбрал для вас. Важная особа, дорогой Гален.

Гален. Я дал вам честное слово, господин профессор... что не буду пользоваться моим методом... нигде, кроме тринадцатой палаты...

Сигелиус. Правильно. Но в данном случае я освобождаю вас от честного слова.

Гален. Но я... я не хочу его нарушать, господин профессор.

Сигелиус. Что вы этим хотите сказать, коллега?

Гален. Что никого не буду лечить, пока не закончу клиническую работу.

Сигелиус. Должен вам сказать, Гален, что я уже дал обещание.

Гален. Мне очень жаль, но...

Сигелиус. Полагаю, коллега, что у себя в клинике хозяин я. Здесь я распоряжаюсь.

Гален. Если бы господин профессор положил своего пациента в тринадцатую палату, тогда, конечно...

Сигелиус. Ку-уда? Как вы сказали?

Гален. В тринадцатую палату... Но придется на пол, там уже нет свободных коек.

Сигелиус. Это исключено, Гален! *Такого* пациента мы не можем сунуть куда-то в палату. Он предпочтет лучше умереть, чем лежать там, среди этих... Он очень богат, друг мой. О клинике не может быть и речи. Так что прошу вас, доктор Дитя, не делайте глупостей.

Гален. Я буду лечить только в тринадцатой палате, господин профессор. Я дал слово и... Разрешите идти, господин профессор? Эти господа и так меня задержали... Можно мне идти к моим больным?

Сигелиус. Можете идти ко всем чертям, вы... вы...

Гален. Весьма признателен. *(Уходит в палату.)*

Сигелиус. Проклятый идиот! Так меня осрамить!

1-й ассистент подходит.

1-й ассистент *(кашлянув).* Прошу прощения, господин профессор... Я невольно был свидетелем разговора... Поведение доктора Галена неслыханно! И в этой связи у меня возникла мысль... Видите ли, я составил препарат для инъекции того же цвета, что и препарат доктора Галена. Просто не различить, господин профессор!

Сигелиус. И что же?

1-й ассистент. Можно воспользоваться им вместо подлинного препарата доктора Галена. Мой препарат абсолютно безвреден.

Сигелиус. А лечебный эффект?

1-й ассистент. Препарат содержит тонизирующие средства, которые вы сами рекомендуете. Больному на некоторое время становится легче...

Сигелиус. Но болезнь продолжает прогрессировать? Так?

1-й ассистент. Инъекции доктора Галена в некоторых случаях тоже не дали эффекта, господин профессор...

Сигелиус. Да, вы правы, молодой человек. Но профессор Сигелиус не занимается такими делами.

1-й ассистент. Простите, я знаю, но... господину профессору, наверно, не хочется отказывать некоторым пациентам, в которых он заинтересован.

Сигелиус. И тут вы правы. *(Вынимает рецептурный блокнот и пишет. С холодным пренебрежением.)* Не находите ли вы, молодой человек, что вам нет смысла заниматься научной работой? Не лучше ли открыть частную практику?

1-й ассистент. Я как раз собирался...

Сигелиус. Я вам тоже советую. *(Подает вырванный из блокнота листок.)* Пойдите с этим к моему коллеге. Он сводит вас... к одному пациенту, понятно?

1-й ассистент *(кланяясь)*. Покорно благодарю, господин профессор!

Сигелиус. Желаю успеха. *(Быстро уходит.)*

1-й ассистент *(жмет сам себе руку)*. Поздравляю поздравляю, молодой человек. Поздравляю, доктор! Повезло!

Занавес

Картина пятая

Тот же больничный коридор. Шеренга людей в белых медицинских халатах, но с явно военной выправкой. Комиссар смотрит на часы.

2-й ассистент *(вбегает запыхавшись)*. Господин комиссар, только что звонили по телефону... Маршал уже сел в машину.

Комиссар. Итак, еще раз: все комнаты с больными...

2-й ассистент. ...заперты с девяти утра. Весь персонал собран внизу в вестибюле. Министр здравоохранения уже здесь. Я побегу — *(Исчезает.)*

Комиссар. Смирно!

Люди в белых халатах становятся руки по швам.

Итак, в последний раз: не пропускать никого, кроме лиц, сопровождающих его превосходительство. Вольно!

Звук автомобильной сирены.

Приехали. Смирно! *(Отступает за кулисы.)*

Тишина. Откуда-то снизу доносится приветственная речь. Два человека в штатском быстро проходят по коридору, люди в белых халатах отдают честь.

Входит Маршал в военной форме цвета хаки. Рядом с ним по одну сторону Сигелиус, по другую — Министр здравоохранения. Сзади свита, военные, врачи.

Сигелиус. Вот эта палата помер двенадцать у нас контрольная: здесь помещены пациенты, страдающие ченговой болезнью, которых мы не лечим нашим новым методом, чтобы иметь возможность сопоставлять результаты.

Маршал. Понимаю. Давайте посмотрим на них.

Сигелиус. Разрешите предостеречь вас, ваше превосходительство. Болезнь заразительна. Кроме того, вид больных ужасен... И, несмотря на все меры, нестерпимое зловоние.

Маршал. Мы, солдаты, и вы, врачи, должны выносить все. Идем! *(Входит в палату № 12, свита за ним.)*

Некоторое время тихо, слышен только голос Сигелиуса из палаты № 12. Потом оттуда, пошатываясь, выходит Генерал, поддерживаемый 2-м ассистентом.

Генерал *(стонет)*. Ужас! Ужас!

Сопровождающие Маршала лица, толкаясь, выскакивают из палаты.

Министр здравоохранения. Кошмар! Откройте окно!

Адъютант (с *платком у носа)*. Какое безобразие водить сюда гостей!

Один из свиты. О, господи боже, господи боже!

Генерал. И как только маршал выдерживает!

Министр. Господа, я чуть не потерял сознания.

Адъютант. Как они смели пригласить сюда маршала! Идиоты! Я им покажу!

Один из свиты. Вы видели... вы видели... вы видели?..

Генерал. Довольно об этом, господа. Бр-р-р, всю жизнь не забуду. А ведь я солдат и видел немало на своем веку.

2-й ассистент. Я сбегаю за одеколоном.

Министр. Надо было иметь его наготове, молодой человек.

2-й ассистент убегает.

Адъютант. Дорогу!

Все отступают от двери. Выходит Маршал, за ним Сигелиус и врачи.

Маршал *(останавливается).* У вас, господа, я вижу, не очень-то крепкие нервы. Идемте дальше.

Сигелиус. В тринадцатой палате картина, разумеется, совсем иная. Там мы применяем наш новый метод. Ваше превосходительство сможет убедиться...

Маршал входит в палату № 13, Сигелиус и врачи следуют за ним. Сопровождающие колеблются, потом по одному входят в палату. Тихо, слышен только приглушенный голос Сигелиуса.

Голос за сценой. Стой!

Другой голос. Пустите, мне нужно туда.

Комиссар *(появляется из-за кулис).* В чем дело? Кто это?

Два человека в белых халатах ведут под руки Галена.

Комиссар. Кто впустил его сюда? Что вам тут нужно?

Гален. Пустите меня к моим больным!

2-й ассистент возвращается с флаконом одеколона.

Комиссар. Вы знаете этого человека?

2-й ассистент. Это доктор Гален, господин комиссар.

Комиссар. Он имеет отношение к клинике?

2-й ассистент. Да... то есть... В общем, да. Он работает в палате номер тринадцать.

Комиссар. В таком случае, извините, доктор Гален. Отпустить его!.. Но почему же вы не пришли к девяти, как другие врачи?

Гален *(потирая себе руки у плеч).* Я... я был занят... делал лекарства для своих больных.

2-й ассистент *(тихо).* Доктор Гален не был приглашен.

Комиссар. Ах, так. Вам придется побыть тут со мной, доктор, пока его превосходительство не выйдет из палаты.

Гален. Но я...

Комиссар. Прошу следовать за мной. *(Уводит Галена за кулисы.)*

Из палаты № 13 выходят Маршал, Сигелиус и другие.

Маршал. Поздравляю, милый Сигелиус. Это просто чудеса.

Министр здравоохранения *(читает по бумажке).* «Ваше превосходительство, обожаемый господин маршал! Позвольте мне, от имени моего ведомства...»

Маршал. Благодарю вас, господин министр. *(Поворачивается к Сигелиусу.)*

Сигелиус. Ваше превосходительство, у меня не хватает слов... Нам... клинике Лилиенталя, выпало счастье получить ваше высокое одобрение... Мы, люди науки, понимаем, однако, сколь незначительны наши заслуги в сравнении с заслугами того, кто избавил наш национальный организм от более грозных болезней — от язвы анархии, от эпидемии варварской свободы, от проказы продажности и гангрены социального разложения, грозившей гибелью всему нашему народу...

Одобрительный шепот среди гостей: «Отлично! Браво!»

Я пользуюсь случаем, чтобы, как простой врач, склониться перед великим врачом, который излечил всех нас от политической проказы, склониться перед тем, кто с твердостью применял подчас связанную с хирургическим вмешательством, но неизменно целительную терапию! *(Низко кланяется Маршалу.)*

Одобрительный шум: «Браво, браво!»

Маршал *(подавая руку).* Благодарю вас, дорогой Сигелиус, за это выдающееся достижение. До свидания.

Сигелиус. Величайшее спасибо вам, ваше превосходительство!

Маршал уходит, сопровождаемый Сигелиусом, свитой, врачами.

Комиссар *(появляется из-за кулис).* Кончено. Смирно! В две шеренги стройся. Сопровождать уходящих.

Люди в белых халатах идут вслед свите.

Гален. Можно мне идти в палату?

Комиссар. Одну минутку, доктор. Маршал еще не отбыл. *(Идет к палате № 12 и, приоткрыв дверь, заглядывает туда, потом быстро захлопывает дверь.)* Черт побери! И доктора входят туда?

Гален. Что?.. Ах да, конечно!

Комиссар. Да, да доктор, он великий человек. Герой!

Гален. Кто?

Комиссар. Наш маршал. Он пробыл там целых две минуты. Я следил по часам.

Звук автомобильной сирены.

Уехал. Можете идти к себе. Извините, что мы вас задержали, доктор.

Гален. Пустяки, очень приятно... *(Уходит в палату № 13.)*

Вбегает 2-й ассистент.

2-й ассистент. Скорее! Где же журналисты? *(Бежит дальше.)*

Комиссар *(взглянув на часы).* Гм, быстро все кончилось. *(Уходит.)*

Голос 2-го ассистента. Сюда, господа, сюда. Профессор сейчас придет.

Появляется группа журналистов и 2-й ассистент.

2-й ассистент. Вот тут, в палате номер двенадцать, вы, господа, можете видеть, как выглядит так называемая белая болезнь, когда ее не лечат нашим методом. Однако не советую вам заходить туда, господа...

Журналисты входят в палату № 12 и тотчас же выскакивают обратно. Слышны возгласы: «В чем дело?», «Назад!», «Пустите!», «Какой ужас!», «Чудовищно!».

1-й журналист. Они... они, конечно, обречены?

2-й ассистент. Да, безусловно. А в тринадцатой палате господа журналисты увидят результаты, полученные после нескольких недель нашего лечения. Заходите, господа; там не страшно.

Журналисты заходят в палату № 13. Сигелиус входит, сияя.

Господин профессор, представители печати как раз вошли в тринадцатую палату.

Сигелиус. Ах, мне не до них... Я так глубоко тронут!.. Ну, скорее, где они у вас там?

2-й ассистент *(в дверях палаты № 13).* Прошу вас, господа; профессор уже здесь.

Журналисты выходят, восклицая: «Это чудо!», «Потрясающе!», «Блестяще!».

Прошу вас стать вот тут, господа. Господин советник даст вам интервью.

Сигелиус. Извините меня, господа, я так взволнован, так глубоко растроган... Если бы вы видели, с каким сочувствием, с каким мужеством склонялся наш маршал над койками самых безнадежных больных... Это был незабываемый момент, господа!

Один из журналистов. А что он сказал?

Сигелиус. Н-ну, он слишком высоко оценил наши скромные заслуги...

2-й ассистент. Если господин советник позволит, я повторю слова его превосходительства. Маршал сказал: «Поздравляю вас, дорогой Сигелиус. Это чудо. Вы совершили великое дело, господин советник».

Сигелиус. Ну да, маршал сильно переоценил мою заслугу. Ныне, когда найдено надежное средство против так называемой белой болезни, вы можете написать, господа, что эта болезнь — ужаснейшее заболевание, какое только знала история человечества, более губительное, чем средневековая чума... Теперь уже нет надобности замалчивать масштабы бедствия. Я горд, господа, тем, что пальма первенства в победе над ним принадлежит нашей нации... что успех достигнут в клинике моего учителя и предшественника, великого Лилиенталя.

Гален выходит из палаты и с усталым видом останавливается в дверях.

Подойдите сюда, Гален. Господа, перед вами один из наших заслуженных соратников. Для медицины не существует личных успехов, все мы работаем на благо человечества... Не стесняйтесь, милый Дитя. Все мы выполняли свой долг... все до последней санитарки. Я рад, что в этот великий день могу сердечно поблагодарить всех моих самоотверженных сотрудников...

Один из журналистов. Не можете ли вы сказать нам, господин советник, в чем суть вашего метода лечения?

Сигелиус. Не моего, господа, не моего! Это метод клиники Лилиенталя! В чем он заключается, я сообщу медикам. Лекарства должны находиться только в руках специалистов. Вы же поведайте общественности обо всем, что видели здесь. Напишите просто: найдено лекарство от самой смертоносной в мире болезни! Вот и все. Если же хотите увековечить этот великий день, пишите господа,

о великом полководце... о главе нашего государства... о бесстрашном герое, который вступил в палату, полную больных, не содрогаясь и не страшась заразы! У него сверхчеловеческая выдержка, господа! Право, я не нахожу слов... Но, простите, меня ждут больные. Честь имею кланяться, господа. Если я вам когда-нибудь понадоблюсь, я всегда к вашим услугам. *(Быстро уходит.)*

Журналист *(другим).* Ну что ж, кончено. Можно идти.

Гален *(выходит вперед).* Одну минутку. Извините, господа... Прошу вас, передайте, что я доктор Гален, врач бедняков...

Журналист. Кому передать?

Гален. Кому? Всем королям и правительствам мира... Напишите им, что я прошу их... Видите ли, господа, я был на войне, служил там врачом... и я хотел бы, чтобы больше не было войн, а? Пожалуйста, напишите им об этом.

Журналист. Вы думаете, они вас послушаются?

Гален. Да, потому что... Скажите им, что иначе они погибнут от белой болезни. Лекарство от ченговой болезни — это мой секрет, понимаете? А я не открою его, пока не получу обещания, что больше не будет войн! Пожалуйста, господа, передайте им, что это мое безоговорочное условие... Я серьезно говорю... Никто, кроме меня, не знает этого рецепта, спросите хоть тут, в клинике. Только я могу лечить белую болезнь... Скажите им, что они уже стары... все, кто властвует в мире. Скажите, что они будут разлагаться заживо... как вон те, в двенадцатой палате. Скажите им, что такая участь ждет всех людей, все человечество...

Журналист. И вы допустите, чтобы люди умирали?

Гален. А вы готовы допустить, чтобы их убивали? Зачем же, скажите, пожалуйста?.. Если люди могут убивать друг друга свинцом и газом, зачем нам, докторам, спасать их от смерти? Если бы вы знали, какого труда стоит, например... спасти больного ребенка... или вылечить костный туберкулез... А тут война! Как врач, я не могу не быть против огнестрельного оружия, против иприта. Я видел, во что они превращают людей! Поймите, я говорю просто как врач... Я не политик, господа, но, как врач, я обязан... бороться за каждую человеческую жизнь. Прямой долг врача — предотвратить войну.

Журналист. Каким же образом?

Гален. Очень просто. Пусть мир откажется от войны и насилия — и за это я дам ему свое лекарство от белой болезни. А?

2-й ассистент поспешно уходит.

Журналист. Уж не думаете ли вы, что правительства всего мира...

Гален. Да, да, вот в этом-то и загвоздка. Я знаю, что они не станут со мной разговаривать. Но если вы напишете в газетах... Напишете, что ни один народ не получит моего лекарства, пока... не примет обязательства никогда больше не воевать. Понятно?

Журналист. А для обороны?

Гален. Для обороны... Ну, самооборону я признаю. Если на нас нападут... я тоже буду стрелять, да, да... Но почему бы не уничтожить оружие, служащее для нападения? Почему бы всем странам не сократить вооружения?

Журналист. Это исключено. На это сейчас не пойдет ни одно государство.

Гален. Не пойдет? И, значит, допустит, чтобы его население вымирало от такой ужасной эпидемии? Как? Столько народа должно страдать напрасно? И... и... люди примирятся с этим, а? Вы думаете, они не восстанут? Да и сами властители начнут разлагаться заживо. Говорю вам, друг мой, они испугаются... все испугаются!

Журналист. В этом есть доля истины. С общественным мнением нельзя не считаться...

Гален. Да. А вы скажете людям: не бойтесь, от белой болезни есть лекарство. Заставьте только своих правителей дать обет вечного мира... заключить навеки договор о мире между всеми народами... И белой болезни придет конец, а?

Журналист. А если ни одно государство не согласится?

Гален. Это будет очень печально... Но в таком случае я не смогу дать свое лекарство. Нет, не смогу!

Журналист. И что же вы с ним будете делать?

Гален. Что? Я врач и обязан лечить людей, верно? Буду лечить своих бедняков...

Журналист. Почему же только бедняков?..

Гален. Потому что их много. У меня будет огромная

практика. И, во всяком случае, я сумею на массе примеров доказать, что белая болезнь излечима.

Журналист. А богатым вы откажете в лечении?

Гален. Мне очень жаль, но это так. Я не стану лечить их. У богатых... больше влияния. Если сильные и богатые действительно захотят мира, они смогут... С ними больше считаются, не так ли?

Журналист. Не кажется ли вам, что вы немного несправедливы к богатым?

Гален. Да, сударь. Я знаю. Но не кажется ли вам, что по отношению к бедным несколько несправедливо... что они бедные? Подумайте: всегда умирало гораздо больше бедняков, чем богачей, а ведь этого не должно быть, нет, не должно! Каждый имеет право на жизнь, не правда ли? Если бы на больницы тратилось столько же, сколько на дредноуты...

Быстро входят Сигелиус и 2-й ассистент.

Сигелиус. Прощу господ журналистов покинуть клинику. У доктора Галена нервное расстройство.

Журналист. Но мы хотели бы еще узнать...

Сигелиус. Господа, здесь рядом заразные больные. В ваших же интересах вам следует удалиться. Господин ассистент, проводите журналистов к выходу.

Журналисты уходят.

Гален, вы с ума сошли?! В стенах моей клиники я не потерплю таких вздорных и вредных речей... да еще в такой день! Мне следовало бы тут же на месте передать вас властям за подстрекательство, понятно? Но я как врач извиняю вас, так как знаю, что вы переутомлены. Пойдемте ко мне, доктор Детина!

Гален. Зачем?

Сигелиус. Вы сообщите мне химическую формулу и точный режим применения вашего лекарства, а потом пойдете отдохнуть. Вам необходим отдых.

Гален. Я ведь выдвинул свои условия, господин советник, не так ли?.. Без них...

Сигелиус. Что без них?

Гален. Простите, но без них... я не могу передать вам свой рецепт, господин советник.

Сигелиус. Вы или безумец, или государственный преступник, Гален! Категорически предлагаю вам: ве-

дите себя как врач. Ваш долг — помогать больным, до остального вам нет дела.

Гален. Но я как врач не хочу, чтобы люди убивали друг друга.

Сигелиус. А я в степах моей клиники запрещаю подобные речи! Мы служим не какой-то гуманности, а науке и... своей нации, коллега. Не забывайте, что здесь государственная клиника!

Гален. Послушайте, но почему же... Почему наше государство не может заключить договор о вечном мире?..

Сигелиус. Потому что не может и не должно. Вы, Гален, иностранного происхождения, и, очевидно, поэтому у вас нет ясного понимания того, какова историческая миссия и будущее нашей нации. Но довольно глупостей. В последний раз предлагаю вам, доктор Гален, сообщить мне, как главе клиники, формулу вашего лекарства.

Гален. Мне очень жаль, господин советник, но... я не могу этого сделать.

Сигелиус. Уходите! И чтобы ноги вашей не было у меня в клинике!

Гален. Хорошо, господин советник. Но мне, право, очень жаль...

Сигелиус. Мне тоже, сударь. Вы думаете, мне не жаль больных, которые будут умирать от ченговой болезни? Вы понимаете, что мне... бывает очень не по себе, когда я подхожу к зеркалу? А в каком я оказался положении? Только было торжественно провозгласил, что в моем распоряжении средство от белой болезни, и вот всему конец... А я... Погибла моя научная репутация, доктор Детина! Я хорошо знаю, что значит такой провал. Но лучше провал, чем допустить... ваши утопии и шантаж. Слышите, Гален? Пускай лучше все человечество вымрет от белой болезни, чем я потерплю хоть минуту... вашу пацифистскую заразу!

Гален. Послушайте: вам как врачу не следовало бы так говорить...

Сигелиус. Я не только врач, сударь. Благодарение богу, я еще слуга государства... Вон!

Занавес

Действие второе

БАРОН КРЮГ

Картина первая

Семья вечером за столом.

Отец *(читает газету)*. Видишь, мать, уже есть лекарство от белой болезни. Тут так и сказано.

Мать. Слава богу!

Отец. Ну конечно. Вот видишь, я же говорил. При нынешних успехах цивилизации невозможно, чтобы гибло столько людей. Разве пятьдесят лет так много, что человеку уже пора на тот свет? Откровенно говоря, я чувствую себя так, будто снова родился. Все-таки было страшновато. У нас на службе белая болезнь свела в могилу больше тридцати человек, — всем под пятьдесят...

Мать. Бедняги.

Отец. Так вот, да будет тебе известно: сегодня утром меня вызвал сам барон Крюг и говорит: «В связи со смертью главного бухгалтера вы, коллега, примете руководство всей бухгалтерией, а через две недели будете утверждены в этой должности...» Я хотел было сделать тебе сюрприз и не говорить об этом, пока не буду утвержден окончательно, но раз уж сегодня такой счастливый день... Ну, каково, а?

Мать. Я очень рада за тебя.

Отец. А за себя нет? Ты одно жалованье прикинь: ведь это лишних двенадцать тысяч в год. Знаешь что... цела у тебя еще та бутылка, что я подарил тебе на рождение?..

Мать *(встает)*. Может быть, подождем детей?

Отец. А, чего их ждать? Девчонка где-то шляется с женихом, а у парня завтра экзамены... Неси-ка скорей.

Мать. Как хочешь. *(Уходит.)*

Отец *(читает газету).* Гм! «...губительнее, чем средневековая чума». Но сейчас уже не средневековье, голубчики! Нынче люди не станут так глупо умирать. *(Читает дальше.)* Ну, ясно: наш маршал — герой! Я бы не сунулся туда, к этим больным! Ни за что! *(Кладет газету, встает, прохаживается, потирая руки.)* Итак, главный бухгалтер! «Мое почтение, господин главный бухгалтер!», «Как изволили почивать, господин главный бухгалтер?» — «Ах, так себе; знаете ли, бремя ответственности...»

Мать приносит бутылку вина и стакан.

Почему один стакан? Ты разве не выпьешь со мной?

Мать. Нет, пей один.

Отец. Ну, так за твое здоровье, мамочка. *(Пьет.)* А ты меня поцелуешь?

Мать. Нет, нет; пожалуйста, оставь меня в покое.

Отец *(наливает себе еще).* Главный бухгалтер концерна Крюга! Через мои руки каждый день будут проходить миллионы. Какой-нибудь молокосос не справился бы с этим. А говорят, будто люди старше пятидесяти лет уже не нужны. Я вам покажу, кто нужен, а кто не нужен! *(Пьет.)* Кто бы подумал тридцать лет назад, когда я поступил к Крюгу, что я дотяну до главного бухгалтера! Неплохая карьера, мать! Правда, я заслужил ее; я работал честно, не покладая рук... Сам барон называет меня «коллега», а не просто «господин такой-то», как всю эту молодежь. «Вы пока примете руководство бухгалтерией, коллега». — «Пожалуйста, господин барон». Так он мне и сказал!.. Да! А знаешь, мать, на это место у нас метили еще пять человек. Но, понимаешь, все они померли... И все от белой болезни. Как тут не подумать...

Мать. Что?

Отец. Ничего... просто так, мне кое-что пришло в голову. Ведь если учесть, что и дочка у нас выходит замуж, потому что жених все-таки нашел место... и сын поступит на службу, как только сдаст экзамены, то... Знаешь что, я откровенно скажу тебе, мать: слава богу, что появилась эта белая болезнь!

Мать. О, господи, как ты можешь это говорить?!

Отец. Да ведь это правда! Подумай только: она помогла и нам, и многим другим. Надо благодарить судьбу, мамочка. Не будь белой болезни... не знаю, жилось бы нам так хорошо, как сейчас, или нет. Вот что. А теперь

от нее есть лекарство, так что нам-то она уже не страшна... Но я еще не дочитал. *(Берет газету.)* Я всегда говорил: профессор Сигелиус — светлая голова! Это лекарство открыли в его клинике. Сам маршал туда приезжал... Ты обязательно прочти. Они пишут, что это был незабываемый момент. Верю. Маршала я видел только раз, мельком на улице, в машине... Великий человек, мать! Выдающийся полководец!

Мать. А... война будет?

Отец. Сама понимаешь: будет. Было бы грешно не воевать, когда у нас такой блестящий военачальник. На заводах Крюга сейчас работают в три смены, выполняют военные заказы... Не вздумай сболтнуть кому-нибудь, но скажу тебе, что теперь у нас начали делать новый отравляющий газ... Говорят, прямо замечательный! Барон строит шесть новых фабрик. Быть сейчас главным бухгалтером у Крюга — это высокое доверие. Говорю тебе, я бы и не взялся за это дело, если бы не сознавал своего гражданского долга. Вот что.

Мать. Только бы... только бы нашему сыну не пришлось идти на войну.

Отец. Пусть выполнит свой долг, как и все. *(Пьет.)* Кстати, его не возьмут по здоровью. Да ты не беспокойся, голубушка: война не продлится и недели. Противник будет разбит в пух и прах, прежде чем узнает, что она началась. Вот как это делается в наше время, мамочка. А теперь дай мне почитать.

Пауза.

Ах, сволочь! Как это только терпят!.. Да еще пишут о нем в газетах! Я бы безо всяких разговоров велел этого типа пристрелить. Это же изменник!

Мать. Кто, отец?

Отец. Да вот тут сказано, что лекарство изобрел какой-то доктор Гален. И он, мол, не откроет своего секрета ни одному государству, пока оно не предложит другим державам заключить вечный мир!..

Мать. А что ж в этом плохого?

Отец. Послушай, как можно задавать такие глупые вопросы? На это не пойдет сейчас ни одна страна в мире. Зря, что ли, мы потратили столько миллиардов на вооружение? Вечный мир! Да это же просто преступление! Что ж, по-твоему, закрыть предприятия Крюга? Двести тысяч

человек выбросить на улицу? А ты еще спрашиваешь, что в этом плохого! В тюрьму нужно этого типа! Говорить сейчас о мире — да это подстрекательство к бунту! На каком основании этот бродяга требует, чтобы весь мир разоружался по его указке?

Мать. Но если он открыл лекарство...

Отец. Это еще вопрос. А по-моему, этот мерзавец вовсе даже не врач, а тайный агент и подстрекатель, подкупленный какой-нибудь иностранной державой. За него надо взяться как следует! Посадить безо всяких разговоров — и баста. Ну-ка, субчик, признавайся во всем! Вот как это делается!

Мать. Слушай, а если это лекарство и вправду действует? *(Берет газету.)*

Отец. Тем хуже! Тогда я зажал бы ему пальцы в тиски... Заговорил бы! Нынче, голубушка, есть средства заставить людей говорить. Скажи, пожалуйста, неужто позволить, чтобы этот мерзавец морил нас белой болезнью из-за такой дурацкой утопии, как мир? Хороша гуманность!

Мать *(глядит в газету).* Этот доктор говорит только, что хочет прекратить убийства...

Отец. Негодяй! А слава нации для него ничто? А... а... если нашему государству нужно жизненное пространство? Разве нам уступят его по доброй воле? Кто против убийств, тот против наших коренных интересов, понятно?

Мать. Нет, отец, непонятно. Я бы хотела, чтоб был мир... для всех нас.

Отец. Не стану с тобой спорить, мать, но... скажу прямо: если бы мне пришлось выбирать... между белой болезнью и вечным миром, я выбрал бы белую болезнь. Так и знай!

Мать. Тебе видней, отец!

Отец. Слушай, что с тобой сегодня? Какая-то ты... Почему у тебя шея завязана платком? Тебе холодно?

Мать. Нет.

Отец. Так сними, а то простудишься. Дай сюда! *(Срывает с нее платок.)*

Мать молча встает.

О, господи! Мать, у тебя на шее белое пятно!

Занавес

Картина вторая

Очередь больных перед приемным покоем доктора Галена. Последние в очереди — Отец и Мать.

1-й больной из первого акта. Гляди, вот тут на шее...

2-й больной из первого акта. Ну, оно у тебя совсем заживает.

1-й больной. Еще как! Доктор сам говорит, что дело идет отлично.

2-й больной. И мне он в последний раз сказал, что мое дело в шляпе, болезнь пошла на убыль.

1-й больной. Вот видишь, дурень!

2-й больной. А ведь сперва не хотел меня лечить! Вы, говорит, пекарь, стало быть, не бедняк. А я ему на это: ежели пекарь болеет проказой, так у него никто не купит ни одной булки и ему придется хуже, чем любому нищему. Тогда он меня все-таки принял...

Отец *(входит в приемную).* Вот видишь, мамочка: пекаря он принял...

Мать. Боже мой, мне так страшно...

Отец. Я стану перед ним на колени и скажу: «Господии доктор, сжальтесь, у нас дети без средств...» Разве это грех, что я честным трудом дослужился до солидного положения? Всю жизнь мы себя ограничивали! Нет, этот врач не может быть таким жестоким!

Мать. Говорят, он лечит только самых бедных.

Отец. Посмотрю я, как он посмеет не принять тебя! Я ему скажу...

Мать. Только, пожалуйста, не будь с ним резок.

Отец. Нет, я просто объясню ему, в чем его человеческий долг. Доктор, скажу я ему, вылечите мою жену, сколько бы это ни стоило.

Входит доктор Гален.

Гален. Что... что вам угодно?

Отец. Доктор... будьте так добры... вот моя жена...

Гален. Чем вы занимаетесь?

Отец. Я... я главный бухгалтер... концерна Крюга.

Гален. Концерна Крюга? Простите, я не могу вас принять. Мне очень жаль, но не могу. Я лечу только бедных.

Отец. Доктор, сжальтесь! Мы будем всю жизнь благодарить вас...

Гален. Нет... нет... простите, нет... Видите ли... Право, я могу лечить только бедных... Бедняки ничего не в силах сделать, а другие могут...

Отец. Я согласен на любые расходы... сколько бы это ни стоило...

Гален. Послушайте, богатые могут добиться, чтобы не было войны. С ними больше считаются, сударь, у них больше влияния... скажите им, чтобы они использовали это влияние...

Отец. Господин доктор, я бы сделал это охотно, но я не в силах.

Гален. Да, да, так, понимаете ли, говорит каждый... А вы посоветовали бы барону Крюгу, чтобы он перестал выпускать пушки и снаряды... Если бы вы уговорили барона Крюга...

Отец. Но это невозможно, господин доктор... Разве я осмелюсь... Об этом не может быть и речи...

Гален. Вот видите, а как же я?.. Ну, что поделаешь. Мне очень жаль, но...

Отец. Доктор, прошу вас, хоть во имя человечности...

Гален. Вот именно. Я как раз и действую во имя человечности. И это страшно трудно... Слушайте: а что, если вы откажетесь от службы у барона Крюга... если скажете ему, что не хотите работать у того, кто делает оружие...

Отец. А на что мы тогда будем жить?

Гален. Вот видите: значит — и вы кормитесь благодаря... войне.

Отец. Если бы я мог получить должность главного бухгалтера в какой-нибудь другой фирме... Я ведь только к старости добился этого места. А вы требуете, чтобы я отказался от него!

Гален. Вот видите. Ни от кого ничего нельзя потребовать. Что делать, что делать... Всего хорошего, сударь. Мне очень жаль... *(Уходит.)*

Мать. Вот видишь, вот видишь!

Отец. Уйдем отсюда. Бездушный негодяй. Хочет лишить меня такого места!

Занавес

Картина третья

Кабинет профессора Сигелиуса.

Сигелиус *(у дверей).* Прошу вас, входите, дорогой барон!

Барон Крюг *(входит).* Благодарю вас, милый Сигелиус. Я уж думал, что никогда не выберусь к вам...

Сигелиус. Охотно верю. Такое время!.. Садитесь, пожалуйста... В эти дни вы очень заняты, не так ли?

Барон Крюг. Да, вы правы, очень занят.

Сигелиус. Но это великие дни.

Барон Крюг. Что? Ах, вы с политической точки зрения? Да, великие дни. Великие и трудные.

Сигелиус. Для вас, безусловно, трудные, барон.

Барон Крюг. Почему вы так думаете?

Сигелиус. Мне кажется... Ведь идет подготовка к войне, и война, слава богу, видимо, уже неизбежна... Управлять в такие дни предприятиями Крюга — это не пустяк.

Барон Крюг. Верно... Послушайте, дорогой Сигелиус, я думаю, что мог бы пожертвовать известную сумму... на борьбу с белой болезнью.

Сигелиус. Узнаю нашего барона Крюга! В такое великое и напряженное время думать об успехах науки! Вы все также великодушны и отзывчивы! Мы с радостью примем ваш дар, барон, и по мере наших сил используем его для новых исследований...

Барон Крюг. Благодарю. *(Кладет на стол толстую пачку.)*

Сигелиус. Написать вам расписку?

Барон Крюг. Не нужно... А как идут дела, дорогой Сигелиус?

Сигелиус. С ченговой болезнью? Увы, эпидемия ширится... К счастью, народ больше думает о предстоящей войне, чем о белой болезни. Настроение самое бодрое, барон. Полнейшая уверенность!

Барон Крюг. В том, что удастся справиться с болезнью?

Сигелиус. Нет, в том, что мы выиграем войну. Вся нация верит в маршала, в вас и в нашу великолепную армию. Никогда еще не было столь благоприятного момента...

Барон Крюг. А... лекарство от белой болезни все еще не найдено?

Сигелиус. Пока нет... кроме того, которое есть у Галена. Мы усиленно продолжаем поиски...

Барон Крюг. А этот ваш бывший ассистент?.. Говорят, к нему прямо ломятся больные. Он якобы лечит белую болезнь методом клиники Лилиенталя...

Сигелиус. Обыкновеннейшее шарлатанство, барон. Я рад, что избавился от этого субъекта.

Барон Крюг. Ну, как будто все. Кстати... что делает доктор Гален?

Сигелиус. Лечит своих бедняков. Это, конечно, демагогический жест... но метод этого сумасброда дает результаты.

Барон Крюг. Надежные?

Сигелиус. К сожалению, успешные почти на сто процентов. Хорошо еще, что наша публика так благоразумна... Этот безумец Гален думал, что путем шантажа сможет навязать нам... свою бессмысленную утопию. И вот видите, у него совсем нет сторонников... в высших слоях общества. Между нами говоря, полиция незаметно наблюдает за теми, кто к нему ходит... Итак, еще раз подтвердился патриотизм нашей общественности... Она, можно сказать, бойкотирует Галена с его чудодейственным средством. Замечательно, а?

Барон Крюг. Да, поистине. И доктор Гален, разумеется, принципиально не лечит... богатых?

Сигелиус. Да. Вы подумайте, какой фанатик! Счастье еще, что есть этот молодой врач, который был у меня ассистентом. Все пациенты из высших кругов идут к нему... Прошел слух, будто, работая у нас, он выведал секрет Галена. Результатов его лечение, правда, не дает никаких, но практика у него блестящая. А о Галене почти никто не знает: он затерялся где-то среди своих бедняков и продолжает грезить о вечном мире. Как врач могу сказать, что его следовало бы поместить в психиатрическую лечебницу.

Барон Крюг. Так, значит, при нынешних обстоятельствах против белой болезни ничего нельзя предпринять?

Сигелиус. Можно, барон, слава богу, можно. Как раз в последние дни мне посчастливилось добиться просто блестящего успеха... Теперь уже можно надеяться, что

нам скоро удастся воспрепятствовать дальнейшему распространению ченговой болезни...

Барон Крюг. Рад это слышать, дорогой Сигелиус, очень рад. Скажите, каким же путем...

Сигелиус. Пока это еще строгий секрет, но, разумеется, не от вас... В ближайшее время выйдет закон о принудительной изоляции зараженных белой болезнью. Моя идея, барон. Сам маршал обещал мне помочь. Это будет величайший успех в борьбе с ченговой болезнью.

Барон Крюг. Да, действительно... замечательный успех. А как вы себе представляете эту изоляцию?

Сигелиус. В лагерях, барон. Каждый больной, каждый, у кого будет обнаружено белое пятно, подлежит отправке в охраняемый лагерь.

Барон Крюг. Ага, и там все они постепенно вымрут?

Сигелиус. Да, но под врачебным надзором. Ченгова болезнь заразительна, и каждый больной разносит инфекцию. Надо уберечь от нее остальных... всех нас, милый барон. Всякая сентиментальность в этом деле преступна. Больных, которые попытаются бежать из лагеря, будут расстреливать. Каждый гражданин старше сорока лет подлежит ежемесячному медицинскому осмотру. Распространению ченговой болезни нужно воспрепятствовать насильственными мерами, иного пути нет.

Барон Крюг. Вы правы, дорогой Сигелиус. Жаль, что вам не удалось ввести эту меру раньше.

Сигелиус. Да, жаль. Мы потеряли время из-за глупой возни с методом Галена, а болезнь пока что ширилась... Давно пора убрать этих больных за колючую проволоку... не допуская никаких исключений.

Барон Крюг *(встает)*. Да, главное, никаких исключений. Благодарю вас, господин советник.

Сигелиус *(встает)*. Что с вами, барон? Разрешите...

Барон Крюг *(резким движением распахивает сорочку на груди)*. Может быть, вы взглянете сюда, дорогой Сигелиус?

Сигелиус. Покажите, ради бога! *(Поворачивает Крюга к свету и осматривает его грудь. Прикасается к ней ланцетом.)* Ничего не чувствуете? *(После паузы.)* Можете застегнуться, барон.

Барон Крюг. Это... она?

Сигелиус. Пока трудно сказать... Всего лишь белое пятно; видимо, просто поражение кожного покрова.

Барон Крюг. Что вы мне посоветуете?

Сигелиус (*с безнадежным жестом*). Если бы удалось как-нибудь уговорить доктора Галена... освидетельствовать вас...

Барон Крюг. Благодарю вас, Сигелиус. Подавать вам руку... я не должен?

Сигелиус. Никому, барон Крюг, никому больше не подавайте руки.

Барон Крюг *(в дверях).* Так вы говорите, что закон об изоляции больных... выйдет в ближайшие дни?.. Значит, мне надо позаботиться, чтобы... мои заводы выпускали побольше колючей проволоки.

Занавес

Картина четвертая

Приемный покой доктора Галена.

Гален. Лечение идет успешно. Можете одеваться...

Больной из первого акта. Когда прийти к вам опять, доктор? *(Одевается за перегородкой.)*

Гален. Приходите через две недели; я посмотрю вас. А потом можете больше не ходить. *(Открывает дверь.)* Следующий!

Входит Барон Крюг, обросший бородой, в лохмотьях.

Что с вами, голубчик?

Барон Крюг. Доктор, у меня эта самая белая болезнь...

Гален. Разденьтесь... А вы что не уходите, больной?

Больной. Господин доктор, я хотел спросить... Сколько я должен за лечение?

Гален. Должны прийти еще раз, вот и все.

Больной. Тогда спасибо вам большое. *(Уходит.)*

Гален *(Крюгу).* Покажитесь, голубчик. *(Осматривает его.)* Знаете, это не так страшно. У вас, правда, белая болезнь, но... А чем вы занимаетесь?

Барон Крюг. Я — безработный металлист, господин доктор. Раньше работал... на заводе.

Гален. А теперь?

Барон Крюг. Теперь так; берусь за все, что подвернется под руку... Я слыхал, что вы помогаете бедным.

Гален. Курс лечения займет две недели. Через две недели вы могли бы совсем поправиться, понятно? Я сделаю вам шесть инъекций... Можете вы заплатить за шесть инъекций, приятель?

Барон Крюг. Конечно... то есть, смотря во что они обойдутся.

Гален. Они обошлись бы очень дорого... вам... очень дорого, барон Крюг!

Барон Крюг. Но, доктор... я вовсе не барон Крюг!

Гален. Слушайте, сударь, так ничего не выйдет. Тогда нам не о чем разговаривать. Зачем зря тратить время, а?

Барон Крюг. Вы правы, доктор... Время дорого. Я знаю, что вы лечите только бедняков. Но если вы возьметесь вылечить меня, то получите в ваше личное распоряжение... сколько? Ну, скажем, миллион.

Гален *(удивленно).* Миллион?

Барон Крюг. Вы правы, это мало. Пять миллионов. Это уже приличная сумма, доктор. Я, кажется, сказал: десять миллионов? На десять миллионов можно многое сделать... Например, если вы хотите развернуть какую-нибудь пропаганду...

Гален. Постойте, вы сказали, десять миллионов?

Барон Крюг. Двадцать.

Гален. На пропаганду мира?

Барон Крюг. На что хотите. Сколько газетных писак вы сможете купить на эти деньги! Моя пропаганда мне за год дешевле обходится.

Гален *(пораженный).* Слушайте, неужто в самом деле надо тратить столько денег, для того чтобы пресса выступала за мир?

Барон Крюг. Да, иногда это обходится страшно дорого — заставить их вести пропаганду за мир... или за войну.

Гален. Вот как, мне это и в голову не приходило! *(Опускает шприц в спирт и прокаливает его на спиртовке.)* Сидишь тут и ничего не знаешь... Скажите, пожалуйста, а как это делается?

Барон Крюг. Нужно иметь связи.

Гален. Господи, а я-то... Это так трудно — наладить связи, а? Нужно пропасть времени?

Барон Крюг. Да. На это уходит почти вся жизнь.

Гален. Тогда не знаю, как же мне... *(Смачивает ватку эфиром.)* Слушайте, барон Крюг, а почему бы вам самому не взяться за это дело!

Барон Крюг. Вы хотите, чтобы я... организовал пропаганду за вечный мир?

Гален. Вот именно. *(Протирает ему кожу на руке ваткой.)* У вас есть связи, а я... Я бы вас за это вылечил.

Барон Крюг. Простите, доктор, но боюсь, что я не сумел бы это сделать.

Гален. Нет? *(Бросает ватку.)* Слушайте, сударь, это странно... но вы, по-своему... очень порядочный человек.

Барон Крюг. Возможно. А вы очень наивный человек, доктор. Вы вообразили, что сможете сами, один, на собственный страх и риск навязать мир?..

Гален. Нет, сударь, не один... У меня... знаете ли, есть сильный союзник.

Барон Крюг. Да, белая болезнь. И страх. Вы правы, мне страшно. О, господи, как страшно! Но если бы страх всегда безраздельно владел людьми, никогда не было бы войн. Вы думаете, большинство людей не боится? И все-таки война будет... и всегда будут войны!

Гален *(берет шприц)*. Так что же... Чем же можно повлиять на людей?

Барон Крюг. Не знаю. Я обычно применял для этого деньги, и почти всегда успешно, доктор. Вам я могу предложить только деньги. Это то, что вы называете... своеобразной порядочностью. Двадцать... тридцать миллионов за одну жизнь!

Гален. Вы так боитесь... белой болезни? *(Набирает жидкость в шприц.)*

Барон Крюг. Да.

Гален. Мне очень жаль... *(Подходит к барону со шприцем в руке.)* Слушайте, можете вы... прекратить производство оружия и снарядов на своих предприятиях?

Барон Крюг. Нет.

Гален. Боже, как это трудно! Так что же вы вообще можете мне предложить?

Барон Крюг. Только деньги.

Гален. Но ведь вы знаете, что я все равно не сумею применить их к делу... *(Кладет шприц на стол.)* Нет, это было бы бесполезно... да, совершенно бесполезно...

Барон Крюг. Так вы не будете лечить меня?

Гален. Мне очень жаль, но... Можете одеться, барон.

Барон Крюг. Значит — конец... О, господи боже, боже милосердный!

Гален. Вы еще придете ко мне, голубчик!

Барон Крюг *(одеваясь за перегородкой).* Я должен... прийти еще раз?

Гален. Да. И ознакомьтесь там с таксой за врачебное освидетельствование.

Барон Крюг *(выходит, застегиваясь).* Слушайте, доктор... мне кажется, что вы совсем не так наивны.

Гален. Когда хорошенько поразмыслите над этим, придете! *(Распахивает дверь.)* Следующий!

Занавес

Картина пятая

Кабинет Маршала.

Адъютант *(входит).* Барон Крюг.

Маршал *(пишет, сидя за столом).* Пусть войдет.

Адъютант впускает барона Крюга — и исчезает.

Садитесь, дорогой барон. Я сейчас кончу. *(Кладет перо.)* Итак, докладывайте, мой друг. Да вы садитесь, дорогой Крюг. Я пригласил вас, чтобы вы лично доложили, как у нас дела.

Барон Крюг. Мы сделали все, что могли, ваше превосходительство. Мы подсчитали все наши возможности...

Маршал. Каков итог?

Барон Крюг. Я еще не удовлетворен им. Восемьдесят тяжелых танков в сутки...

Маршал. Вместо требуемых шестидесяти пяти?

Барон Крюг. Да. Кроме того, семьсот истребителей и сто двадцать бомбардировщиков ежедневно. Выпуск этих видов вооружения надо значительно увеличить. Ведь мы будем производить их не только для себя...

Маршал. Разумеется... Дальше.

Барон Крюг. С боеприпасами все в порядке. Мы можем давать на тридцать процентов больше, чем требует главный штаб.

Маршал. А газ «Ц»?

Барон Крюг. В любом количестве. Вчера у нас был с ним несчастный случай: в одном из цехов лопнул баллон...

Маршал. Есть жертвы?

Барон Крюг. Погибли все. Сорок работниц и четверо рабочих. Смерть... мгновенная.

Маршал. Прискорбно... но сам по себе результат замечательный. Поздравляю вас, милый Крюг.

Барон Крюг. Благодарю вас, ваше превосходительство.

Маршал. Итак, с этим все в порядке.

Барон Крюг. Да, ваше превосходительство.

Маршал. Я знал, что могу положиться на вас... Кстати, как поживает ваш племянник?

Барон Крюг. Спасибо, ваше превосходительство, он здоров.

Маршал. Я часто слышу о нем... от своей дочери. Мне кажется, мой друг, что... мы с вами вскоре породнимся.

Барон Крюг *(встает)*. Это было бы для меня великой честью, ваше превосходительство.

Маршал *(встает)*. А для меня подлинной радостью, Крюг. Уже потому, что, не будь вас, я не был бы. тем, кем стал теперь. Такие вещи не забываются, мой друг.

Барон Крюг. Я выполнял свой долг, ваше превосходительство. Я делал это для государства. И в интересах... моего промышленного концерна.

Маршал *(подходит к нему)*. Вы помните, Крюг, мы обменялись рукопожатиями, перед тем как я со своими солдатами выступил против правительства?

Барон Крюг. Такие дни не забываются, господин маршал!

Маршал. Так вот, протянем друг другу руки и сегодня... перед новым, еще более славным походом. *(Протягивает обе руки.)*

Барон Крюг *(отшатывается)*. Я... не могу подать вам руки, ваше превосходительство!

Маршал. Почему?

Барон Крюг. Ваше превосходительство... у меня... белая болезнь.

Маршал *(отшатывается)*. Боже мой! Крюг, вы были у Сигелиуса?

Барон Крюг. Был.

Маршал. Ну и?..

Барон Крюг. Оп послал меня к доктору Галену. Там я был тоже...

Маршал. Что сказал Гален?

Барон Крюг. Что может вылечить меня в две недели.

Маршал. Слава богу! Вы не представляете себе, как я рад... Итак, вы снова будете здоровы.

Барон Крюг. Если соглашусь на его условие.

Маршал. Соглашайтесь, Крюг. Приказываю вам согласиться. Вы слишком нужны нам, барон Крюг; вас надо спасти во что бы то ни стало... Что это за условие?

Барон Крюг. Всего лишь прекращение военного производства на моих заводах.

Маршал. Ах, вот как? Стало быть, этот Гален в самом деле безумец?

Барон Крюг. Может быть. С точки зрения вашего превосходительства — безусловно.

Маршал. А с вашей точки зрения, нет?

Барон Крюг. Простите, господин маршал, но я смотрю на это уже иначе...

Маршал. О том, чтобы ваши заводы прекратили выпуск военной продукции, не может быть и речи, Крюг.

Барон Крюг. Технически это вполне возможно, ваше превосходительство.

Маршал. Но политически нет. Вы должны уговорить Галена, чтобы он не настаивал на этом требовании.

Барон Крюг. Его единственное требование — это... мир.

Маршал. Ребячество! Нельзя же позволить какому-то утописту диктовать нам условия. Слушайте, Крюг... вы говорите, что он может вылечить вас за две недели? Что ж, приостановим военное производство на этот срок... Это очень нежелательно, но что поделаешь! Мы сделали бы из этого жест миролюбия... объявили бы, что делаем еще одну попытку мирного разрешения международных противоречий... Для вас я бы пошел на это, Крюг. А как только вы поправитесь...

Барон Крюг. Благодарю вас, ваше превосходительство, но это было бы нечестной игрой.

Маршал. На войне, дружище, все средства хороши.

Барон Крюг. Знаю, ваше превосходительство. Но Гален не так глуп... он затянет лечение.

Маршал. Это правда, и вы будете у него в руках... Тогда скажите, Крюг, что вы сами предлагаете?

Барон Крюг. Ваше превосходительство! Сегодня ночью... я был готов принять условие Галена.

Маршал. Крюг, это безумие!

Барон Крюг. Да, страх доводит до безумия, ваше превосходительство.

Маршал. Вы так боитесь?

Барон Крюг бессильно пожимает плечами.

(Садится за стол.) Да, тогда положение тяжелое.

Барон Крюг. Если бы вы знали, маршал, какое это отвратительное чувство, когда в тебя проникает страх... когда он охватывает тебя всего до кончиков пальцев... Фу! Мне все кажется... что я уже вою за колючей проволокой... О, господи, помогите же мне кто-нибудь! Неужели никто не сжалится надо мной!

Маршал. Я люблю вас, Крюг. Я люблю тебя, как родного брата, друг мой. Что мне с тобой делать?

Барон Крюг. Согласитесь на мир, ваше превосходительство... Согласитесь! Спасите меня, спасите пас всех! *(Становится на колени.)* Маршал, спасите меня!

Маршал *(встает).* Встаньте, барон Крюг.

Барон Крюг *(поднимается).* Слушаю, ваше превосходительство.

Маршал. Барон Крюг, предлагаю вам увеличить выпуск военной продукции. Я не удовлетворен приведенными вами цифрами. Больше, больше оружия! Понятно?

Барон Крюг. Слушаю, ваше превосходительство.

Маршал. Уверен, что вы до конца выполните свой долг.

Барон Крюг. Да, ваше превосходительство.

Маршал. В знак этого дайте мне руку. *(Подходит к Крюгу.)*

Барон Крюг. Нет, маршал, нет! У меня белая болезнь.

Маршал. Я не боюсь, Крюг. Как только я поддамся страху, я перестану быть военачальником. Вашу руку, барон Крюг!

Барон Крюг *(колеблясь, подает ему руку).* Слушаю... маршал. *(Шатаясь, выходит.)*

Маршал звонит.

Адъютант *(появляется в дверях).* Что прикажете, ваше превосходительство.

Маршал. Разыщите мне доктора Галена.

Занавес

Картина шестая

Тот же кабинет Маршала.

Адъютант *(в дверях).* Доктор Гален.

Маршал *(пишет).* Введите.

Адъютант вводит Галена. Оба останавливаются в дверях.

(Продолжает писать. После паузы.) Доктор Гален?

Доктор Гален *(робко).* Так точно, господин профессор...

Адъютант *(тихо подсказывает).* ...ваше превосходительство.

Доктор Гален. ...то есть ваше превосходительство.

Маршал. Подойдите ближе.

Доктор Гален. Пожалуйста, госпо... ваше превосходительство! *(Делает шаг к столу.)*

Маршал *(кладет перо и с минуту разглядывает Галена).* Я хотел поздравить вас, доктор Гален, с успехами в лечении белой болезни. Я получил доклады от своих учреждений... о ваших достижениях. *(Берет в руки толстую папку.)* Это все проверенные материалы, доктор. Ваша работа замечательна.

Доктор Гален *(смущен и тронут).* Покорно благодарю... ваше превосходительство!

Маршал. Я тут подготовил проект. Хочу преобразовать лечебницу Святого духа в государственный институт по борьбе с белой болезнью. Вы займете пост главного врача этого института, доктор Гален.

Доктор Гален. Но я... Это невозможно, сударь... у меня такое множество пациентов, ваше превосходительство... Право не могу.

Маршал. Считайте это моим приказом, доктор Гален.

Доктор Гален. Я бы с величайшей радостью, ваше превосходительство... Но — не умею руководить... У меня нет ни опыта, ни склонностей...

Маршал. Тогда поговорим иначе. *(Взгляд на адъютанта, тот исчезает.)* Вы отказались лечить барона Крюга, так?

Доктор Гален. Нет, простите. Я согласен... Но только на определенных условиях.

Маршал. Знаю. Так вот, вы будете лечить барона без всяких условий, доктор Гален.

Доктор Гален. Мне очень жаль, сударь... ваше превосходительство... но, право, это невозможно. Я... я вынужден настаивать на моем условии.

Маршал. Доктор, есть средства... заставить людей выполнять распоряжения.

Доктор Гален. Вы можете арестовать меня, но...

Маршал. Хорошо же. *(Протягивает руку к звонку.)*

Доктор Гален. Послушайте, сударь. Не делайте этого! У меня столько пациентов... Вы их погубите, приказав арестовать меня.

Маршал *(снимает руку со звонка).* Это были бы не первые мертвецы на моем пути... Но вы еще передумаете. *(Встает и подходит к Галену.)* Слушайте, вы — безумец или... или герой?

Доктор Гален *(отступает).* Нет, что вы... Во всяком случае, не герой. Но я был на войне... служил полковым врачом... и видел, сколько там гибнет народу... столько здоровых людей.

Маршал. Я тоже был на войне, доктор. Но я там видел, как люди сражаются за славу нации. И я привел их домой победителями.

Доктор Гален. Вот в том-то и дело. А мне больше доводилось видеть тех... кого вы уже не привели домой. Вот в чем разница... ваше превосходительство.

Маршал. Где вы служили?

Доктор Гален *(вытягивается).* Младший врач тридцать шестого пехотного полка, господин маршал.

Маршал. Бравый полк. Отличия имеете?

Доктор Гален. Золотой крест с мечами, господин маршал.

Маршал. Молодец! *(Подает руку.)*

Доктор Гален. Спасибо, господин маршал.

Маршал. Ладно. А теперь идите и явитесь к барону Крюгу.

Доктор Гален. Прошу арестовать меня за невыполнение приказа.

Маршал пожимает плечами и звонит. Адъютант появляется в дверях.

Доктор Гален. Арестовать доктора Галена.

Адъютант. Слушаюсь, ваше превосходительство. *(Подходит к Галену.)*

Доктор Гален. Ваше превосходительство, не делайте этого!

Маршал. Почему?

Доктор Гален. Я могу еще понадобиться... может быть, даже вам самому.

Маршал. Мне — нет. *(Адъютанту.)* Ничего, можете идти.

Адъютант уходит.

Сядьте, Гален. *(Садится рядом.)* Как вам растолковать это, упрямец вы этакий? Видите ли, я лично очень дорожу бароном Крюгом. Это замечательный человек и... мой единственный друг. Вы себе не представляете, как... одиноко живется диктатору. Говорю вам просто, по-человечески: доктор, спасите Крюга! Я уже давно... никого не просил.

Доктор Гален. Господи, это такое трудное дело... Я бы с удовольствием... Послушайте, у меня тоже есть к вам просьба.

Маршал. Это не ответ.

Доктор Гален. Простите, ваше превосходительство, одну минутку. Вы — государственный деятель с такой громадной властью... Я говорю это не для того, чтобы вам льстить... К сожалению, это правда. Что, если бы вы предложили человечеству вечный мир? Господи, как бы все обрадовались! Ведь весь мир боится вас... все вооружаются только из-за вас. А если вы скажете, что хотите мира, на всем земном шаре наступит спокойствие, не правда ли?

Маршал. Речь шла о бароне Крюге, доктор.

Доктор Гален. Да, вот именно. Вы можете спасти его... Его и всех, больных белой болезнью. Скажите только, что вы решили обеспечить человечеству мир... что заключите договор о вечном мире со всеми народами. И все будет спасено. Вы подумайте, ваше превосходительство, все зависит только от вас. Прошу вас, спасите, ради бога,

несчастных, страдающих белой болезнью. А что касается барона, то мне было так неприятно ему отказывать... Пожалуйста, хоть ради него...

Маршал. Барон Крюг не может принять ваши условия.

Доктор Гален. Но вы можете принять их, сударь... Вы все можете.

Маршал. Не могу. Неужели надо объяснять вам это, как малому ребенку? Вы думаете, что война или мир зависят от моего желания? Я должен делать то, что в интересах моей нации. Если моему народу суждено воевать, мой долг — подготовить его к этому.

Доктор Гален. Но все дело в том... что если бы не бы, ваш народ не пошел бы ни на какую завоевательную войну.

Маршал. Да, не пошел бы. Не мог бы. Он не был бы так хорошо подготовлен, как сейчас. Не сознавал бы своей силы... и своих шансов на успех. Сегодня он, слава богу, сознает их. И я осуществляю его чаяния...

Доктор Гален. ...которые вы сами внушили ему.

Маршал. Да, я внушил ему волю к жизни. Вы верите, что мир лучше войны. А я верю, что победоносная война лучше мира. Я не вправе лишить мой народ победы.

Доктор Гален. И множества смертей, да?

Маршал. Да, и смертей. Только кровь павших в бою делает клочок земли родиной. Только война превращает людей в нацию, а мужчин в героев.

Доктор Гален. И в мертвецов. Их мне на войне попадалось гораздо больше.

Маршал. Таково ваше ремесло, доктор. А мне, при моем ремесле, приходилось видеть больше героев.

Доктор Гален. Да, из тех, что не были на передовой, ваше превосходительство. Мы, сидевшие в окопах, не очень-то храбрились.

Маршал. За что вы получили золотой крест?

Доктор Гален. За... всего лишь за то, что перевязал несколько раненых.

Маршал. Так. И это было в бою, в окопах. Разве это не доблесть?

Доктор Гален. Извините, нет. Я просто, как врач... Надо же было кому-нибудь...

Маршал. Слушайте, ну скажите же мне, по какому праву вы добиваетесь мира? Это что, ваша миссия?

Доктор Гален. Простите, не понимаю...

Маршал *(тихо).* Ну... миссия, предначертанная вам свыше.

Доктор Гален. Нет, совсем не то. Просто я, как обыкновенный человек, чувствую, что...

Маршал. Тогда вы не должны этого делать, доктор. В таких делах нужно веление свыше... высшая воля, которая ведет нас.

Доктор Гален. Чья воля?

Маршал. Божья. Я был избран богом, а иначе не мог бы вести людей.

Доктор Гален. И поэтому вы должны воевать?

Маршал. Да. Во имя нации...

Доктор Гален. ...сыны которой падут в боях?

Маршал. И завоюют победу. Во имя нации...

Доктор Гален. ...отцы и матери которой погибнут от белой болезни.

Маршал *(встает).* Старшее поколение меня не интересует, доктор. Из него уже не выйдут солдаты... Не знаю, почему я еще не приказал арестовать вас.

Доктор Гален *(встает).* Прикажите, ваше превосходительство.

Маршал. Вы вылечите барона Крюга. Он нужен отечеству.

Доктор Гален. Пускай тогда... господин барон придет ко мне...

Маршал. И согласится на ваши немыслимые условия?

Доктор Гален. Да, ваше превосходительство: пусть согласится на мои немыслимые условия.

Маршал. Вы продолжаете настаивать? Тогда, разумеется, не остается ничего иного... *(Подходит к столу.)*

Звонит телефон. Маршал берет трубку.

Да, это я... Что? Да, слышу... И уже... Когда это произошло? Да. Спасибо. *(Вешает трубку. Хрипло.)* Можете идти. Слава богу... барон Крюг пять минут тому назад застрелился.

Занавес

Действие третье

МАРШАЛ

Картина первая

Во дворце Маршала.

Маршал. Итак, в общих чертах...

Министр пропаганды. Всюду ширится антивоенная пропаганда. Особенно в английской печати. Англичане всегда боялись болезней... Правительство Англии получило петиции с миллионами подписей...

Маршал. Отлично. Этим они сами себя внутренне ослабляют. Дальше.

Министр пропаганды. На сей раз, к сожалению, и правящие круги некоторых стран выступили за мир. Даже один монарх...

Маршал. Знаю.

Министр пропаганды. У его величества маниакальный страх перед белой болезнью. Захворала его тетя. Есть сведения, что он намерен обратиться к правительствам всех стран с предложением созвать конференцию о вечном мире.

Маршал. Это никуда не годится. Надо принять контрмеры.

Министр пропаганды. Дело зашло слишком далеко. Мировая общественность резко настроена против войны. Людей обуял страх перед белой болезнью, ваше превосходительство. Они уже не хотят политики, а только лекарства, только спасения от белой болезни. Получены сведения, что и у нас есть малодушные... прямо сказать, антивоенные настроения. Дескать, здоровье дороже победных лавров.

Маршал. Трусы! И это сейчас, когда мы так хорошо подготовлены! Столь благоприятная обстановка бывает раз в столетие! Слушайте, можете вы мне поручиться за то, что эти настроения будут у нас ликвидированы?

Министр пропаганды. На длительный срок ручаться не могу, ваше превосходительство. Молодежь полна энтузиазма и пойдет за вами в огонь и в воду. Но среди пожилых людей растут уныние и страх.

Маршал. Мне больше нужны молодые.

Министр пропаганды. Безусловно; но старшее поколение... экономически влиятельнее. Пожилые все еще занимают ведущие позиции и высшие посты. В случае войны это может вызвать известные неполадки. Крайне необходимо успокоить общественное мнение...

Маршал. Чем?

Министр пропаганды. Заставить этого доктора дать нам свое лекарство.

Маршал. Безнадежное дело, даже если вы вздернете его на дыбу. Я знаю этого человека.

Министр пропаганды. У нас есть испытанные средства воздействия, ваше превосходительство.

Маршал. Которые обычно кончаются смертью испытуемого? Нет, благодарю вас. В данном случае не подходит. Это произвело бы плохое впечатление.

Министр пропаганды. Тогда не остается ничего иного, кроме как... временно... уступить призыву к миру.

Маршал. И упустить благоприятную ситуацию? Исключено!

Министр пропаганды. Либо нанести удар прежде, чем организуется фронт мира. А это значит...

Маршал. Нанести удар сейчас. И по самому слабому месту. Что касается поводов для вооруженного выступления...

Министр пропаганды. Поводы у нас подготовлены давно: интриги против нашего государства, систематические провокации и так далее. В нужный момент произойдет покушение на одного из наших второстепенных политических деятелей. Потом будет достаточно провести широкие аресты и дать сигнал газетам. Организуем стихийные демонстрации, участники которых будут требовать войны... За патриотический подъем я ручаюсь... пока еще не поздно.

Маршал. Благодарю. Я знал, что могу положиться на вас... Наконец-то! О, боже, наконец-то я поведу свою нацию к славе!

Занавес

Картина вторая

До поднятия занавеса слышны военные марши, рожки горнистов и барабаны, потом все покрывает восторженный рев толпы. Занавес поднимается. Кабинет Маршала. Открыта дверь на балкон, с которого Маршал выступает перед толпой. В кабинете Дочь Маршала и Крюг-младший в военной форме.

Маршал *(к толпе).* В момент, когда наши сереброкрылые самолеты уже сеют смерть над городами наших заклятых врагов...

Восторженный рев толпы.

я хочу вынести на суд народа этот мой самый решительный шаг.

Крики: «Да здравствует маршал!», «Слава маршалу!».

Да, я начал войну и начал ее, не объявляя. Я поступил так для того, чтобы сохранить тысячи жизней наших сыновей, которые в эту минуту выигрывают свою первую битву, громя еще не успевшего опомниться противника. Теперь я прошу вас одобрить такую тактику.

Неистовый крик: «Да, да! Одобряем! Да здравствует маршал!»

Дальше. Я начал войну, не вступая предварительно в унизительные для нас переговоры с этим маленьким, ничтожным государством, которое воображает, что может безнаказанно провоцировать и оскорблять нашу великую нацию...

Возмущенные крики толпы.

и руками наемных бандитов подрывать наш порядок и безопасность!

Рев толпы: «Смерть им!», «Предатели!», «На виселицу!»

Тише! Криком мы не устраним зла. Был только один путь: послать карательную экспедицию и расправиться с этим обнаглевшим ничтожным государством, которое упорно угрожало нашему мирному благоденствию, стереть с лица земли этот жалкий и неполноценный народ, у которого нет никакого права на существование, истребить всех, кто бы ни встал на его защиту... Пусть теперь другие державы раскроют свои карты! Я заявляю: мы не боимся никого!

Общий крик: «Не боимся! Да здравствует маршал! Да здравствует война!»

Я знал, что вы поддержите меня. Защищать вашу честь я послал в бой мою великолепную армию. От вашего имени я заявляю всему миру: «Мы не хотим войны, но мы победим! Победим, ибо такова воля божия!.. Победим *(бьет себя в грудь),* потому что с нами справедливость!.. С нами справедливость!.. *(Слабее.)* Справедливость...

Общий крик: «С нами справедливость! Слава войне! Слава маршалу!»

(Шатаясь, входит с балкона в комнату, бьет себя в грудь.) С нами справедливость!.. С нами справедливость!.. С нами... Я...

Крюг *(подбегая).* Вам нехорошо, ваше превосходительство?

Дочь. Что с тобой?

Маршал. Оставьте меня... Уйдите. *(Бьет себя в грудь.)* С нами справедливость... Что это?! *(Расстегивает мундир, ощупывает себе грудь.)* С нами... справедливость. *(Рвет на себе рубашку.)* Взгляните... сюда!

Крюг. Покажите!

Крюг и Дочь наклоняются к груди Маршала.

Маршал. Я ничего не чувствую. Грудь как мрамор...

Дочь *(с усилием).* Нет, папа... там ничего нету. Ты не смотри.

Маршал. Пусти!.. *(Хватается за грудь.)* Ничего но чувствую, ровно ничего...

Дочь. Папочка, это пустяки... вот увидишь!

На улице нарастает рев: «Маршал! Маршал! Маршал!»

Маршал. Я знаю, что это такое... Иди, детка, иди. Оставь меня.

Снаружи крики: «Маршал!», «Хотим видеть маршала!».

Я иду! *(Выпрямившись и подняв руку для приветствия, выходит на балкон.)*

Неудержимый рев: «Да здравствует маршал! Слава маршалу! Слава войне!»
Дочь разражается рыданиями.

Крюг. Не надо, дорогая, не надо.

Дочь. Павел... ведь папа...

Крюг. Я знаю, но сейчас вы не должны плакать. *(Подходит к телефону, лихорадочно перелистывает спра-*

вочник, набирает помер.) Алло! Профессор Сигелиус?.. Говорит Крюг. Немедленно приезжайте сюда, во дворец маршала. Да, к маршалу лично... Да, белое пятно. *(Кладет трубку.)* Аннета, прошу вас, не плачьте!

Снаружи крики: «Да здравствует маршал!», «Да здравствует война!», «Да здравствует армия!», «Слава маршалу!».

Маршал *(возвращается с балкона).* Все-таки они любят меня... Это великий день. Ну, ну, не плачь, маленькая.

Крюг. Ваше превосходительство, я позволил себе вызвать профессора Сигелиуса...

Маршал. Ладно, Павел. Для того чтобы я болел по всем правилам науки, да? *(Машет рукой.)* А что, не было еще сводки о действиях нашей авиации?

С улицы доносятся песни и звуки военных оркестров.

Слышите, как они ликуют. Наконец-то я сделал из них настоящую нацию! *(Ощупывает грудь под мундиром.)* Странно... кожа холодна, как мрамор. Словно это не мое тело...

Снаружи крики: «Маршал!», «Маршал!», «Маршал!».

Иду, иду. *(Шатаясь, направляется к балкону.)*

Крюг. Разрешите, ваше превосходительство. *(Выбегает на балкон, делает толпе знак замолчать.)* Его превосходительство маршал благодарит вас. Он только что сел за работу.

Возгласы: «Да здравствует маршал!», «Да здравствует война!», «Слава маршалу!».

Маршал. Достойный молодой человек... Я так любил старого Крюга. *(Садится.)* Бедный барон Крюг... бедняга...

Крюг *(вернувшись с балкона).* Помогите мне, пожалуйста, Аннета. *(Показывает на окна. Оба спускают тяжелые шторы и зажигают настольную лампу.)*

Наступает полумрак и тишина; только с улицы глухо доносятся песни и марши.

Маршал. Так. Вот теперь, по крайней мере, все как у больного.

Дочь *(садится у его ног).* Ты не будешь болеть, папа. Придут величайшие врачи мира и вылечат тебя. А пока приляг.

Маршал. Нет, нет, я не имею права болеть. Я должен воевать, детка. Увидишь, я и думать не стану о болезни. Вот только сейчас, здесь, с вами, отдохну немножко. Это шум так подействовал на меня... Больному человеку легче, когда он забьется в угол и... держит кого-нибудь за руку. Но это пройдет, вот увидите. Я должен воевать! Скорей бы пришли первые сводки. Слышите, как поют на улице? Это звучит словно с другого берега.

Крюг. Если пение беспокоит ваше превосходительство...

Маршал. Нет, нет, не мешайте им. Теперь всюду реют флаги... Мне надо было бы проехать по городу... показаться народу... сказать всем, что... с нами справедливость... с нами... *(Бьет себя в грудь.)*

Дочь. Не надо, отец; ты не должен сейчас думать об этом.

Маршал. Да, доченька... не должен. Но погоди, я еще поеду во главе войска как победитель... Ты не видела, как я вернулся со своими солдатами с прошлой войны. Ты тогда была крошкой... Но теперь ты увидишь... Погоди, ты еще порадуешься! Павел, война — прекрасная вещь! Для нас, мужчин, это величайшее... наступление на правом фланге! Обхват! Бросить туда десять армейских корпусов!

Адъютант *(в дверях).* Надворный советник профессор Сигелиус прибыл. Провести его сюда?

Маршал. Что... что ему нужно?

Дочь. Проведите его к отцу в спальню.

Адъютант. Слушаюсь. *(Уходит.)*

Маршал. Ага, понимаю: величайшие врачи в мире... *(Встает.)* Жаль! С вами мне было легче.

Дочь *(провожая его до дверей).* Не бойся, папа.

Маршал. Маршал не боится, детка. Маршал... подчиняется велению свыше. *(Уходит.)*

Тишина, только с улицы доносятся военные марши.

Крюг. Плачь, Аннета, плачь! Теперь можно.

Дочь. Слушай, Павел... может быть, отец в самом деле... подчиняется велению свыше... Может быть, иначе нельзя?

Крюг. Какой ужас, Аннета! Болезнь зашла у него так далеко! Как мог он ничего не замечать?

Дочь. Он вообще не думал о себе... Он был так уверен... *(Плачет, опершись на камин.)*

Крюг. Аннета, сегодня вечером я уезжаю в полк.

Дочь. Но ведь ты можешь освободиться от военной службы.

Крюг. У нас в семье не принято уклоняться от долга. Такая, видишь ли, глупая традиция.

Дочь. Война не продлится долго. Отец говорил, всего несколько дней.

Крюг. Возможно. Во всяком случае, тебе придется... на некоторое время остаться одной. Будь мужественна, Аннета.

Дочь. Буду.

Адъютант *(входит).* Получены радиограммы.

Крюг. Положите их на стол маршалу.

Адъютант. Слушаюсь. *(Кладет депеши и уходит.)*

Дочь. Павел... что же делать?

Крюг. Одну минуту. *(Подходит к столу и читает радиограммы.)* Прости, мне не следовало бы этого делать, но... Невероятно! Такой маленький народ, а...

Дочь. Что?

Крюг. Они сопротивляются как бешеные. Наши добились незначительных успехов, но налет на вражескую столицу не удался. Мы потеряли восемьдесят самолетов... На границе наши танки встретили ожесточенный отпор.

Дочь. Значит, дело плохо?

Крюг. В лучшем случае — потеря темпа. А тем временем они могут получить помощь, понимаешь? Маршал, видимо, рассчитывал на молниеносный удар... Вот ультиматум от двух держав; они уже объявили у себя мобилизацию... Боже, как стремительно развиваются события! Три, четыре, пять ультиматумов сразу!

Дочь. Стало быть, плохие вести?

Крюг. Да, очень плохие, Аннета.

Дочь. Показать депеши отцу?

Крюг. Нужно показать. Не бойся, детка. Маршал силен духом. Такого человека болезнь не сломит. Увидишь, как он встанет сейчас над картой военных действий и забудет обо всем... Он солдат. Поставь его перед дулами ружей, он и глазом не моргнет.

Шатаясь, входит Маршал в расстегнутом халате.

Маршал *(всхлипывает).* О, господи боже, господи боже, боже милосердный!

Дочь. Отец!

Крюг *(бежит к нему).* Ваше превосходительство, опомнитесь! *(Ведет Маршала к дивану.)*

Маршал. Уходите! Уходите! Это сейчас... пройдет. О боже, боже милосердный, шесть недель! Всего шесть недель, сказал доктор. А потом конец... такой конец! О боже! Почему человек не понимает всего этого раньше... пока не испытает сам?.. Смилуйся надо мной, боже!

Крюг *(делает Аннете знак не вмешиваться).* Ваше превосходительство, получены вести с фронта.

Маршал. Что? Оставьте меня, сейчас я не могу... Уходите все. Разве вы не видите... разве не видите...

Крюг. Ваше превосходительство, получены дурные вести.

Маршал. Что-о? Дайте сюда. *(Берет радиограммы и молча читает.)* Это, конечно... меняет ситуацию. *(Встает.)* Вызовите ко мне... нет, никого не вызывайте. Я отдам распоряжения письменно. *(Садится к столу.)*

Крюг становится около него. Аннета неподвижна; она молится. На улице пение.

(Быстро пишет.) Мобилизовать очередные возраста.

Крюг *(берет исписанный лист).* Есть, ваше превосходительство.

Маршал *(пишет так, что ломается карандаш. Крюг подает ему другой).* Вот диспозиция для воздушных сил.

Крюг *(берет лист).* Есть, ваше превосходительство.

Маршал. А вот это... *(Нервно зачеркивает что-то.)* Нет, так не годится. *(Вырывает лист из блокнота и, смяв его, бросает в корзину.)* Это надо сделать иначе. *(Пишет и опять останавливается.)* Нет, погодите минуту... *(Кладет голову на стол.)*

Крюг беспомощно оглядывается на Аннету.

Смилуйся, о боже, смилуйся, о боже!

Крюг. Жду дальнейших распоряжений, ваше превосходительство.

Маршал *(поднимает голову).* Да, сейчас... *(Встает и, шатаясь, выходит на середину сцены.)* Итак, я приказываю... Аннета, завтра я сам приму верховное командование, сам буду руководить всеми наступательными опера-

циями... Это моя миссия, понимаешь? А когда мы победим, поеду на белом коне впереди моих войск...

С улицы доносятся военные марши.

...по развалинам вражеской столицы. Мяса на мне уже не будет, все оно отвалится... останутся одни глаза. И так я буду гарцевать во главе моих солдат... Скелет на белом коне!.. И люди будут кричать: «Да здравствует маршал! Да здравствует его превосходительство Мертвец!»

Дочь шатается и закрывает лицо руками.

Крюг. Не надо так говорить, маршал!

Маршал. Вы правы, Павел. Не бойтесь, до этого дело не дойдет. Я знаю, что делать. Завтра... завтра я стану во главе своих воинов. Не в главном штабе... нет, там генералов, наверно, испугает мой запах... Я стану во главе атакующей части... с саблей в руке... Ребята, за мной!.. И если я буду убит, Павел... то есть я должен быть убит... тогда, по крайней мере, мои солдаты отомстят за своего маршала... Они будут драться как черти. Вперед, ребята, в штыки! Ура, ребята, пусть не даром прольется наша кровь! *(Бьет себя в грудь.)* Мы победим... Мы... мы... *(Ощупывает себе грудь.)* Я... Аннета! Аннета, мне страшно!

Дочь *(подходит к нему; по-матерински).* Не надо бояться, отец. Сядь тут и ни о чем не думай, понял? *(Сажает его в кресло.)*

Маршал. Да, мне нельзя думать, потому что... иначе я вспомню... то, что видел в той клинике... Один больной хотел встать, когда я вошел, и у него отвалился вот такой кусок мяса... О господи боже, господи боже, неужели мне нет спасения?

Крюг, обменявшись взглядом с Аннетой, идет к телефону и ищет номер в книге.

Дочь *(гладит Маршала по голове).* Сейчас не думай об этом, папочка. Мы тебя не оставим. Ты поправишься, об этом мы позаботимся. Ты должен поправиться, должен, ну просто должен! Скажи, что ты хочешь этого...

Маршал. Хочу. Я должен выиграть эту войну, понимаешь? Если бы мне полгода сроку! Если б у меня был год на эту войну!

Крюг *(набирает номер).* Алло, доктор Гален? Говорит Крюг. Приходите к маршалу, доктор. Да... он очень

болен. Только вы сможете... Да, я понимаю... лишь при условии, что он заключит договор о вечном мире. Да, я ему передам. Подождите у телефона. *(Прикрывает ладонью трубку.)*

Маршал *(вскакивает).* Нет, нет! Я не хочу мира! Я должен воевать! Теперь уж нельзя идти на попятный, это был бы позор... Вы с ума сошли, Павел! Мы должны выиграть эту войну! С нами справедливость!

Крюг. Она не с нами, маршал!

Маршал. Я знаю, юноша. Но я хочу победы моей нации. Дело не во мне, дело в нации... Во имя нации... Повесьте трубку, Павел, повесьте трубку. Ради моей нации я... могу и умереть.

Крюг *(передает трубку Анкете).* Можете, но что будет потом?

Маршал. После моей смерти? Надо же считаться с тем, что я смертен.

Крюг. Вы сами не считались с этим. Никто не заменит вас во время войны. Вы сделали себя единственным главой, без вас мы будем разбиты, без вас наступит хаос. Страшно подумать, что произойдет в случае вашей смерти!

Маршал. Вы правы, Павел, мне нельзя умирать во время войны. Сначала я должен выиграть ее.

Крюг. На это не хватит... шести недель, маршал.

Маршал. Да, шести недель... Ах, зачем господь допустил это! Зачем допустил!.. Господи Иисусе, что же мне делать?

Крюг. Предотвратить катастрофу, маршал. Такова теперь ваша задача. Аннета...

Дочь *(в трубку).* Вы слушаете, доктор? Говорит дочь маршала. Вы приедете? Да, он выполнит ваше условие. Нет, он еще не сказал этого, но ему не остается ничего другого... Что? И тогда вы бы пришли? И спасли бы его? Погодите, я скажу ему. *(Закрывает трубку ладонью.)* Отец, он говорит, что хочет услышать от тебя только одно слово...

Маршал. Нет, положи трубку, Аннета. Я... не могу. Вопрос исчерпан.

Крюг *(спокойно).* Прошу прощения. Ваше превосходительство, вы обязаны сделать это.

Маршал. Что сделать? Вызвать к себе этого врача?

Крюг. Да.

Маршал. А потом униженно предложить мир? Отозвать войска? Так?

Крюг. Да.

Маршал. Извиниться... и понести наказание?

Крюг. Да.

Маршал. Так ужасно, так бессмысленно унизить свою нацию?

Крюг. Да, маршал.

Маршал. А потом все равно сойти со сцены; осрамившись, подать в отставку?

Крюг. Да, уйти в отставку, но уже в мирных условиях.

Маршал. Нет, говорю вам, нет! Пусть это сделает кто-нибудь другой. Тех, кто был против меня, более чем достаточно: пускай теперь проявят себя. А я... Я уйду в отставку сейчас же. Пусть другой предлагает унизительный мир!

Крюг. Никто другой не сможет этого сделать, ваше превосходительство.

Маршал. Почему?

Крюг. Это вызвало бы гражданскую войну. Только вы можете дать армии приказ об отступлении.

Маршал. Так пусть же сойдет с исторической сцены нация, которая не умеет управлять собой! Пусть дадут мне уйти... и обходятся без меня.

Крюг. Этому вы их не научили, ваше превосходительство.

Маршал. Тогда у офицера остается еще одна возможность. *(Направляется к двери.)*

Крюг *(преграждает ему путь).* Этого вы не сделаете, маршал.

Маршал. Как? У меня нет права на собственную жизнь?

Крюг. Нет, ваше превосходительство. Прежде надо кончить войну.

Маршал. Может быть, вы и правы, молодой человек. Аннета, он достойный юноша, но слишком рассудителен и никогда не совершит ничего великого...

Дочь. Итак, отец... *(Подает ему телефонную трубку.)*

Маршал *(отталкивая трубку).* Нет, детка. Не хочу и не могу. Мне больше незачем жить...

Дочь. Прошу тебя, отец! Прошу ради всех больных этой болезнью.

Маршал. Ради всех больных!.. Ты права, Аннета, ведь есть еще другие. Нас, больных белой болезнью — миллионы! Да, я должен быть с ними. Гляди, весь мир, гляди, вот стоит... Маршал прокаженных! Он уже не во главе войск: он во главе смердящей, больной толпы. С дороги, с дороги! Шагаем мы, прокаженные! С нами справедливость, ибо мы больны и хотим только милосердия... Дай сюда, Аннета. *(Берет трубку.)* Алло, доктор... Да, это я. Да, да, я же сказал, *да.* Хорошо, спасибо. *(Вешает трубку.)* Ну вот и решено. Через несколько минут он будет здесь.

Дочь. Слава богу! *(Плачет от радости.)* Я так рада, отец... Так рада, Павел!..

Маршал *(гладит ее по голове).* Ну, ну, поди ко мне... Еще не сторонишься меня? Мы уедем с тобой отсюда... потом, когда будет мир.

Дочь. Когда ты поправишься.

Маршал. Да, когда мы все поправимся. И когда я все приведу в порядок. Это будет нелегко, Павел... Скорей бы пришел этот доктор... Надо прекратить наступление на фронте и уведомить все правительства... *(Берет с письменного стола свои приказы и рвет их в клочки.)* А жаль... Это была бы величайшая из войн!

Дочь. Войны больше не будет, отец. После того как ты распустишь свою величайшую в мире армию...

Маршал. А это была отличная армия, детка. Ты даже не представляешь себе, какая это была великолепная армия! Я посвятил ей двадцать лет...

Крюг. А теперь вы посвятите себя делу мира. Скажете людям, что всевышний внушил вам это...

Маршал. Бог... Если бы я знал, что такова действительно воля бога... Ведь это тоже было бы повеление свыше, Павел?

Крюг. Да, и великое.

Маршал. И не из легких, я знаю. Мне знаком дипломатический мир. Но если я проживу еще несколько лет... Человек на многое способен, когда уверен, что получил повеление от бога. Мир... Всевышний хочет, чтобы я стал миротворцем... Аннета, произнеси эту фразу вслух, чтобы я слышал, как звучит...

Дочь. Всевышний хочет, чтобы ты был миротворцем, отец.

Маршал. Право, звучит неплохо. Это была бы великая миссия, а, Аннета? Победить белую болезнь на земле — уже само по себе... грандиозная победа, а? Быть миротворцем... И наш народ стал бы первым среди всех остальных!.. Правда, это будет не легко, но если я останусь жив... Если такова воля божья... Так где же этот доктор, Аннета? Где доктор?

Занавес

Картина третья

Улица. Толпа с флагами. Песни и возгласы: «Да здравствует маршал!», «Да здравствует война!», «Слава маршалу!».

Сын из первого акта. Ну-ка, все разом: «Да здрав-ству-ет вой-на!»

Толпа. Да здравствует война!

Сын. Нас ведет маршал!

Толпа. Нас ведет маршал!

Сын. Да здравствует маршал!

Толпа. Маршал! Маршал!

За сценой гудки автомобиля, который не может пробиться сквозь толпу.

Гален *(выбегает с чемоданчиком в руке).* Доберусь пешком... Разрешите пройти. Разрешите, прошу вас. Я спешу... меня ждут...

Сын. Гражданин, кричите с нами: «Да здравствует маршал! Да здравствует война!»

Гален. Нет, только не война! Войны не надо! Войны не должно быть!

Возгласы: «Что он сказал?..», «Изменник! Трус.!.», «Бей его!».

Должен быть мир! Пустите меня... Я иду к маршалу.

Возгласы: «Он оскорбляет маршала!», «На фонарь его!..», «Смерть ему!». Возбужденная толпа смыкается вокруг Галена. Свалка. Толпа расступается. На земле Гален и его чемоданчик.

Сын *(пинает Галена ногой).* Вставай, сволочь! Проваливай, а то...

Один из толпы *(наклоняясь к неподвижному Галену)*. Стойте, граждане! Он уже мертвый.

Сын. Одним изменником меньше. Слава маршалу!

Толпа. Да здравствует маршал! Да здравствует маршал! Марша-ал! Марша-ал!

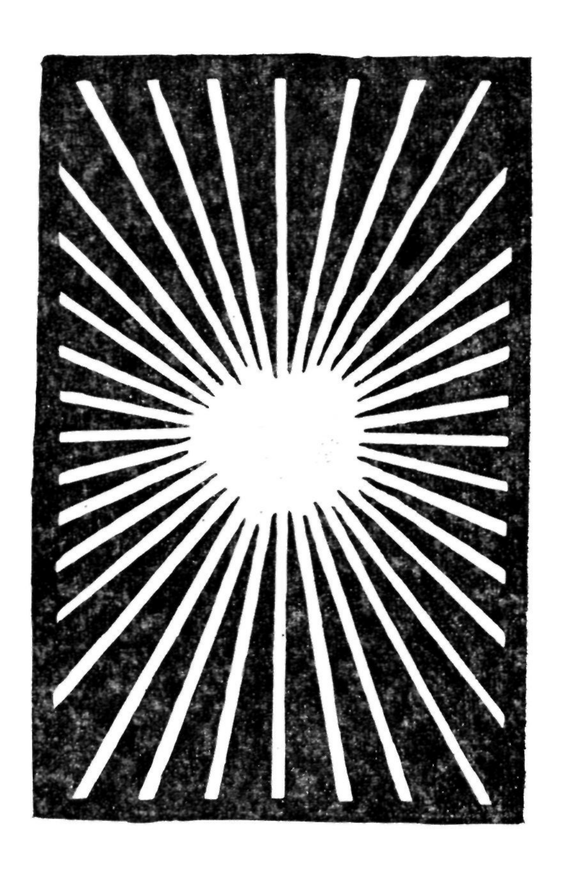
Сын *(открывает чемоданчик)*. Гляньте-ка, это был какой-то лекарь! *(Бросает склянки с медикаментами на землю и топчет их ногами.)* Та-ак! Да здравствует война! Да здравствует маршал!

Толпа с криками: «Маршал!», «Маршал!», «Да здравствует маршал!» — устремляется дальше.

Занавес

Мать

Перевод
А. ГУРОВИЧА



Идею этой пьесы подсказала автору его жена, материал для нее дало переживаемое нами время, а непосредственным толчком к написанию послужила иллюстрация, изображающая вдову, которая стоит на коленях среди поля сражения на одном из теперешних театров войны. Пьеса как будто не нуждается в каких-либо предварительных пояснениях. Автор просит только, чтобы мертвых, собирающихся вокруг матери, изображали на сцене не в виде страшных привидений, а как простых и добрых живых людей: в привычной домашней обстановке, при свете уютной лампы они ведут себя самым обыкновенным образом. Они точь-в-точь такие же, какими были при жизни, потому что такими навсегда остались для матери; разница лишь в том, что она не может больше дотронуться до них рукою, да еще, пожалуй, в том, что они производят немного меньше шума, чем мы, живые.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мать.
Отец.
Ондржей.
Иржи.
Корнель.
Петр.
Тони.
Дед.
Мужской голос по радио.
Женский голос по радио.

Действие первое

Кабинет Отца. Окна открыты настежь. На средней стене большой портрет Отца в офицерской форме, справа и слева от него — шашки, рапиры, револьверы, ружья, трубки с длинными чубуками, всякие достопримечательности из колониальных стран — копья, щиты, луки и стрелы, кривые кинжалы, а также оленьи рога, черепа антилоп и другие охотничьи трофеи. Боковые стены заняты книжными полками, резными шкафами и стойкой с начищенными до блеска ружьями; тут же висят восточные материи, звериные шкуры и географические карты. Вообще комната обставлена на мужской лад: тяжелый письменный стол, на столе — словари, глобус, коробки с табаком, трубки, шрапнельные стаканы, заменяющие пресс-папье, и т. д.; турецкий диван, потертые кресла и стулья, мавританский столик с шахматной доской и столик с граммофоном. На шкафах — офицерские фуражки и каски. Кроме того, всюду разная экзотика — негритянские маски и другие мелочи, какие лет тридцать тому назад обычно привозили домой из колоний и других отдаленных стран. Все это имеет довольно старомодный вид и порядком обветшало; кабинет похож скорее на семейный музей, чем на жилую комнату. На диване, забравшись туда с ногами и высоко подняв колени, сидит Тони; на коленях у него толстая книга; на книгу он положил лист бумаги и что-то пишет. Время от времени шепотом читает написанное, отбивая такт рукой; иногда недовольно качает головой, что-то вычеркивает, исправляет и снова принимается тихо скандировать.

Входит Петр, насвистывая песенку.

Петр. А, Тони! Ну, как дела? *(Подходит к письменному столу и, продолжая насвистывать, рассеянно вертит глобус.)*

Тони. Что?

Петр. Стихи сочиняешь?

Тони. И не думаю! *(Поспешно прячет в книгу исписанный листок бумаги.)* А тебе, собственно, какое дело?

Петр. Никакого. *(Засунув руки в карманы, подходит к Тони и, посвистывая, смотрит на него.)* Ну-ка, покажи!

Тони *(делая вид, будто читал книгу)*. Что ты, что ты! Такой вздор...

Петр. Гм!.. *(Шутливо дергает Тони за волосы.)* Ну, ну, ладно. Эх, ты... *(Медленно возвращается к письменному столу, открывает одну из коробок с табаком и*

набивает себе трубку.) Лучшего занятия, видно, не нашел? *(Выдвигает средний ящик стола.)*

Тони. Ну, а ты чем так занят?

Петр. Я? Ничем. *(Вынимает из ящика растрепанную книжку и перелистывает ее.)* Если можно так выразиться, лихорадочным ничегонеделанием. Мой час еще не пробил, Тони! *(Подходит к шахматному столику и садится за него.)* Посмотрим теперь эту задачку; отец начал было решать, да так и не успел. Попробуем мы... *(Расставляет несколько белых и черных фигур и проверяет их расположение по книжке.)*

Тони *(нерешительно).* Петр, ты ничего не знаешь?..

Петр *(рассеянно). Да?*

Тони. Насчет Иржи.

Петр. А что?

Тони. Он не собирается... поставить сегодня какой-то рекорд?

Петр. Почему ты думаешь?

Тони. Понимаешь, вчера вечером он вдруг сказал: «Тони, помахай мне завтра рукой на счастье. Я собираюсь сделать одну вещь». Он говорил — часа в три...

Петр. Часа в три? *(Смотрит на часы.)* Тогда, значит, совсем скоро! Нам оп не сказал ни слова... *(Продолжает, посвистывая, расставлять фигуры на доске.)* Должно быть, не хотел, чтобы мама знала. Она всегда так волнуется, когда Иржи летает... Ты при ней не говори, слышишь? *(Заглядывает в книжку, потом задумывается над шахматной доской.)* Гм, дэ пять... дэ пять... Папа здесь отметил, что первый ход должен быть па дэ пять, но, помоему, тут что-то не так... Знаешь, Тони, я иногда думаю: как, должно быть, томился отец в колониях; поэтому он и занимался там шахматными задачами.

Тони. А ты что? Тоже томишься?

Петр. Невероятно. Такой бестолковщины, как сейчас, не знало еще ни одно столетие. *(Оборачивается к Тони.)* Ну-ка, Тони, довольно фокусов, показывай свои стихи!

Тони. Что ты! Какие там стихи!.. Они еще не готовы!

Петр *(подходит к нему).* Ладно, ладно!

Тони *(отдает ему исписанный листок бумаги).* Да у меня ничего не получилось! Ты будешь смеяться!

Петр. Я только посмотрю, нет ли там орфографических ошибок. *(Медленно, внимательно читает стихи.)*

Входит Корнель с винтовкой в руке.

Корнель. А, вы, оказывается, здесь? *(Щелкает затвором.)* Пришлось, понимаете, эту подлую штуку разобрать на части, но зато теперь она как игрушечка — одно удовольствие! *(Ставит винтовку на стойку.)* Надо бы испробовать ее, Петр... Так чем вы здесь занимаетесь, ребятки? *(Берет со стойки другую винтовку и проверяет затвор.)*

Тони *(не отрывая глаз от Петра).* Да ничем...

Петр. Тут у тебя, Тони, в одном стихе два лишних слога.

Тони. В каком? Покажи!

Петр. В том, которое начинается словами: «Но вот прекрасная приходит незнакомка...»

Корнель *(старательно дует на затвор).* А, муки творчества! Наш Тони снова во власти рифм? *(Кладет ружье на стол, вынимает из ящика ружейное масло и паклю.)*

Петр. Скажи, пожалуйста, кто же эта «прекрасная незнакомка»?

Тони *(вскакивает и старается вырвать у него листок).* Дай сюда! Я знаю, что у меня ничего не вышло! Пусти, я сожгу!

Петр. Да подожди! Я спрашиваю совершенно серьезно. Не валяй дурака, Тони! Кстати, стихи далеко не так плохи.

Тони. Нет, в самом деле?

Петр *(читает про себя).* Кроме шуток. Звучит, право, недурно, юный Арион!

Тони. Тогда ты должен сам догадаться, кто эта незнакомка.

Петр. Ты воспеваешь... смерть? *(Возвращает ему стихи.)*

Тони. Зачем же ты спрашиваешь, если понял сам?

Петр. Я просто удивляюсь, что ты так страстно призываешь смерть. Ведь ты еще совсем мальчишка!

Корнель *(чистит винтовку на письменном столе).* Именно потому, что мальчишка. У Тони — мировая скорбь. «О прекрасная незнакомка, утоли мою печаль!» А я решительно не понимаю, что может быть прекрасного в смерти? Разве только...

Петр. Разве только — когда есть за что умереть! Так ведь?

Корнель. Правильно! Золотые слова, Петршичек! Например, за вашу черную тряпку на шесте! Смерть на баррикадах — не иначе! Дешевле наш Петр не уступит. Трах-тара-рах!

Тони *(чуть не плача).* Перестаньте! Опять вы поссоритесь!

Петр *(усаживается за шахматную доску).* Не будем, не будем, малыш. По крайней мере, я не собираюсь. Стану я обращать внимание на то, что говорит это дряхлое, озлобленное, ретроградное ископаемое! Ничего не поделаешь, он родился на полчаса раньше меня. И как раз тут прошла граница между поколениями, понимаешь? Но колесо истории остановить нельзя! Уже слышны шаги нового поколения, родившегося на полчаса позже... *(Делает ход на шахматной доске.)* Н-да, дэ пять... дэ пять. Нет, пожалуй, если ходить, как думал папа, ничего не выйдет. *(Ставит фигуру обратно.)*

Корнель. А мне ты свои стихи не покажешь, Тони?

Тони. Сначала мне надо отшлифовать их как следует.

Корнель *(вытирает пальцы паклей).* Оставь, как есть. Чем больше что-нибудь переделываешь, тем хуже получается.

Тони *(протягивает ему листок бумаги).* Но ты не станешь меня вышучивать, Корнель?

Петр *(склонившись над шахматной доской).* Будь спокоен, Корнель шутить не любит. Он только проверит, нет ли там у тебя каких-нибудь разрушительных тенденций, например — свободного стиха...

Тони. Да нет же, это написано обыкновенным стихом!

Петр. Твое счастье, Тони. Иначе Корнель объявил бы тебя государственным изменником и большевиком. Ты не должен заниматься ниспровержением основ. Предоставь это мне. В нашей семье обязанности пугала исполняю я... А что, если пойти этим слоном? *(Отрицательно качает головой.)* Нет, тогда я обнажил бы свою грудь, и белые нанесли бы мне удар прямо в сердце. Стоп!.. «Но вот прекрасная приходит незнакомка...»

Тони. Не мешай Корнелю читать!

Петр. Прости, я не заметил, что рассуждаю вслух. До чего доводит человека ораторский талант!

Корнель *(возвращает стихи).* Ужасно!

Тони. Так плохо?

Корнель. Просто возмутительно! Петр, из этого мальчишки выйдет поэт!.. В таком почтенном офицерском семействе... Как ты думаешь, не всыпать ли ему как следует?

Тони *(ликуя).* Нет, скажи, они в самом деле тебе нравятся?

Корнель *(треплет ему волосы).* Тебе придется еще поучиться. Но смерть оставь в покое! Это не по твоей части — не для маменькина сынка. Можно прекрасно сочинять стихи и о жизни...

Тони. Так, по-твоему, мне стоит продолжать?..

Корнель *(снова берется за винтовку).* Да... как тебе сказать... В нашей семье ведь каждый на свой образец. Такая уж злосчастная семейка!

Петр. Ты знаешь, что наш Иржи намерен поставить сегодня рекорд?

Корнель *(отрывается от винтовки).* Кто тебе сказал?

Петр. Тони. Иржи просил его помахать ему рукой на счастье.

Тони. Ай-ай-ай, я совсем забыл! *(Поспешно машет рукой.)*

Корнель *(высовывается в окно).* Погода прекрасная. А если к этому немного удачи...

Тони. Какой это рекорд?

Петр. Высотный.

Корнель. И притом с грузом... *(Снова склоняется над винтовкой.)*

Тони. Изумительное, должно быть, чувство... Летать так высоко. Кружить в поднебесье, где нет ничего, кроме лазури, и при этом петь: «Все выше и выше!»

Петр. Прежде всего, братец, там невероятно мерзнут руки.

Корнель. Держу пари, что рано или поздно Иржи поставит этот рекорд. Наш Иржи пошел в отца.

Тони. Чем?

Петр *(не отрываясь от шахмат).* Отвагой.

Корнель *(продолжая возиться с винтовкой).* Дисциплинированностью, Петр.

Тони. Вы, по крайней мере, хоть знали отца, а я... Скажите мне, наш Ондра тоже был такой, как отец?

Корнель. Тоже. Поэтому он и погиб.

Тони. А ты?

Корнель. Я стараюсь, Тони. Делаю, что могу.

Тони. А Петр?

Корнель. Ну, этот прилагает все усилия к тому, чтобы как можно меньше походить на него.

Петр. Я? Друг мой, я прилагаю все усилия к тому, чтобы решить до конца его шахматную задачу.

Корнель. Да, разве вот только это. А в остальном... Бедный папа, наверно, только руками бы развел. Кавалерийский офицер, майор, а сын, изволите видеть, хочет весь мир перевернуть. Форменная семейная драма... Отчего это папины винтовки так ржавеют?

Петр. Не верь ему, братец. Отец всегда был с теми, кто шел вперед. И в этом отношении я весь в него. *(Делает ход на шахматной доске.)* Итак, черная пешка ходит па эф четыре. Белые вынуждены защищаться.

Корнель. Белые вынуждены защищаться? Покажи-ка! *(Подходит к столику.)*

Петр. Черные идут в атаку. Белые отступают.

Корнель *(нагнувшись над доской).* Нет, постой, это не годится. Отец хотел пойти тем конем на дэ пять.

Петр. Может быть. Но сейчас другое время. Отец был кавалерист, а мое сердце — на стороне пехотинцев. Пешки всегда идут вперед. Пешка может пасть, по она не может двигаться назад. Пешки всего мира, объединяйтесь!

Корнель. Но если пойти конем на дэ пять...

Петр. Не путай мою задачу!

Корнель. Это папина задача. И вот смотри: если конь стоит на дэ пять, то белые в три хода дают мат.

Петр. Но этого-то я как раз и не хочу, дружочек. Я хочу разгромить белых. Черная пешка поднимается на баррикаду и прогоняет белого коня.

Корнель. Ах, черт, в самом деле! Очевидно, в задаче какая-то ошибка. Эта возможность там не учтена.

Петр. Вот видишь! Да, ваше превосходительство, задача допускает два решения.

Корнель. Первое решение — это папино.

Петр. А второе — революционное. Вперед, угнетенные пешки! Твердыня неприятеля — белая ладья — под угрозой. Готовьтесь к бою!

Корнель. Послушай, Петр, отставь эту пешку назад. Ты испортишь всю игру.

Петр. Какую игру?

Корнель. Папину. Папа пошел бы на дэ пять.

Петр. Папа был солдат, мой милый. Он сказал бы: «Молодцы черные, не сдаются». И ринулся бы в бой на белых...

Корнель. Да отставь ты эту пешку назад!

Петр. С какой стати?

Корнель. Я хочу посмотреть, как сыграл бы здесь отец.

Петр. Нет, брат, здесь идет другая игра. Теперь играет уже не отец. Теперь играем мы. Напрасно пробуешь брыкаться, белый конь! Ничто не остановит черного бойца на его пути! Через четыре хода он превратится во всемогущего ферзя. Мы, впрочем, называем это иначе...

Корнель. Как?

Петр *(сразу делается серьезным).* Новой властью, мой милый. Властью черных. И она придет!

Корнель. Этого не будет, Петр. У нас остается еще один ход.

Петр. Какой?

Корнель. Вот этот! *(Сбрасывает рукой фигуры с доски.)*

Петр. Ага! Это называется путь насилия. *(Встает.)* Ну, что ж, ладно! Тогда будем действовать иначе!

Тони *(который до сих пор читал, примостившись на диване, поднимает голову и полуистерически кричит).* Да бросьте вы свою политику! Это просто невыносимо!

Корнель. Ведь это же игра, успокойся, ты, недотрога! Мы просто хотим немного пофехтовать — правда, Петр?

Тони. Нет, это вовсе не игра! Я знаю, о чем идет речь!

Петр. Правильно, Тони. Это очень серьезное дело. Бой между старым и новым миром. Но не бойся, я насажу Корнеля на шпагу, как жука на булавку. Долой тиранов! *(Нахлобучивает один из шлемов.)* Да сгинет проклятый старый мир! У-у-у, Корнель!

Корнель *(надевает кавалерийскую каску).* Я готов! *(Снимает со стены две рапиры.)* Благоволите выбрать, уважаемый противник.

Петр *(сгибает одну из рапир).* Годится. Но борьбы равным оружием теперь не бывает. Это страшно старомодно. *(Оба становятся в позицию.)* Ну, Тони, командуй!

Тони *(зарывшись в книгу и заткнув уши пальцами).* Не хочу!

Корнель. Внимание. Раз, два... три!

Петр и Корнель фехтуют, посмеиваясь.

Петр. Ла-ла!

Корнель. Ала!

Петр. Долой тиранов! Долой предателей! Ла-ла!

Корнель. Ла-ла!

Петр. Есть! Первый удар!

Корнель. В плечо. Легкая рана. Вой продолжается с переменным успехом.

Петр. «Добьемся мы освобожденья!..»

Корнель. Подождешь!.. Есть! Тронул!

Петр. Просто царапина. Ла-ла! Вперед, черная пешка!

Корнель. Хо-хо, мы стоим, как скала, сударь! Ла-ла!

Петр. «Это будет последний и решительный бой...» Тронул!

Корнель. И не думал даже! На, получай!.. *(Приостанавливается.)* Постой. Тебе не больно, Петр?

Петр. Ерунда! En garde! [1]

Фехтуя, они опрокидывают столик и стулья.

Ла!

Корнель. Ала!

Петр. Стоп! Это была бы сонная артерия, Корнель! Ты убит.

Корнель. Ранен, но продолжаю бой. До последнего издыхания. Ала!

Тони *(кричит).* Перестаньте!

Петр. Сейчас, Тони, сейчас. Пешка идет в атаку! А! А! Старый мир рушится!

Корнель. Finito! [2] Это удар прямо тебе в сердце, Петр. *(Опускает рапиру.)*

Петр *(салютует рапирой).* Благодарю вас, я убит.

Корнель *(салютуя в ответ).* Мне очень жаль...

Петр. Да, я убит, но тысячи черных пешек станут па мое место. Ура, товарищи!..

Входит Мать и останавливается на пороге.

Мать. Дети, дети, что вы тут опять затеяли?

---

[1] Защищайся (*франц.*).

[2] Конечно (*итал.*).

Петр. Ничего, мамочка. *(Поспешно вешает рапиру на стену.)* Просто Корнель меня только что убил. Попал прямо в сердце. *(Кладет шлем на место.)*

Корнель *(вешает рапиру).* А Петр зато проткнул мне глотку, мамочка. Тоже серьезная рана. *(Кладет каску на место.)*

Мать. Вечно эта двойня затевает драку. Посмотрите, шалопаи, что вы тут опять натворили! И непременно в отцовском кабинете...

Петр. Мы сейчас приведем все в порядок, мама. Ты не беспокойся. Ну-ка, Корнель!

Оба наспех наводят порядок, поднимают упавшие столик, стулья и т. п.

Мать. Бросьте вы! Знаю я ваш порядок! Одно горе!

Корнель *(стоя на четвереньках, разглаживает ковер).* Сейчас все будет в самом лучшем виде, мама! Пусти, Петр!

Петр *(тоже на четвереньках, отталкивает его).* Нет, ты пусти!

Вдруг Петр и Корнель обхватывают друг друга руками и начинают кататься по полу.

Я положу тебя на обе лопатки!

Корнель *(тяжело дыша).* Попробуй!

Петр. Сейчас увидишь! *(Катаются по всей комнате.)*

Мать. Да будет вам! Вы тут когда-нибудь на самом деле все переколотите! Постыдились бы, такие взрослые!.. Что о вас подумает Тони?

Петр *(отпускает Корнеля).* Пойди сюда, Тони, я тебя тоже научу.

Тони. Не пойду!

Мать. Оставьте Тони в покое. И чтоб духу вашего здесь больше не было! Тони, из-за чего это они?

Тони. Петр не хотел пойти на дэ пять.

Корнель *(подбирает с пола шахматные фигуры).* Понимаешь, мама, это — папин ход. Я только вступился за семейную традицию.

Петр. Это неправда, мама. Задача допускала два решения.

Корнель *(расставляет фигуры на шахматной доске).* Так почему же не разыграть ее, как папа?

Петр. А почему не иначе? В наши дни папа, может быть, тоже разыграл бы ее, как я.

Мать. Тихо! Довольно спорить, и марш отсюда! Тут после вас нужна основательная уборка. Уж эти мне мужчины!

Корнель. Мы тебе поможем, мама!

Мать. О да, конечно! Хороши помощники! Да вы представления не имеете, что такое порядок!

Корнель. Поставить вещи так, как они стояли.

Петр. Поставить вещи так, как они должны стоять.

Мать. Да нет же!.. Поставить вещи так, чтобы им было хорошо. Но только вы, мужчины, ничего в этом не понимаете. Ну-ка, оба, живо: марш отсюда!

Корнель. Пойдем в сад, постреляем из той винтовки.

Петр. Ладно. На сто шагов — в бутылку.

Мать. Им лишь бы что-нибудь расколотить!

Корнель. Тони, ты не пойдешь? *(Берет со стойки винтовку, которую принес в начале действия.)*

Мать. Нет уж, Тони не любит вашей стрельбы. Правда, Тони?

Петр. Я знаю, Тони боится.

Мать. Вовсе не боится. Вы его не понимаете. Он просто не такой, как вы, вот и все.

Корнель. Каждый из нас, мама, не такой, как другие.

Мать. Меньше, чем вы думаете. Ну, пошли, пошли, сорванцы!

Корнель *(целует ее в лоб).* Ты больше не сердишься?

Петр *(целует ее в щеку).* Где уж мамочке сердиться! Она, бедная, привыкла...

Мать. Вы не знаете, где Иржи?

Корнель. Иржи? Да, в самом деле, куда он девался? Ты не знаешь, Тони?

Тони. Кажется... кажется, у него какое-то свидание.

Мать. С кем?

Петр. Разве он скажет?.. Может быть, с какой-нибудь прекрасной незнакомкой.

Оба старших брата, толкая друг друга, стараются поскорее протиснуться в дверь.

Мать. А тебе что нужно было здесь, Тони?,

Тони. Ничего. Я просто так... Читал...

Мать. Что-нибудь из папиных книг?

Тони. Да, записки одного путешественника.

Мать. Опять эти далекие страны... Ни к чему тебе это, Тони! Ты ведь никогда не будешь путешественником, правда? *(Ходит по комнате и не спеша приводит все в порядок.)*

Тони. Наверно, не буду. Но, знаешь, я так живо представляю себе...

Мать. Что, например?

Тони. Разное... Степь, высокие травы, и вдруг промчится стадо антилоп... Знаешь, мама, я просто не понимаю, как можно стрелять в животных...

Мать. Папа стрелял... Но ты, наверно, будешь другим. *(Обнимает его за шею.)* Я бы хотела только одного: чтобы ты всегда был такой, как сейчас. Кто-нибудь должен же оставаться дома, Тони! А то ведь ни у кого на свете не было бы своего дома... *(Целует его.)* Ну, иди пока, мне надо еще кое-что сделать...

Тони уходит.

(Продолжает бесшумно прибирать в комнате.) Тони будет другим. Тони должен быть другим. *(Останавливается перед портретом Отца и смотрит на него. Потом, пожимает плечами, подходит к окнам и задергивает тяжелые занавеси.)*

В комнате становится полутемно.

(Возвращается к портрету Отца и зажигает стоячую лампу на столике перед ним.) Ну, зачем ты их все время тянешь сюда? Ты же знаешь, Рихард, что я этого не люблю. Даже Тони — родился после твоей смерти, никогда тебя не видел, а только улучит минутку, сейчас же сюда забирается. Ну, зачем ты это делаешь? Я тоже хочу, чтобы мои дети принадлежали мне! Не хочу, чтобы они все время тянулись за тобою!

Отец *(медленно выходит из темного угла; он одет в ту оке форму, что и на портрете).* Я вовсе не тяну их сюда, дорогая. Это они сами. Понимаешь, они с детства не знали лучших игрушек, чем весь этот хлам... Так что это понятно.

Мать *(нисколько не удивленная появлением Отца, спокойно оборачивается к нему).* Ну да, ты всегда так говоришь, мой милый. Но теперь они как будто уже

слишком взрослые для твоих игрушек, а все-таки вечно торчат здесь!

Отец. Что ж! Воспоминания детства. Да ты могла бы давным-давно выбросить все это барахло. Кому оно нужно?

Мать. Что ты! Выбросить! Ведь это память о тебе! Нет, нет, Рихард, я имею право на эти вещи и держу их здесь для самой себя. Они — это ты. *(Садится в кресло.)* Но, знаешь, всякий раз, как здесь побывают мальчики, после них в воздухе что-то остается... что-то такое, как будто ты сам был здесь. Ты сам.

Отец *(садится верхом на стул).* Это просто запах табака, душенька.

Мать. Табака и жизни. Ты не можешь себе представить, что со мной делается в такие минуты. Стоит мне только закрыть глаза, и я страшно остро ощущаю: здесь был Рихард... Рихард... Рихард... Ты наполняешь здесь все, здесь можно дышать тобою. Нет, не говори: этот хлам здесь ни при чем. Это ты, ты... А мальчиков ты все-таки портишь, Рихард.

Отец. Да что ты, милая, выбрось это из головы! Ну, скажи, пожалуйста, как я могу их портить? Если человек в один прекрасный день... Кстати, сколько прошло уже лет?

Мать. Ты должен сам знать. Семнадцать.

Отец. Уже? Так вот, видишь ли, если человек в один прекрасный день распрощался с жизнью и с тех пор прошло семнадцать лет, то от него остается очень, очень мало. И с каждым днем все меньше и меньше. Я уже ни на что не годен, мой друг. Разве на то лишь, чтобы в память обо мне всю эту ветошь обтирали пыльной тряпкой.

Мать. Все равно, ты их притягиваешь. Оттого они сюда и лезут. Ведь это так много для мальчишек: отец — воин, отец — герой. Я вижу, как это их чарует. И всегда чаровало.

Отец. Не надо было, деточка, рассказывать им обо мне. Это твоя ошибка.

Мать. Не надо было рассказывать! Как ты можешь так говорить? Кто же должен хранить память о тебе, если не я? После твоей смерти, Рихард, у меня не было других радостей, кроме наших детей и воспоминаний о тебе. Я знаю свой долг перед тобой, дорогой мой. Немного найдется детей на свете, которые могли бы с таким

же правом гордиться своим отцом... Ты не можешь себе представить, как много это значило для наших мальчиков. Что же, по-твоему, я должна была лишить их этого?

Отец. Ты преувеличиваешь, мой дружок. Не сердись, по тут ты всегда преувеличивала. Какое там геройство! Ничего особенного не было. Самая пустяковая стычка с туземцами, к тому же еще и... неудачная.

Мать. Да-да, знаю, ты всегда так говоришь. Но твой генерал тогда написал мне: «Сударыня! Вы оплакиваете героя. Ваш супруг добровольно вызвался участвовать в самом опасном деле...»

Отец. Да ведь это, душенька, только так говорится. Он просто хотел чем-нибудь скрасить сообщение о том, что... что со мной произошло несчастье. Какой там герой! Кого-нибудь надо было послать, и если бы не вызвался я, пошел бы другой. Вот и все.

Мать. Другой, наверно, не был бы отцом пятерых детей!

Отец. Да, может быть, но если у человека пятеро детей, то это еще не значит, что он должен быть плохим солдатом, дорогая. Во всяком случае, я не сделал ничего особенного... но ты этого не поймешь, душенька. Видишь ли, когда начинается стрельба, чувствуешь и рассуждаешь совсем иначе. Это очень трудно объяснить. Со стороны кажется — бог знает какая храбрость; но для того, кто участвует... Понимаешь, это получилось само собой. Надо было прикрыть фланг. Смотри, детка: здесь наступала главная колонна, а вот тут, с фланга, был горный проход. Этот проход мы должны были занять небольшим отрядом. И все. Пятьдесят два убитых. Пустяковое дело.

Мать. Пятьдесят два убитых... А сколько вас было всего?

Отец. Всего... Ну... тоже пятьдесят два... Но зато мы держались целых шесть дней. И знаешь, хуже всего была жажда. Там, понимаешь, не было воды. Безумная жажда... и злость. Я, душенька, ужасно злился.

Мать. Почему?

Отец. Да потому, что все это было, строго говоря, попусту. Наш полковник сделал ошибку. Надо было, чтобы главная колонна выждала некоторое время в долине, а туда, в горный проход, следовало послать, по крайней мере, два батальона. И горную батарею. Я это сразу

понял и сказал полковнику, а он мне говорит: «Вы, кажется, боитесь, майор?..»

Мать. Рихард! И ты из-за этого пошел... на смерть?

Отец. Главным образом из-за этого, душенька. Главным образом из-за этого. Чтобы наш полковник увидел, что я был прав. Такой болван! Послать прямо в ловушку к туземцам!

Мать. Из-за него... из-за него...

Отец. Тебе это кажется глупым, правда? Но в полку это называется честью. На военной службе, видишь ли, иначе нельзя.

Мать. Рихард! Ты мне этого никогда не рассказывал. Так, значит, ты погиб только из-за того, что твой полковник отдал нелепый приказ?

Отец. Это, деточка, часто случается. Но зато, по крайней мере, выяснилось, что я был прав. Это тоже чего-нибудь да стоит.

Мать. Вот видишь, значит, ты думал об одном: доказать, что ты прав. А о нас ты не подумал. И о том, что я жду пятого ребенка, ты тоже не подумал.

Отец. Думал, дорогая! Еще как думал! Попадешь в такую переделку, так передумаешь столько, ты и представить себе не можешь. Например, едешь на лошади и говоришь себе: через три месяца я мог бы получить отпуск; к тому времени маленький уже появится на свет: надо будет осторожненько снять шашку в передней и войти на цыпочках... на цыпочках... А наш Ондржей пожмет мне руку, как взрослый мужчина, и скажет: «Здравствуй, папа!» — «Здравствуй, Ондржей! Что нового в школе?» — «Ничего особенного». А Иржи, Иржи начнет показывать мне какую-нибудь свою механику: «Смотри, папа!» А Корнель и Петр станут пялить на меня глаза и спорить о том, кто быстрее влезет ко мне на колени. «Ладно уж, сорванцы, валяйте оба сразу, только не ссорьтесь!» А жена... я не видел ее больше полугода. Больше полугода. И когда я обниму ее, она опять вся поникнет, ослабеет, как будто у нее совсем нет костей, и только вздохнет еле слышно. «Рихард...»

Мать. Рихард...

Отец *(встает)*. Ну, а ты, душенька? Как жила ты?

Мать *(с закрытыми глазами)*. Я ждала тебя, дорогой мой... Родила тебе пятого сына... Он очень слабень-

кий, Рихард. Непонятно, почему он такой хрупкий. Должно быть, потому, что я столько плакала о тебе.

Отец. Ничего, поправится. Будет молодцом и героем, вот увидишь.

Мать *(с неожиданной горячностью).* Нет! Я не хочу! Не хочу, чтобы Тони был героем! С меня довольно, довольно! Слышишь, Рихард? Я дорого заплатила за ваше геройство! Достаточно того, что у меня погиб муж! Разве ты знаешь, разве кто-нибудь из вас знает, что это значит — потерять мужа? Если б ты только знал, во что я превратилась... Ах, Рихард, что ты со мной сделал! Как мог ты согласиться, чтобы тебя так бессмысленно послали на убой?

Отец. Но что же я мог поделать, дорогая, когда этот дурак-полковник сказал, что я боюсь... Мне пришлось отправиться туда... И он сказал это... в присутствии других офицеров. «Вы, кажется, боитесь, майор?» Не знаю, деточка, что бы ты сказала, если бы сама была при этом.

Мать *(встает, тихим голосом).* Я сказала бы: «Иди, Рихард. Этого снести нельзя».

Отец. Вот видишь, дорогая, значит, и ты почувствовала бы то же самое.

Мать. За это я и полюбила тебя, Рихард, за это и сейчас тебя люблю! Но ты не должен обращать на это внимания, мой единственный, нет, нет! Ты ведь не знаешь, что делается в сердце женщины, когда она так безрассудно, так по-женски кого-нибудь полюбила. Я сама не знаю, почему мы такие; знаю только, что мне всегда это в тебе страшно нравилось. Твой воинственный вид, звон твоих шпор, твоя отвага и твое фанфаронство, твоя честность и твое легкомыслие... Не знаю, почему это так восхищало меня. Должно быть, потому, что я была глупа, влюблена, с ума сходила. Но и сейчас, даже сейчас я не вынесла бы, если бы ты чем-нибудь унизил себя!

Отец. Ну, вот видишь! А если бы я тогда отказался...

Мать. Нет, нет, Рихард, не лови меня на слове! Я, вероятно... наверно, согласилась бы на то, чтобы ты поступил тогда... не по-военному. Ты вернулся бы ко мне и к детям... вышел бы в отставку. Я бы... свыклась. И любила бы тебя по-прежнему. Может быть,

немного иначе. Я знаю, ты страшно тосковал бы... без этой вашей воинской чести, но мы как-нибудь пережили бы это... вдвоем. По крайней мере, ты был бы со мной, Рихард, и я могла бы заботиться о тебе.

Отец. Как о человеке, который ни на что не годен и умеет только тосковать. И ты бы этим удовольствовалась, милая?

Мать. Пришлось бы. Не думай, пожалуйста: мне и так приходилось довольствоваться... очень малым.

Отец. Я знаю, дорогая. Мне страшно больно. Эта майорская пенсия, которая осталась после меня...

Мать. Было пятеро детей, Рихард, — посмотри-ка на них. Ты не представляешь, как это трудно для одинокой женщины. Нет, нет, ты не в состоянии этого понять. Прости, любимый мой, мне не следовало бы говорить все это, но вы, мужчины, не имеете ни малейшего понятия... Одежда, обувь, еда, школа и снова — одежда, еда школа... Все время высчитывать да высчитывать, десять раз вертеть в руках каждую тряпку и каждый грош, — что вы об этом знаете? Конечно, геройства тут нет никакого, но... без этого тоже не обойдешься, Рихард. Дорогой мой, что ты так смотришь на меня? Ну вот, видишь, во что я превратилась?

Отец. Ты, душенька, красавица! Еще лучше, чем была.

Мать. Не болтай глупостей, Рихард. Мы, живые, страшно меняемся. А вот ты — нет, ты нисколько не изменился. Мне даже стыдно, что я выгляжу такой старой, а ты по-прежнему молод. Не смотри на меня, мой единственный. Ведь на меня свалилось так много. И было так трудно без тебя...

Отец. Ну, от меня тебе немного было проку, душенька!

Мать. Но, по крайней мере, я не была одинока! А больше всего, друг мой, больше всего стала я нуждаться в тебе, когда дети начали подрастать. Нет, ты не думай: они были славные мальчики. И Ондра, и Иржи, и Корнель, и Петр всегда готовы были сделать для меня все. Но когда они стали взрослыми, мне начало казаться, что они говорят на каком-то чужом языке. Я не всегда понимаю их, Рихард. Ты лучше понимал бы, наверно.

Отец. Не знаю, детка, не знаю. Пожалуй, я тоже не мог бы сговориться с ними как следует. Что я понимаю, например, в медицине, или в авиации, или в тех глупостях, которыми набита голова у нашей двойни?..

Мать. Ты имеешь в виду политику?

Отец. Да. У меня голова устроена по-другому. Я был просто солдат и больше ничего.

Мать. И все-таки... С тобой они больше считались бы. Я знаю: ты хотел, чтоб они тоже были солдатами. Но... когда ты погиб... я сказала себе: нет! Конечно, их приняли бы... бесплатно в военные школы; но я предпочла корпеть над работой, лишь бы они могли научиться чему-нибудь другому. Медицина, техника, что угодно — только не военная служба. Пусть занимаются чем-нибудь полезным... чем-нибудь таким, от чего не надо непременно умереть... Если бы ты только знал, каких трудов мне стоило дать им образование!.. А что из этого вышло?

Отец. Но, душенька, мне кажется, ты не можешь пожаловаться на них.

Мать. Как тебе сказать... Я кажусь себе наседкой, которая высидела орлят. Сижу на земле и кудахчу от страха, когда они взлетают один за другим. Иногда я говорю себе: нельзя быть такой малодушной, нельзя мешать им... Ах, Рихард, как это ужасно быть матерью! Ведь и я в свое время была отчаянная, тоже воображала о себе невесть что... Уж кому и знать, как не тебе, мой милый...

Отец. Знаю, дорогая.

Мать. Я ведь убежала из дому ради тебя. И ничего не боялась, готова была хоть жизнь отдать. А теперь... теперь я хотела бы сидеть, как скряга, на сундуке, где спрятано то, чем я живу, и кричать на всех: «Не отдам! Не отдам!» Я и так уже достаточно отдала, Рихард. Сначала тебя, потом нашего Ондру. Больше от меня ничего нельзя требовать. Понимаешь, мне слишком дорого стоило то, что вы называете... геройством... Сначала ты, потом Ондра.

Отец. Ничего, душенька, Ондра погиб прекрасной смертью. Прекрасной и благородной.

Мать. Да, благородной, я знаю. Вам кажется страшно благородным умереть за что-нибудь; а о том, что при этом кто-то теряет вас, вы не думаете. Ну, ты, скажем, вынужден был пойти на смерть: ты был солдатом.

Но Ондру никто не принуждал. Он был врач, занимался научными исследованиями. Мог бы работать где-нибудь в клинике... и тогда, наверно, не заразился бы...

Отец. Это случается с врачами, деточка. У нас в полку тоже умер так один доктор. На редкость милый был человек; я всегда играл с ним в шахматы. И вдруг взял заразился холерой...

Мать. Но нашему Ондре вовсе незачем было ехать туда, в колонии! Это все ты виноват!

Отец. Что ты, голубушка? Ведь я тогда уж давно в могиле лежал.

Мать. Все равно. Ты вечно тянул его сюда, в свой кабинет. Всегда оказывал на него огромное влияние, мой милый. Здесь он всегда учился, здесь зарывался в свои книги, здесь молча расхаживал целыми часами и курил... И здесь же вдруг в один прекрасный день объявил мне: «Мама, я поеду на экватор, хочу на мир посмотреть...» А насчет того, что он собирается там воевать с желтой лихорадкой... забыл сказать. Вы всегда скрываете от меня, что у вас на уме. Мне вы говорите: «Я, мамочка, только туда и обратно...» А потом остаетесь там... Сбежал от меня, как вор!

Из темного угла к разговаривающим подходит Ондра. Он в белом медицинском халате.

Ондра. Ах, мамочка, я ведь столько раз тебе объяснял... Я не хотел, чтобы ты беспокоилась. Поэтому ничего не сказал. Вот и все.

Мать. Это ты называешь «объяснять»? Ну да, о том, чтобы не волновать меня, ты подумал; а о том, что можешь там заразиться или попасть в беду, об этом — нет. А я подумала бы, Ондра. Так-то, милый.

Ондра. А что это дало бы тебе, мамочка? Все равно я поехал бы...

Мать. Ах, Ондра, ты был всегда такой серьезный, рассудительный мальчик! Без тебя я часто не знала бы, что мне делать. Ты был братьям вместо отца — такой благоразумный, справедливый... и вдруг — бац! — уезжаешь на экватор и умираешь там от желтой лихорадки! Как хочешь, но ты не должен был этого делать, Ондра, нет, нет, не говори!

Отец. Видишь ли, душенька, у врача тоже есть свои обязанности. Такая уж профессия, не правда ли, Ондра?

Мать. И далась тебе эта желтая лихорадка! Мог бы оставаться дома и лечить больных... или оказывать помощь при родах.

Ондра. Послушай, мама, рассуди сама: от желтой лихорадки умирали ежегодно сотни тысяч. Было бы позорно не найти от нее средства. Это был простонапросто... долг.

Мать. *Твой* долг?

Ондра. Долг науки. Видишь ли, мамочка, это очень тяжелая и мучительная болезнь. И люди там... если бы ты видела, как они умирают, ты сама сказала бы: «Нет, Ондра, этого так нельзя оставить!» Это страшная вещь, мама. Кому-нибудь непременно нужно было туда поехать.

Мать. Но не обязательно тебе? Нет, Ондра, ты меня не убедишь.

Отец. Отчего же не ему? По-моему, голова у него была неплохая. А в таких случаях, деточка, за дело должны браться самые лучшие.

Мать. И, значит, самые лучшие должны умирать?

Отец. Ничего не поделаешь. Иначе нельзя, душенька. Самые лучшие всегда должны идти впереди. Можешь быть спокоен, Ондра: ты правильно поступил.

Мать. Ну да, конечно. Вы, мужчины, всегда заодно! Тебе легко говорить «правильно поступил», а если бы ты только знал, что со мною было, когда я получила телеграмму... Это просто не умещалось у меня в голове. «Сударыня, ваш сын пал, как герой, на фронте науки...»

Отец. Вот видишь, деточка: «как герой». За это стоило умереть, не правда ли?

Ондра. Ах, нет, папа. Это интересовало меня меньше всего. Я добивался только одного: выяснить природу желтой лихорадки. В этом нет никакого геройства. Если человек занимается наукой, он должен исследовать причины явлений. А остальное — вздор. Всякое там геройство или честь — детские игрушки, папа. Но дать людям крупицу новых знаний — вот это стоит жертвы.

Мать. И ты добился успеха?

Ондра. Я? Нет, мамочка. Но другие — да, Один швед и один американец.

Отец. Досадно. Я не люблю американцев.

Мать. Ну, вот видишь, Ондра! Так разве не была твоя жертва напрасной? И ненужной?

Ондра. Нет, мамочка. Ты просто этого не понимаешь.

Мать. Да, не понимаю. Я вообще никогда вас не понимала. Все время только и слышу и от Иржи, и от тех двоих: «Ты, мама, этого не понимаешь...» Не понимаю! Не понимаю! Господи Иисусе, я перестаю понимать самое себя! Ведь вы частица моего тела... А ты, Рихард, ты вошел в меня и заполнил все мое тело и всю мою душу... И я вас не понимаю?! Что же в вас есть такое особенное, такое необычайно свое, что я вас уже не понимаю?

Ондра *(подходит к ней).* Только не волнуйся, мамочка. Тебе вредно: у тебя сердце слабое.

Мать. Нет, погоди. Я ведь вас хорошо понимала, когда вы были маленькими, ты помнишь, Ондра? Я сидела дома и на расстоянии знала, когда кто-нибудь из вас во дворе расшибал себе колено: не успеет он упасть, я уже бегу. А когда вы все сидели за столом, я так глубоко чувствовала: это я. Все это — я. Всем своим существом я чувствовала: эти дети — я! А теперь: «Ты, мама, этого не понимаешь». Рихард, что это в них вселилось такое чужое... и враждебное мне?

Отец. Видишь ли, дорогая, они уже взрослые... ну, и у них свои интересы.

Мать. А я знала всегда только *их* интересы, понимаешь? Каждый из вас думает о своем деле, о своей чести, о своем призвании или бог знает о чем еще таком великом, чего я не в состоянии понять. А я — я всегда думала только о вас. У меня не было другого призвания, кроме вас. Я знаю, в этом нет ничего великого: только хлопоты и любовь. Но когда я подавала на стол блюдо с едой для вас, пятерых детей, у меня было такое чувство, как будто я совершаю богослужение. Ах, Ондра, Ондра, ты не можешь себе представить, как пусто за столом без тебя!

Ондра. Мне очень жалко, мамочка...

Мать. Да, вы правы, я этого, наверно, не пойму... Отец твой погиб, потому что надо было убивать туземцев. А ты, Ондра, ты умер, потому что поехал спасать им жизнь. Нет, видно, я правда глупа. Вы делаете вещи

прямо противоположные, а потом говорите мне: «Тут великие задачи, дорогая, ты этого не можешь понять». Один из вас будет что-нибудь строить, другой ломать, а мне вы оба объявите: «Это, мамочка, страшно важно. Мы должны так действовать, хотя бы это стоило нам жизни». Жизни! Вам легко говорить! Умереть каждый сумеет, а вот потерять мужа или сына, — посмотрели бы вы, что это значит... посмотрели бы вы...

Ондра. Тут, мама, ты, пожалуй... права...

Мать. А хоть бы и нет!.. Мне не нужна правота, мне нужны вы, нужны мои дети! Ты не должен был умирать, Ондра! Ты был такой хороший, серьезный юноша... У тебя была невеста, мой мальчик, ты хотел жениться... Это-то я как будто понимаю, не правда ли?

Ондра. Да, конечно, мамочка...

Мать. Вот видишь!

Слышны два выстрела в саду.

Отец *(поднимает голову).* Что это?

Мать. Ничего. Мальчики стреляют в цель. Корнель и Петр.

Отец. Очень хорошо. Кто не умеет стрелять, тот ни к чему не пригоден.

Мать. Наш Тони не будет стрелять, Рихард. У него другой характер. Ондра тоже не любил стрелять, — правда, Ондра? Ты тоже ничего не хотел знать, кроме книг, как и Тони...

Ондра. Но только у Тони это вроде гашиша, мамочка; он видит сны наяву. А это плохо!

Мать. Да ведь он еще ребенок!

Ондра. Ты всегда будешь считать его ребенком.

Мать. Ну да, потому что он слабенький!

Отец. Тебе надо бы на него воздействовать, душенька, чтобы он занялся чем-нибудь серьезным.

Мать. Нет, нет! Я не хочу, чтобы Тони уже сейчас забивал себе голову чем-нибудь таким... Нет, его я не буду пускать сюда...

Отец. Почему?

Мать. Потому что вы старались бы повлиять на него, стали бы ему нашептывать: «Будь мужчиной, Тони, будь мужчиной! Делай что-нибудь! Иди умирать за славу, за честь, за правду...» Нет, я этого не хочу, слышите! Оставьте Тони в покое!

Отец. Но, мать, ты же не хочешь сделать из Тони девочку?

Мать. Я хочу, чтобы он был моим. Ты не имеешь на него никаких прав, Рихард! Тони родился после твоей смерти! Тони мой, только мой, пойми это! Ему здесь нечего делать!

Ондра. Мама, по-видимому, считает нас дурным обществом.

Мать. Ну да, потому что вы мертвые...

В саду слышны выстрелы.

Ондра. Ты нас боишься, мама?

Мать. Как же я могу вас бояться, мой мальчик? Подойди поближе, Ондра, дай я тебя рассмотрю хорошенько. Тебе очень идет этот белый халат!.. А я-то всегда представляла себе, как ты будешь стоять у моего изголовья, когда... когда я буду разлучаться с детьми...

Ондра. Да что ты, мамочка! Ты еще долго будешь с ними. И никогда не уйдешь от них...

Отец. Наша мамочка сильней, чем сама думает. *(Подходит к шахматному столику.)* Кто здесь играл, милая?

Мать. Корнель и Петр. Это, кажется, твоя задача.

Отец. Да, я вижу. Я начал ее решать когда-то... Красивая задача.

Мать. Мальчики из-за нее поссорились. Корнель хотел, чтобы Петр пошел на дэ пять.

Отец. Правильно. Я пошел бы на дэ пять.

Мать. А Петр сказал, что есть и другое решение. Эти двое вечно спорят.

Отец *(задумавшись над доской).* Другое решение? Гм, интересно... Это, должно быть, новая шахматная школа. Разве только если пойти пешкой... Занятно! Пожалуй, Петр отчасти прав...

В дверь совершенно бесшумно входит Иржи в комбинезоне летчика.

Иржи. Добрый вечер, мамочка. Здравствуй, папа. Здорово, Ондра.

Отец *(оборачивается).* А, кого я вижу! Иржи!

Ондра. Здравствуй!

Мать. Что так рано, Иржи? Ты летал сегодня?

Иржи. Летал, мама. Сегодня мне леталось замечательно.

Мать. Хорошо, по крайней мере, что ты уже дома,

Терпеть не могу, когда ты летаешь. Мне так страшно... Молодец, что сейчас же вернулся.

Иржи. Как видишь, мама, мой первый визит... к тебе.

Отец. Правильно. А тебе очень идет этот костюм!

Мать *(в ужасе приподнимается).* Постой... Иржи, ты видишь... папу... и Ондру?

Иржи. Вижу, мамочка. Почему бы не видеть?

Мать. Да ведь они... они же мертвые, Иржи! Как *ты* можешь их видеть... как можешь с ними разговаривать?.. Иржи!

Иржи. Понимаешь, мама... Только не сердись, хорошо? Меня, видишь ли, неожиданно подвел самолет... Вот и все.

Мать. Иржи, с тобой что-нибудь случилось?

Иржи. Нет, ничего, мамочка. Я даже не почувствовал никакой боли. Просто у самолета вдруг оторвалось крыло, ну и...

Мать. Иржи, ты что-то от меня скрываешь!

Иржи. Ты, мамочка, только не сердись... Дело в том, что... я разбился.

Мать. Ты... ты...

Иржи. Мамочка, дорогая, прошу тебя, не волнуйся!

Мать. Значит, ты мертвый... Иржи?

Иржи. Да, мама. Это так называется...

Мать *(рыдает).* Господи Иисусе! Иржи! Иржи!

Ондра. Тише, тише, мама. Успокойся!

Мать. Иржи, ты ушел от меня, ты разбился!

Отец. Ты должна мужественно перенести эту потерю, душенька. Ты же видишь, он погиб, как герой. Это была прекрасная смерть.

Мать *(словно окаменелая).* Прекрасная смерть... Вот ты и добился, Рихард! Добился!

Иржи. Но ведь никто не виноват, мама! Я попробовал сделать одну штуку... Ну, а мотор подкачал. Я, собственно, сам не понимаю, как это произошло.

Мать. Мой Иржи... *(Рыдая, падает в кресло.)*

Ондра. Не трогай ее. Пусть выплачется. *(Становится возле нее.)*

Отец *(отводит Иржи в сторону).* А что ты хотел испытать, Иржи?

Иржи. Поставить рекорд высоты, папа. С грузом. Полторы тонны.

Отец. А это имеет значение — такой рекорд?

Иржи. Конечно, папа. Например, в случае войны: держаться предельной высоты с максимальным грузом бомб.

Отец. Верно. Это не пустяк.

Иржи. Или просто для воздушного транспорта: ведь там, на такой высоте, уже нет ни ветра, ни туч. Это могло бы иметь огромное значение.

Отец. Ну, а до какой высоты ты поднялся?

Иржи. Немного больше двенадцати тысяч метров. И тут у меня вдруг начал шалить мотор...

Отец. Это рекорд?

Иржи. Да, папа. По данной категории — мировой рекорд.

Отец. Прекрасно. Я очень рад, мой мальчик.

Иржи. Вот только... когда я рухнул на землю, получилась страшная каша. Наверно, альтиметр разбился. А жаль.

Отец. Почему?

Иржи. Теперь нельзя установить, что я достиг такой высоты.

Отец. Это неважно, Иржи. Лишь бы ты ее действительно достиг.

Иржи. Да ведь никто не узнает!

Отец. Но это сделано — вот что самое главное. А кто бы мог подумать! Такой всегда был шалун... Ну, поздравляю тебя, мой мальчик.

Мать *(стонет)*. Иржи... Иржи.

Ондра. Мамочка, успокойся...

Отец. Не плачь, душенька. Игра была стоящая. Ну, право же, не надо плакать. У тебя будет еще столько хлопот с похоронами.

Иржи. Только не смотри на меня, мамочка, когда меня принесут, хорошо? То, что принесут, это... уже не я. Я — это тот, каким я был... и таким я навсегда останусь для тебя, не правда ли?

Мать. Почему ты не сказал мне, что хочешь подняться так высоко. Я бы тебя не пустила...

Иржи. Ну, что ты, мама! Я должен был сделать это.

Мать. И как это пришло тебе на ум, Иржи! Зачем тебе понадобился этот рекорд?

Иржи. Видишь ли, когда у тебя такая хорошая ма-

шина... Да нет, мамочка, ты этого не понимаешь! Ну, просто... так и тянет... Машина сама несет тебя ввысь...

Стук в дверь.
Отец гасит лампу на столике перед своим портретом.
В комнате почти полная тьма.

Отец. Не терзай себя, милая!

Мать. Мой Иржи! Такой стройный, красивый мальчик! Ради чего... ради чего...

Иржи *(все более и более понижая голос).* Ты этого не понимаешь, мамочка, ты не можешь это понять...

Стук в дверь.

Ондра *(шепотом).* Успокойся, мама. Будь стойкой.

Отец *(шепотом).* Прощай, моя милая.

Стук.

Мать *(встает).* Да!

Дверь открывается; на пороге, освещенный врывающимся в комнату ярким дневным светом, стоит Корнель.

Корнель. Прости, мамочка... я не хотел тебя беспокоить... но... мне надо тебе кое-что сказать.

Мать. Да...

Корнель. Нам только что сообщили... видишь ли... У нашего Иржи... что-то случилось с самолетом... Только не пугайся, мама. Ничего страшного...

Мать. Да...

Корнель. Но Иржи... Мамочка! Ты уже знаешь?

Занавес

Действие второе

Та же комната; к прежним предметам прибавился радиоприемник. Тони, сидя на корточках, возится с радиоприемником и вертит рычажок. Раздаются звуки военного марша. Тони с недовольной гримасой поворачивает ручку. Раздается голос диктора.

Голос по радио. Внимание, внимание, внимание!

Тони. У тебя, брат, голос, как у нашего Корнеля.

Голос по радио. Призываем всех жителей соблюдать спокойствие и порядок. Предупреждаем, что никакие сборища и скопления народа на улицах допускаться не будут; в случае неповиновения полицейские отряды и воинские части при помощи самых решительных мер...

Тони. Бррр!.. *(Вертит ручку; слышны тихие звуки далекой нежной музыки. Тони, сидя по-прежнему на корточках, отбивает такт руками.)*

Входит Корнель в полувоенной форме: сапоги, брюки-галифе, куртка с петлицами и нашивками.

Корнель. Брось, Тони. Ты же знаешь, мама не любит, когда кто-нибудь трогает радио. Это память о нашем Иржи...

Тони. Послушай, Корнель, как красиво!

Корнель. Да-да, но только сейчас не время для красоты. Выключи, Тони! Это действует мне на нервы.

Тони *(выключает радио, но остается сидеть на корточках)*. Жаль. Это была заграница; не знаю только, какая станция. Мне кажется, играли... где-то на севере. Звуки были совсем как снежинки.

Корнель. Тебе вечно что-нибудь кажется. *(Закуривает папиросу и беспокойно ходит по комнате.)* Как глупо, что я должен сидеть дома... *(Смотрит на ручные часы.)* Сейчас рабочие пойдут с фабрик. Может, начнется заваруха! Черт побери, ну как тут усидеть на месте! *(Подходит к окну и прислушивается.)*

Тони. Корнель!..

Корнель. Да?

Тони. Что с Петром?

Корнель. Не знаю. Арестован. Нечего ему было совать нос в эти дела.

Тони. Но ты ведь тоже суешься, Корнель...

Корнель. Да, но с другой стороны. Это — разница.

Тони. Почему?

Корнель. Мы — за порядок... и за благо нации. Ты этого еще не понимаешь, Тони. И будь доволен.

Тони. Но Петр тоже — за благо народа. А вы его арестовали.

Корнель. Потому что он понимал это благо иначе. Он думал, что нами может править этот грязный сброд. Покорнейше благодарю, хороши бы мы были! Они уж показали, на что способны: только грабить да мстить. *(Мнет и ломает папиросу.)* Это означало бы гибель родины.

Тони. Но ведь Петр был всегда против бесцельных разрушений!

Корнель. Тем хуже! Петр хотел бы, чтобы эта чернь правила страной. Этого мы не можем допустить.

Тони. Кто «мы»?

Корнель. Наша партия. Мы, нация. Если бы у власти оказались *они*... со своими утопиями... идеями мира и равенства... тогда бы крышка! Бррр! То, что хотят эти молодчики, — форменная государственная измена! Распустить армию... захватить правительственные учреждения... национализировать фабрики и заводы... Хорошенькое дело! Это означало бы конец культуры... и вообще всего. Нет, Петр, мы не допустим нацию до такого позора! Медлить больше было нельзя, надо было захватить всех этих изменников и горлодеров... Но тебе, наверно, скучно слушать, Тони...

Тони *(встает)*. Корнель...

Корнель. Ну?

Тони. Что будет с Петром?

Корнель *(пожимает плечами)*. Сделать ничего нельзя. Надо ждать. Наши арестовали его... ну и держат пока.

Тони. Как преступника?

Корнель. Как заложника. Не бойся, с ним ничего не случится. Но если этот черный сброд опять поднимет на улицах стрельбу, тогда — я не ручаюсь.

Тони. Тогда вы... расстреляете Петра?

Корнель. Я — нет, Тони. Но, видишь ли, борьба

есть борьба. Нечего было Петру лезть в это дело. Ты сам понимаешь, мне было бы очень неприятно, если бы... если бы с ним что-нибудь случилось. Но это уже не в нашей власти. Пусть оборванцы сложат оружие, тогда наши выпустят Петра... и других заложников. Вот как обстоит дело.

Тони *(с широко открытыми глазами).* Представь себе, Корнель... представь себе, как должно быть сейчас Петру. Как он смотрит на дверь и ждет, все время ждет... когда она откроется... «Пойдем!» — «Куда?» — «Ну, живо! Там увидишь!»

Корнель. Постой-ка. *(Прислушивается.)* Нет, тихо. К счастью, не стреляют. Если бы где-нибудь раздался выстрел, тогда — кончено дело! Тогда наши... со всей беспощадностью... Но я думаю, эта голь уже залезла обратно в свои щели. Они трусы. Пусть Петр увидит, с кем связался. Наведи на них пулемет — тут же в кусты разбегутся. Слышишь? Тихо. Очевидно, ведутся переговоры. Хотя я решительно не понимаю, как можно вести переговоры с такими разбойниками!

Тони. Корнель, — а связывают руки?

Корнель. Кому? Когда?

Тони. Когда ведут на казнь.

Корнель. Ну конечно. Понятно, связывают. Почему ты спрашиваешь?

Тони *(складывает руки за спиной и держит их так, как будто они связаны).* Знаешь, я так отчетливо представляю себе, что должен чувствовать человек, когда он... стоит вот так... против солдат с винтовками. Стоит и смотрит... не на них, а куда-то поверх голов... и чувствует, как его волосы шевелит холодный ветер. Еще нет... Еще мгновение... «Целься!» Господи Иисусе!

Корнель. Перестань!

Тони *(страшным голосом).* Вы — псы! Кровавые псы!

Корнель. Тони!

Тони. Стреляйте! *(Шатается и падает на колени.)*

Корнель *(хватает его за плечо и трясет).* Довольно! У тебя просто больное воображение, Тони!

Тони *(встает, закрыв глаза).* Как могут люди так страстно ненавидеть друг друга, Корнель?

Корнель. Ну, этого тебе не понять, малыш; ты еще не научился страстно верить.

Тони. Во что?

Корнель. В свою правду. Человек никогда не сделает для себя того, что сделает ради своего знамени. Нельзя быть таким сентиментальным, Тони. Мама тебя только портит.

Тони. Чем?

Корнель. Своим воспитанием. Так из тебя никогда не выйдет мужчины, способного сражаться за свою идею. Мир, любовь, сострадание, — да, конечно, все это очень красиво, но... сейчас, Тони, не время для таких вещей. Сейчас происходят слишком серьезные... и великие события. Мама этого не понимает. Мы должны быть готовы... ко всему. Слушай, Тони, если с Петром что-нибудь случится, мама не должна об этом знать. Мы будет говорить ей, что он еще под арестом. Хорошо? А может быть, и в самом деле все уже кончено. Эта сволочь, наверно, уже сдалась. Такая... странная тишина. Не выходи из дому, Тони!

Тони. А ты?

Корнель *(пожимает плечами).* Мне бы нужно было туда, к нашим. Господи, только бы не пропустить, если в самом деле начнется! Как это глупо — торчать дома возле маменьки!.. Но что поделаешь! Если тут что-нибудь случится... У мамы такое слабое сердце. От этих мерзавцев всего можно ожидать. Пойдут грабежи. Кто-нибудь должен же вас охранять. *(Стоя спиной к Тони, вынимает из ящика револьвер и заряжает его; потом, подумав, кладет обратно.)* Я знаю, где мое место. Но маме не надо говорить, что это так серьезно, Тони. Я останусь дома. Ради мамы... и ради тебя.

Входит Мать.

Мать. Корнель, где же Петр? Почему его все нет? Утром ты говорил, что это недоразумение, что к вечеру его, наверно, отпустят... Корнель, ты слышишь?

Корнель. Да, мамочка, но... так быстро это не делается. Арестованы сотни людей, и пока все дела будут расследованы... Это может затянуться... пожалуй, на целую неделю.

Мать. На неделю? По-твоему, нашего Петра могут так долго мучить, Корнель? Нет, нет! Я этого так не оставлю! Я пойду к ним туда, скажу им...

Корнель. Это невозможно, мама. Тебя даже не пустят...

Мать. Как это, как это не пустят мать?! Я отнесу Петру белье и чего-нибудь поесть. Матери никто не запретит. Она имеет право.

Корнель. Тебе придется все-таки подождать, мама. Улицы оцеплены войсками. В центр никого не пропускают.

Мать. А мать пропустят. Я им скажу, что несу кое-что для сына... Я должна видеть Петра, Корнель! Должна знать, что с ним! Петр ведь не преступник, чтобы его держать в тюрьме. Я им так и скажу, не думай. Скажу, что они не имеют права держать в тюрьме моего сына!

Корнель. Напрасные слова, мама. У них есть право на это.

Мать. Что же Петр — злодей? Убил он кого-нибудь или ограбил?

Корнель. Нет, конечно... не злодей. Этого никто не утверждает.

Мать. Вот видишь! Они не имели права арестовать его ни за что ни про что?

Корнель. Мамочка, ты, видно, не совсем понимаешь...

Мать. Да, да, знаю... Иди, Тони. Тебе здесь нечего делать. Незачем тебе слушать, как глупа твоя мать.

Тони медленно и неохотно выходит.

Я стараюсь все понять, Корнель. Но не удается. Как можно посадить в тюрьму моего сына, если он никому не причинил вреда? Это мне очень трудно понять.

Корнель. Извини, мама, но ты никак не хочешь взять в толк, что у нас сейчас... гражданская война.

Мать. Ну, так что же? Разве она необходима?

Корнель. Необходима. Потому что люди разделились на два лагеря, а властвовать может только один. Ну, и приходится разрешать боем, кто будет у нас властвовать.

Мать. Из-за этого идет стрельба?

Корнель. Да. Иного выхода нет.

Мать. Хорошо. Но скажи, пожалуйста, неужели это так важно, кто будет властвовать? Разве у каждого нет своей семьи? Так пусть каждый и заботится о своей семье.

Корнель. Семья — это еще не все.

Мать. Все, Корнель. Для меня все. И не говори мне, что Петр хотел над кем-то властвовать. Уж я-то его знаю: он и мухи не обидит. Ты — да, а Петр — нет. Не такой у него характер, чтобы он кем-нибудь командовал...

Корнель. Вполне вероятно, мама, но его партия хотела бы командовать всем, хотела бы все перевернуть по-своему... А это было бы несчастьем для всей нации, понимаешь? Ведь это орда изменников и преступников, мамочка! Они готовы все растащить и разграбить...

Мать. Нет, это не так, Корнель. Этому я не поверю. Я все-таки Петра знаю... Петр не пошел бы с такими людьми. Ты бы тоже ведь не пошел, Корнель, со всякими злодеями и предателями.

Корнель. К сожалению, Петр такой доверчивый...

Мать. Да ведь это же молодость! Вот ты никогда не был таким молодым и общительным, Корнель. Никогда не сходился так легко с товарищами. Тебя можно было назвать скорее гордецом... Нет, нет! Петр не мог бы принять участие в чем-то непорядочном!

Корнель. Так, значит, я принимаю участие в чем-то непорядочном, мама?! Либо его партия права, либо... мы. Как ни верти, а выходит, что один из нас пошел по плохой дороге.

Мать. И ты нет, Корнель. У тебя в характере благородство, чувство собственного достоинства. Ты тоже не способен на дурное... и нечестное.

Корнель. Так вот, я *заверяю* тебя честным словом, что наш Петр действительно был на стороне... плохих людей и что... *необходимо* во что бы то ни стало разделаться с этой сворой, чтобы на свете установился наконец порядок...

Мать. Погоди, дружок! Значит, для того чтобы на свете установился наконец порядок, необходимо было арестовать нашего Петра?

Корнель. Да, необходимо, мама... Раз он ввязался...

Мать. Да ведь это позор, Корнель! Не могут быть правы те, кто посадил нашего Петра!

Корнель. Если бы дело обернулось иначе, мама, так Петр посадил бы в тюрьму меня.

Мать. Петр — тебя?

Корнель. Я хочу сказать: его сторонники. Его партия, понимаешь?

Мать. Тогда они вышли бы дураками... и негодяями. Ведь за тобой нет ничего дурного, Корнель! Как же они могли бы тебя посадить? Это было бы таким же беззаконием, как и то, что посадили нашего Петра. Нет, Корнель, его забрали злые люди. Злые, жестокие, глупые. Ах, если бы я только могла вот этим кулаком ударить им прямо в лицо...

Корнель. Мама, прошу тебя...

Мать. Мы не имеем права оставлять его там, Корнель! Ты должен как-нибудь помочь мне... По-твоему, его могут продержать еще несколько дней?

Корнель. Да, возможно. Но потом, конечно, освободят. На улицах спокойно. Вот увидишь, к завтрашнему дню все будет кончено...

Мать. И ты пойдешь со мной за Петром?

Корнель. Да, мамочка...

Мать. А разве нельзя отнести ему кое-что сегодня?

Корнель. Сегодня — нет, мамочка!

Несколько отдаленных выстрелов. Начинает смеркаться.

Мать. Что это?

Корнель *(нервно)*. Ничего. Это где-то на улице. Пожалуйста, мама... не выходи из дому.

Мать. Но ведь Петр ждет...

Корнель. Опять ты со своим Петром! Дело не только в Петре, мамочка.

Мать. Это чем-нибудь грозит Петру... или тебе?

Корнель. Прости, мама, я боюсь за наш успех.

Снова отдаленные выстрелы.

Мать. Только бы не стряслось беды с Петром!

Корнель *(у окна, прислушивается)*. Только бы не стряслось беды с нашей нацией, мама!.. Где-то стоит готовый к бою отряд: если бы ты знала, какие это молодцы... Их так и называют: сливки. Отборные стрелки, которые первыми пойдут в атаку. Они только ждут команды и переглядываются: где же Корнель?.. А я здесь, друзья. Не могу быть с вами... Должен сидеть дома. Кто-нибудь должен же оставаться дома на случай каких-либо происшествий. Старайтесь, ребята! А я... меня можете вычеркнуть...

Мать. Что с тобой, Корнель?

Корнель. Ничего, мамочка. Не бойся... я останусь с тобой... и с Тони. Понимаешь, когда на улицах неспокойно, могут объявиться разные люди... Но ты, мама, не бойся ничего. Я буду дома. *(Подходит к стойке с ружьями.)*

Мать. Что ты там ищешь?

Корнель. Папин карабин, который он брал с собой в Африку. Надо его, пожалуй, почистить. *(Берет карабин со стойки.)*

Мать. Да я ведь каждый день стираю с него пыль!

Корнель. Ты этого не понимаешь, мамочка. Ружье требует большего. И время от времени из него надо стрелять. *(Подходит к матери и кладет ей руку на плечо.)* Не беспокойся ни о чем, мама. Все будет в порядке, вот увидишь.

Мать. А Петр вернется?

Корнель. Вернется, вернется, мамочка. *(Уходит с винтовкой.)*

Сумерки сгущаются.

Мать *(смотрит ему вслед)*. Ты говоришь мне неправду, Корнель, я знаю... *(Ходит по комнате и то тут, то там что-нибудь поправляет.)*

Вдали несколько выстрелов.

Господи, что с Петром! *(Садится в кресло и молитвенно складывает руки.)* Господи Иисусе, спаси и помилуй моего Петра! Милосердная матерь божья, смилуйся надо мной, спаси моих детей! Господи Иисусе Христе, верни мне Петра! Пресвятая богородица, моли бога за моих детей! Господи, распятый на кресте, помилуй моих детей!

Петр показывается в дверях; на нем только брюки и распахнутая рубашка. В комнате почти совсем темно.

Петр. Здравствуй, мама!

Мать *(вскакивает)*. Петр! Тебя освободили!

Петр. Какое... Просто мне не о чем больше с ними разговаривать, мамочка.

Мать *(спешит к нему)*. Я так боялась за тебя... Иди же скорее ко мне, мой мальчик!

Петр *(уклоняется)*. Не надо, мамочка. Прошу тебя, сядь там.

Мать *(тянется к нему).* Да что с тобой, сыночек? Где твой пиджак?

Петр *(по-прежнему уклоняется).* Там... Там. Они его, наверно, пришлют. Они ведь такие строгие любители порядка.

Мать. Кто?

Петр. Они. Белые, понимаешь? Не надо, не зажигай света, мамочка... Мне очень тяжело, но я должен тебе кое-что сказать. Я, собственно, затем и пришел. Пожалуй, лучше, если я тебе скажу это сам.

Мать. Что случилось, Петр? *(Старается до него дотронуться.)* Пойди же ко мне!

Петр *(отодвигаясь).* Ты только не сердись на меня, мамочка, но, право, я никак не могу отвечать за это. И Корнель не может.

Мать. За что?

Петр. Ах, мамочка, какая ты непонятливая! Ведь этого надо было ждать. И Корнель это знал. Ну, теперь уж дело прошлое...

Мать *(с возрастающим ужасом).* Что — дело прошлое?

Петр. И произошло страшно давно, мама... Больше получаса тому назад.

Мать. Что произошло?

Петр. Ну... расстреляли меня.

Мать. Петр! *(Шатается и без чувств падает на пол.)*

Петр. Ах, мама! Господи, да что же это я... Помогите кто-нибудь! Ондра!

Из мрака выбегает Ондра в белом халате.

Ондра. Что случилось?

Петр. Да вот мама...

Ондра *(опускается на колени возле нее, щупает пульс).* Дай-ка, мамочка...

Из мрака выходит Отец в офицерской форме.

Отец. Что с ней?

Петр. Не знаю... Вдруг повалилась...

Отец. Надо быть осторожнее. *(Опускается на колени возле матери.)* Душенька, что с тобой?

Из мрака появляется Иржи в комбинезоне летчика.

Иржи. Здравствуй, Петр. Что, маме нехорошо? *(Зажигает лампу на письменном столе.)*

Ондра *(на коленях возле матери).* Сердце. Такие перебои... Бедняжка!

Отец. Если б мы могли кого-нибудь позвать!

Ондра. Зачем? И нас довольно. Теперь она некоторое время пролежит без сознания. Нервное потрясение. Лучше всего оставить ее в покое. Дайте какую-нибудь подушку.

Петр *(собирает диванные подушки).* На, бери.

Иржи *(несет целую груду подушек).* Вот, возьми.

Ондра. Приподыми ей голову, папа. *(Подкладывает подушки.)* Ну, теперь лежи себе тихонько, мамочка. *(Встает.)* Отойдите от нее, пусть полежит спокойно.

Отец *(встает).* Чем ты ее так напугал, Петр? И скажи, пожалуйста, как ты вообще здесь очутился?

Ондра. Одну минуту, папа! *(Поворачивает Петра к свету и осматривает ему лоб.)* Так! Одна, другая. *(Раскрывает у него рубашку и водит пальцем по груди.)* Одна, две, три. Эта вот — прямо в сердце.

Отец. Покажи-ка! Меткий выстрел. Собственно говоря, это очень похоже на... Как-то раз у нас поставили к стенке одного араба, угостили его по-военному свинцом... Послушай, сынок, с тобой-то это как случилось?

Петр. Поставили к стенке, папа.

Отец. Эге, братец ты мой! И стреляли, видно, солдаты.

Петр. Солдаты, папочка.

Отец. Надеюсь, Петр, ты не изменил родине?

Петр. Нет, папа. Я боролся за великое и благородное дело.

Отец. Против солдат? Что-то я никак не возьму этого в толк, мой милый!

Петр. И на нашей стороне тоже есть солдаты, папа.

Отец. На обеих сторонах солдаты?

Петр. Да.

Отец. Наши против наших?

Петр. Да, папа.

Отец. Это мне что-то не нравится, Петр. Это у вас, ребята, какая-то путаница... Ну, и ты, значит, был разведчиком, Петр?

Петр. Нет, папа. Я только писал в газетах.

Отец. Не ври, Петр. За это не расстреляли бы. У нас Казнили одних шпионов да изменников.

Иржи. Теперь, папа, другие времена.

Отец. Да, по-видимому. Очевидно, мои милые, теперь у вас какие-то новые правила игры. *(Поворачивается к матери.)* Ну, как она?

Ондра *(сидит, склонившись над матерью).* Ничего. Пока еще в обмороке. Можно подумать, спит.

Петр. Ну и хорошо. Она одна может нас слышать...

Ондра. И говорить с нами. Только мамочка может нас видеть. Она еще не утратила с нами контакта.

Петр *(рассеянно вертит глобус на письменном столе).* Доложу вам, мои милые, мучительная была минута, когда пришлось сказать ей...

Иржи. Знаю, знаю, дружище. Чувствуешь себя невероятно глупо, как будто ты должен сознаться в какой-то проделке. *(Открывает ящик письменного стола и роется в нем.)* Знаете, мамочка хранит даже наши трубки?! Ну, какая же она хорошая, эта мама! А ведь при жизни, бывало, только и слышишь: «Не дыми ты здесь, пожалуйста!» *(Привычным жестом курильщика машинально берет в рот пустую трубку и посасывает.)* Ммм... Честное слово, здесь чувствуешь себя совсем как дома.

Выстрелы на улице.

Отец *(подходит к окну).* Как будто стреляют. Тах-тах! Это солдатские винтовки. *(Прислушивается.)*

Петр *(передвигает с места на место пепельницы и пресс-папье).* Это наши. Наши стреляют!

Иржи. И мои тетради тоже здесь. Нет, в самом деле, чего только она не хранит, эта мама! *(Перелистывает тетрадь.)* Ага, мой чертеж. Так, безделка! Я пробовал набросать новый профиль крыльев.

Петр *(ставит на стол негритянскую фигурку, которая стояла на шкафу).* Пусти-ка!

Иржи. Зачем ты ее притащил?

Петр. Да так... Сам не знаю. От нечего делать.

Отец *(оборачивается, продолжая стоять у окна).* Оставь его, Иржи. Это просто беспокойство мертвых. Им хочется обратить на себя внимание, отметить, что они здесь побывали. У него со временем пройдет... Послушай, Петр! Ты, по крайней мере, держал себя... как мужчина?

Петр *(переставляет коробку с табаком).* Конечно, пана. Не сплоховал.

Отец. Это хорошо. Не посрамил фамилию!

Ондра *(сидит возле матери).* Должно быть... дьявольски неприятное чувство, когда тебя вот так... расстреливают.

Петр. И не говори! Стоишь со связанными за спиной руками, а против тебя шестеро солдат — простых деревенских парней... Мне их было ужасно жаль. Я бы не хотел быть на их месте.

Отец. Но глаза у тебя не были завязаны?

Петр. Нет, папа. Я не позволил.

Отец. Молодец! А кто командовал?

Петр. Какой-то щуплый, писклявый лейтенант. Страшно хорохорился, чтобы не было заметно, что ему не по себе. Тут же на моих глазах зарядил свой револьвер: на всякий, мол, случай, если солдаты промажут.

Ондра. Вот дьявольщина!

Отец. Так полагается, Ондра. Иначе нельзя.

Петр. Черт бы его побрал; он действовал мне на нервы, этот хлыщ! Ну, я ему и сказал: «Пошел прочь, болван, не мозоль мне глаза. Я сам скомандую!»

Отец. Этого не надо было, Петр. Казнь... дело серьезное. Я как-то раз присутствовал и... Ну, да что говорить!

Петр. Чем-нибудь надо же подбодрить себя, папа. Положение ведь довольно паршивое... Солдаты засмеялись, и я тоже. И всем стало как-то легче. А он покраснел, выхватил шашку да как закричит: «Смирно! Цельсь!» Откровенно сказать, ребята...

Иржи. Что?

Петр. У меня прямо колени подкосились. Чуть не упал. Вдруг такая отвратительная слабость в ногах... и в животе... Брр! Сам себе тряпкой показался. Странно, не помню даже, когда этот шут гаркнул: «Пли!» Почувствовал только, как холодный ветер пробежал у меня по волосам.

Ондра. Это от страха.

Петр. Может быть. *(Опять беспокойно передвигает вещи с места па место.)* Но скажу вам... это ужасное чувство. Ужасное.

Иржи *(подняв глаза от тетради).* Мне можешь не рассказывать.

Петр. Нет, ты себе не представляешь, Иржи... Ни ты, ни кто другой.

Иржи. Мне это хорошо знакомо, голубчик. Когда я падал со своим самолетом...

Петр. Ну, это только мгновенье.

Иржи. Напрасно ты так думаешь. С высоты двенадцати тысяч метров — это длится порядочно. Вообще невозможно определить, сколько времени падаешь. Кажется... целую вечность. И все время, все время чудится, будто вся земля валится тебе на голову.

Ондра. О чем же ты в это время думал?

Иржи. Да, собственно, ни о чем: мной овладело какое-то страшное спокойствие. Значит, конец? Отдаешь себе в этом полный отчет — тупо, ясно, спокойно. Да глядишь: где лучше расшибиться? Вон там не хотелось бы: там — деревья; на этом вот поле удобней...

Петр. Ну, это еще хорошо, Иржи.

Иржи. Хорошего мало. Такое безразличие хуже... отвратительней всякой боли. Словно в тебе заживо что-то каменеет, и ты уже не в силах шевельнуться... Брр!

Ондра. Это было не безразличие, Иржи. Скорей ужас.

Иржи. Не знаю. Но я не хотел бы еще раз испытать что-нибудь подобное. Уф!.. Ужасное ощущение!

Пауза.

Петр. А... с тобой как получилось, Ондра?

Ондра. Ну, у меня, дружище, было довольно времени. У меня это длилось... несколько суток.

Петр. Что? Умирание?

Ондра. Ну да. Я за целых три дня знал... что мне конец... О чем только за это время не передумаешь... чего только не вспомнишь! А я к тому же... был тогда занят еще наблюдениями: ага, вот один, вот другой симптом! Печень подвела, Ондрушка! Ну и пришлось — в дальний путь...

Отец. Скажи, Ондра, как ты подцепил желтую лихорадку?

Ондра. Это был эксперимент, папа. Мы хотели выяснить, передается ли зараза этим подлым комаром, этой самой стегомией, и от тех больных, которые перенесли первую стадию болезни. Это в точности не было известно. Вот я и дал себя искусать подопытным комарам.

Отец. И схватил лихорадку?

Ондра. Схватил — да еще какую... Но это противоречило нашим предположениям.

Отец. А какое значение имел подобный опыт?

Ондра *(пожав плечами).* Ну, хотя бы научное. Мы хотели узнать, как развивается этот микроб в комаре. Это очень важно, папа.

Иржи. И тяжело умирать от этой лихорадки?

Ондра. Тяжело, милый; валяешься, как Лазарь... Жар, желтуха... Всякие пакости. В общем, паршивая болезнь, друг мой. Брр! Никому не пожелаю.

Петр. Значит, только папка погиб у нас прекрасной смертью?

Отец. Я? Почему ты так думаешь?

Петр. Ну, быть убитым в бою — это, по крайней мере, значит выполнить свой долг; кроме того — имеешь возможность защищаться.

Отец. Но я ведь не был убит в бою, сыночек!

Петр. Нет? Как же так? А мы всегда думали...

Отец. ...что я был убит при последней вылазке? Нет. Это только для мамочки, дети. Нельзя же было сказать ей, как получилось на самом деле.

Иржи. А как получилось?

Отец. Я вовсе не был убит в бою. А просто остался лежать, мой мальчик.

Ондра. Раненый?

Отец. Ну да, и меня нашли туземцы.

Петр. А потом?

Отец. А потом они меня замучили. *(Махнув рукой.)* Ну, довольно об этом, правда? Как мамочка, Ондра?

Ондра. Пульс лучше.

Отец. Но она, конечно, так и не должна знать, что я вам сказал, дети.

Пауза.

Иржи *(над своей тетрадью).* Вот говорят... отдать жизнь за что-то великое: за науку, за родину, за веру, за спасение человечества или за что-нибудь еще в этом роде. А когда с тобою случается...

Ондра. ...так все выглядит совсем иначе, знаю. Если б люди могли себе представить, каково при этом человеку... они, наверно, меньше твердили бы о том, как прекрасно... за что-то умереть. Прекрасно! Я не нахожу в своей смерти ничего особенно прекрасного.

Петр. И я тоже, дружище.

Вдали ружейный залп. Пауза.

Отец. Да!.. Люди всегда умирали за что-нибудь — кто их знает, за что... Должно быть, так надо. Но иногда мне приходит в голову... был бы я теперь полковником, а то и генералом, получал бы пенсию, жил бы здесь с вами, писал бы мемуары и копал грядки в огороде... Это было бы неплохо, ребятки. Что ни говорите, а жизнь есть жизнь: по крайней мере, можно что-то делать... Я знаю — вы все отдали жизнь за что-нибудь великое: Ондра — за науку, Иржи — за технический прогресс, а Петр... За что ты умер, Петр?..

Петр *(отрываясь от шахматной доски).* За равенство и свободу, папа.

Отец. Вот... Ну, а я — за короля, отечество и честь знамени. А может быть, просто из-за того, что наш полковник отдал идиотский приказ. Впрочем, теперь уже — все равно. Конечно, все это очень хорошо и благородно, но только... знаете, я ведь дольше вас всех покойник, и скажу вам... неплохо было бы пожить еще немножко. Я очень любил жизнь, дети. Очень. А когда посмотрю на вас, то почему-то думаю: черт возьми, пожалуй, кто-нибудь из этих мальчишек мог бы и в самом деле прославиться чем-нибудь замечательным... или даже великим. А то что — герои! Да, жаль. Могли бы еще пожить, ребята...

Ондра *(потягивается и встает).* Да, прямо злость берет, когда можешь только смотреть, что делают другие... Мы, мертвые, прозябаем. *(Подходит к книжному шкафу.)* Эх, друзья, будь я сейчас жив, я бы работал как одержимый. Сонная болезнь, например, — страшно интересная штука.

Иржи *(углубившись в свою тетрадь).* Ах, какой я дурак!

Отец. В чем дело?

Иржи. Да я — насчет этой моей конструкции плоскостей. Ведь вполне возможная вещь, папа. И черт бы меня побрал — что я не доделал этого раньше... Минуточку! Вот тут надо было бы выровнять так... *(Чертит, сидя за письменным столом.)* Превосходно!

Ондра *(открывает шкаф).* Нет, в самом деле на маму просто не надивишься!

Петр. А что?

Ондра. До сих пор выписывает мои медицинские журналы. Вот новый номер «Бюллетеня тропических болезней». Я тоже там печатался.

Петр. Там ведь был очень хороший некролог о тебе.

Ондра *(вытаскивает один из номеров).* Ну-ка, посмотрю я здесь одну вещь. *(Удобно устраивается на диване и начинает просматривать неразрезанный номер журнала.)*

Отец *(стоит, склонившись над матерью).* Ну, видишь, душенька, у тебя снова целый полк сыновей. И чувствуют они себя как дома. Ведь для тебя, мамочка, мы все по-прежнему живы, не правда ли?

Петр *(над шахматной доской).* Нет, так не выйдет. Черт, трудная задача!

Иржи *(над чертежом).* Так, пожалуй, можно, но только центр тяжести надо обязательно переместить пониже.

Отец *(открывает граммофон).* Этот граммофон я всюду возил с собой, ребятки. Даже в поход. *(Машинально заводит граммофон.)* А это была самая моя любимая пластинка. Мама, бедная, так и оставила ее на память обо мне... *(Пускает пластинку.)*

Граммофон тихо играет. Отец слушает. Остальные все погрузились каждый в свои думы.

Ондра *(склонившись над журналом).* Гм, оказывается, нашли-таки кое-что против проказы. Это хорошо!

Снаружи слышна стрельба.

Иржи *(над чертежом).* А там все стреляют.

Петр *(над шахматной доской).* Погодите. Теперь только начинается!.. Твоя задача, папа, дает только ничейный результат. Ни черные, ни белые не могут выиграть. Жалко...

Стрельба усиливается, пластинка доиграна, и граммофон замолкает.

Отец. Самая моя любимая... *(Оборачивается и прислушивается.)* Слышите? Та-та-та. Это пулеметы, Петр.

Петр. Это — начало. *(Вскакивает.)* Ах, как бы я хотел быть с ними. Держитесь, товарищи!

Ондра *(встает и откидывает в сторону журнал).* Значит, опять будет много героев? Нет, это мне не по душе.

Петр. Да ведь это же музыка, Ондра! Слушай! Это наши переходят в наступление. Оно уже началось, друзья. Они идут в атаку. Расчищают себе дорогу пулеметами и — вперед, вперед... Какая мощь! Нет, я умер не напрасно!

Глухие раскатистые выстрелы.

Отец. Это — скорострельное орудие. Пам-пам-пам-пам. Расстояние — три километра, направление — туда.

Иржи *(вставая).* Центр города, папа!

Петр *(лихорадочно).* Это наши орудия! Значит, мы победили!

Отец. Как бы это не напугало маму.

Ондра. Она еще ничего не чувствует. *(Машинально разворачивает и сворачивает ленту бинта, которую он вынул из кармана.)* С ума сошли! Стрелять на улицах! Ведь это же бойня!

Петр. Пускай бойня! Надо расчистить место для нового мира. Ах, Ондра, Иржи! За это не жаль отдать жизнь! Даже тысячи и тысячи жизней... Вы слышите пальбу? Она прекрасна! Ах, если бы только я мог быть с ними...

Отец. А теперь стреляют со всех сторон... Это мне не нравится. Это, брат, не регулярное сражение. Это похоже скорее на побоище.

Петр. Ничего не поделаешь! Иначе невозможно. Народ должен наконец разделаться с этими предателями... Пусть перестреляют всех белых бандитов! Слышите, как разгорается бой? Наши не сдадутся. На нашей стороне пехота. На нашей стороне матросы. На нашей стороне народ. У них — только офицеры. Правда, у них самолеты и тяжелые орудия, но ведь в городе они не могут пустить их в ход. Иначе они разгромят весь город — правда, папа?

Отец. Не знаю, Петр. У вас какие-то новые правила.

Иржи *(подходит к радиоприемнику).* А в чьих руках радиостанция?

Петр. Понятно, в наших. Попробуй, Иржи. Может, услышим.

Иржи. Ладно. *(Вертит ручку.)* Тише!

Голос по радио *(напоминающий голос Корнеля).* Алло! Говорит штаб белых.

Петр *(остолбенев).* Не может быть!

Голос по радио. Алло! Алло! Командующий войсками белых в последний раз предлагает черным бандам прекратить бой на улицах города. Сложите оружие! В противном случае командующий через пять минут даст артиллерии приказ открыть огонь по городу.

Петр *(кричит).* Это невозможно! Папа, Ондра, неужели они это сделают? Они просто спятили!

Голос по радио. Алло! Алло! Командующий войсками белых предлагает всем жителям немедленно укрыться в подвалы. Если черные не сдадут своих позиций, через четыре минуты артиллерия начнет обстрел центра города. В случае надобности будет произведена также воздушная бомбардировка.

Петр. Варвары! Варвары! Вы этого не сделаете! Вы просто хотите нагнать на нас страху, белые звери!

Голос по радио. Алло, алло! Вся ответственность за разрушение города и человеческие жертвы падет на руководство черных. Мы предупреждали их своевременно. Мы до последней минуты вели переговоры, а в это время черные начали преступно умерщвлять наших заложников, наших офицеров, жителей города...

Петр. Это ложь! Это вы начали! Псы! Кровавые псы! *(Обнажает свою простреленную грудь.)* Это что, по-вашему?

Голос по радио. Мы отказываемся от дальнейших переговоров. Каждый захваченный с оружием в руках будет расстрелян на месте. Все, кто был на стороне черных, будут преданы военному суду. Алло, алло! Через две минуты артиллерия начнет обстреливать центр города. В последний раз предлагаем черным сдаться. Только таким путем вы можете избавить наш город от невиданного разгрома.

Петр. Нет, нет, нет! Не слушайте их! Товарищи, не сдавайтесь! Пусть громят город, коли на то пошло!

Ондра. Есть за что умирать, не так ли? Выключи, Иржи!

Иржи поворачивает рычажок радиоприемника.

Петр. Да, есть за что умирать! Черные, вперед! За нашу свободу! За нашу победу! За новый мир! Товарищи, не сдавайтесь! Пусть уничтожат город, пусть погибнет народ, пусть разрушится весь мир — только бы победило наше дело. Лучше смерть, только бы не восторжествовали эти белые псы!

Вдали орудийный залп.

Отец. Это тяжелые орудия. Шестидюймовки. Сдержали-таки слово.

Иржи. Знаете, друзья мои, я почти рад, что...

Отец. ...что ты мертв? Охотно верю. Бум! Это была девятидюймовка, ребятки.

Петр. Убийцы! Подлые убийцы!

Ондра. Погодите! Тише! Мама приходит в себя.

Иржи. И как раз в такую минуту. Бедняжка!

Отец. Погасите свет.

Полная тьма. Грохот орудий и треск винтовок.

Голос Ондры. Ну, прощай, мамочка.

Голос Отца. Не бойся, дорогая. Мы всегда с тобой.

Голос Иржи. Это только гроза, мама. Она пройдет.

Голос Петра. Убийцы! Убийцы!

Грохот орудий и ружейная пальба. За окном разрастается багровое зарево далекого пожара.

Мать *(встает)*. Петр!.. Корнель!.. Тони!.. Корнель, что это делается? Где Петр?.. Тони, где Корнель? Корнель, ты слышишь?

В дверях появляется Тони.

Тони. Мама, мамочка, ты здесь? *(Зажигает свет.)* А я ищу тебя...

Мать *(закрывает глаза рукой)*. Тони, где Петр? Он еще не вернулся?

Тони. Нет, мама. Ты не беспокойся...

Мать. Что там творится, Тони?

Тони. Стреляют, но очень далеко отсюда. Не бойся, мамочка. Я не отойду от тебя ни на шаг. *(Открывает ящик стола и хочет взять оттуда револьвер, заряженный Корнелем.)* Не бойся ничего.

Мать. Ты что там берешь, Тони? Положи сейчас же револьвер! Не трогай его! Эти игрушки не для тебя!

Тони. Я — ничего, мама... Я только думал... на случай, если бы что-нибудь... Видишь ли, Корнель говорил...

Мать. Да где же Корнель? Позови Корнеля!

Тони. Ты только не сердись, мама...

Мать. Тони, где наш Корнель?

Тони. Он пошел *туда* мама... Взял винтовку и сказал: «Тони... передай маме, пусть она не сердится, что мне приходится покинуть ее... но я *должен...* туда!»

Занавес опускается под грохот орудий.

Действие третье

Та же комната, но со стен убрано все оружие, со стойки исчезли все ружья и винтовки.

М а т ь *(снимает со стены последнюю пару пистолетов, запирает их в ящик письменного стола и берет себе ключ)*. Так. Не хочу, чтобы у Тони всюду было перед глазами оружие. *(Оглядывает комнату.)* Не хочу. *(Подходит к окнам и закрывает ставни.)* И на улицу он тоже не будет смотреть. *(Подходит к двери и поворачивает выключатель; зажигается люстра.)* Кажется, все?.. *(Подходит к радиоприемнику.)* Ты, ты будешь теперь молчать. Тони не должен знать, что происходит на свете. *(Стоит, задумавшись, возле радиоприемника.)* А мне, мне этого не нужно. Я больше ничего не хочу слышать. Меня больше ничто не трогает. *(Снова задумывается.)* Вот видишь, придется тебе помолчать. А тебе хотелось бы, наверное, говорить? Хотелось бы вскружить Тони голову? Нет, нет, больше ты здесь не будешь кричать. Объявляй свои новости где хочешь, только не здесь. Только не здесь. Здесь — я. Ты больше ничего не будешь вбивать в голову моему Тони... Ну, что ты на это скажешь? *(Включает радиоприемник.)* А?..

Ж е н с к и й г о л о с п о р а д и о *(страстный, убедительный)*. Это преступление. Преступно нарушены все человеческие права, попраны все соглашения, свершилось грубейшее насилие. Слушайте, слушайте, слушайте! Без объявления войны, без всякого повода, без единого слова предупреждения иностранная армия вторглась в нашу страну. Без единого слова предупреждения, без всякого повода, без объявления войны артиллерия и самолеты иностранной державы начали бомбардировать наши города. Враг выждал, когда наш народ ослабит сам себя жестокой гражданской войной, и теперь вторгся па нашу территорию под предлогом восстановления порядка. Кто дал ему на это право? Какой у него может быть повод к интервенции? Никакого повода и никакого права. Мы взываем ко всему миру: слушайте, слушайте,

слушайте! Совершилось преступление, неслыханное преступление! We call the world: hear, hear, it is an outrage, it is an awful crime! Nous appelons toute l'humanité; voyez, quel crime! Wir rufen die ganze Welt: es wurde ein schreckliches Verbrechen begangen! [1] Наш народ, наш несчастный, измученный народ истребляют, как диких зверей!

Мать *(выключает радио).* Что ты на меня кричишь? Я не хочу тебя слушать! Преступление, преступление! А разве это не было преступление, когда расстреляли моего Петра? Разве не было преступление, когда погиб мой Корнель? Мой Корнель! Мой Петр! И ты будешь рассказывать мне о преступлениях! Я лучше знаю, что такое преступления: я больше всех пострадала от них, — я, мать. Ну да, ты не знала моих мальчиков... Если б ты только видела их, как они наполняли собою дом... Можешь кричать на весь мир. Я тоже кричала, и ты думаешь — кто-нибудь отозвался? *(Снова включает радио.)*

Женский голос по радио. Мы сами, сами должны помочь себе. Будем защищаться до последней капли крови. Воздвигнем неодолимую преграду из наших тел и сердец. Наши войска, двинутые против неприятеля, сражаются с беспримерной отвагой; но они не смогут держаться, если не получат подкреплений. Мы обращаемся с призывом ко всем мужчинам: вы должны быть там, где они. Слушайте, слушайте! Мы обращаемся ко всем без исключения мужчинам. Мы взываем к вам, мужчины нашей страны: становитесь все, становитесь все под ружье! Мы взываем к вам, женщины нашей страны: беритесь все за работу, займите места своих мужей и сыновей, которых вы пошлете под знамена!..

Мать *(выключает радио).* Нет, нет! Это пустой разговор. Никого я не могу послать: у меня никого больше нет. Тони не в счет, Тони еще ребенок. Нет такого закона, чтобы дети шли на войну. Это бессмыслица. Да и что ты посылаешь под знамена чужих мужей и сыновей? Они не твои? Ну, так и помолчи! У тебя есть сын?

---

[1] Мы взываем ко всему миру: слушайте, слушайте, совершается грубое насилие, совершается ужасающее преступление! (*англ.*). Мы взываем ко всему человечеству: смотрите, какое преступление! (*франц.*). Мы взываем ко всему миру: совершилось ужасное преступление! (*нем.*).

Нет. Вот видишь! Тогда бы ты заговорила другим голосом! *(Включает радио.)*

Женский голос по радио. Уже не голос человека, а сама родина взывает к вам! Я, ваша родина, взываю ко всем мужчинам. Я, родина-мать, молю своих сыновей: защитите! Защитите меня, мои дети!..

Мать *(выключает радио).* Нет, ты — не мать. Мать — это я. Я, я, понимаешь? Какие у тебя права на моих детей? Если б ты была матерью, ты не посылала бы их на войну. Ты спрятала бы их, как я, заперла бы их на замок, как я, и кричала бы: не отдам, не отдам!.. Да мне уж некого отдавать, так и знай. Здесь больше никого нет. Здесь осталась только я — старая, глупая женщина. Я уже отдала всех сыновей. Больше у меня нету, нету...

В дверях появляется Тони.

Тони. Мамочка...

Мать *(оборачивается).* Чего тебе? *(Кричит с ужасом.)* Тони, ты тоже?.. *(Бросается к нему и ощупывает его со всех сторон.)* Нет, слава богу, это ты, ты! Ты ведь жив, правда?.. Как ты меня напугал! И чего ты тут ищешь, Тони? Ты же знаешь: я не хочу, чтобы ты... чтоб ты слушал здесь... эту женщину. Не желаю, Тони!

Тони. Но, мама, у нее такой... красивый и страшный голос! Знаешь, я так живо представляю ее себе: высокая, бледная... с огромными глазами...

Мать. Нечего тебе думать о ней!

Тони. Но она зовет меня!

Мать. Это к тебе не относится, Тони. Пусть говорит, что хочет. И больше не ходи сюда, мой мальчик. Я эту комнату запру на ключ.

Тони. Почему?

Мать *(садится).* Просто так. Возьму и запру... Я буду держать здесь разные продукты. Ведь если теперь начнется война, мне же нужно будет чем-то кормить тебя, мой маленький. Да и все равно эта комната ни к чему... Хорошо, что я позаботилась о продуктах!.. А мы с тобой будем жить внизу, в подвале. Чтобы нас никто не видел. Чтобы дом был как вымерший.

Тони. Но, мама...

Мать. Подожди, Тони, не перебивай. Не бойся, я тебя хорошо спрячу, никто не будет знать, что ты дома. Только никуда не выходи. Как-нибудь перетерпишь... Перетер-

пим вместе, пока все это не кончится. Ты даже и знать не будешь, что где-то война. Понимаешь — тебя это не касается. Ты еще слишком молод для этого. Мы укроемся в подвале, как мыши; ты будешь там читать свои книжки... и вспоминать, как светит солнце. Ну, скажи, чем плохо?

Тони. Мамочка, я прошу тебя... Прошу тебя, мама, отпусти меня!

Мать. Что тебе только приходит в голову? Довольно об этом, мой мальчик.

Тони. Мамочка, прошу тебя, отпусти меня, отпусти. Я хочу пойти добровольцем! Я не могу оставаться здесь!..

Мать. Не сходи с ума, Тони! Да тебя и не возьмут. Тебе еще нет восемнадцати...

Тони. Это теперь не имеет значения, мама! Все пойдут, вот увидишь. Из нашей школы весь старший класс запишется в добровольцы... Прошу тебя, мамочка, ты должна отпустить меня!

Мать. Это вздор, глупышка! Кому ты там нужен?

Тони. Напрасно так думаешь, мама. Я буду такой же хороший солдат, как любой мальчик из нашей школы! Я дал уже слово...

Мать. Кому?

Тони. Своим школьным товарищам, мама.

Мать. Мне кажется, Тони, это дело касается больше твоей матери, чем твоих товарищей.

Тони. Прости, мама, но если пойдут все...

Мать. ...то ты не должен идти, мой маленький. Ты останешься дома.

Тони. Но почему именно я не должен идти?

Мать. Потому что у тебя неподходящий для этого характер. Потому что ты слишком слаб для военной службы. И потому что я этого не хочу, мой сыночек. Достаточно?

Тони. Ты, мама, не сердись, но... посуди сама: ведь может погибнуть действительно все... родина... и народ...

Мать. Так ты собираешься спасать народ? Без тебя никак не обойдутся? Боюсь, дружочек, что это тебе не под силу.

Тони. Если бы все матери рассуждали так...

Мать. То я бы нисколько не удивилась. Ты думаешь, какая-нибудь мать может согласиться на то, чтобы у нее

отнимали всех детей одного за другим? Она не была бы матерью, если бы примирилась с этим!

Тони. Но когда идет такая ужасная война, мама...

Мать. Я в ней не виновата, Тони. Ни одна мать в ней не виновата. Мы, матери, никогда никаких войн не вели, сынок. Мы только расплачивались за них своими детьми. Но я уже не так глупа, чтобы отдавать последнее, что у меня осталось. Пусть устраиваются без меня. Я больше ничего не отдам. Я не отдам тебя, Тони.

Тони. Ты только не сердись, мама, но... я должен. Есть просто приказ. Все мужчины обязаны явиться...

Мать. Ты не мужчина, Тони. Ты мое дитя. Стоит мне закрыть глаза, и знаешь, что я вижу? Я вижу маленького ребенка, который сидит па полу, что-то лепечет и сует себе в ротик игрушку. Нельзя, Тони, нельзя! Вынь солдатика изо рта!

Тони. Я уже не ребенок, мама.

Мать. Нет? Ну-ка, подойди сюда, покажись мне! Так ты хочешь пойти на войну? У меня действительно был... взрослый сын, Тони, но он обещал мне... что-то другое, ты помнишь? У меня был сын, которого я учила... ненавидеть войну. Он говорил: «Мама, когда мы вырастем, войн больше не будет; мы не хотим воевать, мы не станем убивать друг друга, мы не позволим, чтобы нас погнали на бойню. Я просто не понимаю, мама, как можно поднять оружие на человека...» Ты помнишь, Тони?

Тони. Да, мама, но... теперь совсем другое дело. Теперь речь идет об обороне.

Мать. И ты мог бы кого-нибудь убить?

Тони. Да, мама. То есть я хочу сказать... если надо...

Мать. И ты пошел бы... охотно?

Тони. С величайшей охотой, мама!

Мать. Вот видишь, Тони! Вот видишь! Значит, и ты тоже выскользнул у меня из рук, мой мальчик! Теперь я и тебя больше не смогу понимать. Как это случилось, что ты так изменился, мой маленький?

Тони. Мама, ты плачешь? Ты... ты, значит, отпустишь меня?

Мать. Нет, Топи. Я старая... и упрямая женщина. Я не отдам своего сына на дело... которое я прокляла. Ваши войны слишком дорого обошлись мне, сыночек. Ты не пойдешь. Я тебя не пущу.

Тони. Мама, ты не сделаешь этого! Я от тебя убегу, вот увидишь! Убегу! Убегу!

Мать *(встает).* Вот как? Ну-ка, посмотри на меня, Тони! Посмотри на меня!

Тони. Мамочка, я так прошу тебя...

Мать. И ты оставил бы меня одну? И не подумал бы о том, что будет со мною? Разве я могла бы пережить, если бы ты ушел от меня? Нет, ты не сделаешь этого, Тони! Ведь у меня никого не осталось!

Тони. Да со мной ничего не случится, мама, уверяю тебя! Даю тебе слово, я это чувствую, знаю наверное... Я даже не могу себе представить, чтобы со мной что-нибудь случилось.

Мать. Да, ты не можешь себе этого представить... Но я могу, Тони. Я могу. Вы все, все до единого уходили из дому, как на прогулку: «Ты только не беспокойся, мама. Не успеешь оглянуться, как я уже буду дома». Я вас знаю, дружочек. Меня не обманешь...

Тони. Я вовсе не хочу тебя обманывать, мама. Я знаю, что... могу погибнуть. Даже ясно представляю себе эту картину... С той самой минуты, как я решил идти, я уже... столько раз умирал... то есть, конечно, только в воображении, но я видел это так ярко... Или, например, вижу — лежат ребята из нашей школы... как будто все они убиты, понимаешь? Лежат целой грудой, а у самих пальцы еще в чернилах... Но это все равно. Это нисколько меня не пугает. Я не чувствую никакого страха. И это доказывает, что я действительно должен идти. Я не могу даже себе представить, как это я не пошел бы... Мы решили, что это просто долг... Наш общий долг.

Мать. А знаешь, Тони, в чем заключается твой личный долг? В том, чтоб оставаться со мной. Это ты должен мне... за отца... и за братьев. Кого-нибудь вы обязаны мне оставить. У меня тоже есть... кое-какие права, дети!

Тони. Я знаю, мамочка, но есть высший долг...

Мать. Высший, высший... Ну да, милый, я вижу, что я для тебя уже ничто. В конце концов вам никогда не было до меня никакого дела. Я хорошо знаю ваши высокие мужские обязанности... но чтобы я носилась с ними *так же,* как вы, — этого никто не может от меня требовать. Для этого я слишком стара, Тони. Мне уже тысячи лет, дитя мое, много тысяч лет...

Тони. Мама, если ты не отпустишь меня, я... я...

Мать. Что я? Перестанешь меня любить? Станешь ненавидеть? Будешь презирать меня и себя, начнешь метаться, как на привязи?.. Все это я знаю, Тони. Что ж, не люби меня, мой маленький, но только будь со мной. А когда кончится эта война, сам скажешь: «Ты была права, мама, для жизни тоже нужны мужчины». *(Кладет руку ему на плечо.)* Ну так как же, Тони?

Тони *(отстраняется).* Мама, прошу тебя, не держи меня...

Мать. Ладно. Можешь ненавидеть меня, мой мальчик. У меня хватит твердости перенести... еще и это. В конце концов любовь тоже жестока и зла, мой милый. Я сама себе кажусь волчицей. Никто на свете не способен на такие безумства, как мать... Что же, если ты все-таки хочешь, иди, Тони, иди, но помни: ты меня убиваешь. Ну? Что же ты не идешь?

Тони. Прошу тебя, мамочка, не сердись на меня: я не умею объяснить тебе это, но позволь говорить ей... *(указывает на радиоприемник)* родине, и ты увидишь... сама увидишь, что я должен идти, как все...

Мать. Я ничего не увижу, Тони. Разве ты не знаешь, что я все глаза выплакала? Да и что должна видеть я, старая мать! Я всегда видела только вас, детей, вас, голышей в рубашонках. Может, я просто все никак не привыкну, что вы уже взрослые. Поди сюда детка, дай я посмотрю на тебя! Какой ты стал большой! Да, Тони, ты уже должен вести себя... как взрослый мужчина!

Тони. Да, мама. Должен.

Мать. Ну, вот видишь. Значит, ты не можешь бросить старую, сумасшедшую, больную мать, чтобы она тут извелась в одиночестве. Знаешь, что я стала бы делать? Я стала бы бегать по улицам и кричать, что проклинаю эту войну, проклинаю тех, кто посылает вас драться...

Тони. Мама!

Мать. Ты не должен доводить меня до этого, Тони. Ты должен быть... опорой и защитой для мамы... У меня больше никого нет, кроме тебя. Я знаю, что это для тебя — большая жертва... но ты должен, как мужчина, быть готов на жертвы...

Тони *(кусая губы и еле удерживаясь от* слез,). Мама, я... Конечно, если я тебе необходим... тогда я... я, право, не знаю...

Мать *(целует его в лоб).* Ну вот, видишь. Я же знала. Ты рассудительный и... мужественный мальчик. Папа был бы доволен тобой. Пойдем, Тони, нам надо подготовиться... к этой войне. *(Опираясь на его плечо, уводит его из комнаты. У дверей поворачивает выключатель.)*

Полная тьма. Слышно, как Мать запирает дверь снаружи и вынимает ключ из замка.

Голос Ондры. Бедная мамочка!
Голос Отца. Бедный Тони!
Голос Корнеля. Для него это трагедия.

Пауза. На улице слышна барабанная дробь и мерный шаг проходящих войск.

Голос Петра. Слышите? Войска.
Голос Иржи. Идут на фронт.
Голос Отца. Славно идут. Раз-два! Раз-два!
Голос Корнеля. Так и тянет — вместе с ними.

Пауза. Барабанная дробь постепенно затихает вдали.

Голос Отца. Может быть, по радио передают какие-нибудь сообщения. А, Иржи?.. Надо бы узнать, что делается.

Голос Иржи. Да, папа.

Щелкает рычажок включаемого радиоприемника.

Мужской голос по радио *(приглушенно).* ...наша восточная армия продолжает отступать с ожесточенными боями; на правом фланге она удерживает позиции, опираясь на горный хребет, оказывает неприятелю упорное сопротивление.

Голос Отца. Только бы нас не обошли!

Мужской голос по радио. В воздушных боях сбито семнадцать самолетов противника. Девять наших летчиков не вернулись.

Голос Отца. Девять против семнадцати? Неплохо.

Мужской голос по радио. Неприятель продолжает бомбардировать наши незащищенные города. Число убитых среди гражданского населения достигает восьми тысяч. О судьбе города Вильямедии, подвергшегося нападению неприятельских самолетов, более подробных сведений пока не поступало.

Голос Отца. Выключи, Иржи. Кто-то идет.

Снова щелкает рычажок.
Тишина. Звук поворачиваемого в замке ключа. В темную комнату входит Мать.

Мать *(запирает за собою дверь, делает несколько шагов и останавливается в неподвижности).* Я знаю, что вы здесь. Сползаетесь сюда, как тараканы на хлеб... Ну, чего вы от меня хотите?

Голос Отца. Мы, душенька, пришли к тебе... просто так...

Мать. Не ко мне, Рихард... *(Зажигает лампу на письменном столе и оглядывается вокруг.)*

В разных местах комнаты сидят или стоят: Дед, Отец, Ондра, Иржи, Корнель и Петр.

Корнель. Добрый вечер, мама.

Мать. Я вижу, вы все в сборе.

Отец. Ты не заметила, дорогая: ведь и дедушка тоже пришел.

Дед *(сидит в кресле, одетый в старомодную черную пару с орденами).* Добрый вечер, дочка!

Мать. И дедушка наш здесь? Я так давно не видела тебя, папочка.

Дед. Ну вот и увидела, милая! Я не очень изменился, правда?

Мать. Совсем не изменился. А почему... *(Переводит взгляд с одного на другого.)* Почему вы вдруг все собрались? Вы что, хотите семейный совет устроить?

Ондра. Да нет же, мамочка. Мы просто хотели быть с тобой в эти тяжелые дни.

Мать. А ты не обманываешь, Ондра? Что-то я не помню, чтобы вы когда-нибудь так дорожили моим обществом... О чем же вы здесь беседовали?

Иржи. Ни о чем, мама. Слушали последние известия.

Мать. Скажите! Как-то плохо верится, чтобы это могло интересовать вас.

Петр. Нас? Мертвых? Нет, мы страшно интересуемся, мама. Гораздо больше, чем ты думаешь.

Мать. Но, слава богу, уже не можете ввязываться в эти дела.

Отец. Гораздо больше, чем ты предполагаешь, душенька. Гораздо больше, чем кажется вам, живым. Когда начинается война, мы, мертвые, поднимаемся...

Корнель. Мы вовсе не так мертвы, мамочка, как ты это себе представляешь.

Петр. Ведь в том, что сейчас совершается, — наша судьба. И наше дело.

Мать. Да, ваше дело, я знаю. Но если так выглядит ваше дело, то хвастать вам решительно нечем.

Отец. Но, дорогая, война ведь далеко не кончена. Ее еще можно великолепнейшим образом выиграть. Надо только пополнить армию свежими силами... Этот левый фланг очень меня тревожит. Послушай, старушка, куда ты дела мои штабные карты?

Мать *(открывает ящик письменного стола).* Вот здесь все. Зачем они тебе, скажи на милость?

Отец. Хочу кое-что посмотреть. Спасибо. *(Раскладывает карты на столе.)*

Корнель. Хуже всего то, отец, что у нас перебит весь кадровый состав. Мало офицеров. В этой гражданской войне их убивали, как мух. Только теперь представляешь себе, какая это была бойня.

Петр. Эту бойню устроили вы, Корнель!

Корнель. Нет, не мы, Петр. Это вы во всем виноваты, вы со своим анархизмом, со своим сбродом, со своим гибельным пацифизмом.

Петр. Нет, вы — со своими пушками. Это было похуже!

Корнель. Чепуха какая! Что же, по-твоему, мы должны были спокойно смотреть, как вы развращаете народ? Благодарю покорно, только этого недоставало! Счастье еще, что мы не дали вам разложить ядро нашей армии.

Петр. Нет, счастье, что мы научили народ сражаться, не боясь смерти.

Корнель. Но не научили его повиноваться.

Петр. Да, вам он повиноваться не будет. После войны увидишь...

Корнель. Станет кто-нибудь после войны заниматься вашими бессмысленными утопиями!

Петр. Станет, мой милый! Именно тогда-то и станет! Раз народ получил в руки оружие... Тут только и обнаружится, какую пользу принесла эта война.

Корнель. Слушай, Петр, если кто выиграет в этой войне, так это нация. Сильная, дисциплинированная, осознавшая себя нация. Поэтому я благословляю войну.

Она положит конец этой глупой и вредной болтовне о новом, лучшем устройстве мира.

Мать. Дети, дети, вы еще спорите? Как вам, право, не стыдно: оба из-за этого погибли, а вам все мало? Что подумает о вас дедушка?

Дед. Я в этих вещах, дочка, не разбираюсь. Видно, молодая кровь...

Петр. Прости, мама, но пока живут наши идеи... пока не победило то дело, за которое мы боролись... до тех пор немыслимо быть равнодушным даже после смерти.

Ондра. Ведь мы еще продолжаем борьбу, мамочка. За правду, за народ, за человечество — каждый за свое. И по-прежнему желаем победы нашего дела. И сейчас рискуем все проиграть — даже после смерти.

Отец *(склонившись над штабной картой).* Вот на Этой линии можно было бы, пожалуй, организовать оборону. Это был бы, мои милые, классический маневр: прочно закрепиться в центре и прорвать неприятельский фронт на фланге. А потом прижать бездельников к морю!

Корнель. Надо подумать, отец. Для прорыва потребовались бы огромные силы.

Отец. Конечно, друг мой, конечно. Ну, да ведь мы все пойдем, правда?

Мать. Кто это все, Рихард?

Отец. Ну, вообще все, душенька. И мы. Мы тоже.

Мать. Очень вы там нужны!

Ондра. Больше, чем ты думаешь, мамочка. Народу нужно, чтобы с ним шли его мертвые.

Мать. Для этого-то ему и понадобилось стольких подготовить?

Петр. Видишь ли, мамочка, на этот раз дело касается... нас. Если бы эта война была проиграна... то оказалось бы, что все мы напрасно пожертвовали жизнью; оказалось бы, что все кончено, и от нас, мертвых, ничего не осталось.

Мать. Рихард, дети, вы... вы в самом деле хотите идти?..

Иржи. Должны, мамочка. Это наша обязанность. Ведь ты же знаешь, что призывают всех. Папа пойдет со своим прежним полком...

Петр. Я хотел бы пойти с добровольцами.

Иржи. А я... вероятно, буду вместе с летчиками.

Отец. Вот если б Тони попал в мой полк!

Мать. Рихард!..

Отец. А что? Это, душенька, был прекрасный полк. Прославленный полк. В нем всегда было больше всего убитых.

Мать. Так вот зачем вы явились сюда? Я так и думала... Но я вам Тони не отдам! Слышите? Тони не может идти! Не может!

Отец. Очень печально, если это так... Мне было бы ужасно жаль мальчика.

Ондра. Пойми же, мамочка, Тони чувствовал бы себя страшно униженным, если б был вынужден оставаться дома. Он такой чувствительный... Это для него дело совести.

Иржи. Как-никак, он... сын майора! Отец пал на поле битвы... как герой. Согласись, мама: ну как может наш брат не явиться на призыв? Это — вопрос чести, понимаешь?

Корнель. Идет бой за родину, мама. Ему необходимо явиться. Это его долг.

Петр. Я тоже прошу тебя, мама. Ты знаешь, я всегда был... да и сейчас остаюсь противником войны. Но такому насилию мы должны дать отпор. Это вопрос принципа.

Мать *(оглядывается во все стороны, как затравленная)*. Так вы хотите, чтоб он тоже погиб? Вы за ним сюда пришли, да? Значит, вы все против меня! Все против меня!..

Отец. Но, душенька, тут нет ничего, что было бы против тебя.

Мать. Есть! И чего только они против меня не выдвинули! Честь! Совесть! Принцип! Долг! Это все, наконец? Больше ничего у вас нет в запасе?

Ондра. Что ты хочешь этим сказать, мама?

Мать. Вы забыли еще прибавить: «Ты, мамочка, этого не понимаешь. Это мужское дело».

Отец. Ты права, Долорес. Это мужское дело.

Мать. Так... Ну, а я, видите ли, сделала из него... свое женское дело. Свое материнское дело. Мы, как видно... не поймем друг друга, Рихард. И с вами, дети... мне уж тоже не сговориться. Думаю, что нам лучше прекратить этот разговор.

Иржи. Но, мамочка...

Мать. Оставьте меня в покое! И... уходите отсюда! Я... я больше не желаю вас видеть. *(Отворачивается.)*

Пауза. Мертвые растерянно смотрят друг на друга.

Ондра. Мама нам не доверяет...

Мать. И есть за что, Ондра...

Ондра. Мы для Тони... дурной пример, правда? Ну, а если то же самое скажет тебе дедушка?..

Дед. Кто? Я?

Все поворачиваются к Деду.

Дед. Мне, знаете ли, ужасно трудно... Я ведь не солдат и не герой... Я даже не помню хорошенько, была ли при мне какая-нибудь война.

Мать. Послал бы ты своего последнего сына на войну, папочка?

Дед. Мы, дочка, жили по старинке. Вы — совсем другие люди. Вы привыкли к войнам и... всяким таким вещам. Один мертвый, тысяча мертвых, сто тысяч мертвых — разве для вас это имеет значение? А мы — куда там! Для нас война была вроде сказки, чем-то таким небывалым...

Мать. Ну, а если б случилась, папочка? Если бы случилась?

Дед. Погоди, не спеши; мы так дела не решали... гоп-гоп! Понимаешь, мы о войнах больше по книгам знали: ну, учили нас, что смерть за родину — славная смерть. Мы, старики, верили этому, детка. Правда, тогда не погибало столько народу, как теперь... это случалось реже, понимаешь? Ну, да мне уж не меняться. Умереть за родину — я бы пошел, детка. Прямо скажу, пошел бы.

Мать. Я верю тебе, папочка. Но послал бы ты на войну своих детей?

Дед. Погоди, это другой вопрос. Ты не путай, я только говорю, что будь я на месте Тони, так пошел бы. Я старик, дети, да и вообще... особенных геройств за мной не водилось. Ну, а в жизни кое-чего достиг. Считаю, что прекрасную сделал карьеру: такая высокая должность, чины, ордена... Да... Так что я хотел сказать?

Мать. Послал бы ты своих детей на смерть, папочка?

Дед. Ага, так, так!.. Вот, значит, дожил и до самых преклонных лет, достиг всего... и оставил по себе добрую память. Словом — счастливая жизнь. А все-таки иногда думаю: неужели это все?.. Так-то, девочка...

Мать. Что ты хочешь этим сказать? Какое это имеет отношение к Тони?

Дед. Никакого, доченька, никакого. Я только к тому, чтоб ты знала, что такое жизнь. Видишь ли, когда ты должна была родиться, твоей маме... это жизни могло стоить. Я стоял возле нее на коленях, ну, и... страшно мне было совестно. Говорю себе: вот жена всем рискует, чтобы на свет родился ребенок, а я что?.. Так, видишь ли, в том-то цена жизни и заключается, что за нее иной раз платить приходится... даже жизнью самой. Это тоже и женское дело, детка. И так во всем. Если бы за родину жизнью не платили... если бы за честь, за правду, за свободу не платили жизнью, то не была бы им такая огромная, такая страшная цена. Ты... отпусти своего сынишку. Уж так... полагается.

Мать. И больше ты мне ничего не скажешь, папочка?

Дед. Да уж не знаю, что еще, доченька. Хотелось бы мне, видишь ли, хоть как-нибудь полезным быть в этой войне. Если б мог я послать туда хоть одного внука... хоть одного... чтоб не таким уж мертвым, ни на что не годным быть! Конечно, такой старый, мертвый человек, как я, не может много дать...

Мать. Ведь ты моего Тонн даже не видел, папочка! Как ты можешь так говорить?

Дед. Не видел, правда. Но ведь это — мой род. Он пошел бы за всех за нас! Такой хороший, старинный род...

Мать. Нет, папочка, Тони не пойдет!

Дед. Как хочешь, доченька. Обидно только... Такой хороший род...

Пауза.

Отец. Послушай, душенька, в самом деле! Отпусти мальчика.

Мать. Да ведь ты совершенно не знаешь Тони, Рихард! Ты никогда не брал его на руки, никогда не держал у себя на коленях... Если бы ты знал, какой он был крохотный, когда родился, если б видел эти ручки... Нет,

ты не можешь этого понять! Ты бы так не говорил, если б знал его! Тони не может идти. Тони слишком слаб для военной службы. Ты же его знаешь, Ондра; ты врач и можешь рассказать им, каким слабеньким был всегда Тони! Ты сам прописывал ему разные лекарства, помнишь? Ты был ему вместо отца, Ондра; так скажи, скажи им, что Тони не может идти!

Ондра молча пожимает плечами.

Не хочешь говорить? Тогда скажи ты, Иржи! Ты ведь тоже можешь подтвердить... Из всех детей ты был самым большим шалуном... и разве мало ты издевался над Тони за то, что он не умел и не любил шалить? Ты всегда говорил: «Тони — недотрога, Тони — девчонка, Тони — трусишка...» Вспомни, как ты его дразнил! Вот и скажи теперь, Иржи, скажи сам: как такой робкий мальчик пойдет на войну? Можешь ты вообще представить себе Тони с винтовкой?

Иржи молча пожимает плечами.

Значит, ты тоже не хочешь говорить? Ну, так ты, Корнель, или ты, Петр. Вы ведь знаете Тони, знаете, какой он впечатлительный. Только вы начнете, бывало, ссориться и драться, он сейчас же побледнеет как мел и в слезы... А помните, что было, когда он однажды увидал, что какой-то возчик истязает свою лошадь? С ним чуть не сделались судороги... Целый месяц потом кричал по ночам... Согласись сам, Корнель: ну куда же ему на войну? Скажи хоть ты, Петр!.. Ведь вы двое, вы знали его лучше всех...

Корнель. Серьезное дело, мама. Всем придется идти.

Мать. Вы просто не любите Тони! Никто из вас не любит его!

Отец. Да нет же, душенька, любим. Крепко любим... А только... мальчик ведь мучиться будет, если останется дома. Хоть ради него самого...

Мать. Так пускай, пускай мучается, раз он в самом деле такой... раз это для него настолько тяжелая жертва — остаться с матерью... Да... значит, и Тони не любит меня!

Ондра. Любит, мамочка. Он тебя страшно любит. Мы все тебя любим.

Мать. Нет, Ондра! Этого вы мне не рассказывайте! Вы вообще не знаете, что такое любовь. У вас всегда было что-то еще другое, гораздо более важное, чем любовь. А у меня — нет. Для меня нет ничего важнее на свете, Рихард! Если бы вы только могли понять это чувство — иметь такого ребенка. Ах, Рихард, если б ты видел Тони, когда он родился! Он был такой нежненький и... такой сладкий... Если б ты видел, какие у него были смешные волосики!.. Как вы можете допустить мысль, что Тони может вдруг пойти на войну?

Иржи. Но, мама, Тони уже взрослый.

Мать. Это вам так кажется, но не мне. Вот и видно, что вы ровно ничего не понимаете! Тони — это плачущий ребенок, которого я родила, ребенок, которого я кормлю грудью, ребенок, которого я держу за маленькую, потную ручку... Боже мой, да вы просто с ума сошли! Да как я могу куда-нибудь отпустить такое дитя?

Иржи. Нас... тебе ведь пришлось отпустить, мамочка.

Мать. Неправда! Я вас не отпускала! Но у вас... у вас всегда был какой-то особенный, свой собственный мир, куда мне никак не удавалось проникнуть за вами... свой собственный мир, где вы играли во взрослых... Но неужели вы думаете, что для меня вы были когда-нибудь взрослыми, большими? Вы? Или что я когда-нибудь видела в вас героев? Нет, мальчики! Я видела в вас только моих убитых птенчиков, только маленьких глупых ребятишек, с которыми случилось несчастье... А ты, Рихард, знаешь, чем ты был для меня? Мужем, который спит с открытым ртом, вот здесь, рядом со мною: я слышу его дыхание и всем своим телом, всей своей радостью чувствую, что он мой! И вдруг где-то там далеко его убивают! Неужели вы не понимаете, как это бессмысленно? При чем тут я, какое мне дело до какой-то вашей дурацкой, далекой Африки? А между тем я, именно я должна была отдать за нее человека, который принадлежал мне, мне, мне...

Отец. Да ведь это было так давно, дорогая!

Мать. Нет, Рихард. Для меня — нет. Для меня это все — настоящее. Или, например, ты, Ондра. Ты для меня все тот же ворчливый, всегда нахохленный, не по

летам умный мальчик; я гуляю с тобою по нашему саду, положив руку тебе на плечо, — делаю вид, будто я на тебя опираюсь... Или ты, Иржи: сколько раз я чинила твои штанишки! Ты вечно лазил по деревьям... Помнишь, мне каждый вечер приходилось смазывать йодом твои бесчисленные ссадины и царапины? А ты говорил: «Да это совсем не больно, мама. Так, ерунда...» Или ты, Корнель...

Корнель. Ну, к чему, мама! Всякие мелочи...

Мать. К чему? Вот этого-то вы и не понимаете. Для меня каждая такая мелочь и сейчас в тысячу раз важней всех ваших войн и экспедиций. А знаешь, почему? Потому что вы для своей мамы всегда оставляли одни эти мелочи. Только в этих мелочах я и могла вам служить. И это был мой мир. А когда вы вбивали себе в голову что-нибудь великое, так ускользали от меня... Но вы не могли смотреть мне прямо в глаза, словно знали, что у вас совесть не чиста. «Ты этого не понимаешь, мамочка!» Теперь вы опять смотрите в сторону. Да, вы все! Я знаю, опять у вас что-то на уме, что-то ваше, что-то великое...

Ондра. Ты, мамочка, не сердись, но на этот раз речь действительно идет о деле настолько важном...

Мать. Я не желаю об этом слышать, Ондра. Если речь идет о Тони, я ничего не хочу слышать. У вас свои соображения, а у меня свои. У вас свои великие задачи и обязанности, своя слава, честь, родина и... уж я не знаю, что еще...

Отец. Свой долг, дорогая.

Мать. Да, свой долг... У меня тоже была своя слава — это были вы. Был свой дом — это были вы. Свой долг — это были вы, вы, вы... Так объясните же мне, почему в течение всей древней, и средней, и новой истории одна только я, я — мать, я — женщина, должна платить такой ужасной ценой за ваши великие дела?!

Дед. Ты не должна на них так сердиться, детка.

Мать. Я сержусь не на них, папа. Я сержусь на наш мир. Потому что он все время посылает моих детей на смерть во имя чего-то великого, во имя славы или спасения человечества или еще чего-нибудь в этом роде... И что же, по-твоему, папочка: стал наш мир от этого

хоть немного лучше? Вообще, нужно это было для чего-нибудь?

Дед. Нужно, доченька, нужно. Видишь ли, великое прошлое тоже необходимо людям.

Отец. Я знаю, дорогая, это было очень тяжело для тебя, но... когда я вот так на тебя смотрю...

Мать. Не смотри на меня, Рихард! Дети, не смотрите на меня! У меня ужасный вид, когда я злюсь...

Отец. У тебя просто горячий характер, детка. Ты бы... тоже пошла на смерть, если бы это понадобилось.

Мать. Но только за вас, пойми! За вас и ни за кого другого. За своего мужа, за свою семью, за своих детей... Какое дело мне, женщине, до чего-нибудь другого! Нет, нет, нет, я вам Тони не отдам!

Пауза.

Ондра. Видишь ли, папа, она отчасти права. Тони действительно... физически слабоват. Такой, знаешь, вялый, недоразвившийся юноша...

Иржи. Это скорее психическая слабость, Ондра. Он какой-то восторженный и при этом невероятно боязливый. Я еще никогда не видал мальчика, у которого было бы так мало инстинктивной смелости.

Корнель. В этом он, пожалуй, не виноват, Иржи: это нервы. Тони — мальчик одаренный, но до невозможности нервный. Даже не поймешь, что из него выйдет.

Петр. Жаль, жаль беднягу. Так из него никогда ничего не выйдет.

Мать. Нет, вы не смеете так говорить! Вы на него клевещете! Не верь им, Рихард, они его всегда недооценивали. Тони просто... слишком чувствителен. А в остальном к нему теперь не придерешься. Ты был бы доволен, Рихард, если б увидел, какой он стал сильный и здоровый! И если хочешь знать, — он сам хотел пойти на войну добровольцем. Пришел ко мне, стал упрашивать... Нет, Тони тут ни при чем. Это я его не пустила. И не пущу.

Отец. Но почему же, Долорес?

Мать. Потому что не хочу остаться одна. Может быть, с моей стороны это эгоистично... но у меня ведь нет

больше никого, кроме Тони, Рихард! Послушайте, дети, послушай, папочка... я прошу вас, оставьте мне его! Ведь иначе мне не для чего будет жить, не о ком будет заботиться, не останется уже ничего... Неужели у меня нет никакого права на того, кому я дала жизнь? Неужели за все тысячи лет я так ничего и не заслужила? Прошу вас, дети, сделайте это для меня, для вашей выжившей из ума, замученной мамы, и скажите сами, что я не должна отдавать его... Ну, говорите же! Что вы молчите?

Пауза.

Дед. Господи, как это все тяжело! Не надо так волноваться, детка. Может быть, до Тони даже и не дойдет. Кто знает, может быть, уже поздно... и мы потерпели поражение...

Отец *(нагнувшись к карте).* Нет еще, дедушка! На этой линии можно было бы дать отпор. Если напрячь все силы...

Петр. Я верю в наш народ, папа. Народ получил оружие и... будет отстаивать каждую улицу. Вот увидишь, пойдут даже дети. Они подберут отцовские ружья и начнут стрелять...

Корнель *(оглядываясь вокруг).* Мама, куда ты спрятала все оружие?

Мать. Что ты говоришь, милый?

Корнель. Куда ты дела все папино оружие?

Мать. Спрятала. От Тони...

Корнель. Досадно. Там надо бы смазать одну винтовку.

Иржи *(выдвигает ящик письменного стола и, вытащив свою старую тетрадь, перелистывает ее).* Обидно, что мне не удалось разработать до конца эту конструкцию. Пригодилась бы. *(Усаживается с тетрадью в кресло.)*

Отец *(склонившись над картой).* Вот эту позицию, ребятки, я с удовольствием взялся бы оборонять. Замечательный горный проход...

Корнель. Скажи, мама, где у тебя эта винтовка?

Мать. Ну, и хлопот у вас, я вижу! *(Открывает дубовый шкаф.)* Вот, бери.

Корнель. Спасибо. *(Вытаскивает из шкафа винтовку и осматривает ее.)* Пригодилась бы. *(Вынимает из ящика стола паклю и масло и начинает чистить винтовку.)*

Пауза.

Дед. Ну, деточка, видишь, почти вся твоя семья в сборе.

Петр. Слышите?

Иржи. Что?

Петр. Эту тишину.

Ондра. Будто кто хочет что-то сказать.

Петр. Кто?.. *(Переводит взгляд с одного на другого, пока не замечает радиоприемника.)* Ага, знаю!

Отец *(поднимает голову).* Что такое? *(Оборачивается к радиоприемнику.)*

Иржи *(поднимает голову).* Что случилось? *(Устремляет напряженный взгляд на радиоприемник.)*

Все смотрят на радиоприемник. Пауза.

Мать. Если вы хотите... Вас ведь теперь больше ничто не интересует. Только война. *(Включает радио.)*

Мужской голос по радио. ...авангард приближается к реке. Добровольческие отряды взорвали мосты и готовятся до последней капли крови защищать предместные укрепления. Необходимо задержать неприятеля во что бы то ни стало. Добровольцы просят передать всем: «Умрем, но не отступим».

Женский голос по радио. Слушайте, слушайте, слушайте! Призываем всех мужчин: к оружию! Призываем всех мужчин! Речь уже не о нас. Мы сражаемся уже не за себя, но за землю своих отцов и детей. Во имя прошлых и будущих поколений мы призываем взяться за оружие весь народ!

Мать. Нет! Тони не пойдет. Я тебе его не дам!

Мужской голос по радио. Алло, алло! Как сообщает командование северной армии, наши войска продолжают отходить с боем. Идет упорная борьба за каждую пядь земли, за каждую межу, за каждую деревенскую избу. Крестьяне отказываются покидать свои дома и защищают их с оружием в руках. Неприятель не может занять ни одной деревни, не сровняв ее с землей. Число жертв необычайно велико.

Ондра. Как жаль этих крестьян...

Отец. Что делать! Так надо. Они все-таки задерживают продвижение неприятеля.

Женский голос по радио. Слушайте, слушайте! Как раз сейчас мы принимаем радиотелеграмму с нашего судна «Горгона». Одну минуту, что-то неразборчиво... Наше судно «Горгона»... О, боже! *(Голос обрывается.)* Простите... у меня там сын! *(Несколько секунд молчания.)* Слушайте, слушайте, слушайте! «Наше учебное судно «Горгона»... имеющее на борту четыреста морских кадетов... сделало попытку прорвать неприятельскую блокаду, чтобы вернуться в свой порт. В пять часов семь минут... неприятелю удалось пробить его торпедой. «Горгона»... идет ко дну. *(Тяжелый вздох.)* Находящиеся на борту «Горгоны» кадеты просят передать родным... последний привет. Они просят, чтобы на прощание им сыграли... наш гимн...» Мой сын! Мой мальчик!

Мать. А, значит, у тебя все-таки есть сын? У тебя тоже ребенок?

Мужской голос по радио. Алло! Алло! Прекращаем передачу сообщений. Алло, алло, алло! Вызываем учебное судно «Горгону»! Вызываем «Горгону»! Алло, алло!.. Слышите нас? Кадеты на «Горгоне», внимание! Кадеты на борту «Горгоны», родина посылает вам последний привет!

Раздаются звуки гимна. Все мертвые молча поднимаются и стоят навытяжку.

Мать. Четыреста мальчиков! Неужели это возможно... убивать таких детей?

Петр. Тише, мама!..

Все стоят, застыв в полной неподвижности. Гимн заканчивается.

Мужской голос по радио. Алло, алло, алло! Учебное судно «Горгона» больше не отзывается.

Корнель. Прощайте, кадеты! *(Вешает винтовку на стену.)*

Женский голос по радио. Слушайте, слушайте, слушайте! Призываем к оружию всех мужчин! Призываем к борьбе весь народ! Родина призывает своих детей! К оружию! К оружию!

Мать. А, ты все еще кричишь? Тебе еще мало, хоть ты и мать? Ты все посылаешь туда новых?

Мужской голос по радио. Алло, алло! Командование западного сектора сообщает: «Бьемся по всему

фронту против превосходящих сил противника. С обеих сторон бой ведется с небывалым ожесточением. Наши летчики доносят о подходе новых неприятельских дивизий...»

Сильный стук в дверь.

Голос Тони. Мама! Мамочка!

Мать *(выключает радио).* Тише!

Снова сильный стук в дверь.

Голос Тони. Мамочка, ты здесь?

Мать. Да, мой маленький. *(Делает знак, чтобы кто-нибудь погасил свет.)* Иду, иду.

Полная тьма. Пауза.

Мать *(отпирает дверь).* Что тебе, Тони?

Тони. Ты сидишь в темноте?

Мать. Зажги.

Тони *(поворачивает выключатель возле двери; зажигается люстра; в комнате никого нет, но на столе остались разложенные штабные карты).* Мама, ты с кем разговаривала?

Мать. Ни с кем, сыночек.

Тони. Но я слышал голоса...

Мать. Это только... оно... *(Включает радио.)*

Тони. А зачем у тебя здесь эти карты?

Мужской голос по радио. Алло, алло! Ставка главного командования сообщает: «Во время утреннего налета неприятельскими бомбами разрушен до основания город Вильямедия. Число жертв среди гражданского населения превышает восемьсот человек, большей частью женщин и детей. Славный древний город, полный драгоценных памятников нашей старины, превращен в пепел».

Тони. Ты слышишь, мама?

Мужской голос по радио. «Одна бомба попала в больницу. Убиты шестьдесят больных. Город охвачен пламенем».

Тони. Мамочка, я прошу тебя...

Женский голос по радио. Слушайте, слушайте, слушайте! Мы взываем ко всему миру! Слушайте, люди! Сегодня утром воздушному нападению подверглась деревня Борга. Неприятельские летчики сбросили бомбы на

сельскую школу. Выбежавших из школы и пытавшихся спастись детей они обстреляли из пулеметов. Восемьдесят детей ранено. Девятнадцать убито. Тридцать восемь попавшими в школу бомбами разорваны в клочья.

Мать. Что ты говоришь? Детей? Кто же убивает детей?

Тони *(ищет на карте)*. Где это... где?

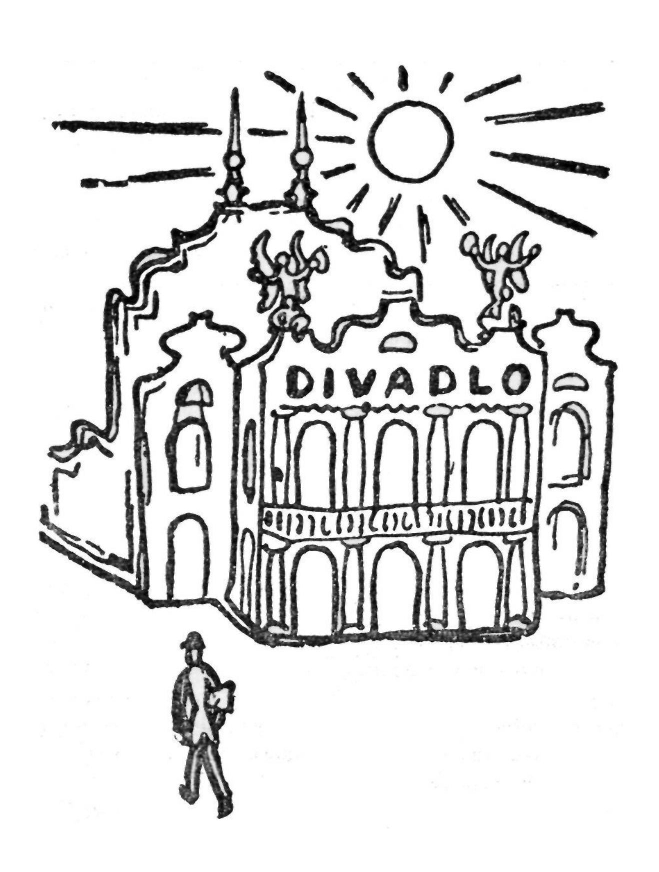
Мать *(стоит, словно окаменелая)*. Дети! Маленькие шалунишки! Дети!

Тишина.

(Срывает со стены винтовку и величественным жестом обеими руками протягивает ее Тони.) Иди!..

Занавес

Комментарии


DIVADLO

Театр притягивал Карела Чапека с молодости. Восемнадцати лет он совместно с братом пишет первую театральную рецензию, двадцати — первую пьесу. В 1911—1912 годах Чапек как театральный критик систематически выступает на страницах журналов «Пршеглед», «Ческа ревю», «Сцена»; с сентября 1921 года по апрель 1923 года заведует репертуарной частью пражского Городского театра на Краловских Виноградах, здесь же пробует свои силы как режиссер.

«Для меня театр, — говорил Чапек, — это определенная трибуна, платформа, амвон, откуда произносят проповеди те, кому есть что поведать миру и жизни. Поэтому почти все, что я написал для театра, — это в своем роде проповедь» [1].

Пьесы Чапека относятся к числу наиболее крупных и оригинальных явлений мировой драматургии первой половины XX века. Своеобразие их содержания и формы позволяет говорить о театре Чапека так же, как мы говорим о театре Бернарда Шоу, Чехова, Бертольта Брехта, Гарсиа Лорки.

Любви игра роковая

22 ноября 1910 года Чапек писал из Берлина редактору журнала «Люмир» Виктору Дыку: «Будьте так любезны, опубликуйте нашу Commedii лишь в февральском номере и, если возможно, всю сразу. Обращаю Ваше внимание на то, что пьеса была написана раньше, чем пантомима пана Лангера (речь идет о пантомиме Франтишека Лангера «Похищение Эвелины Майер», опубликованной в журнале «Люмир» 18 ноября 1910 г. — *О. М.*), и только решительное желание сжечь ее удержало нас от того, чтобы вручить Вам ее уже в июне. Но чтобы читатели не думали чего-то такого, что было бы для нас абсолютно невыносимо, будьте настолько любезны и припишите под заголовком: «Написано в июне 1910 года...» [2]

Редакции «Люмира» пьеса была передана осенью 1910 года, до отъезда Иозефа в Париж, а Карела — в Берлин. 4 декабря

[1] Карел Чапек. Об искусстве. Л., «Искусство», 1969, с. 251.

[2] Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze. Pozůstalost Viktora Dyka, 5 M.

1910 года Иозеф Чапек в письме из Парижа своей будущей жене Ярмиле Поспишиловой признавался, что в создании комедии он несет, «кроме многих других вин, одну большую: замысел» [1], а в позднейшей парижской корреспонденции сравнил себя с Триваленом и Жилем.

Пьеса была опубликована в журнале «Люмир», 1911, №№ 4, 5 и 6.

В журнальной публикации после перечня действующих лиц следовал авторский текст, опущенный во всех книжных изданиях:

«Да, они не более чем куклы, эти фигурки с итальянскими и французскими именами, а наша «грациозная пьеса» является не чем иным, как марионеточной игрой ума. Жизнь вокруг нас не так горька, как эта премудрая пьеса. Настоящий Тривален, правда, не был бы здесь в особой чести, но живой Жиль наверняка был бы утешен каким-нибудь драгоценным счастьем, особенно в нашей сентиментальной, прекрасной, маленькой Праге, а реальный Бригелла, не растрачивая своих высоких практических способностей на невыгодное актерство, внес бы в нашу лавочную коммерцию более экспансивный и предприимчивый стиль. Доктор и Скарамуш уже совсем куклы, вроде мюнхенских заводных игрушек, которые, к сожалению, так плохо отвечают детской склонности к фантастическому...

И куклы имеют право на существование, хотя и меньшее, чем люди с вечным человеческим сердцем. Поэтому мы считаем необходимым заранее попросить о снисхождении к нашим героям».

Воскрешая традиционные персонажи комедии масок XVI—XVIII веков, братья Чапеки учитывали историю этого жанра на итальянской и французской почве. Это сказывается в именах действующих лиц, то чисто итальянских (Доктор Балоардо, Бригелла, Изабелла, Зербина), то офранцуженных (Жиль, Скарамуш, Тривален). В различных названиях одной и той же маски авторы как бы прослеживают ее историю.

Пьеса была включена в первое издание книги «Сияющие глубины и другие прозаические произведения» (Прага, Франтишек Боровы, 1916), а в 1922 году вышла отдельным изданием в издательстве «Авентинум».

Премьера комедии состоялась на любительской сцене. 25 марта 1920 года ее поставила в пражском зале «Моцартеум»

---

[1] M. Halík. Poznámka vydavatelova. In: Bratři Čapkové. Hry, Praha, 1959, s. 246.

группа учащихся реальной гимназии на Кршеменцовой улице под руководством М. Веселика. На профессиональной сцене ее впервые поставил в брненском Национальном театре режиссер Вл. Шимачек (премьера — 6 июня 1925 г.). 15 мая 1930 года состоялась премьера комедии на сцене пражского Национального театра (режиссер — Иржи Фрейка). На сюжет комедии чешский композитор Зденек Фольпрехт (1900—1961) написал одноименную оперу.

На русском языке пьеса публикуется впервые.

Стр. 7. *Палацкий* Франтишек (1798—1878) — чешский историк и политический деятель.

Стр. 38. *...гравюру Ватто.* — Речь идет о гравюре, воспроизводящей картину французского художника Антуана Ватто (1684—1721) «Жиль».

Разбойник

В «Заметке от автора», написанной для программы первого представления «Разбойника» в пражском Национальном театре, которое состоялось 2 марта 1920 года, Чапек отмечал: «Комедия «Разбойник» впервые возникла в Париже в 1911 году, следовательно, еще в совместной мастерской братьев Чапеков, и была рождена тоской по отчему краю, который в воспоминаниях превращался в светлую картину молодости» [1].

Первоначальный вариант комедии, сохранившийся в личном архиве писателя, существенно отличался от окончательной редакции. В нем отсутствовал образ Лолы. Профессор одерживал победу над Разбойником исключительно благодаря вероломству.

Персонажи были обрисованы более прямолинейно, в пьесе было меньше юмора, поэзии (отсутствовали, в частности, говорящие птицы). Не было мотива узнавания в Разбойнике каждым из персонажей кого-то, кто уже ранее поразил их воображение (молодого индейца, «политического», комедианта, улана под конвоем).

К работе над рукописью Чапек вернулся летом 1919 года. В августе 1919 года он писал заведующему репертуаром пражского Национального театра Франтишеку Кхолу: «То, что я дописываю и скоро первому дам Вам в руки, называется «Разбойник», и вещь эта никому не известна» [2].

---

[1] Карел Чапек. Об искусстве, с. 36.

[2] Archiv Památníka národního písemnictví. Praha 17 A I.

Об отличии нового варианта комедии от старого Чапек писал: «Нынешнее молодое или самое молодое поколение несколько уже отличается от предшествующего тем, что сейчас во взглядах, интересах и вообще в жизни нет серьезного спора между молодыми и старыми; может быть, потому, что те, кто пережил великую войну, уже не так молоды, или потому, что война и революционная эпоха сразу открыли перед молодыми неожиданные широкие перспективы. Но те, кто прожил свою молодость перед войной, помнят, что раньше все было иначе; молодые сталкивались со стариками в борьбе за место под солнцем, за свои идеи, наконец, за что угодно, — повод не столь уж много значил... Сегодня сталкиваются отнюдь не возрасты, а классы; борьба идет за власть, а не за жизнь. Эта борьба также заслуживает своей комедии, которая, впрочем, не будет столь кроткой, как теперешний «Разбойник» — комедия любви.

Итак, поскольку изменилась жизнь, поскольку изменился автор, изменился и конфликт «Разбойника»: сегодня Профессор более прав, чем в 1911 году, и недолговечная молодость не владеет уже всей полнотой правды. Я должен был дописать комедию сейчас, а еще спустя годы она, вероятно, называлась бы «Профессор». Пока что из комедии молодости получилась комедия любви, где все любят, все правы и все претендуют на истину, тем самым зритель лишается заслуженного удовольствия симпатизировать одной стороне и быть противником другой. Но разве нельзя — хотя бы в комедии — болеть за всех?» [1]

Отдельной книгой «Разбойник» вышел в 1920 году в издательстве «Авентинум». Во второе издание («Авентинум», 1922) был включен вариант для постановки на природе.

На русский язык пьеса впервые была переведена в 1959 году. К. Чапек. Собр. соч., т. 3; (М., Гослитиздат); в настоящем издании стихотворная часть пьесы дается в редакции и частичном переводе О. Малевича.

Стр. 45. *«Затишье»* — ресторан в окрестностях Праги; приходя сюда на танцы, Карел Чапек выдавал себя за приказчика из магазина, а его брат — за ученика чертежника.

Стр. 93. *...член сокольской организации.* — «Сокол» — массовая спортивная организация.

---

[1] К. Чапек. Об искусстве, с. 36—37.

RUR

Пьеса «RUR», принесшая Чапеку мировую известность, создавалась весной 1920 года. Замысел ее был непосредственно связан с работой братьев Чапеков над комедией «Из жизни насекомых». Однако предыстоки этого замысла можно видеть в ранних рассказах братьев Чапеков: «Рассказ назидательный» (1908), «Система» (1908) и «L'eventail» (1910). Интерес молодых писателей к вопросу о роли техники в современном обществе был подсказан некоторыми автобиографическими моментами. Прекрасная долина реки Упице, где протекало их детство (братья назвали ее «садом Краконоша»), на глазах у них превращалась в промышленный край. На одной из упицких фабрик в 1903—1904 годах работал учеником Иозеф Чапек. О непосредственном жизненном впечатлении, послужившем побудительным толчком к созданию пьесы, Чапек рассказывает так: «Роботы были следствием поездки в трамвае. Однажды мне пришлось ехать в Прагу пригородным трамваем, который был так набит, что это создавало неудобства. Я был поражен тем, что современные жизненные условия сделали людей равнодушными к обычным удобствам. Они теснились внутри и на подножках трамвая не как овцы, а как машины. Я начал размышлять о людях, представляющих собой не индивидуальности, а машины, и думал по дороге о выражении, которое означало бы человека, способного работать, но отнюдь не мыслить! Эта идея выражена чешским словом — робот» [1].

5 сентября 1920 года состоялось чтение пьесы на квартире братьев Чапеков.

В ноябре 1920 года пьеса вышла отдельной книгой в издательстве «Авентинум». 2 января 1921 года ее поставила любительская труппа в Градце Кралове. 25 января того же года состоялась премьера пьесы в пражском Национальном театре. В 1921—1924 годах пьеса о роботах обошла сцены большинства стран Европы, она ставилась в США, Австралии, Японии и переведена более чем на тридцать языков. Высокую оценку ей давали М. Горький, А. В. Луначарский, А. Н. Толстой, Р.-М. Рильке. На латышский язык ее поревел Ян Райнис.

Многочисленные и противоречивые отклики на пьесу неоднократно заставляли автора давать собственное ее толкование. Так, в 1921 году он писал в статье «Еще RUR»: «Должен признаться, что к написанию пьесы меня побудила ее фабула, особенно те два акта, где горстка людей, не склонив головы, ожи-

---

[1] K. Čapek. RUR. Praha. 1966, s. 105.

дает своего конца; человеческий героизм — моя излюбленная идея, он, собственно, и привлек меня к этому сюжету [...] для меня важны были не роботы, а люди [...] я страстно хотел, чтобы в минуту, когда начнется атака роботов, зритель почувствовал, что речь идет о чем-то бесконечно ценном и великом, и это ценное и великое есть человечество, человек, все мы» [1].

Стр. 129. *...в тысяча девятьсот тридцать втором году — ровно через четыреста лет после открытия Америки.* — В действительности Америка была открыта в 1492 г., то есть не за четыреста, а за четыреста сорок лет до указанной Домином даты.

Из жизни насекомых

Замысел комедии «Из жизни насекомых» возник у братьев Чапеков в 1919 году при чтении книг французского энтомолога Жана-Анри Фабра (1823—1915) «Жизнь насекомых» и «Энтомологические воспоминания». Идея пьесы, замысел второго действия и образ Бродяги принадлежат Иозефу Чапеку, замысел первого и третьего действия — Карелу. Комедия была опубликована осенью 1921 года в издательстве «Авентинум». Премьера ее состоялась 3 февраля 1922 года в брненском Национальном театре. 8 апреля 1922 года пьеса была поставлена на сцене пражского Национального театра.

Братья Чапеки многократно полемизировали с безнадежно пессимистическим толкованием комедии: «Правда, огорчительно видеть изображение и аналогию человеческой жизни в тщетной суете мотыльков, жуков-навозников, муравьев или сверчков; но существует и более светлая сторона картины, где зритель может увидеть человеческую жизнь в лучшем свете, главным образом в нашем Бродяге, роль которого заключается в стремлении к знанию и пониманию, в поисках высших форм жизни и готовности, если нужно, принять смерть на пути к истине. [...] Не позволяйте, однако, внушить себе взгляд, что жизнь блуждающего, ищущего истину Бродяги пессимистична. Его жизнь была безутешной, потому что в пьесе он одинок... И это наша пессимистическая ошибка, ибо и мы создавали эту пьесу в одиночестве; но если бы Бродяга сознавал, что в других лесах — например, американских — другие Бродяги тоже блуждали в поисках, он умер бы, испытывая большее чувство облегчения, и за-

---

[1] К. Чапек. Об искусстве, с. 37.

вещал бы им свою бесконечную тоску по истине» («О пессимизме пьесы «Из жизни насекомых». Открытое письмо братьев Чапеков Оуэну Дейвису, опубликованное в газете «Нью-Йорк геральд», 1923, 9 марта) [1].

Еще до премьеры на сцене пражского Национального театра авторы написали альтернативный вариант эпилога, который под названием «Дополнение для режиссера» вошел в третье книжное издание пьесы (осень 1922 г.).

О причинах, побудивших предложить режиссерам альтернативный вариант эпилога, братья Чапеки писали: «[...] критика получилась более беспощадной, чем задумали авторы; оказалось, что возвращение к простой человеческой жизни, которое они предприняли в эпилоге, не сглаживает в спектакле мучительного впечатления от предшествующих обвинений. А эпилог, несмотря ни на что, должен был в какой-то степени дать зрителю внутреннее освобождение от вынесенного ему безжалостного приговора; должен был пробудить в нем сознание того, что он человек, а не насекомое и что человеческая жизнь, вопреки всему, учит доверию и радости. Авторы этого не достигли и потому написали другой вариант конца, где Бродяга пробуждается от кошмарного сна о насекомых и перестает критиковать человека, так как видит, что лучше и проще подать ему руку помощи; ведь «...пока человеку можно помочь, нет оснований судить его» [2].

Русский перевод пьесы «Из жизни насекомых» впервые был опубликован в «Библиотеке драматурга» (М., «Искусство», 1959 г.). В настоящем издании перевод дается с исправлениями, внесенными редколлегией настоящего Собрания сочинений. Перевод стихов в пьесе принадлежит И. Инову.

Стр. 205. *«Крисчен сайенс монитор»* — газета христианского направления, выходящая в США.

«Фрисинкер» («Свободомыслящий»), *«Шеффильд дейли телеграф»* — английские газеты.

Керр Альфред (настоящее имя Артур Кемпнер, 1867—1948) — видный берлинский театральный критик.

Некий американский критик... — американский писатель Оуэн Дейвис, приспособивший пьесу «Из жизни насекомых» к требованиям американского театра и опубликовавший в газете «Нью-Йорк геральд» (1923, 14 января) статью «Натурализуя «Из жизни насекомых».

---

[1] К. Čapek. Divadelníkem proti své vůli. Praha, 1965, s. 311.

[2] К. Чапек. Об искусстве, с. 68.

Стр. 209. *Нимфалиды* (чешуекрылые) — семейство бабочек.

Стр. 264. *...ордена «Виртути»*— орден «Мужества» (от латинской надписи «Virtuti in bello» — «За мужество в бою»).

Стр. 274. *...жизнь прекрашна!..* — Братья Чапеки иронически переосмысляют название журнала чешского литератора и издателя Отокара Шторха-Мариена (род. в 1897 г.) «Жизнь прекрасна», выходившего в 1919 г. Журнал был озаглавлен по названию стихотворения чешского поэта Отокара Бржезины (1868—1929).

Да ждравштвует жизнь... — Такое же ироническое переосмысление заголовка статьи чешского поэта Станислава Костки Неймана (1875—1947) «Да здравствует жизнь!» (1913), давшей название его теоретическому и критическому сборнику, изданному в 1920 г.

Средство Макропулоса

В 1918 году в статье «Философия и жизнь» Карел Чапек писал: «Если бы какая-нибудь политическая партия выдвинула как свою программу [...] введение принудительного долголетия, может быть, она волюнтаристски и добилась бы этого, но сие вовсе еще не значит, что приобретенные таким способом годы жизни будут счастливыми и полнокровными» [1]. В этих словах можно видеть зародыш идеи комедии «Средство Макропулоса», над которой Карел Чапек работал в мае—июле 1922 года. 18 мая 1922 года Чапек сообщал Ольге Шайнпфлюговой, что два последних акта комедии у него в основном уже сложились в голове. 3 июля он писал ей же: «Как стало известно из хорошо информированных кругов, «Средство Макропулоса» (ровно полчаса назад) было дописано. Уф! Теперь начнется шлифовка и прочая волокита, — хотелось бы немного сократить, но не знаю где» [2].

Премьера комедии состоялась 21 ноября 1922 года в пражском Городском театре на Краловских Виноградах. Ставил спектакль автор. Роль Кристины исполняла Ольга Шайнпфлюгова. Отдельной книгой пьеса вышла осенью 1922 года в пражском издательстве «Авентинум». В 1924—1926 годах выдающийся чешский композитор Леош Яначек (1854—1928) написал на сюжет «Средство Макропулоса» одноименную оперу.

На русский язык пьеса впервые была переведена в 1940 году.

---

[1] Цит. по кн.: K. Čapek. Pragmatismus čili Filosofie praktického Zivota. Praha, 1925, s. 71.

[2] «Listy Olze», Praha, 1971, s. 109—110.

Стр. 281. *...новое произведение Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу».* — «Назад к Мафусаилу» (1921) — философская драма в пяти частях, раскрывающая взгляд Шоу на историю и смысл человеческого существования; для того чтобы люди стали разумными и не повторяли ошибок предыдущих поколений, он считал необходимым продлить срок их жизни, по крайней мере, до трехсот лет, так сказать, до «Мафусаилова века» (Мафусаил — библейский патриарх — прожил, по преданию, девятьсот шестьдесят девять лет). Когда весной 1932 г. чешский критик Трегер написал в связи с пражской постановкой пьесы Шоу: «Для нас, чехов, постановка «Мафусаила» Шоу важна тем, что сделала явным источник вдохновения, породивший драмы братьев Чапеков», К. Чапек опроверг это предположение, обратив внимание на даты появления своих пьес. Задумывались они, как подчеркивал К. Чапек, в среднем на год раньше опубликования или постановки. Ответ Трегеру Чапек заключал следующими словами: «...все названные пьесы ставились на родине Шоу. Ни один английский критик (а, как известно, английская критика отличается большей снисходительностью и профессионализмом, чем это принято в иных местах) не пришпилил чешским авторам литературную зависимость от пьесы Шоу или какой бы то ни было другой» [1].

Стр. 282. *Кассандра* — дочь Приама, царя Трои. Согласно древнегреческим сказаниям, Аполлон наделил Кассандру даром прорицания, но когда она отвергла его любовь, внушил всем недоверие к ее пророчествам. Тщетно говорила она об опасности, таящейся в оставленном греками деревянном коне («троянском коне»), и предсказывала гибель Трои.

Стр. 291. *Терезианская академия* — аристократическое военное учебное заведение в Вене, основанное австрийской императрицей Марией Терезией (1717—1780).

Стр. 333. *Арсен Люпен* — вор-джентльмен, герой ряда детективных романов и рассказов французского писателя Мориса Леблана (1864—1925).

Стр. 340. *Рудольф II Габсбург* (1552—1612) — король Чехии и Венгрии, император так называемой Священной римской империи в 1578—1612 гг.; покровительствовал наукам и искусствам; при его дворе наряду с настоящими учеными подвизались алхимики, астрологи и хироманты.

---

[1] «Dopis Karla Čapka». — «Literární noviny», 1932, № 4, s. 5.

Адам-творец

Первые упоминания о работе над этой пьесой встречаются в письмах К. Чапека в мае—июле 1925 года. В сентябре 1928 года братья Чапеки сообщили пражскому издателю О. Шторху-Мариену, что ими закончена новая комедия «Творцы». Как явствует из ответа К. Чапека корреспонденту английского еженедельника «Обсервер» (31 октября 1926 г.), замысел пьесы принадлежал И. Чапеку. Первоначальный вариант ее существенно отличался от окончательной редакции. Адам, «нигилист славянского толка», разочаровавшись в своих созданиях, уничтожал сотворенных им сверхлюдей и идеальную женщину. В свою очередь, Альтер Эго в порыве гнева и отчаяния уничтожал созданное им и Адамом новое общество и самого себя. Оставшись в одиночестве, Адам предавался над развалинами мира горьким размышлениям. А когда Голос свыше вопрошал его: «И ты уничтожил бы мир снова?» — отвечал, умудренный собственным печальным опытом: «Нет!» И Голос свыше добавлял: «Я тоже». «По форме, — говорилось в интервью, — пьеса напоминает «Из жизни насекомых», поскольку состоит из ряда коротких, свободно соединенных сцен, постановка которых требует значительного технического умения» [1].

Один из последующих этапов работы над пьесой отражают черновики, сохранившиеся у мужа сестры братьев Чапеков Гелены Чапковой, поэта Иозефа Паливца. Рукопись пьесы, уже озаглавленная «Адам-творец», датирована 1926 годом. Первоначальные наброски текста принадлежат Иозефу Чапеку, последующие варианты — Карелу. Рукопись проливает свет на замысел пьесы и его эволюцию.

Черновые варианты «Манифеста» Адама показывают, что герой комедии в начале ее выступает как анархист-всеотрицатель, отвергающий не только все сущее, но и какие бы то ни было планы преобразования общества.

В конце пьесы Адам от не различающего подлинные и ложные ценности нигилистического отрицания приходит к утверждению. И в этом главный положительный итог комедии.

Авторы мучительно искали драматургическое решение, идейную развязку. Эти поиски отражены в нескольких вариантах эпилога.

В одной из редакций (текст ее написан рукой К. Чапека) Поскребыш (Зметек), торгующий ныне бюстами Творцов и дам-

---

[1] K. Čapek. Divadelníkem proti své vůli, s. 317.

скими подвязками, попросту «портит» Адаму и Альтер Эго «эффектный» конец света: из Пушки отрицания он, оказывается, наделал гвоздей, мотыг, горшков и других полезных вещей.

В другой редакции, написанной рукой Иозефа Чапека, Адам и Альтер Эго, сидя, как говорится, у разбитого корыта, приходят к выводу, что с ними, собственно, должен был бы сидеть и тот «старый мизантроп» наверху — бог. Положительным решением в этом варианте становилась сама способность человечества смеяться над несовершенством мира и собственными ошибками и недостатками.

В последующие варианты эпилога братья Чапеки вводят мотив мифа. В наброске, сделанном Иозефом Чапеком, Архитектор и Священник являются на сцену, чтобы положить основание храму Создателей. Архитектор подводит итог событиям прошлого: «Человечество достаточно долго занималось взаимоистреблением, пока не осознало, что конечный результат, за который оно, собственно, и сражалось, — это стройная гармония. А гармония — плод творчества архитектора. Мы, архитекторы, построили для человечества школы, больницы, тюрьмы, театры, психиатрические лечебницы, здания парламентов, казармы, инвалидные дома». Священник заявляет, что построить все это удалось только благодаря содействию церкви. Принимая Адама и Альтер Эго за язычников, он рассказывает им о том, как божественные Творцы, явившись людям, прекратили братоубийственную войну. И хотя за утверждение, что Творцы были бородатыми, Адам и Альтер Эго рискуют попасть в сумасшедший дом или тюрьму, им нравится, как люди украшают «святые места». Поскребыш, который, как подчеркивается в этом варианте, понимает и в то же время не понимает Адама и Альтер Эго, но, во всяком случае, любит обоих, отправляется с ними блуждать по свету. У символических носителей творчества и творческой критики Адама и Альтер Эго есть лишь один союзник — бедняки, и потому они, как и бедность, — «всюду дома».

К. Чапек, разрабатывая этот вариант эпилога, прежде всего иронизирует над привычкой человечества сотворить себе кумиров. Адам и Альтер Эго по примеру практичного приспособленца Поскребыша, готового ради личного блага признать что угодно и отказаться от чего угодно, вынуждены опуститься на колени перед собственными приукрашенными до неузнаваемости изображениями. Оба понимают, что, будучи Творцами, они, вопреки религиозному мифу, не были ни мудрыми, ни всемогущими, и все же плачут от умиления, слыша, как люди молитвенно благодарят их за «безграничное счастье» жизни. Пьеса в этом ва-

рианте завершалась чуть ироничным прославлением жизни, приглушенным диссонансом к которому звучали «опасные вопросы» молодого Послушника: «Действительно ли жизнь... во всем... так уж хороша?» и «Разве мало на свете плохого?».

Еще более приближаясь к окончательному варианту текста, К. Чапек в предпоследней редакции эпилога усиливает прославление жизни и всех земных красот «лучшего из миров», но одновременно усиливает и критико-ироническое начало. В домах для бедных не хватает места, а Послушник восклицает: «Может ли быть жизнь хорошей, если на свете такая нищета?» Еще резче раскрывается противоречие между реальной историей и идеализированным мифом. Эта двойственность финала еще более усиливается в окончательной редакции комедии.

Первый постановщик пьесы К.-Г. Гилар и друг братьев Чапеков — писатель Фр. Лангер единодушно отмечали автобиографический характер пьесы.

Премьера «Адама-творца» состоялась в пражском Национальном театре 12 апреля 1927 года. 29 апреля 1927 года пьеса в несколько измененной редакции была поставлена на сцене брненского Национального театра. Первое книжное издание вышло летом 1927 года в издательстве «Авентинум».

На русский язык переводится впервые.

Белая болезнь

О том, как складывался замысел пьесы «Белая болезнь», К. Чапек подробно рассказал в предисловии к драме своего друга, пражского зубного врача Иржи Фоустки «Орудие жизни» (1937).

В самом начале 30-х годов Фоустка предложил Чапеку написать утопический роман о враче, который, найдя средство борьбы с охватившей все континенты эпидемией рака, диктует правительствам и народам свои условия и создает идеальное мировое государство. Идея не увлекла писателя, так как он, с одной стороны, не мог себе представить идеального мироустройства и не сочувствовал человеку, который бы стремился навязать свою волю всему человечеству, а с другой — уже использовал сходный сюжетный мотив в романе «Кракатит». Позднее Чапек, отец которого был врачом, хотел написать настоящий «панегирик» этой профессии, но образ врача-диктатора не укладывался в его представления о медицинском мире, ибо врач прежде всего «защит-

ник жизни» и борьба, которую он ведет,— борьба оборонительная. «Этим я не отрицаю, — писал Чапек, — что человечеству иногда бывает нужен врач — вождь и реформатор; но в мире моего опыта для него не было места...» [1]

В середине 30-х годов отношение писателя к этому замыслу изменилось: «Мне вдруг стало ясно, — вспоминал он, — что тот врач, специалист в области жизни, сражающийся по долгу профессии и по внутреннему призванию за жизнь каждого человека, не мог быть диктатором, но, наоборот, должен был стать человеком, который до последней возможности борется за индивидуальное человеческое право на жизнь. [...] Тем самым первоначальный замысел повернулся, так сказать, на сто восемьдесят градусов; от руководства миром к защите каждого человека; тем самым он обрел для меня новую актуальность в эпоху, когда гуманизм, демократия, человеческое право и личная свобода находятся в обороне; и одним поворотом руки из этого возникла основная концепция «Белой болезни» [2].

На вопрос, долго ли он работал над пьесой, Чапек ответил: «Месяц. В голове я носил ее три года» [3]. Возможным дополнительным импульсом послужило сообщение о том, что ряд видных медиков отказались лечить Гитлера (в чешской печати оно появилось в январе 1936 г.). К работе над текстом Чапек приступил в начале марта 1936 года. Первый вариант, работа над которым была завершена летом 1936 года, существенно отличался от окончательной редакции (конец лета — середина декабря 1936 г.). В первом варианте главного героя, противостоявшего Маршалу, звали Герцфельд, причем подчеркивалось его еврейское происхождение. Сигелиус именовался не советником двора, а всего лишь медицинским советником. Основной конфликт пьесы трактовался более узко, противопоставление главного героя пьесы и Сигелиуса было менее резким.

Незадолго до премьеры в журнале «Чин» было опубликовано интервью с Чапеком под красноречивым заголовком «Сигнал предостережения». «Вы спрашиваете меня, — сказал писатель, — является ли белая болезнь символом. Первоначально я не задумывал ее как символ. Белая болезнь — просто драматургический прием, фон, на котором можно лучше и яснее обрисовать конфликт. [...] Впрочем, впоследствии белая болезнь стала для меня символом, символом современного разложения белой расы и

---

[1] K. Čapek. Divadelníkem proti své vůli, s. 323.
[2] Там же, s. 324—325.
[3] F. Feigel. Karel Čapek o úspěchu «Bilé nemoci». — «A-Zet ranní», 5. III. 1937.

мира. Белая болезнь в моей пьесе вызывает и воспоминание о средневековье с его грозными эпидемиями; это также какая-то эпидемия, против которой люди не знают лекарства. Сейчас, когда мы во многом видим вокруг себя возвращение к средневековью, к его методам, и сама природа словно бы возвратилась к такому варварскому вмешательству. [...] Должна ли настать столь страшная катастрофа, чтобы человечество опомнилось на пути к губительным потрясениям и смертоносной гонке вооружений? Как драматург, я использую, разумеется, решительное средство против заблуждающегося человечества. Конечно, если б я не верил, что людей можно пробудить на путях разума и духа, «Белая болезнь», вероятно, не возникла бы. Именно потому, что я верю, я использую этот решительный призыв: «Белая болезнь» — призыв к совести и честному разуму всех, сердцу кого близки судьба Европы, судьба спокойного развития, судьба человечества вообще [...]» [1].

Премьера пьесы состоялась 29 января 1937 года в Сословном театре в Праге (вспомогательная сцена Национального театра). В том же году пьеса вышла отдельным изданием в издательстве Франтишека Борового.

Вокруг «Белой болезни» развернулась острая политическая борьба. Еще до премьеры германский посол в Праге потребовал, чтобы была изменена фамилия барона Крюга (намек на немецкое der Krieg — война), так как видел в ней тенденциозный выпад против немецких королей оружия. Поэтому в постановке Национального театра этот персонаж фигурировал под скандинавизированным именем Олаф Крог. Бурная реакция зала отражала политические симпатии зрителей. Реакционная печать начала травлю пьесы и ее автора. В защиту Чапека решительнее всего выступила коммунистическая пресса (Ю. Фучик, Л. Штолл).

Чапек принял участие в работе над сценарием кинофильма «Белая болезнь», поставленного в конце 1937 года. В финале фильма доктор Гален посылал свое лекарство народу одной из малых стран, чтобы она могла бороться против белой болезни и агрессии.

После мюнхенской капитуляции пьеса и фильм были запрещены.

21 мая 1937 года Томас Манн писал Чапеку из Цюриха: «Вы, наверное, уже знаете о триумфальном успехе, который имела вчера вечером ваша пьеса «Белая болезнь», но, несмотря на это,

[1] K. Čapek. Varovné znamení , — «Cin», 14. I. 1937, № 1, s. 3—4.

я хотел бы поделиться собственными впечатлениями и сказать вам, какое исключительное воздействие она произвела на нашу публику и на нас, присутствовавших при этом. Право, должен поздравить Вас с победой. Не могу не поражаться мастерской смелостью, с какой вы овладеваете театром и используете его средства для реализации и формирования духовного и идеального. В пьесе есть фантастика и символика, которые можно найти и в Вашей прозе, и здесь они, так же как и там, соединяются с величайшей живостью и пластичностью […]» [1].

На русском языке «Белая болезнь» впервые опубликована в 1950 году.

Стр. 459. *Доктор Детина.* — В оригинале игра слов: по-чешски «детина» — человек наивный и чистосердечный, как ребенок.

Мать

Замысел пьесы, в которой мертвые должны были действовать на сцене подобно живым, возник у Чапека, согласно свидетельству его друга, писателя Франтишека Лангера, вскоре после написания «Адама-творца». Однако он не был осуществлен.

В конце июня 1937 года, во время пребывания во Франции Ольга Шайнпфлюгова в автобусе поделилась с мужем идеей новой пьесы: «Это было представление о матери в стране, на которую напал неприятель. Мать хочет спасти сына от войны. Когда она видит, что родина в самом деле находится под угрозой, то сама посылает сына на войну, хотя воспитывала его в отвращении к ней» [2]. К. Чапек попросил жену уступить сюжет. 13 ноября 1937 года в газете «Лидове новины» была опубликована фотография с подписью «Женщина из Лериды», изображавшая испанку, которая плачет над трупом сына. Фотография стала последним толчком для кристаллизации замысла. Чапек так комментировал его: «При конфронтации женщины с войной оказывается, что основное послание женщины не имеет ничего общего с войной.

И так возникает конфликт между мужчиной, который должен за что-то жить и умирать, и женщиной, которая защищает жизнь и которую — в ее детях — по частям убивают.

Конфликт между жизненным посланием женщин и мужчин» [3].

---

[1] K. Čapek. Divadelníkem proti své vůli, s. 380.
[2] «České slovo», 13. 2. 1938.
[3] «České slovo», 13. 2. 1938.

Объясняя жене, почему он оставляет погибших персонажей на сцене, писатель говорил: «Я думаю, что тот, кто погиб за что-то порядочное, не умирает и не исчезает, что он продолжает оставаться здесь, среди нас, своей нравственной ценностью или делом, которое он совершил [...] я еще никогда не писал о мертвых [...], они все время меня окружают и настаивают, упрямцы, тихо и скромно на своем. И они живые, страшно живые, полные интереса к своей стране и опасности, нависшей над ней, полные любопытства и беспокойства по поводу того, кто и как продолжает их незавершенное дело» [1].

10 февраля 1938 года в журнале «Чин» было опубликовано интервью с Чапеком:

«...война в Испании имеет прямое отношение к вашей новой пьесе?»

«Это было бы сказано не совсем правильно. Испания — одна из кровоточащих ран современного мира; драма «Мать» обобщает состояние, которое сейчас незримо владеет всей Европой; она показывает, как дорого расплачиваются обыкновенные граждане и их семьи за то, что теперь творится в мире...»

«На чьей вы стороне в пьесе?

Разрешен ли [...] роковой конфликт в «Матери»?»

«Навязывать решения или указывать дорогу не входит в задачу драматурга. Я воспринимаю всех персонажей пьесы как людей благородных, которые руководствуются своими убеждениями. Оба элемента, мужской и женский, не находят и не могут найти ни примирения, ни согласия: Мать просто не понимает, хотя и смиряется; она не понимает и не соглашается с тем, чтобы люди, которых она любит, были вправе идти на смерть за свое дело.

Выражение женской точки зрения я вижу в словах Матери: «Умереть — это всякому нетрудно, а вот потерять мужа или сына...» [2]

В этом Чапек видел «трагическую неизбежность» и «метафизическую несправедливость» [3].

Интересна работа Чапека над финалом пьесы. В первоначальном варианте Мать еще до прихода Тони узнавала, что на детский сад упала бомба. Заключительная сцена выглядела так:

«Голос Тони. Мама! Мамочка, ты здесь?

Мать. Да. Иди сюда, Тони.

---

[1] O. Scheinplugová. Český román, s. 429.

[2] К. Чапек. Об искусстве, с. 114—115.

[3] «Karel Čapek o své hře «Matka». — «Pestrý týden», 12.2.1938, № 7, s. 8.

Тони *(входит в темную комнату).* Мама, ты должна идти в подвал! Прошу тебя, идем...

Мать. Подожди. Открой ставни.

Тони открывает ставни. Сероватый свет. Комната пуста, в ней только мать и Тони.

(Протягивает Тони ружье.)

Иди, Тони, ты должен идти».

В окончательном варианте борьба в душе Матери продолжается до последней минуты действия пьесы, а ее решение определено призывом женского голоса по радио, сообщающего о гибели школьников во время бомбардировки деревни Борга, и выражено единственным словом: «Иди!»

Премьера «Матери» состоялась 12 февраля 1938 года в пражском Сословном театре. Отдельной книгой пьеса была издана в том же году издательством Борового.

На русском языке пьеса впервые была напечатана в 1939 году.

Перевод всех пьес выполнен по книгам: Bratři Čapkové. K. Čapek. Hry. Praha, 1958; Hry. Praha, 1959.

В томе использованы рисунки Иозефа Чапека:

Стр. 6. Фрагмент обложки к первому изданию пьесы.

Стр. 44. Фрагмент иллюстраций к циклу «Как это делается».

Стр. 124. Элементы оформления разных книг.

Стр. 204. Фрагмент иллюстрации к книжному изданию пьесы «Из жизни насекомых».

Стр. 280. Фрагмент обложки к третьему изданию пьесы «Средство Макропулоса».

Стр. 358. Фрагмент иллюстрации к циклу «Как это делается».

Стр. 446. Фрагмент обложки И. Чапека к пьесе «Средство Макропулоса».

Стр. 518. Фрагмент обложки к книге Яр. Кратохвила «Путь революции», 1928 г.

Стр. 590. Фрагмент иллюстраций к циклу «Как это делается».

На переплете даны фрагменты иллюстраций к книжному изданию пьесы «Из жизни насекомых».

Содержание

Карел Чапек

Собрание сочинений том 4

Редактор В. Мартемьянова
Художественный редактор Г. Масляненко
Технический редактор О. Ярославцева
Корректоры Д. Эткина и Н. Шкарбанова

Сдано в набор 21/IV 1975 г. Подписано в печать 17/XI 1975 г. Бумага типографская № 1. Формат 84x108 1/32. 19 печ. л. 31,92 усл. печ. л. 30,84 + + 1 вкл. = 30,89 уч.-изд. л. Заказ 1990. Тираж 75 000 экз. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Художественная литература», Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.